

СБОРНИКЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВІИ

профессоровъ императорскаго С.-Петербургскаго университета: И. Е. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законовѣдѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), профессора академіи генеральнаго штаба Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ѳ. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

Томъ VI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

Bezobrazov, Vladymir Pavlovich,

СБОРНИКЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВІИ

ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: И. Е. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законовѣдѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ѳ. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

Томъ VI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Критика и библіографія.

Русская литература.

НѢМЕЦКІЕ СОЦІАЛИСТЫ.

Б. Н. ЧИЧЕРИНА.

2. КАРЛЪ МАРКСЪ [1]).

На одной почвѣ съ Лассалемъ стоитъ Карлъ Марксъ, извѣстный предсѣдатель Международнаго Товарищества Рабочихъ также какъ Лассаль, еврейскаго происхожденія. Ни по силѣ ума, ни по таланту, ни по разнообразію свѣдѣній, ни по философскому смыслу, онъ не можетъ сравняться съ Лассалемъ; но онъ сдѣлалъ то, о чемъ Лассаль только мечталъ: онъ далъ теоретическое построеніе соціальной утопіи. Книга его: *Капиталъ* [2]) служитъ высшимъ выраженіемъ нѣмецкаго ученаго соціализма. Хотя до сихъ поръ вышла только первая часть, на основаніи теоріи раскрываются здѣсь вполнѣ. По этой книгѣ мы можемъ видѣть, что̀ ученый соціализмъ въ состояніи дать. Важность предмета побуждаетъ насъ подвергнуть ее обстоятельному разбору и прослѣдить ту цѣпь умозаключеній, которою держится все это ученіе.

Способъ изслѣдованія Карла Маркса тотъ же самый, который мы видѣли у Лассаля. Это — діалектическая метода, наслѣдованная отъ Гегеля. Карлъ Марксъ прямо признаетъ себя уче-

---

[1]) См. первую часть этого труда «Лассаль» въ V томѣ Сб. Гос. Зн.

[2]) Карлъ Марксъ началъ издавать это сочиненіе въ 1859 году, отдѣльными тетрадями, подъ заглавіемъ: Zur Kritik der politischen Oekonomie. Это начало, въ новой обработкѣ, вошло въ изданную имъ въ 1867 году книгу: Das Kapital. Въ 1873 году эта книга вышла вторымъ изданіемъ, съ исправленною редакціею. Я пользуюсь этимъ послѣднимъ.

никомъ великаго мыслителя и говоритъ даже, что онъ въ своихъ основныхъ выводахъ кой-гдѣ кокетничалъ (!) гегелевскою терминологіею [1]). Гегелево начало противорѣчія онъ считаетъ „пружиною всякой діалектики“ [2]). Но рядомъ съ этимъ, онъ объявляетъ, что собственная его діалектическая метода прямо противоположна діалектикѣ Гегеля. У послѣдняго, умственный процессъ олицетворяется подъ именемъ идеи и становится творцомъ дѣйствительности, которая является только внѣшнимъ его выраженіемъ. По воззрѣнію же Маркса, истина лежитъ въ дѣйствительности, то есть, въ матеріальномъ мірѣ; все идеальное ничто иное какъ отраженное и опрокинутое въ человѣческой головѣ матеріальное бытіе. Поэтому, говоритъ онъ, діалектика Гегеля стоитъ на головѣ. Надобно ее перевернуть, чтобы раскрыть раціональную основу въ мистической оболочкѣ [3]).

Можно ожидать послѣ этого, что діалектика Гегеля явится отрицаніемъ дѣйствительности, а діалектика Маркса, напротивъ, возстановленіемъ дѣйствительности. Но выходитъ наоборотъ. Именно та діалектика, которая извращаетъ, или „ставитъ на голову“, истинныя отношенія вещей, раскрываетъ положительную сторону существующаго и выступаетъ, какъ его защитница, а та діалектика, которая существующее беретъ за основаніе, становится къ нему въ отрицательное отношеніе, указываетъ на необходимость погибели „каждой окрѣпшей формы въ потокѣ движенія“, однимъ словомъ, является „по существу своему критическою и революціонною“ [4]).

Такимъ образомъ, діалектика должна разомъ служить выраженіемъ крайняго матеріализма и крайняго идеализма; она должна, съ одной стороны, брать свою точку опоры въ дѣйствительности, считая ее за истинную свою основу, съ другой стороны, отрицать эту самую дѣйствительность во имя идеала, обрѣтающагося только въ человѣческой головѣ. Карлъ Марксъ повидимому не подозрѣваетъ, что онъ служитъ двумъ разнымъ божествамъ. Указаніе на погибель каждой окрѣпшей формы въ потокѣ движенія мы видѣли и у Лассаля; въ этомъ выражается одностороннее развитіе отрицательнаго элемента гегелевой діалектики. Но чисто матеріалистическихъ началъ мы у него не видали. Съ своимъ яснымъ философскимъ умомъ, Лассаль могъ иногда пользоваться

---

[1]) Das Kapital, стр. 822.
[2]) Тамъ же, стр. 619, прим. 41.
[3]) Тамъ же, стр. 821—822.
[4]) Тамъ же, стр. 822.

матеріалистическими доводами для своихъ цѣлей, но онъ не могъ смѣшивать два совершенно разнородныхъ направленія. Для человѣка, знакомаго съ философіею и умѣющаго связывать свои мысли, дѣйствительно трудно понять, какимъ образомъ матеріализмъ и соціализмъ могутъ совмѣщаться въ одной головѣ. Но въ дѣйствительности, это довольно обыкновенное явленіе.

При такомъ смѣшеніи понятій, не мудрено, что Карлъ Марксъ хочетъ свою діалектику выдать за результатъ опыта. Надобно отличать, говоритъ онъ, способъ изложенія отъ способа изслѣдованія. „Изслѣдованіе должно въ подробности усвоить себѣ матеріалъ, анализировать его различныя формы развитія и изыскать ихъ внутреннюю связь. Только когда совершена эта работа, можно представить истинное движеніе въ соотвѣтствующемъ видѣ. Если это удается, и жизнь матеріала отражается въ идеальной формѣ, то можетъ казаться, что мы имѣемъ дѣло съ конструкціею a priori“ [1]).

Въ дѣйствительности, при истинно научномъ ходѣ мыслей, это никогда казаться не можетъ. Основное положеніе должно быть доказано, и тутъ немедленно обнаруживается, откуда берется доказательство, изъ умозрѣнія или изъ опыта. Авторъ можетъ тысячу разъ увѣрять, что онъ, невидимо для читателя, извлекъ свое начало изъ самаго подробнаго фактическаго изслѣдованія; читатель, имѣющій понятіе о томъ, что̀ такое ученое изслѣдованіе, все-таки не повѣритъ: онъ знаетъ, что научное доказательство состоитъ именно въ обнаруженіи этого процесса извлеченія. Безъ этого, самое подробное фактическое изложеніе становится только придаткомъ, который освѣщается предвзятою мыслью, то есть, представляется въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Такимъ и является фактическій матеріалъ въ книгѣ Маркса. Въ выводѣ основныхъ положеній нѣтъ у него и тѣни фактическаго доказательства; затѣмъ, когда теорія построена, на этомъ основаніи воздвигается фактическое зданіе, которое, разумѣется, получаетъ тотъ видъ, какой автору угодно ему придать. Слѣдовательно, когда Карлъ Марксъ увѣряетъ, что его начала только кажутся выведенными a priori, то этимъ онъ обнаруживаетъ только, что у него нѣтъ для нихъ ни умозрительнаго, ни опытнаго доказательства. Онъ самъ не знаетъ, откуда они взяты. И точно, тутъ нѣтъ ни умозрѣнія, ни опыта, а есть только логи-

---

[1]) Das Kapital, стр. 821.

1*

ческіе фокусы, которые выкидываются для заданной напередъ цѣли. Читатель убѣдится въ этомъ, слѣдя шагъ за шагомъ за ходомъ мыслей автора.

Въ основаніе полагается анализъ стоимости товара. Товаръ, говоритъ Карлъ Марксъ, есть первоначальная клѣточка, изъ которой строится народное богатство. Наблюдать ее тѣмъ труднѣе, что мы не имѣемъ тутъ ни микроскопа, ни химическихъ реакцій. И то и другое должно быть замѣнено *силою отвлеченія* [1]. И такъ, вмѣсто наблюденія, мы начинаемъ съ отвлеченія. Что же такое товаръ?

Прежде всего, товаръ есть предметъ полезный человѣку, или служащій для потребленія. Полезность даетъ ему *потребительную стоимость* (Gebrauchswerth). Съ другой стороны, существо этого предмета состоитъ въ томъ, что онъ мѣняется на другіе. Въ этомъ состоитъ его *мѣновая стоимость* (Tauschwerth). Эта послѣдняя и составляетъ главный предметъ изслѣдованія.

Мѣновая стоимость выражается отношеніемъ равенства между двумя товарами, напримѣръ: 1 четверть пшеницы = x пудовъ желѣза. Но этимъ отношеніемъ не исчерпывается ея существо. Пшеница уравнивается не только съ желѣзомъ, но и съ множествомъ другихъ товаровъ; слѣдовательно, тутъ должно быть общее содержаніе, независимое отъ этихъ частныхъ способовъ выраженія. Въ каждомъ уравненіи непремѣнно предполагается нѣчто общее, третье, „что не есть ни то, ни другое“, но къ чему оба члена могутъ быть приведены. Товары отличаются другъ отъ друга своею потребительною стоимостью или полезностью; слѣдовательно, мѣновая стоимость, въ которой они полагаются равными, должна быть отлична отъ потребительной стоимости. Она получается отвлеченіемъ отъ послѣдней. Мѣновая стоимость, говоритъ Марксъ, не заключаетъ въ себѣ ни единаго атома потребительной стоимости [2].

Тутъ читатель останавливается и спрашиваетъ себя: да почему же это такъ? Что между двумя предметами, которые обмѣниваются, должно быть нѣчто общее, это несомнѣнно; но что это общее не должно быть *ни то ни другое*, это, повидимому, противорѣчитъ здравому смыслу: общимъ называется именно то, что есть вмѣстѣ *и то и другое*. Если мы спросимъ: что̀ есть

---

[1]) Das Kapital, Vorwort, стр. 4.
[2]) Тамъ же, стр. 9—12.

общаго между двумя товарами, которые обмѣниваются? то всякій здравомыслящій человѣкъ навѣрное отвѣтитъ: то, что оба полезны; поэтому они и мѣняются. Одному болѣе нужно одно, другому другое; но оба равно нужны. Если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ различной ихъ пользы, то останется общій элементъ полезности, потребительная стоимость вообще. Другаго ничего мы этимъ умозаключеніемъ получить не можемъ. Отвлеченіе отъ частнаго даетъ намъ однородное съ нимъ общее, родовой признакъ видовъ, а не что либо другое.

Но можетъ ли общая полезность служить основаніемъ для количественнаго сравненія? Это—другой вопросъ, но и на него нельзя не отвѣчать утвердительно. При всякой мѣнѣ, человѣкъ сравниваетъ ту пользу, которую онъ даетъ, съ тою, которую онъ получаетъ; это и служитъ ему побужденіемъ для мѣны. Степенью полезности предмета опредѣляется и то, что̀ покупатель готовъ за него дать; онъ дастъ больше за то, что̀ ему нужнѣе, меньше за то, что̀ ему менѣе нужно. По признанію всѣхъ экономистовъ, спросъ является однимъ изъ существенныхъ элементовъ при опредѣленіи цѣнности. Другой элементъ составляетъ возможность пріобрѣсти предметъ инымъ путемъ. Никто не дастъ больше, если онъ можетъ заплатить меньше. Этотъ второй элементъ, предложеніе, опредѣляется разными обстоятельствами, которыя необходимо разобрать для того, чтобы рѣшить вопросъ о цѣнности товаровъ. Это и дѣлаютъ экономисты. Простое же отвлеченіе отъ полезности не только не приведетъ насъ къ какому либо результату, но, напротивъ, уничтожитъ самое основаніе рѣшенія. Если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ *всякой* полезности, то исчезнетъ и цѣнность, ибо не будетъ и мѣны. Никто не мѣняетъ предметовъ, которые не нужны. Слѣдовательно, когда Карлъ Марксъ утверждаетъ, что мѣновая цѣнность не содержитъ въ себѣ ни единаго атома потребительной цѣнности, то это не только ничѣмъ не оправданный логическій скачекъ, но и прямое противорѣчіе тому, что ежедневно происходитъ при мѣнѣ товаровъ.

Что же однако остается въ товарѣ, если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ всякой полезности? Остается, говоритъ Карлъ Марксъ, *одно только* качество, именно, что оба предмета суть произведенія труда [1]). Тутъ читатель приходитъ въ еще большее недо-

---

[1]) Das Kapital, стр. 12.

умѣніе. Онъ объ трудѣ еще ничего не знаетъ. Почему же это единственное остающееся качество? Я, напримѣръ, покупаю лѣсъ и плачу за него золотомъ. Неужели, независимо отъ полезности этихъ предметовъ, единственное ихъ качество то, что они оба составляютъ произведенія труда? Но вѣдь они точно также, и еще въ гораздо большей степени — произведенія природы. Въ покупаемый мною лѣсъ, можетъ быть, не положено никакого труда, а я все-таки за него плачу, иногда даже очень дорого, смотря по обстоятельствамъ. Очевидно, трудъ берется тутъ какъ дѣятель производства; но самъ Карлъ Марксъ признаетъ, что онъ не единственный дѣятель: есть еще и природа [1]). Есть и капиталъ. Мѣняемые предметы могутъ сами быть капиталомъ, то есть, служить дѣятелями производства. Это—тоже составляетъ качество, которое даетъ имъ цѣнность. Почему же все это оставляется въ сторонѣ и берется одинъ трудъ? Потому что такъ угодно автору. Инаго отвѣта мы дать не можемъ. Пусть читатель переберетъ всѣ 822 страницы книги Карла Маркса; онъ другой причины не найдетъ. Вездѣ, въ послѣдующемъ изложеніи, положеніе, что мѣновая стоимость товаровъ опредѣляется исключительно трудомъ, принимается какъ доказанное; доказательство же состоитъ единственно въ томъ, что отбросивъ полезность товаровъ, мы получимъ въ остаткѣ одно только качество, именно, что они составляютъ произведеніе труда. И это выдается за строго научный выводъ! [2]) Читатель видитъ, что тутъ нѣтъ не только строгой науки, но даже и простаго смысла. Фактическій разборъ мѣновой стоимости устраняется совершенно; объ опытныхъ доказательствахъ нѣтъ и помину. Все сводится на логическій выводъ, но въ этомъ выводѣ не оказывается ни единаго атома логики. Какъ мы уже сказали, это не умозрѣніе и не опытъ, а просто фокусъ, посредствомъ котораго пускается пыль въ глаза читателя.

Англійскіе экономисты, также какъ Карлъ Марксъ, старались привести цѣнность товаровъ къ произведенной работѣ; но они дѣлали это на основаніи серіознаго анализа предмета. Анализъ былъ невѣренъ, ибо доходъ съ земли и процентъ съ капитала, которые, независимо отъ другихъ, измѣняющихся обстоятельствъ, постоянно опредѣляютъ цѣнность произведеній, не могутъ быть

---

[1]) Das Kapital, стр. 18.
[2]) Тамъ же, Nachw. стр. 813.

сведены къ работѣ. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, можно спорить, можно доказывать. Когда же авторъ просто утверждаетъ, что это такъ, и затѣмъ считаетъ дѣло доказаннымъ, то вопросъ идетъ уже не объ ученомъ спорѣ, а просто объ оцѣнкѣ умственныхъ способностей писателя.

Но пойдемъ далѣе. Допустимъ, что цѣнность товаровъ опредѣляется единственно трудомъ. Какимъ же трудомъ? Если мы устраняемъ полезность произведеній, говоритъ Карлъ Марксъ, то, очевидно, мы должны устранить и полезность производящей ихъ работы; съ первою исчезаетъ и послѣдняя. Полезная работа есть частный видъ работы, та или другая ея форма, а намъ нуженъ общій элементъ, работа вообще. Безраличная или отвлеченная работа есть работа, какъ трата человѣческихъ силъ. Она измѣряется временемъ, или своимъ продолженіемъ. Это и есть мѣрило всѣхъ цѣнностей, единица, къ которой онѣ приводятся [1]).

На этотъ разъ умозаключеніе правильно: сдѣлавши отвлеченіе отъ различія работы, мы получимъ работу вообще. Но тутъ является другое затрудненіе. Я могу проработать Богъ знаетъ сколько времени, но если я произвелъ вещь ни кому не нужную, то она все-таки не будетъ имѣть цѣнности, и трудъ мой пропалъ даромъ. Это признаетъ и Карлъ Марксъ. Слѣдовательно, работа, для того чтобы имѣть цѣнность, непремѣнно должна быть *полезна* [2]). Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы откидываемъ всякую полезность и утверждаемъ, что цѣнность опредѣляется работою, единственно какъ тратою рабочей силы, съ другой стороны, мы требуемъ, чтобы эта отвлеченная работа непремѣнно была полезна; то есть, мы въ заднюю дверь вводимъ то, что вытолкнули черезъ переднюю. Противорѣчіе тутъ явное, вопіющее, но авторъ ни мало этимъ не смущается, и ничего не замѣчая, продолжаетъ свое логическое шествіе.

Если цѣнность произведеній опредѣляется исключительно временемъ употребленной на нихъ работы, то очевидно, что всякая работа должна оплачиваться одинаково. Большее ли количество полезной стоимости работникъ производитъ въ данное время или меньшее, цѣна должна быть одна. Это также признаетъ Карлъ Марксъ. Производительная сила работы, говоритъ онъ, касается

---

[1]) Das Kapital, стр. 12—13.
[2]) Тамъ же, стр. 15—16, 64.

ея полезности, а отнюдь не ея цѣнности. Результатъ большей производительности только тотъ, что одна и таже цѣнность распредѣляется на большее количество товаровъ, вслѣдствіе чего послѣдніе становятся дешевле [1]). Но если такъ, то и качественно различная работа должна цѣниться одинаково. На этомъ основаніи, картина Рафаэля будетъ имѣть меньшую цѣну, нежели картина самаго бездарнаго труженика, если она написана въ болѣе скорое время. Тутъ нельзя сослаться и на то, что въ картинѣ Рафаэля оплачивается предъидущая приготовительная работа художника. Труженикъ и прежде могъ работать даже болѣе Рафаэля: генію достается легко то, чего труженикъ никогда не достигнетъ даже самою копотливою работою. Слѣдовательно, приходится или признать, что цѣнность произведеній опредѣляется не однимъ количествомъ, но и качествомъ работы, или отвергнуть самые очевидные и неотразимые факты, какъ не имѣющіе законнаго основанія. На послѣднее Карлъ Марксъ не рѣшается. Онъ, по своему обыкновенію, вводитъ противорѣчіе въ свою аргументацію, не заботясь объ его разрѣшеніи. Работу онъ раздѣляетъ на простую и сложную; послѣднюю онъ называетъ также *потенцированною* или *умноженною*, какъ будто качественное различіе исчерпывается количественнымъ отношеніемъ! Простая работа, по его мнѣнію, составляетъ единицу, которою измѣряются всѣ цѣнности; сложная же работа сводится къ простой, такъ что меньшее количество первой равняется большему количеству второй. Читатель спрашиваетъ: какъ же это возможно, когда мы имѣемъ дѣло съ безразличною работою, съ работою вообще, какъ тратою силъ? Потенцированною или умноженною можно назвать развѣ только болѣе производительную работу, но именно она-то и устраняется, какъ не имѣющая вліянія на цѣнность. Правда, въ другомъ мѣстѣ Карлъ Марксъ говоритъ, что „работа съ исключительною производительною силою дѣйствуетъ, какъ потенцированная работа, или производитъ въ одинакое время высшія цѣнности, нежели средняя общественная работа того же рода“ [2]); но это только увеличиваетъ противорѣчіе, и мы все-таки не узнаемъ, какимъ способомъ возможно разнокачественную работу привести къ единой количественной единицѣ. Самъ авторъ перестаетъ тутъ разсуждать, а просто ссылается на опытъ. „Что это

---

[1]) Das Kapital, стр. 15, 21.
[2]) Тамъ же, стр. 325.

приведенiе постоянно совершается, говоритъ онъ, это показываетъ опытъ. Извѣстный товаръ можетъ быть произведенiемъ самаго сложнаго труда, во всякомъ случаѣ его цѣнность уравниваетъ его съ произведенiемъ простой работы, а потому сама представляетъ только извѣстное количество простой работы. Различныя пропорцiи, въ которыхъ разнородныя работы сводятся на простую работу, какъ ихъ количественную единицу, установляются *извѣстнымъ общественнымъ процессомъ за спиною производителей*, а потому кажутся имъ вытекающими изъ обычая" [1]. На этомъ основанiи, Карлъ Марксъ считаетъ совершенно безполезнымъ далѣе трактовать о качественно высшей работѣ, ибо ее всегда можно привести къ простой.

Это, конечно, весьма легкiй способъ избавиться отъ затрудненiя. Но вопросъ состоитъ именно въ томъ: что же это за общественный процессъ, который происходитъ за спиною производителей? Если мы просто сошлемся на опытъ, то окажется, что не работа служитъ мѣриломъ цѣнностей, а деньги служатъ мѣриломъ работы, причемъ отношенiе одной работы къ другой опредѣляется отнюдь не свойствомъ или продолженiемъ самой работы, а нерѣдко совершенно посторонними обстоятельствами. Одна и таже картина, воплощающая въ себѣ мѣсячную работу художника, можетъ быть въ 100, въ 1,000 и въ 10,000 разъ цѣннѣе такого же количества простой работы, смотря по тому, извѣстенъ ли художникъ или нѣтъ, большой ли спросъ на его произведенiя или малый, живъ онъ или умеръ и т. п. Если же мы, вмѣстѣ съ Марксомъ, скажемъ, что общество, установляя цѣны, само не понимаетъ, чѣмъ оно руководится [2], то надобно объяснить истинную сущность этого процесса, и тогда опять возникаетъ вопросъ: чѣмъ измѣряются разнокачественныя работы? гдѣ единица для ихъ сравненiя? По теорiи Карла Маркса, когда мы говоримъ, что 20 аршинъ полотна равняются одному сюртуку, то это означаетъ, что въ обѣихъ цѣнностяхъ содержится одинакое количество рабочихъ дней; но когда мы говоримъ, что большее количество простой работы равняется меньшему количеству сложной, то есть, лучшей, то гдѣ же тутъ основанiе уравненiя? Чтобы восполнить недостающее количество, мы должны ввести другой элементъ, качество, элементъ несоизмѣримый съ количествомъ.

---

[1] Das Kapital, стр. 19.
[2] Тамъ же, стр. 51.

Не говоримъ уже о той нелѣпости, что большее количество служитъ единицею для меньшаго. Очевидно, что свести всѣ цѣнности къ единицѣ рабочаго дня можно только однимъ способомъ: совершенно устранивъ качество работы. Это и дѣлаетъ Карлъ Марксъ, когда онъ говоритъ, что цѣнность опредѣляется работою вообще, какъ тратою силы, независимо отъ ея качества. Но тогда не слѣдуетъ вводить опять качество заднею дверью, а надобно храбро признать, что картина Рафаэля имѣетъ меньшую цѣну, нежели произведеніе бездарнаго труженика, которое работалось дольше.

Однако и этимъ признаніемъ мы не спасемся отъ противорѣчій. Даже простая работа поденщика можетъ быть разнаго качества. Самъ Карлъ Марксъ замѣчаетъ, что по этой теоріи можетъ показаться, что чѣмъ лѣнивѣе и неспособнѣе человѣкъ, тѣмъ цѣннѣе его товаръ, ибо тѣмъ болѣе требуется времени для произведенія этого товара. Чтобы устранить это затрудненіе, приходится опять разнокачественную работу приводить къ общей единицѣ. „Работа, составляющая субстанцію цѣнностей, говоритъ Карлъ Марксъ, есть равная человѣческая работа, трата одной и тойже человѣческой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся въ цѣнностяхъ товарнаго міра, имѣетъ значеніе одной и тойже человѣческой рабочей силы, хотя она состоитъ изъ безчисленныхъ единичныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ единичныхъ силъ есть таже человѣческая рабочая сила, какъ и другія, на сколько она имѣетъ характеръ средней общественной рабочей силы и дѣйствуетъ, какъ таковая средняя общественная рабочая сила, слѣдовательно, употребляетъ на произведеніе товара только среднимъ числомъ необходимое или общественно необходимое время работы“ [1]).

Такимъ образомъ, для того чтобы найти единицу работы, мы принуждены сдѣлать новое отвлеченіе. Сначала мы откинули качество и взяли одно количество; теперь мы отбрасываемъ безконечное разнообразіе единичныхъ силъ и беремъ одну общую рабочую силу. Но это новое отвлеченіе имѣетъ уже иной характеръ, нежели первое. Тамъ мы брали одну сторону дѣйствительнаго предмета, откидывая другую; здѣсь же мы изъ области дѣйствительности переходимъ въ область фикціи. Ибо единая общественная рабочая сила ничто иное, какъ фикція; въ дѣй-

---

[1]) Das Kapital, стр. 13.

ствительности существуютъ только единичныя силы. Говоря объ общественной силѣ, мы не знаемъ даже, о какомъ обществѣ тутъ идетъ рѣчь. Объ отдѣльномъ государствѣ? Но обмѣнъ товаровъ существуетъ и между государствами. По этой теоріи, мы должны будемъ сказать, что на всемірномъ рынкѣ цѣна товаровъ опредѣляется среднимъ рабочимъ временемъ всего человѣческаго рода, какъ единой рабочей силы. Но вѣдь это чистая нелѣпость. Когда мы принимаемъ за мѣрило дѣйствительныхъ отношеній фиктивную и никому не извѣстную единицу, это означаетъ только, что мы совершенно сбились съ дороги. На дѣлѣ, цѣна товаровъ опредѣляется отнюдь не выводомъ средняго рабочаго времени для всего человѣческаго рода, а просто борьбою частныхъ силъ. Болѣе дешевые товары вытѣсняютъ съ рынка болѣе дорогіе. Конкурренція же происходитъ вовсе не оттого, что разнообразныя силы сводятся къ одной, а именно оттого, что силы разныя.

Съ фиктивною единицею общественной рабочей силы связано и другое превращеніе. Если до сихъ поръ читатель могъ думать, что мѣриломъ цѣнностей служитъ дѣйствительно исполненная работа, то теперь онъ долженъ въ этомъ разубѣдиться. Не дѣйствительная, а *потребная*, или, какъ выражается Карлъ Марксъ, *общественно-необходимая* работа опредѣляетъ цѣну произведеній. Но общественно-необходимая работа не есть постоянная единица. Какъ признаетъ и самъ Карлъ Марксъ, это—мѣрило, безпрерывно измѣняющееся. Сегодня для производства извѣстнаго товара нужно извѣстное количество работы, а завтра, вслѣдствіе новаго изобрѣтенія, нужна только половина. Не смотря на то что прежній рабочій день перешелъ уже въ цѣну товара, если этотъ товаръ еще не потребленъ, а вращается на рынкѣ, цѣна его, слѣдовательно и употребленная на него работа, сокращается на половину. Излишекъ работы пропалъ даромъ [1]). Поэтому, когда Карлъ Марксъ утверждаетъ, что въ цѣнѣ товаровъ изображается окрѣпшее рабочее время (festgeronnene Arbeitszeit), то это противорѣчитъ собственнымъ его выводамъ: работа вовсе не окрѣпла въ цѣнѣ, а напротивъ, постоянно съ нею измѣняется, хотя она уже произведена и повидимому измѣняться уже не можетъ. Надобно притомъ замѣтить, что общественно-необходимое рабочее время не есть время, потребное для производства того или другаго отдѣльнаго товара, а время, потребное для произ-

---

[1]) Das Kapital, стр. 86.

водства всей совокупности извѣстнаго товара, нужнаго обществу. Время, потребное для производства отдѣльной штуки, можетъ остаться прежнее, но если произведено болѣе потребнаго количества, то считается все-таки только необходимое для удовлетворенія потребности время, которое теперь распредѣляется на большее количество товара. Какъ рабочая сила, такъ и весь находящійся на рынкѣ товаръ считается одною статьею, которой общая цѣна распредѣляется по отдѣльнымъ предметамъ, сообразно съ общимъ ихъ количествомъ [1]). Поэтому и наоборотъ, если количество товара меньше нужнаго, товаръ все-таки считается произведеніемъ необходимой для общества работы, хотя эта работа вовсе и не была произведена; въ этомъ случаѣ, цѣна товара стоитъ выше, нежели дѣйствительно употребленная на нее работа.

Ясно, что при такомъ взглядѣ, работа перестаетъ имѣть самостоятельное значеніе. Дѣйствительная работа превратилась въ воображаемую, воображаемая же сумма работы опредѣляется суммою предметовъ необходимыхъ для удовлетворенія потребностей, то есть, полезныхъ. Изъ области фикціи мѣрило опять переходитъ въ дѣйствительность, но уже въ дѣйствительность, опредѣляемую полезною стоимостью, а не трудомъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ мы получаемъ совершенно противоположное тому, что̀ мы имѣли въ началѣ. Точкою отправленія было отвлеченіе отъ всякой потребительной стоимости; мы изъ области чувственной вознеслись въ область сверхъчувственную, или даже сверхъестественную, по выраженію Карла Маркса [2]). Но тутъ, идя отъ отвлеченія къ отвлеченію, мы пришли наконецъ къ чистой фантасмагоріи, ускользающей отъ всякаго опредѣленія, и когда мы захотѣли что нибудь уловить, мы не нашли ничего, кромѣ отвергнутой нами потребительной стоимости. Не даромъ Карлъ Марксъ говоритъ, что при анализѣ, товаръ оказывается „исполненнымъ метафизическихъ тонкостей и богословскихъ призраковъ“, какимъ-то „общественнымъ іероглифомъ“, который надобно разгадывать. При такомъ способѣ изслѣдованія немудрено, что тотъ же товаръ, по выраженію Маркса, „изъ своей деревянной головы выкидываетъ штуки, гораздо болѣе удивительныя, нежели если

---

[1]) Das Kapital, стр. 86.

[2]) Тамъ же, стр. 33: «eine übernatürliche Eigenschaft»; и на стр. 48: «sobald er als Waare auftritt, verwandelt er sich in ein sinnlich übersinnliches Ding».

бы онъ вдругъ самъ собою началъ плясать“ [1]). Но Марксъ неправъ, когда онъ весь этотъ мистическій туманъ и вытекающія изъ него противорѣчія приписываетъ самой формѣ производства, выражающейся въ товарѣ [2]). Противорѣчія существуютъ только въ головѣ автора, и эта самая голова производитъ богословскіе призраки и всѣ эти штуки, болѣе удивительныя, нежели еслибы товаръ началъ самъ собою плясать. Дѣйствительное производство цѣнностей тутъ ровно не при чемъ.

И это еще не высшій цвѣтъ этой новаго рода діалектики. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ еще болѣе изумительныя штуки.

Утвердивши мѣновую цѣнность на такой метафизической пляскѣ товара, Карлъ Марксъ переходитъ къ превращенію товара въ деньги. Тутъ дѣло кажется довольно просто. Деньги служатъ орудіемъ мѣны, выраженіемъ мѣновой цѣнности; слѣдовательно, по теоріи автора, онѣ являются воплощеніемъ отвлеченной человѣческой работы. Но Карлъ Марксъ этимъ не довольствуется; онъ опять хочетъ быть глубокомысленнымъ и, по своему обыкновенію, запутывается въ противорѣчія, изъ которыхъ нѣтъ исхода.

По теоріи Маркса, цѣна мѣняемыхъ товаровъ выражается въ уравненіи, которое означаетъ, что количество работы въ обоихъ одно и тоже. Казалось бы, тутъ нѣтъ ничего, кромѣ чисто количественнаго отношенія равенства. Но будучи воспитанъ на нѣмецкой философіи, Карлъ Марксъ видитъ тутъ полярность, то есть, качественную противоположность. Одинъ товаръ, говоритъ онъ, выражаетъ свою цѣнность въ другомъ; слѣдовательно, первый играетъ дѣятельную, а второй страдательную роль. Первый является, какъ *относительная стоимость*, второй, какъ *эквивалентъ* [3]). Можно возразить, что во всякой мѣнѣ это отношеніе обоюдное. Правда, говоритъ Карлъ Марксъ; но для того чтобы цѣну втораго товара выразить въ первомъ, надобно переставить термины, и тогда первый становится эквивалентомъ [4]). Читатель понимаетъ, что эта перестановка совершается на бумагѣ, а въ дѣйствительности отношеніе остается тоже. Какъ ни переставляй

---

[1]) Das Kapital, стр. 47—48.
[2]) Тамъ же, стр. 53, 82.
[3]) Тамъ же, стр. 23.
[4]) Тамъ же, стр. 24.

термины уравненія, оно все-таки выражаетъ собою равенство и ничего болѣе.

Въ чемъ же однако, по мнѣнію Маркса, состоитъ качественная противоположность относительной стоимости и эквивалента? Въ этомъ, по его увѣренію, выражается опять же извѣстная намъ противоположность цѣнности и полезности, или мѣновой и потребительной цѣнности. Послѣдняя была устранена съ самаго начала. Сами товары, устами Карла Маркса, говорятъ намъ: „наша потребительная стоимость можетъ интересовать человѣка; намъ, какъ вещамъ, она не принадлежитъ... Мы относимся другъ ко другу, только какъ мѣновыя стоимости“ [1]). Но не смотря на то, потребительная стоимость опять и опять вводится въ отношеніе цѣнностей. Полярность терминовъ состоитъ именно въ томъ, что мѣновая стоимость одного выражается въ потребительной стоимости другаго. И этимъ не ограничивается противорѣчіе. Не только здѣсь тайкомъ вводится начало, которое было формально устранено, но самые противоположные термины неожиданно превращаются другъ въ друга. Объясняя то, что онъ называетъ относительною стоимостью, Карлъ Марксъ прямо говоритъ, что въ ней выражается цѣнность, а въ эквивалентѣ полезность. „Стоимость (мѣновая) товара А, выраженная въ потребительной стоимости товара В, имѣетъ форму относительной стоимости“ [2]). Это объясняется тѣмъ, что для продавца, на точку зрѣнія котораго мы становимся при этомъ сравненіи, отдаваемый имъ товаръ представляетъ не полезность, а цѣнность; напротивъ, получаемый товаръ имѣетъ для него полезность [3]). Но къ концу длиннаго и утомительнаго разсужденія, которое вращается болѣе въ области тавтологіи, вдругъ оказывается, что полезность представляется относительною стоимостью, а цѣнность эквивалентомъ. „Скрывающаяся въ товарѣ внутренняя противоположность потребительной стоимости и цѣнности, говоритъ Карлъ Марксъ, выражается внѣшнею противоположностью, то есть, отношеніемъ двухъ товаровъ, въ которомъ одинъ товаръ, котораго цѣнность должна быть выражена, непосредственно имѣетъ значеніе, только какъ потребительная стоимость, а другой товаръ напротивъ, въ которомъ выражается цѣнность, имѣетъ непо-

---

[1]) Das Kapital, стр. 61.
[2]) Тамъ же, стр. 28.
[3]) Тамъ же, стр. 66.

средственно значеніе, только какъ мѣновая стоимость“ [1]). Какимъ образомъ совершилось это превращеніе, остается для читателя тайною. Можно думать, что оно произошло и безъ вѣдома автора, ибо отъ этого ему нѣтъ никакой выгоды. Это просто логическая игра, въ которой неумѣлый игрокъ никогда не знаетъ, гдѣ у него наконецъ очутится понятіе.

Какъ бы то ни было, въ результатѣ выходитъ, что деньги, какъ общій эквивалентъ, служатъ чистымъ выраженіемъ мѣновой стоимости, или воплощеніемъ отвлеченной человѣческой работы [2]). Самъ Карлъ Марксъ признаетъ это выраженіе нелѣпымъ (verrückt), но онъ утверждаетъ, что мѣщанское производство не можетъ не выражаться въ нелѣпыхъ формахъ [3]). И такъ, цѣнность золота означаетъ количество потребнаго для добыванія его рабочаго времени и выражается въ томъ количествѣ всякаго другаго товара, на производство котораго требуется столько же времени [4]). Цѣна товара есть, поэтому, денежное названіе осуществленной въ немъ работы. „Однако, говоритъ Карлъ Марксъ, если цѣна, какъ показатель количественной стоимости товара (т. е. положенной въ него работы), есть показатель его мѣноваго отношенія къ золоту, то не слѣдуетъ наоборотъ, что показатель его мѣноваго отношенія къ золоту необходимо есть показатель его количественной стоимости“. *Обстоятельства* могутъ заставить понизить настоящую цѣну или дозволить ея возвышеніе, и тогда денежная цѣна товара перестаетъ соотвѣтствовать истинной ея стоимости. Можетъ даже случиться, что денежная цѣна товара не только количественно, но и качественно отличается отъ его стоимости. Человѣкъ получаетъ иногда плату за то, что̀ не представляетъ собою никакой работы, напримѣръ, за поступки противные чести и совѣсти. Въ такомъ случаѣ, цѣна становится мнимою величиною. Карлъ Марксъ приписываетъ эти уклоненія капиталистической формѣ производства, въ которой общее правило является, только какъ слѣпой законъ, установляющій среднюю норму неправильныхъ отношеній [5]). Но мы не можемъ не видѣть здѣсь признанія, что цѣна товаровъ опредѣляется не однимъ рабочимъ временемъ, но и другими

---

[1]) Das Kapital, стр. 37.
[2]) Тамъ же, стр. 71—72.
[3]) Тамъ же, стр. 53.
[4]) Тамъ же, стр. 70.
[5]) Тамъ же, стр. 80—81.

обстоятельствами. Между тѣмъ, опредѣленіе мѣновой стоимости исключительно рабочимъ временемъ было выведено, какъ абсолютный законъ, независимо отъ какой бы то ни было формы производства. Намъ было сказано, что уравненіе, въ которомъ выражается мѣна, означаетъ, что въ обоихъ терминахъ заключается одинаковое количество рабочаго времени. Принявши это начало, мы непремѣнно должны признать, что въ денежной цѣнѣ товара выражается его мѣновая стоимость, или количество заключающагося въ немъ рабочаго времени, и ничего болѣе. Сколько бы мы ни сравнивали между собою величинъ и съ котораго бы конца мы ни начинали, отношеніе равенства все-таки остается отношеніемъ равенства. Сказать же, что мѣновая стоимость выражается въ цѣнѣ товара, но цѣна товара не всегда выражаетъ мѣновую стоимость, это все равно, что еслибы, говоря, напримѣръ, объ измѣреніи стола, мы сказали, что начавши съ одного конца, выдетъ два аршина, а начавши съ другаго, можетъ, пожалуй, выйти и три. Противорѣчіе тутъ опять не въ предметѣ, а единственно въ теоріи автора.

Къ такой же нелѣпости онъ приходитъ, когда онъ несоотвѣтствіе цѣны съ истинною стоимостью товара объясняетъ тѣмъ, что *субстанція* цѣны, то есть, воплощенная въ произведеніи работа, можетъ, при перемѣнѣ формы, то есть, при обмѣнѣ, утрачиваться или убавляться [1]). Такого исчезновенія или приращенія субстанціи наука не знаетъ. Это — чудодѣйственное твореніе изъ ничего или превращеніе въ ничто. Не даромъ Карлъ Марксъ относитъ цѣну товаровъ къ сверхъ-естественному міру.

Изслѣдовавши такимъ образомъ превращеніе мѣновой стоимости въ деньги, Карлъ Марксъ изслѣдуетъ затѣмъ превращеніе денегъ въ капиталъ. Это – краеугольный камень всей системы, и здѣсь авторъ радикально расходится со всѣми „мѣщанскими экономистами". Послѣдніе подъ именемъ капитала разумѣютъ всякое произведеніе, обращенное на новое производство; но Карлъ Марксъ, возвращаясь къ понятіямъ древнихъ, видитъ въ капиталѣ только деньги, приносящія проценты, или рождающія молодыхъ, по выраженію Аристотеля [2]). Будучи пущенъ въ оборотъ, капиталъ превращается и въ товаръ, но съ тѣмъ только, чтобы снова превратиться въ деньги. Товарная форма для него переходная,

---

[1]) Das Kapital, стр. 87.
[2]) Тамъ же, стр. 135, прим.; также стр. 137, 149.

денежная же форма—начало и конецъ его движенія [1]). Этимъ обращеніе капитала существенно отличается отъ собственно товарнаго обращенія. Въ послѣднемъ, товаръ составляетъ начало и конецъ оборота. Производитель продаетъ товаръ и на полученныя деньги покупаетъ новый товаръ, который ему нуженъ для потребленія. Слѣдовательно, это—обмѣнъ двухъ равноцѣнныхъ товаровъ черезъ посредство денегъ. Формула этого оборота слѣдующая: Товаръ—Деньги—Товаръ. Цѣлью является здѣсь потребленіе, чѣмъ и кончается весь процессъ. Оборотъ капитала, напротивъ, изображается формулою: Деньги—Товаръ—Деньги. Цѣлью здѣсь не можетъ быть обратное полученіе денегъ, ибо подобный оборотъ не имѣлъ бы смысла. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы на пущенныя въ оборотъ деньги получить *прибыль*, или избытокъ цѣны (Mehrwerth). Посредствомъ оборота капиталъ наростаетъ, и это нарощеніе не имѣетъ предѣла, ибо каждый завершившійся оборотъ становится началомъ другаго [2]). Эта форма оборота, говоритъ Карлъ Марксъ, повидимому принадлежитъ только купеческому капиталу; но она точно также свойственна и всякому промышленному капиталу. Вездѣ на деньги покупаются товары, которые опять продаются въ другомъ видѣ. Въ капиталѣ, который отдается въ ростъ, эта форма является во всей своей чистотѣ, въ сокращенномъ видѣ. Тутъ прямо выражается истинное существо капитала: это—деньги, рождающія деньги [3]).

Читатель спрашиваетъ: гдѣ же мы послѣ этого найдемъ простое товарное обращеніе, которое противополагается денежному? Если мы возьмемъ приведенный Марксомъ примѣръ крестьянина-производителя, который продаетъ хлѣбъ, съ тѣмъ чтобы купить платье, то мы увидимъ, что и крестьянинъ для производства хлѣба долженъ былъ сначала положить деньги. Положимъ, что земля досталась ему неизвѣстнымъ способомъ; но все же надобно купить земледѣльческія орудія, скотъ, матеріалы для хозяйственныхъ построекъ, можетъ быть, и сѣмена. Самыя вырученныя за товаръ деньги онъ не всѣ употребляетъ на покупку необходимыхъ для домашней жизни предметовъ; часть ихъ онъ снова обращаетъ на производство. Но и купецъ-капиталистъ дѣлаетъ

---

1) Das Kapital, стр. 137.
2) Тамъ же, стр. 129—136.
3) Тамъ же, стр. 138.

тоже самое: часть своей прибыли онъ употребляетъ на свою собственную жизнь, а другую прилагаетъ къ капиталу и пускаетъ въ новый оборотъ. Разница между обоими способами обращенія состоитъ единственно въ томъ, что въ первомъ случаѣ Карлъ Марксъ произвольно начинаетъ съ товара, какъ будто товаръ упалъ съ неба, и также произвольно кончаетъ потребленіемъ, не обращая вниманія на ту часть выручки, которая идетъ на новое производство; въ другомъ же случаѣ, онъ дѣлаетъ наоборотъ: онъ произвольно начинаетъ съ денегъ, какъ будто деньги упали съ неба, и обращаетъ вниманіе исключительно на ту часть прибыли, которая снова пускается въ оборотъ. Истинная же разница состоитъ не въ томъ, что мы произвольно начнемъ съ того или другаго конца, а въ томъ, что однѣ траты дѣлаются для потребленія, а другія для производства. Послѣднія и составляютъ капиталъ, безъ котораго ни одно производство обойтись не можетъ. Видѣть капиталъ въ однихъ деньгахъ, это значитъ возвращаться къ первобытнымъ временамъ политической экономіи. Древніе могли съ презрѣніемъ смотрѣть на торговую прибыль и на денежный процентъ, также какъ они вообще съ презрѣніемъ смотрѣли на физическій трудъ: у нихъ достойнымъ гражданина считалось только управленіе домомъ и занятіе государственными дѣлами. Но перенесеніе этихъ понятій на новое время лишено всякаго смысла.

И это еще ничего. Самое любопытное то, что Карлъ Марксъ, выдавая денежное обращеніе за источникъ приращенія капитала, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ это приращеніе невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣна товаровъ опредѣляется потребною на производство ихъ работою, то сколько ни превращай товаръ въ деньги и деньги въ товаръ, цѣна останется все одна и таже. Это мы и видимъ въ простомъ товарномъ обращеніи: купленный для потребленія товаръ равняется по цѣнѣ проданному товару. Разница состоитъ не въ мѣновой, а въ потребительной ихъ цѣнности: одному нужно одно, другому другое; оттого и происходитъ мѣна. Только для болѣе удобнаго сравненія она совершается черезъ посредство денегъ. Поэтому и въ денежномъ обращеніи конецъ долженъ быть равенъ началу. Сколько бы мы ни вставляли посредствующихъ уравненій, все же мы не получимъ ничего, кромѣ отношенія равенства. Обращеніе, говоритъ Карлъ Марксъ, не рождаетъ цѣны, и весь этотъ посредствующій процессъ ничто

иное какъ фокусъ, ибо потребитель можетъ прямо купить товаръ у производителя [1]). Купецъ вставляется между ними, какъ паразитъ, и весь его барышъ объясняется только тѣмъ, что онъ обсчитываетъ того и другаго. По чистымъ экономическимъ законамъ, тутъ прибыли быть не можетъ [2]).

Какъ же однако, спрашиваетъ въ изумленіи читатель: развѣ купцу не нужно ни хлопотъ, ни издержекъ, для того чтобы произведенный, иногда за тридевять земель, товаръ доставить потребителю? Развѣ всякій, кто нуждается въ чаѣ или хлопкѣ, можетъ идти за ними въ Китай или въ Америку? Даже производитель, который живетъ подъ бокомъ, не продаетъ своихъ товаровъ въ розницу. Розничная продажа требуетъ опять же хлопотъ и издержекъ. Производитель спѣшитъ сбыть свой товаръ оптомъ, съ тѣмъ чтобы вырученныя деньги опять обратить на производство. Слѣдовательно, посредничество необходимо, а оно сопряжено съ издержками, съ хлопотами, съ рискомъ. Нужны постройки, корабли, склады; купецъ долженъ ѣздить, покупать, расчитывать. Неужели онъ за все это не получитъ вознагражденія, и проданный имъ товаръ долженъ, по экономическимъ законамъ, оставаться въ той цѣнѣ, по какой онъ его купилъ? Казалось бы, достаточно поставить эти вопросы, чтобы получить на нихъ отвѣтъ. Объ этомъ слишкомъ громко говорятъ и наука, и здравый смыслъ, и ежедневный опытъ. Но Карлъ Марксъ, въ глаза наукѣ, здравому смыслу и опыту, храбро утверждаетъ, что купецъ ничто иное какъ паразитъ, и что обращеніе товаровъ никогда не можетъ породить приращенія цѣнности.

Если мы взглянемъ на другую форму прибыли, на процентъ съ капитала, отдаваемаго въ займы, то мы увидимъ тоже самое. Капиталъ, лежащій въ сундукахъ, скопляемый въ видѣ сокровища, процента не приноситъ: почему же онъ приращается, когда онъ пускается въ оборотъ? По той же самой причинѣ, по какой получаетъ вознагражденіе и человѣческая работа: потому что онъ становится *полезнымъ*. По собственному признанію Карла Маркса, только та работа имѣетъ цѣну, которая служитъ на пользу другаго [3]); тоже самое прилагается и къ деньгамъ. Заемщику нужны деньги; если онъ ихъ не получитъ, онъ принужденъ будетъ пре-

---

[1]) Das Kapital, стр. 139—142.
[2]) Тамъ же, стр. 148, 149.
[3]) Тамъ же, стр. 64.

кратить свое производство; онъ, можетъ быть, даже пойдетъ по міру. Въ этой нуждѣ онъ обращается къ тому, у кого деньги есть. Но промышленность — не благотворительное учрежденіе. Если капиталистъ, по экономическимъ законамъ, долженъ выдать деньги на рискъ, съ тѣмъ чтобы черезъ Богъ знаетъ сколько времени получить ихъ обратно въ томъ-же количествѣ, онъ скажетъ себѣ, что гораздо лучше оставить ихъ безопасно въ сундукѣ. Въ силу этихъ такъ называемыхъ экономическихъ законовъ, заемщикъ не получитъ денегъ и разорится. Но если нуждающемуся въ деньгахъ и капиталисту прійдетъ въ голову нарушить экономическій законъ и установить плату за пользованіе деньгами, то это будетъ выгодно для обоихъ. Разница между копителемъ сокровища и капиталистомъ, говоритъ Карлъ Марксъ, состоитъ въ томъ, что первый поступаетъ глупо, а второй умно [1]). Дѣйствительно такъ, но въ чемъ же состоитъ глупость перваго и проницательность втораго? Почему въ одномъ случаѣ капиталъ не приращается, а во второмъ приращается? Просто, потому что въ первомъ случаѣ онъ остается безъ пользы, а во второмъ онъ становится полезнымъ! — Однако, возразятъ, капиталистъ не производитъ никакой работы, а по принятой теоріи, одна работа опредѣляетъ цѣну произведеній. — Но кто же виноватъ, если ваша теорія оказывается негодною? Вольно вамъ произвольно принимать въ расчетъ только пользу, приносимую работою, а не пользу, приносимую капиталомъ!

Карлъ Марксъ понимаетъ однако, что однимъ обсчитываніемъ нельзя объяснить такое всеобщее явленіе, какъ процентъ съ капитала. Надобно вывести это явленіе изъ внутреннихъ законовъ обмѣна товаровъ [2]). Но ни торговый капиталъ, ни кредитъ не представляютъ для этого данныхъ. Поэтому, Карлъ Марксъ обращается къ другой промышленной формѣ, къ фабричному производству, которое ведется посредствомъ найма рабочихъ. Капиталистическое производство, говоритъ онъ, начинается тамъ, гдѣ съ одной стороны являются чистые капиталисты, а съ другой свободно нанимающіеся рабочіе, то есть, не ранѣе XVI вѣка [3]). Такимъ образомъ, тѣ формы, которыя самъ Карлъ Марксъ при-

---

[1]) Das Kapital, стр. 136.

[2]) Тамъ же, стр. 150: «die Verwandlung des Geldes in Kapital ist auf Grundlage dem Waarenaustausch immanenter Gesetze zu entwickeln, so dass der Austausch von Aequivalenten als Ausgangspunkt gilt».

[3]) Тамъ же, стр. 128, 152—155.

знаетъ первоначальными и древнѣйшими [1]), торговый капиталъ и кредитъ, остаются необъясненными. Капиталъ существовалъ тысячелѣтія и приносилъ проценты, и все это совершалось наперекоръ экономическимъ законамъ! Авторъ не заботится даже о томъ, чтобы дать объясненіе общее всѣмъ формамъ. Когда ему нужно доказать, что капиталъ не можетъ приращаться оборотомъ, онъ беретъ одинъ торговый капиталъ, а когда ему нужно доказать, что приращеніе происходитъ посредствомъ эксплуатаціи рабочихъ, онъ беретъ одинъ фабричный капиталъ, не обращая вниманія на то, что приложимое къ послѣднему не относится къ первому.

Фабричное производство, по мнѣнію Карла Маркса, имѣетъ то спеціальное свойство, что тутъ покупается особаго рода товаръ, рабочая сила, которая не только сама имѣетъ цѣну, но и становится источникомъ новыхъ цѣнностей [2]). Карлъ Марксъ тщательно старается доказать, что капиталистъ покупаетъ не работу, а именно рабочую силу. Когда совершается продажа, говоритъ онъ, работа еще не существуетъ, слѣдовательно, не можетъ быть продана, а когда работа начинается, она уже продана, слѣдовательно, не принадлежитъ болѣе работнику. Работа есть субстанція и внутреннее мѣрило цѣнъ, но сама она не имѣетъ цѣны. Поэтому, обыкновенно употребляемый терминъ: *цѣна работы* есть только фиктивное выраженіе. Въ дѣйствительности, цѣну имѣетъ одна рабочая сила, которая и продается на рынкѣ [3]).

Если читатель воображалъ, что рабочая сила продается на рынкѣ только въ странахъ, гдѣ существуетъ рабство, то теперь онъ долженъ въ этомъ разубѣдиться. Напрасно мы стали бы указывать на то, что рабочая сила, по собственному признанію автора, остается постояннымъ достояніемъ рабочаго [4]), а продается только временное ея употребленіе, то есть, именно работа, ибо самъ авторъ опредѣляетъ работу, какъ *употребленіе* рабочей силы [5]). Напрасно также мы стали бы доказывать, что самое употребленіе рабочей силы, въ отличіе отъ найма домовъ, машинъ, и т. п., не отдается въ руки капиталиста, ибо работ-

---

[1]) Das Kapital, стр. 128, 148.
[2]) Тамъ же, стр. 151—152.
[3]) Тамъ же, стр. 556—557.
[4]) Тамъ же, стр. 152—153.
[5]) Тамъ же, стр. 163.

никъ самъ прилагаетъ свою волю и свое вниманіе къ дѣлу, и самъ употребляетъ свои члены для производства работы. Напрасно мы устранили бы и дѣтское возраженіе, что работа на рынкѣ не можетъ продаваться, потому что она еще не существуетъ, указаніемъ на подряды, гдѣ продаются произведенія еще не существующія. Напрасно, наконецъ, мы стали бы доказывать, что отвергать цѣнность употребленія или траты рабочей силы, то есть, именно того, что можетъ передаваться и переходить въ цѣнность товаровъ, и признавать цѣнность источника этой траты, самой рабочей силы, которая преспокойно остается въ тѣлѣ работника, есть чистая безсмыслица. Къ чему тутъ разсужденія, когда самъ Карлъ Марксъ, въ десяти мѣстахъ своего сочиненія, признаетъ, что работникъ отдаетъ капиталисту не рабочую силу, а именно извѣстную сумму работы, опредѣляемую временемъ? Такъ, на стр. 172 мы читаемъ: „покупщику товара принадлежитъ употребленіе товара, и владѣлецъ рабочей силы, отдавая свою работу, отдалъ въ сущности только проданную имъ потребительную стоимость“ (Gebrauchswerth). На стр. 562: „потребительная стоимость, которую работникъ отдаетъ капиталисту, въ дѣйствительности не есть его рабочая сила, а ея отправленіе, извѣстная полезная работа“. На стр. 564: „но ясно, что смотря по длинѣ рабочаго дня, то есть, по количеству исполненной въ теченіи дня работы, таже самая поденная или недѣльная плата можетъ представлять совершенно разную цѣну работы, то есть, совершенно разныя денежныя суммы за тоже количество работы“. На стр. 153, въ примѣчаніи, Карлъ Марксъ дѣлаетъ даже выписку изъ философіи права Гегеля, гдѣ говорится: „изъ моихъ особенныхъ тѣлесныхъ и духовныхъ способностей и возможностей дѣятельности, я могу отчуждать другому ограниченное во времени *употребленіе,* потому что въ силу этого ограниченія, они получаютъ внѣшнее отношеніе къ моей всецѣлости и общности. Отчужденіемъ же всего моего конкретнаго рабочаго времени и всецѣлости моихъ произведеній, я сдѣлалъ бы самую ихъ сущность, мою общую дѣятельность и дѣйствительность, то есть, мою личность, собственностью другаго“. И послѣ всего этого, Карлъ Марксъ все-таки утверждаетъ, что продается не работа, а рабочая сила, что первая не имѣетъ цѣны, а послѣдняя имѣетъ!!

Зачѣмъ же однако нужна автору вся эта безсмыслица? Затѣмъ, что безъ этого ничего не выдетъ. Если мы скажемъ, что продается работа и спросимъ объ ея цѣнѣ, то по предъидущей

теоріи; отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. Цѣною работы называется выраженіе ея въ деньгахъ, а мы знаемъ, что цѣна денегъ служитъ чистымъ выраженіемъ рабочаго времени. Слѣдовательно, вопросъ рѣшается очень просто. Если, напримѣръ, количество золота, равное одному рублю, представляетъ собою одинъ рабочій день, то ясно, что цѣна рабочаго дня равняется одному рублю, и это имѣетъ силу для всего земнаго шара. Ничего другаго изъ этой теоріи вывести нельзя. Это — чистая математика: если А = В, то В = А. Но именно этого-то и желательно избѣгнуть. Требуется доказать, что если А равно В, то В вовсе не равно А. Для этого-то и нужно цѣну работы замѣнить цѣною рабочей силы, и тогда можно разсуждать такимъ образомъ: рабочая сила продается, какъ товаръ; цѣна всякаго товара опредѣляется суммою работы, потребной на его производство; для производства и поддержанія рабочей силы требуются извѣстныя жизненныя средства, а для производства этихъ средствъ опять нужна работа; слѣдовательно, цѣна рабочей силы опредѣляется среднею суммою работы, потребной для производства необходимыхъ для работника жизненныхъ средствъ. Положимъ напримѣръ, что для дневнаго содержанія работника и его семейства требуется 6 часовъ или полъ-дня работы, что̀ въ деньгахъ выражается однимъ талеромъ. Въ такомъ случаѣ, цѣна одного рабочаго дня будетъ равняться одному талеру или шестичасовой работѣ [1]. А такъ какъ рабочій день равняется двѣнадцати часамъ, то выходитъ, что одинъ талеръ представляетъ собою и шестичасовую и двѣнадцатичасовую работу. Половина рабочаго дня равняется цѣлому рабочему дню.

Читатель видитъ, къ чему мы приходимъ вслѣдствіе замѣны цѣны работы цѣною рабочей силы. Еслибы мы прямо сказали, что „12 часовъ работы мѣняются на 10, на 6 и т. д. часовъ работы“, то подобное „уравненіе неравныхъ величинъ, какъ говоритъ самъ Марксъ, не только уничтожило бы всякое опредѣленіе цѣны, но такое само себя уничтожающее противорѣчіе не могло бы даже вообще быть высказано или формулировано, какъ законъ“ [2]). Здѣсь же мы косвеннымъ путемъ приходимъ къ тому же выводу. По признанію самого Маркса, „мы получаемъ съ перваго взгляда нелѣпый результатъ, что работа, которая произ-

---

[1]) Das Kapital, стр. 155 — 158.
[2]) Тамъ же, стр. 556.

водитъ цѣнность въ 6 шиллинговъ, сама имѣетъ только цѣнность 3-хъ шиллинговъ“ [1]). Но вставивши посредствующимъ членомъ другую нелѣпость, именно, замѣну цѣны работы цѣною рабочей силы, мы первую нелѣпость можемъ нѣкоторымъ образомъ скрыть отъ взоровъ неопытнаго читателя. Съ помощью изложеннаго выше разсужденія, можно даже выдать ее за непреложный законъ капиталистическаго производства.

Карлъ Марксъ признаетъ впрочемъ, что выведенный имъ „экономическій законъ“ подвергается нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Утвердивши на общемъ основаніи, что цѣна рабочей силы опредѣляется *среднею* общественною работою, потребною для производства жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія этой рабочей силы [2]), онъ, вслѣдъ за тѣмъ, говоритъ, что это опредѣленіе составляетъ *наименьшую границу* стоимости рабочей силы. При такой цѣнѣ, рабочая сила стоитъ даже *ниже* своей настоящей стоимости, ибо она не можетъ поддерживаться въ нормальной добротѣ [3]). Нормальная же доброта опредѣляется не одними необходимыми физическими потребностями, но и мѣстными и временными условіями, степенью развитія общества, главнымъ же образомъ *привычками* и *жизненными требованіями* свободнаго рабочаго класса. Поэтому, заключаетъ Карлъ Марксъ, опредѣленіе цѣны рабочей силы, въ *противоположность другимъ товарамъ*, заключаетъ въ себѣ историческій и нравственный элементъ [4]). Казалось бы, этого достаточно для опроверженія всей теоріи. Самъ авторъ прямо признаетъ, что цѣна рабочей силы опредѣляется не суммою работы, потребной на ея поддержаніе, а привычками и жизненными требованіями рабочаго класса. Но не смотря на то, Карлъ Марксъ настаиваетъ на своемъ „экономическомъ законѣ“ и на немъ строитъ всѣ свои выводы.

Прямое послѣдствіе этого „закона“ составляетъ то, что какъ бы ни была продолжительна работа, цѣна ея всегда одна и таже, ибо она опредѣляется не временемъ работы, а тѣмъ, что̀ работнику нужно для его содержанія. Цѣна двѣнадцатичасоваго рабочаго дня опредѣляется суммою работы, потребною для производства необходимыхъ жизненныхъ средствъ, то есть, шестью или,

---

[1]) Das Kapital стр. 560.
[2]) Тамъ же, стр. 155—156.
[3]) Тамъ же, стр. 158.
[4]) Тамъ же, стр. 156.

пожалуй, восемью или десятью часами работы, смотря по обстоятельствамъ. Если же мы спросимъ: какова цѣна этой послѣдней работы, воплотившейся въ жизненныя средства? то получимъ въ отвѣтъ, что она опять опредѣляется суммою работы, потребною на содержаніе этихъ послѣднихъ рабочихъ, то есть, опять шестью, восемью или десятью часами работы. Такимъ образомъ, 6, 8, 10 и 12 часовъ работы имѣютъ совершенно одинакую цѣну. Если работникъ работалъ всего 3 часа въ день, то и въ такомъ случаѣ цѣна его рабочей силы опредѣлялась бы потребными для поддержанія ея средствами пропитанія; но тогда рабочій жилъ бы на счетъ капиталиста. Продолжительность работы, которою опредѣляется цѣна произведеній, по этой теоріи, вовсе не принимается въ расчетъ при опредѣленіи цѣны получаемой капиталистомъ работы.

Невинный работникъ не подозрѣваетъ этого удивительнаго свойства его труда, что какъ долго онъ ни работай, цѣна его работы, по „экономическимъ законамъ“, все будетъ одна и таже. Но болѣе проницательный капиталистъ скоро объ этомъ догадывается и на этомъ строитъ всѣ свои расчеты. Карлъ Марксъ подробно описываетъ, какъ это происходитъ. Капиталистъ хочетъ производить, напримѣръ, бумажную пряжу. Для этого ему нуженъ прежде всего матеріалъ. Онъ идетъ на рынокъ и покупаетъ, положимъ, 10 фунтовъ хлопка, которые стоятъ 10 шиллинговъ, представляющихъ сумму работы, потребной на производство означеннаго количества хлопка. Эта сумма должна войти въ цѣну будущаго произведенія. Затѣмъ надобно опредѣлить трату машинъ и прочаго капитала. Этотъ капиталъ представляетъ также накопленную въ немъ работу, которая опять же должна войти въ цѣну будущаго произведенія. Положимъ, что для производства 10 фунтовъ пряжи накопленной въ капиталѣ работы тратится на 2 шиллинга. И того, 12 шиллинговъ, представляющихъ цѣну двухъ рабочихъ дней или 24-хъ-часовой работы. Наконецъ, ко всему этому надобно присоединить цѣну рабочихъ рукъ. Цѣна купленнаго капиталистомъ рабочаго дня равняется тремъ шиллингамъ, представляющимъ шестичасовую работу, потребную на дневное содержаніе работника. Если на производство десяти фунтовъ пряжи нужно тоже 6 часовъ работы, то къ цѣнѣ произведенія надобно прибавить еще 3 шиллинга. И того 15. Это и есть настоящая мѣновая цѣна 10 фунтовъ пряжи, цѣна, представляющая сумму всей употребленной на нее работы. Про-

давши ее по этой цѣнѣ, капиталистъ получаетъ возмѣщеніе всѣхъ своихъ издержекъ, но прибыли нѣтъ никакой [1]).

„Нашъ капиталистъ удивляется“, говоритъ Карлъ Марксъ. Читатель тоже. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не удивляться, когда за всѣ свои хлопоты, рискъ и издержки, капиталистъ, по изложенному расчету, не долженъ получить никакой прибыли? Въ такомъ случаѣ, производить не стоитъ. „Экономическій законъ“ уничтожаетъ возможность производства. Конечно, противъ такого расчета можно представить множество возраженій. Но вмѣсто серіознаго обсужденія возраженій, Карлъ Марксъ даетъ намъ только пошлѣйшее изображеніе обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ капиталиста, который, не получая прибыли, мечется во всѣ стороны. Онъ грозитъ, что не будетъ болѣе производить; онъ „катихизируетъ“; онъ „становится на заднія лапы“; наконецъ, онъ самъ притворяется рабочимъ и требуетъ платы за свою работу. Хотя въ другомъ мѣстѣ Карлъ Марксъ говоритъ, что капиталистъ принужденъ употреблять все свое время на контроль чужой работы и на продажу произведеній этой работы [2]), однако тутъ притязаніе на вознагражденіе устраняется просто замѣчаніемъ, что „собственный его надзиратель и управляющій пожимаютъ плечами“. Но скоро улыбка озаряетъ опять лицо капиталиста. Какъ практическій человѣкъ, онъ догадался, въ чемъ штука. Вѣдь онъ за 3 шиллинга купилъ цѣлый рабочій день, то есть, 12 часовъ работы, а въ цѣну произведенныхъ имъ 10 фунтовъ пряжи вошло только 6 часовъ работы. Слѣдовательно, остальныя 6 часовъ работникъ будетъ работать на него даромъ. Произведенные въ теченіи этихъ 6 часовъ 10 фунтовъ пряжи продадутся опять за 15 шиллинговъ; но на этотъ разъ, капиталистъ истратилъ только 12 шиллинговъ на покупку сыраго матеріала и на трату машинъ, за работу же онъ не заплатилъ ничего. Три шиллинга онъ получаетъ, какъ чистую прибыль. Такимъ образомъ, строго держась „экономическихъ законовъ“, капиталистъ надулъ работника: произведенную послѣднимъ цѣнность онъ положилъ въ свой карманъ. „Фокусъ наконецъ удался, восклицаетъ Карлъ Марксъ. Деньги превратились въ капиталъ“ [3]).

Дѣйствительно, тутъ учиненъ фокусъ, только не капитали-

---

[1]) Das Kapital, стр. 174—178.
[2]) Тамъ же, стр. 314.
[3]) Тамъ же, стр. 179—183.

стомъ, а писателемъ, который, идя отъ нелѣпости къ нелѣпости, пришелъ наконецъ къ тому, что половина равна цѣлому. Казалось бы, что если полъ-дня, или 6 часовъ работы, равняются 3 шиллингамъ или, напримѣръ, 5 фунтамъ хлѣба, то цѣлый день, или 12 часовъ работы, долженъ равняться 6 шиллингамъ или 10 фунтамъ хлѣба, а тутъ выходитъ, что какъ половина, такъ и цѣлый день равняются только 5 фунтамъ. Еслибы математикъ въ своихъ исчисленiяхъ сдѣлалъ подобный выводъ, онъ, безъ сомнѣнiя, заключилъ бы, что въ его вычисленiяхъ есть ошибка. Но ученикъ Гегеля не стѣсняется подобными соображенiями. Онъ просто можетъ выдать противорѣчiе, родившееся въ его собственной головѣ, за противорѣчiе, присущее предмету. Правда, отъ логики Гегеля не остается здѣсь и призрака; но кто же станетъ это разбирать, особенно въ настоящее время, когда всѣ эти метафизическiя бредни, въ томъ числѣ и логика, считаются сданными въ архивъ?

Карлъ Марксъ самъ впрочемъ раскрываетъ намъ, въ чемъ состоитъ *штука*. „Прошедшая работа, заключающаяся въ рабочей силѣ, говоритъ онъ, и живая работа, которую послѣдняя можетъ произвести, ежедневныя издержки для поддержанiя силы и ежедневная ея трата — двѣ совершенно разныя величины. Одна опредѣляетъ ея мѣновую стоимость, другая образуетъ ея потребительную стоимость“ [1]). А „потребительная стоимость и мѣновая — двѣ величины несоизмѣримыя“ [2]). Что же такое потребительная цѣнность рабочей силы? „Въ дѣйствительности, говоритъ Карлъ Марксъ, потребительная стоимость, которую работникъ отдаетъ капиталисту, не есть его рабочая сила, а ея отправленiе, извѣстная полезная работа“, но эта работа имѣетъ то свойство, что она производитъ цѣнности [3]). Это послѣднее свойство составляетъ спецiальную потребительную стоимость работы: она не только служитъ источникомъ цѣнности, но она производитъ бо̀льшую цѣнность, нежели она сама имѣетъ [4]). Иными словами: польза, приносимая работою, не только возмѣщаетъ трату силъ, то есть, мѣновую ея стоимость, но и производитъ новыя цѣнности. Вспомнимъ теперь, что̀ намъ говорилось въ началѣ. Мы слышали, что въ мѣновую стоимость товаровъ

---

[1]) Das Kapital, стр. 181.
[2]) Тамъ же, стр. 561.
[3]) Тамъ же, стр. 562.
[4]) Тамъ же, стр. 182.

не входитъ ни единаго атома потребительной стоимости; что цѣнность произведенiй опредѣляется не полезностью работы, а единственно значенiемъ ея, какъ траты силы; что производительность работы вовсе не принимается въ расчетъ, а отдается даромъ. Этой теорiи и держится работникъ при продажѣ своей рабочей силы. Онъ беретъ за нее, какъ за произведенiе, а не какъ за производителя; онъ цѣнитъ ея мѣновую, а не ея потребительную стоимость. Но капиталистъ, когда онъ опредѣляетъ цѣну своего товара, отправляется отъ теорiи совершенно противоположной. Онъ беретъ въ расчетъ значенiе рабочей силы, не какъ произведенiя, а какъ производителя, не мѣновую, а потребительную ея стоимость. Мудрено ли послѣ этого, что одна и та же рабочая сила получаетъ двѣ совершенно разныя цѣны? Работникъ думаетъ, что цѣны опредѣляются мѣновою стоимостью, а капиталистъ думаетъ, что онѣ опредѣляются потребительною стоимостью, двумя, по выраженiю Маркса, несоизмѣримыми величинами.

Читатель видитъ, что „фокусъ", въ сущности, довольно простъ. Рецептъ его слѣдующiй: если мы хотимъ доказать, что $^1/_2$ А = А, то надобно въ уравненiи А = А раздѣлить оба члена на двѣ половины; затѣмъ, говоря о первомъ членѣ, мы будемъ утверждать, что одна изъ двухъ половинъ вовсе не имѣетъ значенiя для уравненiя, а потому должна быть выкинута, а разбирая второй членъ, мы будемъ утверждать, что другая половина имѣетъ существенное значенiе, а потому должна быть оставлена. Читатель можетъ быть и не догадается, если мы все это размажемъ на 822 страницахъ.

И эту непроходимую дребедень намъ выдаютъ за строго научный выводъ!!

Можно спросить себя только: сознательно все это производится или безсознательно? Надобно полагать, что тутъ нѣтъ ничего, кромѣ неисцѣлимой путаницы понятiй въ головѣ автора, ибо, сказавши, что спецiальная потребительная стоимость работы состоитъ именно въ томъ, что она производитъ цѣнности, Карлъ Марксъ заключаетъ: „какъ видно, полученное изъ анализа товара различiе между работою, какъ потребительною стоимостью, и тою же работою, какъ творящею цѣнности, представилось теперь, какъ различiе отдѣльныхъ сторонъ производительнаго процесса" [1]). Оказалось совершенно обратное: различенное прежде

[1]) Das Kapital, стр. 185—186.

опять смѣшалось, изъ чего вышелъ не съ перваго только взгляда „нелѣпый результатъ, что работа, которая производитъ цѣнность въ 6 шиллинговъ, сама имѣетъ только цѣнность въ 3 шиллинга“ [1]). Одно изъ двухъ: или цѣна рабочей силы опредѣляется единственно ея мѣновою, а не потребительною стоимостью, и тогда эта же стоимость переходитъ и на работу, какъ трату силы, а наконецъ и на произведенія, какъ представляющія собою извѣстную сумму работы; или же, если цѣна произведеній опредѣляется потребительною стоимостью работы, то есть, ея полезностью, что̀ и происходитъ въ дѣйствительности, то это же начало прилагается и къ рабочей силѣ, ибо въ товарѣ, какъ произведеніи работы, не можетъ быть ничего, чего бы не было въ работѣ, а въ работѣ не можетъ быть ничего, чего бы не было въ рабочей силѣ. „Изъ ничего ничего не происходитъ, говоритъ Карлъ Марксъ. Производство цѣнностей есть превращеніе рабочей силы въ работу“ [2]).

Тоже самое разсужденіе прилагается и къ капиталу, который, также какъ работа, есть дѣятель производства. Если въ цѣну произведеній входитъ только мѣновая, а не потребительная стоимость работы, то это же начало прилагается и къ капиталу. Въ такомъ случаѣ, онъ не приноситъ процента, но и работа не производитъ никакого избытка цѣнности; она только поддерживаетъ самое себя. Если же цѣны товаровъ опредѣляются потребительною стоимостью работы, если работа, сверхъ собственной поддержки, производитъ или можетъ производить еще избытокъ цѣнности, то очевидно, тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно капитала: кромѣ возвращенія цѣны истраченнаго капитала, капиталистъ получаетъ еще вознагражденіе за принесенную имъ пользу. Но именно этого-то Карлъ Марксъ и не признаетъ. То начало, которое онъ прилагаетъ къ работѣ, онъ отрицаетъ въ приложеніи къ капиталу. По его мнѣнію, „капиталъ есть умершая работа, которая, какъ вампиръ, оживляется только всасываніемъ живой работы“ [3]). Дѣятельною является единственно послѣдняя; она не только производитъ новыя цѣнности, но и *переноситъ* мѣновую цѣнность капитала на произведенія. Первое она совершаетъ посредствомъ своего количества, второе—посредствомъ своего качества. Но такъ

---

[1]) Das Kapital, стр. 560.
[2]) Тамъ же, стр. 205, прим. 27.
[3]) Тамъ же, стр. 224, также стр. 594.

какъ качество работы дается даромъ, то этотъ переносъ мѣновой стоимости капитала ничто иное какъ подарокъ, который работникъ дѣлаетъ капиталисту. Работникъ и не подозрѣваетъ этого „природнаго дара живой работы, въ силу котораго она сохраняетъ цѣнности въ то время, какъ она ихъ производитъ". Весь процессъ опять происходитъ за его спиною. Но капиталистъ пользуется имъ для возмѣщенія своихъ издержекъ. Въ доказательство, Карлъ Марксъ ссылается на то, что при улучшеніи способовъ производства, производительная сила работы увеличивается: въ одно и тоже время обдѣлывается болѣе матеріала, слѣдовательно, переносится болѣе цѣнности, а между тѣмъ, цѣна работы остается прежняя, распредѣляясь только на большее количество произведеній. Наоборотъ, если производительная сила работы остается таже, но возвышается цѣна сыраго матеріала, то одна и таже работа, обдѣлывая одно и тоже количество матеріала, все-таки переноситъ бо̀льшую стоимость на произведеніе [1]).

Этотъ послѣдній примѣръ могъ бы быть приведенъ, именно какъ доказательство противъ теоріи автора. Бо̀льшая цѣнность переносится тутъ не вслѣдствіе какого либо улучшенія работы, а просто потому что, совершенно независимо отъ работы, возвысилась цѣна матеріала; слѣдовательно, работа тутъ не при чемъ. Но и первый примѣръ доказываетъ столь-же мало. Если, при усовершенствованныхъ орудіяхъ, одинъ и тотъ-же работникъ, въ одно и то-же время, дѣлаетъ больше прежняго, то это доказываетъ бо̀льшую производительность не его рукъ, а его орудій. Ребенокъ при машинѣ можетъ сдѣлать больше, нежели самый сильный и искусный работникъ безъ машины. Поэтому и цѣна работы остается та-же или можетъ даже уменьшиться. Въ дѣйствительности, переносъ цѣны истраченнаго капитала на произведеніе совершается не работникомъ, а капиталистомъ, который за свой товаръ требуетъ такую цѣну, которая бы возмѣщала ему издержки; иначе онъ производить не станетъ. Карлъ Марксъ видитъ въ этомъ переносѣ какой-то физическій актъ, въ родѣ „переселенія душъ" [2]); но онъ тутъ же принужденъ признаться, что, строго говоря, тутъ воспроизведенія нѣтъ: прежняя потребительная стоимость исчезла; произведена новая, въ которой *по-*

---

[1]) Das Kapital, стр. 187—190, 196.
[2]) Тамъ же, стр. 196.

является прежняя мѣновая стоимость, но это воспроизведеніе только *кажущееся* [1]). При этомъ онъ забываетъ и прежнюю свою теорію, по которой цѣна произведеній опредѣляется не дѣйствительно совершенною личною работою, а среднею общественною работою, потребною для производства. Слѣдовательно, дѣйствительный работникъ никакихъ цѣнъ переносить не можетъ, и сколько онъ ни переноси, если средняя потребная работа, то есть, спросъ уменьшится, то перенесенная цѣна превратится въ ничто, не смотря на природный даръ живой работы сохранять цѣнности.

Изъ всего этого Марксъ выводитъ, что матеріалы и орудія производства никогда не могутъ дать произведеніямъ болѣе цѣны, нежели они сами имѣютъ. Если трата происходитъ по частямъ, напримѣръ, при употребленіи орудій, то эта только часть и переходитъ въ цѣну произведеній. При этомъ, по замѣчанію Маркса, происходитъ любопытное явленіе: машина, напримѣръ, въ данномъ производствѣ тратится только *частью,* а служитъ она этому производству *всецѣло.* Первое представляетъ ея мѣновую стоимость, которая и переходитъ въ цѣну произведеній, второе — ея потребительную стоимость, которая дѣйствуетъ даромъ. Какъ бы ни было полезно орудіе производства, цѣнность его опредѣляется не тѣмъ процессомъ, въ который оно входитъ, какъ дѣятель, а тѣмъ, изъ котораго оно выходитъ, какъ произведеніе. Въ производительномъ процессѣ, оно служитъ только какъ потребительная стоимость, какъ вещь съ полезными свойствами, а потому оно не придало бы произведенію никакой цѣны, еслибы оно не имѣло цѣны до начала процесса [2]). Чѣмъ больше производительная дѣятельность машинъ въ сравненіи съ простыми орудіями, говоритъ Карлъ Марксъ, тѣмъ больше и объемъ ихъ даровой услуги. Только въ крупной промышленности человѣкъ научается заставлять произведенія своей прошедшей работы дѣйствовать въ большихъ размѣрахъ даромъ, подобно силамъ природы [3]).

Почему же однако потребительная стоимость работы входитъ въ цѣну товаровъ, а потребительная стоимость капитала нѣтъ? Почему первая не только возмѣщаетъ свою трату, но и производитъ лишнюю цѣнность, а второй только возмѣщаетъ свою стои-

---

[1]) Das Kapital, стр. 197, 198.
[2]) Тамъ же, стр. 193, 195.
[3]) Тамъ же, стр. 404.

мость, а производимый имъ излишекъ отдаетъ даромъ? Однимъ словомъ, почему изъ двухъ дѣятелей производства, работа цѣнится не только какъ произведеніе, но и какъ производитель, а капиталъ цѣнится, единственно какъ произведеніе? Ссылаться на то, что одинъ является истиннымъ дѣятелемъ, а капиталъ служитъ только мертвымъ орудіемъ, нѣтъ возможности. Мы видѣли уже, что то, что Марксъ называетъ производительною силою работы, въ сущности есть производительная сила капитала. Самъ Карлъ Марксъ признаетъ, что со введеніемъ машинъ роли мѣняются: прежнее орудіе становится главнымъ дѣятелемъ, а рабочая сила превращается въ орудіе машины [1]. Точно также онъ признаетъ, что бо̀льшая производительная сила работы, при соединеніи ея въ крупномъ производствѣ, проистекаетъ отъ капитала, который сбираетъ разсѣянныя единицы и связываетъ ихъ въ одно цѣлое [2]. Почему же капиталистъ все это долженъ производить даромъ? Очевидно, что и тутъ, какъ вездѣ, имѣется двоякая мѣра и двое вѣсовъ. Въ одномъ случаѣ отвергается то, что признается въ другомъ, единственно потому что такъ нужно автору.

Этимъ способомъ Карлъ Марксъ выводитъ, что прибыль въ производствѣ можетъ произойти исключительно отъ работы, и если ее получаетъ капиталистъ, то это ничто иное, какъ неправильное присвоеніе плодовъ чужаго труда, то есть, чужой собственности. Работникъ часть своего рабочаго дня употребляетъ на себя, именно, на возмѣщеніе издержекъ содержанія, остальную же часть, которую Марксъ называетъ „излишнимъ рабочимъ временемъ“, онъ даромъ отдаетъ капиталисту, и это-то и составляетъ источникъ прибыли. Карлъ Марксъ называетъ это *тайною прибыли* [3]. Есть, правда, явленія, которыя, повидимому, противорѣчатъ этому объясненію. Такъ, принявши эту теорію, слѣдуетъ сказать, что для капиталиста выгодно употреблять какъ можно больше рабочихъ для своего производства, а не замѣнять ихъ машинами. „Невозможно, напримѣръ, говоритъ Карлъ Марксъ, изъ двухъ рабочихъ выжать столько же избытка цѣнности, сколько изъ 24. Если каждый изъ 24 рабочихъ, въ теченіи 12 часовъ, даетъ только одинъ часъ излишней работы, то все же они вмѣстѣ даютъ 24 часа излишней работы, тогда какъ совокупная работа

---

[1]) Das Kapital, стр. 444.
[2]) Тамъ же, стр. 338.
[3]) Тамъ же, стр. 554, прим. 20.

двухъ работниковъ равняется только 24 часамъ“ [1]). На дѣлѣ выходитъ однако наоборотъ, что капиталисту выгоднѣе употреблять двухъ рабочихъ, нежели 24. Но это опять одно изъ „внутреннихъ противорѣчій“ капиталистическаго производства! Теорія все-таки остается невредима.

При такомъ взглядѣ, не трудно представить всю промышленность, какъ рядъ грабежей и вымогательствъ. Это и дѣлаетъ Карлъ Марксъ. Свободный договоръ, которымъ опредѣляется заработная плата, въ его глазахъ, есть только юридическій вымыселъ, прикрывающій призракъ независимости. „Римскій рабъ привязанъ былъ цѣпями, наемный же работникъ невидимыми нитями привязывается къ своему хозяину“ [2]). Вцѣпившійся въ рабочаго „вампиръ“ не отстаетъ, „пока остается одинъ мускулъ, одна жила, одна капля крови для поживы“ [3]). Мы не станемъ слѣдить за этимъ повѣствованіемъ. Читатель можетъ судить, какое научное достоинство имѣетъ изложеніе, освѣщенное разобранною нами теоріею.

Въ заключеніе Карлъ Марксъ доказываетъ, также какъ и Лассаль, что „капиталистическое производство“ имѣетъ чисто историческое значеніе. Онъ оставляетъ въ сторонѣ древность и средніе вѣка и начинаетъ прямо съ XVI-го столѣтія, когда впервые появляется различіе между капиталистами съ одной стороны, и свободными работниками съ другой. Необходимое для этого условіе состоитъ въ образованіи класса пролетаріевъ. По мнѣнію Карла Маркса, этотъ классъ образуется вслѣдствіе экспропріаціи работниковъ, владѣющихъ землею. Огульное изгнаніе крестьянъ съ земли составляетъ поэтому основаніе всего процесса. Карлъ Марксъ вкратцѣ излагаетъ исторію этой экспропріаціи въ Англіи, гдѣ она имѣетъ „классическую форму“ [4]).

Извѣстно, что въ Англіи крестьяне были освобождены ранѣе, нежели въ другихъ странахъ, но безъ земли. Извѣстно также, что поземельная собственность сосредоточена тамъ въ относительно немногихъ рукахъ. Но виновато въ томъ не капиталистическое производство, а аристократическій строй общества. Это — жертва, которую Англія принесла своему политическому развитію. На европейскомъ материкѣ нѣтъ ничего подобнаго. Тамъ, въ

[1]) Das Kapital, стр. 426.
[2]) Тамъ же, стр. 597.
[3]) Тамъ же, стр. 307.
[4]) Тамъ же, стр. 745.

огромномъ большинствѣ случаевъ, крестьяне съ свободою получили и землю. Тамъ зло заключается не въ сосредоточеніи поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, а, напротивъ, въ безмѣрномъ ея раздробленіи. Все это — факты совершенно достовѣрные. Но Карлъ Марксъ осторожно ихъ обходитъ. Онъ ограничивается одною Англіею, потому что иначе все такъ называемое историческое развитіе капиталистическаго производства оказалось бы чистою фантазіею.

Въ самой Англіи онъ оставляетъ въ сторонѣ экономическія причины „земледѣльческой революціи", а довольствуется изложеніемъ употребленныхъ при этомъ насильственныхъ мѣръ [1]). Къ удивленію, мы узнаемъ, что англійскіе землевладѣльцы находили овецъ болѣе выгодными, нежели рабочихъ, а потому вытѣсняли послѣднихъ въ пользу первыхъ. Они не подозрѣвали, что одна рабочая сила даетъ прибыль, а съ овецъ нельзя вымогать излишняго рабочаго времени. Къ еще большему нашему изумленію, Карлъ Марксъ повѣствуетъ, что въ новѣйшее время, побуждаемые ненасытною алчностью къ барышу, землевладѣльцы стали превращать самыя овечьи пастбища въ охотничьи пустыри. Оказывается, что пустыня, къ которой не прилагается рука человѣческая, можетъ давать доходъ. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы самимъ нанимать рабочихъ и наживаться вымогательствомъ излишняго рабочаго времени, землевладѣльцы предпочитаютъ раздавать свои земли фермерамъ, которые не работаютъ на своихъ хозяевъ, а только платятъ имъ деньги. Фермеры являются настоящими земледѣльческими капиталистами. Но именно они ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ для своего обогащенія не прибѣгали. Если они кого нибудь лишили поземельной собственности, то развѣ только самихъ себя. Фермерскій капиталъ въ Англіи приноситъ гораздо большій процентъ, нежели земля. Поэтому, мелкій собственникъ нерѣдко предпочитаетъ продать свой участокъ и изъ недостаточнаго землевладѣльца превратиться въ зажиточнаго фермера. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ исчезновенія класса свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ Англіи. Но объ этомъ явленіи Карлъ Марксъ умалчиваетъ. Не имѣя возможности приписать обогащеніе фермеровъ насильственной „экспропріаціи", онъ приводитъ другую причину, именно, что въ XVI вѣкѣ, когда цѣна золота упала и вслѣдствіе того

---

[1]) Das Kapital, стр. 752.

возвысилась цѣна всѣхъ произведеній, долгосрочные контракты на аренду земель продолжали уплачиваться по прежней номинальной цѣнѣ; отсюда для фермеровъ несмѣтные барыши [1]). Оказывается опять, что можно обогатиться не одною эксплуатаціею рабочихъ. Тутъ капиталисты нажились на счетъ землевладѣльцевъ.

Наконецъ, и фабричное производство водворяется посредствомъ „экспропріаціи“ самостоятельныхъ мелкихъ производителей, работающихъ собственными орудіями. Здѣсь такъ называемая экспропріація состоитъ въ томъ, что мелкіе производители не въ состояніи выдержать конкурренціи болѣе выгоднаго фабричнаго производства, а потому прекращаютъ свои предпріятія. Мелкія производства соединяются въ болѣе обширныя мануфактуры [2]). Карлъ Марксъ признаетъ однако, что въ этой области капиталисты первоначально вышли изъ тѣхъ-же мелкихъ производителей, посредствомъ постепеннаго расширенія производства [3]). Но и тутъ все-таки главный источникъ обогащенія заключается въ грубомъ насиліи, высшимъ выраженіемъ котораго является колоніальная система. „Насиліе, говоритъ Карлъ Марксъ, служитъ повивальною бабкою для всякаго стараго общества, беременнаго новымъ. Оно само есть экономическое начало“ [4]).

Такимъ образомъ выходитъ, что все историческое накопленіе капитала „означаетъ только экспропріацію непосредственныхъ производителей, то есть, уничтоженіе основанной на собственной работѣ частной собственности“ [5]). Эта форма раздробленной собственности оказывается недостаточною на извѣстной ступени экономическаго развитія. Она даетъ слишкомъ скудные результаты; поэтому она и должна уступить мѣсто болѣе сосредоточенному капиталистическому производству. Но и послѣднее, въ свою очередь, является только переходною ступенью развитія; оно само должно уступить мѣсто высшей формѣ. Начало экспропріаціи, приложенное прежде къ мелкимъ собственникамъ, продолжаетъ дѣйствовать; но теперь оно должно быть приложено уже къ капиталистамъ. Само капиталистическое производство къ этому ведетъ: вслѣдствіе конкурренціи, мелкіе капиталы убиваются кру-

---

[1]) Das Kapital, стр. 774.
[2]) Тамъ же, стр. 777.
[3]) Тамъ же, стр. 781.
[4]) Тамъ же, стр. 782.
[5]) Тамъ же, стр. 791.

пными. Отсюда, съ одной стороны, постоянное уменьшеніе числа капиталистовъ, обращающихъ все промышленное производство въ свою пользу, а съ другой стороны, увеличеніе бѣдности, гнета и униженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возмущеніе рабочаго класса, теперь уже соединеннаго и организованнаго дѣйствіемъ капиталистическаго производства. Раздробленное прежде производство теперь стало уже общественнымъ. При такомъ порядкѣ, возрастающая монополія капитала становится для рабочихъ невыносимою цѣпью. Эта цѣпь наконецъ разрывается. „Часъ капиталистической частной собственности пробилъ, восклицаетъ Карлъ Марксъ. Экспропріаторы сами экспропріируются“ [1]).

Новая форма, которую принимаетъ при этомъ производство, составляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи возвращеніе къ первой ступени. Работники опять получаютъ орудія производства въ свои руки, но на этотъ разъ, работники уже не разсѣянные, а соединенные. Орудія производства снова дѣлаются ихъ собственностью, но не личною, а общею. Къ этому результату приводитъ само капиталистическое производство, которое разсѣянныхъ работниковъ соединило въ массы и черезъ то само себя подорвало. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній процессъ представляется „отрицаніемъ отрицанія“ [2]).

Мы видимъ, что все здѣсь происходитъ совершенно согласно съ діалектикою Гегеля. Противорѣчащее начало экспропріаціи является движущею пружиною всего экономическаго развитія, и притомъ по тремъ классическимъ ступенямъ. Мы должны вѣрить, что съ первыхъ временъ человѣчества до XVI-го вѣка были только самостоятельные рабочіе, хотя разобщенные, но собственники земли и орудій; затѣмъ, они лишаются имущества въ пользу немногихъ капиталистовъ; наконецъ капиталисты, въ свою очередь, лишаются имущества въ пользу соединенныхъ работниковъ. Это — третья и высшая ступень, отрицаніе отрицанія.

Карлъ Марксъ увѣряетъ, что это „отрицаніе капиталистическаго производства происходитъ само собою, съ необходимостью естественнаго процесса“ [3]); но онъ не объясняетъ намъ, въ силу какихъ законовъ это совершается. Въ дѣйствительности, мы до сихъ поръ никакой экспропріаціи капитала не видимъ. Правда,

---

[1]) Das Kapital, стр. 792—793.
[2]) Тамъ же, стр. 793.
[3]) Тамъ же.

намъ говорятъ, что вслѣдствіе конкурренціи и сосредоточенія капиталовъ въ однихъ рукахъ, количество капиталистовъ все уменьшается, а съ другой стороны все увеличивается пролетаріатъ; но мы знаемъ напротивъ, что въ новой Европѣ, и именно вслѣдствіе капиталистическаго производства, все болѣе и болѣе ростетъ средній классъ, который является главнымъ дѣятелемъ, какъ въ промышленномъ производствѣ, такъ и въ политической области. Во всякомъ случаѣ, если конкурренція крупныхъ капиталовъ можетъ убить мелкіе, то не видать, какимъ экономическимъ способомъ крупные капиталы могутъ перейти въ руки обнищавшихъ рабочихъ. Конкурренція тутъ не опасна. Разрѣшеніе этой задачи мы получимъ, когда вспомнимъ что „насиліе есть экономическое начало", которое должно служить повивальною бабкою новаго общества. Тогда все дѣлается очень просто. „Превращеніе основанной на собственной работѣ лицъ, но раздробленной частной собственности въ капиталистическую собственность, говоритъ Карлъ Марксъ, составляетъ, конечно, несравненно болѣе долгій, тяжелый и трудный процессъ, нежели превращеніе фактически уже основанной на общественномъ производствѣ капиталистической частной собственности въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народной массы немногими узурпаторами; здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народною массою" [1]).

Какъ видно, это — тотъ самый рецептъ, которымъ нѣкогда Маратъ хотѣлъ осчастливить человѣческій родъ. Маратъ думалъ, что стоитъ отрубить нѣсколько тысячъ головъ, и человѣчество будетъ благоденствовать. Но ближайшимъ послѣдствіемъ приложенія этой системы было то, что отрубили головы тѣмъ самымъ, которые рубили ихъ другимъ; затѣмъ пала та республика, которую хотѣли поддержать этимъ способомъ, и понынѣ еще воспоминаніе объ этомъ лѣкарствѣ служитъ величайшимъ препятствіемъ къ утвержденію демократической свободы. Рецептъ Карла Маркса, честь изобрѣтенія котораго принадлежитъ впрочемъ не ему, а предшественникамъ его, французскимъ соціалистамъ, не былъ прилагаемъ въ такихъ размѣрахъ. Но въ 1848 году было провозглашено начало экспропріаціи богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Была даже попытка осуществить это начало. Результатъ, какъ извѣстно, былъ такой же плачевный, какъ и въ первомъ случаѣ.

---

¹) Das Kapital, стр. 793.

Испуганное общество кинулось въ руки деспотизма. И донынѣ память объ этихъ событіяхъ является зловѣщимъ призракомъ, который внушаетъ зажиточнымъ классамъ недовѣріе къ демократическимъ учрежденіямъ. Соціальный вопросъ всегда былъ и будетъ камнемъ преткновенія демократіи. Когда государственная власть находится въ рукахъ неимущихъ, нужно много нравственной силы и высокое развитіе, чтобы не пытаться обратить ее въ орудіе собственнаго обогащенія. А именно къ этому-то и побуждаютъ рабочіе классы тѣ утописты, которые, какъ Карлъ Марксъ, берутся быть ихъ руководителями. Они пользуются ихъ невѣжествомъ, чтобы подъ именемъ науки проповѣдывать имъ ученія, разрушительныя для человѣческихъ обществъ.

Это не значитъ однако, что соціализмъ представляетъ только случайное заблужденіе человѣческаго ума. Какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, и какъ явствуетъ изъ всего предъидущаго изложенія, онъ составляетъ необходимый моментъ въ развитіи мысли, но моментъ, по своему содержанію, все-таки радикально ложный. Въ немъ выражается крайнее развитіе исключительнаго идеализма, и сопряженное съ этою крайностью отрицаніе частнаго во имя общаго, поглощеніе лица государствомъ, наконецъ, отрицаніе выработаннаго исторіею во имя фантастическаго будущаго. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, мы увидимъ соціализмъ въ настоящемъ его отечествѣ, во Франціи. Идя другимъ путемъ, Французы пришли къ тѣмъ-же результатамъ. У французскихъ соціалистовъ, которые собственно были зачинателями этого движенія, утопическій характеръ системы выступаетъ еще ярче. Но зато у нихъ встрѣчаются и нѣкоторыя искупающія черты: живое отношеніе къ дѣйствительности, искреннее человѣколюбіе, подъ часъ глубокіе взгляды и мѣткая критика, наконецъ, творческая способность, хотя и съ преобладаніемъ воображенія надъ мыслью. Съ переходомъ на германскую почву, все это исчезаетъ. Нѣмцы, или, лучше сказать, радикальные нѣмецкіе Евреи (ибо только объ нихъ здѣсь идетъ рѣчь), отбросили всѣ прикрасы. Они хотѣли соціальную утопію построить на чисто научныхъ основаніяхъ. Но такъ какъ задача была невозможна, то въ результатѣ оказалась одна голая, сухая и наглая фальшь. Карлъ Марксъ говоритъ о „грубомъ мѣщанскомъ взглядѣ политико-эконома", объ его „ограниченномъ мозгѣ" [1]). Но передъ лицемъ этой мни-

---

[1]) Das Kapital, стр. 33, 591.

мо-научной критики, мѣщанскій политико-экономъ можетъ съ торжествомъ указать на разработанную имъ науку. Всякій, кто умѣетъ связывать двѣ мысли и понимать то, что онъ читаетъ, не можетъ не видѣть, какъ неизмѣримо высоко стоятъ ея чисто научные пріемы въ сравненіи съ заносчивою и вмѣстѣ педантическою софистикою ея противниковъ. Въ Германіи соціализмъ, облекаясь въ ученыя формы, приходитъ къ полному самообличенію. Только легкомысліе и невѣжество могутъ доставлять ему послѣдователей. Это не значитъ, что судьба низшихъ классовъ не заслуживаетъ вниманія и теоретиковъ и государственныхъ людей. Но разрѣшенія этихъ вопросовъ слѣдуетъ искать не въ извращеніи экономическихъ законовъ, управляющихъ человѣческими обществами [1]).

---

[1]) Не можемъ не замѣтить для устраненія всякихъ недоразумѣній, что въ этой статьѣ встрѣчаются нѣкоторыя отступленія отъ общепринятой у насъ экономической терминологіи. Такимъ образомъ авторъ переводитъ нѣмецкое выраженіе «Werth» (valeur, value) «стоимостью» вмѣсто термина «цѣнности» установившагося въ нашей экономической литературѣ. На это главное отступленіе мы сочли нужнымъ обратить вниманіе читателей, такъ какъ оно можетъ дать поводъ къ недоумѣніямъ въ интересной полемикѣ Б. Н. Чичерина противъ К. Маркса. *Ред.*

ОЧЕРКЪ
ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
ВЪ ТУРЦІИ.

Г. А. ЛЕЕРА,

ПРОФЕССОРА НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Въ статьѣ „*Условія войны на Балканскомъ полуостровѣ*“ [1]) нами приведены были тѣ затрудненія, которыя этотъ въ высшей степени своеобразный и безспорно труднѣйшій изъ всѣхъ европейскихъ театровъ долженъ представить вторгающейся въ него арміи.

Въ дополненіе къ сказанному въ упомянутой статьѣ, чтобы приступить къ обозрѣнію дѣйствій нашей арміи, мы считаемъ долгомъ упомянуть еще объ одномъ неблагопріятномъ для насъ обстоятельствѣ, правда не вытекавшемъ изъ свойствъ театра военныхъ дѣйствій, но тѣмъ не менѣе весьма существенномъ, которое непремѣнно должно быть принято въ разсчетъ. Такимъ неблагопріятнымъ условіемъ было отсутствіе для нашей арміи практики *большой войны*, въ теченіи болѣе 20 лѣтъ. Обстоятельство это имѣетъ весьма важное значеніе.

Пруссаки въ 1870 г. вели войну безспорно блистательно

---

[1]) Въ Сборникѣ Гос. Зн. Т. IV.

и, въ тоже время, *методически*, т. е. съ глубокимъ уваженіемъ къ основамъ военнаго искусства. Не то было въ кампанію 1866 г., въ которой *азартъ* преобладалъ въ большихъ размѣрахъ надъ *разсчетомъ* и въ которую Пруссакамъ по-просту неимовѣрно везло. Подъ покровительствомъ благопріятныхъ случайностей, азартъ, какъ то обыкновенно и бываетъ, привелъ къ блестящей, скоротечной кампаніи. Блестящій исходъ кампаніи однако не помѣшалъ Пруссакамъ отнестись съ полною строгостью къ замѣченнымъ недостаткамъ и принять самыя энергическія мѣры къ устраненію ихъ; эти мѣры выразились въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ реформъ, какъ въ дѣлѣ *организаціи* боевыхъ элементовъ, такъ и въ дѣлѣ ихъ *употребленія въ бою* (въ особенности по артиллеріи и кавалеріи). Достойно вниманія это правило: *среди блеска успѣха не подчиниться опьяняющему вліянію его* и *сохранить вполнѣ трезвый взглядъ на людей и вещи*. Короче, блестящей и по результатамъ, и по способу ея веденія кампаніи 1870—71 г. предшествовала почти столь же блестящая по результатамъ, но нѣсколько *эксцентрически, романтически* веденная кампанія 1866 г. Такимъ образомъ кампаніи *искусной* предшествовала кампанія *счастливая*, но, въ тоже время, имѣвшая весьма важное значеніе въ педагогическомъ отношеніи для Пруссаковъ. Она явилась для нихъ превосходною *подготовительною школою*, выработавшею въ нихъ то *стратегическое* и *тактическое чувство мѣры*, которыми большею частью отличались ихъ дѣйствія 1870 г.

Вотъ этой-то *подготовительной школы*, какою послужила для Пруссаковъ кампанія 1866 г. съ предшествовавшими ей *военно-практическими занятіями* (что также важно въ военномъ педагогическомъ отношенія), въ войнѣ съ маленькою Даніею, — школы, *спасающей отъ разнаго рода увлеченій*, мы не имѣли. Отъ того и увлеченія въ началѣ кампаніи были не только возможны, но даже естественны [1]).

---

[1]) Не забудемъ, также при этомъ, что блестящей кампаніи Дибича 1829 г. предшествовала далеко не таковая, но тѣмъ не менѣе очень важная въ *педагогическомъ* отношеніи кампанія 1828 г.

I.

ДАННЫЯ, КОТОРЫЯ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЛЕЧЬ ВЪ ОСНОВАНІЕ ПЛАНОВЪ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ.

Приступая къ обозрѣнію войны, самый естественный порядокъ наводитъ прежде всего на обсужденіе *плановъ обѣихъ сторонъ*, сохранявшихся и сохраняемыхъ понынѣ въ глубокой тайнѣ, которою они будутъ окружены еще въ теченіи долгаго времени.

Въ какой бы глубокой тайнѣ ни сохранялся планъ кампаніи, если его и нельзя въ точности знать, то представляется не мало средствъ къ тому, чтобы хоть приблизительно угадать его. Такимъ средствомъ является ближе всего болѣе или менѣе близкое знакомство съ *свойствами тѣхъ данныхъ*, на которыхъ планъ долженъ быть построенъ, и съ *характеристическими особенностями руководящихъ лицъ.* Наконецъ есть и еще одинъ довольно вѣрный признакъ къ раскрытію плана. Прислушайтесь къ тому, что говорится въ области науки, литературы, даже въ кофейняхъ и на желѣзныхъ дорогахъ, короче, прислушайтесь къ тому, что *безсознательно* носится въ массѣ, съумѣйте схватить сущность этого „*нѣчто*“ и повѣрьте, что вы будете не такъ далеки отъ того, что *сознательно* носятъ въ себѣ нѣсколько избранныхъ единицъ.

Остановимся только *на свойствахъ тѣхъ данныхъ*, которыя должны были лечь въ основаніе плановъ обѣихъ сторонъ, т. е. на приведенныхъ нами въ указанной статьѣ *затрудненіяхъ*, представляемыхъ театромъ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Въ интересахъ *турокъ* было, какъ можно полнѣе воспользоваться этими затрудненіями, усилить до-нельзя степень представляемой ими задерживающей силы, что достигалось прежде всего *оборонительнымъ способомъ дѣйствій*, вдобавокъ наиболѣе отвѣчающимъ природной неподвижности турокъ, пассивному ихъ характеру, организаціи ихъ арміи, имѣющей крайне неудовлетворительную перевозочную часть, и наконецъ степени ихъ тактическаго образованія. Съ этой послѣдней точки, турецкая армія, не смотря на рядъ реформъ въ теченіи 50 лѣтъ направленныхъ къ тому, чтобы обратить ее въ *регулярную* армію, еще далека до этого идеала, какъ то показалъ и опытъ нынѣшней войны; она

всетаки занимаетъ лишь середину между регулярною и милиціонною арміями. Сильную и притомъ весьма сильную сторону ея составляетъ все таже *оборона*. Къ *наступательнымъ дѣйствіямъ* она оказалась мало способною. Страшная форсировка, выпадающая на долю арміи, дѣйствующей наступательно, туркамъ не подъ силу. Дѣйствуя наперекоръ этому свойству турецкой арміи, легко ее разстроить даже безъ столкновенія съ непріятелемъ. Въ случаѣ, еслибы, по общему положенію дѣла, и пришлось бы ей вести наступательную операцію, то, примѣняясь къ ея *свойствамъ*, слѣдуетъ дѣлать небольшіе переходы, давать ей частыя передышки и, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, стратегически наступая, все-таки предпочитать тактически обороняться. [1])

Такимъ образомъ *свойства данныхъ театра* войны, стремленіе возможно полнѣе эксплоатировать трудности, предстоящія наступающему, природныя качества турокъ, организація ихъ армій, степень ея тактическаго образованія, короче *свойства арміи*,—все это указывало на необходимость выбора *оборонительнаго образа веденія войны* и, мало того, преимущественно *пассивнаго* характера, обращаясь къ *активнымъ дѣйствіямъ*, лишь въ случаѣ ошибокъ со стороны наступающаго, напр. слишкомъ поспѣшнаго и недостаточно обезпеченнаго наступленія противника.

Если такимъ образомъ въ интересахъ Турокъ было подставить намъ, въ возможно полной степени, задерживающую силу разнаго рода преградъ, которыми такъ богатъ Балканскій полуостровъ, и *затянуть войну*, стараясь утомить и изнурить наступающаго (подобно тому, какъ мы вели войну противъ Наполеона I и противъ него же Испанцы), то, въ нашихъ интересахъ было, напротивъ того, стремиться къ возможно полной и скорой парализаціи этихъ преградъ, само собою разумѣется при условіи полнѣйшаго уваженія къ основнымъ законамъ военнаго искусства. И вѣрнѣйшимъ средствомъ для этого являлось *выставленіе сразу значительныхъ силъ*. За крайній предѣлъ числительной силы наступательной арміи необходимо было принять maximum того числа войскъ, которое могло быть безпрепятственно продовольствуемо подвозами и средствами края. Если бы, положимъ, этимъ путемъ получилось бы 300 т., то одного этого фактора уже было

---

[1]) Къ этой общей характеристикѣ тактики милиціонныхъ (импровизованныхъ) армій ближе всего и подходятъ дѣйствія турецкой арміи въ настоящую войну.

бы вполнѣ достаточно для окончанія войны въ кратчайшій срокъ, и мало того — для пріобрѣтенія законнаго права къ быстрому, безостановочному наступленію, послѣ переправы черезъ Дунай, за Балканы къ Константинополю. Для этой послѣдней операціи, при неготовности Турціи къ войнѣ, мы смѣло могли бы располагать 100 т., имѣя 200 въ тылу и по флангамъ для обезпеченія операціонной линіи.

Если же бы оказалось, что продовольственныя средства ограничиваютъ силу арміи до 150—200 т., то одного только этого обстоятельства было бы уже достаточно, чтобы вызвать совершенно другой образъ наступленія. При этомъ условіи потребовалось бы прежде всего прочное базированіе на Дунаѣ, овладѣніе крѣпостями, по малой мѣрѣ ближайшими къ операціонной линіи, необходимо было бы разбить предварительно непріятельскую армію, и затѣмъ уже двинуться за Балканы, короче, пришлось бы наступать, подобно тому какъ то было сдѣлано съ подобною же арміею Дибичемъ въ 1829 г. [1]).

И такъ намъ предстоялъ выборъ между двумя планами: *быстрымъ и рѣшительнымъ*, но, въ тоже время, *осторожнымъ наступленіемъ*, и *наступленіемъ крайне осторожнымъ* и *медленнымъ*. Выборъ между ними обусловливался, какъ и всегда, *наличными средствами* (при достаточныхъ средствахъ нѣтъ излишне смѣлыхъ плановъ), главнымъ образомъ *числительною силою* оперативной арміи.

Что же касается до *выбора операціонной линіи*, т. е. до *цѣли* и *направленія* наступленія, то, при всей тайнѣ, окружавшей рѣшеніе этого вопроса, большинство не сомнѣвалось, что будетъ выбрано направленіе Рущукъ — Тырново... Обстановка, при которой приходилось рѣшать этотъ вопросъ, посредствомъ простаго процесса вычитанія, сама указывала на это операціонное направленіе.

Отъ Дуная къ Константинополю ведутъ 4 операціонныя направленія: 1-е *отъ нижняго Дуная къ Варнѣ*; воспользоваться имъ мы не могли, какъ главною операціонною линіею,

---

[1]) Владѣя Чернымъ моремъ и Дунаемъ до Гирсова, имѣя готовую базу по ту сторону Балканскаго хребта въ Бургаскомъ заливѣ и располагая арміею въ 160 т., Дибичъ ставитъ себѣ цѣлью: предварительно *удлинить свою базу* на Дунаѣ и овладѣть Силистріею, далѣе *разбить непріятельскую армію* и лишь по достиженіи этихъ цѣлей (*частное* пораженіе Турецкой арміи нанесено было при Эски-Арнаутларѣ и *общее* въ бою при Кулевчи), чѣмъ вполнѣ обезпечивалась его операціонная линія,—двинуться за Балканы.

такъ какъ Черное море не въ нашей власти; 2-е *операціонное* направленіе, которое замыкается крѣпостями *Силистріею* и *Шумлою.* Одного уже этого послѣдняго обстоятельства достаточно, чтобы отказаться отъ этого направленія; 3-е отъ (или мимо) *Рущука на Тырново* и 4-е отъ (или мимо) *Виддина на Софію.*

Сравнивая эти два послѣднихъ операціонныхъ направленія, послѣднее, хотя и болѣе кружное, представлялось наиболѣе *удобнымъ* по отношенію ко *всей обстановкѣ.* Дѣйствуя въ этомъ направленіи, переправа чрезъ Дунай могла бы быть исполнена въ Сербіи совершенно по домашнему, благодаря чему падала бы сама собою *1-я оборонительная линія* турокъ, обходилась бы линія Балкановъ движеніемъ къ Софіи, т. е. падала бы *2-я оборонительная линія* турокъ и наконецъ обходилась бы, съ полною безопасностью, и *Шумла,* въ виду 300 верстъ разстоянія, отдѣляющаго ее отъ Софіи.

Не смотря на всѣ эти очевидныя выгоды 4-го операціоннаго направленія, мы, по весьма важнымъ *политическимъ причинамъ,* имъ воспользоваться не могли.

Такимъ образомъ 1-мъ операціоннымъ направленіемъ мы не могли воспользоваться, такъ какъ море было не въ нашихъ рукахъ, 2-мъ—потому, что оно запиралось непосредственно двумя сильными крѣпостями, въ особенности Шумлою, 4-мъ—такъ какъ оно было недоступно для насъ по извѣстнымъ политическимъ причинамъ; слѣдовательно оставалось воспользоваться лишь 3-мъ.

Внутреннее достоинство стратегической операціи измѣряется двумя факторами: 1) *правильнымъ выборомъ* операціонной линіи и 2) умѣніемъ сдѣлать ее *безопасною* во всевозможныхъ положеніяхъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, выбранное нами операціонное направленіе представляло существенныя неудобства, какъ по *длинѣ* своей, такъ и по *направленію. Длина* его отъ первоначальной нашей базы, по линіи р. Прута, до Дуная (2-й базы) болѣе 400 верстъ и отъ Дуная до Константинополя 450 верстъ, считая по воздуху. *Направленіе* этой операціонной линіи выражается въ длинной дугѣ круга, проходящей сначала въ весьма близкомъ разстояніи отъ Дуная (на пространствѣ Галацъ—Браиловъ) и огибающей тоже въ довольно близкомъ разстояніи, отъ 50—120 верстъ, съ западной стороны турецкія крѣпости Рущукъ — Шумла. Обезпеченіе ея, въ смыслѣ пути наступленія и въ смыслѣ пути отступленія и пути подвозовъ, требовало

такимъ образомъ весьма энергическихъ мѣръ и, прежде всего, отдѣленія, для этой цѣли, *значительнаго числа войскъ*.

Такимъ образомъ, придерживаясь почвы совершившихся фактовъ, мы видимъ, что обезпеченіе этой операціонной линіи, въ смыслѣ пути подвозовъ и пути отступленія, потребовало отдѣленія: 1) *на нижнемъ Дунаѣ*, арміи генерала Циммермана [1]), состоящей приблизительно изъ *2-хъ корпусовъ*; 2) *на линіи р. Янтры*, арміи Государя Наслѣдника изъ 3-хъ корпусовъ и 3) для обезпеченія съ третьей стороны (Виддинской арміи) можно было располагать лишь *однимъ* IX корпусомъ генерала Криденера, между тѣмъ какъ для овладѣнія Никополемъ и для параллельнаго съ нимъ занятія Плевны, Ловчи, Сельви нужно было бы имѣть minimum еще одинъ корпусъ.

Приведенный нами разсчетъ, *не разсчетъ—гипотеза*, а разсчетъ, списанный съ натуры и требующій 7-ми корпусовъ (3-хъ армій) для обезпеченія операціонной линіи [2]), показываетъ: 1) и невыгодныя свойства упомянутаго операціоннаго направленія, которыхъ, согласно вышеприведенному, нельзя было устранить выборомъ другаго операціоннаго направленія, но съ которымъ необходимо было лишь свести строгій счетъ и 2) что о безостановочномъ наступленіи за Балканы, послѣ переправы черезъ Дунай, можно было думать лишь при имѣніи на лицо еще по крайней мѣрѣ 3-хъ, а вѣрнѣе даже 5-ти корпусовъ для операціонной собственно арміи.

II.

СИЛЫ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ.

Изъ только что приведеннаго видно, что для пріобрѣтенія законнаго права на быстрое, безостановочное наступленіе къ главному предмету дѣйствій, къ Константинополю, необходимо было располагать арміею отъ 10—12 корпусовъ на театрѣ военныхъ

---

[1]) Армія генерала Циммермана имѣла еще и другія назначенія, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Законъ безопасности операціонной линіи есть одинъ изъ основныхъ законовъ стратегіи («никогда не слѣдуетъ обнажать своей операціонной линіи, — это *азбука* военнаго дѣла». Наполеонъ I).

дѣйствій, а это быстрое, безостановочное наступленіе, веденіе войны импонирующимъ образомъ для всей Европы, вызывалось, въ свою очередь, какъ *экономическими*, такъ и въ особенности *политическими условіями*.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса о числительной силѣ наступательной арміи необходимо было тщательно взвѣсить также, какими *силами могъ располагать противникъ*.

Не имѣя возможности судить о томъ, какъ этотъ вопросъ разрѣшонъ былъ у насъ въ офиціальномъ мірѣ, составителями плана кампаніи, мы приводимъ слѣдующую выписку изъ появившейся незадолго передъ войною брошюры („Очеркъ современнаго состоянія вооруженныхъ силъ Турціи"). Въ ней говорится между прочимъ.

„По нашему мнѣнію, *Турція можетъ выставить въ поле*, на Европейскій театръ войны, не болѣе:

Боевая сила:

120	баталіоновъ пѣхоты	60000 ч.
100	эскадроновъ конницы	8000 „
70	батарей (420 оруд.)	10000 „
6	инжерныхъ ротъ	1800 „
	Всего почти	80000 ч.

„И этого еще слишкомъ много (?). Общую числительную силу мы совсѣмъ не приводимъ, потому что она не имѣетъ въ боевомъ смыслѣ никакого значенія, выражая лишь число ртовъ, требующихъ пищи".

Посмотримъ теперь, насколько можно судить по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, что дѣйствительно было выставлено Турціею на Европейскомъ театрѣ:

Войска перволинейныя:

1)	На нижнемъ Дунаѣ, въ Добруджѣ	4 тыс.
2)	въ четыреугольникѣ крѣпостей	37 „
3)	по Дунаю отъ Рущука до Лом-Паланки . .	7 „
4)	у Виддина	45 „
5)	у Ниша и Алексинаца	16 „

(*Обсерваціонный корпусъ противъ Сербіи*).

Резервы:

7) по южную сторону Балканскаго хребта у Филиппополя и Софіи . . . . 25 тыс.

8) въ Константинополѣ . . . . 22 „

8) въ Македоніи . . . . 3 „

всего около 160 тыс. при 300 оруд.

не считая около 90 тыс., находившихся въ Босніи, Герцеговинѣ, противъ черногорцевъ, въ Албаніи, Эпирѣ, Өессаліи и на островахъ Архипелага. Итого всего 250 тыс., боевая сила которыхъ можетъ быть принята въ 200 тыс. вообще. Боевая же сила войскъ, назначенныхъ для дѣйствія противъ нашей арміи, съ резервомъ, можетъ быть принята въ 130 тыс., изъ нихъ въ 1-й линіи, для обороны Дуная, Турки располагали около 90 т. (30 тыс. при 150 орудіяхъ на Нижнемъ Дунаѣ, 50 тыс. при 150 орудіяхъ у Виддина и 6—7 для связи между этими двумя массами на пространствѣ отъ Рущука до Лом-Паланки).

Такимъ образомъ оказывается, что силы Турокъ были *раздѣлены* на значительномъ пространствѣ отъ Виддина до устьевъ Дуная, но не разбросаны въ видѣ *кордона*, а *сгруппированы* въ двѣ массы.

Это *раздѣленіе силъ* не можетъ быть не признано вполнѣ правильнымъ, такъ какъ оно вполнѣ отвѣчало требованіямъ *обстановки*, хотя *направленіе нашего наступленія*, какъ выше было сказано, имъ должно было быть извѣстно. Казалось бы, послѣ этого, что не было и причины къ раздѣленію силъ; но если принять трудности, которыя намъ предстояло преодолѣть въ дѣлѣ обезпеченія нашей операціонной линіи (о чемъ уже было упомянуто выше), рядъ весьма сильныхъ, заранѣе заготовленныхъ фланговыхъ позицій: Рущукъ и Шумла съ одной стороны и Виддинъ съ другой, представлявшихъ столь удобныя базы для наступательныхъ операцій на нашъ тылъ и фланги въ особенности при малѣйшей оплошности съ нашей стороны въ дѣлѣ прочнаго ихъ обезпеченія, — если принять все это въ разсчетъ, въ связи съ главною цѣлью, къ которой турки должны были стремиться, *затягивать войну, выигрывать время*..., то вышеприведенная группировка силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій (Strategischer Aufmarsch, déploiement stratégique) должна быть признана вполнѣ *цѣлесообразною*, т. е. *правильною*, какъ это

ближе всего и подтверилось ходомъ военныхъ дѣйствій до паденія Плевны. Фактическое подтвержденіе болѣе прочно, чѣмъ всевозможныя логическія разсужденія. Конечно всѣ эти фланговыя позиціи и цѣлесообразныя группировки войскъ на театрѣ войны не достигли бы цѣли, не задержали бы нашего наступленія на нѣсколько мѣсяцевъ, если бы только (какъ въ своемъ мѣстѣ было упомянуто) мы располагали достаточными средствами для парализаціи ихъ, и прежде всего *достаточными силами* для образованія прочныхъ заслоновъ на р. Янтрѣ и р. Видѣ, по восточную и западную сторону нашей операціонной линіи; но, при обратномъ условіи, при *недостаточныхъ силахъ*, съ которыми начата была кампанія, напротивъ того, онѣ парализовали на нѣсколько мѣсяцевъ наше наступленіе на югъ.

Наша *дѣйствующая армія* имѣла въ минуту открытія военныхъ дѣйствій слѣдующій составъ: VIII, IX, XI, XII корпуса (первоначальный составъ арміи), далѣе (резервные, мобилизованные лишь 22 апрѣля) корпуса IV, XIII и XIV. Каждый корпусъ состоялъ изъ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій; при каждой дивизіи соотвѣтствующая артиллерійская бригада изъ 48 орудій (6 батарей); при каждомъ корпусѣ кавалерійская дивизія изъ 4-хъ полковъ (16—18 эскадроновъ и сотенъ) при 12 конныхъ орудіяхъ (двѣ батареи). При каждомъ корпусѣ соотвѣтствующее число артиллерійскихъ парковъ (летучихъ, подвижныхъ и конно-артиллерійскихъ).

Сверхъ того въ составъ *дѣйствующей арміи* входили два саперные баталіона (3 и 2 и 1 рота 1-го резервн. батал.), два желѣзно-дорожныхъ баталіона, 4 понтонныхъ баталіона, 2 осадныхъ инженерныхъ парка, 1 полевой инженерный паркъ, 4-е военно-телеграфныхъ инженерныхъ парка, команда гальванеровъ (50 чел.), гвардейскій экипажъ и 6 ротъ флотскихъ командъ, Донскіе казачьи полки №№ 21, 23, 26, 29, 31, 34, 35, 37 и 40, Уральская сотня, Кавказская казачья дивизія (20 сотенъ), 2 сотни черноморскихъ пластуновъ, $6^1/_2$ эскадроновъ гвардейскихъ казачьихъ войскъ, Донской казачьей артиллеріи 4 батареи (24 орудія), 10 резервныхъ баталіоновъ.

Всего въ дѣйствующей арміи было:

	Батал.	Эск. и сотенъ.	Орудій.	Ротъ.
Регулярныхъ войскъ	197	73	730	9
Иррегулярныхъ . . .	—	140	72	—
	197	213	802	9

Полагая среднимъ числомъ на

1 бат.	1000 ч.
1 роту.	200 „
1 эскадр. . . .	150 „

Получимъ: пѣхоты . . . . . 197,000 } ок. 230 т.
Кавалеріи около . . . . . . 32,000 }
Артиллеріи . . . . 800 орудій.
Слѣдовательно около 230 т. при 800 орудіяхъ.

Полагая разницу между списочною силою и боевою въ 20% (какъ то нами было принято при исчисленіи турецкихъ силъ) получимъ цифры:

185 т. при 800 орудіяхъ,

для боевой силы нашей арміи въ періодъ, непосредственно слѣдующій за переправою черезъ Дунай (безъ союзной Румынской арміи 40 т.).

III.

СОСРЕДОТОЧЕНІЕ АРМІИ НА ДУНАѢ.

(Карта № 1-й).

Громадная разница въ условіяхъ театра войны, сравнительно съ таковыми же для германскихъ армій въ кампанію 1870 г., дала себя почувствовать съ перваго же шага, еще въ минуту *сосредоточенія силъ* на театрѣ военныхъ дѣйствій.

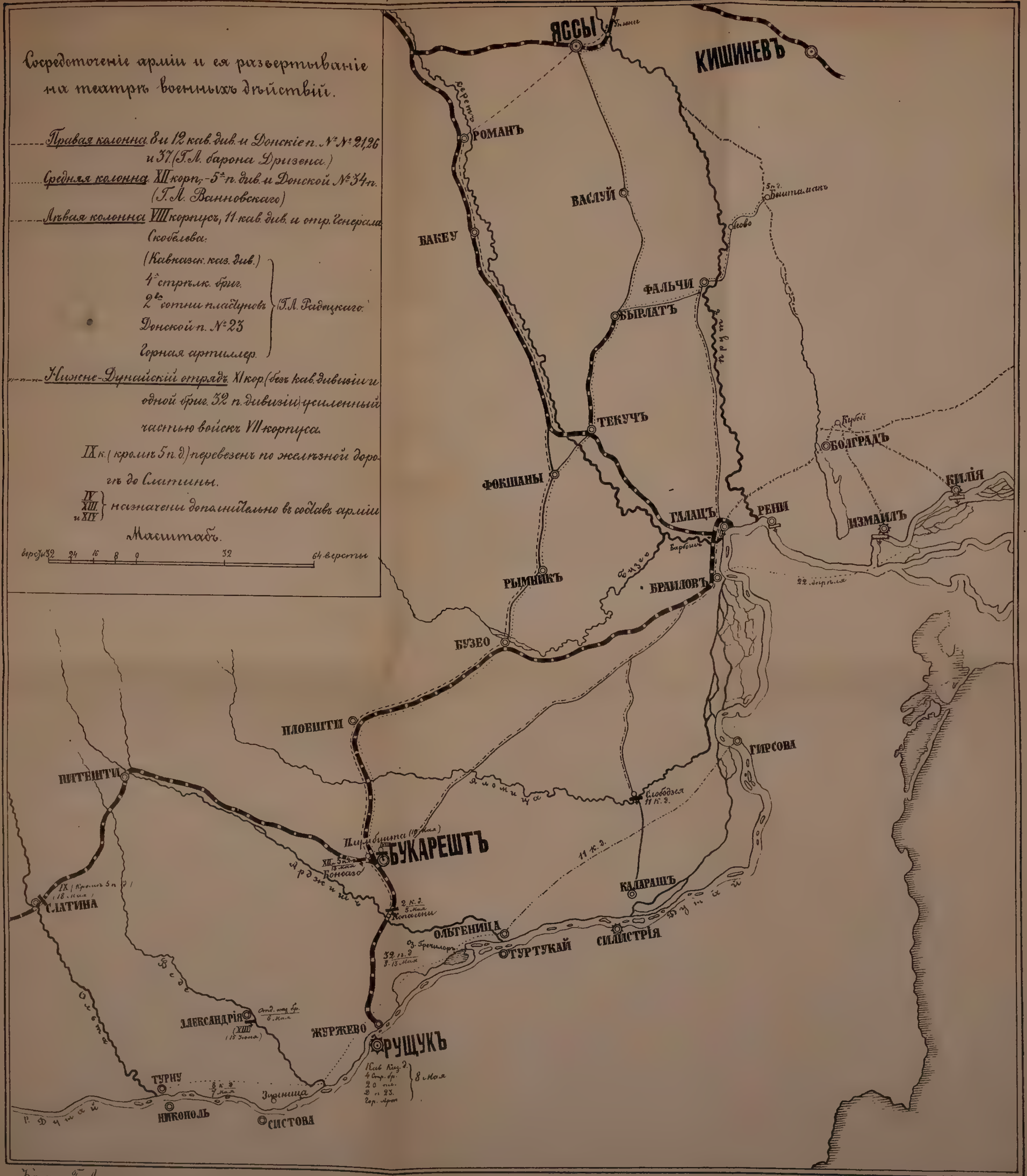
Правда, пруссакамъ пришлось двигать вдвое большія силы, но въ ихъ распоряженіи было 9-ть почти параллельныхъ желѣзнодорожныхъ линій (6-ть С.-Германскаго Союза и 3 въ Южной Германіи) и операція *стратегическаго развертыванія силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій* могла быть исполнена не только съ тою *быстротою*, которую, въ этомъ случаѣ, доставляютъ желѣзныя дороги [1]), но и въ то же время съ полною *безопасностью* подъ прикрытіемъ линіи Рейна, защищенной рядомъ сильныхъ крѣпостей.

Далеко не при столь благопріятныхъ условіяхъ пришлось намъ исполнить эту же операцію, хотя число войскъ было болѣе чѣмъ

[1]) При обыкновенныхъ условіяхъ, желѣзныя дороги ускоряютъ отъ 2 до 3 разъ сосредоточеніе войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Къ Сбо

Карта № 1.

Русская Скоропечатня (П. С. Нахимова), Б. Сад 27.

на половину менѣе. *Прежде всего* желѣзными дорогами воспользоваться было нельзя, такъ какъ въ Румыніи была всего только *одна линія* (Унгени — Яссы — Галацъ — Плоешти — Букарештъ — Питешти — Слатина и Краіово), находившаяся вдобавокъ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Дорога эта одноколейная, мѣстами съ крутыми подъемами, мѣстами же проходитъ по затопляемымъ водою низменностямъ. Подвижной составъ весьма слабъ: 138 локомотивовъ, 620 вагоновъ пассажирскихъ и 2,400 товарныхъ, такъ что ежедневно можетъ быть отправляемо 5-ть и никакъ не болѣе 8-ми поѣздовъ. Имѣя въ виду, что на корпусъ войскъ, принятаго у насъ состава, со всѣми вспомогательными аппаратами, необходимо до 175 поѣздовъ, оказывается, что на перемѣщеніе корпуса на 500 верстъ (суточный переѣздъ по желѣзной дорогѣ) необходимо было отъ 22 до 38 дней, отъ 3-хъ недѣль до $5^1/_2$, между тѣмъ какъ при движеніи по обыкновеннымъ дорогамъ, ему понадобилось бы на тоже 5-ть недѣль. Для ускоренія перемѣщенія одного корпуса еще можно было бы воспользоваться одною желѣзною дорогою на 500 верстъ, но для 2-хъ и большаго числа, перевозка по одной желѣзной дорогѣ только замедлила бы сосредоточеніе войскъ; но и для перевозки одного корпуса, ею приходилось пользоваться съ крайнею осмотрительностью, имѣя въ виду, что она необходима была главнымъ образомъ для перевозки войсковыхъ тяжестей и запасовъ.

Другое неблагопріятное для насъ обстоятельство, сравнительно съ Пруссіей въ 1870 г., заключалось въ условіи *безопасности*. Какъ выше было объяснено, нѣмецкое развертываніе силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій было не только вполнѣ безопасно съ фланговъ, но и съ фронта прикрыто такою сильною линіею, какъ Рейнъ съ его крѣпостями. Далеко не въ такомъ видѣ представлялось условіе безопасности для насъ. Оно являлось въ формѣ не малой опасности съ лѣваго фланга, при малѣйшемъ умѣніи непріятеля воспользоваться выгодами своего положенія.

Опасность эта выражалась въ томъ, что Дунай, правый берегъ котораго находился въ полной власти турокъ и на которомъ турки располагали *флотиліею* (5 броненосныхъ канонирскихъ лодокъ, вооруженныхъ каждая 2-мя орудіями, 4-ре обыкновенныхъ канонирскихъ лодки, 2 броненосныхъ корвета, 2 монитора), прикрывалъ наше движеніе весьма условно. Благодаря этому обстоятельству, операція сосредоточенія войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, считающаяся въ ряду *подготовительныхъ* и

исполняемая обыкновенно по домашнему, съ доставленіемъ войскамъ всевозможныхъ удобствъ, обращалась въ операцію, которую приходилось исполнить съ нѣкоторыми боевыми предосторожностями, въ *маршъ-маневръ*, въ извѣстномъ смыслѣ, *фланговый*, требовавшій цѣлаго ряда весьма энергическихъ мѣръ къ обезпеченію со стороны Дуная, къ предупрежденію непріятеля и къ утвержденію на пунктахъ, наиболѣе удобныхъ для десанта болѣе или менѣе значительныхъ силъ, мѣръ, въ родѣ тѣхъ, которыя были приняты Наполеономъ I въ 1809 г. для обезпеченія своего фланговаго марша отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ.

Въ ряду этихъ пунктовъ особеннаго вниманія заслуживалъ *Барбошскій* мостъ, находящійся на р Серетѣ, въ весьма близкомъ разстояніи отъ Дуная. Это весьма важное техническое сооруженіе имѣетъ длину въ 120 саженъ. Разрушеніе его было весьма легко для турокъ, въ особенности при условіи полнаго господства на водахъ Дуная, и произвело бы значительное замедленіе въ сосредоточеніи нашей арміи на Дунаѣ и въ особенности въ доставкѣ находившихся при ней тяжестей, такъ какъ ближайшій мостъ на р. Серетѣ отъ Барбошскаго находится въ 80 верстахъ, у Маразешти.

Хотя, какъ выше было приведено, обстановка, при которой приходилось дѣйствовать туркамъ, *вообще* побуждала ихъ отдать предпочтеніе *пассивно-оборонительному* образу веденія войны, но это нисколько не исключало *частныхъ переходовъ въ наступленіе* въ благопріятныхъ случаяхъ, подобныхъ вышеприведенному. Турки же, въ началѣ войны въ особенности, вели себя крайне пассивно.

Надо отдать полную справедливость нашему штабу, что далеко не разсчитывая на оплошность со стороны непріятеля («on ne dédaigne pas impunément son ennemi» Наполеонъ I), на его недѣятельность, нами приняты были всѣ мѣры для надлежащаго обезпеченія операціи, съ полнымъ принятіемъ въ расчетъ наименѣе благопріятныхъ для насъ условій; этотъ *пріемъ* (готовности на худшее), достойный подражанія, ведетъ къ *разсчету* на войнѣ, насколько онъ въ ней возможенъ, и избавляетъ отъ всякаго рода *увлеченій* со свойственными имъ грустными послѣдствіями.

Распоряженія къ сосредоточенію войскъ на Дунаѣ заключались въ слѣдующемъ.

1. Войска должны были вступить въ Румынію тремя колоннами:

Правая (8-я и 12-я кав. дивизіи и Донскіе казачьи полки №№ 21, 26 и 27) г.-л. барона Дризена. Колонна эта должна была слѣдовать черезъ Унгени, Яссы, Романъ, Бакеу, Фокшаны, Рымникъ, Бузео и Плоешти, къ Копачени, въ окрестности Бухареста.

Средняя колонна (XII корпусъ, 5-я пѣхотная дивизія IX корпуса и Донской № 34) г.-л. Ванновскаго изъ Унгени на Васлуй (XII корпусъ) и изъ Бештамака на Леово, Фальчи (5-я дивизія), на Бырлатъ, Текучь, Фокшаны, Рымникъ, Бузео, Плоешти въ Бонеаза, въ окрестности Бухареста.

Лѣвая колонна (VIII корпусъ, 11 кав. дивизія и колонна г.-л. Скобелева: Кавказская казачья дивизія, 4-я стрѣлковая бригада, 2 сотни пластуновъ, Донской полкъ № 23 и горная артиллерія) г.-л. Радецкаго изъ Бештамака на Фальчи, Галацъ, Браиловъ, Бухарестъ къ Журжево и Дайце (отрядъ г.-л. Скобелева), къ Плумбуитѣ. въ окрестность Бухареста (VIII-й корпусъ). 11-я же кав. дивизія должна была свернуть изъ Обилешти-Нау и Слободзеи къ Дунаю, по направленію къ Силистріи.

2. Обезпеченіе движенія означенныхъ войскъ слѣва, со стороны Дуная, возложено было на войска XI корпуса г.-л. кн. Шаховскаго, поддержанныя частями VII корпуса.

Войска эти выдѣлили изъ себя цѣлый *рядъ боковыхъ авангардовъ:*

а) *Нижне-Дунайскій отрядъ* (только что поименованныя войска безъ кавалерійской дивизіи и 1-й бригады 32-й п. дивизіи) г.-л. Шаховскаго долженъ былъ двинуться отъ Кубея въ Галацъ, Браиловъ, Барбошъ, Рени, Килію, Измаилъ.

б) *11-я кав. дивизія* (слѣдующій эшелонъ боковаго авангарда), какъ выше было приведено, сначала слѣдовала при лѣвой колоннѣ и затѣмъ должна была свернуть къ Дунаю, для охраненія пространства отъ Гирсова до Ольтеницы.

и в) *1-я бригада 32-й пѣхотн. дивизіи* (слѣдующій эшелонъ боковаго авангарда) направлена была, для той же цѣли, къ Ольтеницѣ. Въ послѣдствіи къ ней присоединилась и другая бригада той же дивизіи, такъ что въ Нижне-Дунайскомъ отрядѣ осталась только 11-я пѣхотная дивизія и войска VII корпуса 32-я пѣхотная дивизія охраняла, въ послѣдствіи, теченіе Дуная отъ Ольтеницы до озера Гречилоръ.

По мѣрѣ удаленія нашей арміи на Западъ послѣдовательно высылались новые авангарды къ Дунаю. Такимъ образомъ *войска*

г.-л. Скобелева (въ вышеприведенномъ составѣ) приняли на себя, въ послѣдствіи, наблюденіе и охраненіе по теченію Дуная отъ озера Гречилоръ до р. Вида, а *8-я кавалерійская дивизія* отъ р. Вида до р. Ольты. Наблюденіе же за дальнѣйшимъ теченіемъ Дуная, въ Малой Валахіи, принято было на себя *Румынскими* войсками.

Изъ приведеннаго видно, что, сверхъ войскъ XI корпуса и части VII-го, всѣ войска лѣвой колонны, кромѣ пѣхоты VIII корпуса, разошлись по *охранительнымъ отрядамъ* вдоль по лѣвому берегу Дуная какъ во время марша, такъ и по окончаніи сосредоточенія силъ въ окрестностяхъ Бухареста.

3) Сверхъ того, въ виду *смѣшаннаго* характера марша, частью обыкновеннаго марша для сосредоточенія войскъ, частью марша-маневра (о чемъ было упомянуто выше), приказано было, для увеличенія степени ихъ боевой готовности, двигаться крупными эшелонами: побригадно съ артиллеріею.

Такимъ образомъ, особенностямъ обстановки, при которой пришлось исполнить сосредоточеніе силъ, было вполнѣ удовлетворено, какъ съ точки доставленія при этомъ войскамъ возможныхъ *удобствъ*, такъ и съ точки зрѣнія *безопасности*.

12 апрѣля, приступлено было къ исполненію приведенныхъ распоряженій.

13 апрѣля, уже войска XI корпуса, отрядъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, подъ начальствомъ начальника штаба корпуса полковника Бискупскаго, двигаясь изъ Рени на Галацъ, занялъ Барбошскій мостъ, сдѣлавъ крайне форсированный маршъ, около 80 верстъ (кавалерія сдѣлала 100 верстъ, а пѣхота 70 верстъ). Въ виду указанной выше стратегической важности Барбошскаго моста такая поспѣшность была крайне необходима.

Затѣмъ движеніе войскъ продолжалось согласно составленному разсчету, который однако не могъ быть выполненъ съ желаемою точностью; сосредоточеніе войскъ окончено было нѣсколькими днями позже, чѣмъ оно первоначально предполагалось. Причина тому заключалась въ массѣ крайне неблагопріятныхъ условій, при которыхъ пришлось исполнить движеніе, какъ-то: проливныхъ и продолжительныхъ дождяхъ, распустившихъ дороги, разрушившихъ мосты на желѣзной дорогѣ, и при крайне неудовлетворительномъ вообще состояніи румынской желѣзной дороги. IX-й корпусъ (кромѣ 5-й пѣхотной дивизіи) двинутъ былъ нѣсколько позже по желѣзной дорогѣ къ Слатинѣ.

26 апрѣля, дѣйствующая армія усилена была тремя новыми корпусами: XIII (г.-л. Ганъ), IV (г.-л. Зотовъ) и XIV (г.-л. Циммерманъ).

Въ виду значительнаго удаленія этихъ войскъ отъ театра военныхъ дѣйствій только одинъ XIII корпусъ успѣлъ прибыть ко времени переправы черезъ Дунай. Къ половинѣ іюня онъ прибылъ къ Александріи.

Самое кратчайшее направленіе отъ Кишинева до Бухареста, по воздушной линіи, 400 верстъ, а до Дуная 450 верстъ. Принимая общепринятую норму скорости подобнаго рода маршей, 100 верстъ въ 1 недѣлю, оказывается, что сосредоточеніе нашихъ войскъ около Бухареста, *стратегическое развертываніе нашихъ силъ* (Strategischer Aufmarsch, déploiement stratégique) могло быть окончено черезъ 4 недѣли, т. е. къ 10 мая.

Главная масса войскъ сосредоточилась около Бухареста въ промежуткѣ времени отъ *13 мая до 20 мая*, именно:

13 мая XII корпусъ съ Донск. каз. № 31 п. у Михалешти.
19 „ VIII „ „ „ „ № 23 п. къ Ю. отъ Бухареста по дорогѣ въ Журжево.
20 „ 5-я пѣхот. див. и каз. № 34 п. близъ Бухареста.
18 „ остальная часть IX корпуса въ Слатинѣ.

Большая часть бывшихъ *боковыхъ авангардовъ*, съ прибытіемъ главныхъ силъ къ Бухаресту, обратившихся въ *передовые, наблюдательные охранительные отряды*, достигли Дуная нѣсколько ранѣе.

Такимъ образомъ:

Нижне-Дунайскій отрядъ уже къ *22 апрѣля* занялъ всѣ важнѣйшіе прибрежные пункты по нижнему теченію Дуная отъ Гуры-Яломицы (противъ Гирсова) до Киліи, имѣя резервъ въ Болградѣ и штабъ въ Галацѣ.

11 кав. дивизія прибыла *9 мая* къ Слободзеѣ, выдвинула авангардъ къ Калarашу и наблюдала за теченіемъ Дуная отъ р. Аржиса до Гирсова.

32 пѣхотная дивизія съ Донскими казачьими № 31 п. прибыла къ Ольтинцѣ: 1-я бригада 8 мая, а 2-я 13 мая, имѣя главныя силы по линіи Будшети—Фратшети и наблюдая казачьими полками Дунай на протяженіи отъ озера Гречилоръ до р. Аржиса.

Отрядъ г.-л. Скобелева прибылъ къ Журжево 8 мая и принялъ на себя наблюденіе за теченіемъ Дуная отъ озера Гре-

чилоръ до р. Веде.—*Резервомъ* его должна была служить: 12 кав. дивизія, прибывшая 3 мая изъ Копачени, и одна изъ бригадъ 14 дивизіи VIII корпуса, выдвинутая къ Фратешти.

8-я кав. дивизія прибыла къ Турну Магурелли около 7 *мая* и наблюдала за Дунаемъ отъ р. Ольты до р. Веде. *Резервомъ* ей служила отдѣльная Донская казачья бригада въ Александріи, куда она прибыла 6 мая.

И такъ въ то время какъ главныя силы сосредоточились у Бухареста, въ промежуткѣ отъ *13 до 20 мая*, передовые отряды по линіи р. Дуная заняли свои мѣста въ промежуткѣ отъ *22 апрѣля*, а, не считая Ниже-Дунайскаго отряда, *съ 7 по 13 мая.*

Отъ 20 мая до 12—15 іюня, отъ окончанія сосредоточенія войскъ до переправы черезъ Дунай, прошло *23—26* дней,—промежутокъ времени, который на первый взглядъ можетъ показаться слишкомъ значительнымъ, тѣмъ болѣе, что кампанія 1828 года уже показала все неудобство переправы въ періодъ сильныхъ жаровъ (во время Сатуновской переправы жара доходила до 40° по Реомюру, а Сатуновская переправа исполнена была 26 мая). Въ виду опыта прежнихъ войнъ, въ нашей арміи установился вполнѣ правильный взглядъ, чтобы все необходимое для *скорѣйшаго устройства переправы* было бы доставлено значительно заблаговременно и весь матеріалъ (кромѣ лѣса), необходимый для устройства мостовъ, двинутъ въ Румынію одновременно съ движеніемъ арміи. Все это не только имѣлось въ виду, но и было въ дѣйствительности исполнено, а вполнѣ достойная сожалѣнія, приведенная выше *потеря времени* произошла главнымъ образомъ вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ случайностей, которыхъ нельзя было предвидѣть, именно: необыкновенно сильнаго и продолжительнаго разлива Дуная, такъ что на Нижнемъ Дунаѣ даже въ первыхъ числахъ іюня вода стояла на 15 футовъ выше ординара; продолжительныхъ дождей, повлекшихъ за собою порчу мостовъ, и крайней неисправности румынскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Всѣ эти обстоятельства, замедлившія перевозку осадной артиллеріи и въ особенности понтонныхъ парковъ, вынудили переправу, назначенную первоначально на *25 мая*, откладывать со дня на день, пока наконецъ она не была окончательно назначена на *12 іюня*; но и тутъ, по неисправности желѣзныхъ дорогъ, пришлось отложить ее еще на три дня, до 15 ч. (можетъ быть еслибы была только возможность двинуть понтонные парки въ головѣ желѣзно-дорож-

ныхъ транспортовъ, а не въ хвостѣ, то этимъ путемъ выигралось бы хоть нѣкоторое время).

Въ описанный нами періодъ времени, пока исполнялось стратегическое развертываніе нашихъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, происходила безпрерывная почти перестрѣлка между турецкими и нашими батареями на берегахъ Дуная, у Калафата и Виддина, Рахова и у устья р. Шиль, у Рущука и Журжева, Туртукая и Ольтеницы.

Два наиболѣе важныя событія, въ теченіе этого времени, на р. Дунаѣ были: *29 апрѣля* взрывъ турецкаго монитора *„Люфти-Джелиль“* и въ ночь съ *13 на 14 мая* взрывъ другаго турецкаго монитора *„Хивзи-Рахманъ“*, сходнаго по своей конструкціи и вооруженію съ первымъ. Первый погибъ отъ двухъ удачныхъ выстрѣловъ, направленныхъ съ нашихъ береговыхъ батарей и попавшихъ въ котелъ, который разорвало, огонь сообщился крюгъ-камерѣ и мониторъ взлетѣлъ на воздухъ. Второй сдѣлался жертвою торпедо. Въ ночь съ 13 на 14 мая лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ направились на 4-хъ миноносныхъ катерахъ съ 40 человѣками матросовъ изъ Браилова къ Мачинскому рукаву, гдѣ турки имѣли 3 броненосца, двигавшихся безпрерывно на пространствѣ Браиловъ — Галацъ — Рени (пока у Браилова не были устроены минныя загражденія) и бомбардировавшихъ то тотъ, то другой пунктъ. Они же бомбардировали Браиловъ, въ день пребыванія тамъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, 24 апрѣля. Подъ градомъ бомбъ и пуль Дубасовъ и Шестаковъ подвели подъ „Хивзи-Рахманъ“ двѣ мины и притомъ такъ удачно, что онъ мгновенно взлетѣлъ на воздухъ.

Два только что приведенныхъ факта, *важные сами по себѣ*, какъ по матеріальному ущербу, нанесенному непріятелю, такъ и въ особенности по тому неблагопріятному моральному вліянію, которое они должны были обнаружить на дѣйствія турецкаго флота, *еще болѣе важны* по тому вліянію, которое они должны будутъ имѣть на исторію развитія флота вообще.

IV.

I-й (ДУНАЙСКІЙ) ПЕРІОДЪ КАМПАНІИ.

Передъ тѣмъ, чтобы обратиться къ обзору переправы черезъ Дунай, въ кампанію 1877 г., остановимъ наше вниманіе: 1) на вопросѣ, чисто *теоретическаго* характера: *какого рода затрудненія представляютъ рѣки наступающему, въ чемъ именно они заключаются и къ чему сводится значеніе рѣкъ, какъ оборонительныхъ линій?* и 2) представимъ бѣглый *историческій* очеркъ, вѣрнѣе перечень прежнихъ нашихъ переправъ черезъ Дунай въ войнахъ съ Турціею.

Переправы черезъ большія рѣки представляютъ *своего рода затрудненія*, но къ операціямъ изъ ряда вонъ *труднымъ*, какъ то показываетъ опытъ, онѣ отнесены быть не могутъ, начиная съ того, что въ теченіе 2000 лѣтъ, онѣ постоянно удавались; исключая только двухъ случаевъ (1705 г. переправа Принца Евгенія черезъ р. Адду у Парадизо и Кассано и 1799 г. переправа черезъ р. Ааръ Эрцъ-Герцога Карла у Деттингена [1]) и то, въ обоихъ случаяхъ, вслѣдствіе нарушенія наступающимъ *азбучнаго правила: не приступать къ наводкѣ моста, пока оба берега не будутъ во власти наступающаго*. На основаніи опыта *всей* военной исторіи рѣки, такимъ образомъ, обладаютъ лишь въ большей или меньшей степени *задерживающею силою*, но не способны *остановить* наступающаго.

Менѣе всего рѣки затрудняютъ *стратегію*: *стратегически атаковать рѣку гораздо легче, чѣмъ оборонять ее*. Если представить себѣ одну и туже позицію съ широкою и непроходимою въ бродъ рѣкою впереди ея фронта и ее же безъ таковой преграды впереди, то очевидно, что въ первомъ случаѣ, позиція должна быть признана значительно сильнѣе второй, въ *тактическомъ смыслѣ* слѣдовательно рѣка усиливаетъ оборону и *тактически* (т. е. въ одномъ пунктѣ) *легче оборонять рѣку, чѣмъ атаковать ее*;

---

[1]) Иногда къ той же категоріи фактовъ относятъ и 1-ю неудавшуюся переправу черезъ Дунай Наполеона I въ 1809 у Асперна; но это будетъ несправедливо уже потому, что неудавшись въ первый разъ, по *легкомысленному* способу ея исполненія, хотя отчасти и оправдываемому *общимъ положеніемъ дѣлъ*, она блистательно удалась 6 недѣль спустя, передъ Ваграмскимъ сраженіемъ.

но стоитъ себѣ представить только рядъ такихъ пунктовъ, рядъ такихъ позицій, т. е. вмѣсто *одной точки* (переправы), цѣлую *линію* изъ подобныхъ точекъ (рѣку, какъ оборонительную линію), то дѣло тотчасъ же представится въ обратномъ смыслѣ. Вмѣсто одной точки, *сосредоточивающей* на себѣ вниманіе и силы обороняющагося, возникаетъ длинная линія, *развлекающая* его вниманіе и вынуждающая его къ разброскѣ силъ. Если къ этому прибавить, что иниціатива, въ подобномъ случаѣ, принадлежитъ наступающему, который выбираетъ *время* и *мѣсто* для переправы и, какъ то, такъ и другое, легко можетъ *скрыть* отъ противника, благодаря, въ свою очередь, легкости производства *демонстрацій*, то трудность стратегической обороны рѣкъ, равно какъ и постоянная почти удача наступающаго, въ подобномъ случаѣ, обрисовываются сами собою.

Такимъ образомъ, рѣки (будь то Рейнъ, Дунай...) не должны затруднять *стратегію*; что же касается до *тактики*, то степень затрудненій, которыя она встрѣтитъ на пунктѣ, выбранномъ для переправы, будетъ, прежде всего, обусловливаться тѣмъ, на сколько стратегія, *направляющая* тактику и, въ тоже время, *подготовляющая ей* работу; успѣетъ въ дѣлѣ подготовки. Допустимъ что стратегія, въ этомъ отношеніи успѣла вполнѣ, т. е. окончательно отвлекла вниманіе обороняющагося отъ пункта, выбраннаго для переправы, то задача тактики облегчается донельзя, такъ какъ авангарду наступающаго придется имѣть дѣло только съ какимъ нибудь оборонительнымъ постомъ, расположеннымъ на противоположномъ берегу. Возьмемъ случай обратный предъидущему, переправу, при условіи вполнѣ неудавшейся стратегической подготовки (благодаря чему обороняющійся къ пункту переправы успѣлъ сосредоточить всѣ свои силы), тогда задача наступательной переправы, на извѣстномъ пунктѣ, на столько затрудняется, что она обратится въ совершенно невозможную, такъ какъ, при этихъ условіяхъ упорствовать на переправѣ значило бы вести войска не въ *бой*, а на *убой*, что, конечно не можетъ входить въ разсчетъ *военнаго искусства*.

Итакъ, въ зависимости отъ большаго или меньшаго искусства стратегической подготовки, задача наступательной переправы для тактики можетъ быть или облегчена или затруднена до нельзя. Это впрочемъ касается не однѣхъ переправъ, а всевозможныхъ операцій: *чѣмъ стратегія добросовѣстнѣе исполнитъ свою обязанность, тѣмъ задача тактики облег-*

чается и, на оборотъ, *стратегическія неправильности исправляются лишь побѣдою, купленною крайне дорогою цѣною.* Это *положенія общія.* Какъ видно изъ вышеизложеннаго, стратегическая подготовка не встрѣчаетъ, въ подобномъ случаѣ, особыхъ затрудненій, а, при соотвѣтствующей стратегической подготовкѣ, какъ то и бываетъ почти всегда, тактическая задача при наступательной переправѣ представится далеко не въ трудномъ видѣ, какъ то и подтверждается, въ большой части случаевъ, относительно малыми потерями первыхъ переправляющихся, десантныхъ войскъ (авангарда), на которыя и выпадаетъ самая трудная задача. Такимъ образомъ, въ *1828* г. переправа у Сатунова намъ обошлась въ 112 ч. (по Мольтке 50); въ *1854* переправа у Браилова стоила 30 ран. и 6 убит.; у Галаца (гдѣ переправилась главная масса нашихъ войскъ) 1 ран. казакъ; у Измаила около 800.

Принимая во вниманіе, что, въ дѣлѣ обезпеченія успѣха переправы, однимъ изъ главныхъ факторовъ является *возможно скорое окончаніе работъ по устройству переправы*, обусловливаемыхъ свойствами рѣки и тѣмъ, господствуетъ ли на ней непріятель, при помощи флота и рѣчныхъ флотилій, и то, что означенныя работы, равно какъ и мѣры относительно противодѣйствія непріятельскимъ судамъ, выпадаютъ на долю *инженеровъ*, нельзя не прійти къ тому окончательному выводу, что переправа черезъ рѣки широкія и глубокія, будучи задачею легко разрѣшимою для стратегіи, а, при извѣстныхъ условіяхъ, и для тактики *вообще*, представляетъ, въ *частности*, особенно серьезныя затрудненія для *инженеровъ, инженерныхъ войскъ* и *моряковъ*, на долю которыхъ въ подобнаго рода операціяхъ и выпадаетъ наиболѣе трудная задача [1]).

---

[1]) Все вышеизложенное мы считали необходимымъ предпослать описанію и разбору нашихъ переправъ черезъ Дунай въ 1877 г., въ тѣхъ видахъ, чтобы ближе уяснить *степень трудности* подобныхъ операцій: заключается ли она въ стратегической сторонѣ дѣла, въ тактической ли *вообще* или же лишь въ тактической въ *частности* (какъ въ данномъ случаѣ скорѣе въ технической сторонѣ, въ инженерной) и тѣмъ установить *правильный взглядъ* на этотъ родъ операцій, одна изъ существенныхъ задачъ теоріи Военнаго Искусства, къ сожалѣнію далеко еще не очищенной, по крайней мѣрѣ по отношенію къ большинству вопросовъ, отъ разнаго рода увлеченій (ложныхъ взглядовъ) и предразсудковъ. Какъ извѣстно, большинство склонно видѣть трудности тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и не видѣть ихъ, на оборотъ, тамъ, гдѣ онѣ существуютъ. Многими въ нашей литературѣ еще до совершенія переправы чрезъ Дунай нашими войсками предсказывалось, что это крайне трудная операція (и дѣйствительно представлявшая

Какъ извѣстно, оборона рѣки представляется въ трехъ типичныхъ формахъ: *пассивной*—когда средства для обороны сосредоточены на одномъ берегу, *активной*—когда обороняющійся владѣетъ обоими берегами рѣки и, наконецъ, *демонстративной*, являющейся уже въ сущности не обороною рѣки, а развѣ только *подобіемъ обороны* (показываніемъ вида обороны ея). Разбирая вопросъ чисто теоретически, помимо условій *времени* и *мѣста*, помимо *обстановки*, конечно наиболѣе сильною изъ приведенныхъ трехъ формъ должна оказаться активная оборона рѣки, далѣе пассивная и, наконецъ, наиболѣе слабою демонстративная; но, если принять въ разсчетъ *обстановку* въ самомъ широкомъ смыслѣ, общее положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій обѣихъ сторонъ, то послѣдняя можетъ такъ сложиться, что самая слабая форма обороны рѣки вообще, въ извѣстномъ частномъ случаѣ, можетъ оказаться наиболѣе соотвѣтствующею, какъ то и было съ обороною Рейна Наполеономъ въ 1814 г. (и какъ повидимому обстановка того требовала и для турокъ въ нынѣшнюю кампанію).

Выше, при обсужденіи *общаго плана дѣйствій*, объяснено уже было, почему туркамъ выгоднѣе всего было остановиться вообще на *оборонѣ* и притомъ на оборонѣ *пассивной*, въ особенности въ началѣ кампаніи, поощряя по возможности наступающаго къ выполненію смѣлаго плана и затѣмъ уже, давши противнику зарваться, перейти къ наступленію; короче, ихъ поведеніе должно бы было близко подходить, въ подобныхъ же обстоятельствахъ, къ поведенію Наполеона I въ сраженіи при Аустерлицѣ (1805).

Понятно послѣ того, что этой основной идеѣ плана всей кампаніи, идеѣ пассивной обороны, должны были подчиниться и планы всѣхъ частныхъ операцій, вытекающихъ изъ общаго плана.

своего рода громадныя затрудненія, нами вполнѣ побѣжденныя) будетъ стоить 10, 20 даже до 30 тыс., а по совершеніи переправы высказывалось удивленіе, что переправа у Зимницы стоила только около 1,000 чел., а не 30,000. На чемъ подобнаго рода предсказанія могли основываться? Очевидно не на вѣрномъ пониманіи теоріи и не на правильной оцѣнкѣ опыта, а на полнѣйшемъ *невѣдѣніи дѣла*; оно же является и ближайшимъ источникомъ всякаго рода *удивленій* и *увлеченій*. Подобно тому, какъ большинство склонно было видѣть главную трудность, въ настоящую кампанію, *въ переправѣ чрезъ Дунай* и въ *переходѣ чрезъ Балканы*, т. е. тамъ, гдѣ трудности было всего менѣе; оно склонно было и по той же основной причинѣ не видѣть ее въ самомъ трудномъ и сложномъ вопросѣ каждой кампаніи, въ *обезопашеніи операціонной линіи*,—линіи, въ которой выражается ни болѣе, ни менѣе какъ вся основная идея стратегіи. То, что нами только что высказано, по поводу атаки и обороны рѣкъ, въ основныхъ чертахъ вполнѣ примѣнимо и къ атакѣ и оборонѣ горныхъ хребтовъ.

Первымъ объектомъ для турокъ была оборона рѣки Дуная, которая, въ виду только что сказаннаго, должна была быть ведена турками *пассивно*, даже *демонстративно*, повторяемъ, не смотря на то, что *активная* форма обороны ея, *сама по себѣ*, отдѣльно взятая сильнѣе. Послѣдняя уже и потому, въ данномъ случаѣ, являлась не подходящей, что, не смотря на силу свою, она притягиваетъ развязку операціи (генеральное сраженіе) въ сосѣдство рѣки; это одно изъ свойствъ этой формы обороны рѣкъ, что конечно не соотвѣтствовало разсчетамъ турокъ.

Итакъ оборона Дуная турками должна была быть ведена *пассивно*, благодаря чему задача для наступающаго еще болѣе облегчалась. Мало того, она, подъ вліяніемъ все той же обстановки, должна быть ведена даже просто *демонстративно*, т. е. туркамъ нужно было скорѣе только оборонять р. Дунай *для вида*, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, предоставляя ему задержать противника на столько, на сколько онъ это могъ исполнить *самъ по себѣ*. Благодаря этому, задача для наступающаго еще болѣе облегчилась [1]).

---

[1]) Казалось бы, что такая форма (демонстративная) обороны рѣки на столько слаба, что она даже не должна быть вовсе допущена. И дѣйствительно о ней изъ всѣхъ теоретическихъ писателей упоминаетъ лишь только одинъ *Клаузевицъ* и, въ подтвержденіе того, что и она можетъ привести, при извѣстныхъ условіяхъ, къ цѣли, онъ приводитъ *оборону р. Рейна Наполеономъ въ 1814 г.*

Проигравъ сраженіе подъ Лейпцигомъ, Наполеонъ съ какими нибудь 50 тыс. отступаетъ къ Рейну; союзники преслѣдуютъ его. Съ такимъ ничтожнымъ числомъ войскъ оборона р. Рейна отъ Страсбурга до Нимвегена казалась дѣломъ совершенно невозможнымъ. Наполеонъ понималъ это очень хорошо, равно какъ и то, что мало мальски серьезный отпоръ союзникамъ имъ могъ быть данъ развѣ только на линіи р. Маасъ, или еще правильнѣе въ пространствѣ между рр. Марною и Сеною. Сюда-то главный центръ тяжести обороны и долженъ былъ бы быть перенесенъ Наполеономъ; но на исполненіе этого плана прежде всего необходимо было *время*. Въ тоже время, Наполеонъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что если онъ не ухватится за линію р. Рейна, а будетъ продолжать отступать, то союзники безпрепятственно дойдутъ до Парижа и война будетъ кончена. Въ виду этого, онъ рѣшается свои слабые корпуса эшелонировать по Рейну. Эта форма обороны рѣкъ, какъ весьма справедливо называетъ ее *Клаузевицъ*, лишь *демонстрація* обороны рѣки (пожалуй *декорація*, *подобіе* обороны), сама по себѣ до нельзя слабая, однако оказала свое дѣйствіе и это прежде всего потому, что она отвѣчала *общему положенію* (всей обстановкѣ) дѣла.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ еще недавней обороны р. Эльбы Наполеономъ, преодолѣніе которой стоило союзникамъ столько трудовъ (обороняемой Наполеономъ активно), они, на этотъ разъ, декораціи обороны р. Рейна придали излишне большое значеніе и, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій, *простояли 6-ть недѣль*, время, которымъ Наполеонъ такъ искусно воспользовался для организаціи своихъ средствъ къ дальнѣйшей оборонѣ, короче, изъ этой ошибки союзниковъ и *вышла вся кампанія 1814 г.*, которая безъ нея положительно не имѣла бы мѣста.

Переправа чрезъ Дунай, въ предѣлахъ Европейской Турціи, дѣло для насъ далеко *не новое*. Съ 1773 г., когда Дунай былъ въ *первый разъ* перейденъ *у Туртукая* великимъ Суворовымъ (въ то время еще генералъ-маіоромъ) и по 1877 годъ, когда онъ былъ перейденъ у *Браилова* и *Зимницы*, въ теченіе 100 лѣтъ, войска наши 22 раза переходили на правый берегъ Дуная.

Выше нами былъ приведенъ *общій выводъ* изъ всей военной исторіи, именно, что только два раза, въ теченіе 2000 лѣтъ, рѣкамъ удалось *окончательно остановить* наступающаго. Теперь передъ нами не менѣе интересный *частный выводъ* изъ исторіи нашихъ войнъ съ турками, изъ котораго видно, что, въ теченіе 100 лѣтъ, переправляясь 22 раза чрезъ Дунай, съ большими или меньшими затрудненіями, мы были имъ задерживаемы на болѣе или менѣе продолжительное время, но *ни разу не были имъ остановлены*.

1-я наша переправа чрезъ Дунай, переправа Суворова у *Туртукая*, является скорѣе въ видѣ поиска, произведеннаго имъ на правомъ берегу, такъ какъ *10-го же мая*, въ день переправы, вечеромъ онъ возвратился на лѣвый берегъ. Переправа эта замѣчательна по *необыкновенной смѣлости*, съ которою она была исполнена, отличающей всѣ дѣйствія Суворова. Она была произведена 700 ч. между двумя сильными турецкими крѣпостями, Рущукомъ и Силистріею, занятыми сильнымъ гарнизономъ, въ виду сильнаго непріятельскаго отряда (около 4 т.).

Блистательный успѣхъ этой операціи извѣстенъ: выбитіе турокъ изъ Туртукая (они однихъ убитыхъ имѣли 1500 ч.), сожженіе Туртукая; захватъ 12-ти большихъ орудій на батареѣ, изъ которыхъ увезено было только 4-ре (не считая артиллеріи въ самомъ Туртукаѣ). *Потери Суворова 88 человѣкъ убитыми и ранеными*.

Извѣстно, что этотъ блестящій поискъ предпринятъ былъ Суворовымъ на свой страхъ; онъ не только не имѣлъ разрѣшенія свыше, но отъ главнокомандующаго, гр. Румянцова, имѣлъ даже положительное приказаніе „*не переходить за Дунай*“. Суворовъ былъ преданъ Румянцовымъ военному суду. Благодаря справедливости великой императрицы („*побѣдителя судить не должно*“ исторически извѣстная ея резолюція) судъ этотъ окончился весьма милостиво для Суворова. Онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-го класса.

Нѣсколько дней послѣ Туртукайской переправы, *17 мая*,

генералъ *Вейсманъ*, находившійся съ 6 т. войска на Нижнемъ Дунаѣ, переправился у *Измаила* на правый берегъ Дуная и двинулся къ *Карасу*, разбилъ здѣсь 27 мая 8 т. турокъ и взялъ 16 орудій.

Гр. Румянцовъ, пользуясь успѣхами своихъ отрядныхъ начальниковъ и въ особенности удачнымъ поискомъ Вейсмана къ Карасу, рѣшился переправить и главныя силы арміи у *Гуробалъ*, въ 30 верстахъ ниже Силистріи. Переправа эта исполнена была въ два дня, 9 и 10 іюня. 6 т. непріятельскій отрядъ у Гуробалъ отступилъ еще 7 іюня, безъ всякаго сопротивленія, въ виду приближенія отряда генерала Вейсмана, подходившаго со стороны къ Карасу, и отряда Потемкина, готовившагося атаковать съ фронта. Не смотря на удачный исходъ штурма турецкаго укрѣпленнаго лагеря близь Силистріи и на побѣдоносный бой у Кучукъ-Кайнарджи, Румянцовъ, въ виду *недостаточности средствъ* (около 20 т.), для дальнѣйшаго успѣшнаго веденія кампаніи на правомъ берегу Дуная, рѣшился и, вполнѣ основательно, вернуться на лѣвый его берегъ.

17-го іюня того же года *2-я переправа Суворова черезъ Дунай у Туртукая.* Отрядъ Суворова состоялъ изъ 4100 ч. Непріятельскій отрядъ въ Туртукаѣ состоялъ тоже изъ 4000, расположенныхъ въ двухъ лагеряхъ. Суворовъ, послѣ упорнаго боя, занимаетъ оба лагеря, беретъ 9 орудій, 6 мачтовыхъ судовъ, 4 лодки... Уронъ непріятеля въ обоихъ лагеряхъ 1100 ч. *Наша потеря состояла изъ 6 убитыхъ и 96 раненыхъ нижнихъ чиновъ.*

Императрица, хотя и вполнѣ сознавала, въ виду слабости силъ Румянцова, необходимость перенесенія военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ Дуная, но тѣмъ не менѣе настаивала на переходѣ снова на правый берегъ Дуная Румянцова, по полученіи посланныхъ ему подкрѣпленій.

Румянцовъ рѣшился выждать наступленія глубокой осени (когда Турки обыкновенно расходятся по домамъ) и переправить войска неожиданно на нѣсколькихъ пунктахъ и затѣмъ дѣйствовать по возможности энергически противъ Турокъ. Отрядъ кн. *Долгорукова* (5 т.) долженъ былъ въ началѣ октября переправиться у *Гирсова*, что и было исполнено безпрепятственно, такъ какъ *Гирсово* находилось въ нашей власти; *Глѣбовъ* долженъ былъ переправиться у Гуробалъ, что имъ тоже было исполнено. Переправа эта не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Затѣмъ болѣзнь Румянцова, неудачный штурмъ Варны войсками Унгерна и вообще отсутствіе *единства въ дѣйствіяхъ* нашихъ отрядовъ на правомъ берегу были причинами возвращенія арміи на лѣвый берегъ Дуная и расположенія ея на зимнихъ квартирахъ.

Въ кампанію *1774 г.*, Каменскій переправился у Измаила въ первой половинѣ апрѣля, Суворовъ близъ устья Яломицы. Главная армія переправилась черезъ Дунай у *Гуробалъ* (кн. Репнинъ у *Ликорештъ*), Салтыковъ у *Туртукая* (6 іюля).

Во *вторую Турецкую войну* (1787—1791 г.), въ которую театромъ служили главнымъ образомъ княжества и побережье Чернаго моря, только послѣ штурма Измаила Суворовымъ, кн. Репнинъ (за отсутствіемъ кн. Потемкина) перешелъ Дунай, близъ Исакчи, въ декабрѣ 1790, и занялъ Мачинъ, 31 марта 1791 г.

Въ *слѣдующую Турецкую войну,* при императорѣ Александрѣ I-мъ (1806—1811 г.), дѣло до переправы черезъ Дунай дошло лишь въ 1809 г. Армія кн. Прозоровскаго доходила до 80 т. Ему поставлено было главною цѣлью: „быстрый переходъ за Дунай и рѣшительныя тамъ дѣйствія...“ Прозоровскому это однако не удалось, вслѣдствіе неудачныхъ приступовъ на лѣвомъ берегу Дуная: Милорадовича у Журжева и самого кн. Прозоровскаго на Браиловъ. Небольшой отрядъ Исаева (6 бат., 2 полка казаковъ и 500 Пандуровъ), правда, переправился черезъ Дунай у Кладова, гдѣ и соединился съ сербскимъ отрядомъ въ 1000, но послѣ неудачнаго штурма Кладова (9 іюля), снова вернулся на лѣвый берегъ Дуная.

Наконецъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ Государя, князь Прозоровскій, за три дня до своей смерти, переправился черезъ Дунай 6 августа у *Галаца,* безъ боя съ непріятелемъ, и расположился у устья Мачинскаго Гирла. Новый главнокомандующій князь Багратіонъ занялъ Исакчу, Тульчу, Мачинъ, Гирсово и Браиловъ, встрѣтилъ упорное сопротивленіе у Силистріи и, по позднему времени года, долженъ былъ обратно перейти на лѣвый берегъ (у Гирсова 3 января 1810). На правомъ берегу у Гирсова устроенъ былъ тетъ де понъ, занятый авангардомъ гр. Каменскаго (15 баталіоновъ и 5 казачьихъ полковъ).

Въ 1810 г. новый главнокомандующій гр. Каменскій 2-й,

пользуясь переправою у Гирсова, перешелъ здѣсь черезъ Дунай. Авангардъ переправился *5 мая*, главныя силы подтянулись черезъ 4 дня. *Зассъ*, тоже въ маѣ, овладѣлъ съ боя переправою у *Туртукая*. Въ ночь съ *4 на 5 іюня* графъ Цукато переправился на правый берегъ Дуная у острова *Ольмара* близь Виддина и 6 іюня соединился съ Сербами. Неудача наша подъ Рущукомъ вынудила насъ очистить Сербію, но отчаянное положеніе послѣдней побудило гр. Каменскаго направить туда отрядъ гр. *Орурка*, который перешелъ Дунай у *Кладова* и занялъ его.

Въ 1811 г. новый главнокомандующій *Кутузовъ*, послѣ побѣдоноснаго сраженія подъ Рущукомъ, обратно перевелъ армію на лѣвый берегъ Дуная, въ концѣ *іюля*, заманивая за собою Великаго Визиря, что ему и вполнѣ удалось, и кампанія кончилась блестящимъ образомъ окруженіемъ арміи Визиря, полною парализаціею ея, что ближе всего и повело къ заключенію мира (между тѣмъ какъ весь результатъ предшествовавшихъ *пяти походовъ* заключался только въ занятіи княжествъ и въ овладѣніи крѣпостями на обоихъ берегахъ Дуная).

Въ 1828 г. 100 тыс. армія наша перешла р. Прутъ, въ концѣ апрѣля, а *26 мая* главныя силы (III корпусъ) Рудзевича перешли Дунай у *Сатунава*, близь Исакчи, послѣ боя съ 12-тыс. непріятельскимъ отрядомъ. Бой этотъ намъ стоилъ, какъ выше было приведено, 112 чел. потери (по Лукьяновичу) и только 50 (по Мольтке). VII корпусъ Войнова переправился у Браилова, послѣ взятія этой крѣпости.

Въ 1854 г. армія наша въ числѣ 45 тыс., при 166 орудіяхъ, перешла Дунай въ мартѣ, въ трехъ пунктахъ: у *Браилова*, *Галаца* и *Измаила* 11 марта у Браилова (12¼ бат., 7 эск., 5 сотенъ, 52 орудія) подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго кн. Горчакова; генералъ Лидерсъ (24¼ бат., 8 эск., 6 сотенъ и 64 орудія) переправился у Галаца и генералъ Ушаковъ (14 бат., 16 эск., 6 сотенъ и 50 орудій) у Измаила, близь мыса Четала. Упорный бой выпалъ только на долю генерала Ушакова (и то его можно было избѣжать, заслонившись отъ турецкихъ лѣвофланговыхъ батарей и устремивъ главную атаку на слабо защищенную кр. Тульчу). Потери, имъ понесенныя, были довольно значительны: убито офицеровъ 5 и нижнихъ чиновъ 196; ранено офицеровъ 19, нижнихъ чиновъ 491, безъ вѣсти пропало 48; вообще выбыло изъ

строя 759 чел. У Браилова убито 6 нижнихъ чиновъ, ранены 2 генерала, 1 офицеръ и 30 нижнихъ чиновъ; у Галаца раненъ 1 казакъ.

Представимъ въ общей картинѣ результаты всѣхъ переправъ:

	ВРЕМЯ ПЕРЕПРАВЫ.	МѢСТО ПЕРЕПРАВЫ.	Число.		Потери.	
			нашихъ войскъ.	непр.	нашихъ войскъ.	непр.
1) Переправа Суворова . . .	1773—10 мая.	Туртукай.	700	4000	88	1500
2) Переправа Вейсмана . . .	17 мая.	Измаилъ.	6000			
3) Переправа главныхъ силъ Румянцова . .	9—10 іюня.	Гуробалъ, бл. Силистріи.	20000	6000		
4) Переправа Суворова . . .	17 іюня.	Туртукай.	4100	4000	102	1100
5) Переправа кн. Долгорукаго .	въ нач. окт.	Гирсово.	5000			
6) Переправа Глѣбова		Гуробалъ.				
7) Переправа Каменскаго . .	1774 г. въ первой полов. апрѣля.	Измаилъ.				
8) Переправа Суворова . . .		Близь устья Яломицы.				
9) Переправа Главныхъ силъ . .	6 іюня.	Гуробалъ.				
10) Переправа кн. Репнина. . .		Ликорешти.				
11) Переправа Салтыкова . . .		Туртукай.				
12) Переправа кн. Репнина. . .	1790 въ декабрѣ.	Исакча.				
13) ПереправаИсаева (неб. отр.).	1809 въ іюнѣ.	Кладово.				
14) Переправа глав. силъ кн. Прозоровскаго. .	6 августа.	Галацъ.				
15) Переправа гр. Каменскаго глав. силъ	1810—5—9 мая.	Гирсово.				
16) Переправа Засс.	въ маѣ.	Туртукай.				

	ВРЕМЯ ПЕРЕПРАВЫ.	МѢСТО ПЕРЕПРАВЫ.	Число. нашихъ войскъ.	Число. непр.	Потери. нашихъ войскъ.	Потери. непр.
17) Переправа гр. Цукато . . .	4—5 іюня.	Остр. Ольмаръ близь Видина.				
18) Переправа гр. Орурка . . .		Кладово.				
19) Переправа кн. Витгенштейна глав. силъ. .	1828—26 мая.	Сатуново, бл. Исакчи.	50000	12000	50 (112)	
20) Переправа кн. Горчакова. .	1854—11 марта.	Брапловъ.		40		
21) Переправа Лидерса . . .		Галацъ.		1		
22) Переправа Ушакова [1]) . . .		м. Чатова.		759		

Изъ приведеннаго бѣглаго историческаго обзора нашихъ переправъ черезъ Дунай видно:

1) Что (не считая 2-хъ переправъ въ 1877 г. у Браилова и Зимницы) онъ *22 раза* былъ вообще переходимъ нашими войсками, въ теченіе 100 лѣтъ, начиная съ 1773, включая сюда какъ переправы небольшихъ, такъ и переправы значительныхъ силъ.

2) Всѣ 22 переправы (и 24 со включеніемъ 2-хъ 1877 г.) были удачны;

3) Изъ 22 переправъ боемъ сопровождалось на 4 переправы приблизительно 1 (около 6—7), что показываетъ вообще слабость обороны со стороны Турокъ. Даже въ меньшинствѣ случаевъ, когда переправы сопровождались боемъ, онъ былъ далеко не упорный, что видно по незначительности нашихъ потерь;—короче, исторія намъ показываетъ, что Турки, послѣ паденія крѣпостей на лѣвомъ берегу Дуная ограничивались крайне пассивною обороною его, обороняли его даже скорѣе *демонстративно*, т. е. предоставляли Дунаю задерживать насъ на столько, на сколько онъ къ тому былъ способенъ *самъ по себѣ*, по присущей ему задерживающей силѣ.

---

[1]) При всемъ желаніи представить болѣе полныя данныя, по имѣющимся у меня подъ руками матеріаламъ, я лишенъ возможности это сдѣлать.

и 4) Изъ 22 переправъ 15 приходится на участокъ Нижняго Дуная, отъ Туртукая до устья, и 7 на участокъ отъ Туртукая до Кладова.

И такъ исторія нашихъ Турецкихъ войнъ указываетъ на то, что въ теченіе 100 лѣтъ нами было совершены 22 переправы; всѣ онѣ были удачны; изъ 4-хъ одну приходилось среднимъ числомъ исполнить съ боемъ, при чемъ потери, въ слѣдствіе крайней пассивности обороны, были незначительны.

Такимъ образомъ теорія военнаго дѣла, указанія *всей* военной исторіи (выводъ изъ всѣхъ исторически извѣстныхъ переправъ), наконецъ указанія *частной* военной исторіи (выводы изъ нашихъ войнъ съ Турціею)—все это показывало, что *Дунай и на этотъ разъ не долженъ былъ явиться для насъ преградою неодолимою, даже не особенно трудно одолимою*; далѣе представлялись несравненно болѣе трудныя задачи, хотя бы всѣ задачи, вытекавшія изъ потребности *строгой безопасности операціонной линіи.* Дунайская переправа представляла лишь трудности *относительныя,* заключавшіяся въ ширинѣ, глубинѣ, степени разлива, свойствахъ береговъ рѣки,—трудности, которыя приходилось побѣдить главнымъ образомъ *инженеру* и за тѣмъ трудности, которыя должны были возникнуть изъ господства на немъ *броненоснаго флота,* фактора совершенно новаго въ Европейскихъ войнахъ, при дѣйствіяхъ на рѣкахъ, побѣдить которыя выпадало на долю совокупныхъ усилій *артиллеристовъ, моряковъ* и *инженеровъ.* Вотъ это-то обстоятельство сильно дѣйствовало на воображеніе и побуждало представлять себѣ задачу наступательной переправы несравненно болѣе трудною, чѣмъ она явилась на дѣлѣ, что впрочемъ и очень хорошо, такъ какъ нѣкоторое преувеличеніе затрудненій при переправѣ вызвало *образцовую подготовку* и, какъ ближайшее того слѣдствіе, *блистательный успѣхъ всей операціи.*

Мониторы,—созданіе Американской войны. Ей же принадлежитъ и честь открытія и соотвѣтствующаго этому яду противоядія. Послѣднее, какъ извѣстно, заключается въ двухъ средствахъ: а) въ *навѣсномъ огнѣ* или *въ стрѣльбѣ съ возвышенныхъ береговыхъ батарей,*—средство, взорвавшее на воздухъ мониторъ „Лютфи-Джелиль“, и б) въ *минахъ* вообще, въ *торпедо,* сокрушившихъ мониторъ „Хевзи-Рахманъ“.

Искусное употребленіе этихъ двухъ средствъ, что и представляетъ особенно поучительную сторону нашихъ переправъ 1877 г., должно было окончательно парализовать турецкій бро-

неносный флотъ въ водахъ Дуная; цѣль эта была достигнута вполнѣ. Само собою разумѣется, что подобно тому, какъ не приступаютъ къ переправѣ, пока огонь непріятельской артиллеріи не будетъ потушенъ, подобно тому нечего было думать о начатіи переправы, пока цѣль парализаціи непріятельскаго флота не была окончательно достигнута [1]).

Необходимо отмѣтить еще одно затрудненіе, не встрѣчавшееся ни въ одной изъ прежнихъ нашихъ переправъ черезъ Дунай, но встрѣтившееся на этотъ разъ. Оно заключалось въ *переправѣ съ боемъ значительныхъ силъ* (4-хъ корпусовъ, или 120 т.) *въ одномъ пунктѣ*.

Познакомившись по возможности обстоятельно съ ожидавшими насъ на переправѣ черезъ Дунай, при одолѣніи этого *перваго объекта*, затрудненіями, перейдемъ къ исчисленію тѣхъ мѣръ, которыя были приняты для устраненія ихъ, т. е. къ описанію самыхъ переправъ.

25 мая вечеромъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи, городъ Плоешти, изволилъ прибыть Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, а 27-го государь посѣтилъ Бухарестъ, встрѣчая повсюду восторженныя привѣтствія со стороны войскъ и Румынскаго населенія. Въ Браиловѣ, Его Величество благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, удостоенныхъ за послѣднія дѣла Георгіевскихъ крестовъ и крестовъ за храбрость съ мечами.

Пріѣздъ Государя Императора въ армію указывалъ на близость серьезной операціи, т. е. переправы черезъ Дунай, которая, какъ выше сказано было, и назначалась первоначально на 25 мая; но разлитіе Дуная и неисправность румынскихъ дорогъ вынудили откладывать переправу со дня на день до 10 (у Галаца) и 15 іюня (у Зимницы).

Пунктами для переправы первоначально избраны были на нижнемъ Дунаѣ: *Браиловъ* и *Галацъ*, а на среднемъ Дунаѣ *Зимница*; однако же значительная высота воды у Зимницы (окрестности ея были сильно наводнены) вынудила Главнокомандующаго перенести предполагаемую переправу нѣсколько ниже *Никополя*, къ Турну-Магурелли и Фламундѣ, гдѣ Дунай течетъ въ одномъ руслѣ и не имѣетъ значительныхъ протоковъ и затоковъ. Сообразно съ этимъ предположеніемъ и исполнены были первоначальныя

[1]) Мѣры, принятыя въ этомъ дѣлѣ, будутъ указаны въ отдѣлѣ «*техническая подготовка переправы*».

движенія; но затѣмъ рекогносцировка, произведенная лично Главнокомандующимъ въ промежутокъ отъ 8 — 12 іюля, въ сопровожденіи только Начальника Штаба и его помощника, убѣдили Его Высочество въ опасности форсированія переправы въ виду непріятельской крѣпости, тѣмъ болѣе, что этотъ пунктъ былъ уже намѣченъ непріятелемъ, въ чемъ не трудно было убѣдиться, какъ по числу сосредоточенныхъ тамъ войскъ, такъ и по числу возведенныхъ укрѣпленій (въ началѣ мая, со времени прибытія нашихъ передовыхъ войскъ къ Дунаю было только два отдѣльныхъ укрѣпленія, а къ началу іюня число ихъ возросло до 13-ти). Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, въ связи со спаденіемъ воды у Зимницы (во время вынужденной трехдневной остановки, съ 12 по 15 іюня, по случаю поздняго прибытія понтонныхъ парковъ) вынудили Его Высочество окончательно избрать для главной переправы *Зимницу*, тѣмъ болѣе, что хотя армія уже начала движеніе по направленію къ первоначально избранному пункту переправы къ Никополю, къ Турну—Магурелли и Фламундѣ (о чемъ сказано будетъ ниже), но по случаю отстрочки переправы, ее пришлось остановить на три дня по линіи р. Веде, у Руша де Веде, Александріи и Бею,—а изъ этого расположенія, какъ центральнаго по отношенію къ Турну, Зимницѣ и Журжеву, она съ одинаковымъ удобствомъ и скоростью могла быть двинута къ одному изъ этихъ трехъ пунктовъ.

ПОДГОТОВКА ПЕРЕПРАВЫ.

Разъ какъ пунктъ для переправы выбранъ, то ближайшая задача подготовки операціи переправы заключается въ томъ, чтобы искусно веденными *демонстраціями* отвлечь отъ него вниманіе непріятеля; это первая задача *стратегической подготовки*. Слѣдующая затѣмъ задача, тоже относящаяся еще къ области стратегической подготовки, сводится къ *сосредоточенію къ пункту переправы превосходныхъ силъ*. На этомъ кончается стратегическая подготовка.

За тѣмъ уже начинается *тактическая подготовка*, сводящаяся къ удаленію усиленнымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятельскихъ войскъ на противоположномъ берегу, и по достиженіи этой цѣли, къ перебрасыванію на него авангарда (десанта). По утвержденіи на противоположномъ берегу, слѣдуетъ уже чисто

техническая работа, устройство переправы и, наконецъ, исполняется самая переправа.

Таковъ *логическій* ходъ дѣла, но въ виду сложности собственно *тактической* и *технической* стороны подготовки, въ данномъ случаѣ, также необходимости приступить къ ней заблаговременно, мы предпочитаемъ въ нашемъ изложеніи держаться *хронологическаго* порядка и начать описаніе переправы съ *тактической* и *технической* подготовки.

На этотъ разъ дѣло тактической подготовки успѣха переправы заключалось не только въ удаленіи непріятельскихъ войскъ (вообще незначительныхъ силъ) отъ противоположнаго берега усиленнымъ артиллерійскимъ огнемъ, но необходимо было, въ то же время, и *парализировать непріятельскій флотъ.*

Парализація флота достигалась путемъ: 1) усиленнаго дѣйствія противъ него нашей артиллеріи (гибель Лютфи-Джелиль), 2) атаки его открытою силою (гибель Хевзи-Рахмана) и 3) устройства минныхъ загражденій.

Сверхъ блестящей *атаки* монитора Хевзи-Рахманъ лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ, въ *ночь съ 13 на 14 мая,* были и другія попытки въ томъ же родѣ, замѣчательныя также отвагою нашихъ доблестныхъ моряковъ, хотя и не столь успѣшныя, такъ какъ турецкіе моряки сдѣлались уже нѣсколько бдительнѣе и нашли средства для противодѣйствія атакамъ миноносныхъ катеровъ, въ родѣ устройства вокругъ мониторовъ боновъ, кринолиновъ и проч.

Къ числу такихъ попытокъ, хотя и не приведшихъ къ взрыву атакованныхъ мониторовъ, не причинившихъ, такимъ образомъ, непріятелю матеріальнаго ущерба, но не миновавшихъ произвести на него сильное моральное впечатлѣніе и способствовавшихъ къ парализаціи непріятельскаго флота на Дунаѣ, отнести нужно слѣдующія дѣйствія. Во первыхъ упомянемъ о *попыткѣ, произведенной пароходомъ „Константинъ“* (лейтенантъ Макаровъ), вышедшимъ изъ Одессы атаковать, въ *ночь съ 28 на 29 мая,* у Сулины, 6-ю миноносными катерами [1]) стоявшіе тамъ 3 броненосца. Дѣйствительную атаку удалось произвести только катеру № 2 (лейтенантъ Рождественскій) и можетъ быть катеру № 1 (лейтенантъ Пущинъ), такъ какъ и съ него былъ слышенъ взрывъ. Не смотря на сильную атаку лейтенанта Рож-

---

[1]) Катера № 1, № 2, Чесма, Синопъ, Наваринъ и Минеръ.

дѣйственскаго на ближайшій броненосецъ и не смотря на то, что взрывъ произошелъ у борта его, броненосецъ пострадалъ мало. Лейтенантъ же Пущинъ и 40 человѣкъ команды взяты были въ плѣнъ. Во вторыхъ, сюда относится атака 8 іюня лейтенанта *Скрыдлова* на шлюпкѣ Наслѣдника Цесаревича *„Шутка“* противъ непріятельскаго блиндированнаго парохода, вышедшаго изъ Рущука и открывшаго картечный огонь по нашимъ шлюпкамъ съ цѣлью воспрепятствованія устройству минныхъ загражденій (у Парапана). Не смотря на блестящую атаку, исполненную Скрыдловымъ подъ сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ съ берега, и не смотря на ударъ носовымъ шестомъ въ бортъ парохода, взрыва не послѣдовало, такъ какъ проводники были перебиты пулею. Лейтенантъ Скрыдловъ, раненый въ обѣ ноги, въ виду пробоины въ носовой части шлюпки, долженъ былъ отступить. Въ третьихъ, была произведена, *11 іюня*, атака (для прикрытія устройства минныхъ загражденій у Карабіи) гвардейскаго экипажа мичманомъ Ниловымъ и гардемариномъ Аренсомъ, хотя блестящимъ образомъ веденная, но тѣмъ не менѣе на столько же неудавшаяся, какъ и предъидущія.

Минныя загражденія на Нижнемъ Дунаѣ, гдѣ войска *Нижне-Дунайскаго отряда* успѣли уже окончательно сосредоточиться къ *22 апрѣля,* были устроены еще въ началѣ кампаніи съ цѣлью преградить турецкимъ судамъ какъ входъ, такъ и выходъ изъ главнаго рукава и изъ Мачинскаго рукава. Къ *концу апрѣля,* мы уже вполнѣ владѣли участкомъ Дуная отъ Рени до Браилова, а къ *концу мая* весь Нижній Дунай отъ Рени до Гирсова былъ вполнѣ свободенъ отъ турецкаго флота. Благодаря этому, мостъ изъ Браилова въ Гечеть могъ быть устроенъ совершенно безпрепятственно.

Турецкіе броненосцы, вытѣсненные минными загражденіями изъ Нижняго Дуная, собрались всѣ, въ промежуткѣ отъ 8 до 12 іюня, на *среднемъ Дунаѣ,* гдѣ именно и предполагалась главная переправа. Благодаря этому обстоятельству, устройство минныхъ загражденій на этомъ участкѣ рѣки представляло несравненно бо̀льшія затрудненія.

Находившійся въ Бухарестѣ отрядъ гвардейскаго экипажа съ паровыми шлюпками (10) и съ подводными минами, при полуротѣ гвардейскихъ саперъ, раздѣленъ былъ на два отряда, изъ которыхъ одинъ двинутъ былъ по желѣзной дорогѣ къ станціи Фратешти, а отсюда на биндюгахъ въ Малу де Жосъ; а

другой направленъ былъ къ Слатинѣ, а оттуда къ Фламундѣ. Первый отрядъ устроилъ съ 10 по 15 іюня минное загражденіе на Дунаѣ у с. Парапана отъ лѣваго берега до острова Мечика, а второй—у Карабіи, нѣсколько выше Никополя, къ 12 іюня. Благодаря этому, движеніе турецкихъ броненосцовъ между Рущукомъ и Никополемъ сдѣлалось совершенно невозможнымъ. У Никополя оставалось только два турецкихъ монитора, сильно поврежденныхъ во время бомбардировки 14 іюня и взятыхъ нами вмѣстѣ съ этою крѣпостью 4 іюля.

Такимъ образомъ, благодаря отчасти удачному дѣйствію нашей артиллеріи, далѣе отважнымъ дѣйствіямъ нашихъ моряковъ и, наконецъ, искусному устройству минныхъ загражденій, *непріятельскій флотъ на Дунаѣ*, наиболѣе грозный изъ всѣхъ факторовъ для обороны его, сильно усложнившей и затруднившей переправу, придававшей ей *исключительный характеръ*, въ ряду подобнаго же рода операцій, былъ окончательно парализованъ. Съ окончаніемъ этой важной части тактической подготовки предстоявшей намъ переправы черезъ Дунай, она обращалось уже въ переправу ничѣмъ особеннымъ не отличающуюся отъ всѣхъ возможныхъ переправъ. Главный успѣхъ этого важнаго дѣла, какъ видно, принадлежитъ артиллеристамъ, но еще болѣе морякамъ и инженерамъ

Подготовка обѣихъ переправъ на нижнемъ и среднемъ участкѣ Нижняго Дуная въ *техническомъ* (инженерномъ) отношеніи заключалась въ слѣдующемъ.

На *нижнемъ Дунаѣ*, по распоряженію начальника Нижне-Дунайскаго отряда, командира XIV корпуса, генералъ-лейтенанта Циммермана, собраны были къ *Галацу* и *Браилову* всѣ лодки, барки и плоты, исправлены и приспособлены къ перевозкѣ войскъ, въ особенности артиллеріи. Кромѣ этого, взяты были два парохода, принадлежащіе Румынскому правительству, и одинъ частный пароходъ для перевозки плотовъ изъ Галаца въ Браиловъ и для наводки плотовыхъ мостовъ у Браилова. Въ то же время, были сформированы двѣ команды гребцовъ: въ Браиловѣ 200 ч. и въ Галацѣ 160.

Рекогносцировки, произведенныя генералъ-лейтенантомъ Циммерманомъ 20 и 22 мая, со стороны Галаца и Браилова, показали, что всѣ низменныя части праваго берега были залиты водою.

Выше уже указано было на то, что съ устройствомъ минныхъ загражденій на Нижнемъ Дунаѣ, главное препятствіе для

наведенія моста, непріятельскій флотъ, былъ парализованъ; но оно затруднялось другимъ обстоятельствомъ—*разливомъ Дуная*, который въ 1877 г. отличался и значительною продолжительностью и необыкновенными размѣрами [1]).

Не смотря на это затрудненіе весьма серьезнаго свойства, *9-го іюня*, инженеръ-подполковникомъ Клименко былъ наведенъ мостъ черезъ Дунай у Гечета. Сверхъ того, у *Браилова* было собрано 8 баржъ, которыя предполагалось буксировать пароходомъ, и 80 лодокъ съ командою гребцовъ отъ 1-й Донской казачьей дивизіи.

На *среднемъ участкѣ Нижняго Дуная*, гдѣ предполагалась главная переправа, приготовленія къ ней по технической части заключались въ сосредоточеніи къ пункту переправы: 1) 4-хъ понтонныхъ парковъ (3, 4, 5 и 6 понтонные баталіоны), двинутыхъ сначала по желѣзной дорогѣ до Банясъ и далѣе обыкновеннымъ порядкомъ въ Бею; 2) деревянныхъ понтоновъ (построенныхъ въ Галацѣ и Слатинѣ), плотовъ, настилки для мостовъ и прочихъ мостовыхъ принадлежностей (заготовленныхъ въ Слатинѣ), предварительно сосредоточенныхъ у Слатины, гдѣ они спущены были въ р. Ольту и отсюда двинуты были *внизъ* по Дунаю, мимо Никопольскихъ укрѣпленій, что конечно было сопряжено съ немалымъ рискомъ, но было неизбѣжно. Сверхъ Ольты, ближайшимъ изъ сплавныхъ притоковъ лѣваго берега Дуная была р. Аржисъ. Въ случаѣ, если бы всѣ средства для переправы были заготовлены на Аржисѣ, то пришлось бы двинуть ихъ *вверхъ* по Дунаю, мимо сильной крѣпости Рущука [2]).

Обратимся теперь къ *стратегической сторонѣ* подготовки успѣха переправы, къ сосредоточенію войскъ къ выбраннымъ пунктамъ и къ отвлеченію отъ нихъ вниманія непріятеля (демонстраціи). Выше было указано, что Главнокомандующимъ выбраны были для переправы на *Нижнемъ Дунаѣ* Галацъ и Браиловъ, а

---

[1]) Уровень Дуная былъ выше ординара:
въ періодъ отъ 20 до 22 мая отъ 14 до 16 футъ.
27 » » 15 ф. 10½ дюйм.
28 » » 15 » 11 »
29 » » 16 »
31 » » 16 »
4-го іюня вода начала спадать, но очень медленно, по одному дюйму въ сутки.

[2]) Мы позволили себѣ нѣсколько остановиться на технической сторонѣ подготовки переправы, въ виду тѣхъ трудностей, съ которыми она обыкновенно бываетъ сопряжена (какъ о томъ было сказано выше).

на *среднемъ участкѣ Нижняго Дуная* первоначально Зимница, затѣмъ Никополь и, наконецъ, снова Зимница.

Выгодныя свойства участка р. Дуная *Браиловъ—Галацъ* сводились къ тому, что на разстояніи какихъ нибудь 20 верстъ, отдѣляющихъ оба города, Дунай течетъ въ одномъ руслѣ (ширина отъ 250 до 600 саж.) и лѣвый берегъ, на этомъ пространствѣ, повсюду командуетъ правымъ.

Зимница представляла несомнѣнныя выгоды для переправы передъ Никополемъ и это прежде всего потому, что Никополь сильно укрѣпленный пунктъ, который пришлось бы брать штурмомъ; далѣе на Никополь, какъ выше было приведено, турками обращено было особенное вниманіе; къ нему стянуто было значительное число войскъ. У Систова, напротивъ Зимницы, не смотря на крутизну высотъ турецкаго берега, было удобное мѣсто для высадки, въ устьѣ р. Текиръ-дере; здѣсь турки не ожидали переправы и держали лишь незначительныя силы. И такъ въ то время, какъ у *Систова* послѣдовательно высаживающимся войскамъ пришлось бы имѣть дѣло сначала съ слабымъ отрядомъ, какимъ нибудь оборонительнымъ постомъ, и далѣе съ послѣдовательно, по частямъ, прибывающими подкрѣпленіями, — у *Никополя* имъ приходилось штурмовать непріятельскую крѣпость и выдержать бой съ значительными силами. Не смотря на это, въ виду необходимости спѣшить переправою и въ виду того, что окрестности Зимницы были залиты водою, Главнокомандующій рѣшился форсировать переправу у Никополя.

Согласно съ этимъ самымъ рѣшеніемъ и были двинуты войска.

На *Нижнемъ Дунаѣ* еще 31 мая генералъ-лейтенантомъ Циммерманомъ сосредоточены были войска къ Галацу и Браилову, именно *17-я дивизія* г.-л. Нарбута къ Галацу, имѣя въ авангардѣ, для производства десанта 1-ю бригаду г.-м. Жукова, а остальныя къ Браилову.

На *среднемъ участкѣ Нижняго Дуная*, войска изъ окрестностей Бухареста и Слатины двинуты были къ Турну и Фламундѣ. (Карта № 2).

Часть *IX корпуса* г.-л. барона Криденера (31-я пѣх. дивизія и 9-я кав.) изъ Слатины къ Сегарчѣ.

XII корпусъ г.-л. Ванновскаго, 5-я пѣх. див. (IX корпуса) и Болгарское ополченіе къ Салчѣ (5-я дивизія на присоединеніе къ своему корпусу къ Сегарчѣ). 12-я кав. дивизія должна была остаться позади своего корпуса у Витанешти.

Къ Сборн

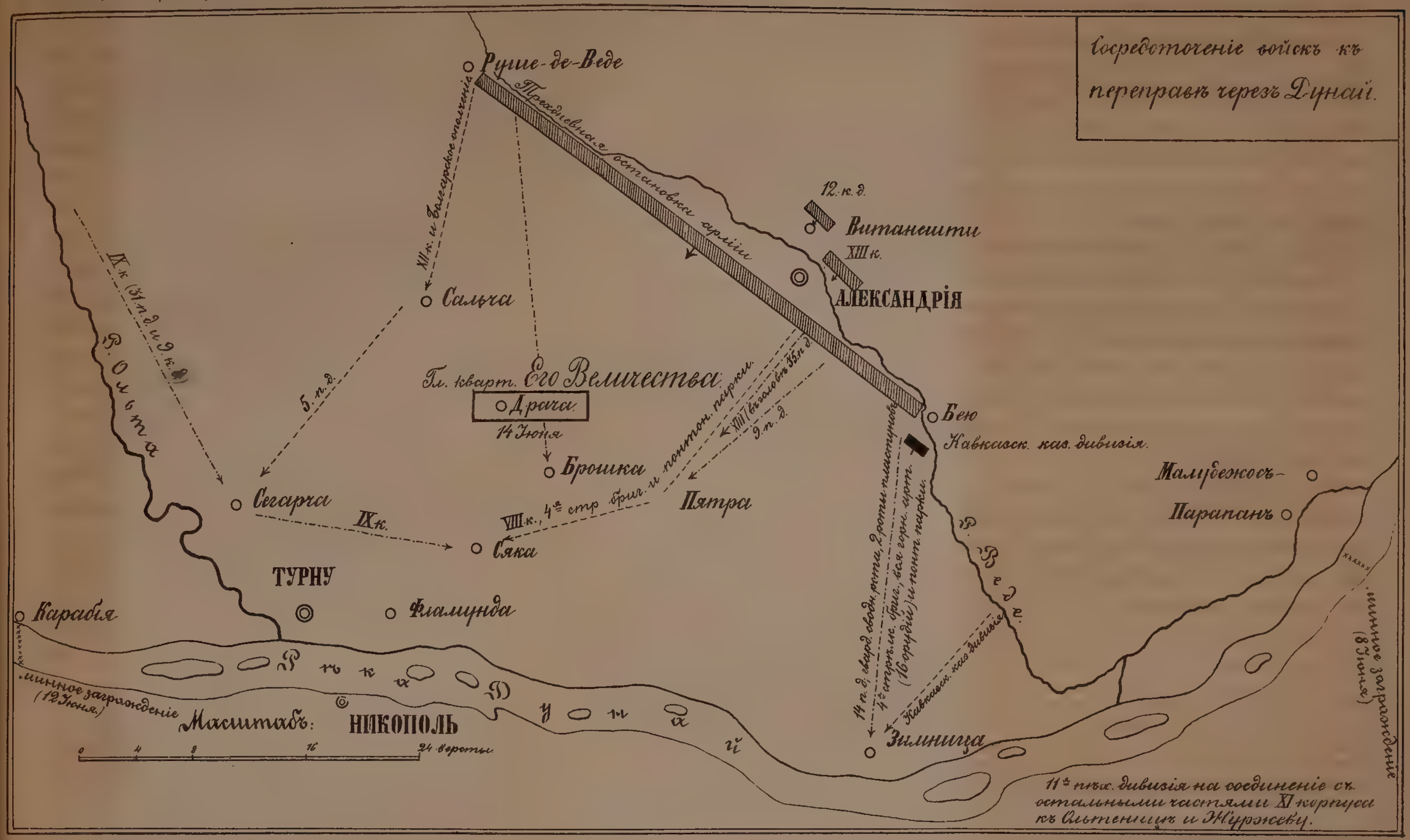
Карта № 2.

Къ ст. Г. Л

Русская Скоропечатня [П. С. Нахимова], Б. Сад. 27.

Карта № 2.

Къ ст. Г. Леера.

VIII корпусъ, 4-я стрѣлковая бригада и понтонные парки (послѣдніе изъ Баняса) къ Сякѣ и Пятрѣ.

Кавказская Казачья дивизія къ Зимницѣ.

11-я дивизія (по смѣнѣ ея войсками XIV корпуса) къ Ольтеницѣ и Журжево, на соединеніе съ остальными частями XI корпуса.

XIII корпусъ г.-л. Гана къ Александріи, въ видѣ общаго резерва.

IV корпусъ г.-л. Зотова, по особому назначенію Главнокомандующаго.

Къ *13 іюня* диспозиція эта должна была быть исполнена.

Въ слѣдствіе упомянутой выше задержки въ доставкѣ понтонныхъ парковъ по желѣзнымъ дорогамъ, пришлось движеніе всѣхъ войскъ остановить на три дня, по линіи р. Веде, у Руше де Веде, Бею и Александріи; IX-й корпусъ оставался у Слатины [1]).

Остановка эта была, съ одной стороны, крайне тяжела, но, съ другой, имѣла весьма благопріятное вліяніе на ходъ и исходъ операціи. Въ это время, вода на Дунаѣ начала сильно спадать, окрестности Зимницы сдѣлались доступными для сосредоточенія значительныхъ силъ, въ чемъ Главнокомандующій имѣлъ случай лично убѣдиться изъ произведенной имъ рекогносцировки (о которой упомянуто было выше). Обстоятельство это вынудило Главнокомандующаго снова избрать Зимницу—Систово пунктомъ главной переправы. Сообразно съ этимъ новымъ рѣшеніемъ, пришлось измѣнить направленіе, первоначально данное войскамъ (вышеприведенную диспозицію), на Турну — Магурелли и Фламунду, въ ю. з. направленіе и перемѣнить фронтъ на ю. и ю.-в., что впрочемъ, какъ выше было приведено въ виду центральности ихъ расположенія, по отношенію къ обоимъ пунктамъ переправы, не представляло особыхъ затрудненій.

Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ обезпеченію успѣха наступательной переправы являются искусно веденныя *демонстраціи,*— умѣніе сохранить до послѣдней минуты въ тайнѣ пунктъ, избранный для переправы, и разнаго рода ложными движеніями ввести непріятеля въ заблужденіе на счетъ

---

[1]) Главная причина трехдневной остановки, какъ это видно изъ статьи Инженернаго Журнала, 1877, № 9, «Переходъ нашихъ войскъ через Дунай у Зимницы», заключалась не столько въ *позднемъ прибытіи понтонныхъ парковъ* (*11-го іюня* колонны понтонныхъ батальоновъ прибыли въ Бею, *12-го іюня* въ 12 часовъ головной (4-й) батальонъ былъ уже въ Зимницѣ, *13-го іюня* отдыхъ), сколько въ *позднемъ устройствѣ минныхъ загражденій* съ верховой стороны. Какъ видно изъ той же статьи (стр. 945) они окончены были (у Парапана) лишь къ *15 іюня.*

истиннаго пункта переправы, къ чему главнымъ образомъ и сводится *стратегическая сторона подготовки переправы.* Посмотримъ, что въ этомъ отношенiи было сдѣлано.

На *Нижнемъ Дунаѣ* переправа сама по себѣ уже *отчасти* имѣла характеръ демонстративной переправы, по отношенiю къ главной переправѣ у Зимница—Систово, а слѣдовательно должна была быть исполнена ранѣе послѣдней. Главнокомандующiй настойчиво требовалъ ея исполненiя *10 iюня*, не смотря на донесенiя генерала Циммермана, находившаго необходимымъ отложить ее до спада водъ. *Категорическое приказанiе* Его Императорскаго Высочества исполнить ее *„непремѣнно“* 10 iюня у Браилова заставило забыть всѣ затрудненiя—и переправа была исполнена, въ тотъ же день, съ полнымъ успѣхомъ [1]), и предполагавшееся *невозможнымъ* сдѣлалось *возможнымъ.*

Демонстрацiи на *Нижнемъ Дунаѣ* заключались въ рядѣ *поисковъ* на правый берегъ Дуная, произведенныхъ начальниками береговыхъ отрядовъ 8, 9 и 10 iюня по направленiю къ Исакчѣ и Тульчѣ (генералъ-лейтенантомъ Веревкинымъ) и противъ Гирсова (подполковникомъ Дмитровскимъ).

Мѣры для скрытiя главнаго пункта переправы, на *среднемъ участкѣ Нижняго Дуная,* заключались въ слѣдующемъ:

1) О рѣшенiи, принятомъ Главнокомандующимъ переправиться у Зимницы, Его Императорское Высочество сообщилъ только кн. Карлу Румынскому, командиру VIII корпуса г.-л. Радецкому, войска котораго должны были открыть переправу, и начальнику 14-й дивизiи Свиты Его Величества генералъ-маiору Драгомирову, войска котораго предназначались въ авангардъ (десантъ);

2) 9-я пѣхотная дивизiя направлена была изъ Александрiи къ Пятрѣ, по прежнему маршруту;

3) IX-му корпусу объявлено было, что онъ пойдетъ во главѣ на переправу у Фламунды;

---

[1]) Параллельное описанiе обѣихъ переправъ, по крайней мѣрѣ подготовки ихъ, представляя своего рода неудобство, заключающееся главнымъ образомъ въ раздвоенiи вниманiя, однакоже необходимо, въ виду *чрезвычайно тѣсной внутренней связи между ними,* такъ какъ переправа на Нижнемъ Дунаѣ, не смотря на тѣ самостоятельныя задачи, которыя преслѣдовалъ Нижне-Дунайскiй отрядъ, имѣла до нѣкоторой степени характеръ демонстративной переправы по отношенiю къ главной. Самостоятельныя же стратегическiя задачи, которыя выпадали на долю Нижне-Дунайскаго отряда, сводились: 1) къ обезпеченiю нашей операцiонной линiи на Нижнемъ Дунаѣ; 2) къ отвлеченiю вниманiя непрiятеля, какъ во время переправы, такъ и во время дальнѣйшихъ операцiй, и 3) (самое главное) къ захвату сообщенiй турецкой армiи въ треугольникѣ крѣпостей (Силистрiя—Рущукъ—Шумла) съ Варною и моремъ.

и 4) начиная съ 12 іюля осадной артиллеріи, приказано было ежедневно бомбардировать Рущукъ, а съ 13—Никополь.

Подъ прикрытіемъ этихъ демонстрацій должно было исполниться незамѣтно для непріятеля *сосредоточеніе* остальныхъ войскъ у Зимницѣ. Съ этою цѣлью предписано было:

1) 14-й пѣхотной дивизіи съ гвардейскою сводною ротою, двумя ротами пластуновъ, 4-ю стрѣлковою бригадою, всею горною пѣшею артиллеріею (двѣ батареи, 16 орудій) и всѣми понтонными парками двинуться отъ Бею прямо къ Зимницѣ съ секретнымъ предписаніемъ начать переправу въ ночь съ 14 на 15 іюня.

2) Кавказской казачьей дивизіи оставаться у Бею впредь до приказанія (по прежней диспозиціи ей приказано было идти къ Зимницѣ).

3) XII-му корпусу двинуться къ Воеводѣ и Крошки (прежде на Салчу); туда же идти и Болгарскому ополченію.

4) IX-му корпусу, по прибытіи къ Сегарчѣ, перейти оттуда къ Сякѣ, оставивъ въ Турну лишь небольшой пѣхотный отрядъ и смѣнивъ по линіи Дуная 8-ю кавал. дивизію.

5) XIII корпусу двинуться отъ Александріи къ Пятрѣ, имѣя во главѣ 35-ю пѣхотную дивизію.

Къ *14 іюня* вся армія сосредоточилась на указанныхъ ей мѣстахъ. 13-го іюня, главная квартира перешла въ Драчу, къ р. Калмацуй, куда 14-го числа переведена была и главная квартира Его Императорскаго Величества.

Разсмотрѣвъ по возможности обстоятельно и притомъ *параллельно* подготовку обѣихъ переправъ (на Нижнемъ Дунаѣ и у Зимницы), обратимся теперь къ *отдѣльному* описанію каждой изъ нихъ [1]).

---

[1]) Мы считали долгомъ остановиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ на *подготовкѣ* переправы, въ виду того, что *успѣхъ или неудача какой бы то ни было операціи обусловливается главнымъ образомъ степенью ея подготовки*; это положеніе общее.

ПЕРЕПРАВА НА НИЖНЕМЪ ДУНАѢ.

(Карта № 3).

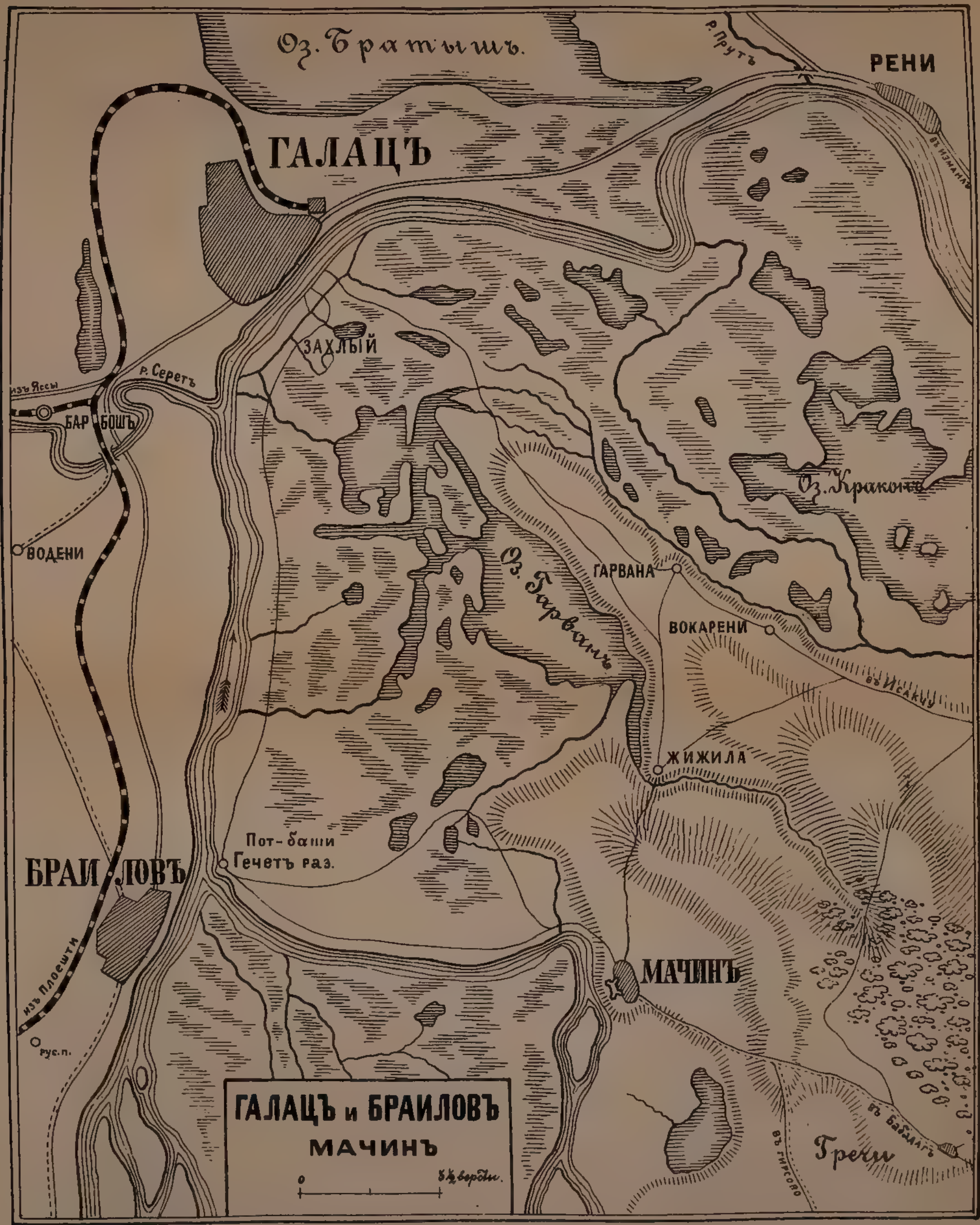
Согласно приказанію Главнокомандующаго, чтобы переправа на Нижнемъ Дунаѣ исполнена была *„непремѣнно“* 10-го іюня, у Галаца были сдѣланы слѣдующія распоряженія.

Для десанта назначены были 1-я бригада 18-й пѣхотной дивизіи и 4 орудія 14-й артиллерійской бригады подъ начальствомъ генералъ-маіора *Жукова*. Начальникъ дивизіи г.-л. Нарбутъ долженъ былъ оставаться въ Галацѣ и распоряжаться посадкою войскъ на суда. Переправа черезъ Дунай къ с. Захлый (Затокъ) производилась на баржахъ и далѣе на гребныхъ судахъ. 1-й эшелонъ десанта состоялъ изъ 10 ротъ Рязанскаго и Ряжскаго полковъ. Людямъ приказано было идти на легкѣ, безъ ранцевъ и шинелей.

Войска 1-го эшелона должны были высадиться на Буджакѣ, занять позицію, если нужно укрѣпить ее, и не двигаться далѣе на Горванскія высоты, пока не соберутся по крайней мѣрѣ 20 ротъ.

Для отвлеченія вниманія непріятеля отъ мѣста высадки у Буджака и чтобы воспрепятствовать турецкимъ войскамъ изъ Мачина двинуться на подкрѣпленіе войскъ, оборонявшихъ Буджакъ, лейтенантъ Дубасовъ долженъ былъ въ ночь съ 9 на 10 произвести на пароходѣ „Великій князь Николай“ (Фулджіеро) съ катерами „Царевичъ“ и „Птичка“ *демонстрацію* по направленію къ Мачину. Поднявшись изъ Браилова по Мачинскому рукаву, Дубасовъ въ 3 ч. 20 м. (почти одновременно съ высадкою 1-го эшелона у Буджака) приблизился на 2 версты къ Мачину и открылъ огонь по непріятельскому лагерю и батареямъ. Непріятель отвѣчалъ выстрѣлами съ батарей. Выпустивъ нѣсколько зарядовъ, лейтенантъ Дубасовъ возвратился въ Браиловъ.

Въ три часа по полуночи 10 іюня, 1-й эшелонъ высадился на Буджакѣ. Первые прибыли къ мѣсту высадки съ с.-восточной стороны роты Рязанскаго полка. Турецкія войска, занимая ложементы, подпустили Рязанцевъ на 150 шаговъ и встрѣтили ихъ учащеннымъ огнемъ.

Къ ст. Г. Леера.

Русская Скоропечатня (П. С. Нахимова), Б. Сад 27.

Къ этому времени высадились роты Рязанскаго полка на с.-з. сторонѣ Буджака, взяли турокъ во флангъ и тѣмъ вынудили ихъ очистить 1-ю позицію и отойти на 2-ю на Горванскихъ высотахъ.

Въ 7 часовъ утра турки, получивъ подкрѣпленіе, перешли въ наступленіе главнымъ образомъ противъ нашего фланга, гдѣ находились 11-я и 2-я стрѣлковыя роты Рязанскаго полка. Съ фронта онѣ были атакованы пѣхотою, а съ фланга кавалеріею (около 300 ч.). Бой продолжался съ одинаковымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ до 11 часовъ, когда прибылъ отъ Галаца 2-й эшелонъ съ 2-мя орудіями.

Подкрѣпленіе это прибыло какъ нельзя болѣе кстати. Положеніе 1-го эшелона нельзя назвать благопріятнымъ. Оно обрисовывается слѣдующимъ образомъ. Наступающій, въ числѣ 10 ротъ, maximum 2000 чел. только одной пѣхоты безъ кавалеріи и въ особенности безъ артиллеріи [1]), выдерживаетъ съ 3 час. до 11 час., въ теченіе 8-ми часовъ, бой съ отрядомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ войскъ (3000 пѣхоты, 300 кавалеристовъ и 2 орудія), опирающимся на рядъ сильныхъ по природѣ и вдобавокъ еще укрѣпленныхъ позицій [2]).

Прибытіе 2-го эшелона не только значительно облегчило положеніе 1-го, но имѣло *рѣшающее* вліяніе на ходъ боя. Съ выѣздомъ на позицію перваго орудія непріятель началъ по немногу прекращать огонь и поспѣшно отступилъ къ Мачину. Г.-м. Жуковъ занялъ Горванскія высоты, гдѣ и остановился.

Потери наши въ описанномъ боѣ состояли изъ 3-хъ офицеровъ и 43 нижнихъ чиновъ *убитыми* и 3 офицера и 95 нижнихъ чиновъ *ранеными и контужеными*; всего выбыло изъ строя 6 офицеровъ и 138 нижнихъ чиновъ.

Занятіе Горванскихъ высотъ должно было значительно облег-

---

[1]) Хотя въ журналѣ военныхъ дѣйствій Нижне-Дунайскаго отряда и упоминается о томъ, что въ составъ 1-го эшелона, сверхъ 10 ротъ пѣхоты, входила и артиллерія, но, какъ видно изъ приведеннаго описанія хода боя этого эшелона, при немъ не было артиллеріи. Какого же рода пользу она должна была принести, видно изъ появленія на полѣ сраженія 1-го орудія. Пріемъ отправлять артиллерію *вмѣстѣ* съ десантными войсками вовсе не новый пріемъ, въ чемъ ближе всего можно убѣдиться изъ Ваграмской переправы (1809 г.).

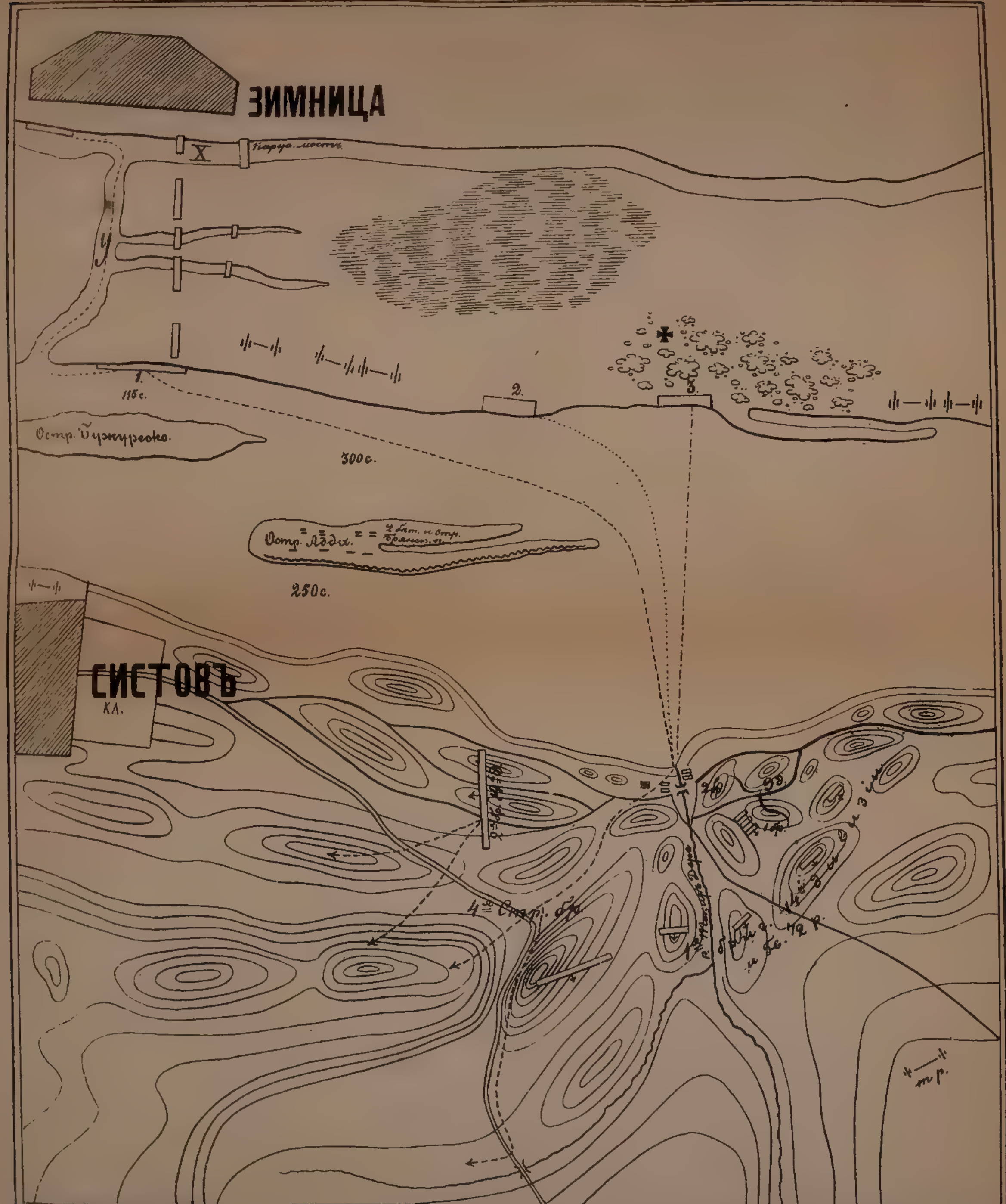
[2]) Съ перваго взгляда поражаетъ слишкомъ большая дистанція между 1-мъ и 2-мъ эшелономъ, но если принять въ соображеніе большой разливъ, верстъ на 8-мъ, посадку войскъ на баржи для переправы черезъ главный рукавъ, пересадку ихъ на гребныя суда для длиннаго переѣзда черезъ плавни, при неслишкомъ, по всей вѣроятности, роскошномъ снабженіи перевозочными средствами, то дѣло само собою разъясняется.

чить переправу у Браилова, обращая ее въ операцію совершенно безопасную, какъ оно и случилось на дѣлѣ. Имѣя у себя на правомъ флангѣ въ угрожающемъ положеніи г.-м. Жукова на Горванскихъ высотахъ, турки не могли держаться у Мачина и противодѣйствовать нашей переправѣ со стороны Браилова. Къ вечеру 10 іюня турки очистили даже Мачинъ.

Такимъ образомъ *переправа у Браилова* обратилась въ дѣло совершенно безопасное; съ нея былъ окончательно снятъ характеръ операціи. На слѣдующій день, *11 іюня*, въ 3 часа пополудни, генералъ Циммерманъ прибылъ изъ Браилова въ Мачинъ съ Лейбъ-Бородинскимъ Его Величества полкомъ (движеніе это исполнено было на баржахъ по Мачинскому рукаву) и занялъ безъ боя городъ, гдѣ наши войска ожидала торжественная встрѣча. Къ ночи *12 іюня* подтянулся къ Мачину и отрядъ (Ряжскій и Рязанскій полки и 4 орудія) г.-м. Жукова; а *11 іюня* прибыли туда еще 4-ре Донскихъ казачьихъ полка и 2 донскія батареи.

Въ тоже время турки очистили *Гирсово*, тотчасъ же занятое войсками Гуро-Яломицкаго отряда, а *14 іюня* г.-м. Яновымъ были заняты точно также оставленные турками Исакча и Тульча.

Такимъ образомъ *прорывъ Дуная въ одной точкѣ*, г.-м. Жуковымъ у Галаца, какъ то обыкновенно и бываетъ, повлекъ за собою оставленіе турками безъ боя *всей линіи* нижняго теченія Дуная отъ Гирсова до устья, — результатъ весьма важный, купленный вдобавокъ цѣною весьма небольшихъ потерь, что объясняется какъ *крайнею пассивностью* турокъ, чего мы однако имъ не желаемъ ставить въ упрекъ въ виду приведенныхъ выше причинъ (пассивности, которою долженъ былъ быть проникнутъ весь ихъ планъ первоначальныхъ дѣйствій), и въ особенности, какъ искусно веденными съ нашей стороны *демонстраціями* на значительномъ протяженіи (отъ Гирсова до Исакчи и Тульчи, на разстояніи приблизительно 150 верстъ), такъ и чрезвычайно *ловкою комбинаціею двухъ дѣйствительныхъ атакъ*, со стороны Браилова и Галаца, ихъ *гармоническимъ взаимнодѣйствіемъ*. Одновременно съ атакою отъ Галаца, веденная, хотя и въ весьма слабой формѣ, демонстрація Дубасова къ Мачину удерживаетъ турецкій отрядъ у этого пункта и лишаетъ его возможности двинуть главную массу свою къ Бабадагу, для противодѣйствія генералу Жукову. Въ свою очередь занятіе Жуковымъ Багадага и Горванскихъ высотъ, угрожая

Къ ст. Г. Леера.

Русская Скоропечатня (П. С. Нахимова), Б. Сад 27

правому флангу и тылу турецкаго отряда у Мачина, вынуждаетъ его къ отступленію, открывая путь нашимъ войскамъ со стороны Браилова,—короче, *демонстрація Дубасова отпираетъ Жукову Бабадагъ и Горванскія высоты, а занятіе послѣднихъ отпираетъ генералу Циммерману доступъ къ Мачину. Прорывъ же линіи Дуная у Браилова и Галаца вынуждаетъ турокъ къ оставленію всей линіи нижняго теченія Дуная.*

Таковъ былъ ходъ и ближайшій результатъ нашей переправы на Нижнемъ Дунаѣ. Обратимся теперь къ главной переправѣ.

Къ оригинальной сторонѣ только-что описанной переправы слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что мостъ къ Гечету былъ наведенъ еще 9-го іюня, до занятія нами противоположнаго берега, тѣмъ не менѣе работа была совершенно *безопасна.* Отъ непріятельскаго флота мостъ обезпечивался минными загражденіями, а отъ атаки съ сухаго пути плавнями, простиравшимися на нѣсколько верстъ. Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что для переправы собственно нижне-дунайскаго отряда, мостъ этотъ, вслѣдствіе сильнаго разлива (онъ у Гечета упирался въ рукавъ, образованный разливомъ) не принесъ никакой пользы. Войска были переправлены на пароходахъ, баржахъ и плотахъ.

ПЕРЕПРАВА У ЗИМНИЦЫ — СИСТОВѢ.

(Планъ № 4).

Чтобы точнѣе судить о *трудностяхъ,* которыя, въ этомъ дѣлѣ, приходилось преодолѣть нашему авангарду, да и вообще о *времени,* необходимомъ всѣмъ войскамъ для исполненія переправы и затѣмъ для устройства моста, опишемъ съ нѣкоторою подробностью *свойства мѣстности* на пунктѣ переправы.

Города *Зимница* (на лѣвомъ Румынскомъ берегу) и *Систовъ* (на правомъ Болгарскомъ берегу) лежатъ одинъ напротивъ другаго. *Лѣвый берегъ* у Зимницы значительно ниже праваго. Непосредственно отъ Зимницы вплоть до главнаго русла Дуная тянется версты на 1 $^1/_2$ низменность, заливаемая въ лѣтнее время и перерѣзываемая протоками Дуная по различнымъ направленіямъ. *Правый берегъ* у Систова представляетъ сплошной обрывъ, покрытый кустарникомъ, виноградниками и фруктовыми деревьями. Мѣстность здѣсь вообще весьма пересѣчена и удобна для обо-

роны. Доступъ со стороны рѣки возможенъ только по нѣсколькимъ крутымъ подъемамъ и по долинѣ р. Текире-дере, устье которой и представляло единственный удобный пунктъ для высадки.

Ко дню переправы, у Зимницы обозначились, на упомянутой выше низменности, два протока: одинъ непосредственно у города, шириною около 45 саж. (X), черезъ него въ ночь на 13 iюня былъ наведенъ мостъ на парусинныхъ понтонахъ, а другой въ перпендикулярномъ направленiи къ главному руслу, къ остр. Бужуреску. Эти два протока образовали островъ, съ котораго производилась посадка десанта (*1* мѣсто посадки 1-го рейса, *2* мѣсто посадки 2-го рейса и *3* остальныхъ рейсовъ) [1].

На главномъ руслѣ Дуная находились два острова: *Бужуресно* въ 115 саженяхъ отъ Румынскаго берега и *Адда* въ 250 саженяхъ отъ Болгарскаго. Разстоянiе же между мѣстомъ посадки десанта и островомъ Адда составляло около 300 саж., — слѣдовательно весь путь десанта около 550 саж. (понтонамъ же для принятiя десанта приходилось, сверхъ того, отъ Зимницкаго берега пройти 1½ версты, — но это касается собственно только до 1-го рейса). На одинъ рейсъ (туда и обратно) требовалось отъ 1 часа 15 минутъ до 1 часа 35 минутъ. Пути десанта показаны на планѣ пунктирными линiями *1-а* (1-го рейса), *2-а* (2-го) и *3-а* (3-го и остальныхъ) [2].

14-го iюня вечеромъ, какъ уже выше было приведено, войска, назначенныя для переправы и при нихъ понтонные парки [3]), въ совершенной тишинѣ собрались на лѣвомъ луговомъ берегу Зимницы.

Предварительныя мѣры исполнены были безъ малѣйшаго возбужденiя вниманiя непрiятеля. Онѣ состояли: 1) въ *расположенiи артиллерiи* къ 9 часамъ вечера на низменномъ островѣ лѣваго берега Дуная: три 9-ти фунтов. батареи (24 орудiя) 14-й арт.

---

[1]) Пути послѣднихъ рейсовъ такимъ образомъ оказываются значительно короче первыхъ, что объясняется необходимостью скрытнаго движенiя (позади островов) въ особенности 1-хъ рейсовъ. Что же касается до послѣдующихъ рейсовъ, то ихъ движенiе уже обезпечивалось войсками, утвердившимися на правомъ берегу.

[2]) Подробности эти мы заимствуемъ изъ весьма интересной и чрезвычайно поучительной, въ особенности въ техническомъ отношенiи статьи «Переходъ нашихъ войскъ черезъ Дунай у Зимница въ ночь съ 14 на 15 iюня» фонъ-Шлейера, помѣщенной въ Инженерномъ Журналѣ 1877. № 9.

[3]) 14-я пѣхотная дивизiя Свиты Его Вел. г.-м. Драгомирова съ прикомандированными къ ней частями (4-я стрѣлковая бригада, двѣ роты пластуновъ, гвардейская рота конвоя Его Величества и часть саперъ).

бригады стали у австрійской таможни, лѣвѣе пункта посадки 1-го рейса и двѣ, тоже 9-ти фунтовыя батареи (16 орудій) стали лѣвѣе пункта посадки послѣднихъ рейсовъ. Артиллерія эта назначалась для прикрытія переправы и для дѣйствія по мониторамъ, на случай появленія послѣднихъ; 2) въ тоже время приступлено было къ спуску понтоновъ (62 желѣзныхъ понтона, изъ которыхъ каждый поднималъ 30 ч.) и 3) для прикрытія артиллеріи назначенъ былъ 35-й пѣхотный Брянскій полкъ, который двумя батальонами и частью стрѣлковъ занялъ островъ Адда.

Въ *полночь* войска 14-й пѣх. дивизіи начали двигаться къ переправѣ.

Десантныя войска предполагалось переправить въ 6 рейсовъ: 1-й и 2-й изъ 12 ротъ, 60 казаковъ и 8 горныхъ орудій каждый, 3 — 6 изъ 12 ротъ, 60 казаковъ и 6 полевыхъ орудій каждый.

Посадка *перваго рейса* продолжалась до 2½ часовъ [1]). Съ нимъ слѣдовалъ командиръ 1-й бригады 14-й дивизіи г.-м. Іольшинъ. Порядокъ, строгая тишина и темнота ночи (по временамъ только показывалась луна изъ-за облаковъ) благопріятствовали скрытному приближенію его къ непріятельскому берегу, что было весьма важно, но чего было не легко достигнуть при слишкомъ шестидесяти понтонахъ и шести паромахъ, плывущихъ одинъ за другимъ длинною вереницею и при одновременномъ всплескѣ 400 веселъ. Не смотря на это, все движеніе исполнено было съ такою примѣрною тишиною, что приближеніе 1-го рейса было замѣчено турецкимъ часовымъ лишь въ ту минуту, когда онъ находился уже въ 50 саженяхъ отъ непріятельскаго берега. Онъ сдѣлалъ выстрѣлъ, за нимъ сторожевая цѣпь открыла по насъ рѣдкій огонь. На выстрѣлъ спѣшили войска Систовскаго и Вардеровскаго отрядовъ и заняли берегъ по обѣ стороны р. Текиръ-дере густою стрѣлковою цѣпью. Быстрота теченія, усилившееся волненіе и темнота ночи были причинами, что понтоны разбросало и сносило внизъ. Они разбились на три группы, высадившіяся въ устьѣ р. Текиръ-дере на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

Между тѣмъ турки открыли сильный ружейный огонь по десанту. Нѣсколько понтоновъ было прострѣлено и одинъ паромъ съ 2-мя горными орудіями былъ пущенъ ко дну, причемъ погибли

---

[1]) По рапорту командира VIII корпуса. По рапорту же генерала Драгомирова, начальника десантнаго отряда, «*ровно въ часъ ночи*».

командиръ батареи подполковникъ Стрѣльбицкій, два офицера (ш.-к. Кобіевъ и подпоручикъ Тюрбертъ) и 19 артиллеристовъ. Вскорѣ къ ружейному огню турокъ присоединился и артиллерійскій съ батареи у Систова. Противъ нея немедленно былъ направленъ огонь трехъ 9-ти фунтовыхъ батарей 14-й артиллерійской бригады.

Не смотря на сильный огонь 1-й эшелонъ десантныхъ войскъ (12 ротъ Волынскаго полка), поддержанныхъ 6-ю орудіями, выбилъ турокъ, занялъ караульный домикъ, мельницу у Текиръ-дере и высоту у мостика черезъ этотъ ручей (къ 2 часамъ по полуночи по рапорту командовавшаго 14 дивизіею).

Для того, чтобы дать первымъ высадившимся войскамъ средства продвинуться далѣе впередъ, выиграть болѣе мѣста и тѣмъ дѣйствительнѣе обезпечить высадку слѣдующихъ войскъ и въ виду крайне пересѣченнаго характера мѣстности па правомъ берегу приказано было перевозить лишь одну пѣхоту и на время пріостановить перевозку артиллеріи.

Слѣдующимъ эшелонамъ пришлось подвергнуться еще болѣе губительному огню, такъ какъ уже совсѣмъ стало свѣтло и успѣли прибыть войска Вардеровскаго отряда (въ $3^1/_2$ часа по донесенію командира VIII корпуса).

Съ третьимъ рейсомъ переправился начальникъ десантныхъ войскъ, командующій 14 пѣхотною дивизіею Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Драгомировъ.

Первыя высадившіяся войска, въ виду того, что долина рѣчки Текиръ-дере обстрѣливалась сильнымъ огнемъ, двигались вправо и влѣво отъ пункта высадки, фронтомъ частью къ Систову, частью къ Рущуку.

Генералъ-маіоръ Драгомировъ (въ 5 ч.) обратилъ прежде всего вниманіе на *обезпеченіе мѣста высадки съ восточной стороны*, на овладѣніе высотами, тянущимся къ сторонѣ Рущука. Послѣ ожесточеннаго боя, около 6 часовъ цѣль эта была достигнута и турки на столько отодвинуты къ востоку отъ мѣста высадки, что высадка дальнѣйшихъ эшелоновъ могла производиться уже внѣ опасности отъ непріятельскаго стрѣлковаго огня. Весьма дѣятельную помощь пѣхотѣ при штурмѣ высотъ оказали двѣ батареи, находившіяся у лѣваго фланга посадки десанта.

Вѣерообразное движеніе нашихъ войскъ повело къ *растянутости позиціи* (около 15 ротъ занимали 3 версты) и, мало того, въ центрѣ образовался *разрывъ*. Положеніе обращалось въ крити-

ческое, до прибытія подкрѣпленій. Часть вновь прибывшаго эшелона выслана была для заполненія промежутка въ центрѣ, на который уже турки готовились вести атаку, — остальная часть должна была собираться у мельницы и образовать резервъ. Въ виду все болѣе и болѣе обнаруживавшагося намѣренія турокъ броситься на нашъ центръ и появленія на высотахъ праваго берега батареи изъ 2-хъ орудій дальняго боя, поражавшей не только войска центра нашего боеваго порядка, а также фланги и тылъ его, — предположеніе генерала Драгомирова: пріостановить наступленіе, чтобы возстановить тактическую связь между частями и сдѣлать необходимыя исправленія въ боевомъ расположеніи войскъ, не могло быть приведено въ исполненіе и войскамъ пришлось предупредить атакою готовившуюся атаку противника. „Дружно помогая другъ другу, гвардейцы, Минскіе, Волынскіе бросились на врага и овладѣли виноградниками, занявъ такимъ образомъ еще полосу въ нѣсколько сотъ шаговъ шириною и окончательно отбросивъ турокъ съ высотъ". (Реляція генерала Драгомирова).

Въ *8 часовъ утра* турки перестали напирать на центръ. Наше наступленіе было пріостановлено на всемъ фронтѣ. Турецкая батарея изъ 2-хъ орудій тотчасъ же направила огонь на только что прибывшій изъ Никополя пароходъ съ двумя баржами, для ускоренія перевозки войскъ [1]). На выстрѣлы этой батареи отвѣчали двѣ 9-ти фунтовыя наши батареи на лѣвомъ флангѣ мѣста посадки нашихъ войскъ; а для противодѣйствія Систовской батареѣ, сильно безпокоившей перевозку войскъ, сверхъ уже упомянутыхъ трехъ 9-ти фунтовыхъ батарей 14 бригады праваго фланга, выдвинута была еще одна 9-ти фунтовая батарея нѣсколько правѣе. Огонь этихъ 4-хъ тяжелыхъ батарей ослабилъ огонь Систовской батареи, стрѣлявшей съ этой минуты лишь изрѣдка.

Благодаря пароходу съ 2-мя баржами, перевозка войскъ должна была значительно ускориться (онъ въ два рейса перевозилъ цѣлый полкъ) и къ 10½ часамъ (по рапорту генерала Драгомирова) прибыли уже эшелоны 4-й стрѣлковой бригады, благодаря чему къ 11 часамъ, такъ какъ еще прежде успѣла прибыть 2-я бригада 14-дивизіи (г.-м. Петрушевскаго), вся 14 дивизія и стрѣлковая бригада (отъ 13 тыс. до 14 тыс., полагая баталіонъ только

---

[1]) Время прибытія этого парохода въ рапортѣ командира VIII корпуса показано въ 10½ часовъ.

въ 800 ч.) находились уже на правомъ берегу. Турки же имѣли не болѣе 4500—5000 ч. Численный перевѣсъ, почти тройной, такимъ образомъ, съ этой минуты находился на нашей сторонѣ и авангардъ нашъ, остававшійся до *11 часовъ* [1]) въ оборонительномъ положеніи, не только могъ, но и долженъ былъ *перейти въ наступленіе,* чтобы выиграть мѣсто для развертыванія дальнѣйшихъ силъ и окончательно утвердиться на правомъ берегу.

Этотъ переходъ въ наступленіе исполненъ былъ слѣдующимъ образомъ. Лѣвый флангъ (1-я бригада генерала Іольшина) долженъ былъ оставаться на мѣстѣ на занятыхъ имъ высотахъ праваго берега р. Текиръ-дере, — такъ какъ этимъ операція переправы достаточно обезпечивалась съ Восточной стороны. Войска же праваго фланга: бригада (2-я) Петрушевскаго должна была овладѣть, вмѣстѣ съ стрѣлковою бригадою хребтомъ, командующимъ, г. Систово, на лѣвомъ берегу той же рѣки. Бригада *Петрушевскаго* должна была атаковать Систовскія высоты съ фронта, а бригада Цвѣцинскаго дѣйствовать въ обхватъ (по долинѣ р. Текиръ-дере?).

„Генералъ-маіоръ Петрушевскій повелъ свою бригаду черезъ виноградники, при чемъ пришлось преодолѣть весьма серьезныя препятствія и въ особенности Подольскому полку, при овладѣніи предгорьемъ Систовскихъ высотъ: послѣднему оказала помощь наша артиллерія, стоящая на лѣвомъ берегу. Турки, охватываемые съ праваго ихъ фланга стрѣлковыми цѣпями, руководимыми Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Скобелевымъ, и правѣе его частями Житомирскаго и Подольскаго полковъ, быстро занявшими дефиле Рущукской дороги, отступили безъ особеннаго сопротивленія.

„Въ 2 часа по полудни бригада генералъ-маіора Петрушевскаго уже занимала Систовскія высоты и подступы къ городу. Около 3-хъ часовъ дня наши войска вошли въ городъ..... (въ 5-мъ часу по реляціи корпуснаго командира).

Къ 3-мъ часамъ переправленъ былъ на правый берегъ Сѣвскій полкъ, переѣхалъ командиръ VIII корпуса, генералъ-лейтенантъ Радецкій со штабомъ, а къ *вечеру* артиллерія и вся 9-я пѣхотная дивизія генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго. 1-я ея бригада стала въ резервѣ за 1-й бригадой 14 дивизія, а 2-я ночевала у пункта высадки, короче, къ ночи съ 15 на 16 іюня весь VIII корпусъ, 4-я стрѣлковая бригада, Донской казачій № 23 полкъ и двѣ роты пластуновъ стали прочно на правомъ

---

[1]) По рапорту командира VIII корпуса эта минута наступила лишь въ *2 часа.*

берегу и успѣхъ переправы остальныхъ войскъ былъ вполнѣ обезпеченъ.

Турки отступали по двумъ направленіямъ: большая часть на Рущукъ, а другая на Тырново.

Потери наши, понесенныя въ бою 15 іюня и во время переправы, сводятся къ: 6 офицерамъ и 289 нижн. чин. *убитыми* и 22 офицер. и 398 нижн. чин. *ранеными*; безъ вѣсти пропало 38 нижн. чиновъ. Всего выбыло изъ строя 28 офиц. и 715 нижн., около 800 ч. Большая часть этой потери, какъ и надо было ожидать, относится на долю *первыхъ эшелоновъ* (Волынскаго и Минскаго пѣхотныхъ полковъ, гвардейскаго отряда, горной батареи и пластунскихъ сотенъ) 636 челов., „слѣдовательно почти седьмой человѣкъ выбылъ изъ рядовъ“ (реляція генерала Драгомирова).

Послѣ кратковременнаго отдыха, даннаго окончательно изнуреннымъ понтонерамъ, усиленно работавшимъ почти цѣлыя сутки, въ 2 часа приступлено было снова къ перевозкѣ войскъ (35-й пѣхотной дивизіи), безостановочно продолжавшейся до окончанія постройки моста, до *19 іюня.* [1]) *20 іюня* онъ уже былъ открытъ для перехода войскъ.

Мостъ этотъ состоялъ частью изъ желѣзныхъ понтоновъ, частью изъ деревянныхъ понтоновъ и плотовъ, построенныхъ въ р. Ольтѣ. Доставка послѣднихъ изъ устья р. Ольты, мимо кр. Никополя къ пункту переправы, подъ огнемъ съ непріятельскихъ укрѣпленій, представляла весьма опасное предпріятіе, исполненное въ три пріема (начиная съ ночи на 15 іюня до ночи на 17-тое іюня) подъ руководствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго князя Алексѣя Александровича, капитана 1-го ранга Новосельскаго и инженеръ-генералъ-маіора Деппа.

Переправа черезъ Дунай у Зимницы завершаетъ блестящимъ образомъ 1-й періодъ кампаніи на Европейскомъ театрѣ.

Удачный исходъ этой операціи является ближайшимъ результатомъ *основательнаго разсчета, тщательной подготовки* ея во всѣхъ смыслахъ: въ *стратегическомъ* — путемъ сосредоточенія превосходныхъ силъ къ пункту переправы и отвлеченія вниманія

---

[1]) Мостъ былъ бы готовъ и ранѣе, но сильная буря съ 17 на 18 іюля разорвала его и потопила 26 понтоновъ.

противника искусно веденными демонстраціями; потомъ въ *тактическомъ* и *техническомъ* отношеніи. Мѣры, принятыя въ этомъ отношеніи, въ особенности тѣ, которыя касались парализаціи непріятельскаго флота на Дунаѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Онѣ были указаны въ своемъ мѣстѣ.

Переправа у Зимницы была исполнена настолько блестящимъ образомъ, что выше ея изъ прежнихъ переправъ можно будетъ поставить развѣ только *классическую* переправу Наполеона I черезъ Дунай въ 1809 г. передъ Ваграмскимъ сраженіемъ, и то лишь *условно*.

Наполеону съ 175 тыс. необходимо было переправиться черезъ *небольшой рукавъ* Дуная,—такъ какъ онъ владѣлъ островомъ Лобау и близъ лежащими островами; намъ со 120 тыс. приходилось переправиться черезъ главное русло Дуная въ 550 саж. Въ этомъ случаѣ, задача наша была труднѣе; но намъ приходилось исполнить эту операцію противъ слабыхъ непріятельскихъ силъ, *разбросанныхъ* на пространствѣ отъ Рущука до Никополя по Дунаю и до Тырнова въ глубь, на 90 верстъ по фронту и 60 въ глубину. На этомъ пространствѣ, Турки имѣли: сначала 2, потомъ 3 батальона въ Систовѣ, 6 батальоновъ и 1 батарею у Вардера (9 верстъ отъ Систова къ Востоку), 12 батальоновъ въ Никополѣ, 30—35 батальоновъ въ Рущукѣ и 3 батальона въ Тырновѣ, всего до 60 батальоновъ,—полагая каждый въ 600 человѣкъ, 36 тыс. Для Наполеона же дѣло представлялось, въ этомъ именно отношеніи, совсѣмъ въ другомъ—*грозномъ видѣ*. Передъ нимъ находилась между Асперномъ и Эслингеномъ сосредоточенная 150-тыс. непріятельская армія, съ отдѣльнымъ корпусомъ Розенберга у Витау. Отъ Асперна до Витау всего 16 верстъ, что, во *времени*, значитъ 4 часа. Переложивъ же 90 верстъ (разстояніе между Рущукомъ и Никополемъ) на *время*, мы получимъ отъ 3 до 4 дней (переходовъ). И такъ въ то время, какъ мы имѣли передъ собою, на пунктѣ, избранномъ для переправы, 36 тыс. непріятельскихъ разбросанныхъ войскъ, Наполеонъ имѣлъ передъ собою 150 тыс. сосредоточенныхъ войскъ. Въ то время какъ мы могли развлекать вниманіе противника демонстраціями на линіи въ 90 верстъ, Наполеону предстояло исполнить это лишь на 16 в. Въ то время какъ мы на переправу имѣли отъ 3 до 4 дней, Наполеонъ имѣлъ на нее 4 часа и съумѣлъ ее исполнить въ столь короткій срокъ.

Въ этомъ отношеніи, 2-я переправа Наполеона черезъ Дунай

въ 1809 г. становится выше Зимницкой, но, повторяемъ опять таки *условно.* Если бы мы усилили нашу дѣятельность и подготовительныя работы на столько, что, подобно Наполеону, въ теченіе 4—5 часовъ перекинули бы наши силы на правый берегъ, то такая поспѣшность, вовсе не вызываемая требованіемъ *обстановки*, въ которой мы находились, (обстановка намъ давала отъ 3 до 4 дней), была бы неумѣстна, *нецѣлесообразна*, скорѣе была бы ошибкою, потому что вызывала бы совершенно *излишнее напряженіе силъ арміи* лишь для ненужнаго блеска.

Мы только считали долгомъ констатировать фактъ блестящаго исполненія переправы и, при этомъ, не остановились передъ сопоставленіемъ ее съ высочайшимъ образцомъ, представляемымъ военною исторіею.

Какую, въ этомъ дѣлѣ, играла роль *крайняя пассивность въ поведеніи Турокъ*, тоже фактъ несомнѣнный, значительно облегчившій нашъ успѣхъ? Была ли эта пассивность слѣдствіемъ нашихъ, во всякомъ случаѣ искусно веденныхъ демонстрацій; была ли она слѣдствіемъ заранѣе разсчитаннаго плана, что̀, какъ выше было приведено, дѣйствительно наиболѣе отвѣчало общему положенію Турокъ,—весь этотъ вопросъ о *мотивахъ*, вызвавшихъ тѣ или другія распоряженія, составляющихъ тайну руководителей военными дѣйствіями, тайну, которая можетъ обнаружиться только для будущаго поколѣнія,—мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ, не желая теряться въ безплодныхъ догадкахъ.

СИСТЕМЫ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ

НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ И ВЪ РОССІИ.

А. Д. ГРАДОВСКАГО,

ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

I.

По мѣрѣ ознакомленія съ западно-европейскою наукою и послѣ реформъ 1861 и слѣдующихъ годовъ въ нашемъ умѣ утвердилось противуположеніе между *бюрократіею* и *самоуправленіемъ*. Но врядъ ли мы задумывались надъ отношеніемъ этихъ понятій къ историческимъ элементамъ *нашего* общества. Мы не видѣли въ этомъ особой нужды. Примѣръ западной Европы давалъ, повидимому, готовый отвѣтъ на всѣ вопросы. Дѣйствительно образованный человѣкъ на западѣ Европы отчетливо знаетъ, что такое бюрократія и умѣетъ отличить ее отъ самоуправленія. Онъ видитъ въ бюрократіи особый организмъ должностей, даже особый *классъ лицъ*, рѣзко выдѣленный изъ остальнаго общества и связанный исключительно съ центральною властью. Европеецъ знаетъ и помнитъ что эта бюрократія была сильнымъ орудіемъ въ рукахъ королевской власти въ эпоху объединенія государства и ожесточенной борьбы съ феодализмомъ. Борьба эта на континентѣ Европы кончилась подавленіемъ могущественныхъ нѣкогда „сословій“ и городскихъ корпорацій въ пользу органовъ центральной

власти. Вся континентальная Европа пережила эпоху сильной бюрократической опеки и этой эпохѣ соотвѣтствовалъ очень опредѣленный типъ государства — государства *полицейскаго*. Конституціонное движеніе, начавшееся съ 1789 года, внесло общественные элементы въ область высшаго государственнаго управленія. Затѣмъ и мѣстное управленіе должно было преобразоваться по новому типу. Законодательство должно было *возвратить* мѣстнымъ обществамъ извѣстную долю ихъ самостоятельности и участія въ управленіи. Конечно и сами общества перерождаются подъ вліяніемъ новыхъ условій. Начало всесословности постепенно замѣняетъ старые сословные принципы. Но это не измѣняетъ существа дѣла. Законодательство призываетъ къ новой жизни общественыя силы, долго лежавшія подъ спудомъ—городскія общины и землевладѣльческій классъ, сохранившіе свое историческое значеніе именно въ *мѣстности*.

Такая программа очень ясна, но едва-ли она прикладывается къ Россіи. Собиратели русской земли не имѣли предъ собою ни крѣпкихъ мѣстныхъ корпорацій, подобныхъ западно-европейскимъ городамъ, ни сословій, сильныхъ своимъ *мѣстнымъ* значеніемъ, подобно земельной аристократіи на западѣ Европы. Феодальное государство западной Европы не утрачивало своей особенности, даже потерявъ свою политическую самостоятельность, обратившись въ „провинціи“ другаго государства. Провинція утрачивала „своего“ государя, но сохраняла свой крѣпкій общественный строй, свои городскія корпораціи, свою поземельную аристократію, даже свое мѣстное представительство. Извѣстно къ какимъ мѣрамъ должны были прибѣгать французскіе короли, чтобы стереть мѣстныя особенности въ провинціяхъ. Только послѣ вѣковой работы королей, французская революція могла замѣнить историческое дѣленіе страны на провинціи искусственнымъ—на департаменты. Въ Россіи старыя княжества и вѣчевыя области держались политическою силою своихъ князей и „старшихъ городовъ“. Достаточно было побороть князя или сломить вѣчевой городъ, чтобы область, имъ принадлежавшая, *разсыпалась* на свои составныя части [1]).

Этотъ поразительный фактъ лучше всего обнаруживается на характерѣ *административнаго дѣленія* московскаго государства.

---

[1]) Ср. *П. А. Лохвицкій*, Губернія и т. д.

Мѣстныя единицы отличаются значительною дробностію; затѣмъ изъ этихъ дробныхъ единицъ составляются, для цѣлей высшаго управленія, самыя искусственныя комбинаціи. Области, подвѣдомственныя областнымъ приказамъ, разряды, впослѣдствіи губерніи Петра-Великаго — все поражаетъ своимъ искусственнымъ составомъ, чуждымъ какихъ бы то нибыло историческихъ воспоминаній. Иначе и быть не могло при отсутствіи серьезной организаціи мѣстнаго общества.

Въ древней Россіи нельзя найти крѣпко организованныхъ сословій, способныхъ сдѣлаться правящимъ элементомъ въ мѣстности. Поземельное владѣніе не было связано у насъ съ политическими правами и обязанностями, какъ на западѣ Европы. Управленіе сосредоточивалось въ рукахъ князя. По этому и участіе въ управленіи, по общему правилу, возможно было только *чрезъ* князя, въ качествѣ его помощника и слуги. Конечно, князь старался составить свою дружину изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ княжествѣ. Но это не измѣняло существо дѣла. Во первыхъ сама дружина не составляла постоянной и плотной корпораціи. Члены ея были связаны съ княземъ чисто личнымъ соглашеніемъ и не имѣли опредѣленныхъ связей съ своими товарищами. Каждый оставался на службѣ князю, пока ему было выгодно. Дружинникъ дорожилъ правомъ отъѣзда,—правомъ, выгоднымъ и для князей, которые, благодаря ему, могли перезывать къ себѣ на службу важнѣйшихъ бояръ изъ другихъ княжествъ. Во вторыхъ, княжіе „мужи“ являлисъ въ мѣстность по княжескому назначенію и пожалованію, въ качествѣ намѣстниковъ и волостелей. Эти лица получали право судить и управлять въ своемъ округѣ, пользуясь за то доходами, сопряженными съ отправленіемъ должности, что и называлось *кормленіемъ*.

Съ возвышеніемъ Москвы и съ уничтоженіемъ удѣловъ, все, что входило въ составъ *государственнаго* элемента въ каждомъ княжествѣ, т. е. сами бывшіе князья и ихъ мужи, могли сохранить свое значеніе *въ новомъ* государствѣ, только чрезъ Московскаго государя. Отъ него ждали они теперь службы и всякаго жалованья. Князья-Рюриковичи, бояре и всякіе вольные слуги устремились въ Москву, наперерывъ старались утвердиться на службѣ Московскому государю и попасть въ московскій списокъ служилыхъ людей. Все вліятельное оставило мѣстность, гдѣ уцѣлѣли только *тяглая* масса, посадскіе и крестьяне, да низшіе разряды служилыхъ людей, образовавшіеся по волѣ и прибору

московскаго правительства. Служба измѣнила свой характеръ. Она обращается *въ тягло.* Уничтожается право отъѣзда. Бояре и прочіе служилые люди верстаются помѣстьями, съ которыхъ они должны отбывать службу государству. Служилые люди постепенно обращаются *въ сословіе*, члены котораго связаны правами и обязанностями. Но это сословіе, плодъ государственныхъ соображеній московскихъ государей, не вноситъ новыхъ началъ въ *мѣстное* управленіе. Оно имѣетъ *помѣстья*, но не является помѣстной силой: владѣніе помѣстьемъ обусловливается службою *не мѣстною*, полковою. Оно образуетъ сословіе, но сословіе общегосударственное, находившееся въ прямомъ завѣдываніи центральныхъ установленій - разряда и помѣстнаго приказа. Члены его могли явиться въ мѣстность именно въ качествѣ „служилыхъ людей“, посланныхъ центральнымъ правительствомъ для завѣдыванія тѣмъ, что осталось въ мѣстности—посадскими и волостными людьми.

Такимъ образомъ для *самоуправленія* съ самаго начала не доставало одного изъ важнѣйшихъ элементовъ—независимаго и тѣсно связаннаго съ мѣстностію землевладѣльческаго класса. Зато для *приказнаго* управленія открывалось широкое поле. Здѣсь полезно указать на историческія основанія этой системы, въ видахъ лучшаго разграниченія руководящихъ началъ нашей и западно-европейской исторіи. Въ Англіи государство вошло въ компромиссъ съ обществомъ, организовало службу мѣстной джентри и создало самоуправленіе. Во Франціи королевская власть уничтожила всякое административное значеніе дворянства, превратило его въ красивое, но безполезное украшеніе двора и создала особый классъ чиновничества. Въ Россіи не случилось ни того ни другаго. Будущее дворянство не имѣло никакого значенія на мѣстѣ; *но оно само сдѣлалось бюрократіею.* На западѣ бюрократія набиралась изъ *средняго* класса, заключившаго въ свое время союзъ съ королевскою властью для низложенія феодализма. Французскій интендантъ или субделегатъ былъ человѣкъ „худородный“, враждебно настроенный къ гордой, хотя и безсильной провинціальной аристократіи. Въ Россіи именно аристократія — старая дружина и будущее дворянство явились въ роли приказныхъ людей и въ „уѣздахъ“ встрѣчали только „посадскихъ людишекъ“, да „государевыхъ сиротъ“, взиравшихъ на воеводу не только какъ на царскаго слугу, но и какъ на родовитаго человѣка.

Наша административная система была именно нѣкоторымъ способомъ управленія „мужей“ тяглыми мужиками. Она нетолько олицетворяла въ себѣ начало централизаціи и государственной опеки, какъ на западѣ Европы, но и служила для владычества одного сословія надъ другими. Въ этомъ состоитъ истинная причина ея неприглядности сравнительно даже съ европейскими „бюрократіями“. Тяжела была государственная опека, установленная „полицейскимъ государствомъ“ на западѣ; чиновничество давило живыя силы общества, его формализмъ парализировалъ всякую жизнь. Но все таки оно воплотило въ себѣ нѣкоторую государственную идею, служило ей довольно безкорыстно и съиграло видную историческую роль. Въ Россіи приказная система создалась на подкладкѣ сословныхъ и потому личныхъ эгоистическихъ интересовъ. О служеніи „государственной идеѣ“ врядъ ли можно говорить безъ улыбки. Само государство не знаетъ какъ справиться съ хищниками, кормящимися отъ дѣлъ. Стонутъ „государевы сироты“, бѣдствуетъ и государева казна. Не разъ высшее правительство пытается *устранить* воеводъ отъ особенно „лакомыхъ“ дѣлъ — отъ податей и пошлинъ. Но всѣ усилія его остаются тщетными.

Развитіе приказной системы, въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ XVП вѣкѣ, было задержано разными обстоятельствами. Во первыхъ, процессъ образованія служилаго сословія на новыхъ началахъ государственнаго тягла далеко не закончился. Для довершенія его нужны были расчетливая политика Василія Ивановича и жестокія мѣры Ивана Грознаго. Во вторыхъ, прежнія должности намѣстниковъ и волостелей, жалуемыя по старой памяти боярамъ и инымъ слугамъ, не удовлетворяли уже потребностямъ государства. На первый разъ, правительство довольствовалось тѣмъ, что сосредоточило главное завѣдываніе разными областями въ рукахъ московскихъ приказовъ, гдѣ орудіями его являлись ловкіе и знающіе дьяки. Но съ каждымъ годомъ обнаруживалась потребность въ новой системѣ управленія. Причины, ее вызвавшія, состояли, какъ извѣстно въ слѣдующемъ: 1) крайнія злоупотребленія намѣстниковъ и волостелей; 2) безсиліе ихъ для охраненія безопасности, разбои и грабежи множились, и крестьянство не имѣло никакой защиты; 3) нужды финансоваго управленія, искавшаго средствъ *обезпеченія* правильнаго поступленія сборовъ и ихъ *раскладки*.

Не находя, „въ служиломъ сословіи“ никакой точки опоры

для преобразованія гражданскаго управленія, правительство, при Иванѣ Грозномъ, обратилось къ „тяглымъ людямъ“, волостнымъ и посадскимъ. Цѣлый рядъ указовъ возложилъ на общины губное дѣло, судъ и финансовое управленіе. Эти мѣры не прошли безслѣдно. Плоды ихъ остались преимущественно въ области финансоваго управленія, въ порядкѣ раскладки податей и повинностей, въ отбываніи ихъ за круговою порукою и т. д. Но нельзя не сказать, что реформа Ивана Грознаго, въ виду независѣвшихъ отъ него государственныхъ условій, могла быть только мѣрою временною, неспособною къ дальнѣйшему развитію. Указавъ на причины этой временности, мы укажемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на причины возникновенія *воеводскаго* управленія.

Во первыхъ, нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что служилые люди не участвовали въ этомъ самоуправленіи по *праву* мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Правда законъ предписывалъ избирать *губныхъ старостъ* изъ мѣстныхъ дворянъ. Но это обстоятельство нисколько не свидѣтельствовало о тѣсной связи служилыхъ людей съ мѣстнымъ земствомъ. Правительство дозволяло выбирать въ старосты только тѣхъ дворянъ, которыхъ можно было „уволить“ отъ *настоящей* службы, т. е. службы полковой — именно „отставленныхъ отъ службы за старостью или за ранами, или за которыхъ служили дѣти ихъ и племянники, а за недостаткомъ дворянъ, дѣтей боярскихъ съ тѣми же условіями“. Такимъ образомъ для дворянства губная служба имѣла значеніе службы „заштатной“ и невыгодной. По обыкновенію, они начали „отбывать“ отъ нея, что вызвало карательныя мѣры правительства. Въ XVII вѣкѣ, воеводамъ предписывалось „если которые дворяне и дѣти боярскіе учнутъ ослушáться и не прійдутъ на выборы“, то у знатнѣйшихъ брать людей и крестьянъ и сажать въ тюрьму „пока не объявятся сами“, а менѣе знатныхъ самихъ сажать въ тюрьму. Неудивительно, что должность губныхъ старостъ скоро получила приказный характеръ, не смотря на выборное свое происхожденіе. Иногда старосты прямо назначались правительствомъ. За крестьянствомъ осталось номинальное право выбора старостъ и *обязанность* ставить къ губному дѣлу цѣловальниковъ, биричей и палачей,—обязанность, отъ которой правительство освобождало нѣкоторыя села въ видѣ особой милости. Такимъ образомъ единственная всесословная и всеуѣздная должность видоизмѣнила свой характеръ. Въ XVII вѣкѣ,

она то отмѣняется, то возстановляется, пока, наконецъ, указъ 1702 года не прекратилъ ея существованія.

Оставались должности, избираемыя отъ общинъ. Но этотъ элементъ былъ крайне ненадеженъ. Онъ могъ имѣть смыслъ при *личной свободѣ* классовъ, призываемыхъ къ самоуправленію. Но именно это начало исчезаетъ въ московскомъ государствѣ. Въ концѣ XVI вѣка крѣпостное право дѣлаетъ быстрые успѣхи. Жизнь общины замираетъ подъ давленіемъ права владѣльческаго. Но и само „владѣльческое право" не имѣло того мѣстнаго значенія, какое ему дано было напримѣръ въ Германіи или въ остзейскихъ провинціяхъ. Оно не могло служить основою для самоуправленія, хотя бы въ грубо-сословной формѣ. Помѣщикъ или вотчинникъ относился къ своему „имѣнію" какъ паразитъ. Онъ видѣлъ въ немъ только доходную статью и, по буквѣ закона, обязанъ былъ видѣть только это, ибо „помѣстье" давалось ему для того, чтобы ему было „съ чего государству службу служить". Онъ могъ остаться въ помѣстьѣ только *уклоняясь* отъ службы, т. е. незаконно. Ему нечего было дѣлать въ селѣ, исключая псовой охоты и другихъ развлеченій. Вотъ почему въ Россіи типъ „неслужащаго дворянина" получилъ такой неприглядный характеръ, не то комическій, не то отвратительный. Неслужащій дворянинъ — это человѣкъ безполезный, уклоняющійся отъ службы или изгнанный изъ нея, недоросль, не знающій куда дѣвать ему свои силы, паразитъ, питающійся чужими соками безъ всякой пользы обществу. Но гдѣ, при данныхъ условіяхъ, могъ онъ принести эту пользу?

Личная свобода уцѣлѣла въ классѣ городскомъ и въ такъ называемыхъ „черныхъ" волостяхъ. Но количество черныхъ волостей быстро сокращается, такъ какъ онѣ сливаются съ дворцовыми имѣніями. Только на сѣверѣ Россіи еще можно видѣть, чѣмъ *были* крестьяне во времена, предшествовавшія установленію крѣпостнаго права. Города были слишкомъ незначительны, чтобы сдѣлаться основою мѣстнаго самоуправленія. Притомъ стремленія городскаго класса не были схожи съ стремленіями городскихъ общинъ на западѣ Европы. Между тѣмъ какъ послѣднія искали условій для своего экономическаго и политическаго развитія въ устройствѣ крѣпкихъ мѣстныхъ корпорацій, русскіе „торговые и посадскіе люди" искали облегченія отъ государственнаго тягла и злоупотребленій администраціи или въ *бѣгствѣ* изъ общины или въ *общесословномъ устройствѣ*, съ

подчиненіемъ одному приказу. Финансовыя соображенія издавна побуждали города выдѣляться изъ состава уѣздныхъ волостей относительно раскладки и отбыванія податей и повинностей. Разнообразіе податей и различіе приказовъ, въ коихъ были „вѣдомы“ города, тягостно отзывались на интересахъ послѣднихъ, а потому заставляли ихъ желать бо̀льшаго однообразія въ податяхъ и подчиненія всего городскаго класса одному „пристойному приказу“. Эти стремленія совпадаютъ и съ выгодами правительства, видѣвшаго въ городахъ обильный источникъ дохода. Указы царя Михаила Ѳедоровича и Уложеніе Алексѣя Михайловича тщательно выдѣляютъ города изъ состава прочаго поселенія. Въ новоторговомъ уставѣ 1667 года выражено желаніе, чтобы торговые люди были подчинены одному „пристойному приказу“ [1]), что и было сдѣлано впослѣдствіи, съ учрежденіемъ бурмистерскихъ палатъ (1699). Не говоримъ о другихъ важныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ той же цѣли. Въ результатѣ этого движенія получились не общины, важныя для мѣстнаго самоуправленія, а *сословіе*, державшееся за свои привилегіи и искавшее обезпеченія ихъ въ крѣпкой центральной власти.

Кромѣ этихъ внутреннихъ причинъ, вліявшихъ на преобразованіе мѣстнаго управленія, должно принять въ расчетъ и внѣшнія обстоятельства, именно событія смутнаго времени (1605 — 1613). Смутное время оставило Россію въ крайнемъ разстройствѣ. Движеніе народныхъ массъ спасло государство, но отдѣльные организмы этого народа находились въ бѣдственномъ положеніи. Города пустѣли и городскія общины жаловались съ одной стороны на бѣгство тяглыхъ людей, а съ другой на обиды сильныхъ людей [2]). Пустѣли помѣстья и вотчины, такъ какъ кре-

---

[1]) П. С. З. № 408. «Для многихъ волокитъ во всѣхъ приказахъ купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ, гдѣ великій государь укажетъ, который бы приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ и въ иныхъ государствахъ о проѣздахъ обороною, и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налогъ купецкимъ людямъ былъ защитою и управою. А кому купецкимъ людямъ случится побити челомъ великому государю, о своихъ обидахъ какое ни на есть, на всякихъ чиновъ людей, и чтобъ всѣмъ купецкимъ людямъ давати судъ и управу на тѣхъ людей, въ томъ же одномъ приказѣ непремѣнно, чтобъ купецкимъ людямъ, волочась по многимъ приказамъ, промысловъ своихъ не отбыть и чтобъ промыслъ безъ волокитъ множился, и въ томъ великаго государя казнѣ будетъ въ пошлинахъ не малое пополненіе» ст. 88 и 89.

[2]) Напримѣръ: «и всего въ Муромѣ на посадѣ... *въ живѣ* черныхъ тяглыхъ дворовъ 111 дворовъ, до 107 дворовъ пустыхъ». Или въ 1619 году освященный соборъ заявлялъ: «А изъ-за московскихъ и изъ-за украинныхъ городовъ посадскіе всякіе люди, льготя себя, чтобъ имъ въ городахъ никакихъ податей не платить,

стьяне или уходили отъ крѣпостнаго права или шли на приманку богатыхъ вотчинниковъ и монастырей. Притомъ и „смута“ улеглась не сразу. Правда *существованіе* государства было уже внѣ опасности, но „воры“ были еще живы въ разбойничьихъ шайкахъ, разсыпавшихся всюду. Если прибавить къ этому, что государственныя границы не были еще обезпечены отъ крымцевъ, поляковъ и шведовъ; что съ востока надвигался новый врагъ — калмыки, то понятно будетъ, какихъ усилій требовалось для приведенія государства въ порядокъ.

Таковы были условія, подготовившія развитіе новой системы мѣстнаго управленія, при которой служилые люди, *присланные* изъ Москвы играютъ первенствующую роль. Въ исторіи мѣстнаго управленія, XVII вѣкъ можетъ быть названъ временемъ господства *воеводъ*. Эта должность не была новостью ни по названію, ни по существу дѣла. Имя воеводъ извѣстно старой Россіи и должность первоначально соотвѣтствовала своему названію, т. е. была должностію *военною* въ собственномъ смыслѣ. Затѣмъ въ XVI вѣкѣ въ окраинные города назначаются воеводы съ военною *административною* властью. Такихъ воеводъ мы встрѣчаемъ въ Казани, въ Сибири, въ Новгородѣ и во Псковѣ [1]). Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ во время войны, воеводы назначаются и въ другіе города „для вящщія осторожности“. Мало того: правительство уже проводитъ различіе между воеводами *полковыми* и *годовыми* (послѣ *городовыми*), отпускавшимися для управленія данною мѣстностію.

Не смотря на это, обращеніе воеводъ въ повсемѣстную должность, было встрѣчено мѣстнымъ населеніемъ какъ новость и новость непріятная, къ которой трудно было привыкнуть. На земскомъ соборѣ 1642 года, гости и торговые люди, жалуясь царю на воеводъ, говорили: „при прежнихъ государѣхъ въ го-

---

и пріѣхали къ Москвѣ и живутъ въ Москвѣ, и по городамъ и у племени и у друзей, и по городамъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхати не хотятъ. А изъ иныхъ изъ-за украинныхъ городовъ посадскіе люди бьютъ челомъ о льготѣ, чтобъ имъ для раззоренія во всякихъ податяхъ дать льготы; а иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за боязнь изъ всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею съ посадскими и съ уѣздными людьми не платятъ, и иные люди намъ бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобы ихъ пожаловать и велѣти отъ сильныхъ людей оборонятися». З. Г. Г. и Д. III, Ас. 47.

[1]) Для всего послѣдующаго см. *мою* «Исторію мѣстн. упр.», стр. 285—297. Ср. Ѳ. М. *Дмитріева* «Исторія судебныхъ инстанцій», стр. 75. И. Е. *Андреевскаго* «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», стр. 37 и слѣд.

родѣ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было, а воеводы были посыланы, по прежнихъ государей указу, съ ратными людьми только въ украинные города, для береженья отъ тѣхъ же турскихъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ, отъ ихъ разоренья". Въ виду несомнѣнныхъ фактовъ, слова эти оказываются не совершенно вѣрными. Но они показываютъ, какъ относилось мѣстное населеніе къ новой должности.

Все зависѣло конечно отъ характера, тона произведенной перемѣны. Развитіе воеводской должности сопровождалось умаленіемъ правъ городовъ и „волостей", рѣшительнымъ торжествомъ приказнаго начала надъ земскимъ, даже больше того — торжествомъ московскаго дворянства надъ „государевыми сиротами". Въ „городѣхъ" появились въ качествѣ мѣстныхъ правителей, люди первѣйшихъ фамилій — князья Долгорукіе, Мосальскіе, Клубковы-Мосальскіе, Хованскіе, Звенигородскіе, Пріимковы-Ростовскіе, Бахтеяровы-Ростовскіе, Ромодановскіе и т. д. Перемѣна, значительная сравнительно съ тѣмъ, напримѣръ временемъ, когда на Двинѣ, по отъѣздѣ въ 1552 году послѣдняго намѣстника, кн. Микулинскаго, „были выборные холмогорскіе головы Филиппъ Родіоновъ да Фофанъ Макаровъ и съ нимъ двинскіе выборные судьи, и судили на Холмогорахъ въ верхней и въ нижней половинѣ." Лѣтъ чрезъ тридцать, правда, на Двинѣ появляются воеводы, но они еще живутъ въ ладу съ „выборными". Но въ 1613 году двинскій лѣтописецъ отмѣчаетъ пріѣздъ новаго воеводы Пушкина слѣдующимъ извѣстіемъ: „до сего воеводы Никиты Пушкина, съ воеводами судили вмѣстѣ Двинскіе выборные судьи а сей воевода двинскимъ выборнымъ судьямъ земскимъ съ собою въ товарищахъ быть не велѣлъ". Скоро торговые люди получили много поводовъ жаловаться. Жалобы доходили до Царя. Въ 1615 году Шуяне били челомъ о возвращеніи имъ права судиться самимъ, ибо, отъ воеводъ имъ чинитца продажа и убытки великіе". Царь удовлетворилъ этому ходатайству [1]. Въ 1620 г. царь Михаилъ писалъ въ Муромъ: „вѣдомо намъ учинилось, что въ городѣхъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, и монастырямъ, и служи-

---

[1]) Въ 1620 г. право суда снова предоставлено шуйскимъ воеводамъ.

лымъ, и посадскимъ и уѣзднымъ людямъ чинятъ насильство и убытки и продажи великіе, и посулы и кормы емлютъ многіе“ [1]).

Само центральное правительство, какъ видно, не возлагало особыхъ упованій на воеводъ. Но при данныхъ условіяхъ эта должность была единственнымъ выходомъ изъ всеобщей безурядицы. Воеводы славились своими злоупотребленіями; но не менѣе славились ими и выборные земскіе люди [2]). Вся система тогдашнихъ учрежденій была такова, что злоупотребленія сами собою рождались отъ отсутствія *точныхъ* и *общихъ* правилъ, коими опредѣлялась бы степень власти каждаго лица, отъ отсутствія средствъ *надзора* и *отвѣтственности* должностныхъ лицъ. Мы увидимъ, кромѣ того, что правительство *не могло* даже провести логически идеи воеводскаго управленія.

Начать съ того, что должность воеводы, по закону даже, представляется чѣмъ то незаконченнымъ, неопредѣленнымъ. Конечно, въ этой должности больше государственныхъ началъ, чѣмъ въ должности прежнихъ намѣстниковъ. Воевода въ самомъ дѣлѣ долженъ быть орудіемъ высшаго правительства. При отправленіи на должность ему дается *наказъ* [3]), въ коемъ опредѣляется, какъ онъ долженъ „промышлять государевымъ дѣломъ“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, служба „годовыхъ“ воеводъ не разсматривалась какъ настоящая служба, а скорѣе какъ милость, временный отпускъ, ради поправленія дѣлъ на счетъ ввѣреннаго города. Начало „кормленія“ въ самомъ извращенномъ его смыслѣ уцѣлѣло, стало быть, и въ воеводской должности. При такихъ условіяхъ воевода не могъ сдѣлаться вполнѣ надежнымъ оплотомъ правительства, лицомъ, на которое оно могло-бы положиться всегда и во всякихъ дѣлахъ.

---

[1]) Злоупотребленія воеводъ подробно разсмотрѣны въ соч. Б. Н. Чичерина: «Областныя учрежденія XVII вѣка». Грустны, но вѣрны слѣдующія слова *С. М. Соловьева*: «радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство,—и честь большая, и кормъ сытный. Радуется жена: ей тоже будутъ приносы, радуются дѣти и племянники: послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки земскій староста зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня—ключники, подклѣтные,—будутъ сыты; прыгаютъ малые ребята — и ихъ не забудутъ; пуще прежняго несетъ вздорныя рѣчи юродивый, живущій во дворѣ: ему также будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу». Ист. Россіи, т. XIII, стр. 96, ср. 111 и 112.

[2]) Н. И. *Костомаровъ* «Бунтъ Стенки Разина», стр. 34 и слѣд. *Соловьевъ*. Тамъ же, XIII, стр. 114 и слѣд.

[3]) Наказы писались приблизительно по одному образцу. Вопросъ этотъ, равно какъ и всѣ относящіяся сюда мнѣнія разсмотрѣны въ *моей* «Исторіи мѣстнаго управленія», стр. 299 и слѣд.

Воеводѣ съ „товарищами“ поручены чуть не всѣ дѣла мѣстнаго управленія. Онъ вѣдаетъ и „городовое строеніе“ и служилыхъ людей всякими службами, имѣетъ береженіе отъ окрестныхъ государствъ (если городъ пограничный), охраняетъ тишину и спокойствіе, принимаетъ мѣры противъ пожаровъ, заразительныхъ болѣзней, запрещенныхъ игръ, соблазнительныхъ зрѣлищъ, корчемства; ему принадлежитъ судъ по гражданскимъ дѣламъ, а гдѣ нѣтъ губныхъ старостъ, то и по „разбойнымъ, татебнымъ и убійственнымъ“; онъ наблюдаетъ за бездоимочнымъ и исправнымъ отбываніемъ всѣхъ податей и повинностей, смотритъ за всѣми должностными лицами въ уѣздѣ. Коротко говоря — *съѣзжая изба*, гдѣ присутствуетъ воевода и помѣщается его канцелярія, является средоточіемъ всѣхъ уѣздныхъ дѣлъ.

Но это „средоточіе“ не внушало къ себѣ безусловнаго довѣрія правительства. Были такія деликатныя дѣла, къ которымъ правительство не могло, въ виду собственныхъ интересовъ, пустить воеводъ. Сюда относились прежде всего дѣла по *финансовому* управленію. Конечно воеводамъ было предоставлено *наблюденіе* за исправнымъ поступленіемъ всякихъ податей, и отбываніемъ всякихъ повинностей. Но *непосредственное* завѣдываніе этими дѣлами не могло быть имъ поручено, такъ какъ правительство не могло быть обезпечено ихъ отвѣтственностію, а мѣстные жители справедливо ожидали всякихъ притѣсненій и произвольныхъ поборовъ отъ воеводъ. Поэтому правительство должно было остаться при способахъ, выработанныхъ еще въ XVI вѣкѣ, т. е. при земскихъ должностяхъ, обезпеченныхъ отвѣтственностью общины.

Такимъ образомъ, рядомъ съ приказными должностями, остался цѣлый институтъ *земскихъ*, выборныхъ должностей, низведенныхъ, правда, на степень служебнаго средства, тяжелой повинности, но все-таки отдѣльныхъ отъ должностей приказныхъ. Институтъ этотъ, съ внѣшней стороны, представлялъ довольно широкое развитіе. Во главѣ ихъ стоялъ всеуѣздный или *головной* староста, главный органъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, сносившійся съ правительствомъ [1]). За симъ слѣдовали земскіе старосты и цѣловальники, вѣдавшіе мірскими дѣлами. Такими дѣ-

[1]) *Н. В. Калачова*, «Разборъ сочиненія г. Андреевскаго «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», стр. 36 и слѣд. *Соловьева*, «Исторія Россіи», т. XIII, стр. 38 и слѣд.

лами были: 1-е распоряженіе общинною землею и общественнымъ имуществомъ; 2-е записка въ тягло; 3-е раскладка и сборъ податей; 4-е отправленіе повинностей; 5-е производство мірскихъ выборовъ, и 6-е мѣстная полиція [1]).

Земскіе старосты и цѣловальники являлись органами какъ общины, такъ и правительства, по раскладкѣ и сбору прямыхъ податей и отбыванію натуральныхъ повинностей. Но въ области финансоваго управленія была одна отрасль, гдѣ нормальная отвѣтственность общины была недостаточна. Мы говоримъ о косвенныхъ налогахъ, о „таможенныхъ и кабацкихъ сборахъ", гдѣ невозможенъ былъ прямой и наглядный учетъ, гдѣ приходилось восполнять отвѣтственность общины личною отвѣтственностію должностнаго лица, отдавъ ему *на вѣру* извѣстный сборъ. Такъ возникли *вѣрныя* должности таможенныхъ и кабацкихъ *головъ*. Головы ставились къ „государеву дѣлу" или общиною изъ зажиточныхъ обывателей, или прямо назначались правительствомъ изъ торговыхъ людей [2]). Иногда вѣрная служба просто замѣнялась откупомъ [3]).

Наконецъ, разбойныя, татебныя и убійственныя дѣла остались въ рукахъ *губныхъ старостъ*, кругъ вѣдомства коихъ расширился даже новыми дѣлами [4]). Иногда на губныхъ старостъ возлагались и административныя обязанности.

Такова была эта сложная и довольно нестройная система мѣстной администраціи. Недостатки ея бросаются въ глаза съ перваго же взгляда. Центръ тяжести управленія перенесенъ на служебно-приказный элементъ; но онъ то и представляется наименѣе организованнымъ. Воевода, назначаемый на короткій срокъ — годовой или двухлѣтній [5]) — конечно не можетъ вникнуть въ „мѣстныя условія". Онъ самъ смотритъ на свою службу, какъ на отдыхъ, и законъ говоритъ тоже; хуже того: воевода видитъ въ своемъ воеводствѣ средство поправить свои дѣла. Земскій элементъ, несущій *дѣйствительную* отвѣтственность, обремененный *настоящими* обязанностями, приниженъ и задавленъ до такой степени, что не можетъ справиться съ своими

---

[1]) *Чичерина*, назв. соч., стр. 514 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 397 и слѣд., 408 и слѣд.

[3]) Тамъ же, 403 и слѣд.

[4]) Еще въ 1634 г. дѣла о поджогѣ были присоединены къ губнымъ. Въ 1669 году къ нимъ присоединены: совращеніе отъ вѣры, насилованіе женщинъ, сводничество и непочтеніе къ родителямъ. Мое назв. соч., стр. 345.

[5]) Тамъ же, стр. 295 и слѣд.

выборными, когда они, *стакнувшись съ воеводою*, позволяютъ себѣ всяческія злоупотребленія [1]). Этотъ коренной порокъ администраціи ясенъ самъ собою. Но онъ проявляется и во всѣхъ подробностяхъ.

Воеводы являются органами центральнаго правительства, но нельзя сказать, чтобы они имѣли въ рукахъ своихъ средства удовлетворять самымъ законнымъ нуждамъ мѣстнаго народонаселенія. Имъ было предоставлено право гражданскаго суда, но въ такомъ ничтожномъ объемѣ [2]), что мѣстные жители по сколько нибудь важному дѣлу должны были отправляться въ Москву, гдѣ дѣлались жертвами знаменитой „волокиты". Власть воеводы по дѣламъ помѣстнымъ была ограничена до такой степени, что небогатые служилые люди раззорялись поѣздками въ Москву для росписки помѣстій [3]). Какой бы „мѣстный интересъ" мы ни взяли, вездѣ возможность удовлетворенія его воеводскою властью представлялась весьма малою. Воевода могъ позволить себѣ всякія злоупотребленія, но онъ не могъ, какъ увидимъ ниже, хорошо служить интересамъ даже центральнаго правительства.

Злоупотребленія воеводы обнаруживались главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ тяглымъ людямъ. Конечно наказъ предписывалъ ему „стоять за нихъ и беречь", но на дѣлѣ выходило не то. Положеніе „тяглыхъ" было по истинѣ безпомощно. Наказъ воспрещалъ воеводамъ вмѣшиваться въ мірскіе выборы, въ раскладку и сборъ податей. На дѣлѣ случаи „вмѣшательства" бывали чрезвычайно часты и, что грустнѣе всего, нерѣдко вызывались злоупотребленіями выборныхъ и „лучшихъ" людей, тѣснившихъ людей „молодшихъ" [4]). Затѣмъ вмѣшательство воеводъ обусловливалось и тѣмъ, что по вѣрному замѣчанію г. Чичерина, земскіе старосты не имѣли *никакой власти*, а могли только извѣщать воеводу о неисполненіи закона [5]). Законодатель

---

[1]) *Соловьева*, назв. соч. т. XIII, стр. 114 и слѣд. «Противъ дурнаго старосты, избраннаго, у избирателей нѣтъ другаго средства, какъ просить правительство «вывести» его изъ города». Это грустное заключеніе выведено изъ слѣдующей челобитной «мірскихъ людей» на своего старосту: «въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ большое дурно, въ денежныхъ приходахъ и расходахъ большую хитрость, а себѣ корысть; подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику, пьетъ и ѣстъ съ ними безпрестанно и ночи просиживаетъ, на насъ воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и насъ продаютъ и убытчатъ: вели, государь, отъ насъ его вывесть».

[2]) *Мое* назв. соч., стр. 351 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 315 и слѣд.

[4]) Тамъ же, стр. 322 и слѣд.

[5]) Назв. соч. стр. 517 и слѣд.

непрерывно долженъ былъ подтверждать о „невмѣшательствѣ“, но частыя подтвержденія лучше всего доказываютъ глубину зла.

Могли-ли воеводы быть дѣйствительными органами центральнаго правительства? На этотъ вопросъ также врядъ-ли можно дать утвердительный отвѣтъ.

Во первыхъ, въ организаціи самого „центральнаго“ правительства имѣлись существенные недостатки. Государственныя дѣла вѣдались множествомъ приказовъ, съ весьма неопредѣленною и смѣшанною компетенціею, съ совершенно неопредѣленными отношеніями. Легко представить себѣ, какъ эта неурядица отражалась на мѣстномъ управленіи, гдѣ воеводы или „бездѣйствовали“ или „злоупотребляли“, пользуясь борьбою приказовъ [1]).

Во-вторыхъ, приказы имѣли органовъ своей неурядицы и на мѣстахъ. Воевода считался главнымъ начальникомъ всѣхъ приказныхъ людей въ уѣздѣ. Таковыхъ было очень много. Въ городахъ имѣлись ямскіе и городовые прикащики, стрѣлецкіе, пушкарскіе, засѣчные, житничные головы. Эти люди, находясь подъ главнымъ начальствомъ воеводы, дѣйствовали бо̀льшею частью по наказамъ изъ Москвы [2]). Затѣмъ у Московскаго правительства возникли въ разное время потребности, удовлетвореніе которыхъ оно не хотѣло поручить мѣстному начальству. Отсюда множество „просильныхъ людей изъ Москвы“. Таковы сыщики по губнымъ дѣламъ, сыщики бѣглыхъ, горододѣльцы, сборщики хлѣбнаго и денежнаго сбора и т. д. Между всѣми этими лицами не было никакихъ іерархическихъ отношеній. По общему правилу, приказные люди подчинялись воеводѣ. Но и воеводѣ не довѣряли. Если ему поручалось „смотрѣть“ за разными головами и старостами, то и старостамъ подъ рукою рекомендовалось „смотрѣть“ за воеводою. Воевода писалъ въ Москву на головъ, головы—на воеводъ. Но дѣла отъ этого не шли лучше, а мѣстнымъ жителямъ не было легче [3]).

Въ 1695 году, великіе государи Иванъ и Петръ Алексѣевичи указали послать въ *Сибирскіе* города [4]) такой указъ Изложивъ всѣ злоупотребленія, учиненныя воеводами, государи

---

[1]) Мое назв. соч., стр. 361—370.

[2]) Тамъ же, стр. 372 и слѣд.

[3]) Въ 1679 году было сдѣлано распоряженіе объ уничтоженіи всѣхъ этихъ должностей, «а всякое дѣло вѣдать воеводамъ однимъ». П. С. З. № 779.

[4]) Сибирскіе города, по своей отдаленности, были особенно удобны для злоупотребленій.

повелѣваютъ: „и впредь для всякаго страха, чтобъ тѣхъ воеводъ отъ такихъ вымышленныхъ и ихъ великихъ государей казнѣ и людемъ разорительныхъ поступокъ унять, написать имъ изъ указовъ и изъ наказовъ по городамъ, смотря какое дѣло въ коемъ городѣ къ остереганью подобно статьи... а буде который воевода учнетъ что дѣлать чрезъ тѣ ему данныя статьи *и имъ, всякаго чину жителямъ въ томъ его не слушать*, а посылать къ Москвѣ на того воеводу за своими руками челобитныя“ [1]).

Это уже не указъ, а крикъ отчаянія, вырвавшійся отъ сознанія полнаго своего безсилія. Только сильная рука Петра могла вывести Россію, не скажемъ на *лучшую* дорогу, но хотя бы на какой нибудь опредѣленный путь.

II.

Первоначальныя условія развитія учрежденій кладутъ неизгладимый отпечатокъ на послѣдующую ихъ судьбу. Это вполнѣ примѣняется и къ исторіи мѣстныхъ установленій въ Россіи. Не смотря на всѣ радикальныя мѣры Петра Великаго и на преобразованія Екатерины II, законодательныя измѣненія были безсильны предъ фактическимъ положеніемъ вещей. Даже теперь, послѣ освобожденія крестьянъ и провозглашенія земскаго начала, чувствуется давленіе того времени, когда московскіе государи еще „собирали землю“ и закрѣпляли сословія на службу государству.

Тяглое отношеніе сословій къ государству не измѣнилось, конечно, и при Петрѣ Великомъ. Напротивъ, онъ повысилъ государственныя требованія въ особенности относительно служилыхъ людей. Онъ указалъ слабой, бѣдной и необразованной странѣ такія высокія задачи, заставилъ ее бороться съ такими сильными сосѣдями, что страна должна была отвѣчать ему страшнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ. Но одного напряженія силъ было мало. Страна нуждалась въ новой организаціи. Съ 1701 года Россія вступила въ продолжительную борьбу уже не съ „стихійною силою“—Татарами и Турками, а съ сильнымъ и отлично устроеннымъ государствомъ — со Швеціею. Съ первыхъ же шаговъ этой борьбы чувствовалось, что Швеція бьетъ Рос-

---

[1]) П. С. З. № 1511.

сію именно какъ государство, какъ организація. Затѣмъ необходимость государственнаго переустройства обусловливалась и другимъ стремленіемъ Петра—ввести Россію въ кругъ европейскихъ державъ. Здѣсь не было уже мѣста тому полу-патріархальному быту, среди котораго выросъ Петръ и который онъ ненавидѣлъ отъ всей души. Но эти общія государственныя стремленія Петра выразились въ опредѣленныхъ формахъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ и личному его положенію и условіямъ его времени. Укажемъ на эти условія, такъ какъ они опредѣлили и характеръ созданной имъ *губерніи*.

Прежде всего должно имѣть въ виду, что въ своей преобразовательной дѣятельности Петръ Великій шелъ почти *одинъ*. Кругомъ себя онъ видѣлъ страшныя и неотложныя нужды и не находилъ средствъ къ исправленію. У него были даровитые помощники, но ни одного руководителя и друга. Не было почти ни одного человѣка, въ которомъ бы онъ не разочаровался къ концу своей жизни. Гагаринъ былъ казненъ, Нестеровъ казненъ, Курбатовъ умеръ подъ судомъ, Шафировъ едва избѣгъ смертной казни, Меньшиковъ держался только благодаря заступничеству Императрицы. Въ народѣ слышался глухой, а иногда и явный ропотъ на непомѣрныя тягости, требуемыя содержаніемъ арміи и флота, на рекрутчину, на церковную реформу, на новые обычаи. Умирая, Преобразователь не зналъ, въ чьи руки попадутъ плоды „многихъ и несносныхъ“ трудовъ его. При жизни онъ чувствовалъ, что всякое дѣло требуетъ его присмотра и что ничто не начнется безъ него. Одинъ и тотъ же человѣкъ долженъ былъ заводить арміи и беречь лѣса, создавать флотъ и улучшать породы рогатаго скота, вести сложныя внѣшнія отношенія и заводить мануфактуры, учреждать сенатъ съ коллегіями и губерніями и изобрѣтать гражданскій шрифтъ, руководить дѣйствіями неопытныхъ и полуграмотныхъ сановниковъ и просматривать переводы „экономическихъ книгъ“, издававшихся для всенароднаго наставленія. Это безусловное одиночество среди людей, изъ коихъ одни не понимали реформъ, а другіе понимали, но „приличалися въ воровствѣ“, среди народа, видѣвшаго пока только тягость, *стоимость* реформы, должно было развить въ Петрѣ увѣренность, что преобразованіе не могло быть осуществлено иначе, какъ *насильственно*. „Нашъ народъ, писалъ онъ, яко дѣти, не ученія ради никогда за азбуку непріймутся, когда отъ мастера неприневолены бываютъ, которымъ сперва досадно ка-

жется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ; *не всемъ неволею сдѣлано?* И уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“.

Эта теорія „неволи“ была, какъ я уже замѣтилъ, результатомъ личной обстановки Петра. Но кромѣ того, она подсказывалась ему и примѣромъ *Европы.* Не находя въ своей русской средѣ никакихъ руководящихъ началъ для реформы, Петръ внимательно смотрѣлъ на западъ, жадно вдыхалъ въ себя воздухъ западной культуры. Какую же Европу видалъ Петръ? Извѣстно, что образцовъ политическихъ учрежденій онъ искалъ въ Швеціи и Германіи. Въ этихъ странахъ закончился процессъ образованія *новаго* государства. Главнымъ фактомъ этого процесса была монархическая власть, стоявшая теперь въ полномъ сознаніи своего могущества предъ безсильными „сословіями“ и городскими общинами. Всесильная администрація, особенно въ Пруссіи, проникала во всѣ подробности общественной жизни, подчиняя своей строгой опекѣ торговлю, ремесла, образованіе, церковь, земледѣліе. *Просвѣщенный абсолютизмъ* считался великимъ и единственнымъ рычагомъ цивилизаціи и нашелъ себѣ освященіе въ философскихъ и политическихъ трактатахъ. Коротко говоря — Петръ Великій столкнулся съ типомъ *полицейскаго государства* въ полномъ его развитіи. Онъ видѣлъ предъ собою типы государей-хозяевъ, каковы были Фридрихъ I и Фридрихъ Вильгельмъ I Прусскіе, или военныхъ командировъ, какъ Карлъ XII Шведскій.

Въ Германіи „полицейское государство“ уложилось въ извѣстныя формы. Лейбницъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Петру, уподобляетъ монарховъ Богу, правящему міромъ по извѣстному порядку и незыблемымъ законамъ. Государственная администрація должна быть подобно часамъ, гдѣ каждому колесу и винтику отведено опредѣленное мѣсто, согласно плану цѣлаго механизма. Правда, рядомъ съ государственною машиною на западѣ имѣлись нѣкоторые — общественные остатки — города и мѣстные чины, придавленные, приниженные всемогущею машиною, но сохранившіе отпечатокъ прежняго величія. Петру не было времени разбирать, что въ этомъ случаѣ было однородно и что разнородно, что ново и что старо. Онъ взялъ себѣ въ образецъ западно-европейское государство въ полномъ его составѣ и принялъ городскія установленія и мѣстные чины за про-

долженіе той же административной машины. Съ точки зрѣнія *фактическаго* положенія вещей, онъ былъ правъ, а этого довольно для объясненія его реформы.

Въ первый разъ, послѣ долгаго вырожденія московскихъ учрежденій, въ Россіи было поднято высоко знамя государства. „Петръ“, говоритъ Хомяковъ [1]), „по какому-то странному инстинкту души высокой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ болѣзни отечества, постигнувъ все прекрасное и высокое значеніе слова—государство, ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благодѣтельная гроза. Ударъ по сословію судей-воровъ; ударъ по боярамъ, думающимъ о родахъ своихъ, но забывающихъ родину; ударъ по монахамъ, ищущимъ душеспасенія въ келіяхъ и поборахъ по городамъ, а забывающимъ церковь и человѣчество и братство христіанское. За кого изъ нихъ заступится исторія?“

Крута и насильственна была реформа Петра, но исторія неумолима. Величайшій изъ русскихъ государей, отрѣшившійся повидимому отъ всякой исторіи, принужденъ былъ вращаться въ кругу историческихъ элементовъ, завѣщанныхъ ему прошлымъ. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлалъ и что могъ сдѣлать Петръ для исправленія администраціи вообще и мѣстнаго управленія въ особенности.

Мы видѣли, какъ была организована служба въ московскомъ государствѣ и какъ московская „бюрократія“ въ итогѣ сдѣлалась орудіемъ эксплуатаціи нисшихъ классовъ и самаго государства „служилыми людьми“. Петръ Великій не измѣнилъ отношеній между сословіями. Крѣпостное право дѣлаетъ быстрые успѣхи въ XVIII вѣкѣ. Крестьянство отдается въ полное распоряженіе владѣльцевъ; затѣмъ массы крестьянъ „приписываются“ къ разнымъ вѣдомствамъ, къ фабрикамъ и заводамъ. Въ теченіи XVIII вѣка крестьянами *управляютъ* въ полномъ смыслѣ этого слова. „Купецкіе люди“, горожане сохраняютъ свою свободу. Ихъ даже стараются сберечь, приласкать въ виду ожидаемыхъ отъ нихъ пользъ государству. Но это береженье, какъ мы увидимъ ниже, состояло преимущественно въ томъ, что имъ давали „особое управленіе“ по старому завѣту Москвы. Истинно правящимъ классомъ, призваннымъ на государственную службу, осталось служилое сословіе, переименованное въ „шляхетство“, а потомъ въ *дворянство*. Этого факта Преобразователь измѣ-

---

[1]) Собраніе сочиненій, I, 375.

нить не могъ и не хотѣлъ. *Каждый дворянинъ призывался къ службѣ, каждый служащій выходилъ въ дворяне*, по табели о рангахъ. Петръ Великій хотѣлъ только заставить дворянство дѣйствовать въ новыхъ формахъ, въ новыхъ учрежденіяхъ. И эти формы были заимствованы отъ *чиновнаго* государства западной Европы. Въ этомъ образцѣ Преобразователь искалъ средствъ для „порядочнаго управленія", для обезпеченія законности и государственной пользы. Правителямъ придаются „товарищи", а послѣ образуются коллегіи. Онѣ дѣйствуютъ по регламентамъ, а отдѣльныя должностныя лица по общимъ инструкціямъ, коими опредѣляется и компетенція, и дѣлопроизводство, и взаимныя отношенія учрежденій. Установляются правила отчетности и отвѣтственности каждаго. Образуются органы государственнаго надзора въ лицѣ фискаловъ и прокуроровъ. Строгія наказанія грозятъ за неисполненіе долга и часто эти угрозы приводятся въ исполненіе.

Эти общія стремленія нашли себѣ примѣненіе какъ въ области центральнаго, такъ и мѣстнаго управленія. Петръ Великій *создалъ* губернію, и созданное имъ осталось навѣки. Но мы должны объяснить, въ какомъ именно смыслѣ его должно считать творцемъ губернскихъ установленій. Во первыхъ, онъ положилъ основаніе правильному и однообразному дѣленію страны, замѣнившему хаотическія „единицы" прежняго времени. Во вторыхъ, онъ попытался посредствомъ общихъ наказовъ опредѣлить предметы вѣдомства *мѣстнаго* управленія и провести нѣкоторую границу между задачами мѣстныхъ и центральныхъ установленій. Въ третьихъ, онъ поставилъ мѣстныя должности въ условія *гражданской службы* и открылъ такимъ образомъ возможность обратить въ пользу государства силы мѣстнаго дворянства. Въ четвертыхъ, наконецъ, ему принадлежитъ первая попытка разграничить предметы вѣдомствъ разныхъ установленій и спеціяльно указать нѣкоторыя основанія для отдѣленія *суда* отъ *администраціи*. Коротко говоря—Петръ Великій создалъ формальныя условія существованія губерніи, какъ административной мѣстной единицы. Но не отъ него зависѣло дать этой новой формѣ необходимое содержаніе. Въ подробностяхъ своей реформы онъ столкнулся съ историческими условіями и объ нихъ разбились многія изъ его начинаній.

Губерніи были созданы, но онѣ остались искуственными подраздѣленіями государства. Въ 1708 году, въ составъ первыхъ

восьми губерній вошли самыя разнородныя мѣстности. Новыя дѣленія очевидно были созданы ради административныхъ удобствъ. Такимъ-же характеромъ отличались и подраздѣленія губерній — *доли*, ввѣренныя ландратскому управленію. Въ долѣ положено по 5536 дворовъ: одно основаніе такого дѣленія показываетъ всю его искуственность. Между этими дѣленіями существуютъ еще провинціи, сначала въ видѣ спеціальнаго, для бурмистерскаго управленія, а потомъ въ видѣ общаго. Въ 1719 году количество губерній увеличивается; къ концу царствованія Петра, оно доходитъ до 12. Губерніи подраздѣляются на провинціи, провинціи на уѣзды. Но во всѣхъ этихъ единицахъ, мы не видимъ *мѣстныхъ обществъ*; каждая изъ нихъ остается округомъ извѣстныхъ должностныхъ лицъ. Число послѣднихъ съ 1719 года быстро увеличивается.

Въ первое время реформы (1708 – 1719), губерніи управляются главными начальниками съ различными наименованіями (генералъ-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы), при нихъ состоятъ ландрихтеры, ландраты, оберъ-коменданты и коменданты. Подъ главнымъ управленіемъ сената, за ними „смотрятъ“ фискалы и провинціалъ-фискалы [1]). Съ 1719 года, создается новая серія должностей, съ отмѣною нѣкоторыхъ прежнихъ. Исчезаютъ ландраты и ландрихтеры, но являются камериры (надзиратели сборовъ), рентмейстеры (казначеи), ассесоры при воеводахъ и губернаторахъ, судебные коммиссары въ уѣздахъ, надворные суды въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, земскіе коммиссары, установленные ближайшимъ образомъ для собиранія налоговъ въ уѣздахъ, но затѣмъ облеченные всѣми правами гражданскихъ начальниковъ уѣздовъ, при нихъ нижніе коммиссары, мостовые надзиратели и т. д. За дѣйствіями этихъ лицъ смотрятъ и фискалы и полковники расположенныхъ въ губерніяхъ войскъ. Число должностныхъ лицъ считается теперь сотнями и тысячами. По расчету Голикова всѣхъ судебныхъ чиновъ въ 1725 г. было 1179, чиновъ фискальныхъ 289, камерировъ и рентмейстеровъ 132, земскихъ коммиссаровъ 120, канцелярскихъ чиновъ въ центральныхъ и мѣстныхъ установленіяхъ 3772.

Но все это количество должностей не свидѣтельствовало объ оживленіи мѣстныхъ обществъ. Правда, въ числѣ ихъ можно

---

[1]) Для исторіи губерніи до 1719 г. см. г. Мрочекъ-Дроздовскаго «Областное управленіе Россіи въ XVIII вѣкѣ».

указать лицъ выборныхъ. Таковы были ландраты до 1719, земскіе коммисары послѣ этого года. Они избирались мѣстнымъ дворянствомъ. Но, выборные по происхожденію, они быстро обратились въ приказныхъ людей, дѣйствовавшихъ подъ командой губернаторовъ и воеводъ. Ландраты первоначально были учреждены въ видѣ *коллегіи*, предназначались дѣйствовать вмѣстѣ съ губернаторами. Послѣднимъ даны были только права предсѣдателей — „и губернаторъ между ними не яко властитель, но яко президентъ.“ Но съ учрежденіемъ „долей“ ландраты обратились въ ихъ правителей, причемъ „властительскія“ права губернаторовъ быстро развились. Земскіе коммисары, учрежденные въ концѣ царствованія Петра, не успѣли окрѣпнуть, и мы не знаемъ, что вышло бы изъ этой должности при благопріятныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ губернская, да и вся вообще, реформа Петра была попыткою дисциплинировать службу дворянства посредствомъ новыхъ учрежденій. Но эта попытка не привела къ желанному результату. Старое отношеніе служилаго сословія, „мужей къ мужикамъ“, говоря словами С. М. Соловьева, осталось тоже. Сплоченное въ новую административную машину, вооруженное новыми государственными правами, это сословіе давило народъ съ еще большею силою. При полной безгласности мѣстнаго населенія, открывался широкій просторъ всякимъ злоупотребленіямъ. Не даромъ Петръ Великій принужденъ былъ прибѣгнуть къ учрежденію страшной и можно сказать безнравственной должности фискаловъ, о которой онъ самъ говорилъ, что „чинъ фискальскій зѣло тяжелъ и ненавидимъ“. Тщетно показывались примѣры строгости; тщетно инструкціи и указы грозили жестокимъ наказаніемъ за „богопротивное лакомство“, за хищничество и взятки. Если прибавить къ этому неумѣлость служилыхъ людей дѣйствовать въ новыхъ установленіяхъ и новость учрежденій для всего общества, мы поймемъ, что только сильная рука Петра кое-какъ подерживала ходъ „машины“.

Не стало преобразователя, некому было и вести новыя установленія. Все пошло въ разбродъ, все бросилось на добычу. Горькою правдою дышатъ слѣдующія слова указа 1727 года, которымъ отмѣнялись многія установленія Петра: „Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не токмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной; понеже вмѣсто того, что прежде къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, нынѣ къ десяти и можетъ и больше,

а всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители *пропитанія своего хотятъ*, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящщей народной тягости ежедневно происходятъ или и происходить будутъ“ [1]).

Таково было положеніе вещей, при которомъ высшему правительству невольно приходилось беречь народъ отъ своихъ собственныхъ органовъ. Не всѣ классы общества были настолько счастливы, чтобы вызвать такую правительственную заботу. Но былъ одинъ классъ, выгоды котораго были непосредственно связаны съ интересами самого государства — классъ торгово-промышленный. Онъ несъ всякія повинности съ своихъ „торговъ и промысловъ“ и потому развитіе послѣднихъ было въ прямой связи съ выгодами казны. Затѣмъ изъ него ставились разные головы и цѣловальники къ разнымъ казеннымъ службамъ. Онъ особенно страдалъ отъ приказнаго и воеводскаго раззоренія и не разъ правительство задумывалось надъ средствами избавить ихъ отъ этого двойнаго гнета, обезпечивъ тѣмъ и казенный интересъ. Мы видѣли, что сами купецкіе люди искали своего спасенія въ учрежденіи надъ ними *особаго* управленія въ одномъ „простойномъ“ приказѣ. Но правительство не приступало къ общему рѣшенію вопроса до Петра Великаго.

Два раза, Петръ Великій принимался за „особое“ устройство городскаго управленія: въ 1699 году, учрежденіемъ бурмистерской палаты (Ратуши) и земскихъ избъ и въ 1721 году, учрежденіемъ главнаго магистрата и магистратовъ. Оба раза, реформа его потерпѣла неудачу, не смотря на то, что въ 1721 году она была построена на широкихъ основаніяхъ.

Законъ о бурмистерской палатѣ и земскихъ избахъ былъ собственно продолженіемъ и обобщеніемъ мѣръ, принятыхъ еще въ прежнія царствованія. Это видно и въ мотивахъ реформы и въ способахъ ея осуществленія. Вотъ что говорятъ мотивы: „всѣ черныхъ сотень и слободъ посадскіе и купецкіе и промышленные люди купецкими и всякими расправными дѣлами и его великаго государя доходами вѣдомы въ *разныхъ приказахъ;* и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и раззоренье,

---

[1]) П. С. З. № 5017, п. 5.

а его великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы". Послѣдствіемъ этого и было распоряженіе, чтобы „у его великаго государя всякихъ расправныхъ дѣлъ всего московскаго государства купецкаго чину людей и у пріему и расходу его великаго государя казны всякихъ доходовъ быть президентамъ и бурмистрамъ, а въ городѣхъ у сбора всякихъ доходовъ быть тѣхъ же городовъ кого выберутъ всѣмъ городомъ въ бурмистры и корчемныя выемки вѣдать имъ,..... и воеводамъ вѣдать не велѣно" [1]).

Это *выборное* управленіе не создало, однако, самоуправленія. Указы 1699 года имѣли въ виду организацію именно „купецкихъ и промышленныхъ людей", какъ *общегосударственнаго сословія.* Они не исходятъ отъ понятія *города,* какъ общины. Названные законы устраиваютъ управленіе торговъ промышленнымъ сословіемъ и опредѣляютъ порядокъ исправленія выборными людьми разныхъ казенныхъ службъ. И въ этомъ и въ другомъ отношеніи бурмистры поставлены подъ главное начальство московской ратуши, которая и играла роль центральнаго установленія по всѣмъ „купецкимъ расправнымъ дѣламъ" и по всякимъ сборамъ. Понятно само собою, что степень „особности" этого управленія зависѣла прежде всего отъ самостоятельности московской ратуши, какъ главнаго начальства всѣхъ торговыхъ и посадскихъ людей. Торговые и промышленные люди не имѣли опоры въ *городѣ,* какъ въ самостоятельной *общественной* единицѣ, а именно въ этомъ особомъ, центральномъ начальствѣ. Положеніе же послѣдняго зависѣло отъ степени довѣрія къ нему государственной власти. Послѣднее скоро было поколеблено, а вмѣстѣ съ тѣмъ рушилось зданіе, созданное въ 1699 году. Для объясненія этого явленія необходимо имѣть въ виду слѣдующій фактъ. Въ средѣ купецкихъ и промышленныхъ людей издавна образовался классъ лицъ, по понятіямъ и привычкамъ своимъ близко подходившій къ сословію служилыхъ людей. Торговые люди постоянно ставились къ разнымъ государевымъ казеннымъ дѣламъ, къ продажѣ казенныхъ товаровъ и къ сбору всякихъ пошлинъ. На этомъ поприщѣ, гости и другихъ чиновъ купецкіе люди приходили въ соприкосновеніе съ настоящимъ слу-

---

[1]) П. С. З. № 1674, 1675, 1685, 1686, 1697, 1698, 1704, 1706, 1708, 1718, 1719, 1722.

жилымъ сословіемъ, здѣсь оно воспринимало его взгляды и, враждуя съ воеводами, нерѣдко уподоблялось имъ по части хищенія казны и обидъ подвластнымъ. Тоже случилось и съ новыми бурмистрами. Не успѣло установиться новое учрежденіе, какъ уже послышались жалобы, что бурмистры вмѣстѣ съ богатѣйшими „гражданами" чинятъ великіе налоги „маломочнымъ" и тѣснятъ ихъ всякими способами. Не лучше пошло дѣло и съ государевой казной. Уже въ 1704 году, ратуша отдана подъ присмотръ особымъ надсмотрщикамъ, а въ 1705 учреждена должность инспекторовъ ратуши. Курбатовъ, которому была поручена ревизія бурмистерскихъ установленій, раскрылъ страшныя злоупотребленія. Довѣріе къ ратушамъ рушилось и уже не возстановлялось. До 1721 года, мы присутствуемъ при постепенномъ вымираніи этихъ учрежденій.

Съ паденіемъ московской ратуши, правительство искало новаго начальства для городовъ. Оно нашло ихъ въ лицѣ губернаторовъ, а съ 1719 года — въ лицѣ губернаторовъ и воеводъ. Правда, нисшимъ правителямъ — ландратамъ, а потомъ земскимъ коммиссарамъ не велѣно вмѣшиваться въ городскія дѣла. Но губернаторы и воеводы были облечены достаточною властью надъ этими выборными должностями.

Испытавъ неудачу на этомъ пути, Петръ Великій не отказался однако отъ мысли пересоздать городское управленіе. Онъ былъ заинтересованъ этимъ вопросомъ именно значеніе городскаго класса для *торговли*, которую Преобразователь старался поднять всѣми силами. Въ 1719 году данъ былъ регламентъ *коммерцъ-коллегіи*, которой поручено „смотрѣніе въ двухъ важныхъ вещахъ... въ морскомъ хожденіи и въ купечествѣ". Такимъ образомъ купечество снова находило общаго попечителя о своихъ нуждахъ. „Коммерцъ-коллегіи, продолжаетъ регламентъ, подлежитъ все, что купечество споспѣшествовать и въ доброе состояніе привести можетъ, не токмо въ довольномъ смотрѣніи имѣть, но и трудиться, чтобы такое сокровище утрачено не было" [1]). Поэтому коллегіи были предоставлены обширныя права относительно управленія городами. Но послѣдніе нуждались еще въ новомъ устройствѣ и оно дано было имъ регламентомъ главному магистрату 1721 и инструкціею отъ послѣдняго городовымъ магистратамъ 1724 года.

---

[1]) П. С. З. № 3318.

Не подлежитъ сомнѣнію, что городовое устройство, проектированное регламентомъ, по идеѣ своей гораздо выше городоваго положенія Екатерины II. Оставимъ въ сторонѣ его сословный характеръ, заимствованный отъ Риги и Ревеля, съ ихъ гильдіями и пожизненными магистратами. Сословный характеръ учрежденія былъ вполнѣ въ духѣ времени. Но регламентъ имѣетъ въ виду сдѣлать изъ магистрата „главу и начальство всему гражданству“, со всѣми признаками истинной городской *власти*. Имъ принадлежала власть судебная, хозяйственная, финансовая и *полицейская*. Притомъ магистратъ являлся *единственнымъ* правительствомъ города. Губернаторамъ и воеводамъ запрещено вступаться въ городское управленіе, подчиненное только главному магистрату. Не смотря на это или, можетъ быть, именно поэтому, городскія установленія пережили только нѣсколько лѣтъ смерть своего основателя.

Мы не имѣемъ возможности судить, чѣмъ были-бы магистраты при жизни Петра, такъ заботливо относившагося къ городамъ. Городовые магистраты открыты всего за годъ до его кончины — слишкомъ малый срокъ, чтобы судить о достоинствѣ учрежденій. Но нельзя не указать здѣсь нѣкоторыхъ общихъ условій недолговѣчности новыхъ городскихъ властей.

Первая изъ нихъ заключается конечно въ неудовлетворительномъ *экономическомъ* состояніи городовъ. Слабыя городскія общины не могли выдержать всѣхъ тягостей новаго и сложнаго управленія. Во вторыхъ, „самостоятельность“ городскаго управленія не мирилась съ воззрѣніями „настоящихъ“ служилыхъ людей, занимавшихъ должности воеводъ, ассесоровъ и т. д. „Градское начальство“ было слишкомъ низко породой, слишкомъ приближалось къ „мужикамъ“, чтобы тягаться съ „мужами“, нерасположеніе которыхъ къ посадскимъ людишкамъ усиливалось, по замѣчанію С. М. Соловьева, именно этимъ „самоуправленіемъ“, отнимавшимъ у нихъ богатую добычу. Что дѣлали „мужи“ надъ этими „мужиками“, возведенными въ рангъ городскихъ патриціевъ, видно изъ многихъ фактовъ. Въ Костромѣ, воевода самовольно отнялъ у города зданіе ратуши, построенное изъ „купецкихъ мірскихъ денегъ“. Магистратъ покорился и занялъ другой домъ, взятый на городъ отъ какого-то „оскудѣлаго“ посадскаго человѣка. Но и этотъ домъ понадобился полковнику Татаринову, изгнавшему ратушу изъ ея убѣжища и затѣмъ сдавшему его ассесору Родилову. Ратушскіе чины остались безъ пристанища,

пока не нашли его въ Николаевской Пустынѣ, гдѣ имъ дали келью, „самую малую и утѣсненную“, отчего „сборовъ сбирать негдѣ и въ дѣлахъ не малая остановка“ (еще бы!). Не стоитъ останавливаться на другихъ „случаяхъ“: какъ генералъ Салтыковъ избилъ „смертнымъ боемъ“ бурмистра Коломенскаго магистрата Ушакова, какъ драгунскій „оберъ-офицеръ“ Волковъ велѣлъ своимъ драгунамъ бить Колеменскаго-же бурмистра Волкова „палками, топтуками, ефесами и потомъ плетьми смертно“! Всѣ подобныя событія краснорѣчиво разсказаны С. М. Соловьевымъ.

Въ виду этихъ фактовъ, мы найдемъ достаточное оправданіе для учрежденія, съ виду плохо согласующагося въ идеею „самоуправленія“, именно для Главнаго Магистрата, которому было ввѣрено главное начальство надъ всѣми магистратами Имперіи. Во-первыхъ, не надо забывать, что начало государственной опеки играетъ большую роль въ системѣ Петра Великаго; оно объясняется достаточно извѣстными намъ привычками „купецкихъ людей“, призванныхъ теперь къ начальствованію надъ городомъ. Во-вторыхъ, все городское сословіе находилось еще въ томъ положеніи, когда оно могло быть обезпечено отъ всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ именно своимъ особымъ „главнымъ начальствомъ“. Нужно было найдти защитника „купецкихъ людей“ именно въ средѣ тѣхъ же генераловъ и полковниковъ. Таково и было назначеніе Главнаго Магистрата. Не даромъ его поторопились уничтожить при общей ломкѣ петровскихъ учрежденій въ 1727 году. Не даромъ, впослѣдствіи сенатъ находилъ, что „бургомистры какъ къ распорядкамъ гражданскаго попеченія, такъ и къ ихъ самихъ защищенію *смѣлости не имѣютъ*, отъ чего петербургское гражданство пришло въ крайнее изнеможеніе“. Причину такого явленія сенатъ видѣлъ въ томъ, что бурмистры и Ратуши „обрѣтаются безъ главнаго командира“. По своему сенатъ былъ правъ.

Къ сожалѣнію и положеніе „главнаго командира“ было крайне неопредѣленно. Коллегіи, даже при Петрѣ Великомъ, обходятъ главный магистратъ, затираютъ его, сносятся съ городовыми магистратами прямо, шлютъ имъ указы мимо главнаго. „Главный командиръ“ оказывается безсильнымъ не только предъ коллегіями, но и предъ всякимъ оберъ-офицеромъ, поднявшимъ плеть на „градское начальство“. Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе еще на одинъ чрезвычайно важный фактъ. При самомъ

Петрѣ Великомъ, рядомъ съ градскимъ начальствомъ, которому по регламенту принадлежитъ и *полицейская* власть, зарождается учрежденіе городской полиціи. Правда, при самомъ Петрѣ это новое учрежденіе не пошло далеко. Онъ ограничился учрежденіемъ въ 1718 году генералъ-полиційместера въ Петербургѣ и въ 1721 году оберъ-полиційместера. Генералъ-полиційместеру тогда же даны „пункты“, по коимъ онъ долженъ былъ управлятъ. Предметами столичнаго полицейскаго управленія явились кромѣ полиціи безопасности, въ тѣсномъ смыслѣ, наблюденіе за строеніями, за проведеніемъ улицъ и ихъ чистотою, за продажею съѣстныхъ припасовъ, мѣрами и вѣсами и т. д. Для осуществленія его обязанностей, генералъ-полиційместеру предоставлено пользоваться службою обывателей, отбываемой въ видѣ повинности и повинности крайне тяжелой. На этихъ же началахъ устроилась полиція и въ Москвѣ. Такъ явилось въ двухъ важнѣйшихъ городахъ Россіи „градское начальство“ поважнѣе и пострашнѣе магистратовъ. Впослѣдствіи этотъ зачатокъ далъ свои плоды и конечно не къ пользѣ городскаго „самоуправленія“.

III.

Не успѣлъ Петръ Великій закрыть глазъ, какъ почти все сдѣланное имъ подверглось ломкѣ. Какъ ни выгодно было „умноженіе правителей и канцелярій“ для интересовъ этихъ лицъ и мѣстъ, но строгія формы отчетности, отвѣтственности и надзора, установленныя Преобразователемъ, были не по душѣ служилымъ людямъ, привыкшимъ къ безформенности прежняго воеводскаго управленія. На сколько искренни были заявленія указа 1727 года, приведеннаго выше, судить трудно. Не подлежитъ сомнѣнію, что злоупотребленія многочисленныхъ правителей и канцелярій были велики. Но врядъ-ли этотъ мотивъ привелъ къ отмѣнѣ многихъ учрежденій Петра; врядъ ли также злоупотребленія исчезли отъ возстановленія старыхъ порядковъ. Истинная причина возвращенія къ старинѣ состояла, кажется, въ ненависти къ новымъ формамъ администраціи, установленнымъ Петромъ. Ломка шла довольно быстро. Уже лѣтомъ 1726 года, верховный тайный совѣтъ принялъ намѣреніе возстановить должность воеводы во всѣхъ городахъ, гдѣ она было раньше того, отмѣнивъ учреж-

денныхъ Петромъ судебныхъ коммиссаровъ. Совѣтъ разсуждалъ, что прежнее управленіе „однимъ человѣкомъ“, безъ жалованья было лучше и люди были довольны. Въ февралѣ 1727 года, послѣдовалъ извѣстный намъ указъ, по которому велѣно „какъ надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей и канцеляріи и конторы земскихъ коммиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ *вовсе отставить* и положить всю судъ и расправу по прежнему на губернаторовъ и воеводъ, а отъ губернаторовъ апелляцію въ юстицъ-коллегію“. За этой мѣрой послѣдовалъ рядъ другихъ, клонившихся къ той же цѣли. Воеводъ велѣно посылать изъ сената, причемъ имъ назначены товарищи изъ ассесоровъ [1]); они (воеводы) подчинены губернаторамъ, а магистраты губернаторамъ и воеводамъ [2]). Количество воеводъ увеличено; они посылаются какъ въ провинціи, такъ и въ пригороды; воеводамъ провинціальнымъ данъ рангъ майорскій, а пригороднымъ поручичій; послѣдніе замѣнили собою судебныхъ коммиссаровъ [3]). Съ подчиненіемъ магистратовъ губернаторамъ и воеводамъ, главный магистратъ сдѣлался лишнимъ установленіемъ: въ томъ же 1727 году онъ былъ закрытъ [4]). Скоро и самые магистраты оказались излишними; въ 1728 году велѣно вмѣсто нихъ быть ратушамъ [5]). Управленіе и судъ дѣйствительно сосредоточились въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ различныхъ наименованій провинціальныхъ, городовыхъ и пригородныхъ. Въ городахъ судебная власть, кромѣ дѣлъ разбойныхъ, татиныхъ и убійственныхъ, осталась за ратушами, но подъ надзоромъ и подъ апелляціею воеводъ [6]). Земскіе коммиссары остались для сбора подушныхъ денегъ, подъ смотрѣніемъ воеводъ городовыхъ и провинціальныхъ. Впрочемъ, съ 1732 года, ихъ предположено уничтожить въ виду того, что сборъ подушныхъ денегъ поручится воеводамъ съ офицерами, обрѣтающимися на вѣчныхъ квартирахъ подъ отвѣтственностью помѣщиковъ [7]).

Такъ образовалось управленіе, которымъ были бы „довольны люди“. Но старые порядки приводили къ прежнимъ злоупотребленіямъ и вызывали старыя мѣры исправленія. Такъ, въ 1730

---

[1]) П. С. З. № 5029.
[2]) Тамъ же, № 5033.
[3]) Тамъ же, № 5053, 5056.
[4]) Тамъ же, № 5142, 5212.
[5]) Тамъ же, № 5302.
[6]) Тамъ же, № 5333.
[7]) Тамъ же, ibid. и № 5789, п. 5, 6 и 8.

году, вышелъ указъ, повелѣвавшій перемѣнять воеводъ во всѣхъ городахъ. Чрезъ два года, по истеченіи которыхъ имъ велѣно являться въ Сенатъ съ росписными и счетными книгами. По провѣркѣ счетовъ, Сенатъ могъ опредѣлить на воеводство вновь только тѣхъ, на которыхъ въ теченіи года жалобъ не послѣдуетъ [1]). Это показываетъ, что воеводы, служившіе теперь безъ жалованья, обратились къ старымъ привычкамъ, желая своего „пропитанія". Правительство по прежнему не имѣло надлежащихъ средствъ надзора, а жители не „дерзали" жаловаться пока воевода былъ на мѣстѣ. Нужно было вызвать его и смѣнить, чтобы жители дерзнули принести жалобу, если къ тому былъ поводъ. Нужно было вызвать воеводу и для того, чтобы Сенатъ могъ получить отъ него „счеты", которыхъ въ противномъ случаѣ онъ не получилъ бы во вѣки.

Велики были злоупотребленія; не исчезла и медленность. Въ томъ же 1730 году явилась необходимость возстановить для Московской губерніи судный и сыскной приказъ, въ виду нѣсколькихъ тысячъ невершенныхъ дѣлъ, оказавшихся въ московской губернской канцеляріи [2]). По причинѣ великихъ злоупотребленій, оказавшихся въ сибирскихъ провинціяхъ, найдено необходимымъ возстановить сибирскій приказъ [3]). Земское, выборное начало оказалось въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было въ московское время,—въ видѣ „добавочной" и повинностной службы, отправляемой посадскими и купецкими людьми подъ командой приказныхъ людей. Кромѣ службы въ ратушѣ, люди эти ставятся къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ, въ счетчики у губернаторовъ и воеводъ для „счету мелкихъ и серебряныхъ денегъ", и въ сибирскій приказъ „для пріему, разцѣнки и продажи товаровъ" [4]).

Здѣсь не мѣсто слѣдить за всѣми перемѣнами, приключившимися въ мѣстномъ управленіи до воцаренія Екатерины II. Трудно найти въ нихъ какую нибудь систему. Дѣянія Петра Великаго имѣли такое значеніе для его преемниковъ, что полное отреченіе отъ его реформъ было немыслимо. Созданная имъ губернія формально продолжала свое существованіе. Но рядомъ съ нѣкоторыми новыми установленіями оживали старыя должности.

---

[1]) Тамъ же, № 5522, 5598, 5725, 6009.
[2]) Тамъ же, № 5521, 5597.
[3]) Тамъ же, № 5659.
[4]) Тамъ же, № 5794, 5847, 6636.

Созданное Петромъ то отмѣнялось, то возстановлялось, какъ это было при Елизаветѣ Петровнѣ, когда были возстановлены магистраты, съ раздѣленіемъ ихъ на городовые, провинціальные и губернскіе [1]).

Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ законодательныхъ перемѣнъ были перемѣны въ самихъ жизненныхъ условіяхъ, подготовившихъ реформу Екатерины II. Между этими условіями на видномъ мѣстѣ стоитъ фактическое образованіе мѣстныхъ дворянскихъ обществъ. Принципъ обязательной службы дворянства, установленный еще въ московское время, никогда не примѣнялся строго на практикѣ. Петру Великому, нуждавшемуся въ службѣ, приходилось принимать строгія мѣры противъ уклоненія отъ службы,—угрожать отнятіемъ чести и имѣнія. Мѣры, принятыя имъ, были такъ энергичны, что въ послѣдствіи его считали творцемъ служебнаго тягла. Не смотря на это, даже при немъ уклоненіе отъ службы не было рѣдкостію. Послѣ его смерти, строгость тягла постепенно ослабляется, въ виду хозяйственныхъ причинъ. Мотивъ перемѣны вѣрно выраженъ въ извѣстномъ „доношеніи“ Ягужинскаго, поданномъ имъ Екатеринѣ I. Вотъ что здѣсь сказано между прочимъ:

„Что домъ всякій безприсмотру господина раззоряется и такъ для содержанія того, изволилъ Его Величество опредѣлить и отпускать шляхетство и прочихъ, которые вотчины имѣютъ, по перемѣнамъ въ домы; а нынѣ, хотя по нуждамъ позваны, которые уже были отпущены, пока къ командамъ, то однако же, ежели не имѣется великая въ нихъ нужда пока ихъ срокъ выжить, нынѣ немедленно отпустить надлежитъ, и мнится, что ежели возможно въ которыхъ наслѣдникахъ нужды нѣтъ къ дѣламъ, чтобы они въ домахъ жили и смотрѣли“.

Конечно эти соображенія касались далеко не всѣхъ слоевъ дворянства. Они имѣли значеніе преимущественно для дворянства *„нисшаго“*, не имѣвшаго шансовъ на служебные успѣхи. Для него „смотрѣніе за своими домами“ дѣйствительно имѣло практическое значеніе; оно по преимуществу выигрывало отъ постепеннаго ослабленія служебнаго тягла, прекращеннаго жалованною грамотою Петра III (1762 г.). Уѣзды наполнялись дворянами, живущими въ своихъ помѣстьяхъ. Они входили въ составъ мѣстныхъ жителей и вмѣстѣ съ ними терпѣли невзгоды отъ плохой

---

[1]) Тамъ же, № 6584.

и притѣснительной администраціи. Они видѣли, какъ ихъ деревни раззорялись воинскимъ постоемъ и всякими повинностями, расположенными неуравнительно и взимаемыми произвольно; они страдали отъ медленности въ правосудіи и неправосудія, отъ отсутствія всякой полиціи, отъ разбоевъ и воровства. Они испытывали на себѣ всю невзгоду находиться подъ чужимъ управленіемъ, въ которомъ имъ не было предоставлено участія. Эти обстоятельства и послужили мотивами жалобъ, послышавшихся въ Коммиссіи для составленія новаго уложенія 1767 г.

Задолго до созванія коммиссіи Екатерина II обратила вниманіе на мѣстное управленіе, руководствуясь мыслью, что „цѣлое не можетъ быть хорошо, если отдѣльныя его части будутъ не въ исправленіи“. Уже въ 1763 году она возвратилась къ мысли Петра Великаго, издавъ новые штаты, назначивъ служащимъ жалованье, съ тѣмъ, чтобы они „не имѣли уже причины сверхъ того къ богоненавистной корысти и въ случаѣ нашихъ о томъ прошеній не могли-бъ извинять себя тѣмъ, что они, не получая жалованья, принужденно для своего пропитанія въ преступленіе входятъ“. Въ 1764 году она издала свое „наставленіе губернаторамъ“, имѣвшее въ виду иначе поставить эту должность. Въ то же время были приняты мѣры къ лучшему разграниченію уѣздовъ, къ опредѣленію городовъ и ихъ правъ на владѣемыя ими земли и т. д. Но общія и коренныя реформы были произведены послѣ коммиссіи для составленія новаго уложенія. Въ декабрѣ 1766 года вышелъ манифестъ о выборѣ депутатовъ въ коммиссію вмѣстѣ съ обрядомъ выборовъ. Право на избраніе депутатовъ было предоставлено сословіямъ. Дворяне (гдѣ они были) высылали отъ каждаго *уѣзда* по одному депутату; городскіе обыватели по одному отъ *города*; прочія сословія и званія по одному отъ своей *провинціи*. Такимъ образомъ манифестъ признавалъ за уѣздными дворянами и городами качества мѣстныхъ обществъ, давая имъ право быть представленными въ коммиссіи. Онъ даетъ этимъ обществамъ и видимыхъ органовъ. Дворянство каждаго уѣзда избираетъ себѣ предводителя, а городъ голову; подъ руководствомъ этихъ лицъ, общества избираютъ депутатовъ и даютъ имъ наказы.

Депутатскіе наказы представляютъ неоцѣненный матерьялъ для опредѣленія стремленій русскаго общества во второй полови-

нѣ XVIII вѣка [1]). Желанія, выраженныя въ наказахъ, равно какъ и заявленія различныхъ депутатовъ отличаются *сословнымъ* характеромъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Россія въ XVIII столѣтіи была государствомъ сословнымъ, да и самъ наказъ Екатерины II, хотя и проникнутый философскими стремленіями, имѣлъ въ виду организовать именно сословное государство. Но для насъ важенъ тотъ фактъ, что эти сословныя стремленія разнятся отъ сословныхъ воззрѣній московскаго времени. Тогда каждое сословіе чувствовало себя прежде всего общегосударственнымъ установленіемъ и если стремилось къ „особому“ положенію, то именно въ качествѣ общегосударственнаго тѣла. Теперь въ этихъ сословныхъ заявленіяхъ слышатся уже голоса мѣстныхъ обществъ, говорящихъ о своихъ мѣстныхъ нуждахъ. Болѣе всего свѣдѣній мы имѣемъ о дворянскихъ наказахъ, а потому начнемъ съ нихъ.

Прежде всего дворянство хочетъ быть „корпусомъ“, обществомъ и ходатайствуетъ, „чтобы права и преимущества дворянству сродныя и принадлежащія, въ чемъ имъ состоять, съ точностію изъяснены, и притомъ единожды навсегда и твердое положеніе сдѣлано было, кому нынѣ тѣми правами и преимуществами пользоваться“ [2]).

Затѣмъ слѣдуютъ указанія на различныя права по уравненію, которыя должны бы быть предоставлены мѣстнымъ дворянскимъ обществамъ. Сюда относятся прошенія объ устройствѣ мѣстныхъ судовъ и администрацій, причемъ эти желанія выражались въ различныхъ формахъ. Иныя дворянскія общества предполагали возвратиться къ временамъ Петра, требуя для себя выборныхъ коммиссаровъ для разбора мелкихъ споровъ и огражденія интересовъ мѣстныхъ жителей [3]). Другія просили ландратовъ и уѣздныхъ коммиссаровъ, которымъ подчиняются дворяне и крестьяне по слѣдующимъ дѣламъ: по суду и расправѣ въ „мелкихъ дѣлахъ“, по ловлѣ разбойниковъ и корчемниковъ, по „провожденію войскъ“, ландрату принадлежитъ защита уѣзда

---

[1]) Извѣстно, что многіе изъ этихъ наказовъ напечатаны въ разныхъ томахъ «Сборника Русскаго Историч. Общества» Пользуясь этимъ изданіемъ, я буду указывать только на наказы и ихъ статьи.

[2]) Наказъ московскій. Ср. наказы волокаламскій, ст. 1, костромской ст. 1, калужскій и медынскій, ст. 1, Ярославскій, I, 1 (особенно краснорѣчиво), малоярославецкій, кашинскій и переяславскій.

[3]) Московскій, ст 11, костромской, ст. 4, углицкій, ст. 3, переславскій, ст. 5.

(онъ яко опекунъ уѣзда) и онъ обязанъ отчетностію предъ дворянствомъ [1]). Третьи, кромѣ выборныхъ становыхъ коммиссаровъ думаютъ воспользоваться вновь учрежденною должностью предводителя и создать подъ его предсѣдательствомъ выборную судебно-административную коллегію — земскій судъ, изъ дворянъ, живущихъ въ отставкѣ, по выбору дворянства. Суду предполагается предоставить разборъ ссоръ и споровъ, смотрѣніе за дорогами, завѣдываніе квартирною повинностію, охраненіе наслѣдствъ и опеку надъ малолѣтними, безумными и „мучителями“ [2]). Четвертые просятъ прямо выборныхъ отъ дворянства *воеводъ*, мотивируя это желаніе тѣмъ, что „отъ прежде бывшихъ временъ и до нынѣ изъ Правительствующаго Сената въ города опредѣляются воеводы; а къ должности принадлежащихъ качествъ Правительствующему Сенату, за множественнымъ числомъ оныхъ опредѣляемыхъ въ воеводы знать невозможно“ [3]). Нѣкоторые ограничиваются прошеніемъ о выборѣ воеводскихъ товарищей; требованія другихъ не идутъ далѣе учрежденія „словесныхъ судовъ“, на подобіе учрежденныхъ уже для купечества. Иные ограничиваются просьбою объ учрежденіи судовъ, подобныхъ малороссійскимъ подкамернымъ судамъ [4]).

Какъ ни разнообразны эти требованія, но вездѣ они вытекаютъ изъ однообразныхъ мотивовъ—отсутствія близкаго и скораго суда, отсутствія безопасности и тягости повинностей. „Сколь тягостны крестьянамъ полковые постои, говоритъ псковскій наказъ, извѣстно безъ описанія всякому и единое воображеніе о томъ имѣющему“. Тотъ же наказъ требуетъ учрежденія выборныхъ становыхъ опекуновъ, долженствующихъ замѣнить „нынѣшнихъ уѣздныхъ коммиссаровъ, коихъ званіе, дѣла и безсильная власть давно уже вошли въ безпоправочное состояніе“.

Требуя выборныхъ уѣздныхъ должностей, дворянскіе наказы стремятся поставить ихъ подъ контроль мѣстнаго дворянскаго общества и дать послѣднему дѣятельную роль въ управленіи. Боровскій наказъ требуетъ, чтобы „дозволено было дворянамъ, чрезъ всякіе два года, въ городѣ, гдѣ заблагоразсудятъ, но въ своемъ уѣздѣ съѣздъ имѣть и на ономъ разсуждать и разсматривать, все ли въ уѣздѣ въ силѣ законовъ исполняется и не бываетъ-ли

---

[1]) Боровскій.
[2]) Костромской и многіе другіе.
[3]) Козельскій, мощовскій, вологодскій, чухломской.
[4]) Старицкій.

кому отъ судебныхъ мѣстъ и прочихъ лицъ утѣсненія и о томъ подавать жалобы въ сенатъ".

Подобныя-же заявленія послышались и отъ городовъ. Иркутскій городовой депутатъ *Сибиряковъ* заявилъ въ коммиссіи, послѣ многихъ жалобъ на злоупотребленія администраціи, что „надлежало бы нѣсколькимъ изъ судей быть чину по гражданству такого-же, какого и отвѣтчикъ, т. е. ему равнымъ, чтобъ онъ не могъ подумать, будто попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ. Поэтому Сибиряковъ предлагалъ „опредѣлять въ магистраты не изъ дальнихъ городовъ, а изъ мѣстнаго купечества по три человѣка по выбору". Депутатъ отъ жителей св. Елисаветы Бѣлезлый заявлялъ: „не будетъ-ли признано нужнымъ во всѣхъ городахъ, гдѣ не установлены суды и расправы по дѣламъ между купечествомъ, учредить магистраты, утвердить ихъ привилегіями и имѣть въ нихъ настольныя зерцала". Этимъ магистратамъ подчинить городскихъ обывателей, а для разсмотрѣнія дѣлъ общественныхъ составлять соединенное присутствіе изъ магистрата и 12 лицъ, выборныхъ отъ общества. Съ мнѣніемъ Бѣлезлаго согласились депутаты городовъ Каширы, Шуи, Волоколамска, Боровска, Мурома, Алексина, Судиславля, Касимова, Нижняго-Новгорода, Арзамаса и Вязниковъ.

Требуютъ выборныхъ и некрѣпостные крестьяне. Депутатъ отъ пѣхотныхъ солдатъ Нижегородской провинціи Иванъ Жеребцовъ проситъ объ отмѣнѣ правителей дворцовыхъ, экономическихъ и прочихъ государственныхъ крестьянъ и о порученіи ихъ должности старостамъ, выборнымъ и земскимъ судьямъ изъ ихъ же братьи. Жеребцова поддерживаетъ депутатъ отъ ясачныхъ крестьянъ Казанской провинціи Иванъ Ковалевъ и вноситъ въ коммиссію проектъ этихъ выборныхъ земскихъ судей. Давыдовъ, депутатъ отъ однодворцевъ Елецкой провинціи, ходатайствуетъ объ учрежденіи выборныхъ отъ однодворцевъ коммиссаровъ.

Повидимому воскресали времена Ивана Грознаго, времена „отставки" намѣстниковъ и волостелей и „возложенія" всего мѣстнаго управленія на души мѣстныхъ жителей. Дѣйствительно, между жалобами „крестьянства" временъ Ивана IV и заявленіями наказовъ много общаго. И тамъ и здѣсь слышится недовольство на управленіе чрезъ „насыльныхъ людей", чинящихъ великіе „продажи и убытки" мѣстному населенію. Странно, повидимому, слышать эти жалобы отъ дворянства, котораго выгоды,

какъ мы видѣли, долго сливались съ выгодами администраціи. Но мы указали теперь, что по мѣрѣ ослабленія служебнаго тягла, мѣстность наполняется дворянствомъ, ищущимъ другихъ интересовъ, кромѣ службы. „Отставные и неслужащіе“ дворяне попадаютъ въ число „управляемыхъ“ и терпятъ вмѣстѣ съ ними всѣ невзгоды отъ „управленія“. Событія послѣдняго времени проводятъ границу между знатнымъ и чиновнымъ дворянствомъ, съ одной стороны, и незнатнымъ, нечиновнымъ, съ другой. Въ „деревняхъ“ сосредоточивается послѣднее. Отставные капралы и сержанты, поручики и секундъ-майоры, испытавъ неудачу по службѣ, обращаются къ сельскимъ занятіямъ и здѣсь на каждомъ шагу сталкиваются съ неудобствами административной системы.

„Наказы и заявленія“ не прошли безъ слѣда. Въ нихъ Екатерина II нашла богатый матерьялъ для своего учрежденія о губерніяхъ 1775 года. Мотивы знаменитаго учрежденія сжато повторяютъ тѣ жалобы, о которыхъ мы говорили выше. Императрица указываетъ на обширность губерній и недостатокъ въ нихъ правительствъ и людей. Существующія мѣста обременены управленіемъ. „Въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомы правленіе губерніи, и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ или полиціею, и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются“. Тоже должно сказать о провинціяхъ и уѣздахъ, „ибо въ одной воеводской канцеляціи совокуплены находятся дѣла всякаго званія и рода“. Отсюда проистекаютъ медленность, упущеніе и волокита, зависящія также отъ множества апелляціонныхъ инстанцій; такъ для городскихъ обывателей имѣлись, въ послѣдовательномъ порядкѣ, магистраты: городовой, провинціальный, губернскій, главный и высшее для всѣхъ установленій — сенатъ. Отъ медлительности производства, къ великому вреду для жителей, рождаются своевольство и ябеда. Учрежденіе ставитъ себѣ цѣлію устранить эти недостатки, сокративъ объемъ административныхъ единицъ, умноживъ число должностныхъ лицъ и отдѣливъ судебныя мѣста отъ правительственныхъ.

Учрежденіе о губерніяхъ, вмѣстѣ съ уставомъ благочинія 1782 года и жалованными грамотами дворянству и городамъ 1785 года, явилось, въ главныхъ своихъ чертахъ, основаніемъ всей системы управленія и самоуправленія до реформъ нынѣшняго царствованія. Здѣсь необходимо остановиться на разсмотрѣніи главныхъ началъ этой системы.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что дѣйствительные мотивы реформы были гораздо глубже, и цѣли ея гораздо шире, чѣмъ мотивы и цѣли, указанные въ учрежденіи. Екатерина II задумала преобразовать всю административную систему государства, перенеся центръ тяжести управленія въ *губернію*. Въ сущности она возвращалась къ идеямъ Петра Великаго. Послѣдній въ началѣ своей реформы также задумалъ сдѣлать изъ губернскихъ установленій сильныя правительства, поставленныя подъ прямой надзоръ государя и сената. Губернаторы съ ландратами и ландрихтерами какъ бы замѣнили собою областные и нѣкоторые другіе приказы, сосредоточивавшіе управленіе въ Москвѣ. Вотъ почему приказы эти, по мѣрѣ развитія губернаторской должности, закрываются и производящіяся въ нихъ дѣла передаются въ губерніи. Съ учрежденіемъ коллегій измѣнилось и положеніе губернскихъ должностей. Непосредственныя отношенія губерній къ сенату уничтожились; между тѣми и другимъ стали коллегіи, сосредоточившія въ своихъ рукахъ власть управленія и суда. Имъ, и въ особенности камеръ и юстицъ-коллегіямъ, были подчинены губернаторы, воеводы и другія мѣстныя власти. Петру не удалось провести точную границу между центральными и мѣстными установленіями. При преемникахъ его начало безусловной централизаціи получаетъ сильное развитіе. Сама Екатерина II указываетъ, что сенатъ „поработилъ" себѣ коллегіи, а послѣднія привели въ „безмолвное состояніе" губернскія власти. Въ началѣ своего царствованія, она старалась дать больше значенія коллегіямъ и приблизить къ себѣ губернаторовъ. Это видно изъ наказа губернаторамъ 1764 года. Но эти переходныя мѣры не рѣшали вопроса.

Нужно было найти какое нибудь общее основаніе для административно-судебной системы, т. е. сдѣлать выборъ между губерніями и коллегіями. Екатерина рѣшила вопросъ въ пользу губерній и по мѣрѣ открытія ихъ мы замѣчаемъ тоже, что видѣли въ началѣ царствованія Петра, только въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Коллегіи закрываются въ столицѣ и возстановляются *въ губерніяхъ* въ видѣ палатъ и другихъ установленій [1]). Екатерина настаиваетъ на этомъ значеніи палатъ. „Казенная па-

---

[1]) Конечно мы говоримъ о коллегіяхъ, вѣдавшихъ дѣла по внутреннему управленію въ собственномъ смыслѣ. «Государственныя коллегіи» — иностранныхъ дѣлъ, военная и адмиралтействъ остались неприкосновенными.

лата, говорится въ учрежденіи, не что иное есть, какъ соединенный департаментъ камеръ и ревизіонной коллегіи". Уголовная палата опредѣляется какъ „департаментъ" юстицъ, гражданская какъ департаментъ юстицъ и вотчинной коллегіи. Этого мало. Екатерина не только переносила въ мѣстность дѣла управленія и суда, но создавала въ ней важную *политическую* должность для общаго надзора и высшаго управленія въ лицѣ генералъ-губернатора или государева намѣстника, подчиненнаго прямо императрицѣ и сенату. Такимъ образомъ губернія образовала самостоятельную административную единицу.

Затѣмъ реформа Екатерины II имѣла въ виду двоякое основаніе для административно-судебной системы — правительственное и общественное. Мѣстныя общества — дворянское и городское — играютъ уже видную роль въ губернскихъ учрежденіяхъ. Утверждаются должности дворянскаго предводителя и городскаго головы, являются выборные суды, выборныя полицейскія установленія. Наконецъ Екатерина полагаетъ извѣстное основаніе для раздѣленія мѣстъ судебныхъ и административныхъ и „умножаетъ" количество должностныхъ лицъ и мѣстъ, съ сокращеніемъ объема губерній.

Такимъ образомъ учрежденіе о губерніяхъ было задумано на довольно широкихъ началахъ, развитыхъ впослѣдствіи жалованными грамотами дворянству и городамъ. Но отъ *началъ* и *цѣлей* реформы должно отличать *средства* выполненія, которыя едва-ли соотвѣтствовали и едва-ли *могли* соотвѣтствовать намѣреніямъ императрицы, возвѣщеннымъ въ пышныхъ введеніяхъ къ „учрежденію" и къ жалованнымъ грамотамъ.

Во первыхъ, губернія Екатерины II была чисто *сословною* и потому ни губерніи, ни уѣзды не могли получать значенія *общественныхъ* (земскихъ) единицъ. На мѣстахъ имѣются только два общества: дворянское, учрежденное для цѣлой губерніи, и городское, образуемое городами. Масса крестьянства находилась въ крѣпостномъ состояніи и не имѣла голоса въ общественныхъ дѣлахъ. Правда, свободнымъ сельскимъ обывателямъ даны свои „расправы", но не безусловно, а гдѣ къ тому представятся необходимость и возможность. Присутствіе засѣдателей отъ поселянъ въ нижнемъ земскомъ судѣ также не обезпечивало интересовъ этого сословія, общее устройство котораго осталось въ проектѣ.

Во вторыхъ, „самоуправленіе", данное теперь дворянству и городамъ, имѣло особое значеніе и представляло оригинальныя

черты, объясняющія характеръ и нынѣшнихъ реформъ. Дворянскимъ и городскимъ обществамъ дано было два права: 1-е избирать должностныхъ лицъ, для завѣдыванія *ихъ общественными дѣлами*, 2-е судиться равными себѣ въ первыхъ двухъ инстанціяхъ. Наконецъ, дворянству ввѣрена была *уѣздная* полиція, чрезъ избранный отъ него нижній земскій судъ. Для суда дворянство получило суды — верхній земскій и уѣздный; городскіе обыватели городовой и губернскій магистраты. Но высшею инстанціею по губерніи остались *коронныя* установленія — палаты уголовная и гражданская. Къ самимъ сословнымъ судамъ выборное начало не было примѣнено вполнѣ. Предсѣдатели верховнаго земскаго суда назначались Государемъ по представленію сената. Сенатомъ, по представленію намѣстническаго правленія, опредѣлялись 1-й и 2-й предсѣдатели губернскаго магистрата и верхней расправы (гдѣ оно было). Второе право, предоставленное „обществамъ", право завѣдыванія своими общественными дѣлами не могло не породить значительныхъ недоразумѣній. Прежде всего, представлялось неяснымъ, какія „общественныя" дѣла могли быть у дворянства? Оно не было представителемъ ни губерніи, ни уѣзда: оно не могло выразить потребности какой бы то ни было общественной единицы. Собственные же его интересы были слишкомъ несложны, вслѣдствіе чего многія изъ данныхъ ему должностей оказались излишними. Таково, напримѣръ, депутатское собраніе, установленіе, оставшееся на бумагѣ. Должность предводителей дворянства получила бо̀льшее развитіе, но это случилось благодаря тому *правительственному* значенію, какое они получили впослѣдствіи.

Городская община, которую думала создать Екатерина II, увлекаясь идеями о западно-европейскомъ „третьемъ сословіи", дѣйствительно имѣла свои великіе сословные интересы. Но Екатерина II положила основаніе для раздѣленія *общественнаго* управленія городовъ и управленія *полицейскаго*, сдѣлавъ такимъ образомъ шагъ назадъ сравнительно съ регламентомъ главному магистрату Петра Великаго. Она поставила рядомъ городскія думы съ довольно неопредѣленною компетенціею по дѣламъ общественнымъ, и полицеймейстеровъ съ городничими, со стольже неопредѣленнымъ вѣдомствомъ по дѣламъ полицейскимъ. Плоды такого „сопоставленія" дали себя знать впослѣдствіи.

Но въ уѣздахъ *дворянство* было вооружено мѣстною полиціею. Оно избирало капитанъ-исправника и засѣдателей въ нижній земскій судъ. Этотъ судъ вѣдалъ и дворянъ и крестьянъ.

Надъ нимъ однако стояла всемощная власть намѣстниковъ и намѣстническихъ правленій. Каждый изъ насъ помнитъ, какую роль игралъ исправникъ не только предъ губернаторомъ, но даже предъ всякимъ чиновникомъ особыхъ порученій. Кому непонятны слова, сказанныя графомъ Перовскимъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1842 годъ: „званіе земскихъ исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижено въ общественномъ мнѣніи?“

Здѣсь мы касаемся новаго и чрезвычайно важнаго признака „учрежденія“. Рядомъ и даже *надъ* установленіями „общественными“ былъ поставленъ организмъ *правительственныхъ* властей, не имѣвшій связи съ первыми. Таковы: Казенная палата, вѣдавшая казенныя и „домостроительныя“ дѣла губерніи, многочисленная прокуратура, намѣстническое правленіе съ губернаторомъ, наконецъ всемощный и всесильный государевъ намѣстникъ. Должность послѣдняго не имѣетъ юридической опредѣленности и въ тоже время облечена громадными и всепроникающими правами.

Ему предоставлено „строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстъ и лицъ въ исполненіи закона.“ Въ этомъ отношеніи ему подчинены всѣ мѣста и лица. Право взысканія ограничено правиломъ, что безъ „суда да не накажетъ никого“. Но понятіе „о наказаніи“ было, особенно въ тѣ времена, довольно эластично. Вѣроятно учрежденіе имѣло въ виду право *уголовныхъ* наказаній; но и кромѣ уголовныхъ наказаній, какъ показалъ опытъ, существуютъ другія „мѣры“ достаточно сильныя. Намѣстникъ не судья и никого не судитъ. Но онъ смотритъ за отправленіемъ правосудія и имѣетъ право, въ извѣстныхъ случаяхъ, останавливать приговоры судебныхъ мѣстъ, представляя о томъ сенату и даже Императорскому Величеству. Генералъ-губернаторъ не предназначенъ къ непосредственному управленію; но „попеченію“ его ввѣряется все—благоустройство, пресѣченіе злоупотребленій, тиранствъ, роскоши, волокиты, мѣры въ случаѣ недостатка хлѣба, соли, наблюденія за точностью сборовъ денегъ и рекрутъ. Всѣ губернскія установленія въ дѣйствіяхъ сихъ могутъ встрѣтиться съ этою сильною властью; всякія выборныя и коллегіальныя учрежденія, по выраженію г. Лохвицкаго, пересѣкаются единоличною властью государева намѣстника. Поставленный для надзора, онъ незамѣтно обращался во власть управляющую, и для управленія онъ имѣлъ свой начальный органъ—губернское или намѣстническое правленіе.

Это учрежденіе съ трудомъ можетъ быть названо „установленіемъ“ въ смыслѣ Екатерины II, дававшей развитіе коллегіальному началу. Намѣстническое правленіе составлено изъ государева намѣстника, правителя или губернатора и 2 совѣтниковъ. Но послѣдніе опредѣляются въ правленіе для „вспоможенія“ губернатору и имѣютъ голосъ совѣщательный. Между тѣмъ это бюрократическое установленіе поставлено *надъ* всѣми учрежденіями губерніи. По словамъ закона, оно *управляетъ* губерніею именемъ Императорскаго Величества; оно обнародуетъ и объявляетъ повсюду законы и распоряженія правительства, смотритъ за ихъ исполненіемъ и чинитъ взысканія за неисправность. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его рукахъ сосредоточивается власть полицейская и нѣкоторая доля судебной.

Для объясненія этой системы можно привести много соображеній. „Верховенство“ государева намѣстника, наслѣдованное губернаторами, достаточно объясняется безправіемъ крестьянской массы, находившейся въ крѣпостномъ состояніи, вслѣдствіе чего высшее правительство не могло дать достаточнаго развитія *дворянскому* самоуправленію. Напротивъ *надъ* дворянствомъ нужно было поставить власть, достаточно сильную для огражденія безправной массы. Не даромъ „учрежденіе о губерніяхъ“ вмѣняетъ намѣстнику въ обязанность пресѣкать „тиранства“ и жестокости. Выраженіе „тиранства“ не было риторическимъ оборотомъ; оно было направлено прямо по адрессу общества, рождавшаго Салтычихъ и пережившаго пугачевщину. „Грѣшно думать о свободѣ политической тамъ, гдѣ мильоны не имѣютъ свободы естественной“, говорилъ А. И. Тургеневъ при Александрѣ I. Не грѣшно, но фактически *невозможно* основать хотя бы мѣстную автономію при рабствѣ народа. Далѣе фактическое значеніе намѣстниковъ обусловливалось и крайнимъ необразованіемъ массы мѣстнаго „общества“ и старою привычкою къ злоупотребленіямъ, въѣвшеюся въ нравы самой администраціи. Ярославскому намѣстнику Мельгунову приходилось имѣть дѣло съ кадниковскимъ исправникомъ Безобразовымъ, который, встрѣтившись на улицѣ съ священникомъ, учинилъ ему побои „и *дароносицу*, которую священникъ держалъ какъ щитъ отъ лютаго исправника, повредилъ и клокъ бороды вырвалъ.“ Въ тамбовскомъ-же намѣстничествѣ Державинъ явился воспитателемъ мѣстнаго дворянства, выписывая для него даже танцмейстеровъ.

Но послѣдствія такой системы, перешедшей даже законную

мѣру въ жизни, были также неизбѣжны и ясны. Надъ учрежденіями сословнаго „самоуправленія“ установился организмъ правительственныхъ должностей, гораздо болѣе сильныхъ и болѣе способныхъ къ жизни. Выборные люди обратились въ должностныхъ лицъ, поставленныхъ въ полную зависимость отъ правительственныхъ властей. Служба по выборамъ въ глазахъ мѣстнаго дворянства сразу сдѣлалась менѣе выгодною, чѣмъ служба въ установленіяхъ, хотя-бы въ той же мѣстности. Разъ выборныя должности были поставлены въ общія служебныя условія, то гораздо выгоднѣе было „служить“ совѣтникомъ губернскаго правленія, чѣмъ „капитанъ-исправникомъ“, трепетавшимъ передъ послѣднимъ чиновникомъ этого правленія. Еще болѣе выгодъ представляла, конечно, служба въ столичныхъ установленіяхъ, гдѣ открывался доступъ ко всѣмъ высшимъ должностямъ, служба полковая, столь привычная тогдашнему дворянству и открывавшая ему двери ко всѣмъ почестямъ безъ всякихъ выборовъ. Знатное, даже просто зажиточное дворянство тянуло въ столицу и въ полки. На мѣстахъ оставалось „маломочная“ и невѣжественная масса мелкопомѣстнаго дворянства, едвали способная выполнить даже скромныя предначертанія учрежденія о губерніяхъ и дворянской жалованной грамоты.

Уже современники Екатерины II скептически относились къ ея реформѣ, причемъ ихъ критика переходила въ прямое порицаніе и заподозриваніе истинныхъ намѣреній императрицы. Таковъ отзывъ извѣстнаго *Винскаго* [1]. „Важнѣйшимъ и точно полезнымъ, пожалованіемъ, говоритъ онъ, можно бы почесть права и преимущества дворянству и городамъ данныя, ежели бы мы умѣли читать и понимать. Въ другомъ европейскомъ народѣ подобныя узаконенія неминуемо произвели бы во всемъ полезныя перемѣны, но Екатерина знала основательно своихъ Россіянъ и твердо была увѣрена, что они не только не воспользуются даруемою свободою устраивать свое счастіе, но не поймутъ ни содержанія, ни силы ея благоволенія, и что она не отваживая ни малѣйше симъ смѣлымъ поступкомъ своего самодержавія, броситъ пыль въ глаза Европѣ и обморочитъ потомство. Сіе все въ точности воспослѣдовало: во всѣхъ собраніяхъ дворянства, кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ, никогда ни одно дѣльное дѣло предлагаемо не было. Люди благонамѣренные, съ знаніемъ и душами,

---

[1]) Записки Винскаго «Русскій Архивъ» 1877, № 1-й стр. 102 и слѣд.

или правительствомъ подъ различными видами устраняемы, или, ежели случалось въ оныхъ, были заглушаемы кликами черни. Такъ скажу смѣло, и всякъ благомыслящій меня одобритъ, что у насъ людей со свѣдѣніями весьма немного тогда было, потому что одни лучшіе и достаточнѣйшіе домы чрезъ воспитаніе доставали знанія, что изъ сихъ домовъ наполнялися дворъ, гвардія и важнѣйшія мѣста въ столицахъ, и что въ губерніяхъ таковыхъ особъ было весьма мало; жившее-же въ деревняхъ дворянство, по грубости своей и бѣдности, рѣдко даже бывавшее въ своихъ уѣздныхъ городахъ, съ нуждою наученное читать и писать, несправедливо-ли я назвалъ чернью? И сія то благородная чернь, будучи самою людною, составляла дворянскія собранія! Надобно отдать Екатеринѣ справедливость, что, въ нѣсколькихъ дворянства съ правителями распряхъ, она принимала сторону дворянъ. Но сіи борьбы были маловажны и рѣдки: ибо по духу рабствованія и невѣжеству дворянъ, правители гнули и вертѣли его, какъ податливый тальникъ, во всѣхъ смыслахъ“.

IV.

Для учрежденій Екатерины II уже настало время исторической оцѣнки. Подъ вліяніемъ преобразованій нашего времени, установленія, ею созданныя, или перерождаются или отмѣняются, замѣняясь новыми. Тѣмъ не менѣе, новѣйшія реформы будутъ непонятны, если мы не обратимъ вниманіе на судьбу установленій Екатерины въ XIX вѣкѣ. Не будемъ останавливаться здѣсь на кратковременномъ и полномъ всякихъ перемѣнъ царствованіи Павла I, поставившаго себѣ цѣлью измѣнить все, устроенное при Екатеринѣ. Но эти чрезмѣрныя притязанія не имѣли прочныхъ результатовъ. Они дали только поводъ Александру I, при общемъ сочувствіи, возвратиться къ установленіямъ его бабки. Были однако нѣкоторыя перемѣны, принятыя и Александромъ. Сюда относятся измѣненія въ должности государева намѣстника и уничтоженіе среднихъ губернскихъ инстанцій — верхнихъ земскихъ судовъ и расправъ, и губернскихъ магистратовъ. Уничтожились и низшія расправы. Затѣмъ уцѣлѣли и нѣкоторыя новыя установленія Павла I, именно новыя медицинскія установленія въ губерніяхъ и учрежденія для управленія госу-

дарственными и удѣльными крестьянами. Но не стоитъ останавливаться на этихъ отдѣльныхъ вопросахъ, обратимся къ общему движенію законодательства.

Важнѣйшею должностію въ мѣстномъ управленіи, по учрежденію о губерніяхъ, была конечно должность государева намѣстника. Но она-то и подверглась существеннымъ перемѣнамъ въ XIX столѣтіи. Уже сама Екатерина II отступила отъ первоначальнаго плана — дать генералъ-губернаторовъ *каждой* губерніи. По росписи 1781 года въ 40 вновь открытыхъ губерній назначено 18 генералъ-губернаторовъ—среднимъ числомъ по одному на двѣ [1]). Въ иныя губерніи вовсе не назначено намѣстниковъ и они остались подъ управленіемъ губернаторовъ (Ревельская). Въ Петербургѣ положенъ генералъ-губернаторъ только на случай отсутствія государя. Инымъ генералъ-губернаторамъ дана одна губернія (Московскому, Рижскому). Такимъ образомъ „намѣстничества" приняли новый видъ. Между тѣмъ какъ по „учрежденію" „намѣстничество" отождествлялось съ губерніею, въ дѣйствительности намѣстничество составлялось изъ двухъ, а иногда (Новороссійское) и большаго числа губерній. Понятно, что сами намѣстники не остались *губернскою* должностью, а стали надъ нѣсколькими губерніями, въ качествѣ ихъ „главныхъ начальниковъ", въ видѣ новой инстанціи надъ губернскими властями. Естественно также, что эта новая „инстанція" нарушила всю экономію „учрежденія" о губерніяхъ, тѣмъ болѣе, что отношенія губернскихъ властей и губернаторовъ къ „намѣстникамъ" не были опредѣлены съ точностію самимъ учрежденіемъ. Павелъ I рѣшился уничтожить эту должность. Сокративъ число губерній, онъ поручилъ ихъ губернаторамъ [2]). Но должность послѣднихъ не имѣла достаточной опредѣленности. Преемнику его предстояло много трудовъ по устройству мѣстныхъ установленій, оставленныхъ Павломъ I въ „переходномъ положеніи".

Вопросъ о „государевыхъ намѣстникахъ" фактически былъ рѣшенъ при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра I. Въ 1802 г. были учреждены *министерства*, развившіяся и укрѣпившіяся въ нашемъ законодательствѣ. Здѣсь не мѣсто говорить о достоинствѣ этихъ установленій. Для нашей цѣли достаточно указать на тотъ несомнѣнный фактъ, что идея но-

---

[1]) П. С. З. № 15171.
[2]) П. С. З. № 17634 и книгу Штатовъ 1800 годъ.

выхъ учрежденій принадлежала къ совершенно иному кругу понятій, чѣмъ тѣ, коими руководствовалась Екатерина II при составленіи учрежденія о губерніяхъ. Раздѣленіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ „на части“ и сосредоточеніе каждой части въ рукахъ установленія, завѣдующаго ею на всемъ пространствѣ имперіи, не ладило съ системою децентрализаціи и образованія изъ каждаго намѣстничества замкнутой административной единицы. Спеціально-же установленіе министерствъ шло въ разрѣзъ съ политическою должностію генералъ-губернаторовъ. Возстановленіе послѣднихъ всегда встрѣчало отпоръ именно въ министерствахъ, какъ это доказали проекты Балашова и другихъ лицъ, составлявшихъ планы о раздѣленіи Россіи на намѣстничества. Въ XIX столѣтіи генералъ-губернаторы сдѣлались чрезвычайною, *исключительною* должностію, допущенною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ видахъ особыхъ *государственныхъ* соображеній. *Нормальною* административною властью въ губерніяхъ сдѣлались *губернаторы*.

Это обстоятельство мало, впрочемъ, измѣнило характеръ мѣстнаго управленія сравнительно со временемъ учрежденія о губерніяхъ. Правда, дѣятельность губернскихъ мѣстъ была поставлена подъ строгій контроль и даже опеку министерствъ. Губернаторъ не былъ уже, подобно „намѣстнику“, непосредственнымъ уполномоченнымъ верховной власти. Онъ отданъ въ спеціальное вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ и сдѣланъ органомъ всѣхъ министерствъ. Но въ кругу мѣстныхъ установленій, губернаторъ явился главнымъ представителемъ центральной власти, движущею пружиною всего управленія, *хозяиномъ* губерніи по словамъ самого закона. Въ этомъ новомъ видѣ должность губернатора получила окончательное опредѣленіе въ наказѣ 1837 года.

Для объясненія постепеннаго развитія какъ губернаторской должности, такъ и другихъ губернскихъ учрежденій, нужно имѣть въ виду движеніе законодательства по предметамъ мѣстнаго управленія. Учрежденіе о губерніяхъ организовало на мѣстахъ судъ, казенное управленіе и полицію. Но для завѣдыванія мѣстнымъ благоустройствомъ оно организовало одно спеціальное установленіе — приказъ *общественнаго призрѣнія*, составленный подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ сословныхъ засѣдателей. Но затѣмъ вопросъ о мѣстномъ благоустройствѣ и хозяйствѣ оставался открытымъ и требовалъ особаго вниманія законодательства. Между всѣми предметами этого рода обращали на себя вниманіе

вопросы о земскихъ повинностяхъ, о народномъ продовольствіи и путяхъ сообщенія. Съ великимъ трудомъ и очень медленно приступало законодательство къ рѣшенію этихъ вопросовъ. Два царствованія—Александра I и Николая I понадобились для разработки органическихъ законовъ по этимъ предметамъ. Такимъ образомъ явились: положеніе о земскихъ повинностяхъ 1805 года, о комитетахъ и присутствіяхъ земскихъ повинностей 1851 г., о квартирныхъ коммиссіяхъ и комитетахъ 1808 и 1841, о губернскихъ и уѣздныхъ дорожныхъ коммиссіяхъ 1833 г. и о коммиссіяхъ народнаго продовольствія 1834 года. Ниже будутъ указаны недостатки этихъ законовъ, зависѣвшіе конечно отъ общихъ условій губернскаго управленія. Но здѣсь необходимо замѣтить, что они имѣли и свою хорошую сторону, такъ какъ ими было докончено образованіе губерніи и отчасти уѣздовъ, какъ мѣстныхъ единицъ. Губерніи и уѣзды были признаны отдѣльными единицами суда, казеннаго управленія, полиціи, а потомъ по назначенію и разверстки повинностей, по раскладкѣ податей, для дѣлъ народнаго продовольствія и т. д. Въ сознаніи законодателя утвердилось понятіе о „мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ" и связи установленной ими въ мѣстномъ населеніи. Почва для реформы была подготовлена. Но еще много времени прошло прежде, чѣмъ законодательство могло къ ней приступить.

Существо дореформенной системы управленія можно опредѣлить въ немногихъ словахъ. Управленіе губерніею было ввѣрено губернатору, обставленному извѣстнымъ числомъ правительственныхъ коллегій и нѣкоторыми сословіями (преимущественно дворянскимъ), имѣвшими право замѣщать, по своему выбору, извѣстныя должности.

Роль губернатора, если мы даже опредѣлимъ ее по одному губернаторскому наказу, была ролью дѣйствительнаго правителя губерніи во всѣхъ отношеніяхъ. Не было той отрасли мѣстной администраціи, которой бы онъ не касался такъ или иначе. Наказъ 1837 года расчитанъ на сверхчеловѣческія силы. Сдѣлать изъ одного и того же человѣка и главнаго блюстителя политическихъ интересовъ государства и рѣшителя самыхъ мелкихъ вопросовъ мѣстнаго благоустройства; возложить на него сложныя полицейскія обязанности и смотрѣніе за отправленіемъ правосудія; ввѣрить ему заботы объ интересахъ церкви вмѣстѣ съ попеченіемъ о народномъ продовольствіи и исправности дорогъ; призвать его къ участію какъ въ мѣстномъ хозяйствѣ, такъ и въ дѣ-

лахъ казеннаго управленія; поручить ему смотрѣніе за народною нравственностію и тѣлеснымъ здравіемъ — такова необъятная, невозможная и невыполнимая задача наказа 1837 года.

Если мы прибавимъ къ дѣйствію этой должности роль центральныхъ установленій — министерствъ, то значеніе тогдашнихъ элементовъ „самоуправленія" будетъ достаточно понятно. Значеніе этихъ элементовъ должно быть разсмотрѣно въ двоякомъ отношеніи: въ области „общественнаго" управленія каждаго сословія и въ области общей администраціи и суда. Говоря объ общественномъ управленіи сословій, мы должны имѣть въ виду сословія городскихъ обывателей, крестьянское и дворянское.

Города получили свою жалованную грамоту при Екатеринѣ II, выдѣлившей въ тоже время область „общественнаго" управленія. Повидимому города представляли большее число условій для развитія „самоуправленія", чѣмъ другія сословія. Они не находились въ крѣпостной зависимости, подобно массѣ крестьянскаго сословія; городскіе обыватели легче могли чувствовать и сознавать свои общіе интересы, чѣмъ дворяне, разсѣянные по пространству огромной губерніи. Наконецъ „мѣстныя пользы и нужды" города были гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ интересы всегубернскаго дворянскаго общества. Не смотря на это, время отъ 1785 до 1870 года можно назвать періодомъ постепеннаго и глубокаго упадка городскихъ установленій, основанныхъ Екатериною II [1]). Причины этого явленія довольно понятны. Городское управленіе въ XIX столѣтіи осталось строго сословнымъ. По этому понятіе городскаго общества совпадало съ совокупностію тѣхъ городскихъ обывателей, которые по закону относятся къ „среднему роду людей". Но „средній родъ людей" уже по степени своего умственнаго развитія и образованія былъ непригоденъ для энергическаго и разумнаго дѣйствія. Оставляя въ сторонѣ даже это обстоятельство, нельзя не видѣть, что *организація* городскаго управленія въ разсматриваемый періодъ приводила къ результатамъ, прямо противуположнымъ намѣреніямъ Екатерины.

Во первыхъ, въ городѣ не было одного „градскаго начальства", о какомъ говорилъ регламентъ главному магистрату. Ихъ было два, даже больше — но главнымъ образомъ два: выборные думы (или ратуши) и полицейскія управленія какъ органъ прави-

---

[1]) Относительно этого предмета см. И. *Дитятина* «Городское самоуправленіе въ Россіи». Ярославль, 1877 года.

тельственный. Одного этого сопоставленія, если вспомнить какую роль „полиція“ играетъ въ общей системѣ нашего управленія, достаточно для объясненія, почему каждый видѣлъ истинное начальство города въ полиціймейстерѣ или городничемъ, а никакъ не въ городскомъ головѣ съ думой. Самая полиція — непосредственный органъ губернскаго начальства и органъ облеченный огромными полномочіями, относилась къ „купцамъ и мѣщанамъ“, засѣдавшимъ въ думахъ и ратушахъ, именно съ начальственной точки зрѣнія. А такая точка зрѣнія была весьма неудобна, такъ какъ области думъ и полиціи не только не были вполнѣ размежеваны, но имъ часто приходилось встрѣчаться на одномъ и томъ же поприщѣ. Присутствіе ратмановъ отъ городскаго общества въ полицейскихъ управленіяхъ конечно не измѣняло существа дѣла.

Раздвоеніе установленій имѣло особенное значеніе и потому, что „общественное“ управленіе было поставлено въ невыгодныя условія. Екатерина думала организовать городское представительство, дать городскому обществу постоянный органъ въ лицѣ *общей думы.* Но именно это установленіе исчезло изъ жизни, оставаясь на бумагѣ. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ: тѣмъ ли, что въ самой жалованной грамотѣ роль общихъ думъ не была опредѣлена съ достаточною ясностію или тѣмъ, что позднѣйшее законодательство не пожелало дать развитія началамъ Екатерининскаго „положенія“? Вѣрнѣе всего предположить, что обѣ причины содѣйствовали исчезновенію общихъ думъ. Оставались: городское общество и такъ называемая шестигласная дума. Первое ограничивалось выборами должностныхъ лицъ и затѣмъ прекращало съ ними всякую связь. Дума, не обязанная отчетомъ предъ обществомъ, была отдана въ полное распоряженіе губернскаго начальства и министерства внутреннихъ дѣлъ. Законы и инструкціи предусматривали каждый шагъ, каждое движеніе думъ, стремились связать каждое ихъ распоряженіе въ области городскаго хозяйства всякими разрѣшеніями, отчетами и утвержденіями. Законодательство было настроено на тонъ опеки до такой степени, что натянуло всѣ струны, перешло за предѣлы возможнаго. Въ результатѣ получилось то, чего и слѣдовало ожидать. Еще Екатерина II въ своемъ наказѣ сказала: „законы переходящіе мѣру въ благомъ, бываютъ причиною, что отсюда рождается зло безмѣрное“. Случается даже хуже того: такіе законы *не исполняются.* Законодательство думало организовать систему строгой *опеки* — на дѣлѣ оно не съумѣло устроить даже необходимаго правительственнаго *надзора.*

„На самомъ дѣлѣ, говоритъ г. Дитятинъ, всѣ эти смѣты, росписи, почти вовсе не представлялись на разсмотрѣніе губернскаго начальства, и ревизіи казенной палаты почти не имѣли мѣста, опять потому же, что городскія учрежденія не представляли никакихъ книгъ и документовъ“. Но отъ этой безурядицы конечно не выигрывала „самостоятельность“ думъ, выигрывала власть думскихъ *секретарей*. Это явленіе имѣло мѣсто вездѣ, даже въ первопрестольной столицѣ — въ Москвѣ. Въ 1860 г. городскія установленія этого города были обревизованы д. с. с. Игнатьевымъ, который представилъ въ своемъ отчетѣ слѣдующую картину городской „жизни“. Шестичленная дума давно утратила свой коллегіальный характеръ и приняла видъ какой-то канцеляріи, безпрекословно исполнявшей всѣ предписанія и требованія начальства, ни мало не заботясь о городскихъ интересахъ. Она собирается, но далеко не въ полномъ составѣ, и притомъ собираются ея члены вовсе не для разсужденія о дѣлахъ, даже не для выслушиванія ихъ изъ устъ секретаря, а просто для подписыванія ихъ, когда они были заранѣе рѣшены въ канцеляріи. Въ 1873 году казанскій губернаторъ писалъ, что опредѣленнаго закономъ состава присутствія думы въ этомъ городѣ не существуетъ, ибо члены думы ежедневно внѣ присутствія, между прочимъ „для исполненія различныхъ порученій высшаго начальства“. Канцелярія и секретари хозяйничали на свободѣ и безконтрольно. Не говоря уже о томъ, что „общество“ не могло добиться отъ нихъ никакого отчета, само правительство безсильно предъ ихъ нахальною косностію. Такъ, книги и отчеты города Ярославля за 1835 годъ „требуютъ“ къ ревизіи въ 1848 году, т. е. чрезъ 13 лѣтъ. Петербургскій губернаторъ доноситъ въ 1843 году, что нѣкоторыя дѣла по городскому управленію лежали не рѣшенными въ теченіи семи лѣтъ. Въ городѣ Даниловѣ „дѣло“ объ отпускѣ 32 руб. на покупку кожи для починки пожарныхъ рукавовъ тянется годъ. За то другое „дѣло“, объ отпускѣ изъ городскихъ суммъ 15 рублей на пріобрѣтеніе саней полицейскому чиновнику, рѣшено въ 17 дней.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на безчисленныхъ фактахъ, собранныхъ г. Дитятинымъ и опубликованныхъ въ разныхъ изданіяхъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Но и сказанное достаточно свидѣтельствуетъ о томъ фактѣ, что на помощь прежнему „служилому элементу“ пришелъ на помощь другой элементъ, быстро расплодившійся со времени Екатерины II, особенно въ губерніяхъ. Губернскія и уѣздныя канцеляріи наполняются людьми, также „хо-

тящими своего пропитанія“, бурсаками, разночинцами, всѣмъ тѣмъ, что народъ мѣтко назвалъ „крапивнымъ сѣменемъ“, предъ которымъ пасуютъ всѣ „присутствія“, всѣ выборные люди, всякое начальство, съ губернаторомъ и министерствомъ включительно. „Das Beamtenwesen ist grässlich in Russland“, говорилъ Гакстгаузенъ своему русскому собесѣднику. Но при тогдашнихъ условіяхъ *дѣйствительная* власть *должна* была перейти къ этимъ людямъ, хотя бы потому, что они одни *знали* дѣло, конечно по своему и для себя. „Посмотришь на этого сальнаго протоколиста, говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ публицистовъ нашихъ, протоколиста, который кланяется въ ноги исправнику, стоитъ дрожа предъ губернаторомъ— вѣдь это одна комедія. Онъ ровно смѣется въ душѣ надъ исправникомъ, какъ надъ губернаторомъ, онъ обманываетъ ихъ подлостью и они не имѣютъ средствъ его миновать, онъ понимаетъ свое превосходство надъ ними, свою необходимость. Вѣдь для практическаго и истиннаго исполненія ни одинъ законъ, ни одно распоряженіе не минуетъ мелкаго чиновника, а онъ-то и обрѣжетъ крылья министерской фантазіи“. Между тѣмъ именно эти всемощные „секретари и протоколисты“ *не были* людьми выборными, а назначенными отъ правительства.

Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что въ тѣ же условія были поставлены и *судебныя* установленія города.

Крестьянское сословіе долго оставалось безъ общей организаціи. Трудно было ожидать ее тамъ, гдѣ большая половина сословія находилась въ крѣпостной зависимости. Затѣмъ остальное крестьянство было расписано и приписано къ разнымъ „вѣдомствамъ“ и къ разнымъ цѣлямъ государственной администраціи. Оно распадалось на много отдѣловъ. Но между всѣми этими отдѣлами, два обратили на себя особое вниманіе законодательства — крестьяне удѣльные и государственные, образовавшіеся изъ экономическихъ. Павлу I принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Закономъ 5 апрѣля 1797 года, на содержаніе членовъ императорскаго дома были назначены особыя удѣльныя имѣнія. Тогда же крестьянамъ этихъ имѣній было дано особое устройство, послужившее образцемъ для закона „о раздѣленіи *казенныхъ* селеній на волости и о порядкѣ ихъ управленія“. Законъ этотъ вышелъ въ томъ же 1797 году [1]).

Цѣль закона состоитъ въ томъ, чтобы дать крестьянамъ мірское выборное начальство. Въ каждой волости (размѣромъ до 3000

[1]) П. С. З. № 18,082.

душъ) полагается главное селеніе, въ коемъ помѣщается волостное правленіе, состоящее изъ головы, старосты и писаря. Голова избирается на два года обществами всѣхъ селъ и деревень. Сельскими головами являются выборные (старшины) и десятскіе. Выборные избираются на годъ, десятскіе на мѣсяцъ. Эти излюбленные люди являются настоящими крестьянскими властями, ибо имъ ввѣрено все, относящееся до интересовъ волостей и селъ, не исключая и полиціи. Головы и выборные обнародуютъ законы и распоряженія правительства, принимаютъ мѣры для охраненія благочинія и безопасности, заботятся о пожарной части, преслѣдуютъ бродягъ и бѣглыхъ, вѣдаютъ отлучками крестьянъ; имъ предписано наблюдать за нравственностію крестьянъ, за исполненіемъ ими религіозныхъ обрядовъ, принимать мѣры противъ нищенства, смотрѣть за хлѣбными запасными магазинами. Они собираютъ и доставляютъ въ казначейства подати и распредѣляютъ повинности. Раскладка податей производится въ отдѣльныхъ сельскихъ обществахъ безъ вмѣшательства головъ. Выборнымъ людямъ предоставлена расправа въ маловажныхъ ссорахъ и искахъ между крестьянами, опека надъ малолѣтними, попечительства надъ вдовами, расточителями и нерадивыми.

Крестьяне, повидимому, получили то, что не имѣло ни одно сословіе. Но если въ городахъ не могли удержаться магистраты Петра Великаго, то тѣмъ болѣе крестьяне не могли получить выгодъ отъ своего выборнаго начальства. Если городскіе обыватели и ихъ „общественное“ управленіе склонялись предъ всемогущею администраціею, то что же могли противупоставить ей крестьяне? По дѣламъ полицейскимъ, выборные люди сдѣлались пассивнымъ орудіемъ земской полиціи, по дѣламъ финансовымъ—казенной палаты и полиціи, по отбыванію повинностей, особенно натуральныхъ, крестьянство осталось въ полномъ распоряженіи безконтрольной администраціи. Извѣстно, какими мотивами было вызвано въ 1838 году учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ. Нужно было положить какой-нибудь предѣлъ утѣсненію крестьянъ и расхищенію самихъ государственныхъ имуществъ, какъ мѣстною администраціею, такъ и „окрестными владѣльцами“. Но средство, избранное для защиты, въ сущности сходилось со старыми преданіями Россіи. Подобно тому, какъ Петръ Великій велѣлъ „хранить“ городъ главному магистрату, казенные крестьяне были ввѣрены храненію главнаго „командира“—министерства государственныхъ имуществъ. Только теперь „главный командиръ“ получилъ обширныя развѣтвленія. Министерство дѣйствовало чрезъ палаты

государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ, послѣднія чрезъ окружныхъ начальниковъ въ уѣздахъ. Надъ крестьянствомъ выросъ новый и многочисленный „штатъ“ чиновничества. Противуядіе вскорѣ оказалось хуже яда. „Опека“, учрежденная въ 1838 году, пала въ 1861 году при общемъ одобреніи всего общества. Но до этого времени казенные крестьяне оставались подъ спудомъ, не играя никакой роли въ жизни русскаго общества.

Оставалось дворянство. На первый взглядъ его права на участіе въ мѣстномъ управленіи постоянно разростались; количество должностей, предоставленныхъ его выбору, увеличивалось. Но мы увидимъ, что въ этомъ ростѣ дворянскихъ правъ нельзя видѣть успѣховъ начала самоуправленія.

Остановимся прежде всего на правахъ дворянства, по отношенію къ своимъ собственнымъ дѣламъ. Дворянство каждой губерніи составило „общество“, съ правами корпораціи. Но законъ не могъ создать *интересовъ* для этой корпораціи. Интересы городскаго и сельскаго общества были ясны и реальны. Читая описаніе правъ и обязанностей крестьянскихъ властей, невольно чувствуешь, что каждое опредѣленіе закона соотвѣтствуетъ дѣйствительной задачѣ волостнаго или сельскаго управленія. Но перечитывая узаконенія о дворянскихъ обществахъ, также невольно спрашиваешь себя, зачѣмъ организовано это общество и къ чему оно призвано? Этимъ объясняется полная „фиктивность“, такъ сказать, нѣкоторыхъ спеціальныхъ дворянскихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, дворянскаго депутатскаго собранія. Правда, въ средѣ дворянства создалась довольно сильная и вліятельная должность — предводителей дворянства. Но значеніе этой должности коренится не столько въ „интересахъ“, присущихъ самимъ дворянскимъ обществамъ, сколько въ правительственныхъ порученіяхъ, возложенныхъ на предводителей, какъ губернскаго, такъ и уѣзднаго.

Роль собственно дворянскихъ обществъ достаточно опредѣляется 111 ст. IX т. св. зак. (изд. 1857 г.), гдѣ сказано — „*главный* предметъ обыкновенныхъ губернскихъ собраній состоитъ *въ выборѣ чиновниковъ въ разныя должности*“. Трудно вѣрнѣе опредѣлить роль дворянства; дѣйствительно оно избирало *чиновниковъ* на разныя должности, въ томъ смыслѣ, что избранныя имъ лица переходили въ разрядъ *чиновниковъ* [1]). Это также подтверждается

[1]) Ср. т. III, уст. о сл. по выб. ст. 1: «дворянству каждой губерніи предоставляется право избирать изъ своей среды достойнѣйшихъ *чиновниковъ* для *служенія* въ разныхъ, закономъ опредѣленныхъ, должностяхъ».

закономъ; 236 ст. III т. св. зак. прямо говоритъ, что „служащіе по выборамъ дворянства считаются въ *дѣйствительной* государственной службѣ“. Смыслъ этого опредѣленія раскрывается 264 ст. того же тома, гдѣ сказано: „служащіе по выборамъ дворянства подлежатъ *равной отвѣтственности* съ чиновниками, опредѣляемыми отъ правительства, и за ихъ упущенія по должности подвергаются замѣчаніямъ, выговорамъ и взысканіямъ на основаніи общихъ узаконеній“. Каждый, кому извѣстно содержаніе этихъ „общихъ узаконеній“, пойметъ, что 264 ст. имѣла для „выборныхъ чиновниковъ“ весьма существенное значеніе.

Имѣя въ виду этотъ общій характеръ „службы по выборамъ“, мы безъ особеннаго удивленія взглянемъ на количество должностей, замѣщаемыхъ по выбору отъ дворянства. Должности эти раздѣлялись на три разряда: 1) по внутреннему управленію дворянскихъ обществъ, 2) по общему судебному управленію, и 3) по общему полицейскому управленію. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ должностей, не относившихся ни къ одному изъ указанныхъ разрядовъ.

„По внутреннему управленію дворянскихъ обществъ“ дворянство избирало губернскаго и уѣздныхъ предводителей, депутатовъ дворянскаго депутатскаго собранія, депутатовъ для составленія раскладки земскихъ повинностей и посредниковъ спеціальнаго полюбовнаго размежеванія. По управленію судебному ему предоставлено было замѣщеніе должностей — предсѣдателей палатъ гражданскаго и уголовнаго суда, совѣстнаго судьи, засѣдателей палатъ гражданской и уголовной и совѣстнаго, уѣздныхъ судей, засѣдателей уѣздныхъ судовъ. По управленію полицейскому оно избирало земскихъ исправниковъ и засѣдателей земскихъ судовъ и представляло списокъ дворянъ и чиновниковъ, „могущихъ съ пользою занять“ мѣста становыхъ приставовъ. Наконецъ дворянству предоставленъ выборъ почетныхъ попечителей гимназій, непремѣннаго члена губернской коммисіи продовольствія и попечителей хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, члена строительной и дорожной коммисіи, приказа общественнаго призрѣнія и т. д.

Съ этими правами весьма слабо конкурировали права другихъ сословій. Въ то время какъ дворянство удержало свою привиллегію судиться равными себѣ въ первыхъ двухъ инстанціяхъ и законъ 1831 года предоставилъ ему выборъ предсѣдателей судебныхъ палатъ, городскіе обыватели удержали только 1-ю инстанцію, избирая во вторую (палаты) только засѣдателей. Дворянство имѣло свою уѣздную полицію, городскія же общества избирали

только ратмановъ управы благочинія или городской полиціи и т. д. Еще незначительнѣе было участіе крестьянъ „въ общемъ управленіи“, причемъ къ этому участію были допущены одни государственные крестьяне. Имъ предоставлено было избирать сельскихъ засѣдателей въ совѣстные суды, въ уѣздные и въ земскіе судьи и сотскихъ и десятскихъ земской полиціи. Роль „сельскихъ засѣдателей“ повсюду была ничтожна; сотскіе и десятскіе имѣли значеніе нижнихъ полицейскихъ служителей, находившихся въ полномъ распоряженіи исправниковъ и становыхъ.

Первенство дворянства не подлежало сомнѣнію. Оно преобладало всюду и de jure и de facto. Не смотря на это „дворянское самоуправленіе“ отжило свой вѣкъ менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ. Причины этого явленія такъ очевидны, что мы можемъ ограничиться краткимъ ихъ обзоромъ.

Дворянское самоуправленіе пало не только потому, что оно было построено на *сословномъ* началѣ. Сословное начало на западѣ Европы стояло вѣка и требовались цѣлыя политическія бури, чтобы сломить его. Но такое сословное самоуправленіе было *естественнымъ результатомъ* крѣпкой связи аристократіи съ землею и политической роли землевладѣнія. Аристократическая фамилія какъ-бы срosталась съ своимъ земельнымъ владѣніемъ, заимствовала отъ нея свое имя, какъ бы производила себя отъ нея (de или von) и отъ нея же получала политическое вліяніе. Мы знаемъ уже, что ничего подобнаго въ Россіи не было. Вліятельнѣйшія русскія фамиліи относились къ своимъ владѣніямъ, въ лучшемъ случаѣ, какъ къ оброчной статьѣ. „Лице“ нашего владѣльца представлялось иностранцомъ управляющимъ или русскимъ „бурмистромъ“.

Право выбора чиновниковъ на разныя должности съ самаго начала сдѣлалось нѣкоторымъ видомъ *общегосударственной службы*. Хотя манифестомъ 1762 и жалованною грамотою 1785 года съ дворянства и была снята *обязанность* службы, но и правительство не переставало смотрѣть на дворянство какъ на служилое сословіе, и оно само, въ общей сложности, смотрѣло на себя такъ же. Еще по инструкціи генералъ-губернаторамъ 1853 года (перешедшей и въ сводъ законовъ, II, 298) имъ поручалось наблюдать, чтобы „молодые дворяне не находились во вредной праздности, но посвящали себя службѣ государственной“. Слѣдовательно, по буквальному смыслу инструкціи, всякое занятіе, кромѣ государственной службы, приравнивалось „къ вредной праздности“. Не-

служащій дворянинъ какъ-бы ничего не дѣлалъ и не могъ дѣлать путнаго. Само дворянство въ этомъ случаѣ сходилось съ правительствомъ. Не надо забывать, что дворянство, какъ привилегированная корпорація, было у насъ искусственнымъ созданіемъ законодательства. Вѣковое преданіе „службы“ было сильнѣе жалованной грамоты. Каждый понималъ, что дворянинъ самъ по себѣ ничего не значитъ. „*Чинъ*, вѣрно замѣчаетъ г. *Романовичь-Словатинскій* [1]), продолжалъ быть честнѣе *сословія*, „чинъ давался главнымъ образомъ государственною службою“. Даже для того, чтобы имѣть право участвовать въ собраніяхъ дворянства, нужно было имѣть чинъ, слѣдовательно хоть немного послужить.

Но разъ вопросъ былъ поставленъ на эту почву, дворянству открывалась возможность выбора между *службою* по назначенію отъ правительства и *службою* по выборамъ. Но въ выборѣ между этими двумя родами службы не могло быть сомнѣнія. Служба правительственная открывала широкое поприще повышеній и наградъ, вмѣстѣ съ пріятностями городской или даже столичной жизни. Съ учрежденіемъ министерствъ для „молодыхъ дворянъ“ открылась заманчивая и удобоосуществимая перспектива служить въ столицѣ, повышаться и впослѣдствіи явиться въ „губернію“ настоящею властью — губернаторомъ, предсѣдателемъ казенной палаты и т. д. Молодые дворяне дѣйствительно стремились въ столицы до такой степени, что Императоръ Николай I счелъ нужнымъ воспретить имъ *начинать* службу въ столицѣ. Но и въ „губерніяхъ“ служба въ губернаторской канцеляріи или въ качествѣ чиновника особыхъ порученій представлялась гораздо привлекательнѣе службы земскаго исправника.

Служба по выборамъ (кромѣ предводительской должности) осталась удѣломъ дворянъ небогатыхъ или отставныхъ. Но „отставные“ дворяне, если состояніе позволяло имъ жить въ свое удовольствіе, отказывались отъ тягостей выборной службы и конечно „не шли“ ни въ исправники, ни въ уѣздные судьи, ни, тѣмъ болѣе, въ „засѣдатели“. Правда, законъ 1831 года далъ право самостоятельнаго голоса въ дворянскихъ собраніяхъ только зажиточнымъ дворянамъ (стодушевой цензъ), дозволивъ „мелкомѣстнымъ“ участвовать въ выборахъ чрезъ уполномоченныхъ. Но одно дѣло участвовать въ выборахъ и другое избираться въ должность. „Великопомѣстные“ съѣзжались на „баллотировку“, но выборы

---

[1]) Дворянство въ Россіи, стр. 491.

имѣли своимъ результатомъ *раздачу* должностей бѣднѣйшимъ дворянамъ, „искавшимъ своего пропитанія“.

Результаты такихъ условій не замедлили обнаружиться. Полное собраніе законовъ и разныя офиціальныя представленія и записки полны жалобами на неудовлетворительность дворянскихъ выборовъ. Нерѣдко жалобы эти раздаются съ высоты престола. Всѣ они вызываются слѣдующими тремя мотивами: 1-е, лучшіе люди изъ дворянства уклоняются отъ службы по выборамъ; 2-е, должности достаются въ руки лицамъ, мало способнымъ и даже недостойнымъ; 3-е, собраніе дворянства мало посѣщается дворянами.

„Изъ свѣдѣній, доходившихъ до меня, говорилъ императоръ Николай I въ указѣ 1832 года, я съ прискорбіемъ видѣлъ, что выборы дворянскіе не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ правительства. Лучшіе дворяне или уклонялись отъ служенія, или не участвовали въ выборахъ, или съ равнодушіемъ соглашались на избраніе людей, не имѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенной на нихъ обязанности. Отъ сего чиновники по судебной части оказывались нерѣдко не довольно свѣдущими въ законахъ; по части-же полицейской открывались злоупотребленія, накопленіе податныхъ недоимокъ, а въ дѣлахъ слѣдственныхъ и уголовныхъ запутанность и упущеніе, поставляющія высшія судилища въ затрудненіе постановить безошибочное рѣшеніе по словамъ закона“.

И такъ нѣтъ ни суда, ни полиціи, а того и другаго ожидало отъ дворянскихъ выборовъ не одно правительство. Но что могли сдѣлать увѣщанія и обличенія тамъ, гдѣ зло росло вѣками, и „средства исправленія“ обыкновенно не соотвѣтствовали цѣли? Графы Закревскій и Перовскій жаловались, что званіе чиновъ земской полиціи „унижено въ общественномъ мнѣніи“, вслѣдствіе чего „лучшіе люди“ уклоняются отъ нихъ. Но почему „унижено“ это званіе, между тѣмъ какъ должность прусскаго ландрата не только не унижена, но привлекаетъ къ себѣ весьма хорошія силы? Правительство взывало къ патріотизму дворянства, но мы увѣрены, что то же правительство съ недоумѣніемъ взглянуло-бы на дворянина „отличеннаго титулами“ въ должности исправника или засѣдателя, да и самъ „титулованный“ убѣдился-бы въ основательности „недоумѣнія“ послѣ первой-же встрѣчи не только съ губернаторомъ, но даже съ послѣднимъ изъ его чиновниковъ особыхъ порученій.

„Изящная литература“ иногда лучше уясняетъ предметъ, чѣмъ цѣлые фоліанты актовъ. Въ 50-хъ годахъ вышла комедія графа

Соллогуба „Чиновникъ", надѣлавшая тогда много шума. Всѣ читавшіе эту комедію, помнятъ, какъ удивилась заѣзжая графиня, узнавъ въ мѣстномъ чиновникѣ аристократа, богатаго человѣка и даже—horribile dictu—брата ея подруги. Видно, что вмѣстѣ съ нею удивился и авторъ. Онъ заставилъ своего героя кипятиться и горячо доказывать, что нѣтъ ничего постыднаго въ занятіи мелкой должности по „губерніи". Но увы, въ этомъ идеальномъ „чиновникѣ" видѣнъ человѣкъ „снизошедшій" до губернской должности, какъ испанскіе короли въ страстной четвергъ снисходятъ до умыванія ногъ нищимъ и—ни испанскій король не умѣетъ мыть ногъ, ни „Чиновникъ" Соллогуба не зналъ своей должности. Еще одна черта. Какъ ни „низко" спустилъ Соллогубъ своею Надимова, но все-же онъ не пошелъ дальше „чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ" и не рискнулъ спуститься до „исправника", этого пробнаго камня дворянскаго самоуправленія въ уѣздѣ...

V.

Движеніе, начавшееся въ Россіи по заключеніи Парижскаго мира 1856 года, принесло съ собою глубокія и существенныя реформы въ мѣстномъ управленіи. Употребляя выраженіе „реформы", мы не имѣемъ въ виду сказать, что *прежнія* установленія были *преобразованы* согласно новымъ условіямъ и потребностямъ. Напротивъ, не только прежнія установленія, но вся *система* прежняго управленія была устранена въ главныхъ своихъ частяхъ и замѣнена другою системою, лучше сказать другими системами.

При разсмотрѣніи началъ и послѣдствій реформы нужно прежде всего имѣть въ виду кругъ установленій, которыхъ она коснулась. Съ 1861 года преобразованы установленія судебныя и полицейскія и разнообразныя учрежденія по мѣстному хозяйству и благоустройству. Крестьянская реформа была конечно предпосылкою для всѣхъ остальныхъ. Она создала новую массу свободныхъ сельскихъ обывателей, расшатала сословное начало въ администраціи и судѣ и выдвинула требованіе *всесословнаго* управленія. Она возбудила множество надеждъ и желаній, но конечно не могла опредѣленно указать пути, по которому должно было идти законодательство. Прежнія формы отжили свой вѣкъ; сословныя рамки оказывались

непригодными для новыхъ условій. Но какую форму приметъ нарождающееся *всесословное* начало?

Если участіе сословій, преимущественно дворянскаго, и имѣло гдѣ нибудь значеніе, то именно въ области *суда* и *полиціи*. Чрезъ эти учрежденія дворянство, такъ или иначе, получало въ свои руки опредѣленную власть. Но именно эта область была изъята вполнѣ или отчасти изъ рукъ мѣстнаго общества. Тамъ, гдѣ прежде особенно примѣнялось выборное начало, восторжествовало назначеніе отъ короны. Прежнія судебныя палаты и уѣздные суды уступили свое мѣсто короннымъ окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ. Выборное начало было примѣнено только къ области мировой юстиціи, поставленной особо отъ юстиціи коронной. Но, что всего важнѣе, *полиція* съ 1862 г. сдѣлалась установленіемъ правительственнымъ. Скромныя „временныя правила“ 25 декабря 1862 г. заранѣе дали нѣсколько ходовъ впередъ началу коронному предъ началомъ выборнымъ и всесословнымъ, для котораго вырабатывались *земскія учрежденія* и замышлялось новое *городовое положеніе*.

Земскія учрежденія были примѣнены къ той области управленія, которая въ прежнее время была тѣсно связана съ дѣятельностію центральныхъ установленій и губернаторовъ, какъ „хозяевъ“ губерній, хотя и допускала извѣстное участіе сословій. Область эта— губернское и уѣздное хозяйство, въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. часть строительная и дорожная, дѣла по земскимъ повинностямъ, часть продовольственная, общественное призрѣніе и т. д.

Всѣ эти части управленія уже содержались, такъ сказать, въ зародышѣ въ должности губернаторовъ и даже воеводъ. Не восходя далѣе XVIII столѣтія, мы находимъ хозяйственныя функціи въ должности губернаторовъ и воеводъ по инструкціи 1719 года. Но до XIX вѣка эта часть оставалась безъ органическихъ законовъ. Отсюда возникалъ невообразимый хаосъ въ хозяйственной администраціи, результатомъ котораго являлось великое обремененіе платежныхъ силъ. Органическіе законы XIX столѣтія достигли прочнаго результата: 1) они нѣсколько опредѣлили порядокъ назначенія, раскладки и отправленія повинностей и администраціи разныхъ хозяйственныхъ частей; 2) они признали извѣстную долю этихъ повинностей и административныхъ задачъ интересами мѣстными; 3) они признали необходимость участія сословій по дѣламъ этого рода. Но провозглашеніе принципа не повело за собою ожидаемыхъ практическихъ послѣдствій.

Въ дѣйствительности „хозяйственная часть“ осталась прикрѣпленною къ должности губернатора, который не могъ выполнить массу лежащихъ на немъ обязанностей и центральныхъ установленій, замедлявшихъ движеніе дѣлъ и парализировавшихъ всякія дѣйствія представителей обществъ. Для примѣра, мы остановимся на значеніи комитетовъ земскихъ повинностей, которымъ было ввѣрено составленіе смѣтъ по денежнымъ земскимъ повинностямъ, раскладка губернскихъ повинностей и повѣрка отчетовъ по употребленію суммъ [1]).

Дѣла по земскимъ повинностямъ въ губерніяхъ вѣдались *особымъ присутствіемъ* (состоявшимъ изъ губернатора, губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателей палатъ казенной и государственныхъ имуществъ, управляющаго удѣльною конторою и городскаго головы губернскаго города) и комитетомъ земскихъ повинностей. Составъ послѣдняго довольно обширенъ. Онъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, депутатовъ отъ дворянства, предсѣдателя казенной палаты, управляющихъ палатою государственныхъ имуществъ и удѣльною конторою, съ подвѣдомственными имъ удѣльными начальниками, городскаго головы губернскаго города и депутатовъ отъ прочихъ городовъ. Этотъ комитетъ собирался разъ въ три года, въ январѣ мѣсяцѣ. Разсмотримъ всю процедуру ихъ дѣйствій.

Предварительное составленіе смѣты лежало на особомъ присутствіи, окончательное на комитетѣ. Въ этомъ отношеніи у обоихъ учрежденій было весьма мало свободы. Законъ не зналъ факультативныхъ статей расхода. Въ смѣту вносилось то, что указано или закономъ или особымъ распоряженіемъ центральной власти. Правда, составленная особымъ присутствіемъ смѣта подвергалась критикѣ комитета; но комитетъ не имѣлъ, въ дѣйствительности, рѣшающаго голоса. Именно не ему принадлежало *утвержденіе* смѣтъ. Оно зависѣло отъ центральнаго правительства, которому представлялись проекты смѣтъ вмѣстѣ съ проектами раскладокъ (губернскихъ повинностей). Затѣмъ исполненіе смѣтъ сосредоточивалось въ рукахъ подлежащихъ властей. Большая часть расходовъ изъ земскаго сбора зависѣла отъ центральныхъ установленій и ихъ мѣстныхъ органовъ. „Въ отношеніи этихъ расходовъ, говоритъ оффиціальная записка [2]), земство лишь *отпускаетъ* вѣдомствамъ путей

[1]) Мы будемъ говорить здѣсь о повинностяхъ общихъ, а не частныхъ.
[2]) «Труды Коммиссіи о губ. и уѣздныхъ учрежд.», ч. II, кн. II, стр. 40.

сообщенія, военному и прочимъ опредѣленныя суммы; самое же расходованіе и *отчетность* подчиняются вполнѣ симъ особымъ управленіямъ, на основаніи ихъ особыхъ уставовъ, и земскимъ учрежденіямъ лишь сообщаются свѣдѣнія, „необходимыя для общаго хозяйственнаго учета суммъ". Между тѣмъ именно эти расходы могли быть „интересны" для „земства", такъ какъ они сопряжены были съ разными предпріятіями, требовавшими надзора и учета, напримѣръ, съ сооруженіемъ шоссейныхъ дорогъ. Другой разрядъ расходовъ имѣлъ строго опредѣленное назначеніе (содержаніе разныхъ установленій) и онъ производился простою выдачею суммы опредѣленному мѣсту. Прочіе расходы, требовавшіе „хозяйственныхъ распоряженій", производились губернаторами съ особымъ присутствіемъ, въ иныхъ случаяхъ при участіи другихъ вѣдомствъ. Затѣмъ кассовая и бухгалтерская *отчетность* велась разными правительственными установленіями—казенными палатами и департаментомъ государственнаго казначейства. Къ концу каждаго года казенная палата составляла „генеральный государственный счетъ" суммамъ земскаго сбора и вносила его, съ документами, въ особое присутствіе. Заключеніе послѣдняго представлялось министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

„Генеральные счеты" за каждые три года сводились въ одинъ общій счетъ и предлагались какъ дворянскому депутатскому собранію, такъ и комитету земскихъ повинностей для провѣрки. Но „провѣрка" эта имѣла весьма скромные размѣры. Во-первыхъ, замѣчанія депутатовъ могли касаться только явныхъ неправильностей, удостовѣриться въ которыхъ было при томъ весьма трудно. Во-вторыхъ, даже въ случаѣ „основательности" замѣчаній, они не имѣли практическихъ послѣдствій. Замѣчанія передавались начальнику губерній и министерствамъ, отъ которыхъ зависѣло поступать по своему усмотрѣнію.

Въ худшемъ еще положеніи находилась администрація натуральныхъ повинностей, а между тѣмъ она особенно тяжело отзывалась на народномъ благосостояніи. Все это, вмѣстѣ взятое, привело коммиссію, трудившуюся надъ проектомъ земскихъ учрежденій, къ печальнымъ, но справедливымъ выводамъ, относительно существовавшаго порядка. Результатъ вполнѣ соотвѣтствовалъ закону. Въ комитетъ о земскихъ повинностяхъ призывались предводители дворянства, головы, депутаты. Какое значеніе имѣлъ этотъ призывъ, объясняетъ сама коммиссія, пришедшая къ слѣдующему заключенію:

„Что общія собранія комитетовъ, лишенныя всякой дѣйствительной власти и распоряженій, собирающіяся лишь въ три года разъ и то на короткое время, не имѣютъ физической возможности не только разобрать отчеты и смѣты, но даже *прочесть* ихъ; что смѣты утверждаются и измѣняются высшимъ правительствомъ, безъ всякаго соображенія съ мнѣніями комитетовъ; раскладки, имъ предоставляемыя, *всегда перемѣняются*, по усмотрѣнію центральной власти; что немногія замѣчанія, которыя успѣваютъ сдѣлать члены комитета, большею частью даже не *разсматриваются*, что затѣмъ всѣ представители мѣстности потеряли всякую энергію и заботливость о своемъ дѣлѣ и только почти машинально *подписываютъ* бумаги комитета“.

И это нисколько не удивительно. Затѣмъ все остальное вытекаетъ изъ предыдущаго. Вся хозяйственная администрація сосредоточилась въ „губерніи“, въ рукахъ дѣлопроизводителей и спеціальныхъ чиновниковъ, а въ уѣздахъ, въ рукахъ полиціи, дававшей чувствовать свою тяжелую руку особенно по отправленію натуральныхъ повинностей. „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“ является громаднымъ шагомъ впередъ сравнительно съ предыдущими „законоположеніями“. Оно признало право мѣстныхъ обществъ на завѣдываніе своими хозяйственными пользами и нуждами; оно создало самостоятельное мѣстное хозяйство, ввѣренное выборнымъ людямъ, поставленнымъ подъ контроль избирателей; право фиктивнаго „участія“ въ составленіи смѣтъ, предоставленное прежнимъ сословнымъ „депутатамъ“, обратилось въ право окончательныхъ по этому предмету постановленій, которыя могутъ быть только *опротестованы* губернаторомъ, въ случаяхъ именно указанныхъ *закономъ*. Этого мало; право постановленій было бы мертвою буквою въ томъ случаѣ, если бы *исполнительная* власть осталась въ рукахъ органовъ правительственныхъ, независимыхъ отъ контроля общества. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ создало въ составѣ земскихъ установленій органы исполнительные,—управы, подчиненныя собраніямъ и отвѣтственныя предъ ними. Однимъ словомъ—доказывать превосходство новаго порядка надъ прежнимъ, значило бы указывать на различіе между бѣлымъ и чернымъ, между днемъ и ночью.

Но задача этой статьи состоитъ вовсе не въ разсмотрѣніи превосходства нынѣшняго *хозяйственнаго* управленія въ губерніяхъ и уѣздахъ сравнительно съ прежнимъ. Мы намѣрены взглянуть на значеніе новыхъ учрежденій съ точки зрѣнія *общей си-*

стемы мѣстнаго управленія. Именно съ этой точки зрѣнія, намъ кажется, что законодательство наше, конечно, противъ воли своей, стало на ложную дорогу.

Остановимся прежде всего на взглядахъ коммиссіи, выработавшей положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Вотъ какъ она разсуждала о „существѣ", степени и предѣлахъ власти этихъ установленій.

„Если губернія и уѣздъ признаются, въ отношеніи мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ, цѣлыми, имѣющими извѣстную самостоятельность, единицами, то земскимъ ихъ учрежденіямъ, служащимъ ихъ представителями, должна быть предоставлена *дѣйствительная* и *самостоятельная власть* въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго хозяйства губерній и уѣздовъ. Доколѣ дѣйствія земскихъ учрежденій касаются только мѣстныхъ интересовъ, нѣтъ надобности въ участіи правительственной власти, въ прямомъ ея вмѣшательствѣ и вліяніи на ходъ дѣлъ. Опытъ показалъ, что участіе двухъ различныхъ, по началу своему, властей въ управленіи мѣстными хозяйственными дѣлами приноситъ мало полезныхъ результатовъ и ведетъ *или* къ совершенному почти уничтоженію законнаго вліянія одной изъ властей на ходъ дѣлъ, *или* къ пререканіямъ и взаимному противодѣйствію органовъ одной и той же власти, производящимъ замѣшательство и неуспѣшность въ распоряженіяхъ; *или*, наконецъ, къ взаимному ихъ уклоненію отъ надлежащаго исполненія обязанностей". На этихъ основаніяхъ, земскимъ учрежденіямъ, въ кругу принадлежащихъ имъ дѣлъ, предоставлена самостоятельность дѣйствій, подъ надзоромъ государственной власти.

Но затѣмъ коммиссія продолжаетъ: „что касается до *отношеній* земскихъ учрежденій къ прочимъ существующимъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ, то земскія учрежденія, имѣя характеръ мѣстный и *общественный*, очевидно (?) не могутъ входить въ рядъ правительственныхъ губернскихъ или уѣздныхъ инстанцій, а потому не могутъ подлежать и инстанціонному служебному подчиненію, или имѣть въ своемъ подчиненіи какія либо изъ правительственныхъ мѣстъ. Подчиняясь общимъ законамъ на томъ же основаніи, какъ *отдѣльныя общества и частныя лица*, земскія учрежденія, съ другой стороны, имѣютъ право на *содѣйствіе* и *исполненіе* законныхъ своихъ требованій правительственными лицами и учрежденіями".

Этотъ ходъ разсужденія представляется довольно логичнымъ

съ точки зрѣнія взгляда, усвоеннаго коммиссіею на земскія учрежденія, какъ на мѣстныя *хозяйственныя* установленія. Но даже съ этой точки зрѣнія, въ означенномъ разсужденіи нельзя не замѣтить значительнаго пробѣла. Подводя земскія установленія подъ понятіе „отдѣльныхъ обществъ и частныхъ лицъ“, коммиссія какъ бы забывала, что этимъ установленіямъ предоставлено право *налога*, и что осуществленіе этого права немыслимо безъ дѣйствительной власти *взиманія* налоговъ, оставленнаго въ рукахъ *полиціи*, обязанной, правда, „содѣйствовать“ земскимъ установленіямъ въ исполненіи ихъ законныхъ требованій, но имѣющей свое „начальство“, не имѣющее ничего общаго съ земскими установленіями.

Уже изъ этого одного видно, что „самостоятельность“, предоставленная земскимъ (и новымъ городскимъ) установленіямъ, похожа на самостоятельность частныхъ обществъ и товариществъ, но не походитъ на самостоятельность установленій, призванныхъ *управлять* извѣстными дѣлами въ губерніи. Но несостоятельность разсматриваемыхъ началъ обнаружится изъ обзора дѣлъ, предоставленныхъ земству. Если бы эти установленія были *только* хозяйственными установленіями, то 2 ст. положенія, исчисляющая предметы вѣдомства земства, могла-бы ограничиться однимъ пунктомъ, гласящимъ, что дѣломъ земства признается „завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами губерніи или уѣзда“. Но 2 ст. возлагаетъ на земство устройство и содержаніе принадлежащихъ къ земству зданій, другихъ сооруженій и путей сообщенія, мѣры обезпеченія народнаго продовольствія губерніи и уѣзда, мѣры общественнаго призрѣнія, дѣло взаимнаго обязательнаго страхованія строеній, мѣры къ развитію мѣстной торговли и промышленности, часть медицинскую, попеченія о народномъ образованіи и т. д.

По этимъ дѣламъ недостаточно одного „хозяйствованія“; здѣсь нужно *управленіе*, а управленіе немыслимо безъ *власти*. Земскія учрежденія унаслѣдовали или всѣ или часть функцій, распредѣленныхъ между многими губернскими установленіями: приказами общественнаго призрѣнія, коммиссіею строительною и дорожною, коммиссіею народнаго продовольствія, больничными совѣтами, комитетами о земскихъ повинностяхъ и т. д. Для чего-же получили они такое наслѣдство?

Этотъ вопросъ необходимо было поставить себѣ прямо и откровенно при составленіи какъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, такъ и новаго городоваго положенія. Нельзя не признать,

что составители того и другаго сами получили довольно тяжелое наслѣдіе, отъ котораго они не могли отрѣшиться—раздвоеніе нашихъ мѣстныхъ установленій, созданное еще Екатериною II. Они вполнѣ добросовѣстно и искренно старались улучшить каждый свою часть: одни хозяйственное управленіе въ губерніяхъ и уѣздахъ, а другіе общественное управленіе въ городахъ. Имъ конечно трудно было возвыситься надъ своею спеціальною задачею,—возвыситься до общихъ началъ мѣстнаго управленія, вникнуть въ смыслъ его историческаго развитія въ Россіи. Имъ серьезно казалось, что создавая въ Россіи новыя „общественныя“ установленія, они основываютъ у насъ *самоуправленіе*.

На дѣлѣ вышло то, чего именно опасались авторы положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и что они думали устранить новымъ закономъ. Они говорили о вредѣ „участія двухъ различныхъ, по началу своему, властей въ управленіи мѣстными хозяйственными дѣлами“. Но именно этотъ порядокъ вещей и организованъ окончательно новыми законами. Въ прежнее время „выборные люди“ какъ-бы присыпались въ видѣ нѣкоторой приправы въ разныя учрежденія, гдѣ дѣйствительная власть принадлежала органамъ правительства. „Выборные“ безмолвствовали и бездѣйствовали. „Теперь выборные люди и правительственные органы разведены въ разныя стороны; изъ нихъ составлены особые организмы. Но дѣйствовать приходится имъ на одномъ и томъ-же поприщѣ. Земство печется о народномъ продовольствіи; но губернаторъ также обязанъ пещись объ этомъ предметѣ. Городъ заботится о мѣстномъ благоустройствѣ; но губернаторъ, градоначальники и полиціймейстеры съ исправниками призваны къ тому-же дѣлу. Земство печется о народномъ здравіи; но въ томъ-же состоитъ прямая обязанность губернаторовъ съ врачебными отдѣленіями губернскихъ правленій. Земство призвано заботиться о народномъ образованіи; но оно „сопоставлено“ съ директорами народныхъ училищъ. Таково „сходство“ функцій; но вотъ и различіе. Каждый правительственный органъ для осуществленія принадлежащихъ ему правъ имѣетъ потребную долю власти; земство ея не имѣетъ. Предположите, что земству сдѣлалось извѣстнымъ, что на такой-то фабрикѣ рабочіе поставлены въ дурныя санитарныя условія или что они терпятъ отъ притѣсненій хозяевъ. Эти предметы лучше всего могутъ быть извѣстны земству. Но именно оно не можетъ ничего сдѣлать, хотя на немъ и лежитъ обязанность пещись о санитарной части и принимать мѣры къ развитію мѣстной промышленности. До свѣдѣнія

земства доходитъ, что на мѣстныхъ базарахъ продаются съѣстные припасы дурнаго качества; на базарѣ находится мѣстный земскій врачъ. Онъ не можетъ ни освидѣтельствовать припасовъ, ни составить протокола, ибо онъ „частное лицо“, служащее по найму у частнаго учрежденія. „Учрежденіе“ почтительнѣйше представляетъ губернатору; губернаторъ, если сочтетъ это нужнымъ, предпишетъ врачебному отдѣленію произвести слѣдствіе; отдѣленіе предпишетъ уѣздному врачу осмотрѣть „припасы“. Но припасы давно проданы, съѣдены и прибавили десятокъ-другой больныхъ въ земскихъ больницахъ, а можетъ быть умножили и число обитателей кладбища.

Число такихъ примѣровъ можно бы увеличить до безконечности, но намъ нужно разсмотрѣть еще и другія предположенія коммисссіи. Указавъ на вредъ „сугубыхъ“ властей, оно указываетъ, что такой порядокъ ведетъ прежде всего „къ совершенному почти уничтоженію законнаго вліянія одной изъ властей на ходъ дѣлъ“. Не знаемъ, отчего зависитъ вялое развитіе частей медицинской, училищной, продовольственной и другихъ въ губерніи. Но очевидно, что вліяніе которой нибудь изъ властей „почти уничтожилось“; которой?—судить не беремся. Далѣе раздвоеніе власти ведетъ, по мнѣнію коммиссіи, къ „пререканіямъ и взаимному противодѣйствію органовъ той и другой власти“. Но изъ матерьяловъ, относящихся до практики земскаго и городоваго дѣла видно, что случаи „пререканія и противодѣйствія“ довольно обильны, нисколько не содѣйствуя „успѣшности распоряженій“. Наконецъ послѣднее послѣдствіе, предусмотрѣнное коммиссіею: „взаимное уклоненіе отъ надлежащаго исполненія обязанностей, обоюдное бездѣйствіе и апатія“ также даютъ себя чувствовать. Кому это неизвѣстно изъ ежедневнаго опыта? Губернская администрація, въ виду учрежденія земскихъ учрежденій, обыкновенно полагаетъ, что съ нея сняты многія правительственныя заботы, и всѣ непорядки объясняетъ „бездѣйствіемъ“ и апатіею земства. Послѣднее утверждаетъ, что оно связано въ своихъ распоряженіяхъ, что оно встрѣчаетъ противодѣйствіе въ мѣстной администраціи, что всѣ усилія его не могутъ дать желаннаго плода.

Такимъ образомъ слова коммиссіи оказались какъ критикою минувшаго порядка, такъ и еще больше, *пророчествомъ* для новаго, созданнаго положеніемъ 1864 года.

VI.

Мы стоимъ на распутьи. Возвращеніе къ старому порядку невозможно; новый порядокъ не установился, даже пути къ достиженію его не избраны. Въ такое время, всегда полезно обратиться къ критикѣ общихъ началъ мѣстнаго управленія и сказать нѣсколько словъ для предупрежденія серьезной опасности.

Наше предупрежденіе обращается на двѣ стороны—къ законодательству и къ обществу. Законодательству предстоитъ провѣрить тѣ пути, по коимъ оно шло до настоящаго времени. Ему слѣдуетъ избрать *одинъ* путь и не ставить свою ставку на черный и красный квадраты одновременно. Желаетъ ли оно организовать самоуправленіе? Тогда пусть оно введетъ „общественныя" установленія въ кругъ учрежденій *правительственныхъ*, облечетъ ихъ *правительственными* правами и не побоится поставить эти учрежденія подъ контроль представителей обществъ. Такая мѣра будетъ полезна въ его собственныхъ видахъ. Не дальше какъ въ 1876 году губернаторамъ дано было право издавать обязательныя для мѣстныхъ жителей распоряженія по дѣламъ благочинія и безопасности. Эта мѣра была встрѣчена несочувственно, съ разными сомнѣніями. Между тѣмъ комитетъ министровъ былъ правъ, разсуждая, что губернаторамъ во многихъ случаяхъ *необходимо* предоставить такое право. Откуда же несочувствіе? Разрѣшимъ этотъ вопросъ простымъ предположеніемъ. Предположимъ, что законъ далъ губернаторамъ право издавать распоряженія, *при участіи* губернскаго земскаго собранія. Встрѣтило-ли бы такое право хотя-бы малѣйшее возраженіе?

Предупрежденіе наше обращается и къ обществу. „Вялость" нашихъ земскихъ и городскихъ учрежденій, не смотря на ихъ молодость, вошла въ пословицу. Гдѣ причины этого явленія? Часть изъ нихъ уже указана: она заключается въ ненормальной постановкѣ „общественнихъ установленій" по закону. Но есть и другія причины, надъ которыми законъ безсиленъ. Онѣ содержатся въ самомъ составѣ тѣхъ элементовъ, которымъ пришлось дѣйствовать въ новыхъ установленіяхъ.

Во первыхъ, нельзя не видѣть, что новыя учрежденія, по самой своей новости, не успѣли еще выработать самостоятельной

практики, и невольно подражають дѣятельности вѣковаго бюрократическаго организма. Бюрократическія формы даютъ себя чувствовать и въ новыхъ учрежденіяхъ до такой степени, что иногда трудно отличить земскаго дѣятеля отъ всякаго чиновника. Это происходитъ и отъ того, что значительная доля земскихъ дѣятелей „посвящали себя государственной службѣ", гдѣ и получили свое гражданское воспитаніе.

Этотъ грѣхъ поправимъ, но онъ зависитъ отъ другихъ, болѣе серьезныхъ причинъ. Съ земскими учрежденіями повторяется то, что было нѣкогда съ дворянскими выборами. Мѣстные жители „уклоняются" отъ земской службы и на долю земства остаются ненадежные элементы. Это явленіе зависитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: одной общей, а другой спеціально относящейся къ нашему времени.

По положенію о земскихъ учрежденіяхъ, видную въ нихъ роль призванъ играть землевладѣльческій классъ, а классъ землевладѣльцевъ главнымъ образомъ состоитъ изъ дворянства. Но сословіе это, по привычкѣ, нажитой вѣками, по прежнему тяготѣетъ къ государственной службѣ. Если прежняя дворянская служба, обставленная всѣми правами и преимуществами государственной службы, мало привлекала къ себѣ дворянство, то что же сказать о земской дѣятельности, не имѣющей никакихъ служебныхъ правъ? Какая карьера представляется хотя бы для должности члена управы? Не лучше-ли начать съ должности столоначальника въ какомъ нибудь департаментѣ, чтобы потомъ достигнуть виднаго положенія, съ высоты котораго можно созерцать безтолковую возню „земцевъ"? У насъ въ модѣ жалобы на „бюрократію". Но кто же питаетъ эту бюрократію, кто несетъ ей свои таланты, свои знанія, свои титулы, свои связи, свое вліяніе? Кто ставитъ ее, не какъ государственное установленіе только, а какъ *общественный классъ,* неизмѣримо выше сѣренькаго le zémstvo?

Что же, скажутъ намъ, лучше-ли будетъ, если эти лучшія силы отхлынутъ въ губерніи и въ уѣзды, оставивъ поприще центральной службы разнымъ „худороднымъ"? Лучше, и вотъ почему. Когда на сторонѣ земства будетъ все богатое, все вліятельное, образованное, титулованное, все имѣющее связи и независимое положеніе, тогда и эта столь ненавистная вамъ „бюрократія", отъ нея же первые есте вы, будетъ введена въ надлежащіе предѣлы, тогда измѣнится самъ собою и весь строй нашей администраціи.

Но есть еще и другая причина, прямо относящаяся къ нашему времени, и она-то удерживаетъ отливъ „мѣстныхъ обывателей“ изъ столицъ. Въ 1861 году совершилось освобожденіе крестьянъ. Реформа оставила послѣ себя классъ, потерявшій средства дароваго существованія, даровой трудъ. Ему предстояло два исхода: 1) обратиться къ своей землѣ въ качествѣ истинныхъ хозяевъ, оросить ее своимъ потомъ и взамѣнъ того отъ нея-же получить богатство, вліяніе и почетъ; 2) искать болѣе легкихъ средствъ существованія въ государственной и всякой другой службѣ. Землевладѣльцы предпочли второй исходъ. На бѣду поприща служенія умножились. Открывались новые суды, заводились желѣзныя дороги и всѣ сопряженныя съ ними спекуляціи и операціи, учреждались банки и всякія промышленныя общества. „Интеллигенція“ почуяла добычу и ринулась на нее въ перегонку. Передніи наполнились просителями. Принимали министры, принимали банкиры, принимали желѣзно-дорожные строители, принимали директоры разныхъ товариществъ. Просили чиновные, титулованные, образованные, вліятельные. Одни пускали въ ходъ свой чинъ, другіе свои связи, часто весьма сомнительныя, третьи свое образованіе, готовое стать орудіемъ весьма темныхъ дѣлъ. Брали все: коронное мѣсто, присоединяя къ нему выгодное званіе директора какой нибудь желѣзной дороги, пайщика въ какомъ нибудь банкѣ, члена правленія въ какомъ нибудь товариществѣ.

Гдѣ же тутъ было думать о губерніи или городѣ, съ ихъ „мѣстными пользами и нуждами“? Все оторвалось отъ земли и пошло въ биржевую бумагу. Уныло стояли старыя усадьбы, гдѣ прежде, хоть не служили, да жили, и стояли онѣ, разваливаясь, какъ будто для того, чтобы угасло самое воспоминаніе о связи помѣстья съ владѣльцемъ, пресмыкавшимся у какого нибудь желѣзнодорожника. Уныло шумѣли брошенные сады и грустно глядѣли на тощія поля. Грустно гудѣлъ лѣсъ, ожидая, что „прослужившійся“ или „проспекулировавшійся“ владѣлецъ продастъ его на срубъ мѣстному кулаку.

Не оставалось обдѣленнымъ и земство съ городами. Иногда банково-желѣзнодорожно-биржевой водоворотъ выбрасывалъ и въ мѣстность какого нибудь „дѣльца“. Ловко опутывалъ онъ мѣстное стадо, избирался въ головы и столь же ловко „спекулировалъ“ онъ городскими водопроводами, освѣщеніемъ, всѣмъ, съ чего можно было взять или гдѣ предвидѣлся „пай“.

Вотъ отчего-бы нужно было проснуться, какъ отъ страшнаго, тяжелаго сна! Вотъ что прогнать съ глазъ крестнымъ знаменіемъ и теп-

лой молитвой! Но чудовище стоитъ предъ глазами и не даетъ покоя тому, кому сколько нибудь дороги судьбы родной земли. Самоуправленіе требуетъ великаго общественнаго покаянія, искренняго обращенія къ землѣ, къ истинному труду и къ народу.

Настанетъ-ли это великое время? Исцѣлѣютъ-ли наши язвы? Можемъ сказать евангельскими словами—„вѣрую Господи—помоги моему невѣрію“...

АКЦІОНЕРНЫЯ КОМПАНІИ.

И. Т. ТАРАСОВА.

Die Actionäre sind regelmässig gutmüthige Geschöpfe.

Felix Hecht. Das Börsen- und Actienwesen, 88.

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ [1].

Полиція [2]) устанавливаетъ, съ одной стороны, условія, содѣйствующія всестороннему развитію единичныхъ лицъ, съ другой стороны — она защищаетъ каждаго отъ угрожающей ему опасности, для борьбы съ которою силы единичнаго лица оказываются недостаточными; вообще же конечная цѣль полиціи заключается въ достиженіи общаго блага, въ содѣйствіи каждому къ достиженію разумныхъ цѣлей. Въ этой конечной цѣли полиція находитъ единство для своей дѣятельности, соединяя понятія о благоустройствѣ и безопасности въ одно высшее понятіе о *общемъ благѣ*, вмѣщающемъ въ себѣ, какъ главную составную часть, какъ основной элементъ, понятіе о личной и гражданской свободѣ. Поэтому полиція въ своемъ стремленіи къ установленію условій благоустройства и безопасности отнюдь не должна нарушать коренныхъ условій свободы въ общежитіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ она неизбѣжно станетъ въ противорѣчіе съ своею задачей и дѣятельность ея дастъ результаты только отри-

---

[1]) Настоящая статья составляетъ введеніе къ обширному труду, посвященному авторомъ акціонернымъ компаніямъ. *Ред.*

[2]) Нужно имѣть въ виду, что подъ выраженіемъ «полиція», авторъ (подобно многимъ германскимъ ученымъ) понимаетъ всю административную дѣятельность правительства. *Ред.*

цательнаго свойства: вмѣсто благоустройства получится разстройство во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности гражданъ, вмѣсто безопасности будетъ господствовать угнетеніе. Исторія указываетъ на то, что государство, концентрируя всю полицейскую дѣятельность въ однородныхъ, центральныхъ или правительственныхъ органахъ, безъ всякаго соучастія органовъ самоуправленія и частныхъ общественныхъ союзовъ, ставитъ себя въ реальную невозможность ограничить и оформить эту дѣятельность такъ, чтобы область государственно-гражданской свободы осталась неприкосновенною, и это происходитъ отъ того, что разнообразіе полицейскихъ задачъ въ частностяхъ столь велико, что выполненіе ихъ требуетъ извѣстнаго, соотвѣтствующаго различія во внутреннихъ, элементарныхъ свойствахъ органовъ исполненія, вслѣдствіе чего полицейская дѣятельность можетъ быть плодотворною только тогда, когда, исходя изъ понятій о гражданской свободѣ и о разнородности задачъ полиціи, дѣятельность эта ввѣрена будетъ совокупности органовъ центральнаго управленія, самоуправленія и частныхъ союзовъ, причемъ, согласно требованіямъ мудрой и честной внутренней политики, каждому изъ этихъ органовъ отмежевана будетъ соотвѣтствующая область дѣятельности.

Мы только что указали, что вся совокупность задачъ полиціи должна быть распредѣлена между тремя основными органами,—правительствомъ, самоуправленіемъ и обществомъ (союзами). Избравъ предметомъ нашего изслѣдованія акціонерныя компаніи, неточно называемыя обществами или товариществами, намъ, очевидно, слѣдуетъ говорить здѣсь только о третьемъ изъ этихъ органовъ, такъ какъ акціонерныя компаніи, по одному уже названію ихъ, независимо отъ внутреннихъ свойствъ, не могутъ быть причислены ни къ органамъ центральнаго управленія, ни къ органамъ самоуправленія.

Общественный союзъ (соединеніе нѣсколькихъ лицъ въ одну юридическую единицу), какъ органъ полиціи, является продуктомъ нашего столѣтія и мы переживаемъ то время, когда эта новая, живая сила энергически пробиваетъ себѣ путь и завоевываетъ себѣ все бо̀льшую и бо̀льшую территорію дѣятельности, въ предѣлы которой входятъ не только преждеизвѣстныя, но и вновь открытыя области. Многія задачи, выполняемыя теперь органами частныхъ союзовъ, выполнялись прежде органами центральнаго управленія, или мѣстнаго самоуправленія, но еще бо̀льшее количество задачъ, выполненіе которыхъ органами союзовъ оказало

и оказываетъ теперь неисчерпаемыя услуги человѣчеству, было дотолѣ неизвѣдано.

Союзъ вообще, какъ свободное соединеніе единичныхъ лицъ для достиженія совокупными средствами свободноопредѣленной цѣли, существуетъ отъ начала міра и проявился впервые въ первыхъ сознательныхъ и цѣлесообразныхъ формахъ соединенія лицъ или общежитія.

Союзъ въ тѣсномъ смыслѣ, *какъ органъ полиціи*, обнимаетъ собою только нѣкоторыя, закономъ опредѣленныя формы общенія, за которыми, согласно ихъ цѣли, образованію средствъ и организаціи управленія, признается значеніе органовъ полиціи, т. е. не частныхъ учрежденій, преслѣдующихъ частныя цѣли, а учрежденій общественныхъ, преслѣдующихъ цѣли общественныя. Въ этомъ тѣсномъ смыслѣ *формы союзности* очень разнообразны, тѣмъ не менѣе, какъ указано уже выше, ихъ *можно подвести подъ слѣдующія три основныя категоріи:* корпораціи (учрежденія), общества и товарищества, подобно тому какъ въ союзѣ, въ самомъ обширномъ смыслѣ, рельефно выдѣляются также *три основныя формы:* единствъ политическихъ, общественныхъ и частныхъ.

По цѣли, союзъ *въ обширномъ смыслѣ* даетъ основаніе къ различію союзовъ, преслѣдующихъ культурныя (духовныя) цѣли, преслѣдующихъ цѣли хозяйственныя и, наконецъ, преслѣдующихъ цѣли культурно-хозяйственныя. Этому дѣленію соотвѣтствуетъ отчасти дѣленіе по цѣли также на три категоріи союзовъ, *какъ органа полиціи;* категоріи эти слѣдующія: 1) союзы, служащіе безопасности, 2) служащіе благоустройству и 3) служащіе безопасности и благоустройству.

Каждой изъ этихъ формъ соотвѣтствуетъ вышеуказанное трехчленное раздѣленіе по цѣли; по этому какъ политическіе, общественные и частные союзы, такъ и корпораціи, общества и товарищества имѣютъ соотвѣтствующія подраздѣленія, вліяющія или долженствующія вліять на характеръ законоположеній, опредѣляющихъ ихъ бытіе и положеніе въ организмѣ государства; такъ, напримѣръ, есть общества исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, или общества географическія, историческія и т. п., есть также общества коммерческія, фабричныя и т. п., есть, наконецъ, общества желѣзнодорожныя, театральныя и т. п. Совершенно аналогичные примѣры можно найти и въ области товариществъ

и корпорацій, также въ области политическихъ, общественныхъ и частныхъ союзовъ.

Сущность различія между *корпораціями, обществами и товариществами* заключается въ томъ, что корпораціи или учрежденія не заключаютъ въ себѣ всѣхъ элементовъ свободной союзности и составляютъ какъ бы переходную ступень отъ центральнаго управленія (правительства) къ союзу; таковы, напримѣръ, университеты, академіи, совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, промышленныя и торговыя палаты и т. п. Общества, въ составъ которыхъ входятъ и компаніи, заключаютъ въ себѣ всѣ элементы свободнаго союза, но связь между членами этого союза ограничена цѣлью и средствами такъ, что въ обществахъ не существуетъ ни полной имущественной (солидарной) отвѣтственности, ни сочетанія цѣлей; таковы, напримѣръ, общества распространенія грамотности, всѣ акціонерныя компаніи и т. п. Товарищества, въ понятіе о которыхъ входятъ и артели, представляя слѣдующую, высшую ступень развитія идеи союза, заключаютъ въ основаніи своемъ болѣе глубокую и сложную связь между своими членами, выражающуюся въ имущественной, а иногда даже и въ личной круговой порукѣ и какъ въ сочетаніи, такъ и въ характерѣ цѣлей, для которыхъ учреждаются товарищества.

Между тремя указанными формами существуютъ еще переходныя формы, которыя представляютъ бо́льшія или меньшія уклоненія отъ одной изъ этихъ основныхъ формъ къ другой.

Задача законодательства въ отношеніи ко всѣмъ этимъ формамъ союзовъ заключается въ нормированіи ихъ согласно: 1) основному или преобладающему характеру каждой изъ этихъ формъ, 2) преслѣдуемой цѣли и 3) степени соприкосновенія ихъ съ интересами третьихъ лицъ. Въ первомъ отношеніи, законодательство не должно допускать такія формы соединенія лицъ, въ которыхъ характеристическія черты двухъ основныхъ формъ смѣшаны такъ, что, во-первыхъ, теряется возможность опредѣлить къ какой изъ двухъ основныхъ формъ слѣдуетъ причислить данный союзъ, и, во-вторыхъ, допускается возможность болѣе или менѣе опаснаго колебанія отъ одной основной формы къ другой; тѣмъ болѣе законодательство не должно допускать такія формы союзовъ, которыя заключаютъ въ себѣ смѣшеніе элементовъ всѣхъ трехъ указанныхъ, основныхъ формъ. Во второмъ отношеніи, задача законодательства заключается въ томъ, чтобы снабдить союзы соотвѣтствующею ихъ цѣли

властью, дабы поставленная цѣль могла быть дѣйствительно достигнута дозволенными средствами и въ предначертанномъ объемѣ. Въ третьихъ, законодательство должно, съ одной стороны, защитить союзъ отъ посягательствъ на него извнѣ, съ другой же стороны, оно должно защитить также и третьихъ лицъ отъ зла, которое можетъ причинить имъ возникающій или возникшій уже союзъ. При соблюденіи этихъ условій обезпечены будутъ правильное развитіе всѣхъ формъ союзовъ, плодотворность ихъ дѣятельности и безопасность какъ ихъ, такъ и отъ нихъ.

Акціонерными компаніями мы называемъ свободныя соединенія лицъ, *состоящія изъ нѣсколькихъ физическихъ или юридическихъ лицъ, внесшихъ извѣстный, для одной опредѣленной, постоянной, или конечной, дозволенной, хозяйственной, или культурной, или культурно-хозяйственной цѣли предназначенный капиталъ, раздѣленный на равныя доли, называемыя акціями, и отвѣчающихъ только этимъ капиталомъ какъ хозяева предпріятія, имѣющаго опредѣленную безличную фирму, которымъ они публично управляютъ, согласно съ обнародованными ими закономѣрными правилами, изложенными въ уставѣ.* Изъ этого *опредѣленія* видно, что *характеристическія черты акціонерныхъ компаній* заключаются въ слѣдующемъ: 1) опредѣленное число членовъ; 2) впередъ опредѣленный капиталъ, раздѣленный на отчуждаемыя и продаваемыя акціи; 3) опредѣленная хозяйственная, или культурная, или культурно-хозяйственная цѣль; 4) право членства связано съ владѣніемъ акцій; 5) ограниченная имущественная отвѣтственность членовъ; 6) члены-хозяева предпріятія; 7) опредѣленная фирма; 8) самоуправленіе; 9) публичность, и 10) закономѣрный уставъ.

Требованіе, чтобы *членовъ акціонерной компаніи было не менѣе опредѣленнаго числа*, вытекаетъ прямо изъ дальнѣйшихъ характеристическихъ чертъ акціонерной компаніи; такъ, напримѣръ, самоуправленіе, построенное на выборномъ началѣ, предполагаетъ непремѣнно разницу въ численномъ составѣ между избираемыми и избирателями, а потому, если акціонерная компанія будетъ состоять изъ такого числа членовъ, которое равняется численному составу управленія, или даже будетъ менѣе этого числа, то такая акціонерная компанія лишена будетъ возможности правильно примѣнить выборное начало къ своему

управленію [1]). Требованіе, что будетъ *впередъ опредѣленный для извѣстной, постоянной, или конечной, дозволенной цѣли предназначенный, постоянный, съ этою цѣлью неразрывно связанный капиталъ*,—требованіе это до того существенно, что безъ соблюденія его немыслимо существованіе акціонерной компаніи, такъ какъ *постоянство акціонернаго капитала* прямо вытекаетъ изъ столь *неразрывной связи его съ цѣлью*, что капиталъ этотъ перестаетъ даже принадлежать лицу, а принадлежитъ предпріятію, *для котораго онъ предназначенъ*, вслѣдствіе чего всякое уменьшеніе, или увеличеніе этого капитала равносильно экстензивному или интензивному измѣненію цѣли компаніи, а потому, какъ справедливо замѣчаютъ многіе изслѣдователи [2]) должно быть разсматриваемо какъ учрежденіе новой компаніи; оттого-то предпріятіямъ съ преобладающимъ постояннымъ капиталомъ надъ оборотнымъ особенно свойственна акціонерная форма [3]). Такая обособленность капитала отъ личности отличаетъ акціонерныя компаніи отъ корпорацій, товариществъ и единоличныхъ предпріятій и служитъ главною основою кредита, которымъ пользуются акціонерныя компаніи. Капиталъ этотъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть *впередъ опредѣленный*, такъ какъ для пріобрѣтателей акцій необходимо знать степень соотвѣтствія между цѣлью и матерьяльными средствами для достиженія ея; даже въ такихъ исключительныхъ по формѣ акціонерныхъ компаніяхъ, каковы французскія sociétés à capital variable (компаніи съ измѣняющимся капиталомъ) акціонерный капиталъ остается тѣмъ не менѣе опредѣленнымъ [4]); словомъ — акціонерная компанія съ неопредѣленнымъ капиталомъ совершенно немыслима. Въ требованіи *раздѣленія капитала на доли, представляемыя акціями* осуществляется основная задача акціонерныхъ компаній, заключающаяся въ соединеніи относительно мелкихъ средствъ въ тѣ громадные капиталы, которые дали жизнь соотвѣтственно большимъ предпріятіямъ. *Доли эти*

---

[1]) Côde de commerce, § 23; Statuten der Pommerschen Hypotheken-Actien-Bank § 26.

[2]) *Nissen.* Ueber die Erhöhung des Grundcapitals einer Actien-Gesellschaft f. 1874 № F. BD. IV S. 357.

[3]) *Вреденъ.* Строй экономическихъ предпріятій. С.-Пб. 1873 стр. 41.

[4]) *Renaud,* A. Das Recht der Actien-Gesellschaft (2 Aufl.). Leipzig. S. 33, 87. *Bédarride.* Commentaire de la loi du 24 l. 1867. Paris 1871 p. 237. *Bourguignat,* A. et *Mathieu,* A. Commentaire de la loi 24 — 29 I. Paris 1868 p. 268.

должны быть равныя, такъ какъ въ противномъ случаѣ допущенъ былъ-бы произволъ въ опредѣленіи контингента участниковъ предпріятія, въ смыслѣ устраненія отъ него большаго или меньшаго числа мелкихъ капиталистовъ. При этомъ весьма важно опредѣлить, какъ это и сдѣлано во всѣхъ законодательствахъ, minimum величины этихъ долей, дабы устранить отъ акціонерныхъ предпріятій мелкія сбереженія и отнять у акцій характеръ бумажныхъ денегъ [1]). *Наслѣдственность* и *отчуждаемость этихъ долей* прямо вытекаютъ изъ неразрывной связи между образуемымъ ими капиталомъ и предпріятіемъ, причемъ *мѣновая и рыночная цѣна этихъ долей и отчужденіе ихъ посредствомъ продажи документовъ на нихъ, т. е. акцій*, есть ничто иное какъ дальнѣйшее послѣдствіе той-же самой причины; непосредственная передача или отчужденіе этихъ долей была бы невозможна безъ нарушенія условія постоянства капитала и неразрывной связи его съ предпріятіемъ, поэтому-то продается только документъ, выражающій собою право на долю капитала, также и на связанныя съ владѣніемъ этихъ долей права. Слѣдовательно акцію никоимъ образомъ нельзя разсматривать какъ цѣнность (Werth), отдѣлившуюся отъ имущества (Gut), подобно *Штейну* [2]) и *Рено* [3]): акція есть документъ на извѣстную совокупность правъ, которыя имѣютъ цѣнность [4]) и которыя могутъ быть отчуждаемы даже по частямъ, какъ, напримѣръ, бываютъ случаи, что владѣльцы акцій, оставляя за собою самую акцію (Mantel) отдѣльно отъ нея отчуждаютъ постороннимъ лицамъ купонный листъ и талонъ, вслѣдствіе чего одинъ покупатель, наслѣдникъ, или одаренный пріобрѣтаетъ право на полученіе дивиденда въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ, другой—пріобрѣтаетъ такое-же право, но по прошествіи опредѣленнаго числа лѣтъ, а владѣлецъ акціи остается акціонеромъ. [5]) Это важное значеніе акціи, какъ документа, указываетъ на необходимость сообщенія имъ опредѣленной формы [6]), равно

---

[1]) *Molle*, Die Lehre von den Actiengesellschaften. Berlin. 1875. S. 28.
[2]) *Stein*, L. Vereinswesen въ его Verwaltungslehre S. 78.
[3]) *Renaud*, A. S. 2.
[4]) *Molle* S. 22.
[5]) Подобныя сдѣлки часто практикуются въ Австріи, причемъ правленія многихъ австрійскихъ акціонерныхъ желѣзнодорожныхъ компаній затруднялись въ разрѣшеніи вопроса, можно ли такихъ акціонеровъ допускать къ участію въ общихъ собраніяхъ.
[6]) *Renaud* S. 118.

какъ этою-же причиною вызвано различіе между именными и предъявительскими акціями, акціями и временными свидѣтельствами на акціи. *Цѣль компаніи должна быть опредѣленная*, т. е. выраженная не въ общихъ выраженіяхъ, допускающихъ неясность и спорное толкованіе, а ясно и точно, отнюдь не въ условной формѣ. *Цѣль эта должна быть конечная, или постоянная*, т. е. она можетъ быть такая, что конецъ ея трудно, или невозможно опредѣлить впередъ, какъ, напримѣръ, разработка каменнаго угля, машинное производство и т. п.; она можетъ быть и естественно впередъ опредѣленная, какъ, напримѣръ, постройка желѣзной дороги, равно какъ она можетъ быть и произвольно впередъ опредѣленная, какъ, напримѣръ, эксплоатація желѣзной дороги въ теченіи указаннаго числа лѣтъ. *Цѣль должна быть законная*, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя практика акціонернаго дѣла указываетъ къ сожалѣнію, на такіе случаи, что акціонернымъ компаніямъ дозволяли преслѣдовать такія цѣли, которыя вообще считались незаконными, предосудительными, или опасными; поэтому-то цѣль акціонерной компаніи должна быть не только *дозволенная*, но и законная. *Цѣль должна быть единичная*, хотя *Рено* [1]) и *Гехтъ* [2]) держатся противнаго мнѣнія; сочетаніе цѣлей, какъ мы указали уже выше, несвойственно акціонернымъ компаніямъ, основаннымъ на ограниченной имущественной отвѣтственности акціонеровъ, на простотѣ управленія и на преобладаніи постояннаго капитала надъ оборотнымъ. Едва-ли кто нибудь найдетъ возможнымъ отрицать, что акціонерная форма вполнѣ пригодна только для тѣхъ предпріятій, которыя отличаются неизмѣннымъ теченіемъ своихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего, напримѣръ, торговыя компаніи на акціяхъ всегда выносили и выносятъ только съ трудомъ конкуренцію съ единичными лицами и фирмами, т. е. единоличными предпріятіями и съ товариществами. Кромѣ того, не надо упускать изъ виду, что чѣмъ обширнѣе и сложнѣе обороты какого нибудь предпріятія, тѣмъ сложнѣе и труднѣе подчинить его началамъ правильной и удовлетворительной отчетности, въ которой заключается для акціонерныхъ компаній одна изъ надежнѣйшихъ гарантій, какъ для акціонеровъ, такъ и для третьихъ лицъ, сочетаніе-же цѣлей,

---

[1]) *Renaud* S. 203.
[2]) *Hecht*, F. Die Creditinstitute der Gegenwart. Mannheim. 1874. S. 50.

разумѣется, влечетъ за собою неизбѣжно усложненіе оборотовъ [1]). *Цѣль акціонерной компаніи можетъ быть культурная, хозяйственная и культурно-хозяйственная*; это вытекаетъ прямо изъ данныхъ, представляемыхъ намъ практикою акціонернаго дѣла; есть акціонерныя компаніи, которыя не добывая никакого прибытка для своихъ акціонеровъ стремятся только къ достиженію какой нибудь культурной (духовной) цѣли, относясь къ своему капиталу только какъ къ средству для достиженія этой цѣли; такова, напримѣръ, Museum-Aktien-Gesellschaft въ Гейдельбергѣ [2]); другія акціонерныя компаніи имѣютъ въ виду только добываніе прибытка для своихъ акціонеровъ, не преслѣдуя никакой культурной цѣли; нѣкоторыя, наконецъ, акціонерныя компаніи или сознательно избираютъ такую цѣль, которая имѣетъ культурное значеніе, хотя при достиженіи ея не упускается изъ виду и прибытокъ акціонеровъ, таковы, напримѣръ, театральныя акціонерныя компаніи, или же цѣль ихъ, избранная исключительно только для добыванія прибытка акціонерамъ, ipso jure, по характеру своему имѣетъ несомнѣнно культурное значеніе настолько, что эти два элемента сами по себѣ или принудительно уравновѣшиваются въ нихъ, таковы, напримѣръ, желѣзно-дорожныя акціонерныя компаніи и т. п. — Такъ какъ доли капитала и связанныя съ владѣніемъ каждою долей права могутъ быть отчуждаемы, какъ указано выше, только посредствомъ передачи документа, называемаго акціей, то *только владѣніе акціей, а не доставка труда, матерьяла и т. п., дѣлаетъ владѣльца членомъ компаніи, акціонеромъ,* [3]) т. е. лице, не владѣющее акціей, какое бы участіе оно ни принимало въ предпріятіи, не считается членомъ компаніи; это впрочемъ не устраняетъ возможности пріобрѣтать акціи за трудъ, за матерьялъ, а не за деньги, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ акціонерной компаніи *Борзига* и подало поводъ *Енгелю* опрометчиво увидѣть въ этомъ способѣ пріобрѣтенія акцій путь къ разрѣшенію

---

[1]) *Вреденъ*, стр. 41—46; *Тернеръ*. Акціонерныя Общества «Сборникъ Госуд. Зн.» Т. II, 1875, стр. 63—66; *Тернеръ*. Сравнительное обозрѣніе акціонернаго законодательства. С.-Пб. 1871, стр. 24.

[2]) Statuten der Museum A. G. in Heidelberg. 1876. § 3.

[3]) Акціонерная практика представляетъ въ видѣ рѣдкаго исключенія случаи примѣненія выборнаго начала къ пріобрѣтенію правъ акціонера (см. Statuten der Museum A. G. in Heidelberg 1876. § 28.

соціальнаго вопроса [1]). *Ограниченная имущественная отвѣтственность однимъ только акціонернымъ капиталомъ* есть естественное слѣдствіе полнаго отдѣленія этого капитала отъ личнаго хозяйства акціонеровъ [2]); въ этомъ то и выражается то начало ограниченной отвѣтственности, въ которомъ всѣ почти изслѣдователи, а также и законодательства, видятъ главную характеристическую черту акціонерной формы союзовъ [3]). Замѣна этой ограниченной отвѣтственности неограниченною приблизила бы акціонерныя компаніи къ товариществамъ, или къ единоличнымъ предпріятіямъ на столько, что различіе между ними сдѣлалось бы почти неуловимымъ, и къ тому-же замѣна эта послужила бы препятствіемъ къ образованію капиталовъ въ тѣхъ обширныхъ размѣрахъ и изъ тѣхъ мелкихъ средствъ, какъ это сдѣлали акціонерныя компаніи, организованныя на началѣ ограниченной отвѣтственности. Начало ограниченной имущественной отвѣтственности не можетъ быть нарушено даже и тогда, когда операціи компаніи были незакономѣрны, такъ какъ незакономѣрность операцій можетъ только породить вопросъ о винѣ или преступленіи, связанныхъ съ вопросомъ о взысканіи съ виновныхъ, а не со всей акціонерной компаніи, которая какъ одно цѣлое, какъ юридическое лицо, „никогда виновато быть не можетъ“ [4]). *Право членства въ акціонерныхъ компаніяхъ осуществляется въ правѣ голоса по вопросамъ управленія и въ правѣ на участіе въ прибыляхъ, если компанія учреждена съ цѣлью прибытка.* Право голоса осуществляется въ общихъ собраніяхъ, компетенція которыхъ, въ основныхъ чертахъ, нерѣдко опредѣляется нормальными уставами, подробно-же — въ спеціальныхъ уставахъ компаній; право это составляетъ характеристическую черту въ акціонерныхъ компаніяхъ, такъ какъ каждая акціонерная компанія есть прежде всего свободный союзъ лицъ, въ понятіе о которомъ входитъ принципъ *самоуправленія*. Вопросъ

---

[1]) *Herzka*, Th. Die Mängel des österreichischen Actiengesetzentwurfes. Wien. 1875. S. 103.

Engel. Der Arbeitsvertrag und die Arbeitergesellschaft (industrial partnership) въ V Jahrgang Arbeiterfreundes, H. II. Halle.

[2]) *Вреденъ*. Строй экономическихъ предпріятій. Спб. 1873, стр. 60.

Тернеръ. Сравнительное обозрѣніе акц. законодательства и т. д. Спб. 1871, стр. 22.

[3]) *Parisius*, Z. Die Genossenschaftsgesetze. Berlin. 1876. S. 123.

[4]) *Renaud*. S. 620, 634, 733.

Molle. S. 75.

о формахъ и условіяхъ осуществленія этого права представляется чрезвычайно важнымъ, такъ какъ, согласно указаніямъ практики, право это при извѣстныхъ условіяхъ легко вырождается въ простую фикцію, служа источникомъ цѣлой массѣ злоупотребленій и порождая такой классъ людей, каковы подставныя лица, Strohmänner, hommes de paille, на что и обращено было вниманіе всѣми почти изслѣдователями вопроса объ акціонерныхъ компаніяхъ, равно какъ и законодательствами, хотя и не въ должномъ направленіи [1]). Правомъ голоса долженъ пользоваться каждый акціонеръ, такъ какъ право это есть принадлежность каждой акціи, вопросъ-же о соотношеніи между числомъ акцій, принадлежащихъ одному лицу, и числомъ голосовъ, на которое онѣ даютъ право этому лицу, разрѣшается на практикѣ весьма различно и бо̀льшею частью не принципіально, тогда какъ, исходя изъ понятія *о равенствѣ всѣхъ членовъ акціонерной компаніи*, неправильно понимаемаго нѣкоторыми только какъ отсутствіе различія между акціонерами по рангамъ, общественному положенію, образованію и т. п. [2]), всѣ акціонеры должны были-бы пользоваться равнымъ числомъ голосовъ, ибо трудно, или даже вовсе невозможно опредѣлить экономическое значеніе для каждаго акціонера того капитала, который помѣщенъ имъ въ акціи. Нерѣдко одна только акція заключаетъ въ себѣ все достояніе бѣдняка, тогда какъ 10 и 100 акцій являются только ничтожною частью всего достоянія крупнаго капиталиста. Во всякомъ случаѣ, при непризнаніи даже принципа абсолютнаго равенства всѣхъ акціонеровъ въ правѣ пользованія голосовъ, въ основаніи различія не можетъ быть не принята цѣль акціонерной компаніи, которая можетъ имѣть, какъ указано выше, преобладающее культурное, или экономическое значеніе. Какъ одно изъ послѣдствій права голоса является примѣненіе въ акціонерныхъ компаніяхъ *выборнаго начала*, которое осуществляется также въ Общихъ Собраніяхъ, а потому всякое отступленіе отъ этого начала должно быть разсматриваемо какъ не нормальное явленіе въ области акціонерной практики: присвоеніе себѣ учредителями исключительнаго права на занятіе

---

[1]) *Perrot.* Der Bank-, Börsen- und Actien-Schein-Schwindel. Rostock. 1873, 74, 76. B. IV S. 152.
Hecht. Börsen- und Actienwesen der Gegenwart. Mannheim. 1874. S. 87.
Molle — предисловіе.
Bédarride. Commentaire de la loi du 24/7. 1867. Paris. 1871 p. 83.
Alauzet. Commentaire du Code de Commerce. Paris. 1868.

[2]) *Stein,* L. Vereinswesen S. 18 u. f. *Renaud* p. 2.

должностей членовъ Правленія, или членовъ Повѣрочнаго Совѣта не замедлило дать результаты отрицательнаго свойства по этой именно причинѣ. Относительно права быть выбраннымъ изслѣдователи вопроса объ акціонерныхъ компаніяхъ все болѣе и болѣе приходятъ къ заключенію, что оно можетъ быть распространено за предѣлы личнаго состава акціонеровъ, т. е. что могутъ быть избираемы и посторонні лица [1]). *Право на участіе въ полученіи прибылей, которыя получаетъ компанія* естественно вытекаетъ изъ цѣли акціонерной компаніи, если цѣль эта заключается въ добываніи прибытка акціонерамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нашего опредѣленія видно, что доля прибыли (дивидендъ) можетъ быть выдаваема акціонерамъ только изъ суммы приращенія къ постоянному (акціонерному) капиталу, а не изъ самаго капитала, въ постоянствѣ котораго заключается одна изъ характеристическихъ чертъ всѣхъ акціонерныхъ компаній. Слѣдовательно не во всѣхъ акціонерныхъ компаніяхъ акціонеры имѣютъ право на участіе въ полученіи прибылей, такъ какъ не всѣ онѣ имѣютъ цѣлью добываніе прибыли [2]), а потому никакъ нельзя согласиться съ *Штейномъ* [3]), что исключительная цѣль всѣхъ акціонерныхъ компаній заключается только въ добываніи прибытка акціонерамъ. — *Опредѣленная фирма необходима для каждой акціонерной компаніи* съ какою-бы цѣлью она не была учреждена, потому что, представляя собою безличное предпріятіе, акціонерная компанія можетъ дѣйствовать только отъ своего имени, въ чемъ и выражается въ особенности ея безличность, анонимность. *Фирма эта должна быть безличная*, что и достигается тѣмъ, что въ нее не допускается включать имена и фамиліи, или фирмы членовъ компаніи; чаще же всего въ фирмѣ выражаются предпріятіе компаніи и центръ ея дѣятельности, напримѣръ — Кіевскій Промышленный Банкъ, Kleinmünchner Baumwoll-Spinnereien und mechanischen Weberei и т. п. [4]). Дозволеніе включать въ фирму имена высокопоставленныхъ

---

[1]) *Hecht*. Börsen- u. Actienwesen. S. 90. *Bédarride*. Commentaire p. 204.

[2]) *Renaud*. S. 195. *Schulze-Delitsch*, Gesetzgebung über Erwerbs- u. Wirthschaftsgenossenschaften. 1869. S. 11, 12. *Auerbach*. Das Gesellschaftswesen in juristischer u. volkswirthschaftlicher Hinsicht, unter besonderer Berücksichtigung des allgemeinen deutschen Handelsgesetzbuchs. Frankfurt a. Main. 1861. S. 27. *Molle*. S. 20. *Вреденъ*, 43. *Böhmert*. Der Socialismus u. die Arbeitsfrage. *Huger*. Описаніе cités ouvrières въ Reise-Briefe, I. S. 342—355. *Engel*. Der Arbeitsvertrag... *Parisius*. S. 120.

[3]) *Stein*, L. Vereinswesen. S. 137.

[4]) Тернеръ, 22.

лицъ, какъ это въ особенности въ обычаѣ въ Австріи, слѣдуетъ разсматривать какъ ошибку весьма вредную по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ имена эти легко могутъ ввести въ заблужденіе необразованный или малообразованный классъ общества, члены котораго могутъ усмотрѣть въ этихъ именахъ гарантію солидности предпріятія [1]); на этомъ же основаніи не слѣдуетъ дозволять включеніе въ фирму такихъ прилагательныхъ, каковы Kaiserlich-Königliche, privilegirte и т. п., которыя также, не имѣя никакого реальнаго значенія, принимаются однако неопытными людьми, какъ доказательство прочности дѣла. Необходимость устава для каждой акціонерной компаніи вытекаетъ изъ того соображенія, что акціонерная компанія есть общественное, а не частное учрежденіе, а потому она должна быть нормирована въ своей дѣятельности какъ въ отношеніи къ собственнымъ своимъ членамъ, такъ и въ отношеніи къ третьимъ лицамъ [2]). При этомъ однѣ изъ этихъ нормъ должны быть общія для всѣхъ акціонерныхъ компаній и могутъ быть выражены въ общемъ нормальномъ уставѣ [3]), или-же въ особомъ формулярѣ для извѣстной категоріи акціонерныхъ компаній, другія-же нормы имѣютъ спеціальное значеніе и излагаются въ особомъ, спеціальномъ уставѣ каждой акціонерной компаніи [4]). Каждое лице, пріобрѣтая акцію, пріобрѣтаетъ не только права, но и обязанность подчиниться уставу компаніи. Наконецъ, къ числу фундаментальныхъ, основныхъ чертъ акціонерныхъ компаній слѣдуетъ отнести *публичность*, гласность. Акціонерная компанія есть общественное, а не частное учрежденіе; съ дѣятельностью акціонерной компаніи связаны интересы не одного лица, а цѣлой совокупности лицъ и даже цѣлаго государства, вслѣдствіе чего дѣятельность акціонерной компаніи должна быть публичная, гласная, тѣмъ болѣе что безъ широкаго примѣненія начала гласности немыслимъ правильный контроль, немыслимо устранить тѣ

---

[1]) *Renaud.* S. 126; Statuten der K. K. priv. öster. Vereinsbank. Wien. Stat. der Berglourt-G. Wilhelmina Victoria. Stat der K. K. priv. galizischen Karl-Ludwig-Eisenbahn. Stat. der Bank des Recliner Cassen-Vereins. 1850.

[2]) *Kuntze* въ Critischen Vierteljahrschrift. B. VI. S. 82.

[3]) *Perrot.* Der Bank-, Börsen- u. Actienschwindel. Rostock. 1873, 74, 76, B. IV. S. 122.

Hecht. Börsen- u. Actienwesen S. 46.

Gutachten der Handelskammer zu Bremen.

— der Stettiner Kaufmannschaft.

[4]) Ср. Сборн. Госуд. Знаній. Т. II, ст. Скуратова, 458.

Gutachten der Stettiner Kaufmannschaft.

вопіющія злоупотребленія, которыя обнаружила акціонерная практика, низведшая гласность до пустой формальности, неимѣющей никакого практическаго значенія.

Указанныя характеристическія черты акціонерныхъ компаній даютъ возможность опредѣлить какъ *положительныя*, такъ *и отрицательныя свойства этой формы союза одиночныхъ лицъ*. Къ положительнымъ свойствамъ акціонерныхъ компаній слѣдуетъ отнести: 1) возможность учреждать большія предпріятія съ малымъ рискомъ участниковъ, 2) возможность образовывать большіе капиталы изъ незначительныхъ средствъ празднолежавшихъ, 3) отсутствіе зависимости капитала предпріятія отъ колебанія численнаго и личнаго состава акціонеровъ, 4) постоянство акціонернаго капитала, дающаго возможность замѣнить въ акціонерныхъ компаніяхъ личный кредитъ вещнымъ, реальнымъ, 5) легкость вступленія и выхода изъ числа акціонеровъ, вслѣдствіе чего облегчена возможность временнаго помѣщенія капитала, 6) опредѣленность риска, 7) воспитательное значеніе, 8) соціальное значеніе [1]) и 9) способность служить органами полиціи [2]). Отрицательныя свойства акціонерныхъ компаній, выяснившіяся изъ практики акціонернаго дѣла, заключаются въ томъ: 1) что ограниченная отвѣтственность акціонеровъ ослабляетъ ихъ вниманіе къ контролю надъ управленіемъ, вслѣдствіе чего древне-германская поговорка «wer die Augen nicht aufthut, muss den Beutel aufthun» (кто не открываетъ глаза долженъ открывать кошелекъ) находитъ себѣ частое примѣненіе; 2) большіе, крупные капиталисты часто эксплоатируютъ мелкихъ капиталистовъ, становясь во главѣ управленія; 3) вслѣдствіе разбросанности акціонеровъ рѣдко осуществляется полное представительство въ общихъ собраніяхъ; 4) колебаніе цѣны акцій на рынкѣ содѣйствуетъ развитію спекуляціи, усиливаетъ ажіотажъ; 5) образованіе огромныхъ капиталовъ способствуетъ развитію монополій; 6) легкость образованія капитала вызываетъ легкомысленныя предпріятія, основанныя на примѣненіи начала «les affaires c'est l'argent des autres»; 7) банкротство акціонерныхъ компаній отражается особенно гибельно на среднихъ классахъ общества; 8) слабая связь между организмомъ акціонерной компаніи и органами управленія

---

[1]) *Auerbach*, Das Actienwesen S. 27, 73.

[2]) *Auerbach*, Das Gesellschaftswesen S. 193, 355.
Stein, Vereinswesen S. 134. *Mohl*, Polizeiwissenschaft § 125.

и 9) злоупотребленія учредителей [1]). Какъ достоинства эти, такъ и недостатки, выразившіеся, съ одной стороны, въ возникновеніи громадныхъ предпріятій съ колоссальными капиталами, а, съ другой стороны — въ крайнемъ развитіи спекуляціи и въ увеличеніи числа и суммы банкротствъ, были причиной тому, что мнѣнія о пользѣ и вредѣ акціонерныхъ компаній вообще очень различны; такъ, одни считаютъ акціонерныя компаніи безусловно вредными [2]), другіе находятъ необходимымъ ограничить область дѣятельности ихъ, третьи, [3]) наоборотъ, предлагаютъ расширить эту область (1—193, 194) и, наконецъ, четвертые считаютъ необходимымъ подвергнуть общей или частной реформѣ законодательство объ акціонерныхъ компаніяхъ; такъ, напримѣръ, *Ауербахъ* (3 — 25) говоритъ: какъ мудрый образъ жизни служитъ къ поддержанію естественнаго организма и по возможности предохраняетъ болѣзненныя состоянія, такъ разумное законодательство можетъ установить какъ бы физіологическія правила, выполненіе которыхъ содѣйствуетъ по возможности удаленію болѣзненныя состоянія отъ гражданскаго общества.

Изъ подробнаго анализа нашего опредѣленія видно, что акціонерныя компаніи нельзя причислить ни къ корпораціямъ (учрежденіямъ), ни къ товариществамъ, такъ какъ онѣ по своимъ характеристическимъ чертамъ соотвѣтствуютъ только второй основной формѣ союзовъ, т. е. *обществамъ*. Онѣ не являются продуктомъ правительственной дѣятельности и не служатъ переходною ступенью отъ политическихъ къ общественнымъ союзамъ; въ то же время онѣ не основаны ни на личной, ни на имущественной круговой порукѣ и ограничиваются достиженіемъ одной только опредѣленной, постоянной или конечной цѣли.

Какъ на *переходныя формы* отъ *акціонерныхъ компаній* къ учрежденіямъ и къ товариществамъ, можно указать, съ одной стороны, на, такъ называемыя, гарантированныя, корпоративныя акціонерныя компаніи, каковъ, напримѣръ, англійскій акціонерный университетъ,—такія акціонерныя компаніи слѣдуетъ называть *акціонерными учрежденіями* или *акціонерными корпораціями;* съ другой стороны — можно указать на коммандиты на

---

[1]) *Auerbach*, Das Gesellschaftswesen S. 196—205; *Mohl* § 21; *Hecht*, Börsen- u. Actienwesen.

[2]) *Perrot*, *Niendorf* Gründergeschichten.

[3]) *Hecht*, стр. XI.

акціяхъ, которые правильнѣе назвать *акціонерными товариществами*, такъ какъ въ нихъ заключается смѣшеніе элементовъ акціонерной компаніи и товарищества. Такимъ образомъ акціонерныя компаніи, принадлежа къ той основной формѣ союзовъ, которая называется *обществомъ*, распадаются на три группы: собственно акціонерныя компаніи, акціонерныя корпораціи и акціонерныя товарищества.

Дѣленіе акціонерныхъ компаній *по формѣ* на собственно акціонерныя компаніи, акціонерныя корпораціи и акціонерныя учрежденія отчасти совпадаетъ съ раздѣленіемъ акціонерныхъ компаній *по цѣли* на хозяйственныя, культурныя и культурно-хозяйственныя. Хозяйственныя акціонерныя компаніи, какъ мы указали уже выше, имѣютъ задачей добывать прибытокъ своимъ акціонерамъ, причемъ онѣ нерѣдко имѣютъ значеніе благоустройственное, наиболѣе же соотвѣтствующія имъ формы акціонерной компаніи суть собственно акціонерная компанія въ тѣсномъ смыслѣ и акціонерное товарищество. Культурныя акціонерныя компаніи, устраняя разсчетъ на прибыль акціонеровъ, основываются на образованіи бо̀льшаго или меньшаго капитала для какого нибудь общеполезнаго учрежденія, какъ, напримѣръ, мы видимъ это въ гейдельбергскомъ музеѣ [1]); такія компаніи имѣютъ нерѣдко значеніе мѣры безопасности, и наиболѣе соотвѣтствующая имъ форма акціонерной компаніи есть акціонерная корпорація. Культурно-хозяйственныя акціонерныя компаніи представляютъ сочетаніе первыхъ двухъ и потому въ нихъ, хотя стремленіе къ выгодѣ акціонеровъ не устранено, но стремленіе это поставлено въ правильное соотношеніе съ соотвѣтствующею предпріятію культурною цѣлью, какъ, напримѣръ, мы видимъ это въ желѣзно-дорожныхъ акціонерныхъ компаніяхъ, акціонерныхъ театрахъ, библіотекахъ и т. п. Эти компаніи имѣютъ чаще всего значеніе вполнѣ полицейское, какъ мѣры благоустройства и безопасности, и наиболѣе соотвѣтствующія имъ формы — это акціонерныя компаніи и акціонерныя корпораціи.

Практика представляетъ чрезвычайное разнообразіе въ примѣненіи формы *акціонерныхъ корпорацій* къ цѣлой массѣ предпріятій, имѣющихъ общественно-государственное значеніе, но законодательство и теорія какъ бы игнорировали совершенно эту

---

[1]) *Auerbach*. S. 194; Entwurf des Geschäftsreglements der A. G. in Heidelberg. *Huger*; *Böhmert*; *Engel*. Der Arbeitsvertrag.

форму, хотя, не будучи въ состояніи отнестись совершенно безучастно къ требованіямъ практической жизни, наводняли кодексы, отдѣльные уставы, или изслѣдованія и монографіи цѣлой массой исключеній, которыя были результатомъ особаго характера этой формы акціонерныхъ компаній. Въ этомъ случаѣ, говорится обыкновенно, съ одной стороны, объ особыхъ правахъ или обязанностяхъ этихъ компаній, съ другой же стороны — объ особыхъ полицейскихъ мѣрахъ въ отношеніи къ нимъ, въ видѣ, напримѣръ, усиленнаго правительственнаго надзора, болѣе строгой отчетности и т. п., иногда говорится даже объ участіи правительства въ управленіи компаніей, объ особомъ подчиненіи какому-нибудь министерству и т. п. Но весь этотъ рядъ исключеній не представляетъ нигдѣ стройнаго цѣлаго и на практикѣ, имѣя характеръ чего-то случайнаго и произвольнаго, часто ведетъ къ тому, что акціонерныя компаніи, не долженствующія имѣть по своей цѣли ничего общаго съ акціонерными учрежденіями, получаютъ однако возможность включать въ свои уставы постановленія, свойственныя только послѣднимъ, вслѣдствіе чего нерѣдко возникаютъ монопольныя, или привиллегированныя акціонерныя компаніи въ такихъ областяхъ дѣятельности, которыя должны были бы быть предоставлены свободной конкуренціи, равно какъ нерѣдко правительства, примѣняя концессіонную систему, обусловливаютъ возникновеніе и жизнь всѣхъ акціонерныхъ компаній такими требованіями, которыя могли бы быть умѣстны только въ отношеніи къ акціонернымъ учрежденіямъ. До сихъ поръ сдѣланы были только слабыя попытки къ выдѣленію акціонерныхъ корпорацій (учрежденій) изъ общей формы акціонерныхъ компаній.

Подобно тому какъ акціонерныя корпораціи вызваны къ жизни необходимостью и пользой привлеченія акціонерныхъ компаній къ участію въ управленіи, такъ и *акціонерныя товарищества*, сбивчиво называемыя коммандитами на акціяхъ, обязаны своимъ происхожденіемъ необходимости усиленія начала имущественной отвѣтственности, въ видахъ содѣйствія предпріимчивости — съ одной стороны и защиты отъ опасности чрезмѣрнаго риска — съ другой [1]). Впрочемъ въ историческомъ ходѣ развитія формъ акціонерныхъ компаній только позднѣе эти причины

---

[1]) *Molle*. S. 168; *Auerbach*. Actienwesen. S. 4, 28; *Вреденъ*. 51; *Auerbach*, Gesellschaftswesen. S. 179—183.

послужили основаніемъ къ признанію за этой формой права на бытіе, первоначально же, есть основаніе думать, что форма эта выработалась прежде собственно-акціонерныхъ компаній изъ товариществъ на вѣрѣ подобно тому, какъ акціонерныя учрежденія возникли также раньше собственно-акціонерныхъ компаній. Первыя акціонерныя компаніи были, если не по цѣли, то по формѣ акціонерными товариществами, или же акціонерными корпораціями, а не собственно — акціонерными компаніями. Акціонерныя товарищества выдѣлены и въ теоріи и въ законодательствѣ изъ общей формы акціонерныхъ компаній и имѣютъ многихъ сторонниковъ и противниковъ, до сихъ поръ не рѣшившихъ между собою споръ [1].

Какъ на общее всѣмъ перечисленнымъ формамъ акціонерныхъ компаній слѣдуетъ указать на акцію, капиталъ; ограниченную имущественную отвѣтственность и самоуправленіе, различіе же выражается въ цѣли, причемъ различіе это столь существенно, что оно накладываетъ свою глубокую печать на характеръ законоположеній, нормирующихъ три категоріи акціонерныхъ компаній. Вслѣдствіе этого *право акціонерныхъ компаній* логически распадается на общую и особенную части такъ, что въ общую часть входятъ постановленія общія для всѣхъ трехъ категорій, въ особенную же часть входятъ только спеціальныя черты, свойственныя каждой категоріи, отдѣльно взятой, въ связи съ спеціальными чертами переходныхъ формъ отъ акціонерныхъ компаній, какъ обществъ, къ товариществамъ и къ корпораціямъ. Послѣднее тѣмъ болѣе необходимо, что только при соблюденіи этого условія будетъ найдена достаточная гарантія тому, что въ жизнь не будутъ проникать такія акціонерныя компаніи, которыя, нося только это названіе, не будутъ заключать въ себѣ основныхъ характеристическихъ чертъ этой формы союзовъ; таковы, напримѣръ, акціонерныя компаніи съ непостояннымъ капиталомъ, или же съ неопредѣленною цѣлью, или съ наслѣдственнымъ управленіемъ и т. п. Тогда сдѣлаются также невозможными такія акціонерныя компаніи, которыя имѣютъ форму, несоотвѣтствующую цѣли, и пользуются такими правами, которыя открываютъ этимъ компаніямъ путь къ крупной наживѣ на чужой счетъ, какъ, напримѣръ, это особенно часто встрѣчалось въ Австріи въ періодъ разгара тамъ акціонерной горячки, когда

[1]) *Тернеръ*, стр. 31; *Вреденъ*, с. 27; *Troplong*. 52; *Auerbach*. Gesellschaftswesen S. 179, 180; *Endemann*. Handelsrecht. S. 347; *Stein*. Vereinswesen. S. 67.

исключительныя права, свойственныя только акціонернымъ корпораціямъ, сообщались нѣкоторымъ акціонернымъ компаніямъ, или товариществамъ на акціяхъ во вредъ общему интересу и даже государству.

Такимъ образомъ достигнута будетъ первая изъ *основныхъ задачъ законодательства,* которая, какъ мы указали выше, заключается въ томъ, чтобы не допускать такія формы союзовъ, въ которыхъ уравновѣшиваются характеристическія черты двухъ основныхъ формъ, или въ которыхъ заключается смѣшеніе даже трехъ формъ. Далѣе, различая акціонерныя компаніи по цѣли, законодательство должно будетъ снабдить ихъ соотвѣтствующею цѣли властью, дабы обезпечить за каждой формой акціонерныхъ компаній ту реальную пользу, которую онѣ могутъ приносить своею дѣятельностью. Въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, акціонерныя компаніи, добывающія прибытокъ для своихъ акціонеровъ, нуждаются во власти иного рода, чѣмъ акціонерныя компаніи, преслѣдующія культурныя цѣли, равно какъ и культурно-хозяйственныя акціонерныя компаніи потребуютъ также особыхъ нормъ въ этой области. Эта задача законодательства въ высшей степени важная и въ отношеніи къ ней-то и грѣшатъ въ особенности, часто допуская полное несоотвѣтствіе между цѣлью и средствами. Кромѣ того, въ область этого вопроса входитъ вопросъ объ опредѣленіи предпріятій, которымъ свойственна акціонерная форма вообще; при этомъ въ особенности должны принять въ соображеніе, что полную свободу въ выборѣ цѣли можно было бы допустить только тогда, когда къ акціонернымъ компаніямъ возможно было примѣненіе начала полной имущественной, солидарной отвѣтственности. Тогда достигнута будетъ вторая задача законодательства, заключающаяся въ нормированіи акціонерныхъ компаній согласно характеру и значенію преслѣдуемыхъ ими цѣлей. Наконецъ, третья основная задача законодательства, какъ мы указали уже выше, заключается, съ одной стороны, въ необходимости защищать союзы отъ посягательствъ на нихъ извнѣ, съ другой стороны — оно должно защитить также постороннихъ отъ зла, которое можетъ причинить имъ возникающій или возникшій уже союзъ. Согласно съ этимъ, въ отношеніи къ акціонернымъ компаніямъ, принявъ въ основаніе три категоріи ихъ, законодательство неизбѣжно должно будетъ различить нормы, касающіяся каждой изъ этихъ категорій въ отдѣльности. Акціонерныя компаніи, добывающія барышъ для своихъ

акціонеровъ, заключаютъ въ себѣ больше элементовъ опасности *отъ нихъ,* чѣмъ для *нихъ*, такъ какъ въ основаніи этихъ акціонерныхъ компаній лежитъ принципъ эгоистическій, преслѣдованіе собственной выгоды, поэтому въ данномъ случаѣ преимущественное вниманіе законодательства должно быть обращено на защиту постороннихъ отъ посягательствъ на нихъ со стороны этой категоріи акціонерныхъ компаній и на защиту акціонеровъ отъ опасности, угрожающей имъ не извнѣ, а изнутри. Такъ какъ добываніе барыша, какъ исключительная цѣль, особенно свойственна акціонернымъ товариществамъ, то вышесказанное и относится въ особенности къ этой формѣ акціонерныхъ компаній [1]). Акціонерныя компаніи, преслѣдующія культурныя цѣли, подвергаются сами бóльшей опасности, чѣмъ угрожаютъ ею другимъ, а потому въ отношеніи къ нимъ преимущественная задача законодательства должна заключаться въ огражденіи этихъ компаній отъ посягательствъ извнѣ. Культурныя цѣли, какъ указано было выше, свойственны акціонернымъ корпораціямъ, а потому сказанное относится въ особенности къ нимъ. Въ культурно-хозяйственныхъ акціонерныхъ компаніяхъ заключается какъ бы сочетаніе всѣхъ этихъ видовъ опасности и въ отношеніи къ нимъ законодательство должно обратить особенное вниманіе на то, чтобы въ нихъ культурная цѣль не служила маской своекорыстію и чтобы интересы компаніи или самого предпріятія не приносились въ жертву стремленію къ скорой наживѣ со стороны лицъ, захватившихъ управленіе въ свои руки. На основаніи вышеизложеннаго въ этотъ отдѣлъ, очевидно, должны войти столь существенные вопросы, каковы вопросъ о границахъ и формахъ кредита акціонерныхъ компаній, вопросъ объ отвѣтственности учредителей, повѣрочнаго совѣта и правленія, вопросъ о порядкѣ взноса акціонернаго капитала и т. п.

Акціонерная форма въ современномъ ея значеніи выработалась постепенно изъ различныхъ формъ соединенія нѣсколькихъ лицъ съ ихъ капиталами для какого-нибудь общаго предпріятія, причемъ торговые интересы въ особенности содѣйствовали развитію акціонерной формы, хотя, какъ указалъ опытъ, для торговыхъ цѣлей акціонерная форма наименѣе пригодна [2]).

---

[1]) Ср. *Auerbach.* Gesellschaftswesen. S. 408—416 и *Perrot.* Der Kampf gegen die Ausbeutung des Publicums. S. 138.

[2]) *Вреденъ,* стр. 43; *Тернеръ.* Сравнительное обозр. акц. законод., стр. 26. *Rau.* Grundsätze der Volkswirthschaftspolitik, § 279.

Какъ на одну изъ древнѣйшихъ переходныхъ формъ къ акціонернымъ компаніямъ указываютъ на societas vectigalium publicorum древняго Рима, въ основаніи которыхъ лежала отдача въ аренду государственныхъ доходовъ [1]), на основаніи договоровъ, называвшихся locationes или venditiones, и заключавшихся на 3, 5 или 100 лѣтъ съ однимъ или съ нѣсколькими лицами, которые несли неограниченную имущественную отвѣтственность предъ государствомъ и вносили впередъ опредѣленный залогъ (praedes, subsignatio praediarum). Лицо или лица, заключавшія такой договоръ съ государствомъ, составляли обыкновенно товарищество въ видахъ образованія необходимыхъ средствъ для веденія столь крупнаго предпріятія. Въ составъ товарищества входили полные товарищи, несшіе полную отвѣтственность (socii, sociiargentarii), и вкладчики, отвѣчавшіе только суммою вклада (affines). Во главѣ товарищества стоялъ директоръ (magister), имѣвшій въ провинціяхъ вице-директоровъ (promagistri) и цѣлый персоналъ подчиненныхъ должностныхъ лицъ. Какъ эти основныя, такъ и другія, второстепенныя черты этой формы общенія для достиженія общей, опредѣленной цѣли, указываютъ на то, что societates vectigalium publicorum представляли уже болѣе сложную форму, чѣмъ societates privatae, и по основному характеру своему онѣ стоятъ довольно близко къ современнымъ коммандитнымъ товариществамъ [2]), но мало сходства имѣютъ съ собственно-акціонерными, тѣмъ болѣе что существеннѣйшей черты послѣднихъ, т. е. акціи, не было еще и въ зародышѣ, равно какъ и отчуждаемость долей участія историческими источниками скорѣе опровергается, чѣмъ подтверждается Рено (S. 7), хотя *Гольдшмидтъ* держится противнаго мнѣнія, а потому эта форма не могла вызвать потребности въ какихъ либо новыхъ, спеціальныхъ, законодательныхъ нормахъ, которыя поставили бы ее совершенно внѣ области понятія о societates privatae.

Еще ближе къ коммандитному товариществу, основанному на различіи между полными и долевыми участниками была commenda или commandita 11-го столѣтія, получившая особенное развитіе въ 13 и 14 столѣтіяхъ, въ такъ называемыхъ, com-

---

[1]) *Stein*. Vereinswesen. S. 185. *Fick*. Ueber Begriff und Geschichte des Actienwesens въ Z. f. d. ges. Hrcht. B. V. 1862. S. 23. *Endemann*. Handelsrecht. S. 273—275.

[2]) *Goldschmidt*. Лекціи, читанныя имъ въ Берлинскомъ университетѣ въ зимній семестръ 1876—77 г.

munitates, societates, или colonnae и основанная на томъ, что нѣкоторыя лица отдавали для спекуляціи свои деньги, или товары, или трудъ по оцѣнкѣ капитану какого нибудь, отправляющагося въ плаваніе корабля, вслѣдствіе чего образовывался общій фондъ (columna communis), въ которомъ участники дѣлились на socii, дававшіе деньги или товары, и на nautae, дававшіе свой трудъ [1]).

Ясно, что во всѣхъ этихъ формахъ господствовали исключительно частноправный характеръ и совершенно частный интересъ; а потому, для выработки изъ нихъ современной формы акціонерныхъ компаній. недоставало существеннаго элемента, выражающагося въ понятіи объ акціи, посредствомъ которой частный интересъ служитъ какъ средство для цѣлей общественныхъ такъ, что единичное лице съ своими эгоистическими инстинктами превращается въ орудіе къ достиженію общеполезныхъ цѣлей. Этотъ шагъ сдѣланъ былъ развитіемъ такъ называемыхъ, германскихъ Gewerkschaften [2]), возникшихъ въ 12-мъ столѣтіи и основанныхъ на томъ, чтобы подчинить интересы единичныхъ лицъ интересамъ сословнымъ, причемъ доли участія въ этихъ Gewerkschaften были отчуждаемы, имѣли рыночную цѣну, но не было еще понятія объ акціи, равно какъ и имущественная отвѣтственность членовъ могла превышать размѣръ сдѣланнаго вклада. Отсюда переходъ къ акціонерной формѣ представляется не только возможнымъ, но даже логически какъ бы необходимымъ, а потому въ началѣ XV стол., въ 1407 г., появляется уже первая акціонерная компанія, отличавшаяся отъ современныхъ акціонерныхъ компаній только нѣкоторыми частностями, но не въ существенныхъ чертахъ, хотя нѣкоторые относятъ возникновеніе 1-ой акціонерной компаніи къ 1602 г., когда основана была голландско-остъиндская торговая компанія [3]) Компаніей этой былъ Генуезскій Банкъ (banca di San Giorgio).

Въ основаніи Генуэзскаго банка, первоначально учрежденнаго въ 1345 г., а по другимъ источникамъ—въ 1371 г. [4]), положены были слѣдующія начала: лица, у которыхъ Генуя заключила заемъ, обезпечивъ погашеніе его частью своихъ до-

---

[1]) *Renaud.* S. 12. *Fick.* S. 33.
[2]) *Stein.* Vereinswesen. S. 77; *Renaud.* S. 9.
[3]) *Beer.* Allg. Geschichte des Welthandels. S. 181; *Endemann.* Handelsrecht. S. 278. *Fick.* S. 43.
[4]) *Fick.* S. 40.

ходовъ, образовали изъ себя компанію (comperae regiminis Sancti Georgii); капиталъ этой компаніи, т. е. ссуда, выданная Генуѣ, раздѣленъ былъ на равныя 20,400 долей (loca или luoghi comperarum Banchi S. Georgii civitatis Genuae), которыя были отчуждаемы. Компаніи этой предоставлено было право взимать доходы, предназначенные государствомъ въ уплату своимъ кредиторамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ей предоставлено было право заниматься банковыми операціями: принимать вклады, учитывать векселя, выпускать билеты. Управленіе было выборное и органами его были Общее Собраніе (consiglio generale) и Правленіе [1]. По образцу Генуезскаго банка учрежденъ былъ Лондонскій банкъ *Патерсóна* въ 1694 г. и банкъ Лау во Франціи [2].

Начала, положенныя въ основаніи генуезскаго банка, были какъ бы подготовлены еще прежде появившимися въ Италіи, такъ называемыми montes, которыя *Scaccia* описываетъ какъ usitatum genus, praesertim Romae. Одна изъ такихъ mons преобразилась въ 1347 г. въ компаніи колонизаціи острова Хіоса. Существенныя черты этихъ montes заключались въ томъ, что нѣсколько лицъ соединяли свои капиталы для ссуды государству (mons), пріобрѣтая для погашенія этой ссуды право на полученіе соотвѣтствующей части государственныхъ доходовъ [3].

Такимъ образомъ начало акціонерному дѣлу положено было въ *Италіи*, но развитіе акціонерной формы послѣдовало въ *Голландіи*, въ которой вслѣдъ за основаніемъ 20 марта 1602 года Голландско-Остъ-Индской компаніи [4] учрежденъ былъ цѣлый рядъ акціонерныхъ компаній, между которыми особенно замѣчательна Голландско-Остъ-Индская компанія 1621 г. О Голландско-Остъ-Индской компаніи Савари (стр. 1381) говоритъ: нельзя себѣ представить ничего болѣе разумно и осторожно обдуманнаго, какъ полиція и дисциплина, съ которыми все устроено въ этой компаніи. Къ 1634 г. въ Голландіи успѣли даже обнаружиться симптомы сильной акціонерной горячки въ формѣ такъ называемой ***тульпоманіи***, — отъ слова tulpe, что означало образно акцію, такъ какъ страсть къ оборотамъ акціями походила на страсть къ тор-

---

[1] *Писемскій.* Акціонерныя компаніи съ точки зрѣнія гражданскаго права. Москва. 1876, стр. 8.

[2] *Fick.* S. 41, 42.

[3] *Goldschmidt.* Лекціи...; *Renaud.* S. 24; *Fick.* S. 30; *Endemann.* Handelsrecht. S. 277.

[4] *Fick.* S. 43, а по *Savary* (fils) Dictionnaire universel, p. 1379, во второй половинѣ 16-го столѣтія.

говлѣ луковицами тюльпановъ, которыя впервые введены были въ Голландіи изъ Адріанополя естествоиспытателемъ *Висбекомъ*, послѣ чего въ Голландіи до того развилась страсть къ луковицамъ тюльпановъ, что онѣ сдѣлались предметомъ самой сумашедшей спекуляціи. *Виртъ* [1]) разсказываетъ фактъ, что однажды 120 луковицъ тюльпановъ проданы были за 99 тыс. флориновъ. Савари (стр. 20) говоритъ: торговля акціями одна изъ самыхъ важныхъ на биржѣ Амстердама и другихъ городовъ Голландіи, гдѣ находятся отдѣленія Остъ-индской компаніи; многія лица живутъ и богатѣютъ отъ этой торговли. Что дѣлаетъ эту торговлю столь обыкновенною и часто доходною въ Голландіи, такъ это возможность производить ее безъ большаго капитала, такъ какъ она собственно состоитъ въ постоянной покупкѣ и продажѣ акцій, пріобрѣтаемыхъ при ихъ пониженіи и продаваемыхъ при повышеніи. Онъ говоритъ, что сдѣлки эти совершались обыкновенно при посредничествѣ маклеровъ, и продавецъ, дѣлая передачу (transport), подписывалъ квитанцію въ присутствіи одного изъ директоровъ компаніи, который приказывалъ секретарю регистрировать эту передачу; маклеръ за посредничество получалъ 5 флориновъ съ акціи въ 500 ливровъ. Горячкой акціонерной спекуляціи охвачены были представители всѣхъ классовъ общества; большая часть изъ спекулянтовъ оканчивали раззореніемъ, обогащая только немногихъ избранныхъ. Постоянное и быстрое повышеніе и пониженіе цѣны акцій, благодаря искусственно измѣнявшемуся спросу и предложенію этого товара, питало биржевую спекуляцію, доведя ажіотажъ до колоссальныхъ размѣровъ, и поощряло къ учрежденію акціонерныхъ компаній, тѣмъ болѣе что учредительство было чрезвычайно облегчено тѣмъ, что первый взносъ акціонеровъ рѣдко превышалъ 12% номинальной цѣны акцій, компанія же тѣмъ не менѣе считалась состоявшеюся.

Акціонерная спекуляція, обнаружившаяся въ Голландіи въ тридцатыхъ годахъ 17 столѣтія, временно прекратилась, вслѣдствіе многочисленныхъ банкротствъ, вызванныхъ ею, но она возобновилась еще съ большею силою въ началѣ 18-го столѣтія, когда въ теченіи одного какого-нибудь мѣсяца учреждалось по 30 акціонерныхъ компаній, причемъ достойно замѣчанія, что всѣ эти компаніи имѣли преимущественно торговую цѣль, т. е. такую

---

[1]) Geschichte der Handelskrisen S. 119.

цѣль, для которой акціонерная форма наименѣе пригодна [1]). Голландскія торговыя компаніи учреждались на основаніи lettres d'octroi и пользовались цѣлой массой привиллегій, монополій, политическихъ правъ и т. п, ясно указывая этимъ на то, что акціонерныя корпораціи, подобно акціонернымъ товариществамъ, предшествовали въ историческомъ развитіи собственно акціонернымъ компаніямъ. Да оно и не могло быть иначе, такъ какъ въ то время, при развитіи понятій о корпораціи и о товариществѣ, понятіе объ обществѣ, включающемъ въ себѣ и понятіе о компаніи, не было еще развито, а потому образованію новой основной формы должны были предшествовать формы переходныя, къ которымъ, въ области акціонерныхъ компаній, слѣдуетъ причислить акціонерныя корпораціи и акціонерныя товарищества (коммандиты на акціяхъ): какъ societas vectigalium publicorum, commenda или commandita и montes имѣли характеръ акціонерныхъ товариществъ, служа переходной формой отъ товариществъ къ собственно акціонернымъ компаніямъ, такъ первыя акціонерныя торговыя компаніи имѣли характеръ акціонерныхъ корпорацій, служа переходной формой отъ корпорацій къ собственно акціонернымъ компаніямъ.

Кромѣ поименованныхъ выше Остъ-Индской и Вестъ-Индской торговыхъ компаній, какъ на крупныя и древнѣйшія голландскія акціонерныя компаніи можно указать еще на Суринамскую, Сѣверную и Левантскую компаніи. Нѣкоторыя голландскія компаніи ставили себѣ задачей рыболовство [2]).

За Голландіей, держась хронологическаго порядка, слѣдуетъ *Англія* [3]), хотя Тролонъ (p. 24) уподобляетъ акціонерной формѣ нѣкоторыя товарищества, существовавшія въ Тулузѣ и въ Сѣв. Франціи уже въ 12-мъ столѣтіи. Акціонерныя компаніи появляются въ Англіи въ концѣ 16-го и въ началѣ 17-го столѣтій и первою изъ нихъ была знаменитая Англо-Остъ-Индская компанія, учрежденная въ 1613 г., а по Савари въ 1625 г. для торговыхъ цѣлей и снабженная многими привиллегіями и правомъ монополіи. Компанія эта пользовалась судебною властью, имѣла свою полицію и т. п., вообще же она устроена была по образцу голландской торговой компаніи (44). Яковъ II въ первый годъ своего царствованія далъ ей хартію, которою признано было

---

[1]) *Beer*. S. 214.
[2]) *Savary*. 1379—84.
[3]) *Endemann*. Handelsrecht. S. 278. *Fick*. S. 44; *Savary*, p. 1384, 1338.

за компаніей значеніе корпораціи или corps politique, какъ говоритъ Савари, стр. 1486: она имѣла даже право издавать законы и распоряженія, вести войну, заключать миръ и т. п. (Savary, 1387, 388, 1392). Акціи этой компаніи были въ 50 фун. стерл., а впослѣдствіи возвышены были до 100 ф. с., весь-же акціонерный капиталъ равнялся 1,703.422 ф. с.; чтобы быть членомъ компаніи надо было быть природнымъ англичаниномъ и слѣдовало первоначально внести 5 ф. с.; акціи на 500 ф. с. давали право голоса, а чтобы быть директоромъ надо было имѣть акцій не менѣе какъ на 2 тыс. ф. с. Директора выбирались большинствомъ голосовъ. Компанія имѣла четыре главныхъ отдѣленія и нѣсколько конторъ. Въ 1798 году эта компанія соединилась съ другою компаніей.

Учрежденію Англо-Остъ-Индской компаніи предшествовало учрежденіе Англо-Гамбургской торговой компаніи, которая и была самою древнею изъ всѣхъ англійскихъ торговыхъ компаній, но ее нельзя считать за акціонерную, такъ какъ она имѣла характеръ товарищества: пайщики были выборные, могли быть исключаемы по постановленію Общаго Собранія за предосудительное поведеніе и т. п. Savary 1397. Сюда-же слѣдуетъ причислить Англо-Московскую торговую компанію, учрежденную въ 1566 году, Сѣверную и Левантскую компаніи. Въ хартіи Англо-Африканской компаніи сказано было, какъ свидѣтельствуетъ Савари (140), что товарищамъ авантюристамъ будетъ разрѣшено уступать и переносить свои паи въ компаніи въ цѣломъ или по частямъ кому бы они не пожелали подъ условіемъ, чтобы подобная передача была совершена съ соблюденіемъ установленныхъ формальностей; въ компаніи этой принимали участіе королева Португальская, вдова Карла I-го, Дюкъ Іоркскій и др. высокопоставленныя лица. Далѣе Савари (1410 и слѣд.) насчитываетъ еще до 13 компаній, указывая на то, что Южно-Англійская компанія особенно содѣйствовала обогащенію своихъ участниковъ, вслѣдствіе чего, говоритъ онъ, страсть къ компаніямъ и къ акціямъ такъ распространилась въ Англіи со времени огромныхъ состояній, которыя казалось пріобрѣли въ нихъ акціонеры Южной компаніи, что все представлялось удобнымъ для составленія компаній, что и подтверждаетъ онъ указаніемъ на открытіе подписки на акціи слѣдующими компаніями: la Compagnie de la mutuelle Assurance, la nouvelle Compagnie d'Afrique, formée par le Duc de Chandois, который съ своими товарищами купилъ право на

нее за 250000 ф. ст., la Compagnie pour acheter les effets de ceux qui ont fait banqueroute, Compagnie pour la pêche britannique, Compagnie des lames d'épees fin, —une Compagnie pour assurer les maisons contre les accidents du feu, et une autre,—pour assurer la vie des personnes. *Ад. Смитъ* (222) насчитываетъ до 45 подражаній первой Англо-Остъ-Индской компаніи, считая форму ихъ пригодною для банковыхъ и вексельныхъ операцій, для страхованія водяныхъ сообщеній и водопроводовъ.

Не смотря на такое развитіе акціонерныхъ компаній въ Англіи Савари (1389) замѣчаетъ, что сначала продажа и покупка акцій не получила столь широкаго распространенія въ Лондонѣ, какъ въ Голландіи, гдѣ ихъ цѣна часто зависѣла только отъ распространяющихся слуховъ о мирѣ или войнѣ. Когда кто либо покупаетъ акціи, то, условившись въ цѣнѣ съ продавцемъ они идутъ вмѣстѣ къ тому, кто ведетъ книги компаніи и онъ записываетъ въ своей книгѣ, что тогда то такой-то продалъ такому-то столько-то акцій. Но это продолжалось недолго и въ 20-хъ годахъ 18-го столѣтія въ Англіи обнаружились также всѣ признаки акціонерной горячки въ формѣ спекуляціи акціями и самаго безшабашнаго учредительства. (*Fick*. S. 50. *Savary*. 1390. *Wirth*. Geschichte der Handelskrisen 82—117). Въ операціяхъ этихъ принимали участіе представители всѣхъ классовъ общества, въ особенности-же женщины, знатные и духовенство. Такъ, напримѣръ, въ 1720 г. девять англійскихъ перовъ, одинъ ирландскій, два епископа и многіе изъ аристократіи хлопотали о полученіи концессіи на учрежденіе компаніи для покупки въ Великобританіи земель, выдачи пожизненныхъ рентъ страхованія жизни. Учредители собрали по подпискѣ сумму въ 1,200,000 ф. с., но такъ какъ предпріятіе встрѣтило слишкомъ большой отпоръ со стороны Парламента, то учредители купили за 7000 ф. с. старый, еще при Карлѣ II выданный патентъ обществу для поднятія уровня Темзской воды въ Іоркскихъ зданіяхъ и подъ этой фирмой начали свою дѣятельность. Въ другой компаніи президентомъ былъ премьеръ-министръ графъ *Оксфортъ*, учредители-же этой компаніи Лордъ *Болинброкъ*, лэди *Массау* и Артуръ *Муръ* выговорили себѣ право на полученіе $21\,^{1}/_{4}\,\%$ изъ чистой прибыли компаніи, а Донъ Мануэль Манассасъ Гeлиганъ $7\,^{1}/_{2}\,\%$. Двѣ акціонерныхъ страховыхъ компаніи съ капиталомъ въ $1\,^{1}/_{2}$ мил. ф. с. были утверждены съ условіемъ выплатить 300,000 ф. с.

на покрытіе расходовъ по смѣтѣ двора. Въ проспектахъ съ приглашеніемъ къ подпискѣ находили возможнымъ печатать, что компанія учреждается для чрезвычайно выгоднаго предпріятія, сущность котораго будетъ опредѣлена позднѣе. Одна контора открыла подписку на 1 мил. ф. с. безъ указанія на цѣль компаніи и подписка пошла очень успѣшно, вечеромъ-же въ день открытія подписки вывѣшано было объявленіе, что подписчики могутъ явиться за полученіемъ обратно своихъ денегъ, такъ какъ подписка открыта была только съ цѣлью удостовѣриться, много-ли дураковъ на свѣтѣ. Подписывались даже на акціи компаніи для устройства perpetuum mobile. Одинъ шутникъ напечаталъ въ газетахъ, что въ извѣстномъ, вымышленномъ мѣстѣ открыта будетъ въ ближайшій вторникъ подписка на 2 мил. ф. с. для предпріятія, имѣющаго цѣлью растапливать опилки и изъ нихъ лить масло, щели и щепки. Даже принцъ Валлійскій принималъ дѣятельное участіе въ акціонерной спекуляціи, за что и прозванъ былъ Prince Wales Bubble. Колебаніе цѣнъ акцій было такъ велико, что, напримѣръ, акціи компаніи южнаго океана въ промежутокъ времени съ 20 Іюня 1720 г. по Сентябрь того-же года пали съ 1050 ф. с. до 175 ф. Такихъ легкомысленныхъ и недобросовѣстныхъ предпріятій, прозванныхъ, вслѣдствіе легкости съ которою они лопались, мыльными пузырями насчитывается за одинъ годъ до 402-хъ и, не смотря на увѣщанія и предостеженія добросовѣстныхъ людей, въ числѣ которыхъ особенно отличался своимъ энергическимъ порицаніемъ постыдной спекуляціи Archibald Hutcheson, легкомысленная публика не переставала поддаваться на удочку ловкихъ обманщиковъ до тѣхъ поръ, пока 11 Іюня 1720 г. не изданъ былъ парламентомъ знаменитый Bubble-Act, въ которомъ сказано было: the acting or presuming to act as a corporate body, the raising or pretending to raise transferable stock, transferring or pretending to transfer anyshare in such stock without legal authority. Такъ какъ актъ этотъ, запрещавшій основаніе компаній съ ограниченной отвѣтственностью и съ отчуждаемымъ правомъ участія въ предпріятіи, не сдержалъ сразу хищническихъ порывовъ и былъ часто нарушаемъ, то по настоянію компаніи Южнаго океана издано было распоряженіе, усилившее значеніе Bubble-Act'а, и распоряженіе это, извѣстное подъ названіемъ scire facias, вызвало страшную панику въ мірѣ акціонеровъ, учредителей и спекулянтовъ, отразившуюся и на компаніи Южнаго океана. Въ 1734 г. из-

данъ былъ Sir John Barnards Act, запрещавшій спекуляцію акціями и бумагами.

Хотя страсть къ спекуляціи и жажда къ легкой наживѣ часто подкапывались подъ эти законы и часто научали обходить ихъ, тѣмъ не менѣе законы эти оказали свое благотворное дѣйствіе въ томъ отношеніи, что они долгое время удерживали эти порывы въ извѣстныхъ границахъ. Нѣкоторые видятъ даже въ этихъ законахъ основаніе колосальнаго развитія англійской промышленности. Но Bubble-Act отмѣненъ былъ въ 1824 г., вызвавъ въ первый-же годъ послѣ своей отмѣны такое усиленіе учредительской предпріимчивости, что въ теченіи одного года основано было акціонерныхъ компаній на сумму въ 101,690,000 ф. с. [1]), причемъ, какъ это видно изъ прилагаемой таблицы, ажіотажъ также не замедлилъ вступить въ свои права:

Названіе акціонерныхъ компаній.	Цѣна акціи въ ф. с.	Сумма оплаты акцій.	Премія 2 Дек. 1824 г.	2 Янв. 1825 г.
Соединенно-Американская.	40	10	35	155
Реаль дель Монте . . .	400	70	550	1350
Англо-Американская . .	100	10	33	150
Колумбія	100	10	10	82
Буэносъ Айресъ. . . .	100	10	15	45

Въ одномъ только 1825 году искали 438 концессій на учрежденіе акціонерныхъ компаній для пароходства, прорытія каналовъ и постройки желѣзныхъ дорогъ, причемъ выдано 286 концессій, выхлопотанныхъ большею частію путемъ подкупа членовъ Парламента. Къ этому-же въ 1826 г. изданъ былъ банковый актъ, которымъ ограничена была монополія Англійскаго Банка и позволено было учреждать акціонерные банки съ неограниченнымъ числомъ акціонеровъ, но не ближе какъ на разстояніи 65 анг. миль отъ Лондона и безъ филіалій, которыя могъ открывать только Англійскій Банкъ. Результатомъ этого закона было то, что къ концу 1836 года въ Англіи было уже 670 акціонерныхъ банковъ съ 37 тыс. акціонеровъ, причемъ банки эти исчезали съ ужасающею быстротою: такъ, напримѣръ, въ теченіи 6 недѣль 60 банковъ прекратили свои платежи.

Печальное положеніе дѣлъ, выразившееся въ массѣ банкротствъ вызвало законъ 17 іюля 1837 года, а за тѣмъ знаменитый актъ

---

1) *Wirth*, M. Geschichte der Handelskrisen. Frankfurt a. M. 1874 § 168.

Роберта Пиля 1844 г. и регулятивъ, запрещавшій устройство акціонерныхъ банковъ, состоявшихъ болѣе чѣмъ изъ 6 членовъ и вводившій концессіонную систему, солидарную отвѣтственность; акціонерные банки отличены были отъ остальныхъ акціонерныхъ компаній. Актъ *Роберта Пиля* былъ результатомъ его знаменитой трехчасовой рѣчи въ парламентѣ 6-го мая, 1844 года; актъ утвержденъ былъ 14-го іюля, 1844 года. Такимъ образомъ введенъ былъ до извѣстной степени порядокъ въ банковое дѣло, но рядомъ съ этимъ начала развиваться спекуляція въ области желѣзно-дорожнаго дѣла. Въ одномъ 1844 г. построено было 800 анг. миль стоимостью въ 190 мил. гульд.; въ одинъ день, 16-го іюля 1845 г., концессіонировано было 65 желѣзно-дорожныхъ компаній на 600 англ. миль съ капиталомъ въ 13,366,620 ф. ст.; въ ту же сессію парламентъ разсмотрѣлъ 678 концессій, изъ которыхъ разрѣшены были 136 на 1142 миль съ капиталомъ въ 25,895,900,264 г. Въ три года, съ 1844—1847 гг., парламентъ концессіонировалъ акціонерныхъ желѣзнодорожныхъ компаній на сумму въ 2½ милліарда гульденовъ, для окончанія же постройки концессіонированной сѣти требовалась ежегодная затрата 336 мил. гульденовъ [1]). Съ этимъ связано было неизбѣжное колебаніе въ нормальныхъ размѣрахъ курса на акціи, цѣна которыхъ, равняясь, напримѣръ, 100 фунтамъ, поднималась до 250 и въ одинъ день падала до 200. Вмѣстѣ съ тѣмъ торговля и промышленность были въ лихорадочной дѣятельности, кредитъ оказывался въ широчайшихъ размѣрахъ, биржевая игра процвѣтала, единичныя личности пріобрѣтали колоссальныя богатства, раззоряя массу мелкихъ капиталистовъ, роскошь развивалась до баснословныхъ размѣровъ, появилась чрезвычайная дороговизна, число бѣдняковъ увеличилось и затѣмъ — послѣдовалъ общій крахъ!

Крахъ снова разразился надъ Англіей въ 1856 и 1857 гг., подготовленный въ сильной степени войною. По вычисленію *Швебемейера* [2]) въ Англіи до 1843 года было всего 994 акціонерныхъ компаній, въ промежутокъ же времени съ 1844 — 1856 годъ регистрировано было 4409 акціонер-

---

[1]) *Wirth.* S. 264.

[2]) *Schwebemeyer*, C. Das Actiengesellschafts-, Bank- u. Versicherungswesen in England. Berl. 1857. S. 147.

ныхъ компаніи, изъ которыхъ 3084 оказались мертворожденными [1]). Законодательство не могло оставить безъ вниманія столь опасное явленіе, вслѣдствіе чего вся акціонерная политика въ Англіи подверглась радикальной реформѣ въ 1857 году [2]). Но реформу эту нельзя признать удовлетворительною и цѣлесообразною, какъ это видно изъ того факта, что въ теченіи времени съ 1856 по 1868 гг. регистрировано было 6994 акціонерныхъ компаніи, изъ которыхъ 5321 оказались мертворожденными. 1857 и 1858 гг. преизобиловали самыми скандальными процессами, обнаружившими неслыханное мошенничество въ области акціонернаго дѣла, причемъ въ особенности отличился въ этомъ отношеніи Royal British Bank, употребившій при открытіи подписки на акціи всевозможныя ухищренія мошенническаго свойства; вмѣстѣ съ тѣмъ исторія Нортумберлендъ-Дургамскаго банка поколебала вполнѣ, казавшійся до тѣхъ поръ безупречнымъ принципъ солидарной отвѣтственности: при крушеніи этого банка пострадали 407 акціонеровъ съ 55,653 акціями и изъ этихъ 407 акціонеровъ 102 были женщины, 36 вдовъ, остальные же акціонеры на ⅔ были мелочные торговцы, ремесленники, прислуга и т. п. [3]). Новая акціонерная горячка началась не сразу, а постепенно, возрастая послѣ 1860 года и достигши крайняго своего развитія къ 1867 году. Масса промышленныхъ предпріятій обращена была въ акціонерныя компаніи, всѣ начали набрасываться на акціи, обѣщавшія неисчислимыя выгоды, учредители же этихъ компаній выжидали только время, чтобы съ огромною преміей продать оставленныя за собою акціи, а затѣмъ повторилась прежняя исторія краха, поглотившая массу жертвъ. По одному желѣзно-дорожному дѣлу въ одинъ 1867 годъ потеря на акціяхъ, упавшихъ въ цѣнѣ на 2—47%, равнялась 44 ф. с. О степени безобразнаго возрастанія премій на акціи можно судить по слѣдующей таблицѣ, составленной по *Перроту* и *Вирту* [4]):

---

[1]) *Perrot.* Der Bank-, Börsen- u. Actien-Schwindel. IV. S. 62.
[2]) Stat. 19 a 20 Vict. cap. 45; 14 I. 1856, Joint-Stock Companies Act. Stat. 20 a 21 Vict cap. 17; 13 I. 1857; Joint Stock Companies Act. *Güterbock.* Die englischen Actiengesellschaftsgesetze von 1856, 1857. Berl. 1858.
[3]) *Wirth.* S. 366, 453.
[4]) *Perrot.* IV. S. 71; *Wirth.* S. 406.

Годъ.	Число акціонерныхъ компаній.	Весь капиталъ компаній.	Капиталъ предложенный въ подпискѣ.	Оплачено Не считая agio.	Считая agio.
1863	263	100,053,000	78,135,000	8,875,550	—
1864	282	155,887,500	106,523,000	12,545,800	24.229,633
1865	287	106,995,000	75,578,000	2,052,500	21,193,930
1866	—	—	—	—	17,781,509

Крахъ 1865—1867 гг. вызвалъ новую усиленную дѣятельность законодательства [1]). Достоинство новыхъ законодательныхъ нормъ слѣдуетъ подвергнуть сомнѣнію, если принять въ соображеніе, что, напримѣръ, въ 1870 году число регистрированныхъ акціонерныхъ компаній за одинъ этотъ годъ равнялось 584 и изъ этого числа только 196 состоялись съ капиталомъ въ 33,679,000 ф. с.; въ 1872 было учреждено уже 234 акціонерныхъ компаніи съ капиталомъ въ 60,199,000 ф. с., причемъ цѣли, поставленныя въ основаніи многихъ изъ этихъ компаній никакъ не отличались солидностью и сильно напоминали собою время мыльныхъ пузырей, такъ что *Перротъ* [2]) не безъ основанія предсказываетъ въ близкомъ будущемъ новый акціонерный крахъ или кризисъ въ Англіи, указывая между прочимъ и на тотъ замѣчательный фактъ, что въ этихъ кризисахъ, если обратить вниманіе на годы 1816, 1825, 1836, 1847, 1857 и 1866, проявляется какъ бы періодичность.

Нельзя не упомянуть, что акціонерное дѣло въ Англіи вообще имѣло въ высшей степени деморализирующее вліяніе на печать и даже на правительство. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вспомнить тѣ усилія, которыя пришлось употребить въ парламентѣ знаменитому лорду *Плимсалю* для успѣха въ борьбѣ съ однимъ изъ ужаснѣйшихъ золъ, связаннымъ съ матерьяльнымъ интересомъ многихъ капиталистовъ, и тогда ясна будетъ степень опасности, представляемая акціонерными компаніями, владѣющими громадными капиталами, часть которыхъ всегда можетъ быть затрачена на подкупъ, въ видахъ устраненія всѣхъ препятствій на пути къ легкой наживѣ. До какой продажности могутъ доходить въ этомъ случаѣ какъ печать, такъ даже и высшія правительственныя лица, на это указали намъ Германія и

---

[1]) 30 a. 31 Vict. cap. 131; 20 A. 1867 Companies Act Redulutions for mangement of the Companies.

The Joint-Stock Companies Act 1856; by Henry Thring. London. 1856.

[2]) *Perrot* IV I. 79 и 81.

въ особенности Австрія. По тѣмъ же причинамъ то же зло нашло себѣ почву и въ Англіи; тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ приходить къ опрометчивому заключенію, что зло это неустранимо и на этомъ основаніи требовать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые (напр., *Перротъ*), чтобы у всѣхъ акціонерныхъ компаній отнято было право на существованіе.

Во *Франціи* первою торговою компаніей была Compagnie de la Nouvelle France, которую основалъ *Ришелье* въ маѣ мѣсяцѣ 1628 г. [1]). Компанія эта должна была заниматься главнѣйшимъ образомъ колонизаціей; она получила для этой цѣли въ подарокъ 5 кораблей, за что на нее возложена была обязанность подарить королю золотую корону вѣсомъ въ 5 марокъ, Права, данныя этой компаніи, придавали ей значеніе политической корпораціи; права эти были слѣдующія: „la proprièté à perpétuité, justice et Seigneurie“ въ принадлежащихъ ей земляхъ; она могла лить пушки, строить крѣпости [2]). Дѣла компаніи пошли сначала очень хорошо, такъ что по примѣру ея начали учреждаться многія другія компаніи, но большая часть изъ нихъ окончила трагически свое существованіе, причемъ особенно неудачна была попытка къ колонизаціи Кайенны [3]). Мысль объ учрежденіи первой французско-индѣйской компаніи принадлежала капитану Рико въ 1642 г., который составилъ компанію, Compagnie d'Orient, изъ 24 купцовъ, частныхъ лицъ и другихъ, и въ слѣдующемъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, выхлопоталъ себѣ концессію на 10 лѣтъ, получивъ une lettre patente отъ короля *Людовика XIV*. Черезъ 10 лѣтъ концессія была возобновлена. На компанію эту, имѣвшую главною цѣлью колонизацію Мадагаскара и торговлю въ широкихъ размѣрахъ, скоро наложилъ руку маршалъ Де ла Миллере, сдѣлавшись какъ бы владѣльцемъ ея, а послѣ него сынъ его, герцогъ Мазаринъ, уступилъ свои узурпаторскія права Compagnie des Indes, учредившейся въ 1664 году и о которой Савари говоритъ: нельзя себѣ представить ничего болѣе прекраснаго и великаго, какъ проектъ этой компаніи, составленный въ 40 параграфахъ 26 мая 1866 г. (Savary, p. 1338). Первоначальное

---

[1]) Впрочемъ раньше еще, въ 15 стол., возникла Compagnie de bastion de France, имѣвшая характеръ коммандиты: интересы фиска и торговли имѣли одинаковое значеніе. *Savary* Dictionnaire p. 1352.

[2]) *Savary*. Dictionnaire. p. 1348.

[3]) *Savary*. Dictionnaire. p. 1350.

названіе этой компаніи было Compagnie Royale des Indes Occidentales и возникла она главнѣйшимъ образомъ при содѣйствіи короля, давшаго ей les lettres patentes, въ формѣ эдикта, на основаніи котораго компанія пользовалась монопольнымъ правомъ плаванія въ водахъ Индіи, Восточнаго и Южнаго океановъ, въ теченіи 30 лѣтъ, получила Мадагаскаръ и всѣ острова и земли, которые бы она завоевала чтобы владѣть ими на правѣ собственности и верховенства, имѣя свою юрисдикцію, сохраняя только подданство съ обязательствомъ представлять при каждой перемѣнѣ короля золотыя корону и скипетръ вѣсомъ въ 100 марокъ и предоставляя королю право назначенія и утвержденія всѣхъ судебныхъ и военныхъ чиновъ; назначать посланниковъ отъ имени Его Величества ко всѣмъ правителямъ индѣйскимъ и заключить съ ними договоры. Компанія могла посылать золото и серебро въ принадлежащія ей страны, хотя вообще это было запрещено; она пользовалась безпроцентнымъ кредитомъ у короля на 20 лѣтъ и если бы компанія понесла потери, то она могла пополнять ихъ изъ этого кредита; для нея установленъ былъ половинный тарифъ ввозной пошлины, вывозная же пошлина была уничтожена вовсе, кромѣ того она получала потонную субсидію. На компанію возложена была обязанность подарить королю золотую корону вѣсомъ въ 30 марокъ. Капиталъ компаніи предназначался въ 15 мил., но первоначально внесено было всего 8 мил., большую часть которыхъ далъ король; акціи стоили 1000 ливровъ и номинальная стоимость ихъ могла быть увеличиваема не менѣе какъ на 500 л.; допущена была долевая оплата акцій. Дирекція состояла изъ 21 членовъ, которымъ, между прочимъ, предоставлено было право открывать отдѣленія компаніи; директоры выбирались безсрочно въ общихъ собраніяхъ, созываемыхъ черезъ lettre de cachet; для занятія директорскаго мѣста требовался взносъ значительной суммы денегъ. Король постоянно вмѣшивался въ управленіе компаніей, издавалъ массу совершенно произвольныхъ и крайне стѣснительныхъ для акціонеровъ эдиктовъ, декларацій и декретовъ. Главною конторою компаніи былъ *Пондишери*. На другой годъ послѣ учрежденія компаніи 15 декабря состоялось первое общее собраніе акціонеровъ въ Тюльери подъ предсѣдательствомъ самого короля, причемъ Кольберъ читалъ отчетъ компаніи; по окончаніи общаго собранія король лично назначилъ коммиссаровъ чтобы присутствовать при сведеніи счетовъ компаніи, разсмотрѣть ихъ, про-

извести всѣ расчеты и ихъ утвердить. Не смотря на такую массу монопольныхъ правъ и привиллегій и не смотря на такую сильную поддержку, оказываемую королемъ и его правительствомъ, дѣла компаніи шли очень вяло, акціонеры такъ туго производили слѣдуемые съ нихъ взносы денегъ, что король нашелъ необходимымъ издать 13 сентября 1675 года декларацію съ указаніемъ на понудительныя мѣры, причемъ онъ освободилъ компанію отъ обязанности возвратить ему данные имъ 4 мил.; наконецъ компаніи позволено было даже переуступить за особое вознагражденіе часть своихъ монопольныхъ правъ сначала Sieur Jourdan et C°, потомъ Sieur Crozat et C° и наконецъ богатымъ купцамъ St. Malo; у этихъ лицъ дѣла пошли сразу хорошо. Савари приписываетъ неудачу компаніи разнымъ случайностямъ, конкуренціи голландцевъ и главнѣйшимъ образомъ плохому управленію главнаго директора, голландца *Карона* (Sieur Caron). Въ 1719 г. эта компанія, окончательно истощивъ всѣ свои средства, вынуждена была соединиться съ Compagnie d'Occident, которая переименовалась въ Compagnie des Indes послѣ того какъ къ ней присоединены были Compagnie des Indes Orientales съ Compagnie de la Chine.

Compagnie de la Chine возникла на развалинахъ Compagnie des Indes Orientales, благодаря Sieur *Jourdan*, въ 1697. Дѣла ея сначала пошли хороши, но потомъ разстроились, вслѣдствіе войнъ. Compagnie d'Occident образовалась въ 1717 г. изъ Compagnie de Mississipi ou de Louisiane, начало которой положено было Робертомъ Кавалеромъ Деласаль, убитымъ въ 1787 г., послѣ чего она перешла къ г. Дибервилю (Gentilhomme Canadien), вскорѣ послѣ этого отравленнаго; наконецъ, Sieur Antoine *Crozat*, secrétaire du Roi, основалъ ее окончательно 14 сентября 1712 г. Уставъ Compagnie d'Occident заключалъ въ себѣ 56 статей, какъ говоритъ Савари (1363). Въ уставѣ этомъ опредѣлено было, что номинальная цѣна акцій равняется 500 ливрамъ, оплачиваемымъ государственными билетами (billets de l'Etat); акціи (les billets des actions) были двухъ сортовъ, въ одну и въ десять акцій на предъявителя (au porteur); упомянутыя акціи объявлены свободными отъ различныхъ правъ государства (droits d'aubaine, confiscation, répresailles etc.), разсматриваются какъ товаръ и могутъ быть продаваемы и покупаемы по желанію владѣльцевъ. Каждый акціонеръ, имѣвшій 50 акцій, пріобрѣталъ право голоса въ общихъ собрані-

яхъ, 100 акцій давали два голоса и т. д. Король оставлялъ за собою право назначать директоровъ на первые 2 года (§ 41); § 42 опредѣлялъ порядокъ публикаціи баллансовъ и т. п.; § 44 сказано было, что акціи и имущество компаніи равно какъ и жалованье директоровъ и служащихъ не могутъ быть описаны даже по требованіямъ фиска и претензіямъ Короля съ правомъ кредиторовъ, если они пожелаютъ наложить арестъ на доходы и долги акціонеровъ, для ликвидаціи которыхъ директора не будутъ обязаны предъявлять свои книги, ни давать отчетъ, но будутъ признаны достовѣрными счеты и росписки главнаго кассира. Въ § 45 говорится объ изъятіи изъ обращенія всѣхъ тѣхъ государственныхъ билетовъ, соотвѣтствующія акціи которымъ сожжены будутъ въ Парижской Ратушѣ; §§ 46—48 опредѣляли права и обязанности дирекціи, § 49—порядокъ веденія книгъ. Въ §§ 55 дано компаніи право издавать правила и уставы, необходимые для управленія ея дѣлами какъ во Франціи, такъ и въ земляхъ, указанныхъ въ ея концессіи, которые однако будутъ подтверждены эдиктами (lettres de patente), занесенными въ книги Парламента. 31 декабря 1717 г. данъ былъ компаніи дополнительный эдиктъ, состоявшій изъ 18 статей, содержаніе которыхъ Савари (1366) опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: основный капиталъ компаніи опредѣляется въ сто милліоновъ, ассигнуется капиталъ на уплату недоимокъ и новыхъ рентъ съ королевскихъ фермъ (fermes générales du Roi): опредѣляется размѣмъ добавочныхъ платежей (la contribution), которые акціонеры обязаны произвести, если бы потребовалось увеличеніе основнаго капитала, назначаются дни собраній, общихъ и частныхъ директоровъ и акціонеровъ, указываются права этихъ послѣднихъ и обязанности первыхъ. Наконецъ опредѣляется порядокъ веденія книгъ и кассы. Капиталъ компаніи оплоченъ былъ уже въ слѣдующемъ году.

Compagnie des Indes, какъ указано было уже выше, образовалась въ 1719 г. изъ соединенія Compagnies d'Occident, d'Orient, de la Chine и др. Въ уставѣ этой компаніи, между прочимъ, въ § 7-мъ опредѣлена была подписка на акціи покупателей съ платежемъ 10 процентонъ, способъ подписи и печати кассировъ и директоровъ на акціяхъ, порядокъ и срокъ окончательной оплаты и выдачи акцій акціонерамъ. Подписка шла до того успѣшно, что менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ подписана была сумма болѣе чѣмъ въ 50 мил. До 12 октября 1719 г.

выпущено было акцій на сумму до 300 мил. по цѣнѣ въ 1000 л. вмѣсто 500. Дѣла компаніи шли, по видимому, столь блистательно, что она имѣла возможность дать королю 1200 мил. на покрытіе долговъ государства, арендовать королевскія фермы на $3^1/_2$ мил. дороже, чѣмъ платилъ прежній арендаторъ, затѣмъ выдать еще сначала 300, а потомъ 100 мил. на покрытіе государственныхъ долговъ, за что ей обѣщана была 3-хъ процентная рента, т. е. затрачено была всего на этотъ въ сущности совершенно посторонній для нея предметъ 1600 мил. Печальный конецъ этой компаніи, судьбы которой тѣсно связаны были съ знаменитымъ банкомъ Лау, слишкомъ извѣстенъ! Въ этой компаніи всемірной торговли, говоритъ Фикъ, вполнѣ выяснились всѣ свѣтлыя и темныя стороны, вся польза и вредъ акціонернаго дѣла. Въ одной этой акціонерной компаніи въ извѣстной степени истощились и дошли до апогея всевозможныя стороны, какія представляетъ эта юридическая форма сообщества.

Кромѣ перечисленныхъ компаній нужно упомянуть здѣсь еще о Compagnie de Sénegal, которая сначала была совершенно частною компаніей, неимѣвшею une lettre patente, а затѣмъ преобразилась въ коммандиту и наконецъ въ 1673 г. сдѣлалась акціонерною компаніей или, вѣрнѣе, акціонерною корпораціей. Дѣла этой компаніи шли неблистательно, и въ 1718 г. она соединилась съ Compagnie des Indes. Compagnie de Guinée возникла какъ вѣтвь Сенегальской компаніи въ январѣ мѣсяцѣ 1685; замѣчательно, что въ ней король субституировалъ умершихъ акціонеровъ, или тѣхъ изъ нихъ, которые просрочивали слѣдуемые съ нихъ денежные взносы (Savary. p. 1358); въ 1701 г. она переименовалась въ Compagnie de l'Assient. Compagnie de Canada или Compagnie du Castor соединилась съ Миссиссипскою компаніей. Compagnie de l'Acadie закрылась въ 1703. Compagnie de Levant также закрылась въ началѣ 18-го столѣтія. Compagnie du Nord, имѣвшая характеръ коммандиты, вела свои дѣла довольно удовлетворительно, но въ 1720 г. ликвидировала. Compagnie du Cap Vert, de la mer du Sud и de la Baye d'Hudson были сколкомъ съ предъидущихъ компаній. Наконецъ, Савари указываетъ еще на существованіе компаній страховыхъ, для покупки зерна въ чужихъ краяхъ, и т. п.

Банковыя акціонерныя компаніи возникли во Франціи позднѣе торговыхъ. Лау учредилъ свой банкъ 23 мая 1716 года подъ фирмою Лау и К° по образцу генуезскаго банка; онъ

имѣлъ первоначально характеръ коммандиты, а съ 4-го декабря 1718 года превратился подъ фирмою Banque Royale въ акціонерную компанію, соединившись 22 февраля 1720 г. съ Compagnie des Indes, извѣстною болѣе подъ названіемъ Compagnie de Mississipi (*Fick*. S. 42). Первоначальный капиталъ банка равнялся 6 мил. л., раздѣленнымъ на акціи въ 500 литровъ, первоначальный же капиталъ Compagnie des Indes, какъ указано было выше, равнялся 100 мил. ливровъ, но удачная подписка на акціи этой компаніи вызвала новые выпуски акцій, которыя, при номинальной цѣнѣ въ 500 л., возвышались иногда до 25 тыс., благодаря общему, безразсудному занятію спекуляціей и ажіотажемъ (*Fick*. S. 47). Такъ какъ произведено было нѣсколько выпусковъ акцій и притомъ новыя акціи можно было пріобрѣтать только съ условіемъ предъявленія акцій предъидущихъ выпусковъ, то французы для различія акцій различныхъ выпусковъ назвали ихъ des mères, des filles, des grand-mères, des petites filles и другими экстравагантными именами (*Savary* (fils) p. 21. *Wirth*. S. 70.). Ажіотажемъ заняты были всѣ, начиная отъ членовъ королевской фамиліи и кончая лакеями: *герцогъ Бурбонскій* выигралъ на биржѣ 60 мил., банкиръ *Leblanc*—100 мил., лакей одной гостинницы — 30 мил., одна мелочная торговка — 100 мил. (*Wirth*. S. 76); на улицѣ Quimcampoix, гдѣ происходили скупка и продажа акцій, одинъ горбунъ заработалъ 50 тыс. ливровъ тѣмъ, что онъ подставлялъ маклерамъ свою спину вмѣсто письменнаго стола (*Fick*. S. 48); акціи на 300 мил. ливровъ по номинальной цѣнѣ равнялись 9 милліардамъ по биржевой цѣнѣ. Но 1720-й годъ былъ фатальнымъ годомъ какъ для компаніи, такъ и для банка: 10 октября этого года банковые билеты не имѣли уже никакой цѣны, цѣна же акцій пала до 40 ливровъ: ликвидація обнаружила дефицитъ въ 2500 милліоновъ, такъ что кредиторы получили всего 1 процентъ (*Wirth*. S. 80), а знаменитый учредитель банка, *Лау*, сдѣлавшійся во Франціи милліонеромъ, долженъ былъ бѣжать съ 800 луидоровъ въ карманѣ, послѣ чего онъ въ 1729 г. умеръ бѣднякомъ въ Венеціи. Фикъ (*Fick*. S. 49) полагаетъ, что банкъ не пострадалъ бы, если бы онъ не соединился съ индѣйскою компаніей, причину же этого соединенія усматриваетъ въ томъ, что регентъ былъ владѣтелемъ многихъ акцій и, опасаясь потерять на нихъ все свое состояніе, потребовалъ этого соединенія.

Впечатлѣніе отъ страшной Лауевской катастрофы, дотолѣ

неслыханной по своимъ размѣрамъ, повидимому, не отрезвила французовъ, такъ какъ во вторую половину того же столѣтія начали возникать новыя акціонерныя компаніи съ прежними недостатками, содѣйствовавшими только развитію ажіотажа, на которомъ старался остановить вниманіе правительства *Мирабо* въ 1787 г., въ своей рѣчи, обращенной къ королю и къ нотаблямъ (*Mirabeau.* Anklage gegen Agiotage, übersetzt v. *Rast.* Berlin. 1871). Въ спискѣ этихъ новыхъ акціонерныхъ компаній мы видимъ самыя разнообразныя предпріятія, причемъ иногда и та же акціонерная компанія преслѣдовала не одну, а нѣсколько цѣлей, и компаніи эти щедро снабжались правительствомъ всевозможными привиллегіями и монополіями, вмѣшиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣ дѣла этихъ компаній до такой степени, что въ сущности начало самоуправленія въ примѣненіи къ этимъ компаніямъ не имѣло никакого значенія. Къ акціямъ Caisse d'Escompte, служившимъ главнымъ предметомъ ажіотажа, скоро присоединились акціи банка св. Карла, затѣмъ появились акціи Nouvelle Compagnie des Indes для торговаго промысла, Compagnie des eaux для морскаго и рѣчнаго страхованія, страховыхъ отъ огня обществъ, водопроводныхъ и т. п.; участіе въ страховыхъ компаніяхъ казалось столь заманчивымъ, что нерѣдко, напримѣръ, А. застраховывалъ на свой счетъ домъ В. съ тѣмъ условіемъ, чтобы В. уступилъ ему акцію, которую онъ получитъ отъ компаніи. Конецъ такому развитію акціонернаго дѣла положенъ былъ великою французскою революціей, но не надолго.

Въ 1820 г. вновь пробудилась акціоманія и шла возрастая такъ, что въ одномъ Парижѣ съ 1820—1837 гг. учреждено было 1106 акціонерныхъ компаній, причемъ замѣчательно, что изъ нихъ 400 имѣли цѣлью изданіе газетъ и книжную торговлю, чѣмъ положено было прочное основаніе какъ направленію общественнаго мнѣнія въ выгодную для предпринимателей сторону, такъ и подчиненію вообще органовъ гласности акціонерному дѣлу. Желѣзно-дорожное дѣло подлило масла въ огонь (*Worms.* E. Sociétés par actions etc. Paris 1868 p. 358): акціонерныя компаніи выростали, какъ грибы, лопались, какъ мыльные пузыри, подлогъ конкуррировалъ съ обманомъ, въ результатѣ же получались банкротства, самоубійства, скандальные процессы въ родѣ министровъ *Теста* и *Кюбіера* и т. п. При этомъ надо замѣтить, что бо̀льшая часть акціонерныхъ компаній, какъ бы

въ подтвержденіе изрѣченія Луазеля, что les convenances vainquent la loi (приличія побѣждаютъ законъ), не желая подчиняться стѣснительнымъ правиламъ, установленнымъ для собственно акціонерныхъ компаній, принимали форму акціонерныхъ товариществъ (коммандитъ на акціяхъ) безъ малѣйшаго вниманія къ тому, что эта форма часто не соотвѣтствовала цѣли предпріятія. Въ одномъ 1837 г., въ одномъ только департаментѣ Сены, учреждено было 288 акціонерныхъ товариществъ, тогда какъ въ 1840 г. во всей Франціи ихъ учредилось всего 176. Въ 1838 г. было уже во всей Франціи 1039 акціонерныхъ товариществъ съ капиталомъ болѣе чѣмъ въ 1 милліардъ и съ 1,508,686 акціями; „онѣ были всѣ, говоритъ Делангель, плодомъ обмана и мошенничества". Такъ было до революціи 1848 года, которая какъ бы освѣжила атмосферу, но не надолго; настало время Наполеона и царство его креатуръ.

При Наполеонѣ, 18 ноября 1852 года, возникъ знаменитый акціонерный банкъ братьевъ *Перейра* для движимаго кредита (crédit mobilier), банкъ который *Перротъ* (*Perrot* IV, S. 37) остроумно охарактеризовалъ въ словахъ «eine Gründung zur Gründung von Gründungen», хотя оффиціально цѣль этого банка должна была заключаться въ развитіи промышленности и публичныхъ работъ. Операціи этого банка были колоссальны и въ содѣйствіи этого банка акціонерное учредительство получило такую сильную поддержку, что было бы странно, если бы при такихъ условіяхъ не развился классъ учредителей; банкъ же въ свою очередь за оказываемое имъ содѣйствіе получалъ щедрое вознагражденіе, дававшее ему возможность раздавать первое время акціонерамъ отъ 47 до 23 процентовъ дивиденда. Что же касается результатовъ дѣятельности этого учрежденія, то они прекрасно охарактеризованы *А. Вагнеромъ* въ слѣдующихъ словахъ: „Чрезмѣрная оплодотворяющая дѣятельность, какъ называли ее братья Перейра, банка Crédit mobilier только возбудила спекуляцію и ускорила кризисъ. „Оплодотвореніе" должно было остановиться. Почти ни одно изъ возбужденныхъ парижскимъ банкомъ Crédit mobilier предпріятій не соотвѣтствовало ожиданіямъ; послѣдніе покупатели выпущенныхъ акцій, по большей части принадлежащіе къ небольшимъ капиталистамъ, поплатились незаслуженнымъ образомъ. Въ основаніи этого банка допущена была такая капитальная ошибка, что, признавая вообще принципъ полной отвѣтственности учредителей, учредительство, какъ цѣль пред-

пріятія, дозволено было акціонерной компаніи, построенной на началахъ ограниченной имущественной отвѣтственности (ср. 228—50—54). Цифры, указывающія на степень возрастанія акціонернаго учредительства можно найти у Фика (77 — 58), Бедаррида (36 — 11 — 13) и у Вирта (251 — 307 — 324); здѣсь же достаточно будетъ указать на то, что съ 1855 по 1856 гг. опубликовано было 776 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 2,889,672,000 фр., оказавшіеся всѣ мошенническими; компаніи учреждались, напримѣръ, для страхованія отъ проигрыша процессовъ, отъ безденежья, pour marier l'Afrique et l'Amerique et fondre les races и т. п. (*Bédarride.* Commentaire de la loi du 247. 1867. p. 11 и 14); благодаря ажіотажу цѣна на акціи была до того неустойчива, что, напримѣръ, акціи caisse d'escompte, стоившія въ 1857 г. 512 фр., стоили въ 1863 г. всего 10 фр., акціи Hauts foruneaux d'Herserange съ 565 фр. въ 1853 г. упали въ 1866 г. до 6 фр., акціи Caisse centrale de l'industrie Vergniolle упали съ 163 фр. на 0,50 фр., акціи же Crédit mobilier съ 1920 фр. упали до 300 фр. и т. п. (*Bédarride.* Commentaire. p. 91). Какимъ образомъ наживались, напримѣръ, на учрежденіи желѣзно-дорожныхъ акціонерныхъ компаній, разсказываетъ *Прудонъ* (*Proudhon.* Manuel de spéculation à la bourse. Paris. 1857. p. 288) о Версальской желѣзной дорогѣ, акціи которой разобраны были слѣдующими лицами и фирмами въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Братья Ротшильдъ	7000	акцій.
Ейхталь и сынъ	3500	„
Давиліеръ и К°	3500	„
Турнейссенъ и К° . . .	3500	„
Жакъ Лефеберъ и К° . .	3500	„
Баронъ Бертонъ	200	„
Ланджюйнеръ	200	„
Емиль Перейра	500	„

Между тѣмъ акціи въ день ихъ выпуска поднялись съ 700 фр. номинальной ихъ стоимости до 725 фр. и такимъ образомъ подписчики-учредители въ одинъ день заработали (?) ни съ чѣмъ несообразную сумму денегъ на счетъ послѣдующихъ владѣльцевъ акцій. Перечислять далѣе всѣ эти патологическія явленія не представляетъ надобности, тѣмъ болѣе что имъ суждено было повториться въ то время, когда вся Европа, въ новомъ

припадкѣ безразсудства, переживала въ 70-хъ годахъ этого столѣтія печальные результаты акціонерной горячки и биржевой спекуляціи въ Германіи, такъ талантливо описанные Виртомъ во 2-ой части его сочиненія „Geschichte der Handelskrisen“ 1874 г.

Въ *Германіи* появленіе акціонерныхъ компаній произошло позднѣе, чѣмъ въ Голландіи, Англіи и Франціи, хотя въ концѣ 15-го и 16-го столѣтій тамъ существовали уже товарищества, имѣвшія нѣкоторыя черты акціонерныхъ компаній; таковы, напримѣръ, die Gesellschaft des Zcynnhandels въ Мейссенѣ (societas Stanni), учрежденное въ концѣ 15-го стол., также Uglauer Tuchcompagnie 1592 — 1620 гг., затѣмъ Uglauer Woll- und Tuchsocietät 1726 года. Эти товарищества, какъ сказано выше, имѣли нѣкоторыя черты акціонерныхъ товариществъ (коммандитъ на акціяхъ), а не собственно акціонерныхъ компаній, причемъ въ Uglauer Tuchcompagnie открытъ былъ доступъ только мѣстнымъ ремесленникамъ и капиталъ этого товарищества не былъ постояннымъ, а возросталъ по мѣрѣ развитія предпріятія, которое заключалось въ томъ, что члены-пайщики должны были продавать товариществу заготовленныя ими сукна, товарищество-же въ свою очередь доставляло имъ сырье, которое они не имѣли права пріобрѣтать гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ (*Renaud.* S. 39 и 40). Первою нѣмецкою акціонерною компаніей слѣдуетъ считать основанную въ 1719 г. въ Вѣнѣ Orientalische Gesellschaft, акціи которой были постепенно погашаемы; затѣмъ Остъ-Индскую компанію въ Австрійскихъ Нидерландахъ, объ уставѣ которой можно почерпнуть свѣдѣнія у *Mailath* — Geschichte des österreichischen Kaiserstaats (124 — 530). Далѣе слѣдуетъ Гамбургское страховое общество, учрежденное въ 1765 г. (*Renaud.* S. 41, а по *Молле* въ 1779 г.) и Берлинское страховое отъ огня общество, учрежденное 12 декабря 1812 года; наконецъ, какъ-бы съ легкой руки Preussischen Rheinisch-Westindischen Compagnie, учрежденной 7-го ноября 1821 года, вся Германія начала покрываться цѣлою сѣтью самыхъ разнообразныхъ, какъ по цѣли, такъ и по средствамъ, акціонерныхъ компаній, запрудившихъ рынокъ своими акціями и оживившихъ спекуляцію и ажіотажъ въ такой-же мѣрѣ и съ такими же послѣдствіями, какъ и вышеописанныя. Акціонерное дѣло развилось въ Германіи въ особенности въ 50-хъ годахъ; въ 1853 году, 2-го апрѣля, учрежденъ былъ даже акціонерный банкъ, Bank für Handel und Industrie, который, по характеру своихъ операцій, былъ какъ-бы сколкомъ съ француз-

скаго Crédit mobilicr. Въ 1857 году встрѣтилась даже необходимость созвать конференцію въ Готѣ для обсужденія мѣръ въ борьбѣ со зломъ, порождаемымъ дутымъ учредительствомъ и вообще неправильнымъ развитіемъ акціонернаго дѣла. Въ Пруссіи, въ одномъ 1856 г. основано было акціонерныхъ компаній на сумму въ 150 мил. талеровъ и въ этомъ же году въ Австріи концессіонировано было однихъ желѣзнодорожныхъ акціонерныхъ компаній на 100 мил. гульденовъ; въ промежутокъ же времени съ 1853 — 1857 гг. въ Австріи учреждено было акціонерныхъ банковъ на сумму въ 355 мил. гульд., желѣзно-дорожныхъ компаній—на 250 мил. гульд., страховыхъ — на 100 мил. гульд. и другихъ - на 400 мил. Возрастаніе числа акціонерныхъ компаній заключилось кризисомъ 1857 г., который изображается отчасти въ слѣдующей таблицѣ паденія курса на акціи важнѣйшихъ акціонерныхъ компаній (*Wirth.* S. 331—357).

	К У Р С Ъ.							
Названіе компаніи:	1856 годъ.		1857 годъ.				1858 годъ.	
	Май.	Іюнь.	Май.	Авг.	Окт.	Дек.	Янв.	Май.
Дармштадскій кр. банкъ. .	400	420	270	276	241	204	233	246
Кредитный б. въ Дессау.	115	120	83½	77	63½	35	43	85¼
Дисконтный банкъ	124		106	112	103	91	100	102
Движимый кредитъ	1980		1300	985	900	706	784½	720
Австрійскій кр. банкъ. . .	240		195	200	181	165	191	219
Вост. Франца-Іосифа б. .	180		60¾	52	44	48¼	52	49½
Франц. Вост. банкъ	1000		790	700	685	660	682	670

Кризисъ 1857 г. временно пріостановилъ необычайно быстрое развитіе акціонернаго дѣла въ Германіи, но къ концу 60-хъ и, въ особенности, въ началѣ 70-хъ годовъ повторилась прежняя исторія только въ гораздо большихъ размѣрахъ. Въ Пруссіи, по правительственному указателю значится, что въ промежутокъ времени съ 1790 г. до 11 іюня 1870 года учреждалось въ годъ среднимъ числомъ 2—3 акціонерныхъ компаній, въ 1870 году съ 11 іюня до конца года учреждено было 34 акціонерныхъ компаніи, въ 1871 г.—225, въ 1872—503. Притокъ милліардовъ усилилъ еще акціоманію и дутое учредительство. Руководствуясь данными, которыя можно было извлечь изъ прекратившагося въ концѣ 1873 года изданія Рудольфа *Мейера*,— die Actiengesellschaften (*Meyer.* Die Actiengesellschaften. Berlin 1871—73), и ограничившагося одними только акціонерными банками, мы составили слѣдующую таблицу развитія акціонерно-банковаго дѣла въ Германіи въ хронологическомъ порядкѣ:

Годъ.	Число акціонерныхъ банковъ въ Германіи кромѣ Берлина.	Число акціонерныхъ банковъ въ Берлинѣ.	Акціонерный капиталъ въ милліонахъ.	Число акцій въ тысячахъ.	Число филіалій.
1835 . .	1	—	12½	40	—
1839 . .	1	—	6	25	1
1844 . .	1	—	0,05	0,25	2
1847 . .	1	—	2	20	—
1848 . .	1	—	2	20	—
1849 . .	1	—	2	10	—
1850 . .	1	1	3	20	—
1853 . .	2	—	25	245	43
1854 . .	1	—	6	50	—
1855 . .	15	—	16,25	96,5	—
1856 . .	4	2	110,5	580,5	13
1857 . .	3	—	4,75	39,5	3
1862 . .	1	1	15,25	139,25	1
1863 . .	1	1	6,5	62,5	17
1864 . .	1	1	8	45	2
1865 . .	8	1	35,75	114,5	11
1866 . .	5	—	3,25	19	1
1867 . .	7	—	7,25	30	2
1868 . .	8	2	14	85,5	—
1869 . .	4	1	12,25	53,5	5
1870 . .	8	4	87	515	16
1871 . .	42	15	193,25	1099,5	28
1872 . .	52	17	199,5	1358,5	47
1873 . .	12	6	28,5	221	7
Всего. .	181	52	800,320,000	4,890,000	199

У *Мейера* приведены уставы всѣхъ этихъ банковъ съ ихъ годовыми отчетами и безъ нихъ, при этомъ надо замѣтить, что изданіе *Мейера* прекратилось до конца 1873 года и потому оно не исчерпало собою все акціонерно-банковое учредительство

этого года; кромѣ того необходимо упомянуть, что большая часть изъ банковъ, время учрежденія которыхъ указано до 1870 г., въ періодъ времени 1870 – 1874 г.г. или значительно увеличили свой акціонерный капиталъ новымъ выпускомъ акцій, какъ, напримѣръ, Barmener Bank-Verein, учрежденный въ 1867 г., увеличилъ въ 1872 г., акціонерный капиталъ съ 1 мил. на 4 мил., также Darmstädter Bank für Handel und Industrie 1853 г. и др., или-же открыли филіаліи; словомъ — такъ или иначе расширили свою дѣятельность (*Wirth.* S. 427 и слѣд.).

По вычисленію Гехта (Börsen- und Actienwesen der Gegenwart B. I, 1874, стр. IX, X) въ Сѣверной Германіи въ 1871 г. сумма вновь учрежденныхъ акціонерныхъ предпріятій представляла капиталъ въ 390,680,836 талеровъ, изъ которыхъ на долю одного Берлина приходилось 194,849,166 тал. на 89 акц. компаній. Въ Пруссіи въ 1872 г. учреждено было 494 акц. компаніи съ капиталомъ въ 507,751,509, причемъ въ Берлинѣ 167 компаній съ капиталомъ въ 211,447,000 т. Въ числѣ этихъ 494 акц. компаній было 49 банковъ, 61 строительныхъ компаній, 65 горнозаводскихъ и 20 свеклосахарныхъ. Въ одной Саксоніи къ 1-му апрѣля 1873 г. было 256 акц. компаній съ капиталомъ въ 222,070,721, оплоченнымъ на 134,521,446. Берлинскій курсовой бюллетень обогатился въ 1872 г. новыми 255 сортами цѣнныхъ бумагъ, къ 1-му апрѣлю-же 1873 г. такихъ цѣнныхъ бумагъ, котированныхъ на Берлинской биржѣ было 1100 сортовъ; на той-же биржѣ въ октябрѣ 1873 г. котированы были акціи 158 банковъ, изъ нихъ 54 стояли al pari или выше, 16 = 90 – 100%, 28 = 80 — 90%, 25 = 70 — 80%, 60 = 60 — 70%, 6 = 50 — 60%, 6 = 40 – 50%, 3 = 30 — 40%, 5 = 0 — 10. По вычисленію Вирта (*Wirth.* S. 40 и слѣд.) въ Германіи къ началу 1871 г. было всего 20 акц. банковъ, а въ 1871 году ихъ прибавилось 51 съ капиталомъ въ 221,0 м. талеровъ (вычисленіе это не согласуется съ нашимъ, потому что въ него не включены акціонерныя товарищества); кромѣ того въ этомъ году вновь учредились 15 строительныхъ, акц. компаній съ капиталомъ въ 40,1 м., горнозаводскихъ 26 съ капиталомъ въ 23,4 м., пивоваренныхъ и винокуренныхъ 35 съ капиталомъ въ 10,7 м., цементныхъ 6 съ капиталомъ въ 1,04 м., химическихъ 10 съ капиталомъ въ 3,6, пароходныхъ 3 съ капиталомъ въ 1,8 м., желѣзно-дорожныхъ 11 съ капиталомъ въ 96,95 м., машинныхъ 31 съ капиталомъ

въ 29,91 м., бумажныхъ 13 съ капиталомъ въ 4,3 м., прядильныхъ, красильныхъ и т. п. 10 — 7,1 м., страховыхъ 6 — 3.88 м., водо и газопроводныхъ 6 — 2,1 м., сахарнозаводныхъ 11 – 2,6, различныхъ промышленныхъ 19 – 12,36 м. и различныхъ коммерческихъ 8 – 4,45. Кромѣ того въ Берлинѣ въ томъ же году: 21 банковыхъ акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 67,25, пивоварень 8 – 08 м., строительныхъ и т. п. 8 — 25,2 м., горнозаводскихъ 3 — 7,01 м., желѣзно-дорожныхъ 3 — 60,56 м., машинныхъ 11 — 9,35 м., различныхъ промышленныхъ 24 — 11,88 м., различныхъ коммерческихъ 11 — 8,5 м. На основаніи этихъ цифръ *Виртъ* (*Wirth* S. 56) составляетъ слѣдующую таблицу акціонерныхъ компаній въ Германіи, Австріи, Сѣверной Германіи и Берлинѣ въ 1871 г.:

№№	Наименованіе рода акціонерныхъ компаній.	Германія и Австрія.		Сѣверн. Германія.		Берлинъ.	
		Число.	Акціонерный капиталъ въ талерахъ.	Число.	Капиталъ.	Число.	Капиталъ.
1	Банки	71	220,100,000	58	175,100,000	21	67,250,000
2	Строительныхъ комп.	15	40,103,536	13	27,436,870	5	23,600,000
3	Горнозаводскія	26	23,406,666	26	21,790,000	3	7,010,000
4	Пивоварни.	35	10,729,000	34	10,672,000	8	4,080,000
5	Цементныя фабрики .	6	6,592,000	6	6,592,000	1	425,000
6	Химическія фабрики.	10	3,632,000	10	3,632,000	6	2,922,000
7	Пароходство.	3	1,810,000	3	1,810,000	—	—
8	Желѣзно-дорожн. к. .	11	96,950,000	8	76,450,000	3	60,560,000
9	Жел.-дор. матерьяла.	9	6,760,000	9	6,760,000	—	—
10	Машинныхъ	22	23,156,666	20	19,490,000	11	9,355,000
11	Бумажныя фабрики. .	13	4,323,000	13	4,323,000	2	1,050,000
12	Прядильни и т. п. . .	10	7,155,000	10	7,155,000	4	1,140,000
13	Страхованіе	6	3,880,633	6	2,547,300	1	500,000
14	Водо- и газопроводы.	6	2,180,000	6	2,180,000	3	1,600,000
15	Сахарные заводы. . .	11	2,616,000	11	2,616,000	—	—
16	Различныя промышл.	19	12,360,000	19	12,360,000	11	6,350,000
17	Различныя коммерч.	6	5,311,666	6	5,311,666	4	4,851,666
18	Разныя.	8	4,455,000	8	4,455,000	6	4,155,000
	Всего	287	475,521,670	265	390,680,836	89	191,849,166

Въ Пруссіи, продолжаетъ *Виртъ*, основано было въ 1872 г. 494 акц. компаніи съ капиталомъ въ 507,751,509 талеровъ, въ Берлинѣ – 167 съ капиталомъ въ 211,447,000 (стр. 58—78), (вообще же въ Пруссіи съ 1790—1867 г.г. учреждено было 225 ак. компаній, съ 1867—1870 г.г. —54, въ 1870 г. съ 11 Іюня —34, въ 1871—259, въ 1872—504, слѣдовательно въ первомъ періодѣ учреждалось ежегодно отъ 2 — 3 акціонерныхъ компаній, во второмъ — 18, въ третьемъ за 1/2 года 34, въ пятомъ — 259, въ шестомъ 504. Въ первую половину 1873 г. въ Пруссіи учреждено было 196 компаній съ капиталомъ въ 166 м. т. Въ адрессной книгѣ г. Берлина за 1876 г. въ рубрикѣ „промышленныя учрежденія", неправильно подраздѣленной на а) акціонерныя компаніи, б) страховыя общества, в) безъ обозначенія, г) желѣзно-дорожныя компаніи и д) товарищества, такъ какъ страховыя и желѣзно-дорожныя общества могутъ быть акціонерными) сдѣланы слѣдующія указанія на сумму акціонерныхъ компаній въ 1876 г. въ одномъ только Берлинѣ: 1) 40 банковъ, 2) 35 строительныхъ обществъ, 3) 18 пивоваренныхъ заводовъ, 4) 8 химическихъ, 5) 10 красиленъ, ткацкихъ и бумагопрядильныхъ фабрикъ, 6) 10 акціонерныхъ обществъ для извознаго промысла, 7) газовые заводы и водопроводы, 8) 5 обществъ гуттаперчевыхъ фабрикъ, 9) 16 обществъ фабрикъ машинъ и желѣзнодорожныхъ матеріаловъ, 10) 4 фабрики швейныхъ машинъ, 11) 5 бумажныхъ фабрикъ, 12) 101 общество для различныхъ цѣлей, т. е. всего 257 акц. компаній, но сюда слѣдуетъ еще причислить изъ рубрикъ *б* и *в* слѣдующія акціонерныя компаніи (ср. *Bankberger*. Die sogenannte Reichsbank. Berl. 1877. S. 104), 13) 41 ликвидированное общество, 14) 36 акціонерныхъ страховыхъ обществъ, 15) 39 обществъ страхованій жизни, 16) 13 обществъ страхованія отъ градобитія (2 изъ нихъ ликвидируютъ дѣла), 17) 6 обществъ страхованія скота, 18) 8 обществъ страхованія стекла, 19) 28 обществъ страхованія грузовъ. 20) 5 обществъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, 21) 9 обществъ застрахованія пожизненныхъ доходовъ и капиталовъ, 22) 3 общества перестрахованія и 23) 11 желѣзнодорожныхъ акціонерныхъ обществъ, т. е. всего 457 акціонерныхъ компаній въ одномъ Берлинѣ. [1]) По курсовому

---

[1]) Пруссія первая подала примѣръ примѣненія акціонерной формы къ маклерскому промыслу; примѣръ этотъ не остался безъ подражанія, но участь маклерскихъ банковъ была по большей части очень печальная. *Wielq* II, S. 87.

бюллетеню Berliner Börsen-Zeitung" (41) за 19 Іюля 1877 г. значится: 1) Eisenbahn-Stamm-Actien 75-ти акц. компаній почти исключительно нѣмецкихъ, 2) Eisenbahn-Stamm-Prioritäts-Actien 24 акц. компаній, 3) Inländische Eisenbahn-Prioritäts-Obligationen — 122, 4) Ausländische Eisenbahn-Prioritäts-Obligationen—108, 5) Industrielle Gesellschaften — 194, 6) Bergwerks- und Hütten-Gesellschaften—80, 7) Bank- und Credit-Bank-Actien—96, 8) Hypothekenbank-Actien—15, 9) In Liquidation befindlich — 26; кромѣ того 9) Ausländische Fonds — 63, 10) Deutsche Fonds—76 и 11) Hypotheken-Certificate—51; т. е. 510 наименованій акцій, къ нимъ 130 облигацій, 139 фондовъ и гипотечныхъ свидѣтельствъ (закладныхъ листовъ) 51, всего 830 сортовъ цѣнныхъ бумагъ.

Такіе результаты акціонернаго дѣла нѣмцы называютъ Ueberproduktion и Ueberspeculation (ультрапроизводство и ультраспекуляція). Эти Ueberproduktion и Ueberspeculation сопровождались цѣлой массой въ высшей степени скандальныхъ процессовъ, въ родѣ процесса Шустеръ-Одеръ-Вагенера и др. (см. 177 IV 127 и стр. 180—118), и раззорили преимущественно бѣдный классъ населенія, представители котораго, вѣря разнымъ заманчивымъ проспектамъ, подложнымъ годовымъ отчетамъ и т. п., помѣщали свои скудныя сбереженія въ несолидныя предпріятія, основанныя для того только, чтобы поживиться на чужой счетъ. Таблица, указывающая на распредѣленіе акцій въ нѣкоторыхъ акціонерныхъ компаніяхъ въ Америкѣ подтверждаетъ это:

1)	2257	чел.	имѣли	акцій	на	сумму	100 — 200 дол.
	1577	"	"	"	"	"	200 — 1000 "
	614	"	"	"	"	"	1000 — 50000
	13	"	"	"	"	"	50000 и свыше
2)	6327	"	"	"	"	"	100 — 800 дол.
	2831	"	"	"	"	"	800 — 1700 "
	2461	"	"	"	"	"	1700 — 4000 "

При крушеніи Нортумберлендъ-Дургамскаго банка пострадали 407 акціонеровъ, изъ нихъ 102 были женщины, въ томъ числѣ 36 вдовъ, остальные-же акціонеры на 2/3 были мелочные торговцы, ремесленники, прислуга. Вообще можно придти къ заключенію, что женщины легче дѣлаются жертвой наглаго обмана, чѣмъ мущины: такъ, напримѣръ, въ двухъ провалившихся американскихъ акціонерныхъ компаніяхъ изъ 52,168 акцій 29,876

принадлежали женщинамъ, а изъ 68227—39860. Изслѣдованіе извѣстнаго нѣмецкаго статистика *Энгеля* доказываетъ несомнѣнно, что послѣдствія акціонерной горячки особенно гибельно отзываются на меньшихъ доходахъ; это обнаруживается изъ того, что послѣ 1870—1873 г. число лицъ, получающихъ наибольшій доходъ увеличилось за эти три года въ три раза, тогда какъ число лицъ, получающихъ наименьшій доходъ уменьшилось, вызвавъ соотвѣтствующее увеличеніе лицъ вовсе неплатящихъ подоходной подати, такъ какъ доходъ ихъ не достигалъ minimum'а обложенія, т. е. 140 талеровъ (72). До какой степени въ возникавшихъ акціонерныхъ компаніяхъ нарушались коренныя основанія акціонернаго дѣла видно изъ слѣдующихъ фактовъ: 1) въ уставѣ Märkischen Bau-Bank опредѣлено, что цѣль этой компаніи заключается въ пріобрѣтеніи, раздѣленіи на мелкіе участки, обработкѣ и продажѣ или какомъ нибудь другомъ оборотѣ съ земельными участками, въ возведеніи построекъ на свой счетъ или за счетъ третьихъ лицъ, въ пріобрѣтеніи и обработкѣ строительныхъ матеріаловъ всякаго рода и ихъ продажѣ, въ доставленіи ссудъ подъ ипотеку землевладѣльцамъ подъ условіемъ возвращенія ссуды полной суммой, частично или посредствомъ погашенія и наконецъ въ производствѣ разнаго рода банковыхъ и торговыхъ операцій. 2) акціонерная компанія для пароваго отопленія и водопроводовъ въ Берлинѣ съ 500000 тал. акціонернаго капитала возникла въ 1872 г. изъ частнаго предпріятія фирмы „Granger u. Hyan“, у которой куплено было имущество, стоившее всего 50 тыс. тал.; за 150 тыс., акціонерамъ-же имущество это было поставлено на счетъ въ суммѣ 330 тыс.; на другой годъ компанія обанкротилась съ пассивомъ въ 342 тыс. тал. Подобныхъ фактовъ бездна и въ указаніи на нихъ нѣтъ недостатка въ нѣмецкой литературѣ, *Perrot*, *Wirth*, *Hecht*, *Holtzendorff* (въ Zeit- und Streit-Fragen H. 2, 1874, ст. *Gareis* die Börse u. die Gründungen), *Bankberger*, *Neuwirth* (Bank und Valuta II B. die Speculationskrisis von 1873), *Niendorff* (Gründergeschichten) и др., но всѣ эти указанія слѣдуетъ признать запоздалыми, они не устранили и не ослабили зло, послѣдствія котораго были ужасны: ни въ одной прежней эпохѣ подобнаго рода говоритъ Виртъ (II B. 269) не было столько самоубійствъ—отъ директора банка до рабочаго, отъ биржеваго спекулянта до украшеннаго лаврами генерала – никогда не искали утѣшенія въ смерти такъ много моло-

дыхъ супруговъ, для которыхъ катастрофа разрушила ихъ самыя дорогія мечты.

Въ *Австріи,* въ которой историческое развитіе акціонернаго дѣла шло какъ-бы рука объ руку съ германскимъ до конца шестидесятыхъ годовъ, послѣ этого времени должно быть однако разсматриваемо отдѣльно, такъ какъ Австрія далеко превзошла своего соперника, если не на полѣ битвы, то на полѣ самой безшабашной спекуляціи, доказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость изрѣченія *Гнейста,* что [1]) „aller Reichthum der Nationen, aller Glanz der Civilisation ist hinfällig und nichtig, wenn der sittliche Hintergrund mangelt“. Во всемъ мірѣ отрицательныя стороны акціонернаго дѣла не прояснились съ такою силою и въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Австріи, вслѣдствіе чего мы и удѣлили больше мѣста исторіи австрійскихъ акціонерныхъ компаній. Цифры, которыя будутъ приведены ниже, разработаны нами на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ извѣстнаго Вѣнскаго изданія *Густава Леонгардта* „Compass“ (52), дополненныхъ по *Вирту.*

Быстрое развитіе акціонернаго дѣла въ Австро-Венгріи слѣдуетъ считать съ 1856 года, когда въ одинъ этотъ годъ концессіонировано было акціонерныхъ желѣзнодорожныхъ компаній на сумму въ 100 мил. гульденовъ. Тѣмъ не менѣе, число акціонерныхъ компаній до конца 60-хъ годовъ не представлялось еще чрезмѣрнымъ, сравнительно съ тѣмъ, что произошло позднѣе, хотя къ маю мѣсяцу 1869 г. въ одной Вѣнѣ учреждены были разныя предпріятія на сумму въ 982 мил. г., изъ которыхъ 470 м. приходились на долю акціонерныхъ компаній. Въ Пестѣ къ началу 1861 г. было всего 21 акц. компаній съ капиталомъ въ 30 мил. г., черезъ 20 мѣсяцевъ ихъ было уже 99 съ 135 м.; приблизительно въ такой пропорціи продолжало увеличиваться число акціонерныхъ компаній до 1869 г., а съ 1869 г. возростаніе это усиливается съ чрезвычайной быстротой и доходитъ въ 1873 году до своей апогеи, разразившись ужаснымъ кризисомъ или крахомъ (болѣе выражаются нѣмцы). Въ 1869 г. въ одной Вѣнѣ было 28 кредитныхъ учрежденій, изъ которыхъ 23 были акціонерными компаніями съ капиталомъ въ 387,600,000 гульд., оплаченнымъ на 129,400,000 гульд.;

---

[1]) «Всякое богатство народовъ ничтожно, когда не имѣетъ подъ собою нравственной почвы».

капиталъ этотъ раздѣленъ былъ на 1,183,000 акцій. Изъ этихъ 23 акц. банковъ 15 учреждены были только въ 1869 г.; объ одномъ, — Австро-Восточномъ Банкѣ, въ Compass'ѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, а остальные семь банковъ съ капиталомъ въ 195 м., раздѣленнымъ на 513 т. акцій, дали чистой прибыли за 1868 г. 27, 377,226 г. 49 кр., изъ которыхъ, на основаніи уставовъ этихъ банковъ, около 3 мил. употреблено было въ видѣ вознагражденія учредителей, Правленія и Совѣта. Во всей остальной Австріи въ этомъ году существовало 59 акц. банковъ. изъ которыхъ 40 возникли только въ концѣ года, а 6 въ началѣ этого-же года или въ концѣ предъидущаго, такъ что только къ 13-ти банкамъ слѣдуетъ отнестись какъ къ наслѣдію болѣе отдаленнаго прошлаго. Во всѣхъ этихъ 59-ти акціонерныхъ банкахъ съ капиталомъ въ 132, 204, 640 гульд., раздѣленныхъ на 654,510½ акцій, которыя оплачены были на сумму 39,027,209 г., номинальная цѣна акцій не превышала 200 гульд.; отношеніе этихъ 59 акц. банковъ къ остальнымъ кредитнымъ учрежденіямъ въ Австріи, исключая ссудныя кассы, опредѣляется какъ 6 къ 1. Для ознакомленія съ характеромъ проспектовъ вновь учреждавшихся громадныхъ банковыхъ акціонерныхъ предпріятій можетъ служить слѣдующая выписка изъ проспекта Галицкаго банка для торговли и мануфактуръ въ Краковѣ (52—216): смѣта составляется дирекціей и разсматривается совѣтомъ правленія. Этотъ послѣдній представляетъ на утвержденіе ежегодно бывающаго въ послѣднюю среду мая мѣсяца общаго собранія отчетъ о состояніи счетовъ общества. Такъ составленный и принятый общимъ собраніемъ отчетъ снимаетъ всякую отвѣтственность директоровъ по счетамъ предъидущаго года и всѣ акціонеры или ихъ представители обязаны имъ удовлетвориться. Послѣ общаго собранія этотъ отчетъ печатается и опубликовывается для общаго свѣдѣнія акціонеровъ. Банкъ этотъ учреждался съ капиталомъ въ 9 м. г., раздѣленнымъ на 50 т. акцій. По желѣзнодорожному дѣлу къ началу 1866 года было 36 акц. компаній, изъ которыхъ 5 учреждены были банками. Изъ этихъ 36 компаній только 19 возникли до 1868 г., причемъ 9 изъ нихъ значительно расширили свою дѣятельность въ 1869 г. путемъ пріобрѣтенія новыхъ концессій. 36 компаній имѣли въ своихъ рукахъ линію приблизительно въ 1400 миль, съ акціонернымъ капиталомъ въ 700 м. и облигаціоннымъ въ 850 м., т. е. всего 1600 м. Только 14 компаній эксплоатиро-

вали дорогу на протяженіи приблизительно въ 850 миль и имѣли чистаго дохода за послѣдній годъ около 30 мил. на капиталъ въ 400 м. Для характеристики этого желѣзно-дорожнаго дѣла въ Австріи, независимо отъ вышесдѣланнаго указанія на то, что 5 желѣзнодорожныхъ компаній учреждены были 5 акціонерными банками Compass, 394, мы помѣщаемъ здѣсь курьезный балансъ за 1868 г. одной изъ этихъ компаній Compass, 393:

Activa.			Passiva.		
Realitäten und Entitäten	4,643,087	18	Actien-Capital	1,219,575	—
Amortisirt 26 S. Ac. . .	5,500	—	Prioritäts-Actien-Capital	263,000	—
Baukosten	23,103	86	Trauntbaler Priorit.-Obl.	2,100	—
Utensilien	143,627	69	Johanniter-Orden	105,000	—
Wiener Inventar	5,600	—	Tratten	10,356	10
Materialvorrath	16,372	21	Creditoren	28,538	21
Mühle und Bäckerei . .	3,488	52	Actien-Zinsen	989	35
Debitoren	27,273	61	Reserve-Fond	37,259	07
Kohlenlager	19,317	65	Dispositions-Fond . . .	90,894	02
K. k. pr. Pfandleih-Anstalt	17,000	—	Amortisations-Fond . .	9,111	76
Rimessen	39,768	36	Gewinn- u. Verlust-Conto	193,875	56
Wolfsegger Wechsel . .	571	63			
Cassabaarschaft	15,968	36			
	1,960,699	07		1,960,699	07

По конно-желѣзно-дорожному дѣлу, содержанію омнибусовъ и т. п., изъ 10 акціонерныхъ компаній, существовавшихъ къ началу 1870 г., 5 возникли въ 1868 и 1869 гг., а одно получило новую концессію въ 1869 г., такъ что только 4 ведутъ свое начало съ болѣе отдаленнаго времени. Основной капиталъ этихъ 10 компаній равнялся 14,120,000 гульд., раздѣленнымъ на 72,600 акцій, которыя оплачены были въ суммѣ до 5,245,000 г., такъ какъ допускался взносъ только 10% на акцію. Четыре компаніи съ капиталомъ въ 4 мил. съ лишнимъ дали чистой прибыли около 350 т. Изъ 15 акціонерныхъ компаній по пароходству и торговли съ капиталомъ въ 52 мил., раздѣленнымъ на 189 т. акцій, 11 возникли въ 1868 и 1869 гг., причемъ одна изъ этихъ компаній, наиболѣе крупная, съ капиталомъ въ 10 мил., учреждена была, подъ фирмою Ungarischer Lloyd, Dampfschiffahrts - Actiengesellschaft, Франко-Венгерскимъ акціонернымъ банкомъ. Изъ трехъ акціонерныхъ компаній по другимъ отраслямъ, одна учреждена было въ 1869 г. съ капиталомъ въ 1 м., раздѣленнымъ на 5 т. акцій, — Вѣнское обще-

ство частнаго телеграфа. Изъ 72 страховыхъ учрежденій, 41 были акціонерными; о 19-ти изъ нихъ въ Compass'ѣ за 1870 г. нѣтъ никакихъ, или есть только неполныя свѣдѣнія, изъ остальныхъ-же 22-хъ 7 были учреждены въ 1869 г., въ этомъ-же году двѣ компаніи соединились съ другими двумя компаніями и расширили свою дѣятельность, а 4 ликвидировали, понеся болѣе или менѣе крупные убытки. Въ общей сложности эти 18 страховыхъ акціонерныхъ компаній обладали капиталомъ приблизительно въ 37 мил. гульд., доходность-же этихъ компаній была крайнѣ неравномѣрная и колебалась между 30%+ и 30%— (Compass, 424). Но особенно поучительный результатъ даютъ числа, касающіяся остальныхъ акціонерныхъ компаній для возведенія построекъ, устройства фабрикъ, пивоварень, заводовъ, эксплоатированія каменноугольныхъ копей и т. п. Такихъ компаній было въ Австро-Венгріи къ началу 1870 г. 75, и возрастаніе ихъ опредѣляется слѣдующею таблицей:

Года.	Число акціонерныхъ компаній.	Капиталъ въ милліонахъ.	Число акцій въ тысячахъ.
1842	1	0,5	?
1856	1	2	10
1857	1	1	5
1858	1	1,5	5,5
1863	2	8,5	25,5
1865	3	1,25	5,5
1866	3	1,75	3
1867	9	4,5	13,5
1868	29	40,5	22,6
1869	20	болѣе 98	болѣе 401,5
?	5	17,25	83
Всего . . .	75	болѣе 176,75	болѣе 778,5

Слѣдовательно въ общей сложности число акціонерныхъ компаній къ началу 1870 г. равнялось 270, число акцій—4,569,321, акціонерный капиталъ — 1,050,907,943 гульд., оплаченный на 848,283,388; къ этому слѣдуетъ присоединить облигацій на сумму 901,039,033.

По этимъ числамъ можно было-бы предположить, что въ те-

ченіи 1868 и 1869 гг. въ Австро-Венгріи до того развились торговля и промышленность, что товарно-пассажирское движеніе по однимъ водянымъ путямъ вызвало учрежденіе 11 новыхъ судоходныхъ предпріятій съ капиталомъ въ 20 мил. гульд., между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ это время начали уже раздаваться жалобы на застой въ торговлѣ и промышленности и на общее неудовлетворительное положеніе дѣлъ. Объ этомъ времени пишетъ одинъ австріецъ, *Альфредъ фонъ-Лингеймъ*, слѣдующее: „На биржахъ Вѣны и Пешта разыгрывается потрясающая трагедія. Безуспѣшное состояніе, въ которомъ находятся эти обѣ руководящія биржи имперіи, проявляется въ томъ, что бумаги всѣхъ почти акціонерныхъ обществъ, основанныхъ съ половины прошлаго года, понизились не только до al pari, но и значительно болѣе. Не мало акцій имѣютъ въ настоящее время ровно половинную цѣну сравнительно съ временемъ ихъ процвѣтанія, съ котораго прошло едва пять мѣсяцевъ, и почти всѣ даже наиболѣе прочныя бумаги потеряли 30 процентовъ прежней цѣны. Потери, понесенныя незнакомою съ биржею публикою на этомъ обезцѣненіи новыхъ бумагъ, непремѣнно отзовутся самымъ неблагопріятнымъ образомъ на общемъ положеніи дѣлъ, почему мы не можемъ игнорировать наступающій кризисъ“. О степени колебанія курса акцій за одинъ только мѣсяцъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ (*Compass*, 23 и 24).

Банковыя акціонерныя компаніи.	Курсъ.		Другія акціонерныя компаніи.	Курсъ.	
	24 Авг.	24 Сент.		24 Авг.	24 Сент.
Англ. банкъ	425	281	Общество омнибусовъ . .	254½	162
Австро-Египетскій б. . .	117	90	Конно-желѣзная дорога .	187½	113½
Франко-Австрійскій б. .	144½	92	Венгерская С.-В. жел. д.	172	145
Генеральный банкъ . . .	79½	50	Венгерск. Восточн. ж. д.	102	80
Торговый банкъ	90	53	Общее Австр. строит. об.	77,6	56
Австро-Нидерлан. банкъ.	100	78	Штирійское жел. производство.	87½	46½
Мѣняльный банкъ	148	73	Лѣсной торговли	87,8	52
Вѣнскій банкъ	280	70	Иннерб. главное рем. . .	117	90
Вѣнскій Bank-Verein . .	249	127	Шлегм. бум. фабрика . .	100½	70
Альфельдская жел. дор.	183	157			
Кашау-Одерб. жел. дор.	69½	52			

Но явленія эти не отрезвили австрійцевъ, что и видно изъ нижеприведенныхъ чиселъ, относящихся къ 1872 году, т. е. до начала 1873 г. Всѣхъ акціонерныхъ компаній въ Австро-Венгріи къ началу 1873 г. насчитывается до 900 съ капиталомъ приблизительно въ 3 милліарда, оплаченнымъ на $3^1/_2$ милліарда и раздѣленнымъ на 20 мил. акцій; кромѣ того облигацій, займовъ и пр. на 2,200 мил.; т. е. число акціонерныхъ компаній утроилось за три года. Изъ этой суммы на долю одной Австріи приходится 661 компанія съ 11, 109, 513 акціями, оплаченными на 1,799,869,600 гульд. отчасти серебромъ, занятой-же капиталъ равнялся 1,455,468,512 г. Въ 1872 г. акціонерный капиталъ 218 разрѣшенныхъ въ этомъ году акціонерныхъ компаній равнялся 1,049,879,800 г., тогда какъ въ 1871 г. въ Австріи (безъ Венгріи) было 462 акц. компаніи съ 6,463,080 акціями, по которымъ уплачено было 1,221,090,106 гульд., также отчасти серебромъ, занято-же было 1,271,612,901 гульд. преимущественно серебромъ. Эти 462 компаніи по отраслямъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ (*Compass*, стр. XVII).

Наименованіе по роду.	Число.	Оплаченный капиталъ.	Наименованіе по роду.	Число.	Оплаченный капиталъ.
Желѣзно-дорожныя акціон. комп. . . .	29	659,520,724	Оружейныя.	1	3,000,000
Кредитн. и банковыя.	65	284,079,670	Извозныя.	2	2,600,000
Горнозаводскія . . .	33	68,119,700	Гостинницы	7	2,592,050
Сахарозаводскія. . .	99	34,742,900	Купальни.	10	1,390,313
Судоходныя	10	34,421,935	Водопроводы.	3	1,285,500
Строительныя	11	22,324,200	Химическихъ продуктовъ.	2	1,200,000
Прядильное произв.	29	17,076,700	Нефтяныя	2	1,000,000
Страховыя	32	14,307,670	Театральныя.	1	900,000
Торговыя.	17	13,813,540	Сельско-хозяйствен.	3	785,000
Бумажныя	13	11,981,500	Мостовыя.	4	758,220
Машино-строительн.	10	9,090,000	Винокуренныя. . . .	5	523,630
Газодѣлательныя . .	15	7,927,000	Спичечныя	1	500,000
Кирпичныя.	4	6,146,275	Стеклянныя	3	484,000
Конно-желѣзныя. . .	2	6,146,275	Мальцныя	3	445,000
Металлическія. . . .	6	4,780,000	Деревянное произв.	2	406,000
Пивоварни	10	4,004,785	Глиняное производс.	1	395,850
Паровыя мельницы .	11	3,123,050	Похоронныя	2	310,000

Наименованіе по роду.	Число.	Оплаченный капиталъ.	Наименованіе по роду.	Число.	Оплаченный капиталъ.
Торфяныя	1	300,000	Крахмальныя . . .	3	83,950
Телеграфныя.	1	200,000	Книгопечатныя . .	1	50,000
Шипучихъ напитк. .	1	175,000	Ломбардныя	1	32,000
Цементныя	1	160,000	Масляныя	1	30,000
Соломенное произв.	1	104,000	Тиры	2	26,696
Spodiumfabr	1	100,000	Всего . . .	462	1,221,990,108

Сопоставляя эти числа за два года, мы получимъ слѣдующую таблицу:

Годъ.	Число акц. комп.	Число акцій.	Акціонерный капиталъ.	Занятой капиталъ.	Всего.
31 Дек. 1872	661	11,109,513	1,799,869,600	1,455,468,512	3,255,338,112
31 Дек. 1871	462	6,463,080	1,221,090,106	1,271,612,901	2,492,703,007
Разница.	199	4,746,433	578,779,494	183,855,611	762,635 105

О погодномъ возрастаніи акціонерныхъ компаній можно судить по слѣдующимъ двумъ таблицамъ:

1) акціонерные банки въ Австріи

1816.	1842.	1853.	1856.	1859.	1862.	1863.	1864.	1867.	1868.	1869.	1870.	1871.	1872.	1873.	Всего.
1	1	1	1	1	1	2	3	2	6	21	2	18	38	2	100

2) промышленныя акціонерныя компаніи

1822.	1840.	1841.	1856.	1858.	1862.	1865.	1867.	1868.	1869.	1870.	1871.	1872.	1873.	Всего.
1	1	1	1	2	1	1	3	5	39	7	17	42	5	126

Изъ этихъ двухъ таблицъ ясно видно, что впечатлѣніе отъ кризиса 1870 г. было непродолжительно, такъ какъ оно выразилось меньшимъ учредительствомъ только въ годъ бѣдствія, но затѣмъ акціоманія проявилась съ прежнею и даже съ бо̀льшею силою. Не смотря, напримѣръ, на то, что изъ 32-хъ банковъ, учрежденныхъ въ Австріи въ 1869 г., одинадцать, какъ это

видно изъ первой таблицы, должны были прекратить свое существованіе, тѣмъ не менѣе послѣ 1869 г. въ теченіи 3-хъ лѣтъ учреждено было еще 58 новыхъ банковъ; въ одномъ только декабрѣ мѣсяцѣ 1872 г. въ одной Вѣнѣ прибавилось, такъ называемыхъ Gründungen und Emissionen (учредительствъ и выпусковъ акцій) на 94 м., за весь-же 1872 г. — на 913½ м. (3—8 по вычисленію *Вирта* (*Wirth*. II, S. 80) 1108 м. и изъ этой суммы, какъ видно изъ сравнительной таблицы за 1871 и 1872 г., до 85% приходится на долю акціонерныхъ компаній. Этому совершенно необычайному наростанію акціонерныхъ компаній соотвѣтствовало такое-же необычайное паденіе ихъ. Въ 1873 году подпали конкурсу, или ликвидировали въ Австріи, безъ Венгріи, 112 акц. компаній съ оплаченнымъ капиталомъ въ 262,032,400 гульд., общее-же число банкротствъ въ Австро-Венгріи въ 1872 году равнялось, по вычисленію *Вирта* (*Wirth*. II, S. 28), 1250; въ числѣ обанкротившихся фигурировали такія личности, какъ напримѣръ, нѣкій офицеръ *Плахта*, раззорившій массу людей, преимущественно женщинъ. Рядомъ съ банкротствами были и крупныя кражи, какъ, напримѣръ, кража кассира *Покорнаго* изъ Кредитнаго Банка 437 т. гульденовъ. Паденіе курса на акціи на Вѣнской биржѣ въ теченіи 1½ мѣсяцевъ, съ 6 апрѣля по 25 мая 1873 года, было до того велико, что встрѣчаются, напримѣръ, такія соотношенія, какъ 276 къ 75 (Börsen- u. Arbitrage-Bank), 145—65 (Allg. Wiener Bau-Actiengesellschaft), 313—142 (Wiener Baugesellschaft), 273 — 95 (Hypothekar-Renten), 258 — 52 (Wiener Maklerbank), 224—40 (Wiener Börsen-Bank) и т. п.; по вычисленію *Вирта* (*Wirth*. S. 145) потери на курсъ за эти 1½ мѣсяца равнялись 300 м.; къ октябрю мѣсяцу этого-же года потери на курсы однихъ только строительныхъ банковъ, акціи которыхъ въ особенности подверглись паденію (напр. Allg. öster. Baugesellschaft, акціи которой пали на 236 г.), равнялись 123,440,000 г.; вообще-же потери на курсы на Вѣнской биржѣ за 1873 г. были слѣдующія: на 4,903,106½ желѣзно-дорожныхъ акцій съ оплаченнымъ капиталомъ въ 938,860,195 г. потеря равнялась 105,098,735, на 2,030,400 промышленныхъ акцій съ капиталомъ въ 213,320,000 равнялась 135,837,000 г., на 3,307,500 банковыхъ акцій съ капиталомъ въ 510,850,000 равнялась 366,682,500 г., т. е. всего на 10,241,006 акцій потери было 607,618,235 г. на оплаченный капиталъ въ 1,663,030,195 г. Но потери не ограни-

чились этимъ: къ началу марта 1874 г. въ Австріи впали въ конкурсъ 8 банковъ съ 15,2 м., 2 страховыхъ компаніи съ 3,8 м., 1 жел.-дор. компанія съ 0,6 м. и 7 пром. акціонерныхъ компаній съ 3 м.: ликвидировали 40 банковъ съ 139,4 м., 6 страховыхъ компаній съ 5.2 м., одна дорожная компанія съ 1,6 м., 18 строительныхъ компаній съ 64,6 м.; въ Венгріи подпали конкурсу 10 банковъ съ 3,3 м., 2 промышленныхъ компаніи съ 0,8 м., ликвидировали 13 банковъ съ 11,3 м., 2 страховыхъ компаніи съ 0,8 м., 1 дорожная съ 4,8 м., 1 строительная съ 0,2 м. и 10 промышленныхъ съ 5,3, чѣмъ впрочемъ не закончился еще рядъ конкурсовъ и ликвидацій (Wirth. II, S. 249, 250). Какъ отразился этотъ кризисъ на рабочемъ классѣ, можно судить потому, что въ Вѣнѣ, кромѣ 14 т. рабочихъ добровольно оставившихъ городъ, и 800 высланныхъ изъ Вѣны, кромѣ того остались безъ заработковъ 18,830 рабочихъ. Весь этотъ крахъ сопровождался безпримѣрными случаями самаго наглаго обмана, мошенничества, подлоговъ, дерзкой кражи и т. п., такъ что *Виртъ* говоритъ: насъ бы повело слишкомъ далеко изложеніе всѣхъ противузаконностей, проступковъ и преступленій, которые были совершены по этому поводу въ Германіи не меньше, чѣмъ въ Австріи, во Франціи, въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ. При такихъ условіяхъ *Шеффле* былъ правъ, говоря, что въ Европѣ производится въ настоящее время воровство въ столь обширныхъ размѣрахъ, что прежніе рыцарскій грабежъ и теократическая эксплоатація кажутся по сравненію благороднымъ ремесломъ, и это воровство приводитъ къ почету, вмѣсто того чтобы приводить къ тюремному заключенію.

Что касается *Россіи*, то ея исторія акціонерныхъ компаній очень коротка и несложна. До 1822 года въ Россіи существовала одна только акціонерная компанія — Россійско-Американская, по характеру своему отчасти сходная съ первыми европейскими колонизаціонно-торговыми компаніями, которыя, какъ мы указали уже выше, имѣли значеніе болѣе акціонерныхъ корпорацій, чѣмъ собственно-акціонерныхъ компаній. Съ 1822 года по 1855 возникло неболѣе 81 акціонерныхъ компаній (*Писемскій*, стр. 17), слѣдовательно за данный періодъ времени въ развитіи акціонернаго дѣла мы отстали отъ сосѣднихъ съ нами государствъ. Но съ 1856 года начинается въ Россіи акціонерная горячка въ сильнѣйшей степени, вызванная главнѣйшимъ образомъ огромнымъ притокомъ на рынокъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ,

искавшихъ себѣ помѣщенія послѣ Крымской войны, т. е. причина въ данномъ случаѣ сходна съ тѣми, которыя способствовали развитію акціонерной спекуляціи въ Австріи послѣ Крымской, Итальянской, Австро-Прусской и Прусско-Французской войнъ. Горячка эта сопровождалась обычными симптомами, т. е. банкротствами, биржевою спекуляціей, ажіотажемъ, колоссальнымъ обогащеніемъ единичныхъ лицъ, паникой, деморализаціей, скандальными процессами и самоубійствами тѣмъ не менѣе сравнительно, горячка эта прошла довольно благополучно, благодаря въ значительной степени слабому развитію духа предпріимчивости въ русскомъ народѣ. Даже общеевропейскій крахъ 1873 г. проявился въ Россіи, также сравнительно, въ очень слабой формѣ (*Wirth*. II, S. 254). По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1876 г. въ Россіи было 550 акціонерныхъ компаній (181 — 17); въ 1877 г. въ срединѣ года на Петербургской биржѣ котированы были 141 акціонерныхъ компаніи, распредѣленныхъ по отраслямъ слѣдующимъ образомъ:

акціонерныхъ банковъ	37
торговыхъ и промышленныхъ комп. . .	37
страховыхъ компаній	16
желѣзно-дорожныхъ, пароходныхъ и др. к. .	51
Всего . . .	141

Цифры эти указываютъ скорѣе на слабое развитіе у насъ акціонернаго дѣла, чѣмъ на чрезмѣрное распространеніе его; къ этому-же слѣдуетъ добавить, что въ Россіи акціонерная форма не была до сихъ поръ примѣнена къ цѣлой массѣ предпріятій, для которыхъ эта форма вполнѣ примѣнима, каковы, напримѣръ, театры, музеи, библіотеки, выставки, учебныя заведенія, больницы и т. п. Только изрѣдка попадали въ печать какъ бы случайныя указанія на возможность примѣненія въ этой области акціонерной формы, но далѣе этого дѣло не шло, кромѣ того, одна изъ формъ акціонерныхъ компаній, такъ называемыя, коммандиты на акціяхъ или, вѣрнѣе, акціонерныя товарищества, вовсе не была допущена, вслѣдствіе чего во всемъ акціонерномъ дѣлѣ у насъ существовалъ и существуетъ пробѣлъ, который не можетъ быть оправданъ какими нибудь основательными доводами: допуская акціонерныя корпораціи и собственно акціонерныя компаніи, законодательство, если оно желаетъ быть послѣдовательнымъ, должно допустить также и акціонерныя товарищества.

Вотъ въ краткихъ чертахъ исторія развитія акціонерныхъ компаній въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. Развитіе это, разумѣется, находилось въ сильной зависимости отъ направленія, которое принимало законодательство той или другой страны въ отношеніи къ акціонерному дѣлу, вслѣдствіе чего мы и переходимъ теперь къ изложенію краткаго очерка развитія *законодательства объ акціонерныхъ компаніяхъ* въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ.

Первыя акціонерныя компаніи возникли не на основаніи общаго закона, опредѣляющаго эту форму соединенія лицъ, но на основаніи особыхъ эдиктовъ, патентовъ, декларацій и т. п., даваемыхъ верховною властью возникающему учрежденію, причемъ основныя положенія этихъ компаній были весьма различны, находясь въ зависимости не отъ стремленія подвести ихъ подъ одну какую-нибудь основную форму, но отъ случайныхъ причинъ, коренившихся преимущественно въ цѣли или въ цѣляхъ учреждаемыхъ компаній, имѣвшихъ политическое значеніе. Эти компаніи имѣли значеніе болѣе корпорацій (учрежденій), чѣмъ обществъ, или, какъ говоритъ *Гольдсмидтъ*, „diese Aktienvereine waren überwiegend Staatsanstalten, staatliche Betheiligung“ (эти акціонерные союзы были главнѣйше государственными учрежденіями), — это были *акціонерныя корпораціи.* Или-же случалось, что нѣкоторыя акціонерныя компаніи возникали изъ товариществъ, модифицированныхъ па основаніи какихъ либо утилитарныхъ соображеній; — это были товарищества на вѣрѣ, на столько приблизившіяся къ современной формѣ *акціонерныхъ товариществъ* (коммандитъ на акціяхъ), что различіе между этими двумя формами сдѣлались почти неуловимымъ. *Слѣдовательно появленію собственно акціонерныхъ компаній въ тѣсномъ смыслѣ предшествовало появленіе акціонерныхъ корпорацій и акціонерныхъ товариществъ*; да оно и не могло быть иначе, такъ какъ собственно-акціонерныя компаніи, принадлежа къ той основной формѣ союзовъ, которая называется *обществомъ*, не могла возникнуть раньше, чѣмъ выработалось понятіе объ обществѣ, что, какъ извѣстно, произошло не раньше какъ во второй половинѣ 18-го столѣтія, и чему много содѣйствовали акціонерныя корпораціи и акціонерныя товарищества, заключая въ себѣ нѣкоторые изъ тѣхъ элементовъ, которые должны были войти въ это понятіе. На этомъ основаніи первые источники по исторіи акціонернаго права слѣдуетъ искать

не въ теоріи и законодательствѣ, а въ отдѣльныхъ и различныхъ уставахъ корпорацій и товариществъ, преслѣдовавшихъ частныя или политическія цѣли, и сходныхъ по нѣкоторымъ своимъ существеннымъ чертамъ съ современными акціонерными корпораціями и акціонерными товариществами.

Акціонерная форма, какъ явленіе новое, неизбѣжно должно было сначала пережить тотъ періодъ соотношенія теоріи и законодательства, когда въ новомъ явленіи или фактѣ схватываютъ только внѣшнюю сторону его, не понимая или не замѣчая основныхъ элементовъ его. Періодъ этотъ продолжался для акціонерныхъ компаній въ теченіи всего 18-го и начала 19-го столѣтій.

Во Франціи, къ первымъ источникамъ законодательства, имѣющаго отношеніе къ развитію акціонернаго дѣла, слѣдуетъ отнести эдикты 7 іюня 1611 г., 26 марта 1624 г. и 16 мая 1650, которыми запрещался выпускъ бумажныхъ цѣнностей на предъявителя или безъименныхъ бумагъ (billets au porteur, billets en blanc) тѣмъ лицамъ, или учрежденіямъ, которыя не получили на то спеціальной привиллегіи (*Fick.* S. 56). Въ 1673 г., т. е. тогда, когда во Франціи существовали уже двѣ большія акціонерныя торговыя компаніи, въ мартовскомъ ордоннансѣ sur le commerce des négocians et marchands, въ которомъ одна глава посвящена была вопросу des sociétés (объ обществахъ), ничего не говорится объ акціонерныхъ компаніяхъ, а указывается только на двѣ формы торговыхъ товариществъ,—полное (société générale), члены котораго несутъ солидарную (неограниченную) отвѣтственность, и на вѣрѣ (société en commendite), въ которомъ рядомъ съ полными товарищами существуютъ вкладчики, отвѣчающіе только суммой своихъ вкладовъ. Почти одновременно съ этимъ въ теоріи уже замѣчена была одна внѣшняя черта новой формы союзовъ, какъ это видно изъ классификаціи торговыхъ товариществъ у Савари (*Savary.* Le parfait négociant. 1679. p. 1 и 2), который въ 1679 году, въ книгѣ своей „Le parfait négociant ou instruction générale pour ce qui regarde le commerce, различаетъ товарищества полныя (collective), на вѣрѣ (en commendite) и анонимныя (qui se fait sous aucun nom), причемъ онъ подраздѣляетъ анонимныя товарищества на четыре категоріи, относя къ первой категоріи товарищества по участкамъ (société en participation). Эти анонимныя товарищества по участкамъ отнюдь не были акціонерными компаніями въ современномъ значеніи этого

слова, тѣмъ не менѣе въ нихъ были уже нѣкоторыя, хотя и совершенно внѣшнія черты послѣднихъ, какъ, напримѣръ, безличная фирма, долевое участіе и проблески самоуправленія (*Savary*. Le parfait négociant, p. 22). Далѣе, по законодательству, 23 мая 1716 г. послѣдовалъ эдиктъ короля Людовика XV — Edit du Roi Louis XV, portant défences de faire des billets payables au porteur; этотъ эдиктъ, изданный въ интересахъ Лауевскаго банка, отмѣненъ былъ 25 января 1721 года контрдекларацiей, — „Déclaration du Roi Louis XV pour établir l'usage des lettres ou billets payables au porteur" (*Fick*. S. 56); эти два эдикта, разумѣется, никакого прямаго отношенія къ акціонернымъ компаніямъ не имѣли, такъ какъ ни въ законодательствѣ, ни въ теоріи не имѣли еще опредѣленнаго представленія объ акціи и не отличали даже société отъ compagnie, хотя и употребляли оба эти термина не какъ синонимы. Первая попытка къ выясненію этой темной области принадлежитъ Савари (сыну), въ 1726 г., который, подобно своему отцу, различая три формы торговыхъ товариществъ и подраздѣляя третью форму на четыре категоріи, не причисляетъ акціонерныя компаніи ни къ одной изъ этихъ формъ, говоря, что compagnies отличаются отъ sociétés тѣмъ, что первыя не могутъ быть учреждены иначе, какъ по разрѣшенію верховной власти и нуждаются въ патентахъ, постановленіяхъ Совѣта, эдиктахъ и объявленіяхъ, но теперь, говоритъ онъ, компаніями называютъ обыкновенно только тѣ большія общества (sociétés), которыя устраиваются для заграничной торговли и далекихъ плаваній, каковы, напримѣръ, Compagnie des Indes Orientales и др. (207 — 1335). Онъ же первый даетъ опредѣленіе не только акціи, но даже и облигаціи.

Action обозначаетъ право преслѣдовать судебнымъ порядкомъ свои требованія. Такъ выражаются и о судебныхъ процессахъ и о другихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ укрѣпленію и осуществленію своего права. Сдѣлать кого-либо представителемъ всѣхъ своихъ требованій, правъ, исковъ и т. п. (droits, noms, raisons et *actions*), значитъ передать этому лицу всѣ свои права на извѣстную вещь и доставить ему чрезъ эту передачу возможность дѣйствовать по отношенію этой вещи, какъ ему принадлежащей, судебнымъ порядкомъ отъ своего имени.

Action обозначаетъ иногда движимыя вещи, и говорятъ, что

кредиторы купца наложили арестъ на его движимость (Se sont saisis de toutes ses actions), чтобы указать, что они завладѣли всѣми его долговыми требованіями.

Action redhibitoire (искъ о возвратѣ) является тѣмъ искомъ, посредствомъ котораго покупатель можетъ принудить продавца принять обратно бракованный товаръ.

Action de compagnie, акція, составляетъ часть или долю, соединеніе которыхъ образуютъ основной капиталъ торговой компаніи; такъ компанія, имѣющая триста акцій, въ тысячу ливровъ каждая, должна обладать основнымъ капиталомъ въ триста тысячъ ливровъ или соотвѣтственно менѣе иля болѣе, если акціи опредѣлены на нисшую или высшую сумму.

Action называются также обязательства, условія и удостовѣренія, выдаваемыя директорами торговыхъ компаній сдѣлавшимъ взносы въ кассу компаніи и участвующимъ въ ея прибыляхъ [1]).

Выдать акцію (délivrer une action)—значитъ удостовѣреніе или свидѣтельство, которое дѣлаетъ акціонера собственникомъ взятой имъ акціи. Акціи, говоритъ онъ, повышаются и понижаются въ цѣнѣ, смотря по положенію дѣлъ компаніи, но нерѣдко это колебаніе цѣны зависитъ отъ ложныхъ слуховъ, причемъ колебанія бываютъ очень значительны, а такъ какъ акціонерамъ дозволено продавать свои акціи en tout ou en partie, à perte ou à gain, то существуетъ цѣлая *торговля акціями*, которая во Франціи не похожа на такую-же торговлю въ Голландіи, такъ какъ въ Голландіи въ этомъ отношеніи существуетъ порядокъ, а во Франціи — это une espèce de fureur (нѣчто въ родѣ безумія) [2]). Акціи французскія, которыя онъ повиди-

---

[1]) Облигаціи — это заемныя письма отъ имени какой-либо компаніи, подписанныя однимъ или нѣсколькими товарищами *billets de Compagnie* (облигаціи) sont des billets faits pour emprunter de l'argent au nom d'une Compagnie, et qui sont souscrits par un ou plusieurs associés;—они, говоритъ онъ, обязываютъ не только подписавшихся, но и остальныхъ associés и они считаются обыкновенно лучшими изъ всѣхъ бумагъ, находящихся въ обращеніи, ou pourtant quelque fois vu très-décriés, et dont les excomptes égalaient celles des plus mauvais papiers (1335).

[2]) Онъ указываетъ на слѣдующіе термины, созданные торговлей акціями: 1) *nourrir une action* c'est payer exactement à leur échèance, les diverses sommes pour lesquelles on a fait sa soumission à la caisse dè la Compagnie suivant qu'il a été reglé par les arrests du Conseil. donnés pour la création des nouvelles actions; 2) *fondre des actions* c'est les vendre et s'en défaire; 3) *une action nourrie* эта то акція, которая вполнѣ оплачена и по ней получается дивидендъ, а пока акція не оплачена сполна, это не акція, а «une soumission» (207—21).

мому отличаетъ отъ голландскихъ, суть нынѣ трехъ видовъ: простыя, дающія опредѣленные доходы (rentières) и связанныя съ интересомъ (interessées). Первыя имѣютъ всѣ выгоды, но отвѣчаютъ и за всѣ потери, не имѣя другаго обезпеченія, кромѣ основнаго капитала самой компаніи. Акціями, дающими опредѣленный доходъ (rentières), являются тѣ, которыя обезпечиваютъ гарантированный его величествомъ, какъ то бывало при городскихъ рентахъ, процентъ въ два на сто, но которыя не даютъ права участія въ прибыляхъ и дивидендѣ. *Actions interessées* занимаютъ середину между предыдущими двумя видами акцій: онѣ имѣютъ гарантированные королемъ два процента et outre cela elles doivent partager d'excedent du divident avec les actions simples; онѣ введены были для духовенства — des communautés Ecclésiastiques qui pouvaient avoir des remplacements de deniers à faire. Кромѣ этихъ видовъ акцій, продолжаетъ онъ, дѣятели rue Quinquempoix выдумали еще нѣсколько: des mères, des filles, des grand'mères, des petites filles et quelques autres aussi extravagantes (Savary p. 21). *Акціонеромъ* называетъ онъ владѣльца акціи, добавляя при этомъ, что въ Голландіи владѣльцы акцій называются акціонистами; акціонеръ не имѣетъ права голоса, если не владѣетъ извѣстнымъ числомъ акцій, указаннымъ въ королевскомъ патентѣ (lettre patente), и онъ не можетъ быть директоромъ, если не владѣетъ еще бóльшимъ числомъ акцій (Savary. 21 и 19).

Еще менѣе или даже ровно ничего не даютъ въ отношеніи къ вопросу объ акціонерныхъ компаніяхъ теорія и законодательство другихъ государствъ Европы, исключая Англіи, которой принадлежитъ заслуга изданія перваго общаго законодательнаго акта относительно акціонерныхъ компаній. Этимъ актомъ былъ законъ о мыльныхъ пузыряхъ отъ 11 іюня 1720 года (Bubbles-Act, Stat. 6 Geo. I cap. 18), состоявшій изъ 18 параграфовъ и имѣвшій цѣлью воспрепятствовать учрежденію въ Англіи промышленныхъ компаній, члены которыхъ несли-бы ограниченную, имущественную отвѣтственность, и доли участія въ которыхъ были-бы отчуждаемы, такъ какъ на основаніи Common Law дозволено было учрежденіе такихъ только товариществъ, въ которыхъ доли участія неотчуждаемы и въ которыхъ всѣ товарищи несутъ солидарную отвѣтственность, причемъ для учрежденія такихъ товариществъ не требовалось никакого предварительнаго правительственнаго разрѣшенія. Такимъ образомъ всѣ компаніи

въ Англіи подводились подъ понятіе о societas и государство не вліяло ни въ какой формѣ на учрежденіе акціонерныхъ компаній, прямо отрицая эту форму путемъ непризнанія характеристическихъ чертъ, присущихъ ей. Обстоятельство это вызывало на практикѣ огромныя затрудненія, ослабляемыя только въ самой незначительной степени тѣмъ, что корона могла сообщать посредствомъ Charters или Letters-Patent нѣкоторымъ компаніямъ корпоративныя права (corporations, bodies corporate), содержаніе которыхъ опредѣлялось на началахъ римскаго права, или-же тѣмъ, что парламентъ частными актами (private bills или private acts of Parliament) назначалъ представителей компаніи, придавая этимъ компаніи значеніе юридическаго лица. Но привиллегіи отъ короны выдавались очень рѣдко, частные-же парламентскіе акты стоили очень дорого и потому ихъ выхлопатывали только тѣ компаніи, которыя по характеру предпріятія во всякомъ случаѣ могли быть учреждены только съ разрѣшенія парламента, — это, такъ называемыя, Companies for executing parliamentary works; онѣ учреждались для постройки мостовъ, прорыванія каналовъ, проложенія шоссе, устройства гаваней, туннелей, доковъ, равно какъ, — позднѣе, для постройки желѣзныхъ дорогъ, устройства газо- и водопроводовъ и т. п. (*Güterbock*. Die englischen Actiengesellschaftsgesetze von 1856, 57. Berlin. 1858. S. IV). Какъ-бы дополненіемъ Bubbles-Act'а, для усиленія его значенія, былъ Sir John Barnards Act (Stat. 7 Geo. II cap. 8) 1734 г. — an act to prevent the infamous practice of Stock-Jobbery (актъ для предупрежденія безстыднаго акціонернаго ажіотажа). Bubbles-Act отмѣненъ былъ только въ 1824 г. (Stat. 6 Geo. IV cap. 91), а Barnards-Act — 14 іюня 1860 (Stat. 23 Vict. cap. 28). Bubbles-Act, какъ первый общій законодательный актъ относительно акціонерныхъ компаній, имѣвшій огромное значеніе въ исторіи развитія акціонернаго дѣла въ Англіи, особенно замѣчателенъ тѣмъ, что онъ направленъ былъ противъ акціонерныхъ компаній и въ немъ признаются даже преступными тѣ именно основанія, которыя составляютъ ихъ характеристическое свойство; слѣдовательно законодательство объ акціонерныхъ компаніяхъ началось съ отрицанія этой формы союзовъ.

Послѣ Bubble-Act'а вторымъ общимъ законодательнымъ актомъ относительно акціонерныхъ компаній былъ французскій законъ 26 жерминаля (II годъ республики), установившій обязательность правительственнаго разрѣшенія для учрежденія акціонерныхъ компа-

ній, причемъ законъ этотъ былъ отмѣненъ черезъ два года, — 30 брюмера годъ IV-й. Затѣмъ, во французскомъ проектѣ торговаго уложенія, 5 декабря 1801 г., опредѣлено было въ t. III art. 14, что существуетъ четыре рода обществъ: 1) s. en noms collectifs, 2) en commandite, 3) s. en participation и 4) s. par actions. Акціонерныя общества опредѣлены были такъ: Акціонерное общество представляется анонимнымъ, такъ какъ оно извѣстно только по опредѣленію его цѣли. Такое опредѣленіе, разумѣется, нельзя признать полнымъ, но недостатокъ этотъ въ значительной степени устраненъ былъ въ Code de Commerce 1808 г., въ которомъ акціонернымъ компаніямъ удалено было 18 параграфовъ. Въ этомъ кодексѣ акціонерныя компаніи названы sociétés anonymes и онѣ нормированы были согласно уставу Compagnie des Indes Orientales, причемъ опять введено было, отмѣненное закономъ 30 брюмера годъ IV, концессіонное начало и рядомъ съ собственно-акціонерными компаніями признаны были также акціонерныя товарищества (коммандитныя товарищества на акціяхъ), въ отношеніи къ которымъ концессіонная система не имѣла примѣненія. Акціонерныя товарищества получили во Франціи особенное развитіе и при частыхъ уклоненіяхъ отъ нормальнаго пути они нерѣдко подавали поводъ къ весьма основательнымъ нареканіямъ, такъ что въ 1837 году возбужденъ былъ даже вопросъ о совершенномъ воспрещеніи ихъ, какъ источника возмутительныхъ злоупотребленій; но постановленія заготовленнаго по этому поводу проекта закона найдены были слишкомъ стѣснительными и потому проектъ этотъ не прошелъ въ законодательномъ собраніи, причемъ Тролонъ, отстаивавшій акціонерныя товарищества, резонно замѣтилъ, что вмѣсто того чтобы обвинять интригующихъ предъ судомъ исправительной полиціи, обвиняли законъ предъ Палатами (*Fick.* S. 58). Слишкомъ ясно было, что чрезмѣрное развитіе акціонерныхъ товариществъ было главнѣйшимъ образомъ слѣдствіемъ того, что акціонерныя товарищества освобождены были отъ примѣненія концессіонной системы, тогда какъ система эта примѣнялась къ собственно-акціонернымъ компаніямъ: желаніе обойти стѣснительный законъ заставляло предпочитать одну форму другой, съ отмѣной-же стѣснительнаго закона устранены были побудительныя причины къ обходу его. Дѣло оставалось въ такомъ положеніи до 1856 года, когда былъ изданъ новый законъ, заключавшій въ себѣ ограничительныя постановленія относительно акціонерныхъ товариществъ,

которыя однако вскорѣ послѣ этого опять смягчены были послѣдующимъ закономъ 1863 года (Тернеръ, стр. 139). Законъ 11-го іюля 1856 г. противники акціонерныхъ товариществъ называютъ палліативомъ, высказывая сожалѣніе, что проектъ 1838 г. не прошелъ въ законодательномъ собраніи, вслѣдствіе будто-бы интриги спекулянтовъ (*Bédarride*. Commentaire de la loi du 24. I. 1867. Paris. 1871. I, 4); законъ этотъ дѣйствительно не удовлетворялъ потребности времени и многія постановленія его оказались въ примѣненіи на практикѣ недостаточными, такъ, напримѣръ, отвѣтственность Повѣрочнаго Совѣта по этому закону оказалась вполнѣ фиктивною, а потому законъ этотъ не продержался долго и существенныя постановленія его были отмѣнены уже въ 1863 г. законами 9 и 23 мая. Первый законъ,— отъ 9-го мая, измѣнилъ постановленія ст. 27 и 28 торговаго уложенія, а второй, — отъ 23 мая, пытался примѣнить начало свободы къ собственно-акціонернымъ компаніямъ. Но законы эти были настолько неудовлетворительны, что черезъ два года уже былъ разработанъ проектъ новаго закона объ акціонерныхъ компаніяхъ, и проектъ, будучи утвержденъ 24 іюля 1867 года, сдѣлался закономъ, дѣйствующимъ во Франціи до сихъ поръ съ нѣкоторыми только измѣненіями для акціонерныхъ компаній страхованія жизни и доходовъ. Законъ 23 мая 1863 г. ввелъ рядомъ съ société anonyme - sociétés à responsabilité limitée, которыя коммиссія, разрабатывавшая проектъ закона, предлагала назвать sociétés anonymes libres; отличіе этихъ компаній отъ анонимныхъ заключалось въ томъ, что для учрежденія ихъ не требовалось правительственнаго разрѣшенія и капиталъ ихъ не могъ превышать суммы 20 милліоновъ франковъ. Законъ 21-го іюня 1867 года, отмѣняя совершенно концессіонную систему, поставилъ рядомъ съ sociétés anonymes — sociétés à capital noriable; sociétés à capital variable могутъ учреждаться съ капиталомъ не болѣе какъ въ 200000 франковъ, причемъ капиталъ этотъ можетъ быть увеличиваемъ выпускомъ новыхъ акцій, или уменьшаемъ выкупомъ выпущенныхъ акцій, но уменьшеніе капитала не можетъ идти дальше суммы равной 10% первоначальнаго капитала компаніи; для остальныхъ-же видовъ акціонерныхъ компаній закономъ этимъ не было установлено maximum'а акціонернаго капитала. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что законъ 1868 года имѣетъ въ виду только *коммерческія акціонерныя компаніи* (sociétés commerciales), а не *гражданскія* (sociétés

civiles); эту особенность французскаго законодательства надо имѣть постоянно въ виду, чтобы не впасть въ ошибочное обобщеніе, могущее затемнить правильное представленіе объ акціонерныхъ компаніяхъ. Бедарридъ говоритъ по этому поводу (Commentaire de la loi du 24 J. 1867 I, 409) установлено въ наукѣ и правѣ, что характеръ общества опредѣляется ни его названіемъ, ни его формою, ни даже его уставомъ, но исключительно поставленной имъ себѣ цѣлью. Если эта цѣль не имѣетъ ничего коммерческаго, общество представляется чисто частнымъ гражданскимъ, хотя бы оно являлось въ формѣ коммандитнаго и что оно раздѣлило свой капиталъ на акціи именныя или безименныя, слѣдовательно не коммерческія, акціонерныя компаніи не входятъ въ разсмотрѣніе закона 24—29 іюля 1867 г. То-же самое говоритъ и Тролонъ (Du contrat de société. Par. 1841); коммерческими являются общества, составившіяся для производства торговли или какихъ либо промышленныхъ дѣйствій, это — ихъ цѣль, которая даетъ имъ промышленный характеръ. Всякаго рода другія общества — общества частныя гражданскія. Торговый кодексъ опредѣлилъ, какія дѣйствія считаются коммерческими (art. 632, 633). Когда общество образуется для производства одного изъ этихъ дѣйствій оно имѣетъ характеръ коммерческій. Внѣ этихъ границъ общества имѣютъ исключительно гражданскій характеръ и ихъ спекуляціи и прибыли не имѣютъ въ себѣ ничего промышленнаго. Пардессю (172 и 966) высказывается даже противъ возможности принятія некоммерческою акціонерною компаніей формы коммерческой; Алюзе же (12—I, 81) для выясненія этого вопроса указываетъ на ст. 18 закона, въ которомъ высказано категорически: *Le contrat de société se régle par le droit civil, par les lois particulières au commerce, et par les conventions des parties.* Вотъ почему, напримѣръ, постановленія о тонтинахъ и страхованіи, хотя бы для этихъ предпріятій избрана была акціонерная форма, не вошли въ общій законъ объ акціонерныхъ компаніяхъ, а потребовали новаго, добавочнаго закона отъ 22 января 1868 года, опубликованнаго въ февралѣ мѣсяцѣ того-же года: тонтины и страхованія не вошли въ ст. 632, 633 Торговаго Уложенія, какъ коммерческія дѣйствія (les actes réputés commerciaux) (36—I, 361—394; 13—I, 116). Нельзя не упрекнуть въ этомъ случаѣ г. *Тернера*, что въ его во многихъ отношеніяхъ прекрасномъ сравнительномъ обозрѣніи акціонернаго законодательства главнѣйшихъ европейскихъ странъ (228), какъ-

бы стушевывается различіе, дѣлаемое французскимъ законодательствомъ между компаніями commerciales (коммерческія) и civiles (гражданскія), распространяющееся также и на акціонерныя компаніи, вслѣдствіе чего его изслѣдованіе можетъ подать поводъ къ ошибочному заключенію, что по французскому законодательству всѣ акціонерныя компаніи считаются исключительно только коммерческими.

Въ Англіи послѣ Bubble-Act'a, затормозившаго развитіе акціонерныхъ компаній, и Barnards-Act'a, дополнившаго Bubble-Act, второй законодательный актъ относительно акціонерныхъ компаній послѣдовалъ только въ 1822 году (5 geo. IV cap. 114), затѣмъ въ 1826 г. (6 geo. IV cap. 91) и въ 1827 г. (7 geo. IV c. 46. Joint Stock Banks-Act). Первымъ актомъ отмѣнялся Bubbles-Act, вторымъ же и въ особенности еще актами 4 a. 5 Will. IV c. 94 и 1 Vict. c. 73 облегчено было учрежденіе акціонерныхъ компаній посредствомъ упрощенія условій пріобрѣтенія корпоративныхъ правъ и кромѣ того введена была довольно сложная система регистраціи (*Güterbock.* S. IV); третій актъ, продержавшійся до 1844 г., ограничилъ монополію Англійскаго банка на выпуски банковыхъ билетовъ. Совокупность этихъ актовъ дала на практикѣ результаты отрицательнаго свойства, на что и указано было нами выше въ историческомъ изслѣдованіи, а потому съ 14-го іюля по 5-е сентября 1844 г. послѣдовали новые акты (7 a. 8 Vict. cap. 110, cap. 111 a. cap. 113), затѣмъ 8 мая 1845 (8 Vict. cap. 16 a. §§ 164-the Companies Clauses Consolidation Act и 8 Vict. cap. 17), наконецъ въ 1847 г. (10 a. 11 Vict. c. 78). Первые два акта касаются Joint Stock Companies, учрежденныхъ безъ private acts of Parliament, и будучи дополнены актомъ 1847 г. развивали систему регистраціи (an Act for the registration, incorporation and regulation of Joint Stock Companies) для осуществленія которой учреждено было особое учрежденіе при торговой управѣ (Joint Stock Companies Registration Office). Регистрація была предварительная и окончательная; окончательной регистраціи должно было предшествовать заключеніе общественнаго договора (deed of settlement). Посредствомъ инкорпораціи компанія пріобрѣтала права юридическаго лица, а въ регулятивѣ опредѣлялся порядокъ управленія; кромѣ того сдѣланы были и постановленія относительно конкурса. Въ основаніи этихъ актовъ, изъ которыхъ первые два обязаны своимъ появленіемъ сэру *Роберту Пилю*,

сохранено начало солидарной отвѣтственности, нѣсколько поколебленное только актами 1845 года, которые признали довольно странную форму акціонерныхъ компаній съ солидарною и ограниченною отвѣтственностью (without limited liability); въ этихъ компаніяхъ, пользовавшихся корпоративными правами, каждый акціонеръ, по выходѣ своемъ изъ компаніи, несъ солидарную отвѣтственность въ теченіи 3-хъ лѣтъ (77—54; 89—стр. V). Третій актъ 1844 г., также обязанный своимъ появленіемъ *Роберту Пилю,* былъ дополненіемъ къ извѣстному Bank Chartes Act'у 14 іюля 1844 г. и исключалъ банковыя предпріятія изъ общихъ правилъ относительно акціонерныхъ компаній; подобное же значеніе имѣли и послѣдующія дополненія къ Companies Clauses Consolidation Act; (8 Vict. c. 20—Railways Clauses Consolidation Act; 8 Vict. c. 18—Lands Clauses Consolidation Act и 14 a. 15 Vict. c. 64), такъ что примѣненіе общаго закона было очень ограничено, распространяясь безусловно только на торговыя и страховыя акціонерныя компаніи и на компаніи, состоящія изъ болѣе чѣмъ 25 участниковъ. Наконецъ этотъ рядъ актовъ заключенъ былъ актами отъ 14 авг. 1848 г. (11 a. 12 Vict. cap. 45) и 1849 г. (12 a. 13 Vict. cap. 108), опредѣлявшими чрезвычайно цѣлесообразно порядокъ ликвидаціи (Güterbock. S. VI. *Schwebemeyer.* Das Actiengesellschafts-Bank- und Versicherungswesen in England. Berl. 1857. S. 15 и др.).

Новыя законодательныя работы въ этой области послѣдовали въ 1855—1857 гг. Первымъ новымъ актомъ былъ Limited-Liability-Act отъ 14 авг. 1855 г. (18 a. 19 Vict. cap. 133) [1]; актъ этотъ, не касаясь банковыхъ и другихъ акціонерныхъ компаній, для которыхъ изданы были спеціальные законы, допускалъ учрежденіе при соблюденіи извѣстныхъ условій (напр. цѣна акцій не ниже 10 фунт. стерл. съ оплатою не менѣе какъ на 20%) акціонерныхъ компаній съ ограниченною отвѣтственностью, о чемъ и должно было быть непремѣнно упомянуто въ фирмѣ компаніи, посредствомъ прибавленія въ концѣ слова «limited». Дополненіемъ къ этому акту послужили: Joint Stock Companies Act 14 іюля 1856 г. (19 a. 20 Vict. cap. 47) [2], Joint Stock Companies Act 13 іюля 1857 г. (20 a. 21 Vict. cap. 14—

---

[1]) An act for limiting the Liability of Members of certain Joint Stock Companies.

[2]) An act for the Incorporation and Regulation of Joint Stock Companies and other Associations.

An act to amend the Joint Stock Companies Act) 17 авг. 1857 г. (20 a. 21 Vict. cap. 49 – An act to amend the Lawrelating to Banking Companies), 25 авг. 1857 г. (20 a. 21 Vict. cap. 80), 23 іюля 1858 г. (21 a. 22 Vict. cap. 60— An act to amend the Joint Stock Companies Act 1856 and 1857 and the Joint Stock Banking Companies Act 1857) и 2 авг. 1858 г. (21 a. 22 Vict. cap. 91 — An act to enable Joint Stock Banking Companies to be formed on the Principle of limited liability). Этимъ рядомъ законовъ нарушено было начало солидарной отвѣтственности, упрощенъ и облегченъ былъ порядокъ регистраціи, допущено было примѣненіе начала ограниченной отвѣтственности къ акціонернымъ банкамъ, съ тѣмъ, однако, что начало это не распространяется на выпуски банковыхъ билетовъ, словомъ — акціонернымъ компаніямъ открыты были двери свободы, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что недопущенъ выпускъ акцій на предъявителя (*Fick.* S. 55; *Güterbock.* S. VII; *Renaud.* S. 35) и недозволено учрежденіе акціонерныхъ товариществъ.

Наконецъ, источниками нынѣ дѣйствующаго въ Англіи акціонернаго законодательства служатъ законы отъ 7 августа 1862 г. (26 a. 26 Vict. c. 89 — An act for the incorporation, regulation and winding up of trading Companies and other associations или Companies-Act 1862), 17 іюля 1876 г. (30 Vict. cap. 29— An act to amend the law in respect of the Sale and Purchase of Sheres in Joint Stock Banking Companies) и 20 августа 1867 г. (30 a. 31 Vict. cap. 131—An act to amend the Companies Act 1862). Къ закону 1862 г. приложенъ, такъ называемый, регулятивъ, заключающій въ себѣ подробныя постановленія, которыя касаются уставовъ акціонерныхъ компаній и которыя въ законодательствахъ другихъ странъ, хотя и не такъ подробно, входятъ въ основной законъ. Согласно этимъ новымъ законамъ въ Англіи допущено учрежденіе компаній, состоящихъ не менѣе какъ изъ 7-ми членовъ, для различныхъ торговыхъ цѣлей, не исключая банковыя и страховыя операціи, и *вообще для всякой дозволенной цѣли*, причемъ компаніи эти для пріобрѣтенія корпоративныхъ правъ (инкорпораціи) не нуждаются въ правительственномъ разрѣшеніи, а пріобрѣтаютъ ихъ простою заявкою и регистраціей въ Offices for the registration of Companies. Капиталъ этихъ компаній можетъ быть и не быть раздѣленъ на акціи (shares), если же онъ раздѣленъ на акціи, то такое

раздѣленіе возможно при трояких условіяхъ, т. е. такъ, что члены компаніи будутъ нести солидарную отвѣтственность и тогда компанія называется unlimited company having a capital divided into shares, или такъ, что члены компаніи обязуются отвѣчать при ликвидаціи предпріятія до извѣстной суммы свыше акціонернаго капитала и въ такомъ случаѣ компанія называется company limited by guaranty and having a capital divided into shares, или, наконецъ такъ, что акціонеры отвѣчаютъ только акціонернымъ капиталомъ, образуя company limited by shares. Запрещеніе выпуска акцій на предъявителя (share warrants) удержано въ законѣ 1862 г. и компаніямъ вмѣнено въ обязанность, подъ опасеніемъ уплаты штрафа въ 5 фунт. стерл. за всякій день просрочки, заявлять регистратурѣ объ имени, мѣстожительствѣ и званіи какъ членовъ компаніи (акціонеровъ), такъ и управленія, съ указаніемъ на сумму внесеннаго акціонернаго капитала. Законъ этотъ, не имѣя обратнаго дѣйствія, т. е. не распространяясь на компаніи, утвержденныя на основаніи парламентскихъ актовъ, тѣмъ не менѣе распространенъ былъ на всѣ компаніи, имѣющія болѣе чѣмъ 20 членовъ, а для банковыхъ компаній— болѣе чѣмъ 10 членовъ, исключеніе сдѣлано только для горнопромышленныхъ компаній. Закономъ 1867 г. отмѣнены и послѣднія стѣсненія: допущенъ выпускъ акцій на предъявителя и дозволены акціонерныя товарищества.

Въ *Германіи*, не смотря на раннее развитіе акціонернаго дѣла, о размѣрахъ котораго можно судить по тому, что въ одной Пруссіи до 1861 г. было уже 250 акціонерныхъ компаній, тѣмъ не менѣе въ законодательствѣ до 1835 г. не было никакихъ опредѣленій относительно этой новой формы союзовъ. Съ такими опредѣленіями мы впервые встрѣчаемся въ Гамбургскомъ законѣ отъ 28 декабря 1835 г. и въ Прусскомъ законѣ отъ 3 ноября 1838 г. о желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, въ которомъ, между прочимъ, сдѣланы были нѣкоторыя указанія относительно акцій, подписки на нихъ, утвержденія уставовъ и т. п. 31-го іюля 1839 года появляются также и въ Саксоніи отдѣльныя постановленія по данному вопросу. 9-го же ноября 1843 г. въ Пруссіи изданъ былъ полный законъ относительно акціонерныхъ компаній, хотя въ законѣ этомъ ничего не было объ акціонерныхъ товариществахъ, такъ какъ такія товарищества извѣстны были гражданскому кодексу только какъ товарищества на вѣрѣ. 26 ноября 1852 г. изданъ былъ въ Австріи коро-

левскій патентъ, заключавшій въ себѣ рядъ предписаній относительно акціонерныхъ компаній; затѣмъ слѣдуютъ законы великаго герцогства Гессенскаго отъ 20 іюля 1858 г., герцогства Нассаускаго отъ 2 іюня 1860 г., Бременскій отъ 6 декабря 1860 г., причемъ рядомъ съ этими партикулярными законами въ Рейнскихъ провинціяхъ, въ округѣ Кельнскаго аппелляціоннаго суда, въ Баденѣ, въ Рейнской Баваріи и въ Рейнскомъ Гессенѣ, дѣйствовалъ французскій коммерческій кодексъ.

Въ 1861 году разработано было Общее Торговое Уложеніе (Allg. deut. Handelsgesetzbuch) для государствъ, входившихъ въ составъ Германскаго Союза, причемъ Уложеніе это обнародовано было въ Пруссіи 24 іюня 1861 года и введено въ дѣйствіе 1 марта 1862 г. Въ Уложеніи этомъ, между прочимъ, заключались общія постановленія относительно акціонерныхъ компаній, преслѣдующихъ торговыя цѣли (Handelsgeschäften), вслѣдствіе чего въ Пруссіи нашли необходимымъ оставить сначала въ силѣ законъ 9 ноября 1843 г. для остальныхъ акціонерныхъ компаній, а затѣмъ партикулярный законъ этотъ былъ отмѣненъ, въ общемъ же законѣ, т. е. въ Торговомъ Уложеніи, сдѣланы были 15 февраля 1864 г. соотвѣтствующія дополненія въ томъ смыслѣ чтобы выдѣлить эти компаніи изъ общей массы торговыхъ предпріятій, но объ акціонерныхъ товариществахъ все таки пока не было сдѣлано никакихъ постановленій. 5 іюня 1869 г. дѣйствіе общегерманскаго Торговаго Уложенія распространено было на всю территорію Сѣверо-Германскаго Союза, послѣ чего 11 іюня 1870 г. послѣдовалъ новый, общій законъ объ акціонерныхъ компаніяхъ и объ акціонерныхъ товариществахъ (коммандитахъ на акціяхъ), каковой законъ включенъ былъ въ Общегерманское Торговое Уложеніе, путемъ дополненія или измѣненія соотвѣтствующихъ статей, а 16 — 22 апрѣля 1871 г. онъ объявленъ былъ обязательнымъ въ предѣлахъ территоріи Германской имперіи.

Законъ 11 іюня 1870 г., сохранившій свою силу до сихъ поръ, уничтожилъ различіе между акціонерными компаніями, преслѣдующими торговыя и неторговыя цѣли, измѣнивъ ст. 108 и 174 Торговаго Уложенія въ томъ смыслѣ, что всѣ акціонерныя компаніи, хотя-бы онѣ преслѣдовали неторговыя цѣли, считаются однако торговыми предпріятіями и пользуются купеческими правами, неся соотвѣтствующія этимъ правамъ обязанности. причемъ примѣненіе этого закона возбудило сомнѣніе, въ какой мѣрѣ законъ этотъ можетъ имѣть обратное дѣйствіе въ отношеніи къ

тѣмъ акціонернымъ компаніямъ, преслѣдующимъ неторговыя цѣли, которыя учреждены были до изданія этого закона. Законъ 11 іюня 1870 г. отмѣнилъ примѣненіе къ акціонернымъ компаніямъ, такъ называемой концессіонной системы, т. е. системы предварительнаго правительственнаго разрѣшенія, не отмѣняя однако примѣненія концессіонной системы на основаніи партикулярныхъ законодательствъ отдѣльныхъ странъ, вошедшихъ въ составъ Германской Имперіи, причемъ признано также подчиненіе правительственному надзору акціонерныхъ компаній для нѣкоторыхъ спеціальныхъ отраслей промышленности, представляющихъ, напримѣръ, опасность въ полицейскомъ, или въ санитарномъ отношеніяхъ. Этотъ законъ 11 іюля 1870 г., предшествуя страшному краху, который навелъ на всю Германію паническій страхъ, не прошедшій и до сихъ поръ, подвергнутъ былъ сильной критикѣ даже въ правительственныхъ сферахъ, вслѣдствіе чего прусскій министръ торговли, промышленности и публичныхъ работъ обратился къ торговымъ палатамъ и къ другимъ учрежденіямъ съ запросомъ, какого они мнѣнія о дѣйствующемъ акціонерномъ законодательствѣ и какія реформы въ этой области они почитаютъ необходимыми? На этотъ запросъ послѣдовалъ отвѣтъ нѣсколькихъ учрежденій и отвѣты эти по большей части заключали въ себѣ неодобрительные отзывы о новомъ законѣ; въ это же время въ литературѣ законъ этотъ также былъ подвергаемъ критикѣ, съ указаніемъ на слабыя стороны его, такъ что по всѣмъ вѣроятіямъ въ ближайшемъ будущемъ Германію ожидаетъ новая реформа акціонернаго законодательства. Нынѣ же дѣйствующій законъ довольно мѣтко характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ: наше акціонерное законодательство въ общемъ, говоритъ онъ, напоминаетъ мазанку. Были поставлены для различнаго вида акцій разныхъ акціонерныхъ обществъ основанія, умѣстныя для отдѣльныхъ только видовъ акцій и изданы для отдѣльныхъ акціонерныхъ компаній постановленія, которыя слѣдовало бы обобщить. Больное мѣсто нѣмецкаго закона — это слабость постановленій относительно публичности и отвѣтственности и подведеніе всѣхъ акціонерныхъ компаній подъ одну категорію торговыхъ компаній.

Въ *Австріи* дѣйствуетъ пока Общегерманское Торговое Уложеніе въ старой его редакціи 1861 года, но существуетъ предположеніе замѣнить постановленія его относительно акціонерныхъ компаній новыми нормами, и съ этою цѣлью разработанъ уже

проектъ акціонернаго законодательства въ Австріи (*Renaud.* S. 46 и 49) и насколько одни хвалятъ этотъ проектъ (*Wirth.* Geschichte. II. S. 269), настолько другіе порицаютъ его. Покаже проектъ этотъ не утвержденъ, австрійское правительство вынуждено было по случаю краха издать 21 іюня 1873 г. слѣдующее императорское повелѣніе, состоящее изъ двухъ параграфовъ слѣдующаго содержанія: § 1. Если акціонерное общество, по вступленіи въ силу этого императорскаго повелѣнія, прекращается, иначе какъ по конкурсу, то распредѣленіе оставшагося послѣ удовлетворенія или обезпеченія кредиторовъ общества имущества компаніи или соединеніе этого имущества съ имуществомъ какого-либо другаго общества можетъ состояться уже по прошествіи трехъ мѣсяцевъ со дня третьяго узаконеннаго объявленія въ газетахъ съ указаніемъ сокращеннаго срока. § 2. Финансовое управленіе уполномочивается отмѣнить или измѣнить отчасти или отсрочить уплату по акціямъ обществъ, которыя шесть мѣсяцевъ послѣ основанія совершенно прекращаютъ дѣла и постановляютъ о ликвидаціи.

Точно также финансовое управленіе можетъ уменьшить уплату по акціямъ при прекращеніи акціонернаго общества вслѣдствіе его слитія съ другимъ, принимая во вниманіе внесенныя по изъятымъ изъ обращеніямъ акціямъ суммы. Согласно Общегерманскому торговому уложенію 1862 г. въ Австріи примѣняется къ акціонернымъ компаніямъ концессіонная система; въ проектѣ-же новаго акціонернаго законодательства, вслѣдствіе *единогласнаго* признанія этой системы нецѣлесообразною, — она отмѣняется (102).

Въ Россіи постановленія о товариществахъ по участкамъ, или компаніяхъ на акціяхъ, помѣщены во 2-мъ отдѣлѣ VII главы, книги четвертой, 1-й ч. X т. Св. З. ст. 2139 — 2198. Постановленія эти относятся къ 1836 году и съ тѣхъ поръ они не подвергались измѣненію въ законодательномъ порядкѣ; развитіе акціонернаго дѣла въ Россіи въ послѣднее время совершалось какъ бы внѣ дѣйствующаго законодательства или даже вопреки ему, такъ какъ за послѣднія десять лѣтъ трудно найти между утвержденными уставами акціонерныхъ компаній такой, который не состоялъ бы, въ цѣлости своей, изъ систематическаго набора исключительныхъ (т. е. не согласныхъ съ дѣйствующимъ законодательствомъ) постановленій. Вотъ почему понятно, что еще 27 ноября 1859 года, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, поручено было министру финансовъ составить, по соглаше-

нію съ подлежащими вѣдомствами, проектъ новыхъ для акціонерныхъ компаній правилъ и внести ихъ на утвержденіе установленнымъ порядкомъ; а до этого времени предоставлено было министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, изъ поступающихъ къ нимъ ходатайствъ о дозволеніи учреждать компаніи, давать ходъ только тѣмъ, отъ которыхъ можно было положительно ожидать государственной, или общественной пользы и выгоды, обращая, вмѣстѣ съ тѣмъ, вниманіе на благонадежность учредителей. А между тѣмъ, въ это же время, пока указаннымъ порядкомъ подлежащія вѣдомства *давали ходъ* нашей акціонерной дѣятельности, министерство финансовъ начертало къ 1861 году новый проектъ положенія, который оно тогда же разослало къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и главноуправляющимъ путями сообщенія и II-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Затѣмъ, по окончаніи переписки, собиранія и обсужденія отзывовъ, окончены были исправленія первоначальнаго проекта 11 апрѣля 1867 года. Наконецъ, вслѣдствіе новаго отношенія министра юстиціи отъ 27 іюня 1869 г., упомянутый проектъ подвергся вторичной передѣлкѣ, для чего учреждена была коммиссія изъ 13 лицъ, подъ предсѣдательствомъ тайн. сов. *А. И. Бутовскаго.* Эта коммиссія приступила, въ концѣ ноября 1871 года, къ исполненію возложеннаго на нее порученія, а совѣщанія, происходившія на 22 засѣданіяхъ, привели къ заключеніямъ, бо̀льшею частью единогласнымъ, по всѣмъ вопросамъ, относящимся до сущности или значенія акціонерной компаніи, до порядка учрежденія такихъ компаній, до состава и вида акціонернаго основнаго капитала, до дѣйствій компаній, ихъ внутренняго управленія и ликвидаціи. Такимъ образомъ, нынѣ составленъ вновь проектъ положенія объ акціонерныхъ компаніяхъ. А такъ какъ по смыслу мнѣнія Государственнаго Совѣта 23 февраля 1870 года, кромѣ членовъ правительственной коммиссіи, могли бы съ пользою принять участіе въ ней и другія лица, спеціально и практически знакомыя съ этимъ дѣломъ, но между тѣмъ не оказалось достаточно времени для приглашенія таковыхъ, то коммиссія признала цѣлесообразнымъ отпечатать отдѣльными оттисками составленный ею проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ (компаніяхъ?), въ числѣ 600 экземпляровъ, и разослать ихъ на разсмотрѣніе свѣдущихъ по сему предмету лицъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднія доставили свои замѣчанія къ 1 сентября 1872 года. На изложенное постановленіе

коммиссіи послѣдовало согласіе министра финансовъ 6-го апрѣля того-же года, а затѣмъ коммиссія разсчитываетъ на возможность въ будущемъ подвергнуть свой трудъ новому обсужденію, принимая въ соображеніе вызванныя указаннымъ путемъ на него замѣчанія.

Недостатки нашего, нынѣ дѣйствующаго положенія объ акціонерныхъ компаніяхъ, одного изъ самыхъ раннихъ по происхожденію и самаго стараго изъ дѣйствующихъ законовъ этого рода въ Европѣ, г. *Писемскій* характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: оно, говоритъ онъ, страдаетъ отсутствіемъ систематичности, нѣкоторыя статьи по существу своему относятся къ другимъ отдѣламъ и никакой внутренней связи съ институтомъ не имѣютъ. Различіе, дѣлаемое закономъ между разными видами акціонерныхъ компаній, не имѣетъ юридическаго значенія [1]). Нѣкоторыя постановленія очевидно несправедливы, напр. постановленія, расширяющія свыше мѣры власть учредителей и управителей компаніи. Мѣры закона противъ развитія спекуляціи нельзя признать удачно избранными; опытъ иностранныхъ государствъ ввелъ иныя. Но самый важный недостатокъ въ законодательствѣ нашемъ это пробѣлы, отсутствіе важнѣйшихъ постановленій. Краткія правила, касающіяся отношеній управителей компаніи къ общему собранію, ихъ отвѣтственности и полномочій, очевидно недостаточны для разрѣшенія всей массы сложныхъ вопросовъ, сюда относящихся. О правѣ участія акціонеровъ въ общихъ собраніяхъ, о числѣ голосовъ, принадлежащихъ каждому изъ нихъ, законъ ничего не говоритъ, предоставляя частнымъ уставамъ рѣшеніе этихъ вопросовъ. Установить въ этомъ отношеніи общія правила было-бы весьма полезно. Учрежденіе органовъ контроля предоставляется на волю компаніи, но не ставится ей въ обязанность. Наконецъ, весьма недостаточны уголовныя постановленія; а между тѣмъ обманныя дѣйствія по учрежденію и управленію компаніей не всегда легко могутъ быть подведены подъ понятіе о мошенничествѣ. Разумѣется, не-

---

[1]) Замѣчаніе это важно только по отношенію къ различію между компаніями, предметъ коихъ требуетъ пособія техники, и такихъ, коихъ предметъ въ этихъ условіяхъ не нуждается (ст. 2143); но оно совершенно неосновательно по отношенію къ различію между компаніями привилегированными и не привилегированными (ст. 2141), такъ какъ различіе должно имѣть и отчасти имѣетъ уже огромное юридическое значеніе, служа, между прочимъ, также основаніемъ къ различію между *акціонерными корпораціями* (учрежденіями) и *собственно акціонерными компаніями*.

достаточность нашего законодательства не столь чувствительна вслѣдствіе того, что каждый уставъ долженъ быть утвержденъ государственною властію, которая можетъ ввести въ уставъ постановленія, необходимыя въ интересѣ отдѣльныхъ акціонеровъ и третьихъ лицъ, вступающихъ въ сношеніе съ компаніей".

Сдѣланный нами краткій обзоръ исторіи акціонернаго законодательства указываетъ на то, что въ развитіи этого законодательства существуетъ въ двухъ отношеніяхъ два направленія, создающія четыре системы, существенно различныя другъ отъ друга. *Системы эти — англо-американская, континентальная, концессіонная и явочная.* Англо-американская система, относится принципіально къ акціонернымъ компаніямъ исключительно только съ точки зрѣнія гражданскаго права, какъ къ товариществу, члены котораго несутъ солидарную отвѣтственность и потому имѣютъ только именныя акціи; она допускаетъ отступленія отъ этого принципа только въ видѣ исключенія, уступки потребности времени, тогда какъ континентальная система разсматриваетъ акціонерныя компаніи какъ общество съ постояннымъ капиталомъ, опредѣляющимъ границу имущественной отвѣтственности членовъ этого общества и раздѣленнымъ на акціи именныя, или безъименныя, причемъ цѣли этихъ компаній могутъ быть коммерческія и некоммерческія. Концессіонная система, существующая до сихъ поръ въ Россіи, Австріи и Италіи, заключается въ томъ, что законодательство признаетъ необходимымъ предварительное разсмотрѣніе всѣхъ условій, при которыхъ предполагается учрежденіе акціонерной компаніи, т. е. не противорѣчитъ-ли проектируемое предпріятіе общимъ условіямъ благоустройства, заключаетъ-ли оно въ себѣ условія экономическаго успѣха и полной самостоятельности, не угрожаетъ-ли оно какимъ-либо постороннимъ, законнымъ интересамъ, и, наконецъ, соотвѣтствуетъ-ли оно положенію денежнаго рынка, причемъ проектъ получаетъ утвержденіе только тогда, когда органы Правительства даютъ благопріятное въ этомъ отношеніи заключеніе. Явочная или нотаріальная система, существующая въ Англіи, Германіи и Франціи, отвергая цѣлесообразность предварительнаго правительственнаго разрѣшенія, основана на требованіи оффиціальной регистратуры учреждаемыхъ акціонерныхъ компаній, уставы которыхъ должны быть вполнѣ согласованы съ общими постановленіями законодательства по этому предмету, въ видахъ чего нѣкоторыя законодательства (напр. Англія), при-

держивающаяся этой системы, имѣютъ нормальные уставы и учреждаютъ при комерческихъ судахъ или при другихъ соотвѣтствующихъ учрежденiяхъ особыя, вышеозначенной цѣли служащiя, регистратуры. Системы эти не вездѣ примѣняются въ своемъ чистомъ видѣ, а потому, какъ между англо-американской и континентальной системами, такъ и между концессiонной и явочной есть еще *смѣшанныя системы.*

Сопоставляя эти системы съ историческими данными развитiя акцiонернаго дѣла, нельзя не придти къ *заключенiю,* что англо-американская система, не достигая вполнѣ своей цѣли, заключающейся въ огражденiи какъ третьихъ лицъ, такъ и самихъ акцiонеровъ отъ опасности, заключающейся въ примѣненiи начала ограниченной отвѣтственности и въ допущенiи акцiй на предъявителя, вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуетъ правильному развитiю акцiонернаго дѣла и умаляетъ пользу, которую могло-бы принести рацiональное примѣненiе акцiонерной формы къ цѣлой категорiи предпрiятiй. Континентальная система, проводя начало ограниченной отвѣтственности, содѣйствуетъ количественному возрастанiю акцiонерныхъ компанiй въ ущербъ внутреннему ихъ содержанiю, вслѣдствiе чего акцiонерное дѣло хотя и получаетъ быстрое развитiе, но начало это, не будучи согласовано со всѣми частями законодательства, приводитъ къ результатамъ отрицательнаго свойства какъ для третьихъ лицъ, такъ и для самыхъ акцiонеровъ и даже для всего государства. Концессiонная система (т. е. предварительнаго правительственнаго разсмотрѣнiя уставовъ), служа выраженiемъ крайняго примѣненiя начала правительственной опеки, кромѣ того, что нецѣлесообразна вообще, вредна въ особенности въ отношенiи къ акцiонернымъ компанiямъ, такъ какъ, независимо отъ неизбѣжнаго въ данномъ случаѣ произвола, она вводитъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ соблазновъ въ сферу дѣятельности органовъ правительства, вызывая столкновенiя между сознанiемъ долга и подкупами, къ которому нерѣдко прибѣгаютъ учредители акцiонерныхъ компанiй, обладая для этого достаточными матерьяльными средствами *Виртъ* (251—268 и 269) указываетъ на то, что концессiи, независимо отъ ихъ нецѣлесообразности, кромѣ того вредны, сдѣлавшись предметомъ торговли. До какой степени концессiонная система, долженствующая имѣть значенiе превентивной мѣры, не достигаетъ своей цѣли, — видно уже изъ того, что столь постыдное учрежденiе, какъ банкъ движимаго кредита во Францiи, было концессiонированною акцiонерною компанiей; въ Австрiи-же

ужасный крахъ 1871—1873 гг. произошелъ при примѣненіи концессіонной системы. Система явочная, не будучи органически связана съ остальными частями законодательства по акціонерному вопросу, являясь только болѣе или менѣе нераціональнымъ примѣненіемъ принципа laissez faire, laissez passer,— даетъ въ высшей степени нежелательные результаты, выражающіеся въ крайнемъ развитіи учредительской дѣятельности и сопровождающіеся банкротствами, преступною наживой на чужой счетъ, деморализаціей прессы, растратой большихъ капиталовъ, обѣдненіемъ среднихъ классовъ общества, неправильнымъ распредѣленіемъ труда и т. п. Поэтому явочная система, сама по себѣ, безъ связи съ стройной системою соотвѣтствующихъ постановленій, имѣющихъ превентивное значеніе для того зла, которое возможно въ акціонерномъ дѣлѣ, и безъ связи съ такою-же системою мѣръ репрессивныхъ въ отношеніи къ тому злу, которое обнаружится въ акціонерномъ дѣлѣ, - есть своего рода безразсудство, или преступное потворство вреднѣйшимъ инстинктамъ. Законы пишутся для людей, а не для ангеловъ, т. е. законы разрабатываются для общества, въ которомъ рядомъ съ хорошими чертами есть и дурныя; въ отношеніи къ этимъ-то дурнымъ чертамъ акціонерный законъ и долженъ фактически доказать свое преобладаніе, какъ фактъ торжества разума и порядка надъ безуміемъ корысти и дерзости.

Слѣдовательно ни одна изъ указанныхъ системъ не разрѣшаетъ окончательно вопроса объ акціонерныхъ компаніяхъ и не примиряетъ въ себѣ условій правильнаго, здороваго развитія акціонернаго дѣла, какъ потребности общественно-хозяйственной жизни, съ необходимостью защиты единичныхъ лицъ и цѣлаго общества отъ опасныхъ элементовъ, обнаруживаемыхъ этою формою союзовъ. Такое явленіе отчасти понятно, если принять въ соображеніе, что въ отношеніи къ акціонернымъ компаніямъ только недавно начала получать примѣненіе та аксіома, что не обстоятельства должны принаравливаться къ законамъ, а законы къ обстоятельствамъ, вслѣдствіе чего во Франціи, въ Англіи и въ Германіи, усвоивъ эту истину, выраженную Луазелемъ въ словахъ „convenances vainquent la loi“ (приличія побѣждаютъ законъ), а не наоборотъ, и замѣтивъ также, что акціонерное дѣло, принадлежа преимущественно къ сферѣ общественно-хозяйственной, наименѣе заключаетъ въ себѣ -консервативныхъ элементовъ, — государства эти не испугались необходимости по-

двергать частой перестройки эту часть законодательства. Поэтому въ Англіи за послѣднее двадцатилѣтіе перестройка эта совершена была 6 разъ, во Франціи — 8 разъ, а въ Германіи, послѣ изданія закона 11-го іюля 1870 года, теперь реформа акціонернаго законодательства опять поставлена на очередь, какъ дѣло не терпящее отлагательства. Акціонерная форма, еще не окончательная, не выросшая, а только что подростающая форма, а потому и законодательство, нормирующее эту форму, опредѣляющее условія правильнаго развитія ея, не можетъ быть коснымъ, неподвижнымъ, опредѣляя новыя явленія устарѣвшими нормами, или-же вовсе игнорируя ихъ такъ, что явленія эти, обладая всѣми задатками къ полезной жизни, убиваются въ самомъ зародышѣ, или-же получаютъ уродливое развитіе. Поэтому правительство, предполагающее преобразовать законодательство по акціонерному вопросу, исполнитъ свою задачу только на половину, если реформа эта будетъ удовлетворять требованіямъ только одной данной минуты, а не приняты будутъ мѣры къ тому, чтобы вновь установленнымъ законодательнымъ нормамъ сообщена была способность приноравливаться къ потребностямъ каждой данной минуты; эта же послѣдняя цѣль достигается вполнѣ организаціей такихъ учрежденій, въ которыхъ люди, близко стоящіе къ дѣлу, знакомые съ нимъ теоретически и практически и слѣдящіе за каждымъ шагомъ его развитія, могли-бы на правомѣрныхъ основаніяхъ вліять на движеніе законодательства въ направленіи, указываемомъ потребностями времени. Какъ на одно изъ такихъ учрежденій можно указать на *періодическіе и чрезвычайные съѣзды*, благотворное значеніе которыхъ испытано было Германіей, не смотря на крайне неблагопріятныя условія для производства этого опыта (напр. съѣзды въ Нюренбергѣ, въ Майнцѣ, въ Гейдельбергѣ, въ Гагѣ). Поэтому, подвергая акціонерное дѣло дальнѣйшему анализу и сопровождая этотъ анализъ выводами, указывающими на требованія, которыя должны быть предъявлены предстоящей реформѣ этого отдѣла законодательства, мы обусловливаемъ эти единичныя требованія однимъ, — общимъ требованіемъ, заключающемся въ томъ, что *реформѣ должна предшествовать организація учрежденія, компетентнаго въ опредѣленіи потребностей акціонернаго дѣла въ каждую данную эпоху*. Общество дастъ людей, — Правительство дастъ право!

НЕРАЗМѢННЫЕ БАНКОВЫЕ БИЛЕТЫ ВО ФРАНЦІИ

съ 1870 по 1878 годъ.

Н. Х. БУНГЕ,

ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

Прекращеніе размѣна билетовъ банка Франціи въ 1870 году, послѣдовавшіе затѣмъ выпуски этихъ билетовъ, которые довели банковое обращеніе до 3-хъ милліардовъ франковъ, до нормы, которая превысила самую высокую цифру, бывшую передъ войною, слишкомъ въ два раза, а среднюю съ 1848 по 1867 годъ, приблизительно въ пять разъ,— все это не произвело потрясенія денежной системы и не уронило бумажной валюты, потому что самый высокій лажъ до $2^1/_2\%$ (въ 1871 году съ октября по декабрь) былъ явленіемъ преходящимъ, а потеря на вексельномъ курсѣ не превышала $3{,}_{46}\%$.

Явленія эти тѣмъ болѣе поразительны, что ни потерянныя сраженія, ни осада столицы, ни занятіе значительной части страны непріятельскими войсками, ни отсутствіе правильно установленнаго и прочнаго правительства, ни заемъ, сдѣланный государствомъ въ банкѣ, равный по величинѣ суммѣ банковыхъ билетовъ, находившихся въ обращеніи передъ войною, ни уплата 5 милліардовъ франковъ контрибуціи, — не имѣли замѣтнаго

вліянія на курсъ неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ. Между тѣмъ какъ въ Австріи, съ 1848 года, лажъ, при каждой политической тревогѣ, дѣлалъ скачки и быстро возвышался на 25, 30 и болѣе процентовъ; между тѣмъ какъ въ Италіи прекращеніе размѣна сразу подняло лажъ на 22%, во Франціи и прекращеніе размѣна, и принудительный курсъ, среди самаго бѣдственнаго политическаго и финансоваго положенія прошли едва замѣченными, а размѣнъ банковыхъ билетовъ возобновился фактически въ 1874 году слишкомъ за три года до оффиціальнаго срока, до 1878 года, когда онъ наступилъ въ силу закона. Но этого мало; несмотря на то, что Франція уплатила 5 милліардовъ франковъ контрибуціи, металлическая наличность банка немедленно, по возобновленіи фактическаго размѣна въ банкѣ, начала возрастать очень быстро и съ января 1874 по 14-е іюня 1877 года увеличилась въ три раза, достигнувъ небывалой въ банковыхъ лѣтописяхъ цифры 2272 милліардовъ франковъ.

Приведенные факты не могутъ не возбудить вопросовъ: дѣйствительно ли неразмѣнные банковые билеты составляютъ такое опасное финансовое средство, какъ утверждали многіе экономисты, и не представляетъ ли Франція убѣдительное доказательство, что при извѣстномъ умѣньи (savoir faire) можно безъ всякаго риска удвоить кредитное обращеніе?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что европейскіе inflationist'ы (такъ называютъ приверженцевъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ Америкѣ), будутъ ссылаться на примѣръ Франціи, какъ на наглядное и убѣдительное оправданіе своихъ ученій; но именно этотъ примѣръ нисколько не колеблетъ установившейся теоріи, и служитъ напротивъ того самымъ блистательнымъ ея подтвержденіемъ.

Въ немногихъ странахъ общественное имѣніе въ лицѣ лучшихъ представителей науки высказывалось такъ категорически и единодушно относительно прекращенія размѣна и выпуска неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ; въ немногихъ странахъ правительство и банкъ дѣйствовали съ такою осторожностію, съ такимъ благоразуміемъ и такъ хорошо умѣли воспользоваться благопріятными условіями, для поддержанія денежной единицы въ странѣ, подвергшейся столькимъ тяжкимъ испытаніямъ.

Прежде чѣмъ познакомить читателей съ мнѣніями, высказанными во Франціи, по поводу установленія принудительнаго

курса и съ объясненіемъ, которое дано было счастливому исходу пріостановленія размѣна, необходимо привести главные факты относительно обращенія банковыхъ билетовъ и позаимствованій, сдѣланныхъ государствомъ въ банкѣ Франціи.

Вскорѣ послѣ объявленія войны, размѣнъ банковыхъ билетовъ былъ прекращенъ. Постановленіемъ 11 августа 1870 г. опредѣлена была высшая норма для выпуска банковыхъ билетовъ, именно — 1,800 мил. франковъ; августа 14-го эта норма была возвышена до 2,400 мил.; декабря 29-го 1877 г., высшій предѣлъ назначенъ былъ въ 2,800 мил. франковъ. Эта послѣдняя цифра никогда не была достигнута въ дѣйствительности. Послѣ коммуны, 29 іюня 1871 г., банковое обращеніе составляло 2213 мил. фр., и затѣмъ, достигло наибольшей цифры — 3071 мил. франковъ 31 октября 1873 г. [1]); съ тѣхъ поръ сумма выпущенныхъ банковыхъ билетовъ уменьшилась и колеблется около $2^{1}/_{2}$ милліардовъ.

Выпуски неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ находились въ связи съ займами, сдѣланными государствомъ въ Банкѣ Франціи и съ большими финансовыми операціями для уплаты контрибуціи. О займахъ, сдѣланныхъ государствомъ (т. е. казною) въ Банкѣ, до публикаціи банковаго баланса 29 іюня 1871 г. точныхъ свѣдѣній неимѣется; но въ этомъ балансѣ они показаны въ размѣрѣ 1,193 мил. франковъ, не считая стараго займа въ 60 мил. франковъ и 100 милліоновъ, обращенныхъ въ ренты по закону 1857 г. Такимъ образомъ, еще до войны, изъ 184 мил. складочнаго капитала Банка, 160 мил. были уже отданы Правительству. Новый долгъ государства, по балансу 1873 г., 11 сентября, достигалъ высшей цифры 1374 мил. фр. Общая же сумма по заимствованіямъ, во время войны, 1870—1871 гг. и послѣ войны, не считая старыхъ долговъ, простиралась до 1470 мил. Само собою разумѣется, что государство могло занимать въ Банкѣ сначала и монету, и банковые билеты, а послѣ прекращенія размѣна, по всей вѣроятности занимало банковые билеты.

Увеличеніе выпуска банковыхъ билетовъ свыше 3000 мил. франковъ вызвано было заключеніемъ втораго значительнаго займа въ 3 милліарда франковъ для уплаты контрибуціи.

Заключая займы въ Банкѣ и разрѣшая ему возвысить кре-

---

[1]) Dictionnaire politique Blok'a. 1872, p. 188.—Bonnet. Le credit et les banques d'émission. 1875, p. 245 sq.

дитное обращеніе, Правительство признало однако необходимымъ еще въ 1872 году установить, по условію съ Банкомъ правильное ежегодное погашеніе долга.

Съ 1872 года долгъ Банку погашался ежегодными взносами въ 200 мил. франковъ, а за тѣмъ, по новому договору, подлежали уплатѣ:

въ	1875	году	200	милліоновъ	франковъ
„	1876	„	150	„	„
„	1877	„	300	„	„
„	1878	„	150	„	„
„	1879	„	150	„	„

Къ началу 1878 года, при 300 мил. фр. долга, должна была послѣдовать отмѣна принудительнаго курса. [1])

Въ составѣ банковаго обращенія произошла также съ 1870 г. значительная перемѣна: кромѣ 50 франковыхъ билетовъ, разрѣшенныхъ еще въ 1857 г., появились въ 1871 г. 25-ти и 20-ти франковые билеты, а въ 1872 г. однофранковые билеты. Такимъ образомъ, во время войны и послѣ нея, банковое обращеніе не только измѣнилось количественно, но и качественно: мелкіе банковые билеты замѣнили собою металлическія деньги и сдѣлались главнымъ орудіемъ повседневныхъ мѣновыхъ оборотовъ.

Установленіе принудительнаго курса и неразмѣнности банковыхъ билетовъ встрѣчено было рѣзкими порицаніями въ Законодательномъ Корпусѣ и въ Сенатѣ. Мишель Шевалье громко протестовалъ противъ этой мѣры. Самыя рѣзкія возраженія сдѣланы были Воловскимъ.

Въ засѣданіи политико-экономическаго общества, 5 Сентября 1870 года, въ которомъ принимали участіе Дюкюэнъ (Ducuing), виновникъ закона 11 Августа, Чернуски, Леонъ Сэ, Куртуа, Молинари, Жозефъ Гарнье-Куртуа и Молинари прямо осуждали правительственную мѣру, прочіе кромѣ Чернуски и Дюкюэна, говорившихъ въ ея пользу, указывали на необходимость соразмѣрить банковое обращеніе съ существующею въ немъ потребностію, при чемъ особенно интересны были разсужденія, относительно предѣловъ для выпуска неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ подъ учетъ векселей. Большинство признавало, что выпуски неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ подъ учетъ векселей, могутъ

---

[1]) Dupuynode. Les grandes crises financières de la France 1876.

быть чрезмѣрны и должны привести къ обезцѣненію кредитныхъ орудій обращенія.

Годъ спустя, въ сентябрѣ 1871 г., Мишель Шевалье, въ Journal des Débats, возсталъ снова съ большею энергіею противъ принудительнаго курса банковыхъ билетовъ и Государственныхъ займовъ въ Банкѣ. „Банкъ, говорилъ М. Шевалье, у себя не хозяинъ. Ему навязаны управляющій съ двумя товарищами, которымъ онъ дорого платитъ и которые могутъ получать приказанія только отъ Министра Финансовъ. Банкъ принужденъ дѣлать то, что противно его назначенію и интересамъ самосохраненія. Одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ почтенныхъ членовъ Совѣта управленія Де-Варю, не соглашаясь на установленіе принудительнаго курса и на допущеніе выпуска *до невѣроятной суммы 2.400 мил. фран.*, подалъ въ отставку. Со стороны императорскаго правительства это были большія ошибки. Я считаю себя вправѣ повторить то, что я уже высказалъ еще прежде въ Сенатѣ. Поставить промышленность и торговлю въ ненормальное положеніе принудительнымъ курсомъ билетовъ, въ размѣрѣ до 2,400 мил. фр., значило внести замѣшательство во всѣ интересы и посѣять его въ умахъ. Но прежде, по крайней мѣрѣ, было извиненіе въ неумолимой необходимости войны; тогда можно было сказать, что рессурсы кредита были трудно доступны для государства и нужно было обезпечить ему финансовыя средства, даже съ нарушеніемъ правилъ, предписываемыхъ благоразуміемъ. Но теперь, когда миръ подписанъ, слѣдовало бы подумать о томъ, чтобы положить конецъ принудительному курсу банковыхъ билетовъ, и однако по заблужденію, очень прискорбному, вмѣсто того чтобы уменьшить чрезмѣрные авансы казначейству, исторгнутые у Банка во время этой роковой войны (они простирались до 1,330 мил. фр.), рѣшено увеличить ихъ еще на 200 мил. фр. Есть основаніе пожалѣть о томъ, что заемъ въ 2 милльярда неувеличили на полмиліарда, для уплаты безпримѣрныхъ авансовъ, сдѣланныхъ банкомъ государству. Необходимо, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени эта благотворная мысль была снова на очереди. Національному собранію прійдется, быть можетъ, раскаяться, если оно разойдется на каникулы, не рѣшивъ этого важнаго и нетерпящаго отлагательства дѣла“.

Протесты противъ неразмѣнности банковыхъ билетовъ, противъ увеличенія суммы ихъ выпуска и противъ займовъ, сдѣ-

ланныхъ правительствомъ въ Банкѣ были основаны на вѣрныхъ теоретическихъ соображеніяхъ, но Дюпюйнодъ [1]) совершенно справедливо замѣтилъ, въ отвѣтъ на рѣзкія порицанія Воловскаго, что „Г. Воловскому слѣдовало бы объяснить какимъ образомъ банкъ Франціи, который почти вовсе не имѣлъ въ рукахъ своего капитала (капиталъ этотъ состоялъ въ долгу за государствомъ) могъ устоять, безъ новой привилегіи (принудительнаго курса) въ виду обращенія билетовъ на 1500 мил. франковъ. Вклады, внесенные монетою составляли 11 августа 1870 г. 1 милліардъ; 18 сентября ихъ оставалось 808 мил., 11 августа банковыхъ билетовъ находилось въ обращеніи 1735 мил. Развѣ въ самомъ началѣ кризиса и вкладчики, и владѣльцы билетовъ не потребовали бы монеты?“

Согласно съ этимъ и Дюкюэнъ защищалъ предложенную имъ и принятую законодательными собраніями мѣру, какъ средство, для того чтобы предупредить неизбѣжную панику и ея послѣдствія, при востребованіи монеты изъ банка, такъ какъ сила обстоятельствъ заставила бы прекратить размѣнъ въ недалекомъ будущемъ.

Послѣдствія не оправдали пессимистическихъ предсказаній, и Викторъ Боннэ, въ приведенномъ выше сочиненіи представляетъ довольно удовлетворительное объясненіе явленія почти исключительнаго сохраненія неразмѣнными банковыми билетами ихъ нарицательной цѣны. Онъ приписываетъ это явленіе—условіямъ, въ которыхъ находились внѣшняя торговля и внутреннее производство, а также благоразумной финансовой и банковой политикѣ.

„Когда, говоритъ Боннэ, [2]), началась уплата контрибуціи, Франція еще нуждалась во всемъ: ей предстояло привезти извнѣ суровье и запасы всякаго рода. Это было необходимое условіе для возстановленія производства, и вмѣсто того чтобы имѣть по обыкновенію торговый балансъ въ свою пользу, Франція оказалась въ долгу. Сверхъ того, правительство, не имѣя еще указаній опыта, какъ разсчитаться ему съ Пруссіею, и незная на какіе рессурсы можно разсчитывать, спѣшило пріобрѣсть векселя, по которымъ слѣдовали платежи заграницею, что подѣйствовало неблагопріятно на вексельный курсъ. Къ этому слѣдуетъ приба-

---

[1]) Dupuynode, p. 208.

[2]) Bonnet. Le crédit et les banques d'émission, p. 245 sq. Мнѣніе Боннэ, отмѣченное знаками « », приводится не дословно, но въ извлеченіи.

вить, что при первомъ займѣ въ 2 милліарда спекуляція подняла курсъ съ 88 на 90 франковъ, и лишила насъ содѣйствія иностранныхъ капиталистовъ, которые подписавшись на этотъ заемъ поспѣшили реализовать свою подписку съ наросшею преміею.“

„Лажъ на монету въ ноябрѣ 1871 г. поднялся на $2^1/_2$%, а вексельный курсъ на Англію дошелъ до 26 фр. (курсъ пари за 1 фунтъ стерлингъ = 25 фр. 20 сант.). Когда при этомъ предложено было довести банковое обращеніе до 2800 мил. фр., то можно было опасаться дальнѣйшаго пониженія цѣны банковыхъ билетовъ. Опасенія не оправдались. И правительство и Банкъ воспользовались очень умѣренно разрѣшеніемъ увеличить выпускъ билетовъ, который превысилъ всего въ февралѣ 1872 года прежнюю норму въ 2400 мил. на 50 мил. фр., и затѣмъ понизился до заключенія займа въ 3 милліарда, когда банковое обращеніе снова и окончательно превзошло упомянутую норму. Но, въ промежуткѣ времени, отпускъ въ значительной пропорціи превысилъ привозъ и мы сдѣлались опять кредиторами Европы. Кромѣ того продана была часть заграничныхъ фондовъ, которыми мы обладали, на сумму до 1,200 мил. фр. Надо принять также въ разсчетъ участіе заграничныхъ банкировъ въ нашемъ займѣ въ 3 милліарда. На этотъ разъ, вслѣдствіе какъ большаго довѣрія, которое внушалъ нашъ кредитъ, такъ и болѣе медленнаго возвышенія курса, иностранные капиталы остались затраченными въ нашихъ фондахъ и доставили намъ заграничные рессурсы. Наконецъ, заключено было условіе съ группою банкировъ о поставкѣ намъ векселей по опредѣленной цѣнѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, несмотря на платежи, слѣдовавшіе Германіи, вексельный курсъ сдѣлался для насъ благопріятнымъ. Вступивъ въ сдѣлку съ банкирами, и уплачивая имъ очень крупную коммиссію, мы заинтересовали ихъ въ поддержаніи вексельнаго курса, который изъ искуственнаго впослѣдствіи сдѣлался естественнымъ, по мѣрѣ того, какъ поступившіе по займу и другіе рессурсы позволили намъ возвратить банкирамъ ихъ авансы.“

„Вотъ какимъ образомъ намъ удалось безъ потрясенія выплатить контрибуцію, безъ вывоза значительной массы драгоцѣнныхъ металловъ, удержать al pari наши неразмѣнные банковые билеты, возстановить главныя потери, причиненныя нашими бѣдствіями, и вступить въ обладаніе большею частію нашихъ фондовъ, помѣщенныхъ заграницею. — Этотъ изумительный результатъ дѣлаетъ честь пріобрѣтенному нами народному богатству, могуществу нашего

кредита, эластичности нашей торговли, и надо также сказать, — мудрымъ мѣрамъ правительства Тьера."

„Въ 1870 году не было over-trade, т. е., не было чрезмѣрной спекуляціи. При золотой и серебрянной монетѣ, всегда находящейся во Франціи, на сумму до 6 милліардовъ, кредитное обращеніе, какъ бы оно значительно не было, походитъ нѣкоторымъ образомъ на билеты депозитныхъ банковъ прежняго времени. Оно было гарантировано металлическимъ резервомъ, болѣе чѣмъ достаточнымъ, съ тѣмъ только различіемъ, что этотъ резервъ, вмѣсто того, чтобы находиться въ кассахъ Банка, въ которыхъ онъ впрочемъ накопляется въ значительныхъ массахъ, находился также безъ движенія и равно не служилъ для оборотовъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, совершенно правильное положеніе торговли, съ другой, металлическій запасъ, который никогда не оставлялъ страны, - вотъ причины почему неразмѣнные билеты могли постоянно сохранять свою нарицательную цѣну, достигая громадной пропорціи; но тѣ, которые сдѣлали-бы отсюда выводъ, что можно еще увеличить банковое обращеніе свыше 3 милліардовъ, недавно бывшихъ въ оборотахъ, и $2^1/_2$ милліардовъ настоящаго времени, не возвышая учетнаго процента, находились бы въ совершенномъ заблужденіи и приняли бы миражъ за дѣйствительность".

„Истинный результатъ выпуска банковыхъ билетовъ, какъ очень справедливо замѣчено въ знаменитомъ Англійскомъ Bullion Report'ѣ 1810 г.— это размѣръ учетнаго процента. Болѣе высокій учетный процентъ долженъ быть спутникомъ принудительнаго курса. Когда кредитное обращеніе размѣнно, можно въ извѣстной степени дать себѣ отчетъ, въ коммерческомъ и финансовомъ положеніи по требованіямъ размѣна. Если этихъ требованій нѣтъ, то можно понижать учетъ, пока они не обнаружатся; но если размѣнъ не возможенъ, если установленъ принудительный курсъ, то это служитъ предостереженіемъ относительно чрезмѣрнаго выпуска билетовъ".

„Можно-ли сказать, что металлическая наличность, составляющая болѣе $^1/_3$ суммы выпущенныхъ билетовъ, удовлетворитъ всякому вѣроятному требованію? Это грубое заблужденіе".

„Очевидно, что не такъ легко произвести выплату по 3 милліардамъ билетовъ и вкладовъ съ 1 или $1^1/_2$ милліардами монеты, какъ по 800 милліоновъ—тѣхъ и другихъ, при 200 милліонахъ монеты въ кассѣ".

„Кредитное обращеніе въ $2^1/_2$ милліарда ненормально; оно должно уменьшиться, по мѣрѣ того, какъ монета появится и накопится въ Банкѣ, хотя бы это накопленіе придавало ему видъ большей солидности. Еслибы кредитное обращеніе продолжало быть столь-же значительнымъ, то это увеличило бы количество орудій обращенія, которыя оказались бы слишкомъ изобильными и начали-бы понижаться въ цѣнѣ. Тогда та часть этихъ орудій, которая имѣетъ внутреннюю цѣнность, выйдетъ заграницу, — въ страны, гдѣ эта цѣнность осталась безъ измѣненія“.

„Если 6 милліардовъ монетою остаются во Франціи, совмѣстно съ $2^1/_2$ милліардами банковыхъ билетовъ, то это лишь потому, что они не находятся въ обращеніи, что они не дѣлаютъ конкуренціи билетамъ, а слѣдовательно не испытываютъ обезцѣненія, которое заставило-бы ихъ уйти. Если по возобновленіи размѣна, мы удержимъ на $2^1/_2$ мил. фр. билетовъ въ обращеніи, то монета уйдетъ заграницу и билеты Банка лишатся основы, которую они должны имѣть. Тогда потребуется уплата по билетамъ металломъ, касса истощится и, быть можетъ, придется возвратиться къ принудительному курсу, при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ 1848 и 1870 гг. Выпускъ билетовъ будетъ происходить не для того, чтобы замѣнить монету, которая прячется (какъ это было въ двѣ упомянутыя эпохи), а монету, которая уходитъ заграницу, что составляетъ большую разницу“.

„Очевидно, что цифра билетовъ на $2^1/_2$ милліарда должна быть понижена. Это пониженіе окажется не столь значительнымъ при употребленіи серебряной монеты, неудобной для обращенія,— монету въ такомъ случаѣ поступающую въ Банкъ замѣнятъ банковые билеты; но, при употребленіи золотой монеты, потребуется гораздо менѣе банковыхъ билетовъ. Затѣмъ сумма послѣднихъ будетъ зависѣть отъ усвоенія Франціею операцій по текущимъ счетамъ, чекамъ и трансфертамъ, доселѣ распространеннымъ только въ большихъ городахъ. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ потребности въ банковыхъ билетахъ, уменьшится, конечно, и потребность въ монетѣ. Какъ бы то ни было, билеты Банка не будутъ солидны, если они не будутъ опираться на очень серьезную металлическую кассу, при благопріятномъ вексельномъ курсѣ“.

„Въ заключеніе должно сказать, что хорошій курсъ неразмѣнныхъ билетовъ Банка Франціи былъ послѣдствіемъ исключи-

тельныхъ обстоятельствъ, условій для сохраненія выгоднаго вексельнаго курса и значительнаго запаса монеты всегда находившейся внутри Франціи. Выпускъ 3-хъ милліардовъ билетовъ произошелъ при значительномъ металлическомъ запасѣ, и при благопріятномъ вексельномъ курсѣ; онъ удался вполнѣ и можно сказать, что въ финансовомъ отношеніи онъ спасъ Францію. И, однако, былъ нѣкоторый рискъ; если бы коммерческая дѣятельность не оживилась очень скоро послѣ коммуны, если-бы иностранцы не имѣли довѣрія къ судьбамъ Франціи и не подписались на наши займы, если бы мы должны были вывезти большое количество монеты для уплаты контрибуціи; однимъ словомъ, если бы вексельный курсъ продолжалъ оставаться для насъ столь-же неблагопріятнымъ, какъ нѣкоторое время въ концѣ 1871 года, то наши бумажныя деньги обезцѣнились бы очень скоро и обезцѣненіе сдѣлало бы тѣмъ болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ значительнѣе были бы выпуски“.

Признавая, что Боннэ очень удачно объяснилъ какимъ образомъ Франція уплатила громадную контрибуцію въ 5 милліардовъ франковъ, не поколебавъ курса неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ, выпуски которыхъ доходили до 3-хъ милліардовъ франковъ, нельзя не замѣтить, что независимо отъ причинъ указанныхъ авторомъ, немалую долю вліянія на счастливый исходъ кризиса имѣло появленіе огромной массы мелкихъ банковыхъ билетовъ, которые значительно измѣнили въ качественномъ отношеніи систему кредитнаго обращенія въ самую трудную пору, пережитую Франціею, и, при большомъ запасѣ монеты во Франціи, привели къ неожиданнымъ, указаннымъ выше результатамъ.

Запасъ монеты во Франціи, простирающійся, по словамъ Боннэ, на сумму до 6 милліардовъ, оставался въ рукахъ частныхъ лицъ до тѣхъ поръ, пока Банкъ выпускалъ въ обращеніе только крупные билеты. До первой половины 1847 г. въ обращеніи находились билеты трехъ достоинствъ, въ 5000 фр. (ихъ было очень немного), въ 1000 и въ 500 фр. Въ 1847 г. разрѣшено было выпустить билеты въ 200 фр., въ 1848 г. послѣ Февральской революціи, въ 100 фр.; съ 1864 г. Банкъ началъ выпускать дозволенные по закону 1857 г. билеты въ 50 фр., въ 1871 г. появились билеты въ 25 и 20 фр., наконецъ, въ 1872 г. въ 5-ть франковъ.

Выпускъ билетовъ мелкихъ достоинствъ, при сильномъ довѣріи къ Банку Франціи, долженъ былъ произвести коренную

перемѣну въ фактическомъ положеніи денежнаго обращенія. Перемѣна обнаружилась уже во времена Имперіи. Билеты Банка болѣе и болѣе замѣняли монету, которая приливала въ его кассы. Въ эпоху, предшествовавшую 1867 году, наибольшее накопленіе монеты въ кассахъ Банка относится къ 1851—1852 годамъ, когда металлическая наличность достигала 622 мил. (9 Октября 1851 г.), главнымъ образомъ подъ вліяніемъ общаго застоя въ промышленности. Затѣмъ непрерывный приливъ драгоцѣнныхъ металловъ въ Банкъ начинается съ 1865 г. и продолжается, при нѣкоторыхъ колебаніяхъ, до начала 1870 г.: въ кассѣ Банка находилось тогда 1,203 мил. франковъ монетою. Послѣдовавшая за тѣмъ война остановила на время накопленіе металловъ въ Банкѣ, но выпускъ мелкихъ билетовъ, въ 1871—1873 годахъ, возстановилъ снова наростаніе металлической банковой кассы; она увеличилась съ 767 мил. (къ началу 1874 года) до 1319 мил. (къ началу 1875 г.) и достигла въ поливинѣ 1877 г. до 2,272 мил. франковъ.

Въ связи съ предъидущимъ, необходимо прослѣдить измѣненія въ суммѣ банковыхъ билетовъ, какъ вообще, такъ и по достоинствамъ. [1]) Сумма банковыхъ билетовъ увеличивалась изъ года въ годъ, вмѣстѣ съ металлическою кассою съ января 1865 г. по январь 1870 г. металлическая наличность въ Банкѣ Франціи возросла отъ 315 мил. до 1203 мил. франковъ, а банковое обращеніе увеличилось съ 808 до 1455 милл. Въ продолженіе войны, осады и коммуны металлическая касса уменьшилась до 550 милл., а сумма банковыхъ билетовъ увеличилась до 2213 мил. франковъ. Затѣмъ, съ начала іюля 1871 г., металлическая наличность въ Банкѣ росла медленно, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній достигла къ началу января 1874 г. до 767 милл.; сумма же банковыхъ билетовъ въ эту пору дошла до своего высшаго предѣла, до 3071 мил. (31 октября 1873 г.), а въ началѣ января 1874 г. составляла 2898 мил. фр. Съ этого времени кредитное обращеніе понизилось и достигло наименьшаго размѣра въ сентябрѣ 1875 г.—2352 мил. фр. при металлической кассѣ въ 1619 мил., и, при почти непрерывномъ возрастаніи послѣдней, колебалось между 2352 и 2659 мил. франковъ. Въ 1876—1877 годахъ банковое обращеніе составляло, среднимъ числомъ, около $2^1/_2$ милл. фр.

---

[1]) См. Annuaire de l'économie politique, съ 1865 г. по 1877, и Coullet, Etudes sur la circulation monétaire. 1865.

Распредѣляя билеты по достоинствамъ, на крупные въ 200, 500 и 1000 фр. (пятитысячныхъ билетовъ никогда не находилось въ обращеніи болѣе 10 штукъ), на средніе - въ 50 и 100 и на мелкіе — въ 5, 10, 20 и 25 франковъ, нельзя не замѣтить, что крупные билеты до 1870 г. составляли въ общей массѣ почти одинаковую пропорцію, около 70%, и единственное измѣненіе, на которое можно указать, состояло въ увеличеніи съ 1865 по 1870 годъ 1000 франковыхъ билетовъ на счетъ 500, и въ особенности 200 франковыхъ. Послѣдніе, въ 1869 году, составляли уже менѣе 1% въ итогѣ кредитнаго обращенія и остались на этой нормѣ во все остальное время до 1877 года. Такое же постоянство сохранилось до 1870 г. въ пропорціи среднихъ билетовъ 50 и 100 франковыхъ: ихъ было отъ 28 до 30%, при небольшей долѣ 50 франковыхъ — отъ 2,4 до 3,6%, и при едва замѣтномъ приращеніи 100 франковыхъ билетовъ. Мелкихъ билетовъ въ этомъ періодѣ не было. Такимъ образомъ, съ 1865 по 1870 г., при увеличеніи металлической наличности на 282%, кредитное обращеніе, которое возрасло на 82%, находилось въ одинаковыхъ условіяхъ, относительно пропорціи билетовъ по достоинствамъ.

Въ 1871 году произошла разительная перемѣна: сумма крупныхъ билетовъ абсолютно увеличилась съ 1030 до 1055 мил. фр.; но въ общей массѣ банковаго обращенія она составляла уже не 70%, а только 52%, и съ этого времени уменьшилась и абсолютно до 922 мил. фр., и относительно до 32%, болѣе чѣмъ на половину. Это уменьшеніе было особенно велико для 1000 франковыхъ билетовъ, которыхъ въ январѣ 1874 г. находилось въ обращеніи до 25%, вмѣсто 59%, тогда какъ сумма 500 франковыхъ уменьшилась въ пропорціи отъ 9% до 7%. Съ 1874 г. сумма крупныхъ билетовъ непрерывно возрастала и абсолютно, и относительно: 1000 франковые достигали въ 1877 г. 40%, а 500 франковые до 9% въ общей массѣ обращенія.

Но болѣе замѣчательно мѣсто, которое съ 1871 г. заняли въ обращеніи билеты средняго достоинства, въ особенности стофранковые. Стофранковые билеты, съ 1871 до 1873 года составляли въ общемъ итогѣ 28%, а къ 1876 году достигли 44%. Пропорція 50 франковыхъ билетовъ увеличилась вдругъ съ 2,9% до 8,4% къ 1871 году, достигла въ послѣдующіе 4 года 9—12%, а съ 1875 г. начала быстро уменьшаться и

упала до 3,9% къ 1877 году, почти до нормы 1865 — 1866 г.

Съ наибольшею ясностію обнаруживается преобладаніе билетовъ средняго достоинства, въ особенности 100 франковыхъ, если принять въ разсчетъ, что съ 1870 г. до 1877 г. банковое обращеніе возрасло на 80%; причемъ билетовъ, крупныхъ прибавилось на 30%, а среднихъ на 192%!

Съ 1871 г. появляются билеты мелкихъ достоинствъ—до 1872 г. 25 и 20 франковые, а съ 1872 г. 5-ти франковые.

Мелкіе билеты составляли:

Въ Іюнѣ	1871 года	10,5 %	218	мил. фр.
Въ началѣ Января.	1872 „	18 „	462	„
„ „ „	1873 „	25,5 „	754	„
„ „ „	1874 „	26,3 „	750	„
„ „ „	1875 „	11,3 „	311	„
„ „ „	1876 „	4 „	84	„
„ „ „	1877 „	1 „	28	„

Изъ этихъ данныхъ очевидно, какое огромное значеніе имѣли мелкіе билеты въ періодъ неразмѣнности банковыхъ билетовъ, юридически продолжавшійся до 1878 г., но фактически прекратившійся въ 1874 году. Мелкіе и средніе билеты, проникая въ большихъ массахъ въ 1871 и 1872 гг. въ обращеніе, способствовали съ 1874 г. приливу металлическихъ денегъ въ Банкъ. Фактическій размѣнъ въ Банкѣ поддержалъ этотъ приливъ, который продолжался даже и тогда, когда стали извлекать мелкіе билеты изъ обращенія: въ 1874 г. ихъ извлечено на 439 мил., при сокращеніи банковаго обращенія на 246 мил., въ 1875 — на 227 мил., при сокращеніи банковаго обращенія на 141 мил.; въ 1876 г.—на 56 мил., при увеличеніи банковаго обращенія на 147 мил. Между тѣмъ, противъ 1874 г. (Января), металлическая касса увеличилась къ 1875 г. на 71,9%, къ 1876 г. на 119%, къ 1877 г. на 180% къ 1877 г. (Іюнь) на 196%.

Такимъ образомъ можно сказать съ полнымъ правомъ, что билеты Банка мелкихъ достоинствъ оказали во Франціи очень существенную и полезную услугу денежному обращенію: въ связи съ билетами среднихъ достоинствъ, они облегчили металлическіе платежи, а затѣмъ изъятіе мелкихъ билетовъ, при возрастаніи суммы стофранковыхъ билетовъ, и при выдачѣ монеты

Банкомъ съ 1874 г., способствовало возстановленію металлическаго обращенія и поддержанію цѣнности кредитныхъ орудій обращенія. Надо отдать справедливость Банку Франціи, что онъ съ большимъ искусствомъ манипулировалъ выпуски билетовъ разныхъ достоинствъ, замѣняя вначалѣ монету въ повседневномъ обращеніи мелкими билетами, и дѣлая ее болѣе свободною, а потомъ накопляя ее въ Банкѣ посредствомъ выпуска стофранковыхъ билетовъ, при выгодномъ вексельномъ курсѣ, тотчасъ же воспользовался приливомъ монеты въ Банкъ, для извлеченія мелкихъ билетовъ и для того, чтобы возвратить поскорѣе монетѣ ея роль въ ежедневныхъ оборотахъ.

При всемъ томъ, положеніе Банка Франціи существенно измѣнилось послѣ войны 1870—1871 года. Уже до войны Банкъ волею неволею стремился къ тому, чтобы сдѣлаться средоточіемъ металлическаго запаса во Франціи. Это стремленіе, прерванное войною, возобновилось съ особою силою съ 1874 года, и кажется еще не было ни одного примѣра въ исторіи Банковъ, чтобы металлическая касса доростала до такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ во Франціи, — до 568 метал. рублей (14 іюня 1877 г.). Но параллельно съ этимъ возрасло и обращеніе банковыхъ билетовъ, которое съ 1848 г. до 1866 г. никогда не превышало 820 мил. фран., а въ послѣдніе годы среднимъ числомъ простиралось на сумму свыше $2^1/_2$ милліардовъ, т. е. въ три раза больше противъ наивысшей цифры до 1865 года. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что правительство уплатило Банку почти $^4/_5$ своего долга, и что въ уплатѣ остальныхъ 300 мил. фр. нѣтъ никакого сомнѣнія (въ этотъ разсчетъ не входятъ 60 мил. стараго долга и 100 мил. основнаго капитала, обращеннаго въ ренты).

Привычка употреблять въ платежахъ банковые билеты, какъ это доказывается приведенными фактами, пустила въ публикѣ глубокіе корни; въ особенности свидѣтельствуетъ объ этомъ распространеніе стофранковыхъ билетовъ. Противъ 1865, къ 1877 году, общая сумма банковаго обращенія увеличилась на 229%, билетовъ стофранковыхъ на 481%.

Очевидно, что не смотря на громадный металлическій запасъ (установившійся впрочемъ къ 10 января 1878 до 1995 мил. фр.) банковое обращеніе во Франціи не имѣетъ уже прежней эластичности, и еслибы правительство Франціи сдѣлало въ Банкѣ въ настоящее время новый большой заемъ въ видѣ банковыхъ биле-

товъ, примѣрно на 1500 мил., то это увеличеніе банковаго обращенія, даже при помощи мелкихъ билетовъ, быть можетъ, не обошлось-бы безъ замѣшательствъ въ денежной системѣ и безъ обезцѣненія банковой валюты въ гораздо большей степени противъ прежняго, когда лажъ доходилъ всего до $2^1/_2$%. Одна треть всей монеты, находящейся во Франціи, перешла уже въ кассы Банка, поэтому новый выпускъ билетовъ на 1500 мил. франковъ долженъ увеличить трудность фактическаго размѣна и переполнить рынокъ кредитными орудіями обращенія, а слѣдовательно усилить шансы ихъ обезпеченія. Отсюда можно сдѣлать нетолько практическій выводъ, подтверждающій мнѣніе Боннэ о необходимости извлеченія части банковыхъ билетовъ, къ чему повидимому и стремится Банкъ Франціи, увеличивая массу крупныхъ билетовъ на счетъ среднихъ и мелкихъ [1]), но также и выводъ относительно условій, при которыхъ пользованіе неразмѣнными банковыми билетами, какъ чрезвычайнымъ финансовымъ рессурсомъ, представляется сравнительно безопаснымъ.

Къ числу такихъ условій относятся:

1. Большой запасъ звонкой монеты внутри страны.

2. Стремленіе монеты въ кассы Банка, въ видахъ замѣны ея болѣе удобными для оборотовъ билетами.

3. Существованіе въ обращеніи во время предшествующее неразмѣнности только билетовъ крупныхъ достоинствъ; чѣмъ крупнѣе билеты, находящіеся въ обращеніи, тѣмъ легче увеличить сумму неразмѣнныхъ кредитныхъ орудій обращенія выпускомъ билетовъ средняго и мелкаго достоинствъ.

4. Благопріятный вексельный курсъ.

При значительномъ отпускѣ товаровъ и при перемѣщеніи биржевыхъ цѣнностей заграницу, значительный, но нечрезмѣрный выпускъ билетовъ можетъ избѣжать обезцѣненія. Впрочемъ при обиліи монеты внутри страны, и при возможности замѣнять ее мелкими билетами, невыгодный вексельный курсъ не превышаетъ многимъ расходовъ, потребныхъ для дѣйствительнаго перемѣщенія металловъ, и билеты неразмѣнные могутъ удержаться въ цѣнѣ.

---

[1]) По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ Economist'ѣ (19 Января 1878 г.), Банкъ намѣренъ ограничить сумму стофранковыхъ билетовъ $^1/_4$ долею всего обращенія; это потребуетъ извлеченія 100 франковыхъ билетовъ на полмилліарда франковъ. Банкъ, при этомъ, пытался ввести въ обращеніе серебро, но вызвалъ жалобы со стороны торговаго сословія. Очевидно что замѣнить 100 франковые билеты можно только или золотомъ, или билетами крупныхъ достоинствъ.

ФИНАНСОВЫЯ РЕФОРМЫ
ВЪ ПРУССІИ
ВЪ НАЧАЛѢ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ.

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Читатели наши легко поймутъ, какъ мы счастливы, что на долю нашего изданія досталась честь опубликовать этотъ послѣдній, предсмертный трудъ незабвеннаго русскаго мыслителя, писателя и государственнаго дѣятеля, и какъ мы благодарны за доставленіе намъ рукописи этого труда. Сверхъ того глубокаго уваженія къ дарованіямъ, дѣятельности и нравственному характеру Юрія Ѳедоровича Самарина, которымъ окружено имя его во всемъ образованномъ русскомъ обществѣ, память о немъ особенно дорога намъ потому, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ, ободрившихъ насъ своимъ теплымъ сочувствіемъ къ осуществленію мысли объ изданіи Сборника Государственныхъ Знаній. Публикуемый теперь трудъ Юрія Ѳедоровича тѣсно связанъ съ обстоятельствами жизни и дѣятельностью его въ самые послѣдніе годы, — даже дни, — его жизни, и уже поэтому одному, кромѣ важности своей задачи, онъ пріобрѣтаетъ большой интересъ для всѣхъ многочисленныхъ почитателей автора.

Нижеизлагаемыя свѣдѣнія о происхожденіи этого труда основаны преимущественно на благосклонномъ сообщеніи Д. Ѳ. Самарина, въ распоряженіи котораго находятся всѣ бумаги и переписка покойнаго Ю. Ѳ. и который съ необыкновеннымъ тщаніемъ ихъ разработываетъ и издаетъ нынѣ въ свѣтъ полное собраніе его сочиненій.

Въ послѣдніе годы своей жизни, мысли Юрія Ѳедоровича были главнѣйше обращены къ податной реформѣ въ Россіи, т. е., къ возбужденному правительствомъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ вопросу о замѣнѣ подушной подати съ крестьянъ безсословными и болѣе раціональными налогами. Въ средѣ земства, которому былъ переданъ этотъ вопросъ на обсужденіе въ 1869 г., Ю. Ѳ. принималъ близкое участіе въ его разработкѣ; онъ былъ одинъ изъ главныхъ составителей (предсѣдатель особой земской коммиссіи и редакторъ) проекта податей поразрядной, поземельной и со строеній, составленнаго Московскимъ Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ и представ-

леннаго правительству въ 1870 г. Извѣстно, что этотъ проектъ обратилъ на себя тогда особенное вниманіе и былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ земскихъ трудовъ по этой части. Съ тѣхъ поръ, хотя офиціальное движеніе податной реформы пріостановилось на долгое время, Ю. Ѳ. Самаринъ сосредоточилъ главнѣйше на ней свои работы. Надо полагать, что подобно тому какъ занятіямъ по освобожденію крестьянъ онъ предпослалъ свои изслѣдованія по упраздненію крѣпостнаго права въ Пруссіи, онъ задумалъ заняться такимъ-же изслѣдованіемъ по Прусской податной реформѣ (преимущественно по преобразованію личныхъ налоговъ) въ началѣ нынѣшняго столѣтія; съ этою между прочимъ цѣлію онъ отправился за границу въ 1874 г. Въ этомъ-же году, при возникновеніи нашего изданія онъ обѣщалъ намъ помѣстить въ немъ первый трудъ, какой онъ успѣетъ обработать по этому предмету.

Въ письмѣ отъ 21 сент. (3 окт.) 1874 года изъ Берлина, Ю. Ѳ. писалъ къ Д. Ѳ. Самарину: «хочу написать большую статью о прусскихъ личныхъ налогахъ, прежнихъ и теперешнихъ (поголовномъ, классномъ и подоходномъ). Тутъ найдется много для насъ интереснаго и поучительнаго. Почти всѣ матеріалы научные я собралъ, но очень трудно добывать служебные, оффиціальные, какъ то циркуляры, резолюціи, судебныя рѣшенія. Къ счастію для меня отыскался Ф. Бринкенъ, совѣтникъ Министерства, ученый и практикъ по этой части, который издалъ особое сочиненіе о личномъ налогѣ и по моей просьбѣ очень обязательно вызвался сообщить мнѣ свои рукописные матеріалы. Онъ явится ко мнѣ завтра, а я буду ѣздить къ нему въ Потсдамъ. Кромѣ того, къ 11 октября, назначенъ въ Эйзенахѣ съѣздъ нѣмецкихъ экономистовъ для обсужденія вопроса о новомъ подоходномъ налогѣ для Германской имперіи. Хочу побывать и тамъ, если добуду приглашеніе. Подобные случаи въ другой разъ не представятся и я не хотѣлъ бы упустить ихъ». Ю. Ѳ. былъ на этомъ засѣданіи въ Эйзенахѣ и съ тѣхъ поръ состоялъ членомъ этого общества «Verein für Socialpolitik». Изъ программы засѣданій этого общества на 11 и 12 октября 1874 г. видно между прочимъ, что долженъ былъ обсуждаться вопросъ о личныхъ налогахъ: «Personalbesteuerung». Докладчикомъ былъ извѣстный экономистъ проф. Нассе. Очевидно, что его докладомъ интересовался Ю. Ѳ. Въ спискѣ присутствовавшихъ (Präsenz-Liste des Vereins für Social-Politik, Versammlung am 11 und 12 October 1874) значится между прочимъ: «Samarin—Collegienrath—Moskau». Въ послѣднее время пребыванія въ Германіи, въ январѣ и февралѣ 1876 года, Ю. Ѳ. занимался изслѣдованіемъ прусской податной реформы; въ его бумагахъ, оказавшихся при немъ въ Берлинѣ, послѣ его кончины, нашлось помѣщаемое ниже начало статьи II и разныя выписки, касающіяся этого предмета. Ю. Ѳ. находился въ это время въ сношеніяхъ съ докторомъ Дитерици, который по его просьбѣ взялся составить записку на основаніи архивныхъ ненапечатанныхъ документовъ. Дитерици пожелалъ угостить у себя обѣдомъ Ю. Ѳ.; но такъ какъ онъ долженъ былъ ѣхать въ Парижъ, то условились отложить этотъ обѣдъ до возвращенія его въ Берлинъ. Ю. Ѳ. вернулся 7 (19) марта, и въ самый день пріѣзда письменно извѣстилъ Дитерици о своемъ возвращеніи и просилъ назначить день обѣда; на слѣдующее уже утро онъ получилъ отвѣтъ и обѣдъ былъ назначенъ на четвергъ.— Между тѣмъ въ среду утромъ Ю. Ѳ. сдѣлали операцію: вырѣзали небольшую жировую опухоль величиною съ орѣхъ въ верхней части правой руки. Не смотря на это онъ тотчасъ же послѣ операціи отправился обѣдать къ своимъ знакомымъ, а на слѣдующій день на условленный обѣдъ къ Дитерици. Всѣхъ собравшихся было вмѣстѣ съ Ю. Ѳ. 8 человѣкъ совѣтниковъ (Regierungsräthe), представителей городскаго управленія и министерства финансовъ; изъ нихъ только трое были прежде знакомы съ Ю. Ѳ-чемъ. Ни хозяинъ дома, никто изъ гостей не зналъ, что его рука была оперирована. Ю. Ѳ-ча познакомили со всѣми гостями; онъ жалъ всѣмъ руки и былъ, по словамъ д-ра Дитерици, чрезвычайно привѣтливъ. За обѣдомъ хозяинъ предложилъ тостъ за здоровье Ю. Ѳ., на который онъ отвѣчалъ длинной рѣчью и тостомъ въ честь прусскихъ чиновниковъ. Въ этой рѣчи, продолжавшейся болѣе получаса, Ю. Ѳ. охарактеризовалъ взаимныя отношенія Пруссіи и Россіи съ начала нынѣшняго столѣтія, указавъ съ одной стороны на могущественную помощь, которую Россія оказала Германіи послѣ 1812 г. и въ особенности такъ недавно своимъ дружественнымъ отношеніемъ къ Пруссіи во время войны ея съ Франціею и съ другой стороны — на пользу, которую Германія принесла Россіи своимъ просвѣщеніемъ и научнымъ богатствомъ, вслѣдствіе чего каждый образованный русскій питаетъ къ Германіи чувство благодарности. Онъ говорилъ, что при разработкѣ вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, не мало пользы принесло

изученіе этой реформы въ Пруссіи, что для предстоящаго преобразованія податной системы въ Россіи приходится тоже обратиться къ Пруссіи и изучить ея классную подать и вообще всю дѣйствующую въ ней систему налоговъ и что вообще еще многому можно Россіи научиться у Пруссіи. Затѣмъ онъ высказалъ свой взглядъ на развитіе Пруссіи и долго говорилъ о значеніи Штейна въ эпоху возрожденія Пруссіи. «На этомъ *камнѣ*, говорилъ онъ, играя на словѣ Штейнъ, зиждется все нынѣшнее зданіе Пруссіи». Онъ упомянулъ о личномъ уваженіи, которое питаетъ къ личности Штейна. Преданіе о Штейнѣ, о его безкорыстной и полезной дѣятельности сохраняется въ прусскомъ чиновничествѣ, которое имъ же создано. Наполеонъ I при всей своей геніальности умѣлъ создавать только арміи, которыми онъ завоевывалъ государства, а Штейнъ создалъ армію гражданскихъ чиновниковъ, которые вводятъ порядокъ во внутренній строй государства и составляютъ славу и силу Пруссіи и т. д. Всѣ присутствовавшіе на обѣдѣ были очарованы какъ содержаніемъ, такъ и блестящимъ изложеніемъ этой рѣчи. Послѣ обѣда, несмотря на просьбы хозяина и гостей, Ю. Ѳ. скоро уѣхалъ, извиняясь необходимостью заняться приведеніемъ въ порядокъ и укладкой своихъ вещей въ виду скораго отъѣзда въ Россію. Онъ казался утомленнымъ и блѣднымъ, такъ что хозяинъ не рѣшился слишкомъ упорно настаивать на своей просьбѣ, хотя Ю. Ѳ. уходомъ своимъ разстраивалъ вечеръ, который они надѣялись провести вмѣстѣ съ нимъ... Въ субботу 14 (26) марта Ю. Ѳ. долженъ былъ лечь въ больницу, гдѣ и скончался 19 марта...

Вышесообщенныя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни и дѣятельности Ю. Ѳ. Самарина не могутъ не быть дороги для всѣхъ почитателей покойнаго; этими свѣдѣніями доказывается, какъ этотъ замѣчательный человѣкъ до послѣдней минуты своей жизни не переставалъ работать и служить на пользу своего отечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сочли необходимымъ сообщить вышеизложенное, чтобъ показать значеніе, которое придавалъ Юрій Ѳедоровичъ предпринятой имъ работѣ по изслѣдованію прусской податной реформы. Къ сожалѣнію, мы можемъ опубликовать только отрывокъ изъ этой работы,— все то, что было авторомъ сдѣлано и недокончено, когда его застала смерть...

Только нижеслѣдующія первая глава и начало второй обширнаго сочиненія, имъ предпринятаго, были почти окончательно обработаны для печати. Начало второй главы найдено въ его бумагахъ въ Берлинѣ; первая глава, написанная гораздо ранѣе, находилась у него въ деревнѣ въ большой пачкѣ, въ числѣ разныхъ бумагъ, съ надписью: «классный налогъ и предположенія объ отмѣнѣ подушной». Кромѣ этого осталась масса матерьаловъ, собранныхъ покойнымъ по этому предмету,— выписокъ, замѣтокъ, указаній на книги и источники и проч.; но всѣ эти матерьалы, свидѣтельствующіе объ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ было предположено это сочиненіе и о значительномъ трудѣ на него потраченномъ покойнымъ, находятся въ такомъ необработанномъ видѣ, что они не могутъ быть преданы печати. Едва ли даже кто нибудь другой, кромѣ Ю. Ѳ., могъ бы воспользоваться этими драгоцѣнными матерьалами, такъ какъ онъ одинъ имѣлъ къ нимъ ключъ. Публикуемый нами трудъ очевидно основанъ на огромномъ запасѣ разнаго рода источниковъ печатныхъ и рукописныхъ, которые собралъ авторъ; онъ вѣроятно предполагалъ сдѣлать въ окончательной редакціи ссылки на эти источники; но въ рукописи этихъ ссылокъ нѣтъ и возстановить ихъ теперь невозможно. По всему, что намъ извѣстно и видно изъ изложенія прусскихъ финансовыхъ реформъ Ю. Ѳ. Самаринымъ, можно заключить что кромѣ рукописныхъ и архивныхъ источниковъ, къ которымъ ему былъ открытъ доступъ въ Берлинѣ, онъ ознакомился, по свойственной ему добросовѣстности, со всею обширною печатною литературою этого предмета. Даже и отрывки, которые мы печатаемъ, хотя они были нѣсколько разъ передѣланы авторомъ, *не были окончательно* обработаны для печати въ редакціонномъ отношеніи; это должны имѣть въ виду читатели. На этой работѣ можно между прочимъ видѣть, съ какою тщательностью Ю. Ѳ. изучалъ всегда свой предметъ, какой точности онъ всегда добивался не только въ содержаніи, но и въ изложеніи своихъ трудовъ, и какъ много онъ передѣлывалъ даже мелочи при всякомъ своемъ недоумѣніи. Вторая половина (отъ стр. 295) первой главы наименѣе закончена; въ этой главѣ сдѣлана авторомъ вставка (стр. 300 — 318), которую онъ вѣроятно предполагалъ слить съ остальными частями, но этого не успѣлъ сдѣлать. Начало 2-й главы заключаетъ въ себѣ отчасти повтореніе того, что изложено въ концѣ первой главы. Въ разныхъ мѣстахъ на поляхъ рукописи сдѣланы авторомъ замѣтки, смысла которыхъ трудно добраться, и которыя изобличаютъ его

намѣреніе передѣлать или провѣрить эти мѣста; они отмѣчены нами вопросительными знаками въ скобкахъ.

Можно было въ нѣкоторой степени недоумѣвать, слѣдуетъ ли печатать нижеслѣдующій трудъ въ этой отрывочной и неокончательной формѣ. Но передѣлывать изложеніе, хотя бы и недоконченное, такого писателя, какъ Самаринъ, было бы не только непозволительною смѣлостью, но такая передѣлка была бы невозможна (при тѣхъ сырыхъ матерьалахъ и слабыхъ указаніяхъ на предположенія автора, какія остались въ его бумагахъ). Мы позволили себѣ сдѣлать только самыя ничтожныя поправки явныхъ описокъ и пропусковъ. Впрочемъ даже и въ своемъ настоящемъ видѣ этотъ трудъ Ю. Ѳ. Самарина весьма интересенъ, независимо отъ тѣсной его личной связи съ послѣдними днями и предсмертными мыслями автора (таково въ особенности начало 2-й главы) и онъ никакъ не недостоинъ его, ни по содержанію, ни по изложенію. Какъ ни писано много о реформахъ Штейна, онѣ останутся, на вѣки, въ особенности у насъ, неистощимымъ источникомъ самыхъ плодотворныхъ назиданій для государственныхъ людей. И именно въ настоящее время, передъ государственными преобразованіями (преимущественно на финансовой почвѣ, которую изслѣдуетъ Ю. Ѳ. въ этомъ трудѣ), ожидающими насъ по окончаніи войны, въ высшей степени полезно снова обратиться къ этому источнику. Нашему обществу будто напоминаетъ объ этомъ замогильный, глубоко патріотическій голосъ Самарина....

Нужно замѣтить, что при всей незаконченности нижеслѣдующихъ статей, онѣ все-таки представляются мастерскимъ изображеніемъ внутренняго положенія Пруссіи послѣ іенскаго погрома и государственныхъ мѣръ ее возродившихъ. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Самаринъ группируетъ главные факты въ общую стройную картину, не загромождая ее безполезными подробностями (за исключеніемъ можетъ быть нѣкоторыхъ мѣстъ во второй половинѣ первой главы, которыя онъ предполагалъ передѣлать) и вездѣ освѣщаетъ ее своимъ здравымъ взглядомъ, никогда не нарушая строгой объективности фактическаго изложенія.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ вывелся обычай поголовнаго истребленія или порабощенія побѣжденныхъ племенъ, и война приняла характеръ поединка между двумя коллективными личностями, признающими взаимно свою равноправность, — едвали какая нибудь держава испытывала, вслѣдствіе несчастной войны, такое крушеніе, какому подверглась Пруссія въ 1806 году, послѣ іенскаго пораженія.

Не смотря на очень дѣйствительное заступничество Императора Александра I, которому удалось во многомъ смягчить, по отношенію къ ней, безпощаднаго ея побѣдителя, она утратила по Тильзитскому миру и дополнительнымъ условіямъ, заключеннымъ въ Эрфуртѣ, всѣ прежнія свои владѣнія между Рейномъ и Эльбою, все отнятое у Польши съ 1772 года и городъ Данцигъ; это составило 53% прежней ея территоріи (3246 кв. миль на 6120) и 52% ея населенія (5,619,000 жителей на 10,659,000); государственные ея доходы уменьшились почти въ той же пропорціи (отъ 31—33 до 17 милл.

талеровъ съ небольшимъ [1]); сверхъ того на нее наложена была контрибуція въ 120 милліоновъ франковъ, до уплаты которой ея крѣпости оставались въ рукахъ французовъ, и она обязывалась содержать на свой счетъ между Эльбою и Одеромъ цѣлый оккупаціонный корпусъ, безцеремонно высасывавшій край, съ вѣдома и попущенія своего начальства. Въ эту цѣну обошелся Пруссіи миръ. Но, еще до заключенія его, она была уже до половины разорена опустошительною, хотя и кратковременною войною, сопровождавшеюся всякаго рода реквизиціями, падавшими на обывателей, и крайне тяжелыми, по тогдашнему времени, контрибуціями, которыми Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе облагать занятые имъ города. Всѣ этого рода требованія наскоро удовлетворялись провинціальными чинами и общественными управленіями изъ мѣстныхъ средствъ и, конечно, не изъ одной наличности, а въ значительной мѣрѣ, за недостаткомъ ея, посредстомъ займовъ. По отчету, составленному главнымъ управленіемъ публичныхъ долговъ, за періодъ времени съ 1820—1833 годъ, насчитывалось расходовъ, вынужденныхъ требованіями Франціи и павшихъ на государство, $144^1/_2$ милліоновъ талеровъ безъ малаго, а павшихъ на обывателей—230 милліоновъ талеровъ. Хотя бы даже эти итоги были преувеличены, понятно, что при такихъ условіяхъ политико-военная катастрофа не могла не повлечь за собою финансовой.

Казна была истощена; обмѣнъ безпроцентныхъ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ въ первый разъ въ 1806 году, [2]) прекратился также какъ ихъ обязательное обращеніе; была даже рѣчь о томъ, чтобъ изъять ихъ вовсе, какъ совершенно ненужныя; потомъ онѣ опять были введены въ обязательное употребленіе, но не по нарицательной цѣнѣ, а по курсу; Французы однако не принимали ихъ въ занятыхъ мѣстностяхъ; уплата, какъ капиталовъ, такъ и процентовъ по займамъ внутреннимъ и внѣшнимъ и вообще по всѣмъ государственнымъ обязательствамъ прекратилась, выдача жалованья служащимъ производилась неисправно, публичные фонды упали, внѣшніе займы не удавались, отпускная торговля, вслѣдствіе континентальной системы, закрылась. Одновременно съ истощеніемъ матеріальныхъ средствъ об-

---

[1]) Staatshaushalt und Abgabenwesen des Preus. Königsz. v. Reden:
[2]) Въ 1820 году ихъ насчитывалось до 11,242,000 талеровъ.

наруживались плачевные признаки духовнаго оскуденія. Единство Пруссіи было создано дисциплиною и ею одною держалось, а потому и не мудрено, что, какъ только порвалась накинутая сверху сѣть административныхъ учрежденій, составныя части государства и общества потянули въ разныя стороны и стали какъ будто расползываться. Обнаружилось отсутствіе внутренняго, органически выработаннаго единства между отдѣльными областями и еще болѣе глубокое разобщеніе между сословіями. Повидимому, обществу угрожало разложеніе. Даже въ изолированныхъ вспышкахъ незаказнаго усердія и самоотверженія сказывалось что-то фальшивое и не совсѣмъ здоровое, замѣтно было, что онѣ возбуждались нестолько земскимъ, сколько какимъ-то провинціальнымъ, узкимъ патріотизмомъ или сознаніемъ сословной, а не національной чести. Изъ разныхъ областей и городовъ получались заявленія полной готовности на всевозможныя средства для спасенія дорогой отчизны, а между тѣмъ, простая мысль о томъ, что придется вѣроятно принять на счетъ всего государства нѣкоторую часть изъ тѣхъ долговъ, въ которые провинціальные чины вовлечены были военными обстоятельствами, возбуждала такой ропотъ, казалась до того дикою, что правительство вынуждено было исподоволь подготовлять къ ней общественное мнѣніе и проводить ее съ крайнею осторожностью. Дворянство громче всѣхъ твердило о своей исторической доблести и о прирожденной ему способности, въ примѣръ другимъ, складывать на алтарь отечества свое достояніе и жизнь, а когда правительство приглашало его, совокупно съ экспертами отъ другихъ сословій, къ обсужденію разныхъ предположеній, имѣвшихъ цѣлью спасти государство, оно обижалось, становилось поперегъ всякимъ преобразованіямъ и заказывало продажнымъ перьямъ доносы въ революціонныхъ замыслахъ на небольшую группу людей, съ дѣйствительнымъ самоотверженіемъ трудившихся надъ перестройкою разбитаго государства. Немного надежнѣе было и тогдашнее чиновничество, особенно высшее. Отъ этого настроенія именно тѣхъ слоевъ общества, которые считались передовыми и которыхъ противодѣйствіе замедляло неотложныя мѣропріятія, приходилъ въ раздраженіе великій дѣятель того времени, посланный Пруссіи для ея спасенія, но котораго спасъ для нея и котораго возстановилъ для политической и гражданской жизни Императоръ Александръ и которому Германія такъ недавно до-

гадалась поставить памятникъ, послѣ Блюхера и всѣхъ своихъ генераловъ-рубакъ. [1]) „Нечего много смотрѣть на наше общественное мнѣніе, —писалъ Штейнъ, послѣ своего удаленія, канцлеру Гарденбергу, объяснявшему ему трудность предстоявшей ему борьбы,— здѣсь господствуютъ глубоко укоренившійся эгоизмъ, полуобразованность и распущенность, въ связи съ сѣверо-германскою грубою безчувственностью. Не снисхожденіемъ и уступчивостью можетъ быть исправлено одичалое общественное мнѣніе (diese verwilderte öffentliche Meinung); духъ, обнаруженный дворянствомъ и чиновниками свидѣтельствуетъ о такой порчѣ и о такой враждебности, что возрожденіе его потребуетъ рѣшительныхъ и строгихъ мѣръ.“ Онъ совѣтовалъ установить надъ личностями, наиболѣе выдававшимися, полицейское наблюденіе, не задумываясь, удалить немедленно отъ должностей всѣхъ чиновниковъ, противодѣйствовавшихъ преобразовательнымъ начинаніямъ правительства или дерзко объ нихъ отзывавшихся, а относительно дворянства принять за образецъ систему кардинала Ришелье.

Почти одновременно писалъ знаменитый Нибуръ: „не принимая въ соображеніе простаго народа, порчею незатронутаго, можно сказать, что люди хорошо настроенные составляютъ лишь часть, можетъ быть, меньшинство настоящей публики; оттого чаще всего приходится слышать въ Берлинѣ отзывы, проникнутые такою крайнею безнадежностью, при томъ, выражаемые съ такою увѣренностью, что, судя по характеру этихъ людей, можно почти принять эту безнадежность за твердое упованіе. Дѣйствительно, очень правдоподобно, что весьма многіе въ Берлинѣ нажились отъ общихъ бѣдствій; ихъ глубоко испорченный духъ нимало не желаетъ минованія теперешнихъ обстоятельствъ; эта испорченность и это внутреннее извращеніе, можетъ быть, даже заставляютъ ихъ опасаться этой минуты. Впрочемъ, не этого разбора люди встрѣчаются чаще всего въ обществѣ; здѣсь, большинство скорѣе слѣдуетъ несчастному, господствующему между нѣмцами позыву къ праздному поношенію (faules Lästern); эта скверная черта принадлежитъ къ числу явленій, наиболѣе обезображивающихъ характеръ націи, а нельзя отрицать, что она нѣмцамъ свойственна. Эти люди, повидимому, обдѣленные смысломъ для уразумѣнія общаго блага и частнаго благоденствія,

---

[1]) Узнавъ о кончинѣ Имп. Александра I, Штейнъ писалъ: «ihm schulde ich die Wiederherstellung meines politischen Daseyns.»

имъ обусловленнаго, не ощущаютъ даже той живой потребности наслажденія и довольства лично для себя, которая въ другихъ націяхъ столькихъ и такъ часто возбуждаетъ къ дѣятельности и усиліямъ; имъ бы только какъ нибудь прозябать, а по части наслажденій они остаются довольны, если только пользуются возможностью вдоволь унижать все выходящее изъ ряду, подкапывать всякое довѣріе и подрывать всякую преданность. По ихъ словамъ, съ насъ не только не снимется иноземное иго, но даже совершенно все равно, снимется ли оно или нѣтъ; въ первомъ случаѣ, участь народа будетъ еще хуже, ибо уже рѣшено, что будутъ употреблены всѣ усилія для сохраненія арміи въ возможно большей численности; для достиженія этой цѣли, не остановятся потребовать отъ уцѣлѣвшей частицы монархіи непосильнаго напряженія и не призадумаются измѣнить слову, данному кредиторамъ государства; военный департаментъ будетъ по прежнему сорить деньгами, а чиновники будутъ бѣдствовать. Въ глазахъ этихъ людей, мѣра нашей политической несостоятельности ярче всего обнаруживается въ томъ, что король до сихъ поръ не присталъ къ Рейнскому союзу, во что бы ни стало. Всякій, по своему вкусу, выбираетъ ту или другую изъ мѣръ правительства и изъ нея выводитъ желаемое удостовѣреніе въ колебаніяхъ и шатаніяхъ администраціи. — Не знаю, такой ли духъ господствуетъ во всей Германіи, но здѣсь онъ, кажется, свилъ себѣ прочное гнѣздо. Чтобы разорвать его, со стороны правительства потребуется много строгости и очень твердая рѣчь. Позволительно ли надѣяться, что однообразно ко всѣмъ примѣняемая, помимо всякихъ связей, мѣра рѣшительнаго удаленія отъ двора и отъ высшаго управленія осадитъ и пристыдитъ злонамѣренныхъ и дерзкихъ болтуновъ? Можно ли ожидать, что, отложивъ всякій ложный стыдъ, правительство почувствуетъ свою обязанность обуздать духъ порицанія серьезнымъ проявленіемъ своей воли и въ тоже время обезсилить его, въ виду дряблости нашей публики, прямымъ и точнымъ объявленіемъ тѣхъ началъ, которыми будетъ руководствоваться правительство въ будущемъ? Особенно нужно бы было огласить намѣреніе довольствоваться очень немногочисленною арміею, ибо опасеніемъ чрезмѣрныхъ напряженій собственно на этотъ предметъ тревожатся едвали не всѣ; даже наиболѣе разумные находятъ подтвержденіе этихъ опасеній въ томъ обстоятельствѣ, что оставлены были на службѣ всѣ офицеры изъ уступленныхъ Франціи областей, а всѣ тамош-

ніе чиновники были принесены въ жертву. Съ чувствомъ озлобленія на офицеровъ, котораго нельзя даже строго порицать, здѣсь спрашиваютъ: не лучше ли бы было, на оборотъ: всѣхъ вообще уволить и вступленіе вновь на службу предоставить только тѣмъ, которые доказали бы дѣйствительную способность къ службѣ и очистились бы отъ общаго, основательнаго упрека, падающаго на всѣхъ вообще или на многихъ въ частности."

Мы, конечно, не выдаемъ этихъ совѣтовъ за зрѣло обдуманную политическую програму, но мы приводимъ ихъ, какъ знаменательный симптомъ той внутренней неурядицы, которою усложнялась борьба съ внѣшними опасностями.

Такова была Пруссія въ первое двѣнадцатилѣтіе нашего вѣка; какова она теперь — извѣстно всѣмъ. Процессъ внутренняго возрожденія, совершившагося въ ней въ одно пятидесятилѣтіе, останется навсегда однимъ изъ назидательнѣйшихъ явленій новѣйшей исторіи, и мы убѣждены, что внимательное изученіе его, помимо удовлетворенія ученой любознательности, принесло бы намъ во многихъ отношеніяхъ не мало практической пользы.

Наша задача въ настоящемъ случаѣ очень ограниченна и скромна; оставляя совершенно въ сторонѣ преобразованіе государственныхъ и общественныхъ учрежденій, судоустройства, арміи и финансовъ вообще, мы выдѣляемъ изъ этой послѣдней области одинъ частный вопросъ — о личныхъ налогахъ, и будемъ касаться прочихъ видовъ обложенія въ той лишь мѣрѣ, въ какой это будетъ необходимо для уясненія мѣста, занимаемаго прямыми налогами въ общей системѣ обложенія, и отношенія этихъ налоговъ къ другимъ.

До разгрома 1806 года, государственные расходы Пруссіи покрывались главнѣйшимъ образомъ, не говоря о многосложной системѣ натуральныхъ повинностей: 1) доходами отъ государственныхъ имуществъ (земель, лѣсовъ, горныхъ промысловъ и фабрикъ), частью сдававшихся въ арендное содержаніе, частью эксплуатируемыхъ самою казною; 2) доходами отъ государственныхъ монополій (регалій) соляной, почтовой, гербовой и др.; 3) поземельнымъ налогомъ на расположенныя въ уѣздахъ (внѣ городовъ) *черныя* (т. е подлежавшія обложенію, въ сущности, крестьянскія) земли, за исключеніемъ привилегированныхъ: господ-

скихъ, церковныхъ и т. д. [1]); 4) такъ называемыми *акцизами*, взимавшимися исключительно въ городахъ (косвенными налогами, падавшими почти на всѣ предметы потребленія, частью при ввозѣ ихъ изъ уѣздовъ въ города, частью при переработкѣ ихъ въ самихъ городахъ, напр. при обращеніи зерна въ муку, крупу, крахмалъ, солодъ, при убоѣ скота, съ выкуриваемаго вина, съ вывариваемаго пива и т. д.); 5) таможенными пошлинами и, сверхъ того, разными мелкими сборами, изстари установившимися и, по своему происхожденію, болѣе походившими на помѣщичьи поборы, чѣмъ на государственные налоги. Акцизы вмѣстѣ съ таможенными сборами давали около $9\frac{1}{2}$ милліоновъ талеровъ; это была главная доходная статья, составлявшая $31\frac{2}{3}\%$ тогдашняго государственнаго бюджета; за нею слѣдовалъ, по значительности, доходъ отъ государственныхъ имуществъ (болѣе $8\frac{1}{3}$ милліона) — 29%: потомъ — регаліи ($5\frac{4}{5}$ милліона) — $19\frac{1}{3}\%$; поземельный налогъ ($5\frac{2}{3}$ милліона) — 18%; остальные 2% отъ разныхъ мелкихъ сборовъ.

Никакого вида личнаго налога, по крайней мѣрѣ, какъ налога постояннаго, въ Пруссіи не существовало; но въ экстренныхъ обстоятельствахъ, курфирсты и короли выбирали, для пополненія государственныхъ дефицитовъ, довольно крупныя суммы съ тяглыхъ людей (крестьянъ), облагая ихъ единовременно подушною податью (Kopfsteuer).

Послѣ Тильзитскаго мира, судя по государственной росписи, составленной на 1812 годъ, указанное отношеніе различныхъ статей доходовъ въ государственномъ бюджетѣ существенно не измѣнилось, но, какъ было заявлено выше, въ общемъ итогѣ средства, оставшіяся въ распоряженіи правительства, сократились на 47%.

Въ этихъ-то отчаянныхъ обстоятельствахъ, фрейгеру Штейну пришлось первому собирать, сплачивать и вновь сколачивать разбитое государство.

Еслибъ тогдашняя Пруссія была сколько-нибудь похожа въ экономическомъ отношеніи на теперешнюю Францію или Англію, то есть, еслибы существовавшій въ ней порядокъ вещей, учрежденія правительственныя и общественныя, гражданскіе законы,

---

[1]) Сюда входила и такъ называемая контрибуція съ сельскихъ обывателей, которая разверстывалась по приблизительной оцѣнкѣ поземельнаго дохода на такъ называемыя гуфы.

права состоянія, господствующія понятія и бытовыя отношенія благопріятствовали наивыгоднѣйшему употребленію наличныхъ, естественныхъ средствъ края, находящихся въ немъ капиталовъ недвижимаго и движимаго, скорому и легкому ихъ обращенію, наконецъ, свободѣ личнаго труда и личной предпріимчивости; еслибы, въ продолженіи многихъ и многихъ предшествовавшихъ годовъ, законодательство, управленіе и общество совокупно и сознательно работали для достиженія одной цѣли: довести производительныя силы края до высшей степени развитія и напряженія, и еслибъ эта цѣль могла считаться въ возможной степени достигнутою, по крайней мѣрѣ, въ той степени, въ какой достиженіе ея зависитъ отъ учрежденій и законовъ, — тогда первому министру Пруссіи 1808 года предстояла бы такая же задача, конечно трудная, но въ тоже время ясная, простая и, если можно такъ выразиться, односложная, какую недавно, на глазахъ Европы, разрѣшилъ, при однородныхъ обстоятельствахъ, другой министръ, которому пришлось расплачиваться за грѣхи Франціи. Онъ воспользовался бы существующими въ настоящее время средствами собрать въ короткій срокъ массу издавна накопившихся въ краѣ сбереженій и потребовалъ бы отъ производительныхъ силъ временнаго, чрезвычайнаго усилія. Совершенно иначе ставился вопросъ въ Пруссіи. Всѣ ея производительныя силы, матеріальныя и духовныя, вещественныя и личныя, были свинчены, скованы и парализированы средневѣковымъ складомъ государства и общества; общенародные интересы только что начинали выясняться въ сознаніи ея передовыхъ людей того времени и медленно выпутывались изъ-подъ сѣти интересовъ частныхъ; понятіе державства (Landesherrlichkeit) не успѣло еще вознестись надъ понятіемъ господства (Grundherrlichkeit); функціи верховной власти, въ силу всякаго рода сдѣлокъ и давнихъ традицій, находились въ частныхъ рукахъ; не было такого права, по существу самаго общаго, самаго необходимаго для всѣхъ и каждаго, которое бы не было въ чью нибудь пользу монополизировано; путь ко всякой общеполезной цѣли пересѣкался множествомъ личныхъ, сословныхъ и корпоративныхъ привилегій, имѣвшихъ несомнѣнно правомѣрное основаніе; дѣло государственное дѣлалось только двоякимъ образомъ: насиліемъ, грубо деспотическими распоряженіями или путемъ сдѣлокъ и соглашеній, въ которыя вступали, какъ силы равноправныя, съ одной стороны— интересъ общій, всенародный, съ другой — интересы частные.

Припомнимъ вкратцѣ положеніе дѣлъ того времени. Земля составляла не только недвижимый, но и неподвижный, то есть, почти изъятый изъ обращенія капиталъ; [1]) вслѣдствіе множества лежавшихъ на ней всякаго рода фидеикоммиссовъ, сервитутъ и т. д., рѣдкій землевладѣлецъ могъ распоряжаться ею на правѣ полнаго собственника, т. е. отчуждать, закладывать, раздроблять, сдавать въ цѣломъ или по частямъ какъ землю, такъ и оброчныя статьи (мельницы, шинки, крестьянскіе дворы) въ наслѣдственное арендное пользованіе (Erbverpachtung), даже хозяйничать на ней, никого не спрашивая; на каждомъ моргенѣ, кромѣ права собственника, лежали еще одно на другомъ, какъ бы слоями, права цѣлыхъ сословій, фамилій, стороннихъ лицъ на болѣе или менѣе ограниченное пользованіе тѣмъ же клочкомъ земли; наоборотъ, съ правомъ собственности на землю часто сопрягались другія права, не имѣвшія ничего общаго съ фактомъ владѣнія землею, а составлявшія принадлежность званія собственника при землевладѣніи, напр. право курить вино и варить пиво. Съ этимъ правомъ связывалась еще такъ называемая Banngerechtigkeit (разные виды принужденія: Dienstzwang, Mühlenzwang, Getränkezwang), которою особенно дорожили крупные помѣщики и города, именно, такое право, въ силу котораго всѣ обыватели, имѣвшіе осѣдлость въ предѣлахъ владѣнія привилегированнаго лица, физическаго или юридическаго, а иногда и за этими предѣлами, въ извѣстномъ районѣ, обязывались, по закону и подъ страхомъ строгихъ наказаній, непремѣнно молоть свое зерно на мельницѣ этого лица и покупать свое пиво и вино на его заводѣ, а не въ иномъ мѣстѣ. Это избавляло заводчиковъ отъ всякой конкурренціи, давало возможность сбывать въ тридорога плохіе продукты и подкашивало въ самомъ корнѣ всякое побужденіе къ улучшенію и удешевленію производства. Масса сельскаго народонаселенія была крѣпка землѣ и отбывала барщину; личное состояніе крестьянъ, особенно нѣкоторыхъ классовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, немногимъ отличалось отъ раб-

---

[1]) Были земли дворянскія, были земли городскія (Burgen), были крестьянскія; ни тѣ, ни другія, ни третьи не должны были выходить изъ владѣнія того сословія, котораго клеймо на ней лежало; крестьяне безусловно лишены были права пріобрѣтать какія либо земли кромѣ крестьянскихъ; города не допускали отчужденія земель дворянамъ, для пріобрѣтенія гражданами дворянскихъ земель нужно было высочайшее разрѣшеніе. Недворянинъ, пріобрѣтавшій дворянское имѣніе, черезъ это одно не дѣлался еще членомъ уѣзднаго и провинціальнаго общества землевладѣльцевъ (Kreis- und Landstandschafte), ни патронатства, ни охоты, ни патримоніальной юридикціи и т. д.

ства (Erbunterthänigkeit); кромѣ многосложной системы частныхъ повинностей, представлявшихъ собою вознагражденіе за пользованіе землею, принадлежавшею помѣщику, крестьяне-хозяева подчинялись въ распоряженіи своею частною собственностью, своимъ временемъ и трудомъ, въ своихъ оборотахъ, занятіяхъ и въ домашнемъ своемъ быту множеству всякаго рода стѣсненій и ограниченій, которыя оправдывались обыкновенно видами попечительства для поддержанія въ сельскомъ быту порядка и благоустройства, но которыя въ сущности подбиты были изысканнымъ вымогательствомъ. Еще болѣе стѣснены были сельскіе батраки, на которыхъ лежало бремя двойной зависимости отъ помѣщика и отъ общества мѣстныхъ крестьянъ-хозяевъ (Dienstzwang). Судъ и расправа въ частныхъ дворянскихъ имѣніяхъ считались принадлежностью землевладѣльца и составляли также своего рода доходную статью вотчинныхъ правленій. Въ такихъ же, нѣсколько смягченныхъ отношеніяхъ къ своему начальству находились крестьяне и въ казенныхъ имѣніяхъ. Каждый городъ и каждый уѣздъ (въ смыслѣ загородныхъ мѣстностей) составляли какъ бы два отдѣльныхъ государства, недовѣрчиво и враждебно наблюдавшихъ другъ за другомъ; между ними повсемѣстно тянулись нескончаемыя тяжбы; торговля во всѣхъ ея видахъ, фабричныя занятія и ремесла считались монополіею городовъ, и загороднымъ обывателямъ безусловно запрещалось вступаться въ ихъ кормленіе; не говоря уже о крестьянахъ, дворянинъ не могъ заниматься промысломъ городскимъ (Bürgergewerbe), не лишаясь дворянскаго достоинства (ohne Nachtheil seines Standes); въ самихъ городахъ каждый видъ торговли, ремесла или какого бы то ни было промысла составлялъ такую же монополію одной корпораціи или одного цѣха; дробленіе занятій доходило до того, что, напримѣръ, мастеру сапожнаго дѣла крѣпко на крѣпко запрещалось дѣлать туфли. Отъ монополизаціи всѣхъ промысловъ, разумѣется, терпѣли наиболѣе жители селъ; они вынуждались пріобрѣтать въ городѣ даже такіе предметы для домашняго ихъ хозяйства, которые легко могли бы быть заготовляемы для продажи въ значительномъ количествѣ и по сравнительно низкой цѣнѣ въ самихъ деревняхъ; съ другой стороны, они не могли продать въ городѣ ничего своего, ни муки, ни крупы, ни курицы, ни яицъ, ни ягодъ, ни грибовъ, не оплативъ у городскихъ воротъ каждаго предмета двумя акцизами: казеннымъ и городскимъ. Но терпѣли и жители городовъ, въ качествѣ потреби-

телей, притомъ не однихъ сельскихъ произведеній, а также издѣлій мѣстной, городской промышленности.

Понятно, что весь этотъ порядокъ вещей, уже разбитый въ дребезги французскою революціею, общіе результаты которой быстро разносились по всей Германіи вслѣдъ за войсками Наполеона и даже успѣли уже войти въ дѣйствующее законодательство смежныхъ съ Пруссіею областей (Саксоніи и Варшавскаго герцогства), требовалъ радикальнаго преобразованія. Но дѣло въ томъ, что къ нему была принаровлена, на немъ держалась и имъ въ значительной мѣрѣ обезпечивалась вся система государственныхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ.

Первая, по значительности поступленія, статья государственныхъ доходовъ, такъ называемый генеральный акцизъ, взимавшійся въ городахъ, прямо обусловливался привилегированнымъ отношеніемъ городовъ къ загороднымъ мѣстностямъ [1]); акцизъ государственный и акцизъ городской взимались на одинаковыхъ основаніяхъ. Далѣе, когда правительство призывало дворянство къ чрезвычайнымъ пожертвованіямъ, когда оно приглашало его принять казну въ составъ провинціальныхъ кредитныхъ обществъ и сдѣлать за круговою порукою выпускъ новыхъ закладныхъ листовъ подъ залогъ государственныхъ недвижимыхъ имуществъ, когда оно обращалось къ капиталистамъ за денежными ссудами въ формѣ срочныхъ векселей (для уплаты военной контрибуціи), ему отвѣчали, повидимому, довольно резонно, что ожиданія его могли бы исполниться подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы само правительство не подрывало своими преобразовательными затѣями кредита тѣхъ корпорацій, къ помощи которыхъ оно обращалось, и не посягало на стародавнія преимущества, изъ которыхъ онѣ изстари извлекали большую часть своихъ доходовъ. Съ другой стороны, и крестьяне-хозяева могли бы сказать, еслибъ они въ то время имѣли голосъ, что, уплачивая за всѣхъ поземельную подать и множество косвенныхъ налоговъ, они могли это дѣлать только потому, что имъ давалась возможность пользоваться почти даровымъ, обязательнымъ трудомъ прикрѣпленныхъ къ мѣсту сельскихъ батраковъ. Наконецъ, нельзя было упускать „изъ виду“ того, что многія изъ частныхъ правъ и привилегій, наиболѣе вредныхъ въ общихъ

---

[1]) Городскіе жители выплачивали высокій косвенный налогъ, какъ потребители, потому что они пользовались монополіею, какъ производители и торговцы.

видахъ правильнаго развитія народнаго хозяйства, имѣли несомнѣнно правомѣрное основаніе, составляли издавна предметъ гражданскихъ сдѣлокъ и обязательствъ, продавались, покупались, закладывались, обмѣнивались, отдавались въ приданое и что поэтому отмѣна ихъ не могла бы совершиться безъ вознагражденія. Наконецъ, въ первыхъ годахъ текущаго вѣка, правительство не имѣло еще, какъ теперь, въ своемъ распоряженіи цѣлой арміи образованныхъ, вполнѣ надежныхъ и строго дисциплинированныхъ чиновниковъ, опираясь на которыхъ оно могло бы смѣло приводить въ дѣйствіе свою волю, не опасаясь противодѣйствія общества; полиціею въ уѣздахъ завѣдывали вотчинныя правленія, а въ городахъ — магистраты; отъ нихъ, въ значительной степени, зависѣло успѣшное поступленіе податей и косвенныхъ налоговъ, такъ что пришлось бы, для приведенія въ исполненіе преобразовательныхъ начинаній, пользоваться какъ орудіями тѣми самыми сословіями, интересы которыхъ должны были наиболѣе отъ нихъ пострадать. Само собою разумѣется, что предостереженія и возраженія, которыми привилегированные классы старались напугать правительство и заставить его отказаться отъ всякихъ коренныхъ перемѣнъ, сами по себѣ, не выдерживали никакой критики; въ общей сложности, каковы бы ни были потери частныхъ лицъ, производительность труда не могла упасть вслѣдствіе дарованія рабочему классу свободы въ употребленіи своихъ силъ и въ выборѣ занятій; земля не могла понизиться въ цѣнѣ вслѣдствіе того, что облегчился бы переходъ ея изъ рукъ въ руки и что владѣлецъ ея пріобрѣлъ бы возможность распоряжаться ею, не стѣсняясь сторонними на нее притязаніями; выгоды, извлекаемыя изъ торговли, ремеслъ и промысловъ всякаго рода, не могли понизиться вслѣдствіе дарованія права покупать и заказывать, гдѣ товаръ дешевле и лучше, продавать и брать заказы, гдѣ запросъ на товаръ сильнѣе и цѣна за него выше; и личные заработки, и земля, и капиталы, обращающіеся въ коммерческихъ предпріятіяхъ, при этихъ условіяхъ, не только не утратили бы прежней способности своей служить предметами обложенія, а напротивъ, въ концѣ концевъ, несомнѣнно выдержали бы обложеніе въ размѣрѣ, сравнительно съ прежнимъ, значительно возвышенномъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя было не предусматривать, что, съ увеличеніемъ ежегоднаго народнаго дохода въ общемъ итогѣ, и на первыхъ порахъ даже быстрѣе, чѣмъ это увеличеніе, должна была про-

изойти перемѣна въ прежнемъ порядкѣ его распредѣленія и сосредоточенія по частямъ; что можетъ быть его не окажется вовсе или окажется меньше, чѣмъ ожидалось тамъ, гдѣ правительство изстари привыкло находить и облагать его, и что, напротивъ, придется выслѣживать его подъ новыми формами и въ такихъ мѣстахъ, куда прежде не думали за нимъ обращаться.

Итакъ, съ одной стороны, было ясно до очевидности, что старая Пруссія отжила свой вѣкъ и въ прежнихъ своихъ формахъ не могла воскреснуть. Продолженіе историческаго бытія, даже въ скромныхъ размѣрахъ второстепенной державы, возможно было для нея лишь подъ условіемъ радикальнаго обновленія сверху до низу. Въ неотложной его необходимости никто не былъ убѣжденъ такъ глубоко, какъ Штейнъ, и въ этомъ отношеніи между нимъ и ближайшимъ его преемникомъ, Гарденбергомъ, разномыслія не было. Очистить область народнаго, государственнаго интереса отъ множества вторгшихся въ нее корпоративныхъ и частныхъ интересовъ и подчинить безусловно послѣдніе первому, развивать производительныя силы края, раскрѣпить крестьянъ, не нарушая ихъ права на землю, упразднить привиллегіи и монополіи, стѣснявшія свободу торговыхъ оборотовъ и промысловъ, снять съ городовъ административную опеку и установить дѣйствительное общественное самоуправленіе, учредить областное всесословное представительство и подготовить представительство государственное, — такова, въ сущности, была программа обоихъ. Въ примѣненіи къ государственной экономіи, осуществленіе ея требовало, какъ мы видѣли, кореннаго преобразованія всей податной системы, а такое преобразованіе влекло за собою неминуемую, хотя бы временную, заминку въ срочномъ поступленіи государственныхъ доходовъ.

Съ другой стороны, была крайняя надобность въ экстренныхъ денежныхъ средствахъ для уплаты военной контрибуціи, для ускоренія очистки края отъ высасывавшаго его оккупаціоннаго корпуса и для удовлетворенія кредиторовъ государственнаго казначейства.

Одновременное разрѣшеніе этихъ двухъ задачъ, одинаково неотложныхъ и, въ тоже время, почти исключавшихся взаимно, представляло громадныя трудности. Единственная надежда помирить ихъ и повести ихъ параллельно заключалась въ самой экстренности тогдашнихъ обстоятельствъ, въ отчаянномъ положеніи Пруссіи. Въ подобныя минуты власть можетъ дѣйствовать

рѣшительнѣе, а общество выноситъ такія мѣры, радикальность которыхъ, въ другое время, вызвала бы противодѣйствіе, съ которымъ не совладало бы никакое правительство.

Первый, которому довелось начать собирать и сплачивать разбитое государство, былъ фрейгеръ ф. Штейнъ. Призвавъ его къ занятію должности перваго министра, король Фридрихъ Вильгельмъ послѣдовалъ нестолько личной своей къ нему симпатіи, сколько общественному мнѣнію, громко на него указывавшему. Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Штейнъ, и онъ одинъ, обладалъ счастливою совокупностью личныхъ способностей и качествъ, которыхъ требовали обстоятельства. Необыкновенная широта взгляда позволяла ему обнять сразу всѣ стороны предстоявшей ему задачи, не теряясь въ подробностяхъ; глубокій историческій смыслъ, воспитанный близкимъ знакомствомъ съ Англіею, предохранялъ его отъ увлеченій преобразовательнаго идеализма и питалъ въ немъ твердую, ни на минуту не поколебавшуюся вѣру въ будущность Пруссіи; творческая сила воли, которою онъ былъ одаренъ, могла, въ данныхъ обстоятельствахъ, сдѣлать его способнымъ ускорить, если можно такъ выразиться, ходъ народной исторіи и въ короткій періодъ времени совершить подвиги, которыми при другихъ условіяхъ могла бы наполниться жизнь нѣсколькихъ поколѣній; наконецъ прямота его характера, его нравственная безупречность, безукоризненная чистота его намѣреній и полное отсутствіе всякаго личнаго честолюбія, всякой заботы о себѣ, всякой оглядки на свое положеніе невольно привлекали къ нему людей, способныхъ понимать его. Они подчинялись охотно, безъ зависти, умственному его превосходству и сами, можетъ быть безсознательно, поднимались до его нравственнаго уровня. Оттого, гдѣ только онъ прилагалъ руку къ дѣлу, около него собиралась цѣлая группа даровитыхъ помощниковъ, дружно работавшихъ на его глазахъ, и въ томъ числѣ немало такихъ, которые, по своимъ понятіямъ и характерамъ, никогда бы не пошли рука объ руку, даже не поняли бы другъ друга. Что ихъ сближала не какая либо другая сила, а именно живая личность, къ которой они тянули, не сговариваясь, видно между прочимъ изъ того, что какъ только, по обстоятельствамъ, отъ воли его не зависѣвшимъ, Штейнъ долженъ былъ удалиться и уступить свое мѣсто другому, эта группа скоро распалась, безъ всякой въ томъ вины со стороны его преемника, и только потому, что отнялась живая сила, объединявшая самыя неуживчивыя натуры.

Въ короткое время перваго своего управленія всѣми гражданскими дѣлами, въ качествѣ государственнаго (перваго) министра (Staatsminister), отъ конца Сентября 1807 (?) до исхода 1808 года, Штейнъ успѣлъ вдохновить не только правительство, но и лучшую часть общества. Широкая, отчасти разработанная, отчасти только намѣченная программа задуманныхъ имъ преобразованій въ государственныхъ и областныхъ учрежденіяхъ, въ правахъ состояній, въ организаціи сословій, въ системѣ народнаго воспитанія, въ законахъ и административныхъ традиціяхъ, которыми регулировались торговля, земледѣліе и промыслы, прошла подъ его вліяніемъ черезъ всѣ вѣдомства и надолго опредѣлила ихъ направленіе. Многое онъ самъ исполнилъ и почти все то подготовилъ, что̀ послѣ него было осуществлено людьми, сознательно или безсознательно продолжавшими его работу по внутреннему переустройству края. Въ одинъ годъ ему удалось провести законы объ упраздненіи личнаго крѣпостнаго состоянія (Erbunterthänigkeit) и о предоставленіи всѣмъ и каждому, безъ различія званія и сословія, права на пріобрѣтеніе недвижимой собственности всякаго рода и на производство всякихъ промысловъ (9 и 28 Октября 1807 года), о признаніи крестьянъ-хозяевъ въ казенныхъ имѣніяхъ собственниками земли, бывшей въ ихъ владѣніи, не слагая однако лежавшихъ на ней повинностей (27 Іюля 1808 года), объ отмѣнѣ постановленій противъ скупа и перекупа сельскихъ произведеній, привозимыхъ въ города, объ упраздненіи многихъ стѣснительныхъ привилегій, государственныхъ, общественныхъ и частныхъ, какъ-то: казенной монополіи по заготовленію и продажѣ мельничныхъ жернововъ (Mühlsteinregal), исключительнаго права нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ устраивать мельницы (Mühlzwang), нѣкоторыхъ корпорацій и цеховъ заниматься печеніемъ хлѣба, убоемъ скота и овощною торговлею (23 Января, 27 Марта, 27 Іюня, 24 Октября и 8 Ноября 1808 года). Наконецъ, введеніемъ новаго городоваго положенія (18 Ноября 1808 года), онъ рѣшительно отбросилъ старую, глубоко укоренившуюся систему административнаго опеканія и положилъ основаніе дѣйствительному общественному самоуправленію. Всѣ эти законоположенія имѣли цѣлью раскрѣпленіе и подъемъ производительныхъ силъ въ истощенномъ государствѣ; но, какъ было объяснено выше, положеніе дѣлъ было таково, что, къ несчастью, нельзя было ограничиваться мѣрами свойства возбудительнаго и укрѣпляющаго, а

предстояло, по необходимости и одновременно, подвергать этотъ обезсиленный организмъ самымъ изнурительнымъ финансовымъ операціямъ.

Задача представлялась въ такомъ видѣ: при государственномъ бюджетѣ приблизительно въ 68 милл. франковъ (17 милл. талеровъ), при невозможности внѣшняго займа, доказанной нѣсколькими неудавшимися попытками, и при крайней невѣрности поступленія государственныхъ податей, уплатить въ одинъ годъ 120 милліоновъ, нести расходы по всѣмъ крупнымъ поставкамъ на содержаніе оккупаціоннаго корпуса (часть расходовъ падала на земство), наконецъ удовлетворять всѣ текущія государственныя потребности.

Прежде всего, отчасти до призыва Штейна, отчасти при немъ, были прекращены вовсе или обрѣзаны въ мѣру возможности непроизводительные расходы государственнаго казначейства на содержаніе двора, оперы, балета, на военное щегольство, особенно по гвардейскому корпусу, и на жалованье высшимъ должностнымъ лицамъ до половины прежнихъ окладовъ. Король и королевская фамилія подали добрый примѣръ своею готовностью подчиняться неизбѣжной экономіи и приспособить свой образъ жизни къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Это подѣйствовало на все общество въ нравственномъ отношеніи благотворно, но понятно, что одними сбереженіями нельзя было выпутаться изъ критическаго положенія, въ которомъ находилась Пруссія.

Штейнъ указалъ сразу на отчужденіе государственныхъ имуществъ, какъ на единственное средство покрыть экстренныя надобности. Они оцѣнивались, по крайне низкой таксаціи, въ 60 милл. талеровъ (около 240 милл. франковъ); но реализація этого капитала представляла разнаго рода трудности. Во первыхъ, неотчуждаемость государственныхъ имуществъ въ принципѣ считалась кореннымъ закономъ и обезпечивалась древними, имперскими постановленіями, фамильными актами, даже нѣкоторымъ правомъ протеста, предоставленнымъ земскимъ чинамъ. Коснуться этого общепризнаннаго начала было крайне рискованно еще и потому, что партія, враждебная Штейну, неминуемо должна была воспользоваться случаемъ приписать ему намѣреніе подкопаться подъ экономическое основаніе самостоятельности верховной власти, поставить ее въ зависимость отъ народа, какъ плательщика податей, и косвеннымъ образомъ подчинить ее кон-

тролю подданныхъ,—какъ выражались въ то время,—посадить короля на жалованье отъ его подданныхъ. Съ другой стороны, продажа огромнаго количества недвижимыхъ имуществъ требовала времени и, при тогдашнихъ условіяхъ денежнаго рынка, могла совершиться не иначе, какъ по низкой, для казны крайне невыгодной, цѣнѣ. Благодаря благоразумію короля и членовъ его семейства, Штейну удалось однако устранить препятствія юридическаго свойства и пересилить интриги своихъ враговъ. Отчужденіе было одобрено въ принципѣ, и это было сдѣлано со всевозможною торжественностью и гласностью, при участіи депутатовъ, вызванныхъ отъ городовъ и округовъ; затѣмъ, относительно способовъ исполненія онъ выработалъ слѣдующій планъ: часть казенныхъ имѣній, примѣрно на $^1/_6$ общей ихъ цѣнности, продать въ два года и воспользоваться случаемъ перехода этихъ имѣній въ частныя руки для упраздненія вотчинныхъ правъ, патримоніальной юрисдикціи, полиціи, попечительства надъ церквами, всякихъ принудительныхъ повинностей (Zwangsgerechtigkeiten), изъятія отъ поземельнаго налога и т. д.; склонить провинціальныя, дворянскія кредитныя общества (Credits-Systeme или Credit-Vereine [1]) принять казенныя имѣнія въ залогъ, подъ своею гарантіею, и выдать на нихъ закладные листы, которыхъ однако правительство не должно было пускать въ обращеніе въ самомъ краѣ. Оно намѣревалось подъ залогъ ихъ сдѣлать внутренній заемъ у капиталистовъ и купцовъ и выданными ими векселями уплатить половину контрибуціи, а для покрытія другой половины, попытаться реализировать часть закладныхъ листовъ черезъ посредство французскаго банка. Закладъ и заемъ удались, послѣдній даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ ожидалось; этими и другими однородными мѣрами Штейну удалось, если не уплатить контрибуцію, то, по крайней мѣрѣ, подготовить или обезпечить ея уплату. Всѣ перечисленныя мѣры, какъ-то: сокращеніе расходовъ, продажа казенныхъ имуществъ и разнаго рода займы все-таки оказывались далеко недостаточными для покрытія всѣхъ предстоявшихъ расходовъ, и необходимость заставила обратиться къ послѣднему средству — къ налогамъ. Но о возвышеніи существовавшихъ налоговъ трудно было

---

[1]) Дворянскія сословія по провинціямъ образовали изъ себя кредитныя ассоціаціи при Фридрихѣ II. Каждое такое общество выпускало, подъ залогъ дворянскихъ имѣній, закладные листы и отвѣчало коллективно за уплату процентовъ и погашенія.

помыслить; на землю нельзя было налегать потому, что одновременно упразднялось крѣпостное право, стѣснялись разныя монополіи и подготовлялось разрѣшеніе аграрнаго вопроса; система косвенныхъ налоговъ обнимала почти всѣ предметы потребленія, въ томъ числѣ самонужнѣйшіе; размѣры акцизовъ были и безъ того уже крайне высоки и, по самому свойству этого рода налоговъ, они ложились на плательщиковъ не только не пропорціонально ихъ состоянію, а напротивъ—въ обратномъ отношеніи къ ихъ средствамъ. Къ тому же, накидкою нѣсколькихъ процентовъ на прежніе налоги нельзя было немедленно извлечь изъ края значительныхъ суммъ; надобно было найти средства воспользоваться нетронутыми или неисчерпанными прежнею системою источниками, и пришлось прибѣгнуть къ общему личному налогу, не смотря на сильное къ нему нерасположеніе въ массѣ плательщиковъ, особенно въ высшихъ, привилегированныхъ сословіяхъ и даже въ кругу ближайшихъ сотрудниковъ Штейна, наиболѣе ему преданныхъ. Они считали этотъ налогъ убійственнымъ.

Личный налогъ введенъ былъ въ началѣ 1808 года, какъ мѣра временная, на три года и одновременно былъ испробованъ въ двоякой формѣ: налога подоходнаго (обложенія процентами всѣхъ доходовъ, по ихъ свойству и по ихъ величинѣ) и налога, падавшаго на плательщиковъ пропорціонально не доходу, а капиталу или имуществу ихъ, смотря по роду занятій (по животамъ и по промысламъ, какъ говорилось у насъ въ старину).

Самъ Штейнъ, знатокъ и почитатель великобританскихъ порядковъ, въ началѣ отдавалъ предпочтеніе первому изъ этихъ налоговъ, то есть, обложенію по доходу; но онъ убѣдился изъ опыта, что обложеніе по капиталу производилось успѣшнѣе и скорѣе и потому склонился въ его пользу. Тотъ и другой налоги были раскладочные, т. е., правительствомъ опредѣлялась сперва валовая сумма, которой оно требовало съ цѣлой области или города, затѣмъ приводился въ извѣстность предметъ обложенія (количество доходовъ или имуществъ по родамъ) и наконецъ изъ этихъ двухъ данныхъ выводился размѣръ обложенія. Впрочемъ, ни та, ни другая система нигдѣ въ строгости выдержаны не были. Въ примѣненіи ихъ данъ былъ, какъ видно, широкій просторъ правительственнымъ агентамъ и помогавшимъ имъ коммиссіямъ изъ мѣстныхъ обывателей; правила обложенія видоизмѣнялись, по мѣстнымъ условіямъ, въ различныхъ

областяхъ, иногда въ городахъ и уѣздахъ одной провинціи, такъ что въ этихъ первыхъ опытахъ представляется нѣчто среднее между строго подоходнымъ налогомъ, налогомъ на капиталъ и налогомъ классными или поразряднымъ.

Приступъ сдѣланъ въ Восточной Пруссіи и Литовской провинціи 23 февраля 1804 года. Тамъ было введено обложеніе подоходное, проектъ котораго предварительно сообщенъ былъ мѣстному ландтагу на предварительное обсужденіе. Выручка предназначалась исключительно на уплату военныхъ долговъ; распоряженіе поступающими суммами и вообще завѣдываніе этимъ налогомъ было ввѣрено особому учрежденію, и обѣщано было обнародованіе отчета.

Облагался вообще чистый доходъ, за исключеніемъ жалованья, получаемаго военнослужащими, доходовъ церквей, университета, школъ и больницъ, но не исключая ни чистаго дохода другихъ благотворительныхъ учрежденій, ни казеннаго отъ государственныхъ имуществъ. Вся выручка отъ подоходнаго обложенія въ Кенигсбергѣ получила спеціальное назначеніе: на уплату процентовъ и на погашеніе принудительнаго займа въ 3,700,000 талеровъ, сдѣланнаго этимъ городомъ, съ разрѣшенія правительства, на покрытіе контрибуціи; поэтому, для установленія и раскладки подоходнаго налога пришлось выдѣлить Кенигсбергъ изъ Литовской провинціи и образовать изъ него особый округъ.

Здѣсь были приняты слѣдующія правила: доходы были раздѣлены на три вида: происходящіе отъ недвижимаго имущества или какого бы то ни было капитала, принадлежащаго лицу, получающему доходъ; временные, условные и пожизненные доходы, происходящіе отъ капитала, принадлежащаго другому лицу, физическому или юридическому, а не тому лицу, которое пользуется доходомъ (каковы: жалованья, пожизненныя пенсіи, аренды и т. п.); наконецъ, доходы отъ промысловъ. Съ чистыхъ доходовъ перваго рода взималось: съ первой сотни талеровъ $^2/_3$ талера, со второй столько же и еще $^2/_3$; съ третьей столько же, сколько со второй съ накидкою $^2/_3$ и т. д., возвышая размѣръ обложенія въ той же прогрессіи до тѣхъ поръ, пока налогъ составитъ 20% съ облагаемаго дохода, именно до дохода въ 5,900 талер.; всѣ доходы свыше этой суммы облагались равномѣрно 20%. Тѣмъ же порядкомъ облагались чистые доходы втораго вида съ тою разницею, что съ первой сотни взи-

малось только $1/2$ талера и на столько же увеличивалось прогрессивно обложеніе послѣдующихъ сотенъ и что за maximum обложенія принято было вмѣсто 20—15%. Но въ примѣненіи къ третьему виду, система обложенія подоходнаго переходила въ классную; промышленники, — принимая это слово въ самомъ широкомъ значеніи,—раздѣлялись, по роду занятій, на категоріи, которыя въ свою очередь подраздѣлялись на разряды; для каждаго подраздѣленія опредѣленъ былъ окладъ отъ $1/2$ до $1365\,1/2$ талера, а росписаніе плательщиковъ по категоріямъ и разрядамъ было предоставлено выборнымъ отъ каждаго цеха и общества. Примѣненіе этого способа обложенія было возможно въ тогдашней Германіи при рѣзкомъ разграниченіи цеховъ и строго корпоративной организаціи всѣхъ промысловъ.

Въ уѣздахъ той же Литовской провинціи чистый доходъ отъ земли, состоявшей въ хозяйственной обработкѣ, облагался $4\,1/2$%; отъ иного рода угодій (напр. лѣсовъ)—3%; гдѣ земля находилась въ арендномъ содержаніи, принималось другое основаніе—оброчная за нее плата; съ этой суммы владѣлецъ, отдававшій въ аренду землю, облагался 3%, а арендаторъ $1\,1/2$%; доходъ отъ движимаго капитала облагался 3%; доходъ, получаемый въ видѣ жалованья и содержанія, по $1/2$ талера со ста талеровъ; затѣмъ, обложеніе увеличивалось прогрессивно и доходило до 3% съ дохода въ 3,500 талеровъ и свыше; рабочій классъ, также какъ и промышленники въ Кенигсбергѣ, подраздѣлялись на разряды, для которыхъ установлены были опредѣленные оклады, въ уѣздахъ — отъ $2/5$ до maximum'а въ $136\,8/15$ талера, а въ городахъ до $546\,2/15$.

Тѣже основанія примѣнены были и къ Западной Пруссіи. Надобно полагать, что этотъ первый опытъ подоходнаго обложенія, въ формѣ довольно первобытной и грубой, въ размѣрѣ довольно высокомъ, при непривычкѣ къ дѣлу и при рѣшительномъ противъ него предубѣжденіи, встрѣтилъ не мало затрудненій и подалъ поводъ ко многимъ вопросамъ; къ сожалѣнію, въ печатныхъ источникахъ, которые намъ были доступны, мы не нашли никакихъ по этому предмету свѣдѣній. Дѣло шло не о постоянномъ налогѣ, а о временномъ пожертвованіи, о своего рода контрибуціи и требовало спѣшности; строгой уравнительности нельзя было требовать, и правительственные коммиссары, вѣроятно, разрѣшали жалобы и сомнѣнія на мѣстахъ, при помощи выборныхъ отъ обществъ. Поэтому, вся

процедура обложенія осталась для насъ закрытою, и мы не можемъ сказать, ни какимъ способомъ приводились въ извѣстность доходы, ни какъ выводился чистый доходъ изъ валоваго. Въ высшихъ правительственныхъ инстанціяхъ довольно долго оставался спорнымъ только одинъ вопросъ (и то до приступа къ исполненію), — вопросъ, котораго самое возникновеніе доказываетъ, какъ еще мало были знакомы дѣльцы того времени, самые опытные (кромѣ Штейна), съ подоходнымъ налогомъ. Купцы, какъ принадлежащіе къ классу промышленниковъ, облагались, какъ мы видѣли, не по выведенному доходу каждаго порознь, а по разрядамъ, на которые они подраздѣлялись; но въ ихъ рукахъ оказывалось немало такихъ движимыхъ капиталовъ (процентныхъ бумагъ), доходъ съ которыхъ самъ по себѣ составлялъ статью обложенія по первому виду доходовъ. Спрашивалось: облагать ли во всякомъ случаѣ эти бумаги, какъ капиталъ, дающій извѣстный доходъ, или смотрѣть на нихъ, когда онѣ находились въ рукахъ торговцевъ, какъ на орудія ихъ промысла, слѣдовательно оставлять ихъ безъ обложенія и только принимать ихъ въ соображеніе при отнесеніи владѣльцевъ этихъ орудій къ тому или другому разряду? Штейнъ, конечно, далъ перевѣсъ первому мнѣнію, разъяснивъ сторонникамъ втораго, что орудію, помимо употребленія, которое можно изъ него дѣлать, несвойственно давать доходъ.

Другая система обложенія, не по доходу, а по состоянію, но также съ подраздѣленіемъ имуществъ на виды, испробована была въ Шлезіи, Помераніи и другихъ провинціяхъ. Въ первой изъ этихъ областей посланный правительствомъ коммиссаръ распорядился, кажется, по своему, но съ полнымъ успѣхомъ.

Здѣсь, впрочемъ, изслѣдованія, произведенныя въ прежнее время, значительно облегчили раскладочную операцію.

Существовалъ кадастръ всѣхъ земель въ уѣздахъ съ показаніемъ доходности каждаго участка настолько правильный, что можно было его придержаться, но устарѣлый. Опытъ доказывалъ, что, со времени его составленія, доходность господскихъ земель возвысилась вообще въ $2^1/_2$, а крестьянскихъ — въ $2^1/_4$ раза. Съ этою накидкою кадастровый доходъ послужилъ основаніемъ для оцѣнки земель. Но оказалось, что повинности и оброки, отбывавшіеся съ крестьянскихъ земель въ пользу господскихъ, при составленіи кадастра, не вычитались изъ дохода отъ первыхъ изъ этихъ земель, и потому, въ виду этого обстоятельства, при-

нято было за правило, выводя капитальную цѣнность земли по доходу, принимать его для господскихъ земель за $4^{1}/_{2}$%, а для крестьянскихъ — за 5%. Это до нѣкоторой степени приближало къ уравнительному обложенію. Для оцѣнки городскихъ недвижимостей и сопряженныхъ съ ними привилегій, послужили также составленныя прежде, на основаніи ипотечныхъ книгъ, полныя вѣдомости; осталось только, соображаясь съ дѣйствительными, поднявшимися цѣнами, удвоить оцѣнку всѣхъ статей, не измѣняя ихъ пропорціональнаго отношенія.

Для опредѣленія капиталовъ высшаго купечества, занимавшагося оптовою заграничною торговлею, оцѣнщики обратились къ таможеннымъ вѣдомостямъ; по нимъ выведенъ былъ приблизительно годовой оборотъ, а по обороту капиталъ, принимая въ соображеніе, что въ то время въ Шлезіи, въ теченіи года, дѣлалось вообще *невступно* два оборота.

Труднѣе всего было опредѣлить состояніе фабрикантовъ, мелочныхъ торговцевъ и ремесленниковъ; не нашлось лучшаго способа, какъ оцѣнить въ каждомъ городѣ порознь каждый промыселъ, по его размѣру и по свойству мѣстности; для этого, между прочимъ, послужили частью основаніемъ, частью повѣрочными средствами цифры уплачиваемыхъ каждымъ городомъ квартирныхъ сборовъ и косвенныхъ налоговъ съ предметовъ потребленія (акцизовъ).

Такимъ образомъ получены были валовыя цифры цѣнности земель господскихъ, земель крестьянскихъ, недвижимыхъ имуществъ въ каждомъ городѣ и, по каждому же городу порознь, капиталы, обращавшіеся въ торговлѣ, ремеслахъ и промыслахъ. Соображеніе итога этихъ суммъ съ валовою суммою налога, который требовался правительствомъ отъ всей провинціи, убѣдило, что требованіе могло быть удовлетворено двухпроцентнымъ обложеніемъ капиталовъ. Но при этомъ разсудили, что предположенная система обошла бы капиталистовъ, раздающихъ свои капиталы для производительнаго употребленія въ чужія руки и получающихъ съ нихъ проценты. Необложенными остались бы конечно не самые капиталы, а владѣльцы ихъ и потому, чтобы привлечь и ихъ, хоть косвеннымъ путемъ, къ участію въ общихъ пожертвованіяхъ, придумали разрѣшить лицамъ, принадлежащимъ къ производительнымъ классамъ, каковыми считались землевладѣльцы и промышленники, облагавшіеся 2% съ капиталовъ, переложить половину этого налога на своихъ кредиторовъ, скинувъ

1% съ суммы процентовъ, ежегодно имъ выплачиваемыхъ. Все это конечно было довольно произвольно и могло подать поводъ къ разнаго рода возраженіямъ; съ одной стороны, Штейнъ находилъ, что капиталисты облагались слишкомъ слабо, не пропорціонально прочимъ классамъ плательщиковъ; съ другой, оказывалось на практикѣ, что многіе кредиторы не признавали право на скидку, предоставленное ихъ должникамъ, грозили потребовать возврата капиталовъ и находили поддержку въ судахъ.

Оставалось произвести частную разверстку по мѣстностямъ и родамъ облагаемыхъ капиталовъ. О суммѣ двупроцентнаго налога, причитавшейся съ господскихъ земель во всѣхъ уѣздахъ провинціи, сообщено было мѣстному дворянскому учрежденію, носившему названіе „Hauptlandschaft" (приблизительно соотвѣтствовавшему нашему депутатскому собранію) съ предоставленіемъ ему права разложить ее на отдѣльныя владѣнія, не стѣсняясь кадастральною оцѣнкою, служившею основаніемъ, при опредѣленіи валовой суммы, а принимая въ соображеніе позднѣйшія данныя и новыя таксаціи по поводу произведенныхъ въ новѣйшее время улучшеній (осушка болотъ, устройство заводовъ въ мѣстностяхъ, обильныхъ лѣсами и т. п.). Такого рода крупныхъ улучшеній, возвышающихъ цѣнность земель, въ крестьянскихъ владѣніяхъ нельзя было предполагать, и потому здѣсь подворная разверстка общей суммы, причитавшейся съ этой категоріи недвижимыхъ имуществъ, произведена была, чрезъ посредство мѣстныхъ ландратовъ, строго пропорціонально кадастральной оцѣнкѣ дохода.

Въ городахъ же причитавшуюся съ каждаго валовую сумму налога предоставлено было магистратамъ разложить сообразно мѣстнымъ условіямъ, при участіи правительственныхъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ поуѣздно дѣлами о податяхъ.

Наконецъ, для покрытія той убыли противъ предположенной выручки, которая должна была произойти вслѣдствіе того, что нѣкоторыя селенія были выжжены и раззорены непріятелемъ, прибѣгли къ личному, подоходному обложенію, въ размѣрѣ 2% съ дохода лицъ, состоящихъ на частной службѣ въ разныхъ должностяхъ у короля, имперскихъ князей, дворянъ и др.

Описанные пріемы многимъ, вѣроятно, покажутся слишкомъ первобытными и не заслуживающими вниманія,— такъ они далеки отъ идеальныхъ представленій о строгой, на математически точныхъ формулахъ основанной уравнительности. Мы и не выдаемъ

ихъ за образцовые и не рекомендуемъ ихъ для подражанія, но думаемъ однако, что изъ нихъ скорѣе, чѣмъ изъ множества брошюръ о единой и безукоризненной системѣ обложенія, можно научиться умѣнью, далеко не всѣмъ прирожденному, приспособлять практическіе пріемы къ условіямъ мѣста и времени и никогда не выходить изъ границъ возможнаго въ данныхъ обстоятельствахъ, какъ бы тѣсны онѣ ни были и какъ бы это возможное далеко ни расходилось съ тѣмъ, что предносится нашему воображенію или что мы можетъ быть видимъ осуществленнымъ въ другихъ земляхъ. Въ подобнаго рода дѣлахъ употребленныя мѣры вѣрнѣе всего оцѣниваются по достигнутымъ результатамъ, по успѣшности или неуспѣшности ихъ и по тому, какъ относится къ нимъ окончательно масса народонаселенія, котораго ближайшіе интересы ими захватываются. Въ этомъ отношеніи элементарные пріемы, здѣсь описанные, вполнѣ оправдались. Въ самый короткій срокъ, въ странѣ, наполовину занятой непріятелемъ, который мѣшалъ, сколько могъ, дѣйствіямъ властей, собрано было съ Шлезіи, Помераніи и Курмарки по 30 милл. франковъ, съ Неймарка $2^1/_2$ милліона талеровъ, и изъ этихъ областей поступило немного частныхъ жалобъ на несправедливость принятой системы обложенія.

На этомъ порвалось управленіе Штейна въ первомъ періодѣ его политической дѣятельности; извѣстно, что одно перехваченное его письмо раздражило Наполеона и по его приказанію было обнародовано съ комментаріями и угрозами, обращенными къ прусскому королю, который долженъ былъ исполнить просьбу своего министра объ увольненіи его отъ должности.

Послѣ кратковременнаго и безцвѣтнаго правленія Альтенштейна, не оставившаго по себѣ никакихъ слѣдовъ, дѣло, начатое Штейномъ, перешло въ руки канцлера Гарденберга, получившаго еще большія уполномочія. На его долю выпало, помимо временныхъ мѣръ, и окончательное переустройство „безобразной, сшитой изъ пестрыхъ лоскутьевъ“ Прусской податной системы— такъ онъ самъ характеризовалъ ее. Въ главныхъ основаніяхъ князь Гарденбергъ и Штейнъ были между собою согласны, по крайней мѣрѣ, въ то время считали себя согласными. По происхожденію, привычкамъ и житейскимъ традиціямъ, оба были аристократы, но не германскаго или юнкерскаго, а великобританскаго типа. Оба принадлежали къ небольшой группѣ политическихъ дѣятелей того времени, понимавшихъ необходимость и же-

лавшихъ осуществить въ Германіи тѣ начала личной и политической свободы, равноправности передъ судомъ, общеобязательности платежа податей и т. д., которыя достались Франціи цѣною органическаго кризиса, навсегда нарушившаго правильный ходъ ея историческаго развитія, не прививая къ своей родинѣ хроническаго и неисцѣльнаго недуга, который, войдя разъ въ плоть и кровь народа, остается въ нихъ навсегда и знаменуетъ себя періодическимъ повтореніемъ революцій, вызываемыхъ какою-то потребностью свойства физіологическаго. Ихъ можно назвать консерваторами-реформаторами, а никакъ не революціонерами. Оба также были убѣждены въ необходимости вести параллельно мѣры двоякаго рода: развязывать, расширять, давать просторъ и ослабу и въ тоже время напрягать и возбуждать. Разница между ними заключалась не столько въ сознательномъ ихъ направленіи, сколько въ политическомъ темпераментѣ. Гарденбергъ въ предположеніяхъ и замыслахъ своихъ былъ радикальнѣе Штейна, менѣе щадилъ существующее, менѣе находилъ въ немъ такого, чему надлежало пережить переходное время преобразованій и, только преобразовавшись, занять свое мѣсто въ будущемъ строѣ; въ исполненіи же онъ былъ гораздо слабѣе Штейна, легче уступалъ и не обладалъ драгоцѣнною способностью, которою такъ щедро надѣленъ былъ послѣдній, внѣдрять около себя всеобщую, несомнѣнную увѣренность, что каждое произнесенное слово непремѣнно перейдетъ въ дѣло. Понятно, что, при отсутствіи этой прирожденной силы, которой въ Гарденбергѣ не чуялось, даже настойчивость его въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ее обнаруживалъ, казалась упрямствомъ и никого не успокоивала. Штейнъ былъ нѣсколько суровый пуританецъ, призванный къ политическому творчеству въ своей національной средѣ; Гарденбергъ былъ болѣе дипломатъ, избалованный разнаго рода успѣхами и лестью, которая была ему не противна, и сверхъ того человѣкъ съ сильно развитыми эпикурейскими наклонностями. Этимъ достаточно объясняется, почему они не могли никогда сойтись и сблизиться, и почему, впослѣдствіи, несходство и несовмѣстность натуръ перешли въ политическій антагонизмъ.

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, въ 1810 году, Гарденбергъ заготовилъ планъ финансоваго преобразованія, сообщилъ его на предварительное заключеніе Штейну, котораго онъ самъ называлъ своимъ учителемъ по части финансовъ, и даже ѣздилъ къ нему въ Богемію на тайное свиданіе. Они сошлись

во многомъ, между прочимъ въ необходимости продолжать операцію отчужденія государственныхъ имуществъ и приступить къ отобранію въ казну имѣній, принадлежавшихъ церквамъ и корпораціямъ, что вскорѣ и было исполнено, предоставить крестьянамъ-хозяевамъ часть бывшей въ ихъ пользованіи земли въ собственность, а владѣльцамъ, въ видѣ вознагражденія, возвратить другую часть въ ихъ полное распоряженіе, и т. д. По другимъ вопросамъ: о выпускѣ на 16 милліоновъ талеровъ бумажныхъ денегъ, обезпеченныхъ недвижимымъ фондомъ, и о принятіи на счетъ государственнаго казначейства провинціальныхъ долговъ на 23 милліона талеровъ, Гарденбергъ подчинился мнѣнію Штейна; обѣ мѣры были, если не окончательно устранены, то отсрочены исполненіемъ на неопредѣленный срокъ. Наиболѣе разномыслія обнаружилось по вопросамъ объ изъисканіи средствъ для доплаты контрибуціи (половина ея была уже уплачена) и вообще о новой податной системѣ. Штейнъ безусловно отвергалъ принудительные займы, доказывая, что эта мѣра предполагаетъ такъ же предварительное дознаніе о средствахъ и состояніи лицъ, привлекаемыхъ къ займу, слѣдовательно должна вызвать такой же ропотъ, какъ и подоходное обложеніе. Послѣднему онъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе и передъ класснымъ налогомъ, какъ лучшему средству привлечь наиболѣе богатые классы общества къ участію въ несеніи общихъ тягостей. Установивъ подоходный налогъ на два года, онъ считалъ возможнымъ извлечь изъ края этимъ способомъ 7 милліоновъ, даже 10 милліоновъ, талеровъ. Уравненіе городовъ съ уѣздами въ платежѣ акцизовъ казалось ему также неудобнымъ, рискованнымъ и слишкомъ радикальнымъ средствомъ. Онъ вообще не одобрялъ примѣненія къ деревнямъ налоговъ косвенныхъ и въ этомъ, какъ доказалъ опытъ, онъ не ошибался.

Канцлеръ Гарденбергъ остался однако въ этомъ вопросѣ при своемъ мнѣніи. Онъ не скрывалъ, что его пугала мысль о всеобщемъ ропотѣ, которымъ встрѣченъ бы былъ подоходный налогъ, и онъ надѣялся достигнуть тѣхъ же результатовъ, сдѣлавъ одну эту уступку, въ сущности—перехитрить публику, уступить названіе, а суть дѣла провести.

27 октября 1810 года вышелъ изготовленный имъ королевскій эдиктъ, содержавшій въ себѣ краткій отчетъ о положеніи государственныхъ финансовъ, перечень предположеній для ихъ

устройства и—въ неопредѣленной будущности: программу широкаго преобразованія въ самомъ либеральномъ смыслѣ.

Къ концу года должна была быть уплачена половина 120-тимилліонной контрибуціи; для доплаты ея, для постепеннаго возобновленія уплаты процентовъ и капитала по займамъ внутреннимъ и внѣшнимъ и вообще по всѣмъ государственнымъ обязательствамъ, въ томъ числѣ для выдачи недоданнаго служащимъ жалованья, признавалось нужнымъ: упразднить всѣ существовавшія изъятія отъ платежа государственныхъ податей и установить общія для всѣхъ сословій основанія обложенія; возвысить косвенные налоги на нѣкоторые главные предметы потребленія; ввести налогъ на предметы роскоши; ввести патентный налогъ; возвысить гербовый сборъ; продолжая продажу казенныхъ имѣній, отобрать и также пустить въ продажу недвижимыя имущества церквей и духовныхъ корпорацій; составить новый кадастръ, не въ видахъ увеличенія общей суммы поземельнаго налога, а для равномѣрнаго его распредѣленія на всѣ земли. Тѣ, которыхъ эта мѣра коснется (значилось въ эдиктѣ), примирятся съ нею. сообразивъ, что съ нихъ снимется упрекъ, будто бы они уклоняются отъ несенія общественныхъ тягостей, сваливая ихъ на своихъ согражданъ, и что налогъ, имѣющій пасть на ихъ земли, будетъ значительно легче личныхъ, служебныхъ повинностей, отбывавшихся съ дворянскихъ имѣній; наконецъ,—обложить одновременнымъ легкимъ поголовнымъ сборомъ бѣднѣйшій классъ, питающійся трудами рукъ своихъ, а отъ прочихъ классовъ, во избѣжаніе налога подоходнаго или по состоянію (который былъ крайне непопуляренъ, и противъ котораго самъ Гарденбергъ питалъ систематическое предубѣжденіе), потребовать, для доплаты контрибуціи, временной ссуды изъ 4% (въ видѣ обязательнаго займа), обезпечивъ уплату капитала и процентовъ ассигновкою на этотъ предметъ достаточнаго недвижимаго имущества изъ казенныхъ земель. Съ своей стороны правительство обѣщало: нѣкоторые косвенные налоги и натуральныя повинности отмѣнить, другія облегчить; предоставить всѣмъ и каждому полную свободу заниматься всякаго рода промыслами, по взятіи установленнаго патента, и отмѣнить исключительныя права на содержаніе мельницъ, винокуренъ и пивоваренъ; даровать крестьянамъ, владѣвшимъ землею, право собственности на нее; поднять упавшую цѣнность государственныхъ облигацій разнаго рода, установленіемъ пріема ихъ, хотя въ 2/3 противъ

нарицательной ихъ цѣны, въ уплату при покупкѣ казенныхъ и церковныхъ имѣній; съ половины 1811 года возобновить платежъ текущихъ процентовъ по всѣмъ обязательствамъ, какъ самого государства, такъ и имъ гарантированнымъ; въ недоплаченныхъ за истекшіе сроки процентахъ немедленно выдать должникамъ процентыя облигаціи; какъ по этимъ облигаціямъ, такъ и по внѣшнимъ займамъ возобновить уплату капиталовъ нѣсколько позднѣе, въ разные, напередъ опредѣленные сроки; внутренніе займы и прочіе государственные долги консолидировать, съ уплатою по нимъ однообразно процента (4%); ускорить, по возможности, выдачу служащимъ недоплаченнаго имъ жалованья, а до окончательнаго ихъ удовлетворенія, выдать имъ 4-хъ-процентныя обязательства на недоплаченную сумму; поручить особый коммиссіи съ участіемъ депутатовъ отъ всѣхъ областей, изслѣдовать вопросъ о долгахъ, въ которые провинціи и города, занятые непріятелемъ, были вовлечены вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, и объ отнесеніи части этихъ долговъ на государственное казначейство: наконецъ, даровать краю не только провинціальное, но и государственное представительство для содѣйствія правительству совѣтомъ. [1])

Эта широкая программа, можетъ быть, слишкомъ поспѣшно составленная и преждевременно обнародованная, осуществилась далеко не вполнѣ.

Для исполненія, много лѣтъ спустя, послѣдняго даннаго въ ней обѣщанія потребовалось, чтобъ новая буря пронеслась надъ Пруссіею въ 1848—49 годахъ; другія предположенія, составленныя на нѣсколько лѣтъ впередъ, частью отпали сами собою,

---

[1]) Вотъ что Гарденбергъ писалъ Штейну объ этомъ послѣднемъ обѣщаніи: Нѣтъ надобности излагать недостатковъ теперешнихъ учрежденій такъ называемыхъ чиновъ (представителей сословій — ständische Verfassungen). Спрашивать самихъ чиновъ о новомъ устройствѣ представительства значило-бы стремиться къ увѣковѣченію безобразій; отбирать у нихъ мнѣнія во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ областей и сословій значило бы тоже, что идти къ усиленію господствующей системы разобщенія и къ узаконенію притѣсненія низшихъ классовъ. Итакъ, нужна совершенно новая организація представительства и общинъ. Это новое представительство, какъ благій даръ, сверху нисходящій, должно идти непосредственно отъ правительства, отъ него одного; представительство можетъ имѣть только совѣщательный характеръ (consultirend seyn), должно быть строго отдѣлено отъ администраціи, даже противопоставлено ей, дабы можно было съ разныхъ точекъ зрѣнія и разными путями добираться до истины. Представительство чисто совѣщательное не нуждается во второй, высшей камерѣ; да и нѣтъ возможности образовать ее изъ нашего дворянства, въ теперешнемъ его видѣ. Право на участіе въ представительствѣ (помимо внѣшнихъ формальныхъ условій) должно имѣть троякое основаніе: собственность, разумѣніе (Einsicht) и добрую нравственность.

частью должны были принять совершенно иной видъ, вслѣдствіе начавшейся вскорѣ войны, послѣ которой средства Пруссіи, ея границы и положеніе совершенно измѣнились; къ составленію общаго положенія кадастра правительство и не приступало; онъ былъ введенъ только въ нѣкоторыхъ западныхъ областяхъ королевства и обошелся такъ дорого, что возникло сомнѣніе, окупается ли пользою сдѣланный на этотъ предметъ расходъ; даже по нѣкоторымъ статьямъ, требовавшимъ немедленнаго исполненія и, по видимому, болѣе подготовленнымъ, правительство, какъ мы увидимъ ниже, вынуждено было отступиться отъ своихъ намѣреній. Но было провозглашено и твердо поставлено одно плодотворное начало, котораго въ послѣдствіи уже нельзя было вычеркнуть, начало привлеченія всѣхъ сословій къ равномѣрному обложенію, и это было, въ полномъ смыслѣ слова, событіе первостепенной важности въ исторіи внутренняго обновленія Пруссіи.

Въ тотъ же день, или немного спустя, обнародованъ былъ, также въ формѣ эдиктовъ, цѣлый рядъ возвѣщенныхъ положеній.

Отмѣнена была поставка обывателями безплатныхъ подводъ подъ проѣзжающихъ военно-служащихъ и чиновниковъ гражданскаго вѣдомства; обязанность выставлять подводы при слѣдованіи цѣлыхъ воинскихъ командъ была разложена на всѣхъ мѣстныхъ обывателей, безъ различія званій, и положено было вознагражденіе отъ казны за каждую подводу въ мирное время (28 окт. 1810).

Снята была съ обывателей обязательная поставка натурою хлѣба и фуража для войскъ (30 окт. 1810).

Въ городахъ и уѣздахъ всего государства упразднено было право частныхъ владѣльцевъ принуждать мѣстныхъ обывателей молоть свой хлѣбъ на ихъ мельницахъ и снабжаться виномъ и пивомъ на ихъ заводахъ (Bann u. Zwang). Ходатайства о вознагражденіи за отмѣну этой привиллегіи допускались не ранѣе какъ по истеченіи четырехъ лѣтъ и въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда пользовавшіеся ею могли доказать потери, понесенныя ими именно вслѣдствіе ея отмѣны. Устройство и содержаніе мельницъ, пивоваренъ и винокуренъ было разрѣшено всѣмъ и каждому, имѣющему право строить на данномъ мѣстѣ, и обусловлено единственно ограниченіями, истекавшими изъ общеполицейскихъ видовъ предупрежденія опасности и огражденія чужихъ правъ (28 окт. 1810).

Отмѣнены были законы и правила противъ скупа и перепродажи сельскихъ произведеній въ деревняхъ (до привоза ихъ въ городъ), не касаясь однако правилъ противъ перекупа въ городахъ въ базарные дни, на общественныхъ рынкахъ (20 ноября 1810 г.).

Косвенному налогу на предметы роскоши были подвергнуты: домашняя прислуга, собаки, лошади (верховыя и каретныя) и экипажи. Оставалось необложеннымъ все крайне необходимое въ хозяйствѣ и по свойству занятій. Размѣръ обложенія увеличивался прогрессивно и пропорціонально числу слугъ, животныхъ и экипажей. (28 окт. 1810). Выручка отъ этихъ налоговъ осталась много ниже ожиданій, и потому они были отмѣнены въ 1814 г.

Вновь введенный патентный налогъ сопровождался отмѣною всѣхъ существовавшихъ сборовъ, которыми, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ имѣніяхъ, оплачивалось право заниматься промыслами. Патентному налогу подлежали вообще всѣ виды торговли, ремеслъ, промысловъ и прибыльныхъ занятій, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ. Никакихъ исключеній въ пользу привилегированныхъ званій и сословій законъ не допускалъ, но нѣкоторые виды промысловъ и занятій оставались изъятыми отъ обложенія, какъ-то: служба государственная, общественная и частная, домашняя, въ низшихъ должностяхъ, сельское батрачество, всякаго рода поденныя работы, не требующія особенной выучки, нѣкоторыя домашнія ремесла, производимыя въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, которыми въ извѣстныхъ мѣстностяхъ кормились жители селъ (напр. щипанье перьевъ, тканье, пряжа, ческа шерсти и т. п.); далѣе: земледѣліе во всѣхъ видахъ, сдача земли, ссуда денегъ и т. п. Цѣль этихъ изъятій понятна: законъ обходилъ, во первыхъ, простой нарядъ, и безъ того не въ мѣру обремененный, во вторыхъ, тѣ классы, въ которыхъ само правительство наиболѣе нуждалось, и, въ третьихъ, тѣ, передъ которыми оно само было въ долгу.

Стоимость патента (отъ 1 до 200 талеровъ) опредѣлялась на двоякомъ основаніи; во-первыхъ, по роду занятій всѣ промыслы дѣлились на 6 классовъ; во-вторыхъ, по большей или меньшей прибыли отъ промысла (nach dem geringeren und grösseren *Erwerb* u. nach dem geringeren oder grösseren *Gewerbe*— оба выраженія въ законѣ употребляются promiscue) устанавлялось нѣсколько степеней, отъ трехъ до шести. Вслѣдствіе допущенія этого втораго, по существу своему чисто субъективнаго

основанія, налогъ, долженствовавшій имѣть характеръ платы за пріобрѣтеніе права заниматься извѣстнымъ промысломъ, естественно переходилъ въ своего рода подоходное обложеніе, притомъ крайне неудобное и неуравнительное, такъ какъ оно обнимало не доходъ вообще, а только одинъ источникъ доходовъ. Взятіе патента требовалось, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ; для полученія его достаточно было предъявить свидѣтельство полиціи о безупречномъ поведеніи. Получившій патентъ пріобрѣталъ черезъ него право заниматься въ предѣлахъ всего государства тѣмъ промысломъ, на который онъ былъ взятъ, и въ тѣхъ размѣрахъ, какіе въ немъ были указаны; нѣкоторыя ограниченія установлялись только для извѣстнаго рода занятій, требовавшихъ особенныхъ гарантій (напр. для приготовленія медикаментовъ). Никто, — ни частное лице, ни какая либо корпорація,— не должны были ему въ этомъ препятствовать и на это возражать. Словомъ, объявлялась полная свобода промысловъ (vollkommene Gewerbefreiheit): это была самая важная для плательщиковъ льготная сторона положенія, но она то именно и не осуществилась. Не смотря на ясность закона, единодушной оппозиціи привилегированныхъ корпорацій удалось, можетъ быть вслѣдствіе излишней его радикальности, паразилировать его исполненіе и возбудить вопросъ, обсужденіе котораго затянулось на многіе года, о соглашеніи личнаго права, пріобрѣтаемаго взятіемъ патента, съ условіями неотмѣненной корпоративной организаціи торговли, ремеслъ и промысловъ.

Еще болѣе радикальнымъ по существу и еще менѣе примѣнимымъ на практикѣ оказалось положеніе объ акцизѣ или о косвенномъ обложеніи предметовъ потребленія. Оно содержало въ себѣ нѣсколько существенно важныхъ нововведеній: во-первыхъ, вмѣсто множества предметовъ, въ прежнее время оплачивавшихся акцизомъ (до 60), множества разныхъ видовъ акциза (при переработкѣ, при ввозѣ въ городъ у заставы, при пересыпкѣ и т. д.), множества различныхъ мѣстныхъ размѣровъ сборовъ (по областямъ и городамъ) и множества дополнительныхъ къ нимъ пошлинъ въ пользу городовъ, земскихъ обществъ и казны (какъ вотчинницы), подвергалось обложенію однимъ государственнымъ налогомъ около 20 предметовъ въ моментъ ихъ переработки, приготовленія къ потребленію или выдѣлки, именно: зерно, при обращеніи его въ муку и крупу, скотъ при убоѣ, вино при выкуркѣ, пиво при варкѣ; сверхъ того была оставлена пошлина съ привозныхъ,

иностранныхъ продуктовъ, винъ и колоніальныхъ товаровъ; со всѣхъ этихъ предметовъ установлялся однообразный налогъ для всего государства, въ размѣрѣ противъ прежняго возвышенномъ, наконецъ, изъ налога исключительно городскаго, взимавшагося только въ городахъ и у городскихъ воротъ, какимъ онъ былъ прежде, онъ сдѣлался налогомъ общимъ и былъ распространенъ на уѣздъ. Такимъ образомъ, съ установленіемъ двухъ общихъ налоговъ, патентнаго и косвеннаго на предметы потребленія первой необходимости, отчасти упразднялось окончательно, отчасти подготовлялось упраздненіе различія между городомъ и уѣздомъ; вмѣсто прежняго полнаго разобщенія и враждебнаго отношенія, возстановлялось свободное обращеніе продуктовъ (пока еще не всѣхъ, но многихъ), капиталовъ, рабочихъ силъ и подготовлялось, на основаніи объединенія экономическихъ интересовъ, будущее объединеніе общественное и политическое. Этими конечными результатами Гарденбергъ дорожилъ болѣе еще, чѣмъ ожидаемымъ увеличеніемъ казенныхъ доходовъ; но Штейнъ не безъ основанія отвергалъ избранный къ ихъ достиженіи путь. Составители закона упустили изъ виду особенныя условія, которыми отличается городская жизнь отъ сельской, которыхъ никакой законъ ни отмѣнить, ни измѣнить не можетъ и вслѣдствіе которыхъ примѣненіе акцизной системы къ сельскимъ обывателямъ разстроивало ихъ домашній бытъ и становилось для нихъ поводомъ къ разорительнымъ и невыносимымъ притѣсненіямъ. Въ городахъ обыватели покупаютъ вообще для своего употребленія не зерно, а готовый хлѣбъ или муку и крупу, не быковъ, телятъ или овецъ, а мясо и дичь; возятъ зерно на мельницу и бьютъ скотъ одни пекаря и мясники; они вносятъ акцизъ за помолъ и убой въ видѣ аванса, дѣлаемаго ими за всѣхъ потребителей, которые расплачиваются съ ними при покупкѣ муки, хлѣба и мяса, сами этого не замѣчая. Совершенно иначе обходилось дѣло въ деревняхъ. Еслибъ даже до насъ не дошли громкія жалобы на примѣненіе къ нимъ акцизной системы, то мы могли бы составить себѣ понятіе о притѣсненіяхъ, которымъ они подвергались, по изданной правительствомъ инструкціи о способѣ введенія ея въ дѣйствіе. Во многихъ мѣстностяхъ у крестьянъ были въ большомъ употребленіи домашнія, ручныя мельницы и рушалки — велѣно было ихъ отобрать и уничтожить; безъ этого, очевидно, нельзя было обойтись. Крестьянину, намѣревавшемуся везти на мельницу возъ ржи или пшеницы, предстояло идти, мо-

жетъ быть, въ противоположную сторону, къ сборщику податей того округа, къ которому онъ былъ приписанъ, чтобъ оплатить впередъ помолъ и взять свидѣтельство; въ немъ обозначалось въ точности, на какую мельницу отвозится хлѣбъ, какой хлѣбъ, въ какомъ количествѣ и отъ кого. Это свидѣтельство было дѣйствительно только на два не полныхъ дня; на третій, по выдачѣ, оно уже теряло силу, и нужно было запасаться новымъ. За тѣмъ, взявъ его съ собою, крестьянинъ долженъ былъ сдѣлать на своемъ мѣшкѣ надпись, въ законѣ указанную, и въ этомъ мѣшкѣ везти на мельницу именно то количество зерна, на которое свидѣтельство было выдано, не только не больше, но и не меньше, иначе мельникъ обязывался конфисковать все, къ нему привезенное, и донести полиціи (?). Перемѣривъ сданное ему зерно и сравнивъ наличное количество съ свидѣтельствомъ, мельникъ отдиралъ отъ него половину, которую для учета оставлялъ у себя, а другую отдавалъ крестьянину, который долженъ былъ беречь ее не только для разсчета съ мельникомъ, но и по полученіи отъ него всей муки, для очистки себя, на случай какихъ либо подозрѣній, осмотровъ и опросовъ со стороны акцизныхъ чиновниковъ. Тѣмъ же порядкомъ оплачивался и убой; но свидѣтельство могло служить не болѣе сутокъ, и, выправивъ его на теленка, крестьянинъ не могъ, на основаніи его, заколоть барана. За нарушеніе этихъ правилъ и отступленіе отъ предписанныхъ обрядовъ полагались тяжелые штрафы. Мельники дѣлались блюстителями казеннаго интереса, приводились къ рукобитію (равносильному присягѣ), обязывались вести сложную письменную отчетность и подвергались кропотливому контролю (28 окт. 1810).

Вышли также эдикты объ увеличеніи и преобразованіи гербоваго сбора (20 ноября 1810) и объ отобраніи въ казну церковныхъ имѣній конечно за вознагражденіе, но съ постепеннымъ упраздненіемъ монастырей, орденовъ и подобныхъ учрежденій, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ; исключеніе допускалось только въ пользу учрежденій, имѣвшихъ воспитательную цѣль (30 октября 1810); но возвѣщенный личный налогъ на рабочій классъ и принудительный заемъ у высшихъ классовъ не были даже окончательно разработаны.

Изложивъ свою финансовую систему, Гарденбергъ захотѣлъ самъ встрѣтить лицомъ къ лицу оппозицію, которой онъ ожидалъ, и съ этою цѣлью вызвалъ изъ провинціи около 60 экспертовъ; это были не выборные, а лица, самимъ правитель-

ствомъ приглашенныя изъ числа почетнѣйшихъ обывателей, пользовавшихся на мѣстахъ особеннымъ уваженіемъ и вліяніемъ, большею частью дворяне; но были между ними и биргеры, даже нѣсколько крестьянъ. Первому министру пришлось выслушать много желчныхъ жалобъ и дерзкихъ, ядовитыхъ, часто совершенно несправедливыхъ упрековъ; но онъ выдержалъ это испытаніе съ достоинствомъ и твердостью. Въ происходившихъ преніяхъ, онъ повторилъ и отстоялъ общіе принципы уравнительнаго обложенія всѣхъ сословій, единства въ системѣ обложенія всѣхъ областей и упраздненія всѣхъ привилегій, стѣснявшихъ свободу промысловъ и устранявшихъ конкурренцію. [1]) Изъ тѣхъ же преній выяснились однако непрактичность и преждевременность многихъ принятыхъ мѣръ, на что прежде указывалъ ему Штейнъ, и пришлось податься на уступки. Онѣ были объявлены, безъ всякой мелочной и въ подобныхъ случаяхъ несостоятельной попытки скрыть ихъ происхожденіе именно какъ уступки, — какъ исполненія желаній созванныхъ экспертовъ и какъ исправленія ошибокъ, ими указанныхъ и теперь самимъ правительствомъ сознанныхъ. Оно отреклось отъ принудительнаго займа, и также (но на время) отъ подведенія всѣхъ городовъ и уѣздовъ подъ одинаковыя правила взиманія косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія и патентнаго на промыслы. Города были раздѣлены на двѣ категоріи; въ большихъ оставленъ былъ акцизъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ былъ установленъ послѣднимъ положеніемъ; малые города были въ этомъ отношеніи приравнены къ уѣздамъ, и какъ въ этихъ городахъ, такъ и во всѣхъ уѣздахъ всѣ вообще акцизы были значительно понижены (на $^2/_3$ и болѣе), а акцизъ съ помола отмѣненъ вовсе (кромѣ той части зерна, которая предназначалась къ переработкѣ на пивоварняхъ и уксусныхъ заводахъ). Двойство сборовъ, въ прежнемъ размѣрѣ и въ пониженномъ, естественно потребовало возстановленія городскихъ заставъ, для оплаты или доплаты акциза при ввозѣ, и вообще прежнихъ отношеній между городами первой категоріи и уѣздами. Въ деревняхъ, вновь разрѣшено было употребленіе конныхъ мельницъ и ручныхъ мельницъ и крупорушалокъ. Объявлено было намѣреніе отступиться отъ принципа однообразнаго обложенія и возвысить патентный сборъ въ уѣздахъ и малыхъ

---

[1]) Патентный налогъ былъ актомъ эманципаціи селъ отъ городовъ въ промышленномъ отношеніи (?).

городахъ для огражденія промысловъ большихъ городовъ отъ опасной для нихъ конкурренціи. Въ предупрежденіе слишкомъ значительныхъ потерь отъ сдѣланныхъ облегченій въ косвенныхъ налогахъ, усиливались мѣры взысканія; всѣ обыватели призывались къ обнаруженію уклоненій отъ уплаты, и, для побужденія ихъ къ оказанію ожидаемаго отъ нихъ содѣйствія, заявлялось, что весь недоборъ по этой части противъ напередъ составленной, умѣренной смѣты будетъ разложенъ на всѣ недвижимыя имущества городскія и уѣздныя.

Затѣмъ, оставалось всетаки покрыть потерю отъ сдѣланныхъ уступокъ, въ особенности отъ упраздненія акциза за помолъ въ деревняхъ, и необходимость заставила таки прибѣгнуть къ личному налогу. Онъ установленъ былъ въ формѣ однообразнаго окладнаго обложенія, по одному грошу въ мѣсяцъ (12 въ годъ) съ каждаго лица, достигшаго двѣнадцатилѣтняго возраста. Этотъ окладъ, установленный въ замѣнъ акциза за помолъ, установленъ былъ на томъ основаніи, что по этой цѣнѣ сдавалась въ аренду мельничная регалія (das Mühlenzwangsregal) по числу подверженныхъ ей душъ. Двѣнадцать грошей (= $1/2$ талера) представляли акцизъ за годовое потребленіе муки ($4\,4/5$ шеффеля). Этотъ налогъ не распространялся лишь на обывателей большихъ городовъ (въ которыхъ акцизы остались въ прежнемъ размѣрѣ). Каждый плательщикъ отвѣчалъ самъ за себя, въ томъ числѣ и лица, состоявшія по найму въ частномъ услуженіи (das Gesinde); но, въ случаѣ неисправности послѣднихъ, привлекались къ отвѣтственности за нихъ хозяева, которымъ дозволялось вычитывать сдѣланныя за нихъ уплаты изъ причитающагося имъ жалованья. Налогъ падалъ приблизительно на $3/4$ всего взрослаго населенія и принятъ былъ очень охотно—такъ ненавистны были акцизы въ деревняхъ.

Далѣе, въ законѣ значится: „для покрытія недобора въ ожидаемой отъ этого налога суммѣ, слѣдовало бы, конечно, установить возвышенные оклады по классамъ; чтобъ этого избѣжать, весь недоборъ, а также недоимки будутъ разложены въ каждой общинѣ на землевладѣльцевъ (помѣщиковъ) и осѣдлыхъ членовъ общины (Gutsherren und ansässige Gemeindeglieder) пропорціонально ихъ владѣнію (т. е. поземельному ихъ обложенію) и за круговою порукою всѣхъ; а гдѣ не окажется землевладѣльцевъ, отвѣтственность падетъ всецѣло на общину (эдиктъ 7 сентября 1811 г.).

Вотъ, къ какой первобытной, грубой формѣ обложенія рѣшился прибѣгнуть Гарденбергъ, чтобъ только избѣгнуть обложенія подоходнаго или по состоянію. Но, если, какъ онъ думалъ, съ этими послѣдними формами, можетъ быть, дѣйствительно преждевременными для тогдашняго общества, не помирилось бы мнѣніе публики, то, съ другой стороны, и подушный окладъ съ круговою порукою и въ добавокъ безъ права разверстки его на болѣе разумныхъ основаніяхъ въ средѣ каждаго общества слишкомъ противорѣчилъ тѣмъ главнымъ началамъ, которыя само правительство въ то время проводило въ своей финансовой системѣ и не могло удовлетворить ни ту часть публики, которая имъ сознательно сочувствовала, ни привиллегированнаго класса, отвергавшаго ихъ не потому, чтобы онъ находилъ всесословное обложеніе для себя разорительнымъ, а какъ обиду и униженіе своего достоинства.

Не далѣе, какъ три мѣсяца спустя, по вторичномъ созывѣ и выслушаніи экспертовъ отъ всѣхъ сословій, объявленъ былъ, на покрытіе расходовъ по содержанію французскихъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, новый, общій на все королевство личный налогъ, въ замѣнъ всѣхъ прежнихъ, названный въ эдиктѣ 6-го декабря 1811 года, класснымъ. [1])

Къ уплатѣ его привлекались всѣ самостоятельные (т. е. лично за себя отвѣчающіе) обыватели (selbstständige Einwohner), содержащіе себя доходомъ отъ личнаго труда или имущества (Vermögen) или какого либо собственнаго капитала (eigenen Fond); заработокъ или доходъ, получаемый лицами, состоящими въ прямой зависимости отъ другихъ (напр. женъ и дѣтей, буде они не имѣли собственнаго своего дохода отъ какого либо имъ лично принадлежащаго имущества или отъ самостоятельнаго промысла), облагался въ совокупности съ общимъ доходомъ, которымъ располагалъ домохозяинъ.

Размѣръ обложенія опредѣлялся пропорціонально доходу, а доходъ опредѣлялся двоякимъ образомъ: по задѣльной, поденной платѣ для рабочаго низшаго класса плательщиковъ, а для высшихъ—по совокупности получаемаго ими ежегоднаго дохода отъ имущества и промысловъ въ сложности, *за вычетомъ долговъ* (т. е. расходуемаго на уплату долговъ).

---

[1]) Въ инструкціи 24 мая 1812 года къ эдикту того же числа названъ подоходнымъ и тогда же отмѣненъ (§ 43).

Плательщики распредѣлялись на девять классовъ (по величинѣ ихъ дохода) и облагались на первый разъ въ слѣдующемъ размѣрѣ по доходу, но не пропорціонально доходу:

Въ первомъ классѣ, при ежегодномъ доходѣ отъ 20 до 39 талер.	$^1/_6$ талер. [1]) или 4-мя грошами.	
Во второмъ, при доходѣ отъ 40 до 99 талеровъ. . . .	— „	8 „
Въ третьемъ, при доходѣ отъ 100 до 149 талеровъ .	— „	12 „
Въ четвертомъ, при доходѣ отъ 150 до 199 талеровъ .	— „	18 „
Въ пятомъ, при доходѣ отъ 200 до 299 талеровъ . .	1 талеръ	
Въ шестомъ, при доходѣ отъ 300 до 499	2 „	
Въ седьмомъ, при доходѣ отъ 500 до 699 талеровъ .	4 „	
Въ восьмомъ, при доходѣ отъ 700 до 899 талеровъ .	6 „	
Въ девятомъ, при доходѣ отъ 900 до 999 талеровъ .	8 „	

Съ доходовъ свыше 999 талеровъ взималось по 1% (т. е. по талеру съ сотни).

Изъ этого видно, что обложеніе въ предѣлахъ девяти классовъ было не строго пропорціонально доходу, въ двоякомъ отношеніи. Вопервыхъ, въ каждомъ классѣ, порознь взятомъ, maximum дохода облагался сравнительно ниже, чѣмъ minimum, что неизбѣжно при раздѣленіи на классы. При этомъ, чѣмъ шире разстояніе между minimum'омъ и maximum'омъ, тѣмъ, разумѣется, разница становится больше; такъ въ первомъ классѣ, гдѣ maximum относится къ minimum'у почти, какъ 2 : 1, полагается съ maximum'а немного менѣе $^1/_2$% ($^{50}/_{117}$), а съ minimum'а — $^5/_6$%; во второмъ, отъ — $^1/_3$% съ небольшимъ ($^{100}/_{297}$) съ maximum'а, до $^5/_6$% съ minimum'а; въ третьемъ отъ $^1/_3$% безъ малаго ($^{150}/_{447}$) съ maximum'а, до $^1/_2$% съ minimum'а; въ девятомъ отъ $^8/_{10}$% безъ малаго ($^{800}/_{999}$) до $^8/_9$%. Эта разница исчезаетъ только въ обложеніи доходовъ отъ

[1]) Въ то время въ талерѣ считалось только 24 гроша.

1000 талеровъ и свыше. Самое широкое разстояніе между доходами, отнесенными къ одному классу и по тому въ одинаковомъ размѣрѣ обложенными, замѣчается во второмъ классѣ; здѣсь низшій доходъ относится къ высшему какъ 1 къ $2^1/_2$ безъ малаго ($2^{19}/_{40}$); за вторымъ слѣдуетъ первый классъ, представляющій отношеніе minimum'а къ maximum'у какъ 1 къ 2 безъ малаго ($1^{19}/_{20}$); потомъ — шестой = 1 : $1^2/_3$ б. м.; третій и пятый = 1 : $1^1/_2$ б. м.; седьмой = 1 : $1^1/_5$ б. м.; четвертый = 1 : $1^1/_3$; восьмой = 1 : $1^2/_7$; девятый = 1 : $^1/_9$. Избѣгая дробленія плательщиковъ на слишкомъ большое число классовъ и усложненія операціи распредѣленія ихъ по разрядамъ, правительство группировало массы.

Сравненіе размѣровъ обложенія по классамъ показываетъ, что выше всѣхъ облагались доходы начиная съ 1000 талеровъ (по 1%); затѣмъ, доходы, подходившіе подъ девятый классъ (по $^{16}/_{19}$%); потомъ, довольно нежиданно,—доходы, подходившіе подъ первый классъ, т. е. самые низкіе (около $^4/_7$%); во второмъ, третьемъ и четвертомъ классахъ обложеніе падало ниже $^1/_2$%; въ пятомъ поднималось до $^2/_3$%; въ шестомъ упадало до $^1/_2$%; въ седьмомъ, восьмомъ и девятомъ опять поднималось постепенно до $^4/_6$, $^6/_8$, $^8/_{10}$%.

Доходы ниже 20 талеровъ вовсе не облагались.

Не подлежали обложенію члены дипломатическаго корпуса, какъ иностранные, такъ и прусскіе подданные, не имѣвшіе собственности въ предѣлахъ государства, рядовые и унтеръ-офицеры, наконецъ, иностранцы, не имѣвшіе въ государствѣ постоянной осѣдлости и не занимавшіеся никакимъ промысломъ.

Распредѣленіе плательщиковъ по классамъ (классификація) возлагалось на особыя классификаціонныя коммиссіи, состоявшія въ городахъ изъ выборныхъ отъ городскаго общества, подъ руководствомъ одного изъ чиновъ магистрата, а въ уѣздахъ — въ каждой вотчинѣ изъ вотчиннаго начальника (dominium) или его уполномоченнаго, пастора, гдѣ таковой имѣлся, шульца и нѣсколькихъ членовъ мѣстной общины. Эти коммиссіи составляли списки всѣхъ плательщиковъ, затѣмъ, по собственному усмотрѣнію, распредѣляли по классамъ всѣхъ подходившихъ подъ классы, т. е. получавшихъ до 1000 тал. годоваго дохода включительно. Лица, получавшія болѣе дохода, а также вотчинные начальники (dominia, т. е. помѣщики) и пасторы въ уѣздахъ, сами показывали свой доходъ и причисляли себя къ тому или другому

классу, подавая объявленія, въ городахъ, въ классификаціонныя коммиссіи, а въ уѣздахъ, прямо ландрату, помимо классификаціонныхъ коммиссій; это дѣлалось, конечно, съ тою цѣлью, чтобъ не подвергать объявленій помѣщиковъ обсужденію коллегіальныхъ присутствій, въ которыхъ засѣдали и крестьяне. Въ упомянутыхъ объявленіяхъ требовалась только общая цифра дохода, безъ подраздѣленій на отдѣльныя статьи,—развѣ бы доходъ получался изъ разныхъ мѣстъ и источниковъ (а не исключительно изъ мѣста жительства плательщика). Впрочемъ, когда классификаціонная коммиссія находила это нужнымъ, подробныя показанія могли быть требуемы ревизіонною коммиссіею и въ другихъ случаяхъ. Всѣ вопросы рѣшались въ классификаціонной коммиссіи по большинству голосовъ.

По окончаніи росписанія, она оповѣщала каждаго обложеннаго ею, въ какой классъ онъ записанъ, выслушивала возраженія и дѣлала окончательныя постановленія, которыя однако могли подлежать дальнѣйшему обжалованію.

Составленныя такимъ образомъ росписанія съ приложеніями и объясненіями по жалобамъ препровождались къ уѣздному ландрату (росписанія, составленныя городскими коммиссіями Бреславльскою, Берлинскою и Кенигсбергскою, отсылались прямо въ провинціальное правленіе).

Подъ предсѣдательствомъ ландрата учреждалась въ каждомъ уѣздѣ (Kreis) ревизіонная коммиссія изъ двухъ депутатовъ, избранныхъ отъ города, двухъ отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и двухъ крестьянъ, которыхъ назначалъ самъ ландратъ.

На эту коммиссію возлагалась провѣрка сдѣланной классификаціи съ правомъ перечисленія плательщиковъ изъ низшаго класса въ высшій и разсмотрѣніе жалобъ, поданныхъ въ трехъдневный срокъ, по подписаніи послѣдняго протокола классификаціонной коммиссіи. Она же дѣлала общій сводъ (общую табель) всѣмъ росписаніямъ на весь уѣздъ и выставляла его для просмотра всѣмъ желающимъ и для подачи возраженій, которыя она также подвергала своему разсмотрѣнію.

Сводъ этотъ съ приложеніями и съ вѣдомостью о недвижимыхъ имуществахъ, коихъ владѣльцы жительствовали не въ уѣздѣ, отсылался въ провинціальное правленіе, куда поступали росписанія и изъ большихъ городовъ.

Правленіе производило вторичную, общую повѣрку и разбирало жалобы, поданныя на уѣздныя коммиссіи въ трехъ-недѣль-

ный срокъ. Въ случаѣ, еслибъ оно нашло, что обыватели какой либо мѣстности или цѣлаго уѣзда обложены слишкомъ низко, ему предоставлялось право потребовать по этому предмету заключенія какой либо другой коммиссіи сосѣдняго уѣзда, не останавливая однако исполненія по изготовленнымъ классификаціямъ.

На всѣ означенныя работы назначалось для коммиссій малыхъ городовъ и сельскихъ двѣ недѣли, для коммиссій большихъ городовъ — три, для уѣздныхъ — мѣсяцъ; для правленій срока не полагалось.

Изъ правленія общій сводъ на всю провинцію, уѣздные своды и частныя росписанія препровождались съ нужными объясненіями и замѣчаніями въ центральную, генеральную коммиссію.

Эта коммиссія состояла, подъ предсѣдательствомъ директора департамента полиціи Министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ провинціальныхъ депутатовъ, вызванныхъ въ другую коммиссію, которой поручено было регулированіе областныхъ военныхъ домовъ.

На центральную коммиссію возлагалось разрѣшеніе всѣхъ возникшихъ вопросовъ и недоразумѣній и руководство исполненіемъ утвержденныхъ росписаній. Ей же вмѣнялось въ обязанность удостовѣряться въ употребленіи поступленій класснаго налога сообразно его назначенію, т. е. на содержаніе французскихъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, и, по окончаніи всей операціи (по очисткѣ крѣпостей), опубликовать отчетъ прихода.

Собственно о способѣ производства классификаціи въ положеніи сказано весьма немного и дополнительныхъ по этому предмету инструкцій издано (по крайней мѣрѣ напечатано) не было.

Въ руководство даны были только слѣдующія правила:

Каждый облагался по мѣсту жительства (Wohnort), а не осѣдлости (Ansässig), пропорціонально общей суммѣ своихъ доходовъ, откуда бы они ни поступали. Получавшіе доходы изъ разныхъ мѣстъ обязаны были, для облегченія повѣрки, посылать свѣдѣнія, во что̀ они оцѣнили доходъ отъ каждой статьи, въ то мѣсто, которому оно было подвѣдомо.

Рядомъ съ этимъ правиломъ находится другое, повидимому, съ предшествующимъ несогласное: одно и тоже лицо можетъ быть приписано къ двумъ классамъ и обложено по каждому изъ нихъ порознь; напримѣръ: промышленникъ, занимающійся не однимъ, а нѣсколькими различными промыслами, или капиталистъ, имѣющій промыселъ (буде капиталъ его помѣщенъ не въ промышленномъ

его предпріятіи, а приноситъ ему доходъ помимо промысла), или чиновникъ, сверхъ службы имѣющій еще другой промыселъ. [1])

Чиновникамъ и вообще служащимъ, капиталистамъ, лицамъ, получающимъ ренты (rentiers) и землевладѣльцамъ, при объявленіи о своемъ полномъ доходѣ (слово: *полный* доходный — volle Einnahme—употреблено только въ статьѣ о помѣщикахъ), предоставлялось на волю предъявлять къ вычету свои долги (по которымъ они уплачивали проценты) или не предъявлять.

За обнаруженную утайку дохода, законъ грозилъ опубликованіемъ имени уличеннаго и сверхъ того судебнымъ преслѣдованіемъ [2]).

Но не прошло года, какъ пришлось отказаться отъ класснаго налога и потребовать отъ плательщиковъ болѣе тяжелыхъ жертвъ. Поднимаясь со всею своею силою на Россію, Наполеонъ повлекъ за собой и вассальную Пруссію. Она должна была обязаться, кромѣ выставки вспомогательнаго корпуса, принять на себя содержаніе, продовольствіе и перевозку до границы Россіи всѣхъ направляемыхъ въ ту сторону французскихъ и союзныхъ войскъ, притомъ не только на окончательное погашеніе недоплаченной контрибуціи, но и свыше этого долга, въ мѣру потребностей и впредь до окончательнаго разсчета съ Франціею. На этотъ новый расходъ, эдиктомъ 24 мая 1812 года, объявленъ былъ, вмѣсто возвѣщеннаго прежде (27 окт. 1810 г.) внутренняго займа и въ отмѣну только что установленнаго класснаго налога, новый налогъ, на одинъ текущій (1812) годъ съ „имущества и дохода" (Vermögens- und Einkommensteuer) одновременно. Треть этого налога требовалась какъ подать, т. е. безвозвратно, а двѣ трети въ видѣ принудительнаго займа, который правительство обязывалось возвратить изъ ожидаемой выручки отъ продажи казенныхъ и отобранныхъ церковныхъ имѣній.

Въ сущности этимъ эдиктомъ установлялись три различныхъ налога:

---

[1]) Трудно понять, въ какихъ случаяхъ могло примѣняться это правило, когда: 1) основаніемъ дѣленія на классы служило исключительно *количество* дохода, а отнюдь не *свойство* его, не *источникъ*, изъ котораго онъ проистекалъ; 2) въ объявленіяхъ требовалось показаніе, сверхъ общей суммы дохода, подраздѣленія его на статьи въ тѣхъ только случаяхъ, когда доходы получались изъ разныхъ *мѣстъ*, а не въ тѣхъ, когда они поступали въ одномъ мѣстѣ, но отъ различнаго рода занятій (?).

[2]) Съ этого мѣста начинается вставка, сдѣланная авторомъ въ первоначальную его рукопись; эту вставку онъ вѣроятно предполагалъ при окончательной редакціи слить съ остальнымъ изложеніемъ или сократить. *Ред.*

— съ имущества,

— съ дохода и

— по классамъ (съ видоизмѣненіемъ прежняго).

Всѣ виды имущества, привлекаемые къ платежу перваго налога, облагались по цѣнности.

Доходъ облагался отдѣльно (какъ особая статья), когда онъ поступалъ не отъ употребленія имущества (nicht durch die Anwendung eines Vermögens hervorgebracht wird, напр. пожизненная рента, жалованье, пенсія); къ этимъ доходамъ причислялись и выручки отъ промысловъ (Ertrag eines Gewerbes). И такъ подоходному обложенію подвергались не только лица, не владѣвшія никакимъ ни недвижимымъ, ни движимымъ имуществомъ, которое подлежало бы обложенію по своей цѣнности (капитальной), и получавшія только извѣстной величины доходъ, но и лица, платившія налогъ съ своего имущества, буде они сверхъ того пользовались доходомъ не съ этого имущества.

По классамъ облагались лица, не получавшія дохода въ 100 талеровъ. Они дѣлились на 2 класса. Къ первому причислялись поденщики и чернорабочіе, добывавшіе себѣ пропитаніе простымъ употребленіемъ физической силы; къ второму промышлявшіе занятіемъ, требовавшимъ предварительной выручки и опытности, напр. ремесленники.

(?) По классамъ же облагалось купечество въ торговыхъ городахъ для избѣжанія приведенія въ извѣстность капиталовъ и доходовъ. Купеческимъ обществамъ (корпораціямъ) разрѣшалось дѣлать между собою классификацію. Кто не желалъ этому подчиняться, могъ требовать обложенія себя на общемъ основаніи, предъявивъ Specielle Vermögensangabe. Классификація основывалась по величинѣ капитала, находящагося въ торговомъ оборотѣ, и такъ какъ размѣръ обложенія опредѣлялся на основаніи общаго правила — всегда строго пропорціонально имуществу, то законъ и не установлялъ число классовъ. Недвижимое имущество купцевъ и ихъ капиталы, отданные съ ссуду въ предѣлахъ государства подъ ипотеки, не полагались въ счетъ при классификаціи по торговому капиталу (Handelsvermögen), а облагались отдѣльно на общемъ основаніи, по заявленіямъ (?).

Подлежали обложенію *какъ имущество:*

1) всякое недвижимое имущество,

2) всякій капиталъ (Kapitals-Vermögen),

3) деньги (baares Vermögen).

4) Движимое имущество, составляющее *предметъ промысла* (Mit welchem der Eigenthümer ein Gewerbe treibt).

Не облагались: движимость не служащая предметомъ промысла, золото, серебро въ издѣльяхъ, имущество церквей, школъ, сиротскихъ домовъ и вообще благотворительныхъ учрежденій, фонды государственныхъ денежныхъ учрежденій (Geldinstitute), имущество иностранцевъ, состоящее въ государственныхъ обязательствахъ по заграничнымъ займамъ, хотя бы документы были на предъявителя. Всѣ виды имуществъ облагались въ размѣрѣ 3% ихъ цѣнности. Недвижимыя имущества облагались въ полную ихъ цѣнность, за вычетомъ лишь выданныхъ подъ залогъ ихъ закладныхъ листовъ (Pfandbriefe, которые облагались особо, какъ капиталъ) и обезпеченныхъ тѣми же имѣніями суммъ, принадлежащихъ иностраннымъ. Но другіе долги, какъ личные владѣльца, такъ и обезпеченные его имѣніемъ не вычитались. Обязанность уплаты налога съ недвижимаго имущества возлагалась непосредственно на того, въ чьемъ владѣніи оно находилось; внося такимъ образомъ налогъ за себя и за своихъ кредиторовъ, владѣлецъ вознаграждалъ себя вычетомъ причитающейся съ нихъ доли налога, по собственному выбору: при ближайшей уплатѣ, изъ ближайшихъ къ уплатѣ процентовъ, или изъ процентовъ, состоящихъ въ недоимкѣ или изъ самаго капитала. Кредиторъ не могъ взять на самого себя уплаты налога съ той суммы, которую онъ далъ въ ссуду владѣльцу недвижимаго имѣнія, и долженъ былъ подчиниться установленному порядку, т. е. предоставить ему эту уплату. Обязанность дѣлать авансъ налога за всѣхъ кредиторовъ владѣльца недвижимаго имущества ограничивалась полною суммою, въ которую цѣнилась эта недвижимость; если сумма долговъ превышала цѣнность недвижимости, то съ лишка владѣлецъ ничего не платилъ. Эта отвѣтственность должника за кредитора ограничивалась владѣльцами недвижимостей; кредиторы прочихъ должниковъ уплачивали налогъ сами. Получая такимъ образомъ съ владѣльца имѣнія и налогъ на недвижимое имущество и налогъ, падавшій на обезпеченный имъ капиталъ, правительство сверхъ того предоставляло себѣ право, въ случаѣ неисправности владѣльца имѣнія, обращаться прямо къ его кредиторамъ для взиманія налога, падавшаго на капиталъ, обезпеченный ипотекою.

(?) Уплата налога съ недвижимыхъ имуществъ производилась въ 3 срока, въ теченіи одного года, по 1% въ каждый срокъ.

Первый % выплачивался непремѣнно деньгами и безвозвратно; второй и третій, по желанію, деньгами или по установленной таксѣ произведеніями сельскими и фабричными по оцѣнкѣ экспертовъ, потребными на содержаніе войскъ (съ безплатною доставкою на мѣсто ближайшаго склада до опредѣленнаго разстоянія) или зачетомъ, по опредѣленной таксѣ, натуральныхъ повинностей на воинскія надобности (?).

Въ концѣ года (1812), когда оказалось, что расходы натурою по реквизиціямъ войскъ, на продовольствіе, расквартированіе и т. д. значительно превосходили ожиданія, часто равнялись суммѣ всего налога, причитавшагося съ плательщика, и даже превосходили ее вдвойнѣ, разрѣшено было зачитывать произведенія, поставленныя натурою, въ уплату налога и за первый платежный срокъ.

Въ виду того, что многіе землевладѣльцы были бы не въ состояніи во второй и третій срокъ уплатить все съ нихъ слѣдующее ни деньгами, ни произведеніями, ни повинностями, правительство изъявляло согласіе, въ эти два срока, принимать въ уплату недовнесенной суммы особыя податныя обязательства (Steuerscheine), которыя выдавались порознь на каждое имѣніе и оплачивались владѣльцемъ 6-ю процентами, впредь до ихъ погашенія изъ выручки отъ распродажи казенныхъ имѣній. Этою льготою однако не могли пользоваться тѣ плательщики, которыхъ долги личные и на ихъ недвижимомъ имуществѣ лежащіе не превышали трети дознанной капитальной цѣнности этого имущества. Итакъ правительство дѣлало все-таки принудительный, притомъ безпроцентной и безсрочный заемъ въ 2% съ имущества; но такъ какъ кредиторы, къ которымъ оно обращалось, были несостоятельны, то оно разрѣшало имъ въ свою очередь дѣлать заемъ, также безсрочный, но изъ пяти процентовъ.

Прочимъ владѣльцамъ, на которыхъ вышеизложенная льгота не распространялась, предоставлялось слѣдующее облегченіе: по уплатѣ ими, тѣмъ или другимъ способомъ, 2%, имъ прощается ½% (изъ третьяго %), а на 1½% (т. е. на второй и на половину третьяго) выдается по окончаніи всей процедуры по взысканію подати (Steuererhebung) 4% облигація, обезпеченная казенными имѣніями (eine auf Domainen speciell fundirte Obligation zu 4%).

Цѣнность *недвижимаго* имущества опредѣлялась по выбору самого владѣльца, по покупной цѣнѣ, или по земской оцѣнкѣ

(буде таковая существовала) или (въ городскихъ имуществахъ а въ крайнихъ случаяхъ и въ загородныхъ, если для оцѣнки не было другихъ данныхъ) по доходу отъ пользованія оными, капитализируя доходъ изъ 5%. При первомъ способѣ оцѣнки, дозволялось, въ виду потерь, происшедшихъ отъ военныхъ обстоятельствъ, дѣлать скидку 1/3 изъ покупныхъ цѣнъ періода отъ 1790 по 1809 годъ. Владѣлецъ можетъ даже цѣнить и ниже, если убѣжденъ, что имѣніе очень упало въ цѣнѣ. Основанныя на этихъ данныхъ заявленія служили основаніемъ на первый разъ, при взиманіи 1% въ первый платежный срокъ; затѣмъ, предполагалось черезъ тѣже коммиссіи произвести немедленно спеціальную оцѣнку всѣхъ загородныхъ имуществъ (Landgüter) и по теперешней, дѣйствительной ихъ цѣнности, опредѣлить въ точности размѣръ обложенія (съ накидкою или скидкою противъ первоначальнаго).

Подъ капиталомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, подразумѣвались въ Положеніи наличныя деньги и фонды, состоящіе въ государственныхъ общественныхъ и частныхъ бумагахъ, обезпеченныхъ ипотеками или основанныхъ на личномъ кредитѣ. Къ капиталамъ причислялись и недополученные на нихъ до 1 іюля 1811 года состоявшіе въ долгу проценты. Изъ этихъ капиталовъ вычитались долги и ренты, которыя владѣлецъ обязывался выплачивать; для вычета ренты капитализировались изъ 5% или зачитывались въ ту сумму, какая была получена отъ лица пріобрѣтшаго право на пожизненную ренту.

Въ видѣ изъятія, владѣльцы капиталовъ, состоявшихъ изъ государственныхъ или провинціяльныхъ и общественныхъ бумагъ (Staats- und andere öffentliche Papiere, т. е. Forderungen an den Staat, an die Geldinstitute des Staates, an die Kreditsysteme, an die Provinzen und Kommunen) т. е., бумаги, выданныя государственными, общинными и сословными учрежденіями), обязывались къ уплатѣ причитавшихся съ ихъ имущества 3 процентовъ не въ три срока, а заразъ (въ первый срокъ), притомъ тѣми самыми бумагами, какими они владѣли, или наличными деньгами по биржевому курсу этихъ бумагъ въ день обнародованія эдикта. Въ случаѣ невозможности произвести сполна уплату процентовъ тѣми же бумагами допускалась доплата разницы деньгами или другими такого же рода бумагами по тому же курсу. На владѣльцевъ капиталовъ, состоявшихъ изъ публичныхъ бумагъ (öffentlichen Papieren), распространялась вторая льгота, пре-

доставленная тѣмъ владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ, которые не пользовались правомъ 2% изъ трехъ выплачивать процентными, гарантированными обязательствами; а именно: имъ скидывались 1/2%, а 1 1/2% со временемъ имъ возвращались. — Владѣльцы капиталовъ иного рода (не въ öffentliche papieren) могли, какъ и владѣльцы недвижимости, за 2 и 3 термины расплачиваться произведеніями. Владѣльцамъ капиталовъ, состоявшихъ въ частныхъ, личныхъ обязательствахъ (не обезпеченныхъ ипотеками), дозволялось подраздѣлять ихъ на три категоріи: вѣрныя (надежныя къ поступленію), сомнительныя и безнадежныя; вторыя—владѣлецъ могъ цѣнить по своему усмотрѣнію на нѣсколько процентовъ ниже ихъ номинальной цѣны; послѣднія онъ могъ вовсе исключить изъ капитала, подлежавшаго обложенію; но правительство предоставляло себѣ право по обязательствамъ второй и третьей категоріи вступать въ права кредитора и отъ себя производить взысканіе съ должника, т. е. присвоить ихъ себѣ за ту цѣну, во что ихъ цѣнилъ кредиторъ. Въ видахъ предупрежденія утайки движимыхъ капиталовъ постановлялись особыя правила: всѣ бумаги и обязательства не именныя, въ томъ числѣ и купоны, или хотя и именныя, но находившіяся въ общемъ обращеніи, непремѣнно предъявлялись въ кассѣ, куда поступала уплата налога для наложенія на нихъ особаго штемпеля (за что взималась особая пошлина). По обязательствамъ, не снабженнымъ штемпелемъ, запрещалось производить какое либо взысканіе; въ случаѣ предъявленія такихъ бумагъ (безъ штемпеля) присутственныя мѣста обязывались задерживать ихъ и подавать куда нужно для конфискаціи 1/2 ихъ цѣны, за утайку.

Другой видъ движимаго имущества подлежавшаго обложенію— запасы натурою (Waaren-Vorräthe) дѣлились на два вида: принадлежащіе промышленникамъ (dem Gewerbstande) и принадлежавшіе землевладѣльцамъ.

Запасы перваго рода цѣнились, по желанію владѣльца, въ ту цѣну, въ которую онъ самъ полагалъ ихъ, подводя въ послѣдній разъ итогъ своему имуществу, въ своихъ торговыхъ книгахъ, или по существующей рыночной цѣнѣ, со скидкою, смотря по свойству предмета, 30 или 10%. При выводѣ цѣнности вычитаются лежащія на товарахъ претензіи иностранцевъ, неуплаченныя пошлины и расходы (Unkosten?). Векселя и претензіи домашнихъ кредиторовъ, по коимъ предстояла уплата по

1 марта будущаго года (1813) не вычитались. Владѣлецъ товара, оплачивая его сполна за себя и за кредитора, при разсчетѣ съ послѣднимъ, вычиталъ сдѣланный въ счетъ его авансъ налога. Долги, по коимъ уплата предстояла позднѣе, могли быть вычитаемы изъ оцѣнки. Запасы, годные для снабженія арміи: зерно, мука, вино, сукно, холстъ, кожа и т. п., могли быть принимаемы по таксѣ въ уплату налога.

Изъ запасовъ втораго рода, не подлежалъ обложенію только послѣдній урожай; остатки отъ прежнихъ облагались по мѣстнымъ цѣнамъ и принимались въ счетъ налога натурою.

Налогъ съ капитала, состоявшаго въ деньгахъ или золотѣ или серебрѣ въ слиткахъ или въ торговыхъ дисконтныхъ бумагахъ (diskontopapiere des Handelsstandes, Cambio conto), личныя и ипотечныя деньги владѣльца не вычитались; онъ уплачивалъ за своихъ кредиторовъ причитавшуюся съ нихъ часть налога и вычиталъ ее при первомъ съ ними разсчетѣ.

Вновь вводимымъ подоходнымъ налогомъ замѣнялся подоходный налогъ, установленный эдиктомъ 6 декабря 1811 года. Онъ взимался съ чистаго дохода, [1]) и для приведенія въ извѣстность цифры послѣдняго исключались изъ валоваго только расходы обусловленные самымъ *производствомъ промысла* (dessen was zur Betreibung des Gewerbes erforderlich ist). Домашніе и личные расходы плательщика (dee Kosten des persönlichen Haushalts) ни въ какомъ случаѣ не вычитались. Не подлежало подоходному обложенію жалованье военныхъ находившихся на походномъ положеніи (auf den Feld-etat gesetzten Militairpersonen). Подоходный налогъ установлялся въ размѣрѣ 5% съ доходовъ въ 300 талеровъ и свыше и 1% съ доходовъ отъ 100 талеровъ включительно до 300 невступно. Онъ уплачивался также по третямъ; но въ видѣ изъятія, чиновникамъ дозволялось очищать его ежемѣсячными вычетами изъ жалованья. Однако за время съ марта по іюнь вычетъ дѣлался заразъ.

Классный налогъ съ получавшихъ менѣе 100 талеровъ дохода взимался, по первому классу въ размѣрѣ 12 грошей (½ талера), по второму — 18 грошей (¾ талера).

Купеческое сословіе облагалось, въ Берлинѣ, съ торговаго капитала также въ размѣрѣ 3%, въ предѣлахъ отъ 150 до

---

[1]) Вѣдомость о доходѣ подавалась въ ту же коммиссію по мѣсту жительства и тоже могла подлежать изслѣдованію.

30000 талеровъ налога; въ исключительпыхъ случаяхъ и свыше. Слѣдовательно имущество цѣнилось въ Берлинѣ отъ 5000 до милліона талеровъ (Die Klassen werden von 30,000 Rth. bis 150 Rth. auf der Basis von 3% bestimmt). Въ Берлинѣ уплата производилась въ 3 срока; первый процентъ уплачивался въ первый срокъ наличными деньгами, тогда же на второй процентъ выдавался вексель на 3 мѣсяца; по уплатѣ 2-го процента, выдавался вексель на половину третьяго процента; другая половина слагалась со счета.

Въ противность установившейся практикѣ и кажется единственно въ видахъ ускоренія всей процедуры по обложенію и взысканію классназо налога, требовалось отъ самихъ плательщиковъ заявленіе ихъ имущества и ихъ дохода. Изъятіе въ этомъ отношеніи составляли только крестьяне и купцы; отъ первыхъ заявленія не требовалось и оцѣнка земли, которою они владѣли на правѣ собственности или пользованія, производилась коммиссіями по совѣсти, на основаніи мѣстныхъ свѣдѣній; вторые облагались по совѣсти, мѣстною купеческою корпораціею. Въ случаѣ лишь подозрѣнія въ точности показанія, дѣлалась повѣрка и производилось подробное изслѣдованіе по распоряженію коммиссіи. Когда плательщикъ объявленія не подавалъ, тогда коммиссія облагала его на первый разъ примѣрно, потомъ приступала къ *изслѣдованію*. Къ такому-же изслѣдованію обращались, когда плательщикъ жаловался на обложеніе. За обнаруженную утайку полагалась конфискація цѣлой половины имущества. Послѣ подачи заявленія, самому плательщику давался срокъ на дополненія и поправки; только по истеченіи этого срока могло возбуждаться подозрѣніе, что пропускъ произошелъ отъ намѣренной утайки.

Хотя въ эдиктѣ и говорилось, что избѣгается всякое фискальное вымогательство (jede gehässige Form und fiskalische Wexation), однако свѣдѣнія требовались по даннымъ формамъ, довольно подробнымъ и сложнымъ. Такъ по недвижимому имуществу требовалось изложеніе способа оцѣнки и данныхъ, принятыхъ въ основаніе; по разнымъ бумагамъ, — точное опредѣленіе рода, числа, цѣнности по принятому курсу; требовался также поименный перечень всѣхъ должниковъ, которымъ ссуды были выданы безъ залоговъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на разряды по степени большей или меньшей надежности возврата; но этотъ списокъ подавался при общемъ заявленіи о суммѣ претензій, въ запечатанномъ конвертѣ, который распечатывался для дальнѣй-

шаго изслѣдованія, не иначе какъ въ присутствіи подателя, по распоряженію коммиссіи и въ случаѣ сомнѣнія съ ея стороны.

Кто въ положенный срокъ (8-ми-дневный вообще и болѣе продолжительный для торгующаго класса) не подавалъ требуемаго объявленія, тотъ подвергался обложенію по предварительной оцѣнкѣ коммиссіи и обязывался уплачивать назначенный съ него налогъ непремѣнно наличными деньгами. Противъ такой оцѣнки *возраженія* не допускались и недовольный ею могъ только требовать спеціальнаго изслѣдованія, за которымъ однако уплата налога не останавливалась.

Пріемъ и повѣрка заявленій, обложеніе и всѣ дальнѣйшія дѣйствія по взиманію налога въ уѣздѣ поручались: нѣсколькимъ уѣзднымъ спеціальнымъ коммиссіямъ, въ большемъ или меньшемъ числѣ смотря по населенію; въ каждомъ городѣ — общинной коммиссіи (Communal-Commission). Въ большихъ городахъ, общинная коммиссія подраздѣлялась на нѣсколько частныхъ (Districts-Commissionen). Въ главномъ городѣ каждой провинціи (ихъ было 8) открывалась провинціальная коммиссія. Наконецъ въ Берлинѣ учреждалась центральная коммиссія. Она состояла изъ предсѣдателя и сотрудниковъ (Mitarbeiter), по назначенію государственнаго канцлера; въ ту-же коммиссію введены были вызванные временно изъ областей выборные отъ сословій (въ законѣ они названы членами народнаго представительства — Mitglieder der interimistischen National-Representation) по 3 на провинцію (изъ дворянъ, средняго сословія и крестьянъ). Между ними установлена была очередь; каждый присутствовалъ въ коммиссіи 4 недѣли, такъ что во всякое время въ ея составѣ три провинціи имѣли своихъ представителей. Кромѣ того, центральная коммиссія могла призывать на совѣтъ надежныхъ экспертовъ изъ купцовъ, фабрикантовъ и другихъ свѣдущихъ людей, обязываясь однако при этомъ не показывать имъ заявленій, поданныхъ о своемъ имуществѣ лицами, занимавшимися одними съ ними промыслами.

Коммиссаръ провинціальной коммиссіи назначался государственнымъ канцлеромъ и самъ себѣ выбиралъ сотрудниковъ.

Коммисаровъ въ общинныя (городскія) коммиссіи назначала провинціальная коммиссія; она же назначала коммисаровъ и въ спеціальныя (уѣздныя) коммиссіи, но по соглашенію съ генеральными коммиссарами (на которыхъ, по другому положенію, возлагалось завѣдываніе въ провинціи регулированіемъ отношеній.

крестьянъ къ помѣщикамъ). По соглашенію же съ ними опредѣлялось число уѣздныхъ коммиссій и въ какихъ городахъ учреждать особыя городскія коммиссіи. Какъ въ городскихъ, такъ и въ уѣздныхъ коммиссіяхъ, назначенные указаннымъ порядкомъ коммиссары сами себѣ выбирали помощниковъ.

Для обложенія капиталовъ купеческаго сословія, находившихся въ торговыхъ оборотахъ, открывались въ значительныхъ торговыхъ городахъ особыя классификаціонныя коммиссіи (въ собраніи законовъ сохранилась только инструкція, данная Берлинской коммиссіи). Предсѣдатель и члены, кажется, назначены были отъ правительства. Затѣмъ сама коммиссія избирала изъ мѣстныхъ купцовъ отъ двухъ до трехъ оцѣнщиковъ - классификаторовъ въ качествѣ экспертовъ, по каждой отрасли торговли, съ отзывами которыхъ она соображалась. Отъ должности эксперта никто изъ членовъ мѣстнаго купечества отказаться не могъ; эксперты приводились къ присягѣ. Берлинская купеческая классификаціонная коммиссія подчинялась мѣстной провинціальной. Она впрочемъ ни для кого не составляла обязательной инстанціи и не входила въ повѣрку собственныхъ своихъ оцѣнокъ. Всякій торгующій имѣлъ право обойти ее, подавъ въ общую мѣстную коммиссію спеціальную вѣдомость о своемъ основаніи; то же могъ сдѣлать всякій недовольный по отношенію къ себѣ произведенною классификаціею.

Независимо отъ жалобъ, городскія и уѣздныя коммиссіи, по истеченіи перваго платежнаго срока, обязывались приступить къ *повѣркѣ* поданныхъ общихъ заявленій и собственныхъ своихъ предварительныхъ оцѣнокъ (это не то что *спеціальныя изслѣдованія*); для этого онѣ пользовались содѣйствіемъ присяжныхъ экспертовъ, которыхъ онѣ избирали. Экспертамъ заявленіе самого плательщика не показывалось, они должны были опредѣлять его состояніе по совѣсти и совпаденіе, хотя бы приблизительное, ихъ оцѣнки съ его заявленіемъ принималось за доказательство достовѣрности послѣдняго. Когда признавалось нужнымъ, по требованію ли плательщика, по усмотрѣнію ли коммиссіи, войдти въ подробное изслѣдованіе, она имѣла право обращаться за справками во всѣ мѣста и требовать къ просмотру домашнія приходо-расходныя и даже торговыя книги. Лица занимавшіяся повѣркою обязывались строжайше не разглашать сообщенныхъ имъ свѣдѣній.

Канцлеру Гарденбергу дана была широкая власть по при-

веденію въ исполненіе положенія о налогѣ на имущества и на доходы. Ему было разрѣшено принимать отъ себя всѣ нужныя на этотъ предметъ мѣры, организовать коммиссіи, снабжать коммиссіи инструкціями, дополнять и разъяснять утвержденную самимъ королемъ общую исполнительную инструкцію, даже давать разъясненія на самое положеніе о налогѣ.

Уѣздныя и городскія коммиссіи подчинялись контролю провинціальной, которая снабжала ихъ инструкціею, соображаясь съ мѣстными условіями, ревизовала ихъ, принимала и разбирала подаваемыя на нихъ жалобы на неправильное обложеніе, наконецъ, могла смѣщать уѣздныхъ и городскихъ коммиссаровъ и замѣнять ихъ другими.

Провинціальный коммиссаръ дѣйствовалъ и какъ начальникъ, и какъ предсѣдатель коммиссіи. Какъ начальникъ, онъ распоряжался самостоятельно по всѣмъ дѣламъ, касавшимся исполненія и общаго хода предпринятой операціи, по предводительномъ совѣщаніи съ своими сотрудниками, но не стѣсняясь ихъ заключеніемъ; дѣла по жалобамъ плательщиковъ на уѣздныя и городскія коммиссіи, поступавшія въ провинціальную коммиссію, какъ во вторую инстанцію, рѣшались въ ней по большинству голосовъ, причемъ голосъ предсѣдателя давалъ перевѣсъ только въ случаѣ равенства. Провинціальныя коммиссіи подчинялись непосредственно центральной.

Послѣдней поручалось высшее наблюденіе надъ всѣми, какъ провинціальными, такъ и подчиненными имъ уѣздными и городскими коммиссіями, съ правомъ отъ времени до времени ревизовать ихъ, дѣлать нужныя перемѣны въ ихъ личномъ составѣ; сверхъ того, на нее возлагалось изготовленіе инструкціи для провинціальныхъ коммиссій и одной общей для городскихъ и уѣздныхъ (?). На основаціи проектовъ, доставленныхъ провинціальными коммиссіями, окончательное разрѣшеніе жалобъ плательщиковъ на дѣйствія провинціальныхъ коммиссій, разрѣшеніе представленій провинціальныхъ коммиссій о производствѣ подробныхъ дознаній по подозрѣніямъ въ утайкахъ имущества и доходовъ, разрѣшеніе всѣхъ вообще сомнѣній и затрудненій, возникавшихъ при исполненіи. Предварительное утвержденіе государственнаго канцлера испрашивалось обязательно на смѣну провинціальныхъ коммиссаровъ и на всѣ потребныя разъясненія положенія. Сверхъ этихъ обязанностей, на центральную коммиссію была еще возложена общая повѣрка всѣхъ вѣдомостей о до-

ходахъ, поданныхъ плательщиками въ силу эдикта 6 декабря 1811 года и служившихъ основаніемъ подоходнаго обложенія по эдикту 24 мая 1812 года. Крайняя ихъ неточность обнаруживалась ничтожностью прихода отъ этого налога и была признана депутатами отъ провинцій. Они призывались къ участію въ наряженной общей повѣркѣ; но до приступа къ ней, плательщикамъ подоходнаго налога давался мѣсячный срокъ на добровольное исправленіе данныхъ ими неточныхъ показаній. По минованіи его, уличенные въ утайкѣ, кромѣ наказанія, подвергались опубликованію своихъ именъ, какъ дурные граждане (schlechte Bürger).

Предоставленное плательщикамъ право возраженія и обжалованія ограничивалось слѣдующими постановленіями: 1) кто вовсе не подавалъ въ назначенный срокъ требуемаго объявленія о своемъ имуществѣ и о своемъ доходѣ лишался права предъявлять возраженія (Widerspruch) на цифру налога, которымъ облагала его мѣстная коммиссія по своимъ соображеніямъ (городская или уѣздная); онъ могъ только требовать обстоятельнаго, спеціальнаго полнаго изслѣдованія своего состоянія; 2) поданное возраженіе или жалоба ни въ какомъ случаѣ не останавливала уплаты первой трети налога (въ первый терминъ); 3) производилось ли изслѣдованіе по жалобѣ или по инціативѣ самой коммиссіи, плательщикъ обязывался предъявить всѣ отъ него требуемыя свѣдѣнія о его состояніи.

Кромѣ обложенія, на коммиссіи городскія, уѣздныя, провинціальныя и центральную возлагалась также операція пріема, учета и дальнѣйшаго препровожденія суммъ, поступавшихъ въ уплату налога на имущества и на доходы; всѣ онѣ изъ мѣстныхъ коммиссій, черезъ посредство провинціальныхъ, сосредоточивались въ центральной; послѣдней и ея предсѣдателю въ особенности поручалось контролировать правильное употребленіе суммъ исключительно по назначенію имъ данному, т. е. на доплату контрибуціи и содержаніе проходящихъ войскъ.

Правительство въ самомъ эдиктѣ выразило обѣщаніе, по уплатѣ установленнаго на одинъ 1812 годъ налога, уничтожить (по примѣру Англіи) всѣ поданныя вѣдомости объ имуществахъ или возвратить ихъ плательщикамъ, если они сами того пожелаютъ. Оно обязалось также опубликовать отчетъ о поступившихъ суммахъ налога на имущества и на доходы и объ ихъ употребленіи.

Положеніе о налогѣ вышло 24 мая 1812 года; первый платежный срокъ назначенъ былъ ровно черезъ мѣсяцъ (24 іюня); въ 30 дней нужно было открыть коммиссіи, принять и разсмотрѣть поданныя вѣдомости и обложить плательщиковъ не подавшихъ вѣдомостей. Но правительство не дождалось истеченія и этого короткаго срока; оно немедленно эсконтировало весь налогъ, какъ съ имущества, такъ и подоходный. Въ одинъ день съ положеніемъ о немъ, было объявлено о выпускѣ облигацій (Anweisungen), которыя обезпечивались ожидаемою выручкою отъ налога на имущества и на доходы; чтобъ не терять времени на ихъ изготовленіе, употреблены были запасные билеты государственнаго казначейства съ накладкою на нихъ, въ отличіе отъ обыкновенныхъ, особаго штемпеля. Эти вновь выпущенные билеты принимались какъ наличныя деньги (als baares Geld) исключительно въ уплату налога съ имущества и подоходнаго и, до окончательнаго его поступленія, другаго назначенія имъ не присвоивалось; но, по уплатѣ его, вновь выпущенные билеты, которые могли не быть погашены (остаться въ обращеніи), приравнивались во всемъ къ прежнимъ.

Итакъ, уплата налога могла производиться во всѣхъ случаяхъ и на всю сумму причитавшуюся съ плательщика: наличными деньгами (даже серебромъ въ издѣліяхъ), вновь выпущенными билетами государственнаго казначейства и облигаціями (Scheine) внутренняго займа 12 февраля 1810 года (которыя принимались въ уплату и при покупкѣ казенныхъ и церковныхъ, отобранныхъ имѣній); въ нѣкоторыхъ случаяхъ — когда налогъ взимался съ капитала, состоявшаго въ государственныхъ, провинціальныхъ и общественныхъ бумагахъ — этими бумагами; другими бумагами признанными правительствомъ — по курсу; въ нѣкоторыхъ случаяхъ — произведеніями сельскими и фабричными. (Эдикты 24 мая, №№ 98, 100, инструкціи 24 мая № 99, 6 іюня, 13, 29 іюля, 20 августа, 19 декабря №№ 101, 102, 103, 104, 105, 121, 126, 131, 146, 147, 1812 года).

Но еще не наступилъ первый платежный срокъ, какъ вышелъ новый эдиктъ 10 іюня 1812 года, совершенно измѣнявшій не систему обложенія, а способъ уплаты.

Уплативъ въ февралѣ того же года разнаго рода поставками на французскую армію остатокъ контрибуціи въ 35 милліоновъ франковъ съ лишкомъ, правительство пришло въ крайнее затрудненіе и вынуждено было въ томъ сознаться. Содержаніе войскъ

обошлось дороже, чѣмъ предполагалось, и правительство осталось безъ денегъ. Оно учредило особую правительственную коммисію (Verwaltungs-Commission), состоявшую изъ пяти лицъ, въ которую немедленно препровождалось все безъ остатка, что поступало чистыми *деньгами* въ уплату вновь установленнаго налога на имущества и на доходы. Изъ этихъ суммъ, коммиссія, прежде всего, должна была внести въ государственное казначейство $1\frac{1}{2}$ милліона въ уплату аванса, сдѣланнаго имъ на покрытіе неотложныхъ расходовъ, на продовольствіе войскъ изъ суммъ ассигнованныхъ на другія также неотложныя надобности.

Далѣе Коммиссія уполномочивалась выпустить и передать туда же на $3\frac{1}{2}$ милліона безпроцентныхъ облигацій (Anveisungen) на предъявителя (т. е. ассигнацій), обезпеченныхъ выручкою отъ налога на имущества и на доходы съ непремѣнныхъ обязательствомъ открыть обмѣнъ ихъ на монету, безъ всякаго вычета, не позднѣе 1 января 1813 года; той же коммиссіи поручался выпускъ на 1 милліонъ билетовъ государственнаго казначейства, за особымъ клеймомъ, тѣмъ же налогомъ обезпеченныхъ и возвѣщенныхъ эдиктомъ 24 мая; починъ обмѣна ихъ обѣщанъ былъ также съ 1 января 1813 года. При этомъ постановлено слѣдующее: такъ какъ реализація упомянутыхъ облигацій и билетовъ въ близкій и опредѣленный срокъ вполнѣ обезпечена, то они не будутъ приниматься казначействами ни въ какія уплаты и не будутъ выдаваться на уплату жалованій. Такимъ образомъ, бумаги, первоначально предназначавшіяся исключительно на уплату вновь установленнаго налога, лишились именно этого свойства. Это распоряженіе вызвало однако такой ропотъ, что не прошло мѣсяца и Гарденбергъ вынужденъ былъ отмѣнить его. Было объявлено, что вновь выпущенные билеты и облигаціи могли быть предъявляемы въ уплату налога во всѣ три платежные срока, но только на сумму превышавшую ту часть налога, которая могла быть покрыта зачетомъ поставокъ натурою на содержаніе войскъ. Чтобъ чѣмъ нибудь поддержать ихъ цѣнность и придумать для нихъ какое нибудь употребленіе, правительство обѣщало, при продажѣ съ торговъ казенныхъ и отобранныхъ церковныхъ имѣній, принимать въ уплату отъ покупщиковъ до 1813 года, кромѣ металлическихъ денегъ, отъ которыхъ оно никогда не отказывалось, исключительно эти облигаціи и билеты и выражало надежду, что и купечество, изъ патріотизма, будетъ охотно принимать ихъ и тѣмъ облегчитъ ихъ обращеніе.

Въ томъ же эдиктѣ, король своимъ словомъ ручался, что правительство этимъ ограничится и что новыхъ, дополнительныхъ выпусковъ какими либо билетами или облигаціями, подлежащими обмѣну на деньги изъ выручки отъ налога на имущества и на доходы, *не будетъ*. Но это увѣреніе, послѣ стольких, несбывшихся обѣщаній, казалось недостаточнымъ; для успокоенія публики и внушенія ей довѣрія, придумано было довольно странное средство. Предсѣдатель и члены новоучрежденной коммиссіи приводились къ присягѣ въ томъ, что они принимаютъ на себя какъ священный долгъ собрать изъ выручки отъ налога на имущества и доходы денежный фондъ, потребный на обмѣнъ выпущенныхъ бумагъ (не неся однако личной за это отвѣтственности); далѣе, что они сверхъ размѣннаго выпуска (всего на $3^1/_2$ милліона) не пустятъ въ обращеніе никакихъ бумагъ тѣмъ же налогомъ обезпеченныхъ, развѣ бы въ руки ихъ поступилъ въ наличности денежный фондъ на покрытіе такого выпуска (это должно быть въ такомъ случаѣ заявлено), наконецъ, что они не послушаются никакого приказанія этимъ условіямъ противнаго, *отъ кого бы оно ни исходило*. И такъ правительственные чиновники присягою обязывались въ данномъ случаѣ не исполнять воли правительства — это доказываетъ, какъ низко, послѣ всѣхъ описанныхъ колебаній, упалъ его финансовый кредитъ (20 іюня, 13 іюля 1812 г. №№ 108, 122).

Мы сейчасъ увидимъ, что не далѣе какъ черезъ 6 мѣсяцевъ, пришлось нарушить и всѣ эти торжественныя обѣщанія. По коротенькой и очень неполной вѣдомости, опубликованной правительствомъ въ самомъ началѣ 1813 года, оказывается, что налога на имущества и на доходы поступило за тотъ годъ, на который онъ былъ установленъ: деньгами, выданными подъ него облигаціями, билетами казначейства за особымъ штемпелемъ и облигаціями

займа 1810 года	3,961,000	талер.	б. м.
бумагами.	591,000	„	б. м.
Итого. . . .	4,552,000	„	б. м.

Изъ этого на расходы управленія пошло	25,600	талер.	б. м.
Употреблено было по назначенію.	4,095,900	„	б. м.
Итого. . . .	4,121,500	„	б. м.

Оставалось въ разнаго рода бумагахъ, которыхъ само правительство не надѣялось употреблять въ дѣло и потому намѣревалось уничтожить . .	430,500 талер. б. м.
Итого. . . .	4,552,000 талер. б. м.

Недоборъ въ правительственномъ отчетѣ не показанъ, но судя по тѣмъ отсрочкамъ и льготамъ, которыя правительство вынуждено было сдѣлать областямъ наиболѣе истощеннымъ проходомъ и квартированіемъ войскъ, онъ былъ весьма значителенъ. И такъ, собственно для покрытія экстренныхъ расходовъ по военнымъ надобностямъ, въ помощь ли французамъ или противъ нихъ, казна была ни при чемъ.

Во второй половинѣ января состояло ассигнацій двухъ видовъ (Tresor и Thalerscheine) на 8,093,210 талеровъ (не считая 1,000,000, выпущеннаго за особымъ штемпелемъ подъ обезпеченіе налога на имущества и доходы). [1]) Изъ этихъ 8,100,000 безъ малаго около 732,000, по увѣренію правительства, находились въ обращеніи; остальные хранились въ запасѣ. Правительство рѣшилось (сверхъ упомянутаго выше милліона) усилить выпускъ билетовъ государственнаго казначейства (Tresorscheine) до 10 милліоновъ, прекратить размѣнъ der Thalerscheine на монету и придать этимъ бумажнымъ деньгамъ обязательный курсъ нарицательной цѣны наравнѣ съ серебромъ, во всѣхъ платежахъ, частныхъ, въ казну и изъ казны, кромѣ уплаты процентовъ по заграничнымъ займамъ, платежей въ со-

---

[1]) (?) Въ періодъ 1806—1812 г. выпущены были Tresorscheine и Thalerscheine. Послѣдніе были большею частью изъяты изъ обращенія, къ 1813 г. ихъ оставалось въ обращеніи немного.

Высоч. повелѣніемъ 4 февр. 1806 изготовлено было Tresorscheine на 9,093,210 талер. и они получили обязательное обращеніе талеръ за талеръ, наравнѣ съ монетою. — Это правило возстановлено, wird hergestellt, эдиктомъ 19 янв. 1813 № 152. — Высочайшимъ повелѣніемъ 4 дек. 1809 изготовлено Thalerscheine на 2,000,000, итого 11,093,210 талеровъ.

Затѣмъ изъято обмѣномъ на Thalerscheine и уничтожено на	2,000,000 талер.
Обмѣнено на новыя бумаги по повелѣнію 24 мая 1812 .	1,000,000 талер.
осталось . . .	8,093,210 талер.

частью въ кассахъ, частью въ обращеніи, изъ коихъ въ дек. 1812 обращалось въ публикѣ 731,625 талер.

Эдиктомъ 19 января 1813 года № 152, обращающіеся Thalerscheine приравнены во всемъ къ Tresorscheine и ихъ погашеніе прекращается — дозволяется только находящіеся въ обращеніи представить къ обмѣну на деньги до 15 февр. 1815, а затѣмъ обмѣнъ прекращается).

ляную кассу (такъ какъ соль покупалась за границею правительствомъ за наличныя деньги) и платежей по купеческимъ векселямъ за поставленный товаръ. Въ счетъ этихъ 10 милліоновъ не входилъ милліонъ der Tresorscheine, обезпеченный налогомъ, и, въ видѣ изъятія, правило о постепенномъ изъятіи ихъ изъ обращенія черезъ обмѣнъ на серебро по жребію не упразднялось. При этомъ было постановлено, что кто, за исключеніемъ упомянутымъ изъятій, откажется принять билетъ государственнаго казначейства вмѣсто денегъ, подвергнется штрафу отъ 500 до 1,000 талер. или заключенію въ тюрьмѣ отъ полугода до полнаго года.

Одновременно, для обратнаго полученія выпускаемыхъ бумажныхъ денегъ, правительство установляло на 1813 годъ налогъ на имущества и на доходы на прежнихъ основаніяхъ, съ слѣдующими видоизмѣненіями: съ цѣнности подлежавшаго обложенію имущества взималось $1^1/_2$% (вмѣсто 3-хъ); съ дохода—половина противъ налога 1812 года; отъ уплаты послѣдняго налога вовсе освобождались жалованья государственныхъ чиновниковъ, половинные оклады (Wartegelder) и пенсіи; уплата производилась въ 6 сроковъ въ теченіи года; принимались въ уплату наличныя деньги и выпущенные билеты государственнаго казначейства; правительство обязывалось, по мѣрѣ поступленія послѣднихъ, публично уничтожать ихъ, и на тотъ же предметъ, т. е. на изъятіе и уничтоженіе билетовъ, употреблять часть поступающихъ наличныхъ денегъ.

Всѣ эти мѣры были возвѣщены эдиктомъ 19 января 1813 г. (№ 152), какъ мѣры, вызванныя крайними обстоятельствами и необходимостью чрезвычайнаго напряженія для поддержанія независимости государства и для защиты отечества („die Selbständigkeit unseres Reichs zu erhalten und die Vertheidigung des Vaterlandes“). Въ то время правительство было еще такъ нерѣшительно, что оно даже не рѣшилось прямо высказать, отъ кого приходилось охраняться и оберегаться.

(?) Нужно [1]) упомянуть о королевскомъ распоряженіи относительно билетовъ казначейства (Tresorscheine) *5 марта 1813*, № 159. Король объявляетъ, что предложенія ссудъ со стороны

---

[1]) Изложеніе этого распоряженія и нижеслѣдующихъ (до стр. 318) было, какъ видно изъ рукописи, прибавлено авторомъ къ первоначальному тексту и вѣроятно было бы имъ, при окончательной редакціи, или сокращено или отнесено въ примѣчанія. *Ред.*

купечества и представленія народныхъ представителей (National-representanten) убѣдили его, что можно обойтись безъ присвоенія билетамъ казначейства обязательнаго курса.

Присвоенный имъ обязательный курсъ отмѣняется (стало быть эдиктъ 19 янв. былъ въ силѣ менѣе 2 мѣсяцевъ!).

Правительство отказывается отъ *усиленнаго* выпуска Tresor- и Thalerscheine, свыше количества находящихся въ обращеніи и запасныхъ въ государственномъ казначействѣ—всего 8.093,210 талеровъ.

Обязательства государства разсматриваются какъ оба рода бумагъ (Staatsanweisungen), которыя реализируются установленнымъ 19 января 1813 г. налогомъ и, по поступленіи налога, *уничтожаются.* Реализація ихъ несомнѣнна, ибо, по самымъ умѣреннымъ разсчетамъ, *первый процентъ* съ имущества долженъ дать 6 милліоновъ.

Завѣдываніе поступающими въ уплату налога съ имуществъ и доходовъ деньгами, Tresor- и Thaler-шейнами ввѣряется коммиссіи подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя прежней коммиссіи изъ трехъ народныхъ представителей и одного изъ старшинъ (Vorsteher) Берлинской биржи; всѣ по назначенію отъ правительства.

Съ упраздненіемъ обязательнаго курса Tresor и Thalerscheine, они впредь будутъ приниматься по номинальной цѣнѣ только:

1) въ уплату налога на имущества и доходы сполна; 2) въ уплату налога поземельнаго, промысловаго и съ предметовъ роскоши на 1/3; 3) въ уплату при продажѣ казенныхъ имѣній на ту сумму, которая принимается отъ покупщика деньгами.

Выдаваться по номинальной цѣнѣ только: 1) въ уплату всѣхъ натуральныхъ поставокъ на *содержаніе* (Verpflegung) отечественной арміи; 2) въ уплату 1/4 части жалованій и пенсій свыше 400 талеровъ.

Натуральныя поставки на *вооруженіе* (Ausrüstung) отечественной арміи оплачиваются наличными деньгами или Tresor и Thalerschein'ами *по курсу* въ день уплаты.

Для вооруженія, чтобы не разорить окончательно (nicht zu Grunde gehen zu lassen) помѣщиковъ и фабрикантовъ, открывается неизбѣжный принудительный заемъ (gezwungene Anleihe) у купечества и прочихъ капиталистовъ.

Всѣ распоряженія по этой части поручаются канцлеру. Съ

сопротивляющимися будетъ поступлено какъ съ врагами святаго дѣла, съ крайнею строгостью. Ни о суммѣ займа, ни о способѣ взиманія ничего не сказано.

Заслуживаетъ также вниманія распоряженіе *объ отчужденіи казенныхъ имѣній*, также отъ 5 марта 1813 г. (№ 160).

Продажа имѣній продолжается для поддержанія цѣны государственныхъ бумагъ и производится: частью за наличныя деньги (baares Geld), частью за бумаги; *за деньги—безъ торговъ* (ohne Licitation), если высшая предложенная цѣна доходитъ до низшей оцѣнки, сдѣланной особою коммиссіею посредствомъ капитализаціи (дохода?) изъ 6%. Съ торговъ, за деньги, можно было купить имѣніе, котораго низшій доходъ полагался въ 1500 тал. за 21,500 тал. (безъ торговъ за 25,000 тал.). Наравнѣ съ деньгами (völlig gleich geachtet) принимаются: обязательства казны по займамъ, контрактамъ, Tresorscheine, Steueranweisungen и т. д.

Церковныя, секуляризованныя имѣнія продаются *только за* наличную звонкую *монету*. При продажѣ съ торговъ другихъ имѣній, продажа считается состоявшеюся, если уплата производится не деньгами (т. е. не монетою и приравненными къ ней бумажными деньгами), а государственными бумагами (Staats und öffentliche Papier), когда предложенная цѣна не ниже выведеннаго дохода, капитализированнаго изъ 4% (за доходъ въ 1500 тал. не менѣе 37,500). При объявленіи торга всякій разъ объявлялось, на какую уплату назначаются торги: деньгами или государственными бумагами. Поступавшія въ уплату государственныя бумаги и закладные листы погашались (уничтожались), о чемъ объявлялось.

Королевскимъ повелѣніемъ (Kabinetsordre 14 августа 1813) пріостанавливаются, на два мѣсяца, всѣ взысканія по долговымъ обязательствамъ съ помѣщиковъ и землевладѣльцевъ, какъ наиболѣе пострадавшихъ и принесшихъ жертвы. Это распоряженіе (7 ноября 1813) продолжено до 1 апрѣля 1814 и распространено на землевладѣльческія кредитныя общества.

Это [1]) новое напряженіе, которое потребовалось отъ Пруссіи,

---

[1]) До сихъ поръ продолжалась вставка, о которой было упомянуто выше.

было однако не по силамъ ей и трудно даже себѣ представить, что бы съ нею стало, если бы ея безпощадный побѣдитель и мучитель вернулся изъ Москвы, какъ онъ возвращался изъ другихъ столицъ, т. е. съ новыми лаврами, новыми контрибуціями и новыми притязаніями. Пруссія была въ полномъ смыслѣ слова спасена исходомъ кампаніи 1812 года, притомъ спасена не только въ финансовомъ отношеніи, прекращеніемъ изнурительныхъ для нея поборовъ на усиленіе ея угнетателей, но въ отношеніи нравственномъ. Чего не могли сдѣлать лучшіе изъ ея сыновъ, ни Штейнъ, ни Шарнгорстъ, ни Фихте, то исполнила, сама конечно о томъ не думая, Россія однимъ своимъ примѣромъ. Могучее дыханіе свѣжей, народной жизни, повѣявшее съ Востока, подѣйствовало на Пруссію какъ электрическій токъ, пробудило въ ней дремлющія силы, вѣру въ себя, вывело ее изъ постыднаго оцѣпененія передъ обаяніемъ Наполеона, поставило ее на ноги во всеоружіи и подняло ея глубоко упавшій народный духъ.

Въ общемъ ходѣ внутреннихъ преобразованій по всѣмъ частямъ управленія послѣдовалъ естественный перерывъ, пока длилась война. Въ результатѣ, кампанія 1813 — 1814 г.г. кромѣ славы принесла ей и выгоды. Вслѣдствіе разныхъ уступокъ и сдѣлокъ, она довела свою территорію до 5029 кв. миль (почти до прежняго размѣра) съ народонаселеніемъ въ 10.588,157 жителей и получила отъ Франціи въ видѣ вознагражденія 145 милліоновъ франковъ, которые пошли въ государственную казну, не считая 2.600,000 франковъ ежегодной ренты, доставшихся прусскимъ подданнымъ по частнымъ рекламаціямъ.

Тѣмъ не менѣе, по заключеніи мира, Пруссія почувствовала на себѣ государственный долгъ въ 200 милліоновъ талеровъ, по понятіямъ того времени казавшійся далеко нелегкимъ. Границы ея совершенно измѣнились, и это обстоятельство влекло за собою необходимость пересмотра таможенной ея системы; наконецъ въ составъ ея вошли новыя области, состоявшія на особыхъ правахъ, частью исторически выработавшихся, частью перенесенныхъ туда изъ Франціи, въ послѣднее время. Предстояло, во первыхъ, возстановить на прочныхъ основаніяхъ давно утраченное равновѣсіе между доходами и расходами; во вторыхъ, согласить мѣстныя учрежденія новопріобрѣтенныхъ провинцій съ общегосударственными, и ни той, ни другой цѣли очевидно нельзя было достигнуть простымъ обобщеніемъ и распространеніемъ законодательныхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгало правительство въ

критическую эпоху 1806—1812 годовъ. Въ то время, при тяжеломъ давленіи извнѣ, оно могло у себя дома дѣйствовать ничѣмъ не стѣсняясь и не возбуждая особеннаго ропота радикальностью своихъ распоряженій въ силу какого-то особеннаго, невысказаннаго, но подразумѣваемаго и всѣми признаваемаго уполномочія не щадить ничего и никого, ни передъ чѣмъ не останавливаться для спасенія отечества; такого рода эпохи бываютъ особенно благопріятны для преобразованій принципіальнаго свойства, давая возможность скорѣе и легче, чѣмъ въ другое время, покончить съ отжившею, но все еще упрямою стариною. Послѣ славной войны, по возстановленіи мира, эти обстоятельства совершенно измѣнились; нельзя было вернуться къ прежнему образу дѣйствія, да и трудно сказать согласилась ли бы публика ему подчиниться. Съ этого времени, законодательная и административная дѣятельность правительства приняла характеръ сдѣлки или компромисса; общее ея направленіе осталось неизмѣнно вѣрнымъ самому себѣ, но темпъ движенія измѣнился, прямая линія, неуклонно шедшая отъ исходной точки къ цѣли, стала чаще преклоняться и обходить препятствія, попадавшія ей на пути.

А препятствія множились въ самомъ центрѣ правительства; усиливалась оппозиція опять таки вслѣдствіе тѣхъ же обстоятельствъ. Главная сила юнкерской партіи и теперь заключается въ арміи, а въ то время связь между юнкерствомъ и арміею была еще тѣснѣе, чѣмъ нынѣ; онѣ какъ будто составляли одно. Вслѣдъ за пораженіями 1806 года кредитъ юнкерства низко упалъ, послѣ побѣдъ 1813 — 1814 годовъ юнкерство наоборотъ естественно подняло голову и заговорило громче. Князь Гарденбергъ не отважился, да и едвали могъ вступить въ открытую борьбу; онъ предпочелъ войти съ нимъ въ сдѣлку.

II.

(?) Что было не по силамъ небольшой группѣ людей, въ которыхъ никогда не оскудѣвала надежда на возрожденіе Пруссіи изнутри, но которыхъ призывы почти безотзывно терялись въ нравственно надломленномъ обществѣ, то совершилось само собой, когда показались остатки изгнанной изъ Россіи наполеонов-

ской арміи и когда, вслѣдъ за ними, побѣжавшій оттуда же электрическій токъ народнаго одушевленія прохватилъ всѣ слои нѣмецкаго общества и, такъ сказать, потрясъ сверху до низу его оцѣпенѣвшій организмъ. Примѣръ Россіи воскресилъ въ Германіи угасшую вѣру въ возможность успѣха, а эта вѣра, въ свою очередь, вызвала тѣ чрезвычайныя усилія и жертвы, которыхъ потребовала возобновившаяся борьба за національную независимость. Пока она длилась, о проведеніи какихъ либо общихъ началъ организаціи государства нельзя было и помышлять; все вниманіе и всѣ заботы естественно поглощались войною и для веденія ея прусское правительство, по необходимости, пробивалось, со дня на день, частью займами, частью распродажею казенныхъ имѣній, частью контрибуціями натурою, частью наконецъ прежними налогами и вновь установленными, имѣвшими, какъ мы видѣли, характеръ временныхъ мѣръ, вынужденныхъ чрезвычайными обстоятельствами. Послѣ этого неизбѣжнаго перерыва въ движеніи внутренняго законодательства и не прежде, какъ по возстановленіи мира, общій вопросъ о приведеніи всего государственнаго хозяйства въ систематическій порядокъ сталъ опять на ближайшую очередь, но уже при обстоятельствахъ существенно измѣнившихся во всѣхъ отношеніяхъ (?).

Въ такія эпохи, какія пережила Пруссія въ короткій промежутокъ времени отъ 1807 до 1815 годовъ, націи быстро мужаютъ. Въ Германіи народилась новая сила, та самая, которую Наполеонъ называлъ пятою державою, приставшею къ сложившейся противъ нея коалиціи—сила общественнаго мнѣнія, созданнаго и воспитаннаго безпримѣрнымъ униженіемъ, через которое прошла Германія, потомъ реакціею оскорбленнаго національнаго чувства и наконецъ вліяніемъ неудержимо разносившихся по всей Европѣ политическихъ началъ, впервые провозглашенныхъ Франціею, ею же затѣмъ искаженныхъ и сдѣлавшихся въ ея рукахъ орудіемъ національнаго деспотизма. Это мнѣніе далеко не походило на то, съ которымъ встрѣчался Штейнъ на провинціальныхъ сеймахъ и о которомъ онъ отзывался съ такимъ рѣшительнымъ пренебреженіемъ.

Рѣчь идетъ не объ этомъ старомъ, а о новомъ, только что народившемся мнѣніи. Первое, т. е. старое, черпало свою силу въ традиціяхъ узкаго, провинціальнаго или сословнаго партикуляризма; оно становилось поперегъ преобразовательнымъ начинаніямъ правительства, противопоставляя неотложнымъ требова-

ніямъ дѣйствительности историческія справки, извлеченныя изъ мѣстныхъ архивовъ. Второе, наоборотъ, смотрѣло не назадъ, а далеко впередъ; оно стояло на пути къ совершенно новымъ политическимъ идеаламъ и въ стремленіи къ нимъ легко могло обогнать правительство. Изъ народной войны за независимость Германія вынесла, чуть было не угасшее въ ней, сознаніе своей національной цѣльности и своего историческаго призванія. Это сознаніе заключало въ себѣ какъ бы предпосылку будущаго политическаго объединенія, совершившагося гораздо позднѣе, на нашихъ глазахъ; въ первой четверти текущаго вѣка оно еще казалось неосуществимою мечтою; но уже и въ то время живое ощущеніе внутренняго національнаго единства естественно наводило мыслящую Германію на цѣлый рядъ совершенно новыхъ для нея вопросовъ, которыхъ самая постановка свидѣтельствовала, если не о систематическомъ противопоставленіи интересовъ общенародныхъ интересамъ династическимъ, то, по крайней мѣрѣ, о строгомъ ихъ различеніи.

Настроеннаго на этотъ ладъ общественнаго мнѣнія нельзя было игнорировать уже потому, что оно не могло позабыть и при случаяхъ могло-бы даже напомнить правительствамъ о надеждахъ, ими же незадолго передъ тѣмъ возбужденныхъ въ публикѣ, на допущеніе народнаго представительства къ участію въ государственномъ законодательствѣ.

Совершенно въ иномъ видѣ рисовалась политическая будущность Германіи въ высшихъ правительственныхъ и придворныхъ сферахъ. Тамъ казалось, что новая сила, отслуживъ свою боевую службу и разсадивъ по мѣстамъ нѣмецкихъ королей и князей, тѣмъ самымъ завершила свое призваніе, исполнила все то, что отъ нея требовалось и на что она была нужна; затѣмъ ей оставалось только разложиться опять на прежнія мелкія группы и войти порознь въ старые прибереженные для нихъ загоны. Это проповѣдывалось словомъ и дѣломъ. Вѣна давала тонъ и оттуда реакціонное движеніе разносилось по всѣмъ нѣмецкимъ дворамъ.

Противъ этого искушенія Прусское правительство однако устояло. Оно уберeглось по крайней мѣрѣ лучше другихъ сосѣднихъ державъ отъ крайностей не только либеральнаго, но и болѣе опаснаго консервативнаго, радикализма, и конечно не удовлетворило ни съ той, ни съ другой стороны требованіямъ строго логической послѣдовательности; зато оно не переступило предѣловъ практически возможнаго и удержалось на почвѣ соглашеній между

отживавшею стариною и нарождавшеюся будущностью, непрерывнымъ сцѣпленіемъ которыхъ обусловливается нормальный историческій прогрессъ. Разсудивъ, что было-бы преждевременно приступать къ измѣненію формы правленія въ существѣ и отсрочивъ на неопредѣленное время вопросъ о государственной конституціи, верховная власть поняла однако въ пору, что оставаясь формально неограниченною, она могла и должна была отказаться отъ многихъ привычекъ и унаслѣдованныхъ пріемовъ, покончивъ навсегда съ системою такъ называемаго *кабинетнаго управленія* государствомъ (Kabinets-politik). Это названіе, часто встрѣчающееся въ актахъ, запискахъ и письмахъ того времени, было присвоено ему потому, что самые важные законодательные и административные вопросы возбуждались и разрѣшались по личному вдохновенію самодержца или по внушеніямъ его министровъ, съ глазу на глазъ, въ кабинетѣ государя, и оттуда исходили въ формѣ непререкаемыхъ высочайшихъ повелѣній, не выдержавъ серьезнаго обсужденія и предварительной критики.

Основаніе иному, болѣе сообразному съ духомъ времени и съ интересами самой династіи порядку вещей положено было открытіемъ государственнаго совѣта (зак. 1817 г.). Это было учрежденіе чисто совѣщательное, поставленное между государемъ и его министрами. На совѣтъ возлагалось не только предварительное обсужденіе проектовъ, вносимыхъ министрами на высочайшее утвержденіе, но зачастую и самое изготовленіе законодательныхъ проектовъ въ составѣ особыхъ коммисій, изъ членовъ совѣта, назначаемыхъ непосредственно верховною властью.

Выборнымъ отъ провинцій и сословій не было дано мѣсто въ государственномъ совѣтѣ. Общественное представительство предполагалось организовать впослѣдствіи, для каждой провинціи порознь.

Члены совѣта засѣдали въ немъ частью по праву рожденія (какъ принцы крови и члены королевской фамиліи), частью по свойству занимаемымъ ими должностей (какъ министры), частью по назначенію отъ короля. И такъ, въ формальномъ отношеніи, совѣтъ былъ слугою правительства; отъ него ожидалось установленіе единства и поддержаніе твердыхъ традицій въ общемъ ходѣ законодательства и управленія; но само правительство, подразумѣвательно, возлагало на него и другое призваніе. Оно надѣялось, что оставаясь подъ его рукою, совѣтъ въ то же время сдѣлается представителемъ постепенно выяснявшихся желаній и потребностей всего народа, иначе,—въ извѣстномъ смыслѣ—орга-

номъ общественнаго мнѣнія и признанъ будетъ за таковой. Въ первой четверти текущаго вѣка, при отсутствіи организованныхъ политическихъ партій и при непритязательности тогдашняго общественнаго мнѣнія, не было ничего невозможнаго въ совмѣщеніи этихъ двухъ призваній и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ, что ожиданія верховной власти въ значительной мѣрѣ сбылись, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что въ продолженіи долгаго періода правительство не отставало отъ общественнаго мнѣнія, не расходилось съ нимъ и не давало ему перерастать себя.

Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ, достигнутый правительствомъ, зависѣлъ отъ трехъ условій: во первыхъ—отъ строгой разборчивости въ выборѣ членовъ совѣта [1]), во вторыхъ—отъ допущенія въ совѣщаніяхъ полной свободы мнѣній и самой серьезной критики министерскихъ проектовъ и административныхъ распоряженій [2]), въ третьихъ—отъ принятаго въ совѣтѣ порядка дѣлопроизводства, возлагавшаго на самихъ членовъ, а не на канцелярію, весь трудъ изготовленія, мотивированія и отстаиванія докладовъ, обсуждавшихся въ коммиссіяхъ и въ общемъ собраніи. [3])

Изъ этой, мастерски устроенной лабораторіи вышли тѣ органическіе законы и въ ней же выработаны были тѣ административные пріемы, которые дали возможность Пруссіи избѣгнуть общей опасности, грозившей всей западной Европѣ, и перейти, безъ слишкомъ крутаго перелома, отъ самодержавной формы правленія къ конституціонной.

На самыхъ первыхъ порахъ, новоучрежденному государственному совѣту довелось оправдать возлагавшіяся на него на-

---

[1]) Большинство перваго назначенія составилось изъ закаленныхъ на государственной службѣ, скромныхъ и надежныхъ дѣльцовъ, сотрудниковъ и учениковъ Штейна; рядомъ съ ними засѣдали люди науки, опытные дипломаты и нѣсколько военныхъ, выказавшихъ организаторскія способности. Тѣ же имена безъ сомнѣнія вышли бы первыми изъ избирательныхъ урнъ, если бы правительство предоставило выборъ народу.

[2]) Подъ отдѣльными мнѣніями, радикально расходившимися съ министерскими проектами, даже удостоившимися предварительно Высочайшаго одобренія, часто встрѣчались подписи наслѣдника престола и принцевъ крови. Это дѣлалось вѣроятно не безъ Высочайшаго разрѣшенія.

[3]) Нѣкоторые, недавно обнародованные доклады коммисій, отдѣльныя мнѣнія и журналы общихъ собраній совѣта, по глубинѣ и многосторонности разработки законодательныхъ вопросовъ, которымъ они посвящены, по богатству справокъ, по полнотѣ доводовъ и по мастерству изложенія, могли бы служить образцами въ любой странѣ, не исключая Англіи. Ближайшее съ ними ознакомленіе было бы и у насъ не безполезно, разумѣется не въ видахъ заимствованія готовыхъ результатовъ чужаго труда, а въ видахъ ближайшаго ознакомленія съ пріемами, которыми они достигаются. Мы наглядно поняли бы, что значитъ исчерпывать предметъ до дна.

дежды и показать себя на задачѣ первостепенной важности, именно на устройствѣ государственныхъ финансовъ. Въ этой области ощущалась неотложная надобность въ новой организаціи, такъ какъ прежній порядокъ вещей оказывался совершенно непримѣнимымъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ.

Границы Пруссіи, по трактату 1815 года, значительно раздвинулись на югъ и на западъ. Она вернула прежнія свои временно-отторгнутыя отъ нея владѣнія, лежавшія по лѣвую сторону Эльбы, Познанское герцогство, южную часть западной Пруссіи, Данцигъ и Торнъ и пріобрѣла вновь сѣверную Померанію, большую половину Саксонскаго королевства, наконецъ, въ Прирейнскомъ краѣ герцогство Нассауское, Бергское и нѣкоторыя области, отнятыя у Франціи; ея территорія захватила 5088 кв. миль, почти удвоилась противъ 1807 года (2867 кв. миль) и безъ малаго достигла прежняго размѣра до Тильзитскаго мира (5,718 кв. миль) [1]).

Во всякомъ случаѣ, Пруссія, по окончаніи войны, въ накладѣ не осталась; въ замѣнъ восточныхъ провинцій, сравнительно скудныхъ населеніемъ и средствами, она пріобрѣла самыя богатыя, густо населенныя, плодородныя и промышленныя области въ центрѣ Германіи и въ Прирейнскомъ краѣ, такъ что потеря на протяженіи территоріи болѣе чѣмъ вознаградилась качествомъ новыхъ ея пріобрѣтеній. Въ такомъ видѣ Прусское королевство всетаки не представляло собою округленнаго цѣлаго; оно распадалось по прежнему на двѣ разобщенныя между собою части: восточную и западную (Прирейнскую), раздѣленныя Ганноверскимъ королевствомъ и Кургессенскимъ герцогствомъ [2]). Этимъ обстоятельствомъ естественно затруднялось установленіе общей государственной таможенной линіи, однообразныхъ тарифовъ и вообще твердой торговой политики, въ чемъ обнаружилась настоятельная надобность, какъ только, съ упраздненіемъ континентальной системы, ожила внѣшняя торговля съ Англіею, куда и въ прежнее время сбывала Германія большую часть своихъ сырыхъ произведеній. На этотъ предметъ, естественно, должно было обратиться на первыхъ же порахъ вниманіе правительства. Не менѣе неотложною представлялась не-

---

[1]) Окончательно отошли отъ нея такъ называемая юговосточная и южная Пруссія (сѣверная и восточная части нынѣшняго Привислянскаго края).

[2]) Какъ извѣстно, этотъ перерывъ восполнился въ недавнее время, на нашихъ глазахъ, въ 1866 г.

обходимость принять и ввести правильную систему внутреннихъ налоговъ. Средства правительства и доступные ему предметы обложенія значительно увеличились и умножились вслѣдствіе расширенія государства, но самымъ свойствомъ этихъ предметовъ и разнохарактерностью частей, вошедшихъ вновь въ составъ Пруссіи, крайне затруднялось, почти до невозможности, примѣненіе къ нимъ старыхъ пріемовъ, выработанныхъ въ коренныхъ областяхъ восточной Пруссіи...

КРИТИКА

И

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НАРОДНОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Теорія биржевыхъ кризисовъ.

К. К. Гаттенбергеръ, Вѣнскій кризисъ 1873 года. Спб. 1877 г.

Съ сочиненіями проф. Гаттенбергера особенно пріятно встрѣчаться всякому, кто дорожитъ успѣхами экономической науки въ Россіи. Въ этихъ сочиненіяхъ мы всегда имѣемъ дѣло съ авторомъ, который умѣетъ вызвать уважаніе къ себѣ уже однимъ количествомъ возлагаемаго имъ на себя труда. Съ замѣчательною полнотою онъ всегда усваиваетъ результаты разработки его спеціальности въ заграничныхъ странахъ,—неутомимо собираетъ фактическій матеріалъ по отдѣльной задачѣ, которую выбираетъ предметомъ своего изслѣдованія,—не останавливается ни предъ какими затрудненіями тщательной обработки собраннаго матеріала, какъ бы эта обработка не была тягостна и утомительна. Къ этому присоединяется еще, что г. Гаттенбергеръ весьма удачно выбираетъ задачи для своихъ изслѣдованій. Такъ онъ еще въ 1870 году, при самомъ печальномъ положеніи нашей банковой статистики, разработалъ вопросъ „*О вліяніи русскаго законодательства на производительность торговаго банковаго кредита*;" въ 1873 году издалъ „*Биржевыя операціи и законодательство*" и лѣтомъ прошлаго года выпустилъ свой новѣйшій трудъ *о вѣнскомъ кризисѣ 1873 года*. Особенное преимущество г. Гаттенбергера составляетъ то, что кромѣ глубокихъ спеціальныхъ свѣдѣній онъ обладаетъ обширною философскою подготовкою, явственно дающею себя замѣтить въ сочувствіи теоретическимъ вопросамъ, всегда стоящимъ на первомъ планѣ въ его сочиненіяхъ. Наконецъ г. Гаттенбергеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ еще рѣдкихъ у насъ ученыхъ, которые, усваивая себѣ результаты заграничныхъ изслѣдованій и работая надъ опытомъ западно-европейскихъ народовъ, изучили и условія русской жизни; читатель книгъ г. Гаттенбергера, поэтому, всегда въ нихъ найдетъ массу указаній, которыя имѣютъ, если не прямое, то косвенное значеніе для вопросовъ нашего отечественнаго экономическаго быта.

При несомнѣнныхъ достоинствахъ, сочиненіямъ г. Гаттенбергера не чужды и недостатки. Такъ какъ эти сочиненія не нуждаются въ нашемъ панегирикѣ, то мы позволимъ себѣ быть односторонними и огра-

ничимся въ нашемъ разборѣ одними только тѣми частями изслѣдованія о Вѣнскомъ кризисѣ 1873 года, съ которыми мы не согласны. Надѣемся, что это не будетъ истолковано въ смыслѣ неуваженія къ почтенному писателю.

Уже въ „введеніи,“ которымъ г. Гаттенбергеръ начинаетъ свое изслѣдованіе и въ которомъ онъ излагаетъ свои общіе руководящіе взгляды, мы встрѣчаемъ два крупные повода къ разногласію. Первый заключается *во взглядѣ автора на то, что составляетъ сущность кризиса вообще.* По справедливому замѣчанію автора (стр. 4), для того, „чтобы имѣть основаніе называть извѣстный комплексъ явленій кризи-„сомъ, нужно указать на признакъ, принадлежащій *только имъ* и отли-„чающій ихъ отъ другихъ явленій, вызываемыхъ *нормальнымъ* разви-„тіемъ народнаго хозяйства.“ На стр. 5 читаемъ: „Какъ бы тщательно „мы ни сравнивали явленія, наполняющія кризисъ, съ явленіями *нор-„мальнаго* времени, мы находимъ *только одинъ* признакъ, отличающій „кризисъ отъ нормальнаго времени: *уменьшеніе хозяйственныхъ оборотовъ*“. Такъ какъ это опредѣленіе кризисовъ—новое, то авторъ доказываетъ, что оно лучше, нежели то опредѣленіе, которое считаетъ банкротства (особенно значительное ихъ количество) главнымъ признакомъ кризисовъ. По мнѣнію г. Гаттенбергера „пріостановленія платежей, несостоятельности, банкротства“ суть „каждодневныя явленія“ и потому не могутъ „характеризовать“ кризиса; противъ мнѣнія, что „громадное“ число банкротствъ - существеннѣйшій признакъ кризиса, авторъ приводитъ то, что приверженцы означеннаго мнѣнія „вмѣстѣ съ тѣмъ при-„знаютъ, что кризисъ отличается отъ нормальнаго времени только количествомъ.“ На этомъ основаніи авторъ полагаетъ, что „количество „банкротствъ не можетъ служить основаніемъ *по своей неопредѣленности.*“ Свой же собственный критерій авторъ считаетъ „*весьма точнымъ* признакомъ.“—Намъ кажется, что какъ съ новымъ опредѣленіемъ автора, такъ и съ его аргументаціею противъ банкротствъ, какъ признака кризисовъ, врядъ-ли возможно согласиться. Прежде всего авторъ не замѣтилъ, что всѣ его доводы противъ критерія, представляемаго банкротствами, въ одинаковой мѣрѣ примѣнимы и къ его собственному критерію. „Уменьшеніе оборотовъ“—выраженіе не болѣе опредѣленное, чѣмъ „громадное количество банкротствъ.“ Далѣе: уменьшеніе оборотовъ совсѣмъ не есть „признакъ, принадлежащій *только* кризисамъ“; оно возможно въ „нормальное“ время и не всегда ведетъ къ разстройству народнаго хозяйства. Наконецъ, авторъ не замѣтилъ, что уменьшеніе оборотовъ бываетъ возможно безъ банкротствъ и въ соединеніи съ банкротствами. Извѣстно, что *прежде*, чѣмъ обанкротиться, очень часто тотъ, кому это несчастіе угрожаетъ и кто отъ него желаетъ защититься, сокращаетъ свои обороты, и *только потомъ*, когда это не помогаетъ, объявляетъ себя несостоятельнымъ. Слѣдовательно, если авторъ считаетъ уже одно только уменьшеніе оборотовъ достаточнымъ указателемъ кризиса, то этимъ онъ не только *не возражаетъ* противъ указателя, представляемаго банкротствами, но *его еще усиливаетъ*. Всѣ эти возраженія мы дѣлаемъ, оставаясь на точкѣ зрѣнія г. Гаттенбергера. Однако, сама эта точка зрѣнія совсѣмъ не удовлетворяетъ всѣмъ научнымъ

требованіямъ. Г. Гаттенбергеръ, кажется, *смѣшалъ симптомы кризиса съ его сущностью.* Какъ банкротства, такъ и уменьшеніе оборотовъ составляютъ лишь симптомы, наружные видимые признаки, по которымъ мы судимъ о наступленіи кризиса. *Заключается-же* онъ, по давнишнему опредѣленію науки, въ *нарушеніи равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ.* Г. Гаттенбергеру знакома литература о кризисахъ; онъ поэтому отмѣчаетъ на стр. 17 — 18 фактъ: „достаточно разсмотрѣть извѣстнѣйшія сочиненія о кризисахъ, чтобы убѣдиться, что, „не смотря на различныя обозначенія, вездѣ идетъ рѣчь объ одномъ— „о несоразмѣрности между производствомъ и потребленіемъ.“ Этотъ фактъ авторъ только сообщаетъ своему читателю, но самъ онъ его не принялъ къ свѣдѣнію и совершенно напрасно побрезгалъ готовымъ результатомъ науки [1]).

Второй поводъ къ недоразумѣніямъ мы встрѣчаемъ въ *методологическихъ пріемахъ автора.* О нихъ г. Гаттенбергеръ говоритъ пространно во второй половинѣ своего „введенія“. Къ сожалѣнію мы о нихъ должны сказать, что они у нашего автора на словахъ—одни, а на дѣлѣ—совершенно иные. По намѣреніямъ они превосходны и совершенно согласны со взглядами, упрочившимися въ наукѣ. Извѣстно, что указываемыя *теоріею* причины различныхъ явленій, въ отдѣльныхъ *конкретныхъ* случаяхъ дѣйствительной жизни, могутъ парализоваться или усиливаться другими причинами, неизвѣстными или лишь отчасти извѣстными. Потому въ экономической наукѣ издавна принято считать *лишь условными* объясненія *конкретныхъ* случаевъ *на основаніи теоріи*; объясненія эти считаются вѣрными съ оговоркой: *если* въ данномъ случаѣ дѣйствовали однѣ только указываемыя теоріею причины. Согласно съ этимъ г. Гаттенбергеръ говоритъ, что и онъ указываетъ лишь на „возможныя“ (*вѣроятныя*) причины вѣнскаго кризиса 1873 г., т. е.: на причины, которыя *теоретически* (по указаніямъ науки на ихъ природу) могли произвести кризисъ, но *фактически* могли (по конкретнымъ условіямъ даннаго случая) быть парализованы обстоятельствами, ускользающими отъ изслѣдованія.

Если бы г. Гаттенбергеръ постоянно придерживался этихъ взглядовъ, то его трудъ былъ бы свободенъ отъ многихъ существенныхъ ошибокъ. Но для этого его главнѣйшею опорою долженъ былъ бы быть *логическій анализъ.* Между тѣмъ на дѣлѣ г. Гаттенбергеръ совершенно игнорируетъ „логическій методъ“ и его результатамъ всегда предпочитаетъ *грубыя показанія* непосредственныхъ *эмпирическихъ* наблюденій, научно совсѣмъ *не проанализированныхъ!* Изъ этихъ-то наблюденій онъ подбираетъ отдѣльные случаи, опирается лишь на то, что подобные случаи „возможны“, а потому и даваемое на ихъ основаніи объясненіе —„воз-

---

[1]) Кажется, авторъ пренебрегъ научнымъ критеріемъ, потому что онъ недостаточно въ него вдумался. На одной и той же стр. 18 г. Гаттенбергеръ сначала говоритъ, что по мнѣнію всѣхъ ученыхъ, кризисъ *заключается* въ несоотвѣтствіи между производствомъ и потребленіемъ, а потомъ говоритъ, что это несоотвѣтствіе—*причина* кризиса; на стр. 150 однако авторъ болѣе правильно объясняетъ, что *причина* кризиса—*чрезмѣрное* производство.

можное“. Авторъ очевидно смѣшиваетъ грубо-эмпирическую возможность всякихъ казусовъ съ возможностью въ смыслѣ вѣроятности, которую за себя имѣютъ объясненія теоріи. Такъ напримѣръ, авторъ желаетъ объяснить антогонизмъ интересовъ, обыкновенно усиливающійся предъ кризисами, раздѣленіемъ труда (стр. 106—107). Для этого онъ не руководствуется научнымъ понятіемъ о раздѣленіи труда; для него повидимому даже совсѣмъ не существуетъ вопроса о различіи между *принципомъ* этого явленія, выведеннымъ изъ научнаго анализа, и *фактами*, въ которыхъ оно проявляется въ отдѣльныхъ случаяхъ. Оттого авторъ непосредственно обращается къ этимъ отдѣльнымъ случаямъ. Вотъ они: „строитель плохихъ домовъ на продажу не заботится объ интересахъ будущихъ владѣльцевъ, а о продажѣ домовъ; оптовикъ покупаетъ гнилой ситецъ, не обращая вниманія на потребителей, если только этотъ товаръ имѣетъ сбытъ; баба, набравшая клюквы и принесшая ее на базаръ, заботится также только о продажѣ товара, не обращая вниманія на то, портитъ-ли клюква желудки покупателей или нѣтъ... И такъ во всемъ“, заключаетъ нашъ авторъ. Послушать его, можно было бы подумать, что приведенныхъ фактовъ до него еще никто не зналъ. Извѣстно, однако, что они давно уже подмѣчены и даже уже проанализированы наукою. Анализъ-то и привелъ къ заключенію, что раздѣленіе труда—само по себѣ, а строители плохихъ домовъ, продавцы гнилаго ситцу и торговки скверною клюквой—сами по себѣ. Мы не знаемъ, почему г. Гаттенбергеръ этого анализа не признаетъ и должны лишь констатировать, что при всей научности его изслѣдованія въ семъ послѣднемъ раздѣленіе труда безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій и на основаніи приведенныхъ „фактовъ“ тоже числится одною изъ „возможныхъ“ причинъ вѣнскаго кризиса. На основаніи подобныхъ же „фактовъ“ и тѣмъ же ненаучнымъ пріемомъ (который сводится къ совершенному отрицанію *логическаго анализа*, какъ главнаго метода экономическаго изслѣдованія) авторъ, какъ мы ниже увидимъ, возвелъ въ „возможныя“ причины кризиса природу акціонерной компаніи, установленія цѣнъ и спекуляціи, т. е. всѣ основныя категоріи, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло въ своемъ изслѣдованіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, мы встрѣчаемся съ отсутствіемъ теоретическаго представленія о причинѣ, которою объясняется данное явленіе, а потому и съ полнѣйшимъ отсутствіемъ *теоретической* вѣроятности объясненія.

Отъ „введенія“ обращаемся къ поводамъ разногласія, которые мы встрѣчаемъ въ самомъ изслѣдованіи вѣнскаго кризиса 1873 года.

Впереди мы поставимъ замѣчанія, касающіяся обстоятельства, упущеннаго авторомъ изъ виду, хотя оно имѣетъ первостепенную важность для всего поля, которое авторомъ разработано. Явленія, отличающія періоды, которые оканчиваются кризисомъ, обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, особою группою признаковъ, выражающихъ *исключительное и необычайное настроеніе* всего народнаго хозяйства въ упомянутые періоды. Г. Гаттенбергеръ *совершенно упускаетъ изъ виду* это обстоятельство и лишаетъ себя возможности правильно объяснить причинную связь между многими описываемыми имъ явленіями.

Извѣстно, что „настроеніе“ народнаго хозяйства выражаетъ сумму

постороннихъ (не экономическихъ) вліяній, которыя на производство, распредѣленіе и потребленіе богатства оказываются со стороны окружающей ихъ духовной атмосферы: болѣе или менѣе вѣрными или ошибочными понятіями людей, большею или меньшею ихъ честностью, энергичностью, уступчивостью, способностью и готовностью увлекаться новымъ, соціальными и политическими порядками и т. д. Настроеніе — главный факторъ, опредѣляющій, какъ „темпъ" экономической дѣятельности, такъ и „гармонію или дисгармонію" интересовъ, относящихся къ означенной дѣятельности. Въ періоды, оканчивающіеся кризисами, въ отличіе отъ „нормальныхъ" періодовъ, происходятъ очень значительныя перемѣны въ обоихъ упомянутыхъ отношеніяхъ. Темпъ экономическихъ явленій сильно ускоряется; взаимныя же отношенія между различными интересами начинаютъ отличаться самымъ рѣзкимъ антагонизмомъ и дисгармоніею. Ускореніе „темпа" выражается въ дѣятельности сначала лихорадочной, потомъ горячечной, доводящей людей до всеобщаго умопомраченія, и порождающей массу неисполнимыхъ проектовъ, выростающихъ, какъ грибы послѣ дождя, съ чрезмѣрною поспѣшностью. Рѣзкій же антогонизмъ интересовъ выражается деморализаціею, сказывающейся въ массѣ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій чужими интересами.

То же самое случилось и предъ вѣнскимъ кризисомъ 1873 года. Оттого г. Гаттенбергеру приходилось объяснить, гдѣ причина массы проявившихся тогда невыполнимыхъ проектовъ и массы обнаружившихся тогда же злоупотребленій чужими интересами. Но, какъ сказано, авторъ совершенно *забылъ* о томъ значеніи, которое „настроеніе" силъ народнаго хозяйства имѣетъ для ихъ конкретныхъ результатовъ во всякую данную эпоху и во всякомъ данномъ мѣстѣ. Оттого онъ долженъ былъ разыскать другую причину указанныхъ явленій. Такую „возможную" причину, по его мнѣнію, и представляетъ „законъ трудо-раздѣльнаго хозяйства", по которому (стр. 106), „съ момента возникновенія раздѣленія труда интересы производителя и потребителя перестаютъ совпадать", вслѣдствіе чего „интересы учредителя и акціонера *могутъ* другъ другу даже противорѣчить". А потому раздѣленіе труда — „возможная" причина, по которой учредитель злоупотребляетъ интересами акціонера; потому-же оно „возможная" причина злоупотребленій, которыя предшествовали вѣнскому кризису 1873 года. Что же касается невыполнимыхъ проектовъ, то они основаны на „ошибкахъ въ разсчетѣ" (стр. 150), „ошибкахъ, необходимыхъ (?) во *всякомъ* разсчетѣ"; а *шансъ* для ошибокъ, то есть опять таки „возможность" ошибокъ очень усиливается, когда раздѣленіе труда принимаетъ большіе размѣры и это увеличиваетъ разстояніе между производителемъ и потребителемъ (стр. 156 — 157). Такимъ образомъ, чтобъ обойти прямую причину, г. Гаттенбергеръ долженъ былъ прибѣгнуть къ игрѣ „возможностями", и это косвеннымъ путемъ привело его къ причинѣ, которая въ концѣ-концовъ ровно ничего не объясняетъ. Авторъ очевидно не замѣтилъ, что его разсужденіе лишь прикрываетъ неопредѣленною фразою незнаніе непосредственныхъ причинъ, вызывающихъ при раздѣленіи труда въ однихъ случаяхъ согласіе интересовъ, въ другихъ—вражду ихъ, въ однихъ—правильный расчетъ, въ другихъ — ошибочный. Если обособленіе интересовъ безразлично

относится къ „возможной“ ихъ враждѣ и къ „возможному“ ихъ согласію, то значитъ *не отъ него* зависитъ ни одна, ни другая „возможность“. Также точно, если усложненіе отношеній между производителемъ и потребителемъ примиряется съ правильнымъ и съ ошибочнымъ расчетомъ, то значитъ *не въ немъ* корень ни правильности, ни неправильности. Г. Гаттенбергеръ полагалъ, видимо, что достаточно одного лишь знанія „законовъ трудо-раздѣльнаго хозяйства“ для объясненія такихъ сложныхъ явленій, какъ *понятія* учредителя о томъ, что составляетъ его интересъ, и *нравственныя качества* того-же учредителя, при которыхъ „каждый надѣется, что не онъ останется въ дуракахъ, а его товарищъ (стр. 106). Однако нравственныя и умственныя особенности людей, зависятъ не отъ однихъ только экономическихъ законовъ; напротивъ конкретное проявленіе (die wirkliche Gestaltung) этихъ законовъ само очень сильно зависитъ отъ умственныхъ и нравственныхъ особенностей людей. Поэтому одними только экономическими причинами нельзя объяснить всего, что происходитъ предъ кризисами. Волею-неволею приходится прибѣгать къ соотношенію между экономическими и остальными условіями общественной жизни. Не обращая вниманія на это соотношеніе, г. Гаттенбергеръ упустилъ изъ виду слѣдующее важное начало: экономическій законъ и экономическое учрежденіе, характвризующіе высшую степень развитія народнаго хозяйства, предполагаютъ для своего *успѣшнаго* дѣйствія, что и другія условія жизни вполнѣ соотвѣтствуютъ *той-же высшей* степени развитія; напротивъ, когда соотвѣтствія нѣтъ, то это не останется безъ послѣдствій: дѣйствіе экономическаго закона или учрежденія будетъ видоизмѣнено, оно будетъ отчасти или совершенно безуспѣшное, но очевидно не по винѣ самаго закона или учрежденія. Уже въ обыденныя времена можно наблюдать факты подобнаго несоотвѣтствія. Къ нимъ относятся и приведенныя выше „наблюденія“, на основаніи которыхъ г. Гаттенбергеръ судитъ о раздѣленіи труда. Въ этихъ примѣрахъ мы тоже видимъ, что интересы покупателей плохихъ домовъ, гнилаго ситца и дрянной клюквы страдаютъ болѣе или менѣе чувствительно отъ того, что умственныя и нравственныя качества продавцевъ не соотвѣтствуютъ положенію, въ которое ихъ ставитъ раздѣленіе труда. Уже для обыденнаго времени приходится признавать, что основныя экономическія учрежденія нашей эпохи,—широко развѣтвившееся раздѣленіе труда, свободное соперничество, громадное обиліе капиталовъ, обширныя ихъ ассоціаціи, крупныя формы производства, кредитъ, спекуляція—все это представляетъ механизмы, для которыхъ нужны, такъ сказать, болѣе нѣжныя руки, болѣе свѣдущія, просвѣщенныя, осторожныя и благоразумныя головы, болѣе ровные и устойчивые характеры — договоримъ до конца — болѣе строгіе нравственные принципы, чѣмъ какими обладаетъ большинство людей даже самыхъ образованныхъ, въ состоятельныхъ слояхъ современнаго человѣчества. Экономическія учрежденія—нѣчто въ родѣ громадныхъ крыльевъ, которыхъ размѣръ не соотвѣтствуетъ величинѣ мельницы, ими работающей. Оттого уже въ обыкновенное время мельница скрипитъ, даетъ невсегда хорошій продуктъ и вообще можетъ подавать поводъ теоретику къ критикѣ, а практику—къ жалобамъ. Но въ обыкновенное время равновѣсіе, если оно и не устойчивое, все-таки не на-

рушается вслѣдствіе ровности противуположныхъ колебаній. Человѣчество думаетъ не только о матеріальномъ обогащеніи, заботится и о другихъ сторонахъ жизни и этимъ-то ровность колебаній поддерживается.

Иное происходитъ, когда въ какую-либо исключительную эпоху населеніе какой нибудь страны становится рѣзко одностороннимъ. Г. Гаттенбергеръ совершенно упустилъ изъ виду, что всѣ періоды, оканчивающіеся кризисами, всегда начинаются такою односторонностью. Періода, въ которомъ замкнуты причины кризиса, нашъ авторъ видимо не представляетъ себѣ достаточно ясно; поэтому онъ не указываетъ, чѣмъ этотъ періодъ начинается и (какъ мы ниже увидимъ) чѣмъ онъ кончается. Начало такого періода заключается всегда *въ открытіи новыхъ условій для помѣщенія капитала, а потому новаго источника благосостоянія для страны и обогащенія для болѣе или менѣе значительной массы отдѣльныхъ лицъ*. Это-то открытіе и дѣлаетъ эпоху—исключительною, а людей сильно-односторонними. Новые источники богатства отличаются двумя качествами: они обильны и они мало знакомы. То и другое дѣйствуетъ на людей, раздражая и разжигая ихъ. Всякому кажется, что достаточно протянуть къ новому источнику руки и черезъ ночь нищій превратится въ богача. Отдѣльные примѣры еще больше возбуждаютъ людей. И вотъ дѣйствительно всѣ жадно начинаютъ протягивать руки, алчность разгарается у великихъ и малыхъ; страсть корысти всѣхъ ослѣпляетъ и становится единственнымъ стимуломъ дѣятельности. Всѣ остальные стимулы парализуются. Нарушается то равновѣсіе между различными двигателями воли, которое выражаетъ свободу разумной дѣятельности. Исчезаетъ та ровность колебаній общественной жизни между экономическою и иными областями, которая въ обычное время не даетъ первой сильнаго перевѣса надъ остальными. Одностороннее возбужденіе страсти корысти усиливаетъ горячечныя заботы объ увеличеніи только матеріальнаго богатства. Всѣ бросаются работать надъ увеличеніемъ одних только крыльевъ у мельницы, о которой мы выше говорили. Не соображаютъ, что она не вынесетъ ихъ тяжести и вмѣстѣ съ ними рухнется, особенно если движеніе усилится. А между тѣмъ объ ускореніи движенія крыльевъ заботятся столько-же, сколько объ ихъ увеличеніи. Понятно, что такое состояніе вѣчно продолжаться не можетъ и кризисъ его заканчиваетъ. Но, разбирая причины кризиса, умѣстно-ли будетъ, если мы станемъ вдаваться въ разсужденія о частностяхъ, какъ были устроены крылья, и совершенно забудемъ о всей мельницѣ? А въ такія расужденія г. Гаттенбергеръ и вдается преимущественно. Онъ винитъ раздѣленіе труда и ниже мы увидимъ, что онъ винитъ и природу акціонерныхъ компаній, и механизмъ установленія цѣнъ на акціонерныя бумаги и механизмъ спекуляціи. Онъ забываетъ маленькое: что всѣ эти механизмы дѣйствуютъ также и въ періоды, которые не оканчиваются кризисами. Значитъ не въ нихъ сила. А говоря лишь объ нихъ, авторъ (за однимъ исключеніемъ, о которомъ—ниже) упускаетъ изъ виду то, въ чемъ собственно заключается вся сила. Такимъ же образомъ онъ упускаетъ изъ виду дѣйствительно существенное, когда онъ мягко-снисходительно говоритъ, что одна „доля кризиса есть результатъ злоупотребленій“, а другая—„результатъ оши-

бочнаго расчета“ (стр. 151). Злоупотребленія и ошибочные расчеты— „каждодневныя явленія“, какъ говоритъ нашъ авторъ о банкротствахъ (стр. 5); а если онъ на этомъ основаніи не въ банкротствахъ желалъ видѣть признакъ кризиса, а въ чемъ либо болѣе характеристичномъ (ib.), то почему онъ мягче готовъ уже каждодневныя злоупотребленія и ошибочные расчеты считать достаточными для объясненія кризиса? Кризисы вызываются не просто „злоупотребленіями“, а достигающею крупныхъ размѣровъ *деморализаціею цѣлыхъ слоевъ населенія.* Кризисы вызываются не „ошибочными расчетами“, а *всеобщимъ умопомраченіемъ* тѣхъ-же слоевъ. Вопреки своей обычной осторожности нашъ авторъ утверждаетъ (стр. 150), что „кризисъ не есть продуктъ мошенничества и обмана учредителей, онъ *можетъ* произойти въ средѣ образцово-добродѣтельныхъ людей“. Но даже допуская, что кризисъ можетъ произойти и въ средѣ образцово-добродѣтельныхъ людей, замѣтимъ, что если авторъ имѣлъ въ виду противуположное мнѣніе ученыхъ (напр. Шеффле), то вѣдь таковые не считаютъ обмана и мошенничества единственною причиною кризиса. А изъ того, что на образцово-добродѣтельныхъ людей можетъ находить умопомраченіе, конечно, не слѣдуетъ, что дозволительно игнорировать обманъ и мошенничество, какъ причину кризиса: безъ нихъ вѣдь невозможны злоупотребленія, которыя и по мнѣнію нашего автора отчасти вызываютъ кризисъ. Намъ кажется, что по поводу такой деморализаціи и такого умопомраченія, какіе предшествовали вѣнскому кризису 1873 года, совершенно неумѣстно вспоминать, что errare humanum est, или даже утверждать, что „пока *человѣческая природа* останется тою-же, пока дѣйствія человѣка будутъ ошибочны, до тѣхъ поръ народныя хозяйства *отъ времени до времени* будутъ подвергаться кризисамъ“ (стр. 150). „Человѣческая природа остается тою-же“ и „человѣческія дѣйствія ошибочны“ *не только* „отъ времени до времени“, а *всегда*; отчего-же кризисы появляются *только* „отъ времени до времени“? Авторъ забылъ, что одни и тѣ-же объясненія не годятся для ошибокъ маленькихъ, будничныхъ, „неизбѣжныхъ во всякомъ расчетѣ“, и для тѣхъ колосальныхъ абсурдовъ, которые предшествуютъ кризисамъ. Вѣдь человѣчество не всегда живетъ въ чаду погони за одними только барышами. Неужели-же только тогда, когда его охватываетъ этотъ чадъ, начинаетъ сказываться настоящимъ образомъ „человѣческая природа“? Г. Гаттенбергеръ этого, конечно, утверждать, не станетъ; тогда онъ можетъ оставить въ покоѣ абстрактную „человѣческую природу“, какъ ровно ничего не объясняющую въ дѣлѣ кризисовъ.

Переходимъ ко взгляду разбираемаго автора на акціонерную компанію. Г. Гаттенбергеръ полагаетъ, что „структура акціонерной компаніи“ тоже одна изъ „возможныхъ“ причинъ кризиса, потому что „*возможность* злоупотребленій въ акціонерномъ хозяйствѣ лежитъ въ самой структурѣ компаніи„ (стр. 130). Но г. Гаттенбергеръ дѣлаетъ это теоретическое заключеніе не изъ логическаго анализа структуры компаніи. Такимъ анализомъ онъ совсѣмъ и не занимается. Оттого авторъ не объясняетъ намъ, какъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что возможность злоупотребленій лежитъ именно „въ структурѣ компаніи“, а не въ тѣхъ людяхъ, которые ею злоупотрелбяютъ? Что общаго между механизмомъ

ассоціаціи капиталовъ и тѣми умственными и нравственными свойствами людей, которыя нужны для злоупотребленій чѣмъ-бы то ни было? *Развѣ безъ этихъ свойствъ акціонерная компанія перестаетъ быть механизмомъ ассоціаціи капиталовъ?* Очевидно, нѣтъ. А между тѣмъ не менѣе очевидно, что г. Гаттенбергеръ долженъ былъ *включить* означенныя свойства въ „самую структуру акціонерной компаніи", чтобъ построить свой взглядъ. Но авторъ этого не замѣтилъ, руководясь своимъ ненаучнымъ пріемомъ — не заботиться объ анализѣ и довольствоваться одними лишь эмпирическими наблюденіями. Охотно признаемъ, что акціонерной компаніею легко злоупотреблять, особенно спеціалистамъ по этой части. Но чѣмъ же компаніи виноваты, если оказываются „спеціалисты", все превозмогающіе? Кассирамъ, обворовывающимъ своихъ хозяевъ, тоже очень легко достигать своей цѣли. Неужели-же причина этого не въ томъ, что кассиры — воры, а въ структурѣ кассы, какъ особаго учрежденія?

Чтобъ доказать свою мысль, г. Гаттенбергеръ очень подробно описываетъ акціонерныя злоупотребленія. Но сообщивъ всю массу наблюденій, г. Гаттенбергеръ самъ сознается (стр. 131), что они ничего инаго не доказываютъ, кромѣ того, что злоупотребленія совершаются. Изъ приведенныхъ фактовъ, говоритъ онъ, „*вовсе не слѣдуетъ*, что акціонерная дѣятельность *заключается* въ злоупотребленіяхъ, что акціонерная форма служитъ *только* прикрытіемъ эксплоатаціи публики учредителями" и т. д.—Въ виду этого сознанія умѣстно замѣтить, что авторъ ошибается, когда онъ утверждаетъ, будто „*по сущности дѣла* акціонерная компанія основана на довѣріи къ правленію, а не на возможности контролировать правленіе *какимъ-нибудь* (?) образомъ". Большинство современныхъ компаній дѣйствительно, безконтрольны, но потому лишь, что большею частью акціонеры или только овцы, или волки и овцы, и тогда — понятно — волки господствуютъ надъ овцами. Акціонерное рабство *нашу эпоху* дѣйствительно очень рѣзко характеризуетъ; но оно обусловливается структурою тѣхъ субъектовъ, которые покупаютъ себѣ акціи, чтобъ отдаваться въ кабалу. Всего-же менѣе со стороны „структуры акціонерной компаніи" встрѣтятся препятствія, когда общественные слои, къ которымъ принадлежатъ акціонеры, начнутъ заботиться о развитіи и распространеніи въ ихъ средѣ: интереса къ судьбѣ своего имущества, мужества для борьбы съ милліонерами, высопоставленными чиновниками и титулованными особами, сидящими въ правленіяхъ, которыя нужно контролировать, и будутъ пріобрѣтать знанія, необходимыя для контроля.

Чуть-ли не самый цѣнный для науки результатъ, представляемый сочиненіемъ г. Гаттенбергера о вѣнскомъ кризисѣ, заключается въ его идеѣ, что „паралель между учредителями и акціонерами съ одной стороны, и *производителями* и потребителями съ другой, *полная*. Какъ въ „примитивной формѣ образованія акціонерныхъ компаній сами акціонеры „являются учредителями, такъ въ примитивномъ хозяйствѣ потребитель „продукта является и его производителемъ; въ учредительной формѣ „дѣятельность учредителей отдѣляется отъ дѣятельности акціонеровъ, въ „трудораздѣльномъ хозяйствѣ производителемъ даннаго продукта является „одно лице, а потребителемъ другое" (стр. 154). Странно однако, что

авторъ, находя „паралель“ между производителемъ и учредителемъ, между потребителемъ и акціонеромъ, совершенно забываетъ въ приведенномъ мѣстѣ о томъ, что сверхъ областей производства и потребленія существуетъ еще третья область: *распредѣленія* (сбыта), имѣющая своихъ особыхъ представителей съ самостоятельными интересами. Крупнѣйшая и важнѣйшая доля этихъ представителей, какъ извѣстно, суть спекулянты. Отчего-же г. Гаттенбергеръ забылъ упомянуть о спекулянтѣ, говоря объ учредителѣ и акціонерѣ? Прибавимъ, что онъ *нигдѣ* не противупоставляетъ спекулянта учредителю и акціонеру. Но объ этомъ обстоятельствѣ онъ совсѣмъ никакого сознательнаго отчета себѣ не отдаетъ, что̀ не осталось безъ послѣдствій для правильности его сужденій.

Въ приведенномъ только-что мѣстѣ г. Гаттенбергеръ говоритъ объ учредителѣ, какъ о „паралели“ *производителю*; но во всей остальной книгѣ авторъ говоритъ объ учредителѣ, какъ о *спекулянтѣ*, и это гораздо болѣе соотвѣтствуетъ фактамъ. Суть въ томъ, что авторъ совсѣмъ не поставилъ себѣ вопроса: что такое учредитель, разсматриваемый, какъ дѣятель только по производству „доходныхъ помѣщеній“? Еслибъ авторъ себѣ поставилъ этотъ вопросъ, то онъ замѣтилъ-бы, что онъ *слишкомъ поспѣшилъ* всецѣло и *безъ оговорокъ* примѣнить къ цѣннымъ бумагамъ законъ обособленія интересовъ, вызываемый трудораздѣльнымъ хозяйствомъ. Въ настоящее время еще ни одно народное хозяйство не развилось до *полнаго* примѣненія этого закона къ цѣннымъ бумагамъ. Ибо за учредителемъ, разсматриваемымъ, только какъ производителемъ „доходныхъ помѣщеній“, еще не признается почти никакого значенія. Какъ таковой, учредитель является лишь авторомъ выгодной идеи, удачно составленнаго проекта. Но выгодныя идеи и удачные проекты большинство современнаго человѣчества совсѣмъ и неспособно еще разбирать. Поэтому авторы выгодныхъ идей и удачныхъ проектовъ, если они остаются *только* ихъ *производителями*, обыкновенно голодаютъ и умираютъ нищими. Современные-же учредители всего менѣе принадлежатъ къ страждущему разряду людей. *Вопреки* законамъ трудораздѣльнаго хозяйства, они не любятъ обособленія функцій и напротивъ *сливаютъ* въ своемъ лицѣ всѣ три функціи: производителя (автора выгодной идеи), спекулянта (дѣятеля по распредѣленію) и потребителя (крупнаго акціонера). Конечно они только фиктивные акціонеры, но, какъ мы увидимъ, они и въ область спекуляціи врываются чуждымъ элементомъ и сверхъ того совсѣмъ не они обыкновенно бываютъ „авторами выгодной идеи“ предпріятія, которымъ они ворочаютъ. Такимъ образомъ своею новою и дѣйствительно плодотворною идеею г. Гаттенбергеръ овладѣлъ не вполнѣ удачно. Подобно тому, какъ не замѣтивъ фактовъ „настроенія“ народнаго хозяйства, онъ упустилъ изъ виду одну изъ самыхъ коренныхъ причинъ кризиса, онъ, упустивъ изъ виду указываемое соединеніе фиктивныхъ ролей въ лицѣ учредителя, лишилъ себя возможности правильно судить о значеніи, которое для кризиса имѣетъ учредительство, какъ новый способъ устройства компаніи. Мы видѣли, какъ авторъ неправильно отнесъ къ раздѣленію труда и ассоціаціи капиталовъ то, что относится лишь къ настроенію предпріимчивости. Теперь мы увидимъ, что столь-же неправильно авторъ отнесъ къ механизмамъ спеку-

ляціи и установленія цѣнъ то, что онъ долженъ-былъ отнести къ совершенно иной причинѣ.

Опять и здѣсь мы должны отмѣтить, что читатель напрасно искалъ-бы въ разбираемой книгѣ какихъ-либо теоретическихъ сужденій о принципахъ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ г. Гаттенбергеръ усматриваетъ „возможныя" причины кризиса. Г. Гаттенбергеръ и въ этомъ случаѣ, руководясь своимъ ненаучнымъ пріемомъ, придерживается взглядовъ, самыхъ неопредѣленныхъ и притомъ противуположныхъ (срв. напр. стр. 154, 165, 106, 86 др.), чтобъ имѣть открытые выходы для ссылокъ на противоположныя грубо-эмпирическія возможности: *бываютъ-де* со спекуляціею и установленіемъ цѣнъ какъ разъ такіе случаи, какіе автору нужны для его „возможныхъ" объясненій. Объ анализѣ этихъ случаевъ нѣтъ и рѣчи.

Механизму спекуляціи авторъ дѣлаетъ слѣдующій упрекъ. „Спекулянтъ заботится лишь о выгодномъ сбытѣ и совсѣмъ не интересуется доходностью бумагъ, какъ выгоднымъ помѣщеніемъ для капитала", повторяетъ г. Гаттенбергеръ нѣсколько разъ. Но онъ, кажется, не замѣтилъ, что наблюденіе, вѣрно имъ сдѣланное, онъ отнесъ туда, гдѣ оно всего менѣе на своемъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что приведенный упрекъ, дѣйствительно, приходится дѣлать кому-то въ періоды предшествующіе кризисамъ; но кому именно? Этого нашъ авторъ не разобралъ, хотя онъ отлично констатируетъ факты, необходимые для правильнаго направленія упрека. Спекулянты суть дѣятели *по сбыту*. Сознавая это, мы уже должны ихъ отличать, какъ отъ производителей, такъ въ особенности отъ *потребителей*. Доходность въ цѣнныхъ бумагахъ непосредственное значеніе имѣетъ для тѣхъ, которые имѣютъ въ виду ею *пользоваться*, которые для этого являются на рынокъ, чтобы съ него *снимать* бумаги и таковыя *удерживать за собою*, какъ выгодное помѣщеніе для капитала. Короче: *непосредственное* значеніе доходность имѣетъ для *потребителей*, для акціонеровъ, а никакъ не для спекулянтовъ. „Насколько *сбытъ* акцій зависитъ отъ качества акціонернаго предпріятія" (стр. 155), настолько эти качества имѣютъ значеніе для спекулянта; непосредственнаго-же значенія сами по себѣ и ради себя-же эти качества для него *не должны* имѣть: на то онъ спекулянтъ, а не акціонеръ. Но въ періоды, предшествующіе кризисамъ и ими оканчивающіеся, наблюдается то любопытное явленіе, что *потребители теряютъ охоту быть потребителями*. Люди, которые въ обычное время спокойно покупаютъ себѣ цѣнную бумагу, если у нихъ на то имѣются стредства, въ упомянутые періоды получаютъ охоту „поспекулировать". Вслѣдствіе того *совсѣмъ неоказывается* того конечнаго пункта сбыта, на который главнымъ образомъ разсчитана спекуляція. Г. Гаттенбергеръ превосходно знаетъ этотъ фактъ и его констатируетъ такъ: „никто не пріобрѣтаетъ бумагъ ради дивиденда, всѣ—спекулянты, дѣйствительныхъ акціонеровъ нѣтъ" (стр. 148). Итакъ мы имѣемъ предъ собою спекулянтовъ, покупающихъ лишь для выгоднаго сбыта и непосредственно неинтересующихся доходностью, какъ помѣщеніемъ капитала, и публику-потребителей, тоже покупающихъ для выгоднаго сбыта и тоже неинтересующихся доходностью; покупки одного изъ этихъ двухъ разрядовъ опасны и дѣйствительно угрожаютъ

кризисомъ. Какому-же именно разряду мы должны приписать кризисъ, если онъ произойдетъ: тому-ли, который покупалъ для сбыта *потому*, что для этой цѣли *только* онъ и существуетъ, или другому, который покупалъ для сбыта, *вопреки* тому, что эта цѣль для него *совсѣмъ не должна* существовать? Нашъ авторъ этихъ вопросовъ себѣ не поставилъ достаточно ясно и оттого недоволенъ механизмомъ спекуляціи за то, что онъ дѣлаетъ свое настоящее дѣло. Смѣемъ думать, что при ближайшемъ разсмотрѣніи онъ вмѣстѣ съ нами признаетъ неправильность своего взгляда.

Механизмомъ установленія цѣнъ г. Гаттенбергеръ недоволенъ за то что въ примѣненіи къ акціямъ онъ будто-бы превращается въ выраженіе безграничнаго произвола. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ предметовъ, имѣющихъ цѣну, акціи, по убѣжденію г. Гаттенбергера, не подчиняются никакому общему началу. Ихъ цѣна устанавливается „совершенно искусственно"; ее „создаютъ" (стр. 84, 97, 98, 99, 104 и др.). На чемъ-же главнымъ образомъ держится приведенный взглядъ? На томъ, что на биржѣ возможна цѣна, которая будто-бы „*не можетъ* (?) опредѣляться доходомъ предпріятія, *потому что* этотъ доходъ еще не существуетъ, предпріятіе еще не открыто" (стр. 87). Авторъ очевидно въ этомъ случаѣ совершенно упустилъ изъ виду то, что онъ вполнѣ признаетъ, какъ фактъ, въ другихъ случаяхъ: значеніе для цѣны бумагъ не только ихъ прошлаго дохода, но и текущаго, ожидаемаго, будущаго. Авторъ забылъ, что моментъ времени, къ которому относится предметъ, о цѣнѣ котораго говорятъ, всего менѣе существенъ, когда идетъ рѣчь о спекуляціи; главнымъ образомъ ея операціи расчитаны именно на будущія цѣнности: на будущіе доходы, какъ на будущій хлѣбъ или хлопокъ, на будущее сало. Оттого существуютъ спекуляціи на бумаги, которыя въ данное время не приносятъ дохода, но отъ которыхъ въ будущемъ ожидается доходъ; если-же и въ будущемъ отъ нихъ дохода не ожидаютъ, то не спекулируютъ на нихъ. Оттого-же спекуляціи совсѣмъ и не нужно въ чемъ-либо измѣнять обычный механизмъ установленія цѣнъ. И безъ всякихъ перемѣнъ, подчиняясь общимъ началамъ, всегда дѣйствующимъ при установленіи цѣнъ на всѣ остальные предметы, механизмъ этого установленія можетъ возводить преміи на большую или меньшую высоту, если ожидаемая доходность высока. Г. Гаттенбергеръ утверждаетъ (стр. 107) что „въ товарной торговлѣ не можетъ быть *такого* уклоненія рыночной цѣны отъ достоинства продукта", какое замѣчается у бумагъ. Но онъ не объясняетъ, какою мѣрою или какими вѣсами онъ пользовался, опредѣляя у товаровъ и бумагъ способность ихъ рыночной цѣны уклоняться отъ ихъ достоинства. Изъ исторіи-же мы знаемъ: 1) что когда свирѣпствовали спекулятивныя горячки на хлопокъ, хлѣбъ, дома, сало и т. д., то ихъ цѣны тоже становились „бѣшеными"; 2) что если преміи на нѣкоторыя бумаги въ спекулятивную горячку возвышались до 200 или 300%, то и въ спокойное время бывали вполнѣ солидныя преміи, доходившія до 400% и болѣе (напр. въ Англіи нѣкоторыя акціи банковыя, страховыя, желѣзно-дорожныя и т. д.). Слѣдовательно сама по себѣ высота цѣны ровно ничего не доказываетъ. Суть не въ ней и не въ механизмѣ, которымъ она установляется. Не къ нему относятся и „манипуляціи", ко-

торыми по мнѣнію г. Гаттенбергера „создается“ цѣна бумагъ. Никакая цѣна не можетъ быть создана, создается только дѣйствительный или фиктивный ея объектъ: т. е. относительно бумагъ—солидная или обманчивая будущая доходность. Не можетъ также быть сдѣлано никакое „искусственное“ колебаніе цѣнъ, потому что никто ее не можетъ освободить отъ подчиненія спросу и предложенія. Поэтому тѣ, которые дѣйствительно производятъ манипуляціи, направляютъ ихъ на три пункта: на будущую доходность, на спросъ и на предложеніе.

До какой степени нашъ авторъ пренебрегаетъ анализомъ наблюденій, на которыхъ онъ строитъ свои взгляды, видно изъ мотива, которымъ на стр. 106 подкрѣпляется его мнѣніе, что механизмы спекуляціи и установленія цѣнъ должно считать „возможными“ причинами кризиса: „*въ механизмѣ, въ интересахъ спекулянтовъ нѣтъ препятствій для нелѣпыхъ учрежденій*“ говоритъ нашъ авторъ. Отдѣлимъ однако механизмъ отъ „интересовъ“. Въ механизмѣ спекуляціи „нѣтъ препятствій“ для нелѣпой дѣятельности человѣка? О какихъ-же „препятствіяхъ“ говоритъ авторъ: о такихъ, которыя дѣлаютъ нелѣпую дѣятельность *совершенно* невозможною? Очевидно, думать о нихъ—все равно, что заниматься алхиміею. Слѣдовательно, говорить можно только о такихъ препятствіяхъ, которыя *стремятся къ противудѣйствію* нелѣпостямъ. Но это качество есть и у спекуляціи. Если ее заставляютъ служить нелѣпостямъ, то она очень больно бьетъ человѣка по карману и такъ его раззоряетъ, какъ никакая иная причина. Значитъ, препятствія со стороны механизма спекуляціи существуютъ. Что-же касается „интересовъ спекулянта“, то вѣдь понятія о нихъ очень различны даже у спекулянта, смотря по тому, беремъ-ли мы его въ веселое время, предшествующее кризису, или въ печальное время, за кризисомъ слѣдующее. Въ веселое время спекулянтъ дѣйствительно имѣетъ такія понятія о своихъ интересахъ, что въ нихъ ничто „не препятствуетъ“ нелѣпостямъ, но почему? потому что онъ увлекается или вѣрнѣе: совсѣмъ боленъ — очень сильною горячкою. Какой-же больной имѣетъ ясное понятіе о своихъ интесахъ? Но *послѣ* кризиса спекулянтъ уже отлично понимаетъ, что въ его интересахъ было *очень много* препятствій не заниматься нелѣпостями, и оттого что онъ не обращалъ вниманія на эти препятствія, его интересы *сильно пострадали*: это онъ и понимаетъ, и чувствуетъ.

Мы устранили четыре „возможныя“ причины кризиса, на которыя г. Гаттенбергеръ указываетъ (въ природѣ раздѣленія труда, ассоціаціи капиталовъ, спекуляціи и установленіи цѣнъ) и вмѣсто нихъ указали лишь на общее настроеніе, овладѣвающее народнымъ хозяйствомъ при открытіи новыхъ условій благосостоянія. Настроеніе, какъ мы уже замѣтили, представляетъ соціально-психологическую основу кризиса. Но кризисъ имѣетъ и свою *чисто экономическую* почву. Оговоримъ прямо: *въ общемъ* эта, самая коренная, причина кризиса указана г. Гаттенбергеромъ правильно, но она у него обставлена весьма существенными неправильностями, она недостаточно ярко освѣщена и изложена ненаучно. Въ этомъ случаѣ особенно рѣзко бросается въ глаза, какъ много разбираемая книга теряетъ отъ того, что въ ней не изложены тѣ общія теоретическія данныя, изъ которыхъ авторъ исходитъ, когда онъ излагаетъ свое

сужденіе о причинахъ вѣнскаго кризиса 1873 года. Столько же разбираемая книга теряетъ и отъ другаго обстоятельства: авторъ вмѣстѣ не сгруппировалъ наиболѣе существенныхъ моментовъ хода спекуляціи цѣнными бумагами, чтобъ можно было ясно обозрѣть тотъ процессъ, который замыкается биржевымъ кризисомъ. Съ своей стороны мы постараемся пополнить эти пробѣлы.

Всякій кризисъ, всякое нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ, происходитъ лишь тогда, когда или производство, или потребленіе, или оба заразъ—*вышли изъ своей обычной колеи* и расширились или сократились безъ взаимнаго соотвѣтствія. Иногда производство, выходя изъ своей обычной колеи (подъ вліяніемъ неурожаевъ, войнъ и т. п. событій), *сокращается* въ то время, когда потребленіе не измѣняется. Тогда мы имѣемъ предъ собою случай нарушенія равновѣсія къ невыгодѣ потребленія и кризисъ послѣдняго. Такой кризисъ наблюдается во всѣ періоды голода. Хлопковый кризисъ, вызванный междуусобицею въ Соед. Штатахъ, тоже принадлежитъ къ этой категоріи. Подобныхъ кризисовъ цивилизованные народы въ наши времена всего менѣе боятся. Эти народы очень богаты капиталами и они могутъ скоро приводить свои массы капиталовъ въ тотъ видъ товаровъ, въ которыхъ потребленіе нуждается и на которые оно усилило свой спросъ.

Но *именно обиліе капиталовъ* [1]) въ связи съ современнымъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія цивилизованныхъ народовъ, вызываетъ особые кризисы, отъ которыхъ народы въ наши времена преимущественно и страдаютъ. Обиліе капиталовъ создаетъ почву для *ускореннаго* производства. Ускореніе-же производства отъ времени до времени ведетъ его къ *чрезмѣрности*. Смотря потому участвуетъ-ли или не участвуетъ *кредитъ* въ ускореніи производства, бываютъ *двѣ* причины чрезмѣрности, и потому два вида кризисовъ: 1) кризисы, коихъ основная экономическая причина—въ излишней массѣ *капитала вообще*, завязаннаго въ тѣхъ или иныхъ вѣтвяхъ промышленности: эти случаи возможны, хотя-бы кредитъ совсѣмъ не игралъ никакой роли; 2) кризисы, которыхъ главный корень заключается въ чрезмѣрности кредита.

Выяснимъ сначала сущность кризисовъ перваго рода. Производство существуетъ для потребленія. Поэтому раціональные предѣлы всякаго *увеличенія* производства опредѣляются тѣми данными, въ которыхъ выражается *увеличеніе* потребленія. Но для того, чтобъ потребленіе въ

---

[1]) Конечно, это выраженіе нужно понимать лишь въ относительномъ смыслѣ: *обиліе* всегда относится къ извѣстному времени, въ которое страна обнаруживаетъ больше капиталовъ, чѣмъ другія страны или чѣмъ у нея-же обнаруживалось въ предъидущія времена. Въ такихъ странахъ, какъ Австрія и Россія (отчасти даже Германія, особенно сѣверная, во всякомъ случаѣ сѣверо-восточная), обиліе капиталовъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ было временнымъ фактомъ, который обнаружился непосредственно послѣ распространенія въ названныхъ странахъ обширной сѣти кредитныхъ установленій, вызвавшихъ изъ мрака и сосредоточившихъ у себя капиталы, до того скрытые и расѣянные по различнымъ угламъ. (Въ Германіи обиліе капиталовъ вызвала и другая временная причина: 5 миллъярдная контрибуція).

странѣ могло расшириться, необходимо чтобъ страна создала себѣ новыя средства. Чего-бы ни касалось потребленіе: хлѣба-ли, или сахара, или хлопчато-бумажнаго товара и т. д., на его увеличеніе (если потребленіе иныхъ предметовъ и ихъ производство не сократились) требуются всегда новыя богатства.

Допустимъ, что *эти* богатства имѣются у потребителей. *Въ одно и тоже время одна и та-же сумма средствъ не можетъ находиться и у потребителей, и у производителей.* А между тѣмъ, очевидно, первые не захотятъ разстаться со своими средствами, пока имъ не дадутъ соотвѣтственнаго количества того товара, потребленіе котораго они желаютъ увеличить. Но для послѣдняго необходимо, чтобъ и производители имѣли *болѣе капиталовъ* для новыхъ затратъ.

Слѣдовательно всякое расширеніе производства и потребленія предполагаетъ: 1) что на соотвѣтственную сумму возросъ *капиталъ* страны, 2) что на такую-же сумму *доходы* потребителей возросли и могутъ быть затрачены на данный предметъ.

Необходимо, однако, различать двѣ категоріи случаевъ разсматриваемаго расширенія производства и потребленія.

Къ одной принадлежатъ случаи, когда предметъ потребленія такой, что на него спросъ, разъ онъ поднялся, предполагаетъ, что увеличеніе— *не временное только, а постоянное.* Такой случай мы имѣемъ, напримѣръ, когда въ странѣ увеличивается потребленіе сахара. Если страна получаетъ возможность вмѣсто 10 милл. пудовъ потреблять 12 милл. пудовъ, то это предполагаетъ, что въ будущемъ она *ежегодно* будетъ потреблять лишнихъ два милл. пудовъ, стоимостью, скажемъ, въ 20 милл. рублей. Для этого необходимо: 1) чтобъ у публики *ежегодно* во все слѣдующее время доходы возрасли на 20 милл. руб., 2) чтобъ у сахаро-заводчиковъ образовался капиталъ, необходимый на производство новыхъ 2 милл. пудовъ товара, для чего *единовременно* можетъ быть понадобиться и больше 20 милл. рублей.

Другую категорію образуютъ тѣ случаи, въ которыхъ рѣчь идетъ о предметѣ, коего потребленіе можетъ увеличиться *единовременно* съ тѣмъ, чтобъ въ слѣдующіе періоды оно *опять возвратилось къ своей прежней нормѣ* и чтобъ лишь по прошествіи перерыва опять явилась надобность или возможность увеличенія. Въ частномъ быту, напр., люди, не имѣющіе возможности особенно роскошничать, не обновляютъ каждый годъ своихъ мѣховыхъ вещей; на пріобрѣтеніе новой шубы только чрезъ извѣстные промежутки нужны особыя сбереженія. Такой-же точно примѣръ для цѣлой страны представляютъ компаніи. Обычная норма *ежегоднаго* учрежденія новыхъ компаній—сравнительно небольшая, но отъ времени до времени можетъ оказаться, что странѣ было-бы полезно единовременно увеличить число новыхъ компаній. Въ такой экстраординарный годъ будетъ выпущено больше акцій. Такъ какъ публика сама компаній не составляетъ, а сначала общества должны образоваться, капиталъ по нимъ долженъ быть внесенъ и лишь потомъ акціи разбираются публикою, то въ экстраординарный годъ потребуется: 1) чтобъ учредители и спекулянты располагали оборотными капиталами для устройства новыхъ компаній, 2) чтобъ у публики, изъ среды ко-

торой выйдутъ акціонеры, къ надлежащему времени образовалась соотвѣтственная тому капиталу сумма сбереженій или новыхъ богатствъ.

Не трудно замѣтить, какое соотношеніе существуетъ между указываемыми видами новыхъ, которые въ видѣ новыхъ капиталовъ и новыхъ доходовъ или сбереженій должны образоваться у производителей и потребителей. Новый доходъ въ 20 милл. руб., которые потребители сахара ежегодно будутъ расходовать, будетъ добавочною *выручкою* сахарозаводчиковъ за излишне-произведенные ими 2 милл. пудовъ товара; эта-то выручка будетъ *высвобождать и возстановлять* затраченный ими добавочный *капиталъ*. Также точно сбереженія, на которые дѣйствительные участники новыхъ компаній купятъ акціи, будутъ источникомъ, который *возстановитъ и высвободитъ* затраченный учредителями и спекулянтами оборотный ихъ *капиталъ*.

Слѣдовательно: расширеніе производства и потребленія не поведетъ за собою нарушенія равновѣсія между ними, *если добавочныя суммы новаго богатства, которыя обѣ сферы другъ для друга должны затратить, будутъ равны*, если высвобожденіе и возстановленіе затраченныхъ капиталовъ будетъ идти безпрепятственно. Напротивъ, если на производство будетъ затрачена такая масса капиталовъ, которой не будетъ соотвѣтствовать равная масса богатства у потребителей, то капиталы окажутся завязанными, лишенными свободы движеній (оборотовъ): высвобожденіе и возстановленіе затраченныхъ капиталовъ сдѣлается невозможнымъ и имъ будетъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, угрожать гибель. Тогда наступитъ кризисъ [1]).

Вспомнимъ теперь обстановку, при которой обыкновенно происходитъ ускореніе производства, насколько эта обстановка зависитъ отъ несоотвѣтствія между очень высокою степенью экономическаго развитія и гораздо менѣе высокою степенью умственнаго и нравственнаго развитія современныхъ цивилизованныхъ народовъ. Чѣмъ успѣшнѣе идетъ накопленіе капиталовъ (чѣмъ быстрѣе идетъ экономическое развитіе), тѣмъ сильнѣе и скорѣе ими насыщаются старыя вѣтви промышленности и тѣмъ напряженнѣе потребность найти имъ *новое занятіе*: тѣмъ напряженнѣе потребность въ новой массѣ благоразумной и хорошо соображенной мысли, въ осторожномъ, солидномъ характерѣ дѣятельности. Но накопленіе этихъ силъ идетъ медленнѣе накопленія вещественныхъ капиталовъ. А между тѣмъ отъ успѣшнаго хода образованія новыхъ массъ капитала увеличивается ихъ предложеніе, понижается ихъ прибыль, и оттого — необходимо, чтобъ спросъ на нихъ усилился со стороны какого-нибудь новаго помѣщенія. Нѣкоторое время капиталъ обыкновенно примиряется съ низкою доходностью, терпѣливо выжидая, чтобъ для него настало лучшее время. Но чѣмъ больше масса ново-накопляемыхъ капиталовъ, тѣмъ меньше на нее хватаетъ имѣющагося терпѣнія. Мало по малу появляется нетерпѣніе, начинающее тоже рости. Когда наконецъ открывается новое помѣщеніе или новое занятіе для капитала, то оно дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ. На новое открытіе набрасываются съ излишнею поспѣш-

---

[1]) См. главнымъ образомъ Malthus и *Sismondi*.

ностью. Чѣмъ выше значеніе, которое ему придаютъ, чѣмъ болѣе это значеніе преувеличиваютъ, тѣмъ больше къ нему стремятся, тѣмъ больше капиталовъ къ нему приливаетъ. Такъ какъ производитель не можетъ самъ руководить сбытомъ, то онъ долженъ подчиниться указаніямъ спекуляціи, которой обыкновенно выпадаетъ честь изобрѣтательницы, сдѣлавшей открытіе „новаго помѣщенія". Спекуляція-же первая и опьяняется восторгомъ отъ своего открытія. Въ опьяненномъ состояніи она усиливаетъ свой спросъ на продукты расширеннаго производства. Она уплачиваетъ за нихъ высокія цѣны и нагромождаетъ въ своихъ рукахъ громадные запасы новаго продукта. Отсюда—громадныя прибыли производителей и новые стимулы къ дальнѣйшему расширенію производства, къ новому приливу въ него капиталовъ. Въ концѣ-концовъ оказывается, что этихъ капиталовъ высвободить и возстановить невозможно во всей ихъ массѣ, потому что потребленіе не располагаетъ соотвѣтственными рессурсами для своего расширенія.

Вотъ этотъ-то самый процессъ предшествуетъ и биржевымъ кризисамъ и, съ характерными мѣстными усложненіями, онъ предшествовалъ и вѣнскому кризису 1873 года.

Единственное отличіе того, что намъ придется теперь разсмотрѣть, отъ вышеизложеннаго, заключается въ отношеніяхъ учредителя, какъ производителя, къ спекуляціи. Честь великаго открытія новаго помѣщенія принадлежитъ въ этомъ случаѣ не спекуляціи, а самому производителю-учредителю.

Выше мы уже должны были указать на то, что въ разбираемой книгѣ нѣтъ опредѣленнаго взгляда на то, чѣмъ собственно является учредитель по отношенію къ доходнымъ помѣщеніямъ, представляемымъ акціями. Эта-же неопредѣленность взгляда выражается и въ упрекѣ, который г. Гаттенбергеръ дѣлаетъ современнымъ законодательствамъ за то, что они смотрятъ на учрежденіе акціонерныхъ компаній съ „примитивной" точки зрѣнія, которая будто-бы практикою „*совершенно оставлена*" (стр. 92). Послѣднія слова невѣрны, потому что современный, новѣйшій способъ устройства новыхъ компаній, „форма учредительская", представляетъ нѣчто новое *только въ идеѣ* или точнѣе: какъ *идеалъ для будущаго*. Какъ *форма же*, какъ нѣчто конкретное, учредительство есть *поддѣлка подъ примитивный способъ* устройства компаній, и притомъ поддѣлка *необходимая*. Въ наше время новая идея „учредительства" въ практикѣ можетъ проявляться лишь подъ условіемъ приспособленія къ старымъ формамъ. Вся современная публика, со включеніемъ всѣхъ учредителей и спекулянтовъ, стоитъ на той-же „отсталой" точкѣ зрѣнія, на которой стоитъ законодатель: на учредителя смотрятъ не только, какъ на таковаго, но и какъ на акціонера и притомъ крупнаго. Если учредитель имѣетъ одну лишь идею о „выгодномъ помѣщеніи", то изъ него ничего не выйдетъ. Чтобъ изъ него что-нибудь вышло, онъ долженъ имѣть и значительный собственный капиталъ, и кредитъ. Тогда онъ по „примитивному" способу составляетъ общество сначала только для себя: онъ имѣетъ всѣ акціи. Конечно положеніе учредителя фальшивое; но корень этого—невыясненность условій, въ которыя въ наше время еще поставлена ассоціація капиталовъ: старыя условія одряхлѣли,

а новыя еще не окрѣпли. Тѣ, которые *могутъ* быть акціонерами, *не могутъ* сами составлять новыхъ обществъ; они очень разбросаны и они несвѣдущи. Необходимо, чтобъ общество *сначала* составилось и *потомъ только* акціонеры готовы вступить въ него, а это—contradictio in adjecto: учредитель можетъ выработать идею, написать уставъ, напечатать акціи, но общества онъ сдѣлать не можетъ и составить его тоже не можетъ, если настоящіе акціонеры, въ ожиданіи „результатовъ предпріятія", держатся въ сторонѣ. Волею-неволею онъ долженъ устроить фиктивное общество, съ фиктивными союзниками и сдѣлать всѣ взносы по акціямъ изъ средствъ своего капитала или кредита, или-же изъ фиктивнаго капитала, то-есть: путемъ фиктивнаго-же (дутаго) кредита.

Но роль акціонера учредителю все-таки—чужда. Онъ *долженъ* сбыть акціи. Для этого онъ превращается въ спекулянта. Въ персоналѣ спекуляціи оттого происходитъ крупная перемѣна. Въ лицѣ учредителя на биржѣ выступаетъ дѣятель, которому спекуляція, какъ спеціальная профессія, *также чужда, какъ роль акціонера.* Простой спекулянтъ стоитъ внѣ производства и потребленія. Напротивъ учредитель—производитель и слѣдовательно держитъ въ своихъ рукахъ предложеніе, онъ—крупный акціонеръ и слѣдовательно держитъ въ своихъ рукахъ спросъ; онъ, такимъ образомъ, самъ можетъ производить перемѣны въ основаніяхъ спроса и предложенія. И воспользоваться выгодами отъ этихъ перемѣнъ онъ тоже можетъ, потому что онъ спекулянтъ. Наконецъ для того, чтобъ всегда имѣть возможность прежде другихъ пользоваться всякими выгодами на биржѣ, учредитель (опять поддѣлка „примитивнаго" способа) беретъ въ свои руки эксплуатацію компаніи. Это отдаетъ въ его власть правленіе, то-есть: высокіе оклады, „своихъ людей" и—возможность устраивать *жирные дивиденды.*

Какъ приготовляются „жирные дивиденды"—вопросъ особый; но какъ дѣятельно ими занимаются (и какъ мало расчитываютъ на ту чудотворную способность произвольно вліять на цѣны, о которой говоритъ г. Гаттенбергеръ) видно изъ цифръ, собранныхъ въ разбираемой книгѣ. Въ 1872 году, когда горячка въ Вѣнѣ уже достаточно свирѣпствовала, изъ 49 компаній 13 дали болѣе 20%, 17 дали отъ 10 до 20%, 20 дали 5 — 10% и только 3 меньше 5% (стр. 179). То-есть двѣ трети компаній дали въ дивидендъ больше 10%.

Само собою разумѣется, что учредитель въ началѣ въ состояніи привлечь къ себѣ вниманіе только тѣмъ, что онъ выступаетъ съ очень доходною бумагою. Приведенныя цифры показываютъ, что и впослѣдствіи высокіе дивиденды продолжаютъ быть его главнѣйшею почвою. Они—тотъ гашишъ, которымъ учредитель дѣйствуетъ на умственныя и нравственныя способности окружающихъ его людей. Всего больше онъ старается, чтобъ у него была репутація авторитета въ творчествѣ высокихъ дивидендовъ.

Для достиженія своей цѣли (сбыта акцій) учредитель прибѣгаетъ къ обычному персоналу биржи. Онъ начинаетъ идеею дѣйствительно выгодною и его предпріятіе даетъ дѣйствительно хорошій дивидендъ. Это убѣждаетъ и постороннихъ. Находятся охотники купить акціи и изъ міра спекулянтовъ, и изъ міра публики, пока еще стоящей въ сто-

ронѣ отъ всякой спекуляціи. „Заинтересовавъ“ спекулянтовъ, учредитель даетъ имъ возможность „хорошо заработать“. Когда это обращаетъ на себя вниманіе, операція повторяется. Сама операція можетъ быть вполнѣ солидна все первое время и при начальныхъ ея повтореніяхъ. Предпріятія могутъ быть дѣйствительно солидныя, дивиденды не фиктивные, акціонеры—настоящіе. Но эти-то солидные первые шаги и бросаютъ искры, которыя впослѣдствіи превращаются въ пламя пожара. Онѣ-то и начинаютъ постепенно разжигать. Сначала горячкою заражается персоналъ биржи. L'appetit vient en mangeant: хорошіе заработки вызываютъ охоту къ новымъ такимъ-же. Когда учредительство принимаетъ болѣе обширные размѣры и количество новыхъ бумагъ возрастаетъ, то обороты спекуляціи увеличиваются, обычный составъ биржеваго персонала оказывается недостаточнымъ. Биржа тогда начинаетъ привлекать массу новыхъ людей. Многіе бросаютъ свои прежнія занятія и изъ купцовъ, фабрикантовъ, медиковъ и т. д. превращаются въ спекулянтовъ. Но во всякомъ дѣлѣ новые люди—неопытные люди. Отсюда—ухудшеніе въ персоналѣ спекуляціи. Сначала оно только технически понижаетъ общій интеллектуальный уровень дѣятелей биржи и между ними оказывается много крупныхъ невѣждъ своего дѣла. Они могутъ быть и люди добросовѣстные, но уже и ихъ невѣжество открываетъ опасности для солидности операцій. Сверхъ того опытъ показываетъ, что въ дѣловомъ мірѣ невѣжда не можетъ долго оставаться добросовѣстнымъ, особенно если это мѣшаетъ его барышамъ, если температура среды, гдѣ добываются барыши, возвышается, и если между конкуррентами оказываются умные свѣдущіе люди, негнушающіеся и недобросовѣстною „операціею“. Другая качественная перемѣна, происходящая въ кругу дѣятелей спекуляціи заключается въ томъ, что они начинаютъ дѣйствовать не только въ одиночку, но и группами, „синдикатами“. Обороты и риски, которые не были-бы по силамъ и по нутру одинокому учредителю, или банкиру, ему помогающему, дѣлаются для него возможными и менѣе рискованными, когда онъ соединяется съ дурными въ временныя товарищества для спекуляціи извѣстною бумагою. Эти группы преимущественно составляются изъ наиболѣе богатыхъ дѣятелей биржи и поэтому онѣ представляютъ тяжелую артиллерію спекуляціи.

Г. Гаттенбергеръ разсказываетъ, что еще въ 1867 вѣнская биржа была „аристократическою“; она „была въ рукахъ опытныхъ финансистовъ, умѣющихъ найтись и выйти изъ затрудненія; напротивъ, биржа 1873 года была въ рукахъ массы людей, спекулировавшихъ изо дня въ день и терявшихъ голову по своей неопытности при первомъ затрудненіи“ (стр. 70). Впрочемъ г. Гаттенбергеръ не сообщаетъ намъ никакихъ фактовъ о томъ, возникали-ли какія либо „затрудненія“ до кризиса: въ горячкѣ даже неопытные спекулянты не очень боятся временныхъ затрудненій, за то они тѣмъ безпечнѣе зарываются. Персоналъ биржи въ 1867 году состоялъ изъ 900—1000 человѣкъ, а въ началѣ 1873 года уже изъ 4000 (стр. 70 и 2). О синдикатахъ, конечно, цифирныхъ данныхъ нѣтъ, но врядъ-ли существовалъ банкъ или частный банкирскій домъ, который не участвовалъ-бы въ нѣсколькихъ синдикатахъ для маневровъ съ различными видами бумагъ.

Учредители интересуются персоналомъ спекуляціи въ его составѣ, усовершенствованномъ количественно и качественно, ради его оборотныхъ капиталовъ и ради его кредита. Параллельно тому вліянію, которое горячка оказываетъ на измѣненія въ личномъ составѣ биржи, она однородное вліяніе оказываетъ на притокъ капиталовъ къ биржѣ. Люди, превращающіеся въ спекулянтовъ, не только лично эмигрируютъ изъ областей, въ которыхъ они прежде имѣли свои занятія, но и свои капиталы извлекаютъ изъ нихъ и заставляютъ эмигрировать на ту же биржу. По тому же каналу они стремятся направить свой кредитъ. Но эти капиталы приливаютъ въ разбросѣ и въ безпорядкѣ. Поэтому является стремленіе *организовать* притокъ капиталовъ къ биржѣ и для этого создается спеціальное новое учрежденіе -- банки crédit mobilier. Наконецъ, обыкновенные банки, акціонерные и частныхъ торговыхъ домовъ, и не только банкиры и банки, но вообще богатые люди, даже тѣ изъ банковъ и частныхъ лицъ, которые въ нормальное время осмотрительно держатся въ сторонѣ отъ слишкомъ обширныхъ кредитныхъ операцій подъ обезпеченіе цѣнныхъ бумагъ, всѣ подъ вліяніемъ горячки постепенно измѣняютъ свои понятія о томъ, что въ „ихъ интересахъ". Они довѣрчивѣе относятся къ солидности обезпеченій, ими принимаемыхъ; легче соглашаются ихъ принимать и охотнѣе выдаютъ по нимъ большія суммы. Всѣми этими способами образуется широкій и сильный потокъ капиталовъ, стремительность котораго тѣмъ больше, чѣмъ лихорадочнѣе всѣ спѣшатъ поскорѣе подойти къ общему источнику благоденствія.

Путемъ манипуляцій, касающихся *дивиденда*, учредитель возбуждаетъ сильный спросъ *спекуляціи* на бумаги, предлагаемыя имъ биржѣ. Чѣмъ болѣе увеличился личный составъ биржи и чѣмъ сильнѣе притокъ капиталовъ къ ней, тѣмъ болѣе покупателей учредитель встрѣчаетъ уже въ одной лишь области спекуляціи. Оттого и высота цѣны на бумаги приходитъ въ зависимость, прежде всего, отъ соперничества этихъ покупателей и ихъ средствъ. Фактъ выплаченныхъ высокихъ дивидендовъ уже самъ достаточно разгорячаетъ спекулянтовъ. Но еще болѣе ихъ разгорячаетъ репутація учредителей: ожидаемые будущіе дивиденды. Конечно, спекулянтъ дорого платитъ за будущій дивидендъ въ видахъ еще дороже его продать. Но въ эти виды спекулянтъ вноситъ тѣ же нелѣпости, которыя входятъ въ составъ его толковъ о будущемъ дивидендѣ. Чѣмъ выше будетъ дивидендъ, тѣмъ дороже его можно будетъ продать, слѣдовательно, тѣмъ дороже за него можно заплатить. Опытъ (повсюду и въ Вѣнѣ) показываетъ, что сангвиническіе расчеты на будущіе дивиденды могутъ доходить до безсмыслицы и имъ, конечно, содѣйствуютъ фабриканты жирныхъ дивидентовъ: въ Вѣнѣ одна компанія въ 1872 году выдала 80%, другая—57%, третья—35%, четвертая—25%, семь отъ 15% до 20% (стр. 177—178). Удивительно-ли, что эти *неодинокіе* примѣры разжигаютъ людей и вызываютъ готовность вѣрить и въ ихъ будущую возможность? Конечно нѣтъ, если не забыть нравственной и умственной атмосферъ, въ которыхъ живутъ спекулянты. Поэтому неудивительно, что у нихъ оказывается готовность платить за дивиденды все болѣе и болѣе высокія, „бѣшеныя" цѣны.

Преміи достигаютъ чудовищныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ усиленіемъ готовности ихъ уплачивать идетъ желаніе охоты все больше и больше покупать, все болѣе и болѣе расширять оборотъ, накоплять въ своихъ рукахъ все большія и большія массы бумагъ. Со всѣхъ сторонъ, спекулянты стараются привлечь къ себѣ капиталъ, чтобъ имъ увеличивать покупки, а съ ними запасы бумагъ, сосредоточивающіеся у нихъ. Эти запасы начинаютъ представлять прогрессивно растущія массы капитала, *завязаннаго* спекуляціею въ бумагахъ.

Тогда учредитель оказывается въ наиболѣе благопріятныхъ для него условіяхъ. Блестящая репутація творца жирныхъ дивидендовъ и обширный кругъ покупателей-спекулянтовъ совершенно развязываютъ ему руки. Его „идеи“ становятся драгоцѣннымъ рудникомъ: если у него нѣтъ собственныхъ, онъ даже можетъ себѣ завести особыхъ „сочинителей“. Идеи живо превращаются въ проекты, въ уставы, а съ ними — въ новыя акціи. Эти акціи—носители будущихъ дивидендовъ, которые „непремѣнно будутъ очень высоки“. Оттого онѣ рождаются въ золотой сорочкѣ, съ очень высокою цѣною. Спросъ на нихъ, повидимому, безмѣрно великъ. Каждый желаетъ имѣть новыя бумаги изъ первыхъ рукъ: это дѣлаетъ ихъ пріобрѣтеніе болѣе дешевымъ. Но требованія всѣхъ не могутъ быть удовлетворены. Многіе оттого должны радоваться, если имъ удается что либо добыть изъ вторыхъ рукъ. Тѣмъ временемъ учредители (первыя руки) и вторыя руки сильно обогащаются на счетъ спекулянтовъ третьихъ рукъ. Это еще болѣе разжигаетъ спросъ. Учредитель можетъ бросить на рынокъ новую массу бумагъ. Учредитель находится въ особенно выгодномъ положеніи, если обстоятельства ему дозволяютъ однимъ пріемомъ и увеличить свои выпуски новыхъ бумагъ, и увеличить количество учрежденій, привлекающихъ къ биржѣ свѣжіе капиталы. Въ такомъ положеніи учредитель находится, когда бумаги, которыми онъ можетъ забрасывать рынокъ, суть акціи банковъ, особ. crédit mobilier. Въ Вѣнѣ это отлично поняли и поэтому насъ не можетъ удивить, что если въ 1871 году учреждено было лишь 18 новыхъ банковъ и свѣжихъ банковыхъ акцій было выпущено на 45.356,000 гульд., то въ горячечный 1872 годъ учреждено уже 60 новыхъ банковъ и новыхъ банковыхъ акцій было брошено на рынокъ на 220.897,000 гульд., а въ первые три мѣсяца 1873 г. къ нимъ поспѣшили прибавить еще 16 банковъ съ суммою акцій въ 110.446,000 г.: итого въ 15 горячечныхъ мѣсяцевъ 76 банковъ и масса новыхъ акцій въ 322 милл. гульд. [1]), Все это были чисто-спекулятивныя учрежденія, которыя, подобно злому духу, разъ вызванныя къ дѣятельности, уже сами толкали учредителей-

---

[1]) До 1853 года въ Австріи существовалъ одинъ только Національный банкъ. Въ 1853 — 67 годахъ учреждено было еще 12 банковъ, въ 1868 — 70 годахъ учреждено 40 банковъ, или всего съ 1816 по 1870 годъ 53 банка; въ 1871—73 (по май) учреждено 94 банка; въ концѣ 1876 года изъ всѣхъ этихъ 145 банковъ продолжало существовать только 49, прекратило существованіе въ 1873—76 годахъ 88. См. *Ehrenberger*, Oesterreichs Bank- und Creditinstitute in den Jahren 1870—1876 in der (österreichischen) statistischen Monatsschrift, III. Jahrg., 10. Heft, S. 444, 449. Всего номинальная сумма выпущенныхъ до кризиса банковыхъ акцій простиралась до $1^1/_2$ милльярдовъ гульденовъ (ib. p. 446).

спекулянтовъ къ новому расширенію оборотовъ. Чѣмъ болѣе банки давали средствъ для спекуляціи и чѣмъ далѣе заходила горячка спекулянтовъ, тѣмъ болѣе она одна уже стимулировала учредителей къ устройству новыхъ компаній. Такимъ образомъ, въ 15 горячечныхъ мѣсяцевъ 1872 — 73 г. въ Вѣнѣ учреждено было (кромѣ банковъ) еще 127 различныхъ компаній и на рынокъ брошено ихъ акцій на 331 милл. гульд. [1]). Вотъ условія, при которыхъ учредитель оказывается на пути, ведущемъ прямо—къ *чрезмѣрности* производства бумагъ. Свои новые выпуски онъ нормируетъ однимъ только спросомъ спекуляціи, одною только массою *капитала*, готоваго къ его услугамъ. Чѣмъ болѣе онъ полагается на эту норму, тѣмъ далѣе онъ заходитъ въ своей чрезмѣрности. Чѣмъ болѣе учредитель убѣжденъ, что его положеніе — блестящее, потому что, повидимому, конца нѣтъ *капиталамъ*, являющимся къ его услугамъ, тѣмъ больше его почва превращается въ вулканическую.

Когда учредитель со своею арміею спекулянтовъ уже совсѣмъ стоитъ на вулканѣ, то видимымъ образомъ это выражается въ настроеніи его арміи; оно начинаетъ отличаться новою особенностью: чѣмъ сангвиничнѣе виды спекулянтовъ на выгоды, которыя они получатъ отъ закупленныхъ бумагъ, тѣмъ больше въ нихъ увеличивается жадность къ будущимъ барышамъ. Оттого у спекулянта появляется совсѣмъ особый страхъ: какъ-бы не потерять какой либо существенной доли этихъ барышей. А такъ какъ барыши окончательно должны выясниться, когда спекулянтъ приступитъ къ продажамъ, то у него является *страхъ продавать*. Спекулянтъ тогда относится къ сосредоточеннымъ въ его рукахъ запасамъ, какъ скряга относится къ своимъ деньгамъ. Спекулянтъ знаетъ, что его барыши будутъ зависѣть отъ высоты цѣнъ, по которымъ онъ будетъ реализовать, и онъ, конечно, желаетъ, чтобъ эти цѣны были возможно выше. Но онъ знаетъ, что только покупки ихъ возвышаютъ, продажи же ихъ понижаютъ. Поэтому онъ по возможности ограничивается одними только покупками и боится продажъ. Время, въ теченіе котораго длится это настроеніе, все болѣе и болѣе затягивается, особенно когда спекулянтъ находитъ опору въ банкахъ и синдикатахъ. Отсюда происходитъ то, что спекулянтъ совершенно забываетъ о качествѣ средствъ, которыми онъ орудуетъ: о томъ, что они — капиталы, да еще оборотные, которые должны живо двигаться, что они, можетъ быть, получены въ кредитъ, то есть: у него находятся лишь на время, по истеченіи котораго ему, можетъ быть, уже ихъ не дадутъ на новый срокъ. Онъ слѣпо надѣется, что все это пустяки, что все отлично кончится и что тѣмъ временемъ ему нечего помышлять о потребителѣ. Другими словами это значитъ: онъ попадается въ совершенно несвойственную ему роль и дѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ не хочетъ и не долженъ быть: *фактически* онъ превращается въ *потребителя*.

---

[1]) Въ 1853—70 годахъ въ Австріи (кромѣ банковыхъ) учреждено было 79 компаній съ капиталомъ въ 615 милл. гульд., изъ коего $512\frac{1}{2}$ милл. приходилось на желѣзныя дороги, и только 102 милл. на другія цѣли. Въ 1872 — 73 году на желѣзныя дороги приходилось 43 милл., а на другія цѣли $288\frac{1}{2}$ милл., изъ нихъ на строительныя общества $160\frac{1}{2}$ милл.

Въ Вѣнѣ (какъ одновременно случилось въ Германіи и отчасти въ Россіи, а также и въ другихъ странахъ въ однородныхъ случаяхъ) къ изложенному прибавилось еще одно важное обстоятельство. Потребители, настоящіе потребители изъ публики, въ первое время лихорадки остаются въ сторонѣ. Но когда настаетъ періодъ горячки и до публики доходятъ разсказы о томъ, что творится на биржѣ, какъ наживаются учредители, а за ними первыя руки, получившія бумаги, на счетъ вторыхъ рукъ, вторыя на счетъ третьихъ и т. д., то въ публикѣ зарождается зависть. Появляется и у неспекулянтовъ охота „попытать счастье". Отъ однихъ охота сообщается другимъ, постепенно разгорается все сильнѣе и сильнѣе, переходитъ въ страсть къ „игрѣ на биржѣ" и въ заключеніе является уже эпидемическою болѣзнію, проникающею въ самые высокіе и самые низкіе слои населенія, подобно чумѣ и холерѣ, всюду находящей себѣ жертвы. Тогда мы имѣемъ предъ собою послѣдній фазисъ періода, оканчивающагося кризисомъ: въ то самое время, когда спекулянты фактически становятся потребителями, потребители становятся спекулянтами. И какъ спекулянты только фиктивные потребители, такъ потребители—лишь фиктивные спекулянты. *Всѣ*—покупатели въ расчетѣ продать, а продавать оказывается *не кому*. Никто не желаетъ отдавать свои средства компаніямъ ради ихъ цѣлей и доходовъ. Всякій на свои средства смотритъ, какъ на капиталъ, при томъ какъ на оборотный капиталъ, который чрезъ извѣстное время пожелаютъ высвободить и возстановить и отъ имени котораго соотвѣтственное требованіе будетъ предъявлено рынку. Всякій на бумаги смотритъ, только какъ на товаръ, который раньше или позже будетъ искать покупателя. Кто самъ не имѣетъ достаточно средствъ и въ обычное время совсѣмъ не помышлялъ бы о биржѣ и бумагахъ, не былъ бы ни спекулянтомъ, ни потребителемъ, все таки тянется къ золотому тельцу и для этого записывается въ какой нибудь „консорціумъ". Это — учрежденіе, которое устраивается для мелкаго люда въ подражаніе „синдикатамъ", служащимъ крупнымъ фирмамъ. Въ „консорціумахъ" участвуютъ кухарки, лакеи, кокотки, чиновники (этихъ всего больше), лавочники, ремесленники и рабочіе, всѣ подъ предводительствомъ главы какой нибудь „банкирской конторы". Кто слишкомъ робокъ для участія въ консорціумѣ, вноситъ свои гроши въ банкирскую контору на текущій счетъ, чтобъ получать по нимъ высокіе проценты. Банкирскія конторы оттого превращаются въ новый каналъ для притока капиталовъ къ биржѣ и, конечно, эксплоатируютъ новый каналъ въ свою пользу. Это возбуждаетъ зависть банковъ, которые начинаютъ привлекать средства мелкой публики къ себѣ. Отсюда борьба за мелкіе вклады. Въ Вѣнѣ она приняла самый ожесточенный характеръ. Крупнѣйшіе банки, а за ними и второстепенные, бросились „покупать" старѣйшія банкирскія конторы, которыхъ фирмы уже пользовались довѣріемъ публики, или открывать новыя. Значительно былъ пониженъ размѣръ наименьшаго вклада, который принимался банками, по нимъ уплачивались значительные проценты. Словомъ, если публика сама забыла о своей настоящей роли, то употреблялись всевозможныя мѣры, чтобъ ея слѣпоту продолжить и совсѣмъ ее отвлечь отъ настоящаго пути.

Всѣмъ этимъ биржѣ дано было еще болѣе капиталовъ, которые она могла завязать въ новыхъ бумагахъ. Но тѣмъ же самымъ ей отрѣзанъ былъ всякій путь къ нормальному исходу: источники, на счетъ которыхъ должны были возстановиться затраченные капиталы, были искусственно опорожнены.

Такимъ образомъ въ общемъ результатѣ положеніе можно охарактеризовать такъ: всѣ роли перетасовываются; своимъ настоящимъ дѣломъ никто не занимается; всѣ регуляторы правильнаго хода оборотовъ исчезаютъ. Люди вертятся въ заколдованномъ кругу, воображая, что они идутъ впередъ, а на самомъ дѣлѣ только выводятъ болѣе и болѣе обширные нули.

Какъ же долго можетъ при такихъ условіяхъ протянуться искусственное положеніе дѣлъ?—До тѣхъ поръ, пока продолжается притокъ къ биржѣ оборотныхъ капиталовъ и пока она еще находитъ, что „завязывать“ въ бумагахъ. Понятно, что какъ перемѣщеніе капиталовъ изъ другихъ вѣтвей промышленности и торговли на биржу, такъ и привлеченіе къ ней мелкихъ капиталовъ, даже сильное развитіе кредита, не могутъ безъ конца давать биржѣ все новые и новые капиталы. Когда нибудь да должно-же оказаться, что всѣ рессурсы истощились и на новые капиталы разсчитывать уже нельзя. Капиталы тогда становятся непомѣрно дороги: въ Вѣнѣ платили 50% и больше. Учредители и спекулянты начинаютъ чувствовать, что масса обязательствъ, которою они себя обременили, на нихъ давитъ съ страшною тяжестью. Атмосфера биржи становится душною. Чѣмъ выше проценты, которые спекулянты соглашаются платить за обновленіе ссудъ, лишь бы не продавать, тѣмъ грознѣе туча, собирающаяся надъ ихъ головами. Исходитъ ли отъ нихъ первая попытка нѣсколько освободиться отъ этой тяжести, или какой нибудь шальной банкъ не во время становится „благоразумнымъ“ и напоминаетъ спекулянту, что онъ желалъ бы кое-что получить въ счетъ долга, все равно въ душной атмосферѣ биржи, въ которой только что еще было такое розовое настроеніе, кому нибудь захочется вздохнуть свободнѣе, *попытаться обратно высвободить завязанный капиталъ*. Эта попытка — искра въ пороховомъ погребѣ. Еще наканунѣ всѣ боялись, не слишкомъ ли *рано* продавать. Теперь на всѣхъ нападаетъ новый страхъ: не слишкомъ ли уже *поздно*, не нужно ли возможно скорѣе поспѣшить съ продажами. Этотъ-то страхъ превращается во всеобщую панику, и тогда кризисъ наступаетъ во всемъ своемъ величіи. Отъ вихря продажъ не только сносятся верхушки цѣнъ, которыя представлялись ихъ преміями, но и болѣе или менѣе значительныя части ихъ номинальнаго достоинства. Мѣсто плюсовъ занимаютъ минусы. Розовыя надежды на будущее должны исчезнуть предъ мрачными разочарованіями настоящаго.

Кратко резюмируя изложенное, мы можемъ сказать, что *экономическая* причина кризиса заключается въ нормированіи производства одною лишь массою капиталовъ, которые оно въ силахъ поглотить, тогда какъ на дѣлѣ въ предѣлахъ здоровья оно остается лишь подъ условіемъ, чтобъ сама масса капиталовъ нормировалась суммою доходовъ или сбереженій потребителей,—тѣхъ доходовъ или сбереженій, коими затрачен-

ные капиталы высвобождаются и возстановляются. Потеря этой нормы вызываетъ излишекъ производства, а съ нимъ нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ.

Г. Гаттенбергеръ признаетъ, что чрезмѣрное учрежденіе новыхъ компаній—коренная *экономическая* причина вѣнскаго кризиса 1873 года. Но при объясненіи этой чрезмѣрности ему кажется *недостаточнымъ* одно только указаніе на нераціональную затрату *капитала.* Г. Гаттенбергеръ совсѣмъ не исходитъ изъ того, что коренная экономическая причина вѣнскаго кризиса 1873 года та-же, которая произвела уже очень много кризисовъ. Авторъ, напротивъ, какъ будто наводитъ на мысль, что объясненіе онъ себѣ выработалъ, ограничиваясь одними только явленіями, касающимися цѣнныхъ бумагъ. Такъ, г. Гаттенбергеръ совсѣмъ не упоминаетъ о томъ, что новое богатство, насчетъ котораго только и происходитъ расширеніе производства и потребленія, для такого расширенія *должно* въ извѣстной пропорціи дѣлиться между частью, идущею на образованіе *капитала,* и частью, назначаемою для потребленія. Вообще при объясненіи „чрезмѣрности", вызывающей кризисъ, г. Гаттенбергеръ совершенно забылъ о Мальтусѣ и Сисмонди, то есть объ имѣющихся результатахъ науки, и отнесся къ предмету такъ, какъ еслибъ онъ совсѣмъ никогда не разрабатывался. Но и новой теоріи авторъ намъ не даетъ, а довольствуется ненаучнымъ раздѣленіемъ богатствъ на пригодныя для помѣщенія въ акціяхъ окончательно и пригодныя для этого лишь временно [1]). Какъ-бы то ни было, на стр. 135 и 146 мы находимъ, что авторъ сначала правильно формулируетъ принципъ, по которому новыхъ акцій „можетъ" (то-есть: *должно*) быть выпущено не больше, чѣмъ имѣется средствъ у покупателей-потребителей, ищущихъ „твердаго" помѣщенія, какъ разъ къ тому времени, когда „временные владѣльцы бумагъ пожелаютъ продать ихъ на биржѣ" и высвободить свои капиталы; потомъ не менѣе правильно авторъ говоритъ: „возникновеніе чрезмѣрнаго количества новыхъ компаній *есть* возникновеніе новыхъ акціонерныхъ предпріятій на свободныя богатства, ищущія временнаго помѣщенія, количество которыхъ превращаетъ образующіяся вновь богатства, которыя замѣнили-бы временно помѣщенныя средства постоянными". Казалось-бы этого совершенно достаточно для разрѣшенія за-

---

[1]) Отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ недоумѣніе, которое для нашего автора возникло отъ слѣдующаго обстоятельства. Говоря о (капиталахъ), которые завязываются въ бумагахъ, онъ замѣчаетъ: «есть еще масса богатствъ, которыя въ *кредитномъ* хозяйствѣ могутъ быть временно помѣщены въ акціонерныя предпріятія — резервные капиталы, *которыхъ существованіе объясняется организаціею оборотовъ въ кредитномъ хозяйствѣ*». Авторъ очевидно забылъ, что *резервный капиталъ* могутъ имѣть и дѣйствительно имѣютъ акціонерныя и частныя предпріятія, *совершенно независимо* отъ «организаціи оборотовъ въ кредитномъ хозяйствѣ», для того чтобъ себя обезопасить отъ чрезвычайныхъ убытковъ или слишкомъ большихъ колебаній въ прибыляхъ. Но автора сбило то, что у banking departement Англійскаго Банка *касса* называется «резервомъ» (запасный-же капиталъ называется «остаткомъ» отъ прибылей). И вотъ на стр. 144 авторъ, разсуждая о резервныхъ капиталахъ, которые суть элементъ *пассива,* примѣняетъ къ нимъ то, что касается кассы, элемента актива (см. вообще стр. 138—145).

дачи, предъ которою стоитъ авторъ. Если возникновеніе чрезмѣрности „есть“ превышеніе *временно* затраченныхъ суммъ (оборотныхъ капиталовъ) надъ суммами, имѣющимися для *постоянной* затраты (сбереженій), то кризисъ, вызываемый чрезмѣрностью, „есть“ результатъ указываемаго превышенія. Но г. Гаттенбергеръ не обращаетъ вниманія на собственныя свои мысли и разсуждаетъ такъ. „*Только* при учредительскомъ способѣ образованія акціонерныхъ компаній капиталъ ихъ первоначально составляется изъ богатствъ, ищущихъ временнаго помѣщенія“: отсюда будто-бы „ясно, что учрежденіе чрезмѣрныхъ компаній возможно *только* при учредительской формѣ“. „Учредительская форма *даже необходимо* предполагаетъ чрезмѣрное возникновеніе компаній *отъ времени до времени*“. Почему? Потому что „при примитивномъ способѣ интересы учредителей и акціонеровъ вполнѣ совпадаютъ; при учредительскомъ-же способѣ бумага можетъ имѣть хорошую цѣну, хотя количество новыхъ компаній превышаетъ свободныя богатства, ищущія твердаго помѣщенія“ (стр. 146 — 147). Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, по ходу мысли нашего автора, коренною экономическою причиною кризиса должно считать *переходъ отъ примитивнаго способа устройства компаній къ новѣйшему*. А такъ какъ этотъ переходъ „не составляетъ особенности акціонернаго дѣла, а есть свойство всѣхъ отраслей экономической дѣятельности, вступившихъ въ періодъ трудо-раздѣльнаго хозяйства“ (стр. 154), то коренная экономическая причина кризиса кроется въ законахъ этого хозяйства.

Не трудно усмотрѣть, что г. Гаттенбергеръ опять совершенно неправильно обвиняетъ экономическіе законы и что онъ это дѣлаетъ лишь въ силу пренебреженія, имъ оказываемаго „логическому методу“ изслѣдованія. Онъ ссылается на то, что неумѣренныя затраты капитала происходятъ будто-бы только при учредительскомъ способѣ образованія новыхъ компаній и не происходятъ при примитивномъ способѣ. Даже еслибъ этотъ фактъ былъ вѣренъ (чего на дѣлѣ нѣтъ), то анализъ, еслибъ отъ него г. Гаттенбергеръ не отказался, его убѣдилъ-бы, что изъ этого факта нельзя сдѣлать *никакого* заключенія. Въ самомъ дѣлѣ авторъ стоялъ предъ явленіемъ кризиса, происходящимъ лишь „отъ времени до времени“. Для объясненія этого явленія онъ имѣлъ два обстоятельства: одно (превышеніе временно затрачиваемыхъ богатствъ, капиталовъ, надъ окончательно затрачиваемыми богатствами, „фондомъ потребленія“) тоже происходитъ лишь отъ времени до времени; другое-же обстоятельство (переходъ изъ натуральнаго хозяйства въ мѣновое) *не есть* нѣчто, только отъ времени до времени существующее, а постоянно и неизмѣнно оказывающее свое дѣйствіе. Какое-же изъ этихъ двухъ обстоятельствъ мы имѣемъ больше права считать причиною кризиса? Очевидно—первое. Ибо анализъ перваго обстоятельства намъ показываетъ, что по своей природѣ оно *необходимо* ведетъ къ тому, чтобъ капиталъ вполнѣ или отчасти погибъ; анализъ-же втораго обстоятельства ничего такого намъ не открываетъ, онъ не выясняетъ никакой внутренней необходимой связи между способомъ учрежденія компаній и фактомъ превышенія временно затраченныхъ средствъ надъ средствами, которыя должны окончательно помѣститься въ предпрія-

тіяхъ; учредительскимъ способомъ компаніи могутъ быть устроены на твердой почвѣ, но могутъ быть устроены и на шаткой почвѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что отъ способа устройства компаніи *совсѣмъ не зависятъ* ни хорошія, ни дурныя качества почвы компаній.

Но, какъ мы уже замѣтили, сами факты, на которые опирается г. Гаттенбергеръ невѣрны. Капиталъ компаній образуется изъ богатствъ, ищущихъ временнаго помѣщенія, *совсѣмъ не только* при учредительскомъ способѣ устройства, но и при „примитивномъ" способѣ. Не говоря уже про старыя времена, мы и теперь неоднократно наблюдаемъ случаи, когда компаніи устраиваются по примитивному способу и устраиваются на шаткой почвѣ капиталовъ, получаемыхъ путемъ краткосрочнаго кредита, т. е. годныхъ лишь для временнаго помѣщенія. Такъ напр. у насъ и въ другихъ странахъ желѣзнодорожные концессіонеры—большіе любители устраивать акціонерныя компаніи по „примитивному" способу: они очень охотно оставили-бы всѣ акціи за собою. Но весьма нерѣдко оказывается, что для пріобрѣтенія акцій у нихъ совсѣмъ нѣтъ „свободныхъ богатствъ, ищущихъ твердаго помѣщенія". Тогда они прибѣгаютъ къ помощи банковъ и „первоначально капиталъ образуется изъ богатствъ, ищущихъ временнаго помѣщенія". Прибыли отъ постройки желѣзныхъ дорогъ даютъ „для замѣны" то, что требуется: „богатства, ищущія твердаго помѣщенія". Если-же прибылей не оказывается, тогда концессіонера постигаетъ кризисъ, а если заложенныхъ акцій и на биржѣ сбыть нельзя (бываютъ и такіе случаи), тогда кризисъ постигаетъ и банкъ, выдавшій подъ нихъ ссуду.

На стр. 157 г. Гаттенбергеръ повторяетъ свою ошибочную мысль въ новой формѣ, лучше дозволяющей легко уловить причину его заблужденія. Онъ говоритъ: „учредительскій способъ образованія акціонерныхъ компаній *даетъ возможность* перейти границу" и т. д. Здѣсь уже прямо видно, что авторъ совершенно упустилъ изъ виду собранные имъ обильные факты о томъ *необычайномъ приливѣ капиталовъ къ биржѣ*, безъ котораго всякій „способъ устройства" компаній ни къ чему не ведетъ. Но чѣмъ-же былъ вызванъ этотъ *необычайный приливъ капиталовъ*? Новымъ способомъ устройства компаній? Совсѣмъ нѣтъ: новый способъ устройства компаній существуетъ и въ спокойное время, иногда и при совершенномъ отсутствіи достаточнаго предложенія капиталовъ на биржѣ. Необычайный же приливъ капиталовъ на биржѣ всегда вызывается *горячкою*. Г. Гаттенбергеръ про нее забылъ. И оттого даже тогда, когда онъ стоялъ предъ дѣйствительнымъ объясненіемъ экономической причины кризиса, онъ черезъ нее перескочилъ.

До какой степени г. Гаттенбергеръ не овладѣлъ идеею главнѣйшей экономической причины кризиса, обнаруживается изъ его отношенія къ тому моменту, которымъ заканчивается періодъ спекулятивной горячки и который непосредственно вызываетъ взрывъ. Выше мы видѣли, что этотъ моментъ—прекращеніе прилива капиталовъ къ биржѣ. Г. Гаттенбергеръ съ этимъ несогласенъ. За то для объясненія ему приходится прибѣгнуть къ обстоятельству, которое въ надлежащемъ мѣстѣ имъ было забыто и которое имѣетъ уже лишь важность симптома при наступленіи кризиса. Намъ приходилось указывать на то, что г. Гаттен-

бергеръ ошибочно винитъ механизмъ установленія цѣнъ на бумаги, упуская изъ виду то значеніе, которое имѣетъ *мнѣніе* спекулянтовъ о будущей доходности бумагъ, ими назначаемыхъ. Вотъ объ этомъ-то мнѣніи г. Гаттенбергеръ вспоминаетъ въ концѣ своей книгѣ, чтобъ имъ объяснить наступленіе кризиса. „Паденіе курсовъ, говоритъ онъ (стр. „163), зависитъ отъ мнѣнія, хотя-бы ложнаго, большинства спекулян„товъ; слѣдовательно (?) въ концѣ концовъ вопросъ о паденіи курсовъ „сводится къ вопросу объ образованіи мнѣній большинства спекулянтовъ.“ Чѣмъ обусловливается замѣчаемый передъ кризисомъ поворотъ въ мнѣніяхъ спекулянтовъ, авторъ не разбираетъ, но онъ, кажется, непрочь и это обстоятельство приписать природѣ спекуляціи цѣнными бумагами. Заключаемъ это изъ того, что г. Гаттенбергеръ утверждаетъ, будто-бы „распространеніе паники въ средѣ товарныхъ торговцевъ — *невиданное исторіею дѣло*“ (?!) (стр. 164). Опять—ссылка на „фактъ“, но на этотъ разъ уже совсѣмъ плохой: ибо въ исторіи кризисовъ неизвѣстенъ *ни одинъ* случай, который обошелся-бы безъ паники. Спекулянты на хлѣбъ, шерсть, хлопокъ, дома и т. д. не только горячатся также сильно, какъ спекулянты на акціи, но и одинаково съ ними подвергаются паническому страху, когда оказывается, что вмѣсто безмѣрнаго обогащенія ихъ ожидаетъ конечное раззореніе. Да это и естественно.— Такимъ образомъ автору пришлось прибѣгнуть къ фантастическому факту, чтобъ найти хоть кажущуюся опору для объясненія, имъ даваемаго. Оттого, когда ему пришлось чрезъ нѣсколько страницъ всетаки упомянуть о прекращеніи притока капиталовъ, онъ изъ этого явленія сдѣлалъ — *слѣдствіе* кризиса. „Притокъ средствъ,“ говоритъ г. Гаттенбергеръ, описывая вѣнскія событія (стр. 176), „*вслѣдствіе* паденія курсовъ или вовсе прекратился или сократился,“ какъ будто, еслибъ паденіе курсовъ ему не помѣшало, онъ могъ-бы продолжаться до безконечности. Конечно, еслибъ авторъ не вѣрилъ въ волшебную силу, которою манипуляціи спекулянтовъ будто-бы могутъ держать цѣны акцій на высокомъ уровнѣ, то онъ признавалъ-бы, что на высокомъ уровнѣ цѣны акцій удерживаются одною лишь силою капиталовъ, обильно притекающихъ къ биржѣ; тогда онъ признавалъ-бы и то, что съ ослабленіемъ и уменьшеніемъ притока капиталовъ, цѣны теряютъ почву и *необходимо должны* полетѣть внизъ. Этимъ мы не хотимъ, конечно, утверждать, что г. Гаттенбергеръ неправъ, придавая значеніе паникѣ и повороту во мнѣніяхъ спекулянтовъ. Мы позволяемъ себѣ только утверждать, что даже эта справедливая мысль у автора лишена прочнаго основанія: она опирается не на реальное явленіе, дѣйствительно ее вызывающее (исчезновеніе почвы капиталовъ подъ курсами), а на вѣру въ волшебную силу манипуляцій спекулянтовъ. Этою-то волшебною силою, по взглядамъ нашего автора, обладаютъ и мнѣнія спекулянтовъ. „Извѣстная степень паденія курсовъ можетъ быть слѣдствіемъ „*только* мнѣнія большинства спекулянтовъ,“ говоритъ нашъ авторъ, подчеркивая слово „только“ и совершенно забывая, что одно „*только мнѣніе*,“ если къ нему не присоединяются многозначительные факты обладанія или необладанія капиталомъ, *совершенно лишено значенія* въ экономической сферѣ. Г. Гаттенбергеръ говоритъ: „кризисъ можетъ про-

„изойти и тогда, когда объективныхъ причинъ нѣтъ, но существуетъ „мнѣніе большинства спекулянтовъ, что кризисъ долженъ произойти", и думаетъ, что этимъ доказывается его мысль о всесильномъ значеніи „только мнѣнія". Но въ томъ-то и дѣло, что 1) притокъ капиталовъ къ биржѣ зависитъ не отъ спекулянтовъ, 2) сами спекулянты обрѣтаютъ и выражаютъ свое мнѣніе, „что кризисъ долженъ настунить" только тогда, когда онъ уже наступилъ. Еслибъ у нихъ это „мнѣніе" являлось своевременнѣе, то причины не было-бы имъ подвергаться паническому страху.

Окончивъ трудъ, который мы на себя возложили, считаемъ обязанностью извиниться передъ читателями и нашимъ авторомъ за то, что такъ долго обременяли ихъ вниманіе. Намъ казалось, что въ періодѣ, когда и Россія еще сильно страждетъ отъ воспоминаній о биржевомъ кризисѣ, не излишне напомнить тѣ основныя научныя начала, которыми кризисъ объясняется, въ особенности если мы пишемъ разборъ спеціальной монографіи, въ которой эти начала должны были-бы стоять на первомъ планѣ, а между тѣмъ или совсѣмъ обойдены, замѣнены произвольными объясненіями, или-же обставлены неправильностями. Предъ разбираемымъ же авторомъ мы обязаны были стремиться поставить себя такъ, чтобъ по возможности избѣгнуть упрека: la critique est aisée, mais l'art est difficile.

И. Кауфманъ.

Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Статистическій сборникъ изъ 25 картъ съ краткимъ объясненіемъ. Составленъ по оффиціальнымъ даннымъ подъ редакціей генералъ-маіора *Д. Г. Анучина.* Радомъ 1875.

По какому бы вопросу, касающемуся привислинской окраины Россіи, ни зашла рѣчь, не только русскому обществу, но и русскимъ ученымъ и публицистамъ приходится въ большинствѣ случаевъ становиться въ недоумѣніе, вслѣдствіе крайней бѣдности статистическихъ данныхъ, служащихъ къ характеристикѣ той или другой стороны общественной жизни ея. Отдѣленная отъ остальной Россіи даже и послѣ 1830 г. самостоятельнымъ законодательствомъ, особыми судебными и административными учрежденіями съ дѣлопроизводствомъ на мѣстномъ языкѣ, связанная съ Имперіей только общей государственной властью и незначительнымъ количествомъ лицъ русскаго происхожденія, поставленныхъ во главѣ немногихъ высшихъ государственныхъ постовъ, эта окраина до самаго послѣдняго времени жила совершенно изолированной умственной жизнію отъ остальной Россіи, мало интересуясь тѣмъ, что дѣлается и пишется въ послѣдней. Странно сказать, въ то время какъ изученіе французскаго и нѣмецкаго языка всегда считалось необходимой принадлежностью образованія высшихъ классовъ польскаго общества, незнаніе послѣдними русскаго языка и преднамѣренное игнорированіе всего, что пишется въ русской

литературѣ, всегда составляло и, къ сожалѣнію, продолжаетъ составлять предметъ гордости его. При такой изолированности мѣстной жизни Привислинскаго края тѣмъ менѣе, конечно, имѣло основанія русское общество обращать вниманіе на мѣстные интересы и литературу этого края, недоступную для него по языку.

Только съ появленіемъ чисто русской администраціи въ Царствѣ Польскомъ, съ Н. А. Милютинымъ во главѣ, въ китайской стѣнѣ, отдѣлявшей интелигентную Росссію отъ Царства Польскаго, была пробита—и то не поляками, а русскими же—первая сколько нибудь значительная брешь. Прежде чѣмъ приступать къ радикальному преобразованію всѣхъ прежнихъ средневѣковыхъ основъ общественнаго и экономическаго быта губерній Царства Польскаго, онъ отнесся глубоко и всесторонне къ изученію мѣстной общественной жизни и условій ея развитія. Каждый изъ проэктовъ преобразованія, начертанныхъ имъ въ видѣ докладныхъ записокъ, есть результатъ обширнаго и добросовѣстнаго изученія предмета. Остается только пожалѣть, что до настоящаго времени этотъ первый богатый вкладъ въ русскую ученую литературу по изученію нашей Привислинской окраины остается до сихъ поръ подъ спудомъ. Всѣ докладныя записки Н. А. Милютина, съ обширными историческими и статистическими приложеніями къ нимъ, были напечатаны въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и большинству читателей могутъ быть доступны отчасти развѣ только по тѣмъ краткимъ и отрывочнымъ даннымъ, которыя были извлечены изъ нихъ Шницлеромъ и вошли въ его многотомный трудъ L'Empire des Tsars. Если впослѣдствіи былъ перепечатанъ въ одномъ изъ русскихъ журналовъ одинъ изъ интереснѣйшихъ отрывковъ трудовъ Н. А. Милютина, то подъ неузнаваемымъ названіемъ и безъ имени автора.

Послѣ временно возбужденнаго политическими смутами 1862 года интереса въ русскомъ обществѣ къ ознакомленію съ нашей Привислинской окраиной, этотъ интересъ вскорѣ успѣлъ снова ослабѣть до такой степени, что даже столь замѣчательное и довольно обширное сочиненіе какъ книга Моллера „Situation de la Pologne au 1-er Janvier 1865", знакомящая читателя, не смотря на всю скромность своего заглавія, очень обстоятельно съ общественнымъ бытомъ и всѣми отраслями администраціи въ Привислинскомъ краѣ за періодъ съ конца прошлаго столѣтія по годъ изданія ея,—осталось не только не переведеннымъ на русскій языкъ, но едва ли даже извѣстнымъ большинству русскихъ ученыхъ и публицистовъ. Тѣ немногіе изъ нихъ, какъ самъ авторъ этой книги, которые и послѣ прекращенія смутъ 1862 года продолжали интересоваться тѣмъ, что дѣлается въ губерніяхъ Царства Польскаго, заботились, повидимому, больше о томъ, чтобы защитить въ глазахъ иностранной интеллигенціи честь Россіи противъ самыхъ черныхъ клеветъ, взведенныхъ на нее заграничной прессой, чѣмъ о томъ, чтобы открыть глаза самимъ русскимъ на положеніе дѣлъ въ Привислинскомъ краѣ и великое культурное значеніе, предстоявшее Россіи по отношеніи къ нему, а въ настоящее время выполненное уже въ главныхъ основаніяхъ рядомъ благотворныхъ реформъ нынѣшняго царствованія.

Нельзя не порадоваться появленію труда ген. Анучина, дающаго возможность ознакомиться въ общихъ чертахъ съ послѣдствіями самой главной изъ этихъ

реформъ, съ реформой крестьянской въ Царствѣ Польскомъ, и не пожалѣть, что даже этотъ трудъ остался мало замѣченнымъ русской журналистикой. Въ послѣднемъ отчасти, впрочемъ, виноватъ самъ авторъ, сдѣлавъ изданіе свое слишкомъ роскошнымъ и вслѣдствіе этого по цѣнѣ недоступнымъ для большинства частныхъ лицъ. Къ описанію приложено 25 картъ довольно большихъ размѣровъ, что возвысило цѣну „Очерковъ" до 100 рублей за экземпляръ.

Задачей своихъ „Очерковъ" авторъ поставляетъ, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, „показать, насколько съ достопамятной эпохи обнародованія Высочайшихъ указовъ отъ 19 февраля 1864 года окрѣпло гминное устройство и чѣмъ именно выразилось благосостояніе крестьянъ". Для выполненія этой задачи, онъ собралъ довольно обширный статистическій матеріалъ, освѣтивъ его соотвѣтственными историческими и законодательными комментаріями. Послѣдствія упомянутыхъ указовъ оказываются несомнѣнно въ высшей степени благотворными.

Прежнее гминное устройство сельскаго населенія, существовавшее до 1864 года, не только не давало ни малѣйшей самостоятельности послѣднему въ попеченіи о своихъ нуждахъ, но лишало его всякой возможности достигать благосостоянія. Гмину составляло всякое помѣстье, въ которомъ было какихъ нибудь 10 дворовъ, и главой такой гмины, подъ названіемъ гминнаго войта, былъ помѣщикъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась безконтрольно власть административная, полицейская и судебная, переходившая вмѣстѣ съ имѣніемъ отъ одного лица къ другому путемъ купли, продажи, даренія, аренды и проч. Указомъ 19 февраля эта власть переходитъ къ мірскому началу, къ громадѣ, избирающей себѣ свободно гминныхъ войтовъ и подчиняющей ихъ дѣятельность своему контролю. Этотъ указъ закрѣпилъ устройство гмины какъ основной единицы земскихъ учрежденій въ характерѣ всесословной волости. Уже въ 1859 году было предписано, чтобы гмины были не менѣе какъ изъ 50 дворовъ, такъ что образовалось всего только 3083 гмины; къ 1873 году это число было уменьшено до 1,313 гминъ для удовлетворенія потребностей чисто общественной администраціи, а не интересовъ частныхъ, помѣщичьихъ, какъ было до тѣхъ поръ. Средняя величина гминъ въ губерніяхъ Царства Польскаго составилась съ населеніемъ свыше 4,000 душъ обоего пола и съ пространствомъ около 14,000 морговъ или 7,000 десятинъ на каждую.

Вслѣдствіе такого соединенія множества мелкихъ гминъ въ немногія крупныя административныя единицы, послѣднія стали располагать довольно значительными средствами для удовлетворенія разнообразныхъ общественныхъ потребностей и къ 1874 году гминные сборы составили довольно крупную ежегодную цифру свыше $2^1/_2$ милліоновъ рублей. Эти средства не могли бы дойти до столь значительной цифры, вслѣдствіе одного только соединенія мелкихъ административныхъ единицъ въ крупныя, если бы въ тоже время не сдѣлало необыкновенно быстрыхъ успѣховъ благосостояніе большинства сельскаго населенія, какъ вслѣдствіе представленія ему гминнаго самоуправленія, гарантирующаго безопасность личности и собственности противъ произвола гминныхъ войтовъ-помѣщиковъ, такъ еще болѣе вслѣдствіе надѣла крестьянъ землею въ собственность. Крестьяне

получили не только въ надѣлъ всю ту землю, которою они пользовались во время провозглашенія указа 19 февраля, но и всю ту, которая незаконно была отобрана отъ нихъ помѣщиками за весь періодъ отъ 1846 года и присоединена къ фольваркамъ. Кромѣ того изъ казенныхъ и подуховныхъ имѣній были розданы земли въ надѣлъ безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ. Всего увеличилось крестьянское землевладѣніе противъ 1864 года на 266,993 усадьбы съ пространствомъ въ 1,916,355 морговъ, такъ что число крестьянскихъ усадьбъ достигло 694,747 съ пространствомъ въ 8,698,134 морга. Выкупы были совершены на самыхъ льготныхъ для крестьянъ основаніяхъ, такъ какъ въ Царствѣ Польскомъ, съ одной стороны, выкупалась не земля, а повинности, отбывавшіяся крестьянами за землю, остававшіяся съ давнихъ поръ безъ измѣненія, а съ другой, самая выкупная сумма покрывается не однимъ выкупнымъ платежемъ крестьянъ, вошедшимъ въ составъ поземельнаго крестьянскаго налога, но и изъ средствъ самого правительства по Царству Польскому. Какъ быстро стало большинство крестьянскаго населенія выходить изъ прежней нищеты, можно отчасти видѣть изъ одного того уже факта, приводимаго ген. Анучинымъ, что крестьяне въ 11-ти-лѣтній періодъ, протекшій послѣ 1864 года, успѣли пріобрѣсть покупкою отъ помѣщиковъ 7164 уволоки, т. е. свыше 107,000 десятинъ. Если принять цѣнность уволоки земли среднимъ числомъ въ 1000 руб., то общая цѣнность пріобрѣтенныхъ крестьянами 7,164 уволокъ достигнетъ огромной цифры 7,164,000 руб., по вычисленію ген. Анучина. Въ тотъ же періодъ сельское населеніе открыло у себя 1,242 новыхъ начальныхъ школъ большею частью на свой собственный счетъ путемъ постановленій даже не гминныхъ сходовъ, а приговоровъ отдѣльныхъ селъ, входящихъ въ составъ гминъ. Этому факту слѣдуетъ придавать тѣмъ большее значеніе, что сельскія школы содержатся преимущественно на счетъ одного только крестьянскаго населенія, такъ какъ помѣщики нашли возможность избѣгать устройства гминныхъ школъ, т. е. земскихъ для всего сельскаго населенія, а въ томъ числѣ и для безземельныхъ рабочихъ, живущихъ въ дворскихъ имѣніяхъ, какъ видно изъ отчетной записки Министра Внутреннихъ Дѣлъ о ходѣ гминнаго сельскаго управленія за 1873 годъ (стр. 7-я). Изъ „Очерковъ“ ген. Анучина, къ сожалѣнію, не видно, какъ велико именно число школъ, устроенныхъ на средства цѣлыхъ гминъ, т. е. школъ земскихъ, и на средства преимущественно крестьянскаго населенія, т. е. чисто сельскихъ школъ; но видно что изъ всей суммы 366,000 руб., издержанныхъ въ 1872 году всѣми начальными училищами, давалось правительствомъ бѣднѣйшимъ сельскимъ обществамъ вспомоществованія только 68,000 руб. Въ трудѣ ген. Анучина есть подробныя статистическія данныя о числѣ начальныхъ сельскихъ училищъ и учащихся въ нихъ за всѣ годы отъ 1864 по 1872 годъ включительно. Изъ нихъ видно, что въ 1864 году всѣхъ начальныхъ сельскихъ школъ было въ Царствѣ Польскомъ только 848 съ числомъ учащихся въ 47,551, а въ 1872 году число школъ возрасло до 2090, слѣдовательно на 146%; число учащихся увеличилось до 110,551, что составитъ 132%. Для 8-лѣтняго періода эта быстрота неимовѣрно большая. „Цифры эти самымъ

краснорѣчивымъ образомъ показываютъ, замѣчаетъ справедливо авторъ, что мѣстная интеллигенція, такъ высоко ставившая свои псевдонародные интересы, весьма мало заботилась объ образованіи сельскихъ жителей".

Успѣхи, сдѣланные народнымъ образованіемъ въ селахъ послѣ 1864 года, тѣмъ замѣчательнѣе, что въ это время во главѣ гминной администраціи поставлены были большею частью люди простые, малограмотные, а нерѣдко даже и совсѣмъ неграмотные. Въ 1870 году грамотные войты составляли всего только 60°/о всего числа войтовъ; къ 1874 году эта пропорція возрасла до 66°/о. Между лавниками, входящими въ составъ гминной администраціи и судовъ наравнѣ съ войтами, грамотность была еще менѣе распространена. Грамотные лавники составляли только 40°/о всего числа лавниковъ. Большая часть войтовъ и лавниковъ были изъ крестьянъ; войты изъ шляхты составляли не болѣе 14°/о всего числа войтовъ, а лавниковъ изъ шляхты было еще того менѣе: около 6½°/о.

Не менѣе быстрыхъ успѣховъ народнаго образованія послѣ 1864 года бросаются въ глаза успѣхи въ развитіи учрежденій краткосрочнаго сельско-хозяйственнаго кредита, играющихъ столь важную роль въ дѣлѣ благосостоянія крестьянъ. Ссудо-сберегательныя кассы, выдающія ссуды до 100 руб. подъ залогъ недвижимой собственности и до 15 руб. подъ поручительство, стали открываться съ 1869 года по иниціативѣ правительства и на его средства. Въ каждомъ уѣздѣ было открыто по двѣ такихъ кассы. Но съ 1870 г. такія же кассы начали открываться и по приговорамъ гминъ, селеній и посадовъ на ихъ собственныя средства. Въ четырехлѣтіе отъ 1870 по 1873 годъ включительно было открыто сельскимъ народонаселеніемъ на собственныя средства 209 ссудосберегательныхъ кассъ, деньги которыхъ постоянно разобраны и уплаты дѣлаются довольно удовлетворительно. Къ сожалѣнію, эти кассы были учреждены по примѣру волостныхъ кассъ удѣльнаго вѣдомства въ Имперіи и потому имѣютъ большую часть ихъ недостатковъ.

Въ очеркахъ ген. Анучина помѣщены также подробныя свѣдѣнія о размѣрѣ крестьянскихъ усадьбъ отдѣльно для селеній бывшихъ казенныхъ, частныхъ и для посадовъ для каждой губерніи особо, о распредѣленіи крестьянскихъ земель по угодьямъ, о стоимости крестьянскихъ строеній, о величинѣ уплачиваемыхъ крестьянами казенныхъ окладныхъ податей и спеціальныхъ сборовъ по каждому виду ихъ, о количествѣ гминныхъ сборовъ и расходовъ съ вычисленіемъ сколько приходится съ морга земли и съ души всѣхъ казенныхъ и гминныхъ платежей, о количествѣ скота у крестьянъ въ различныхъ губерніяхъ, о сервитутахъ, которыми пользуются крестьяне на земляхъ помѣщичьихъ, и другія въ высшей степени интересныя свѣдѣнія для характеристики современнаго экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Въ своемъ цѣльномъ видѣ и систематическомъ порядкѣ эти свѣдѣнія большею частью обнародуются въ первый разъ. Но именно вслѣдствіе этой новизны въ обработкѣ столь обширнаго статистическаго матеріала, имъ недостаетъ во многихъ случаяхъ достаточной полноты и законченности. Такъ, большая часть только что перечисленныхъ нами свѣдѣній приводится въ „Очеркахъ" только за послѣдній 1873 годъ безъ сравнительнаго сопоставленія съ данными за предшествующіе періоды, что лишаетъ читателя возможности судить о томъ,

на сколько быстро двинулось впередъ послѣ реформъ 1864 года благосостояніе крестьянъ въ каждомъ изъ этихъ отдѣльно взятыхъ отношеній. Такой пропускъ не представлялъ бы особыхъ неудобствъ въ странахъ богатыхъ статистической литературой, гдѣ достаточно сообщить новѣйшія только статистическія данныя, чтобы каждый могъ легко уже самъ сопоставить ихъ съ соотвѣтственными данными за прежніе періоды. Статистика же Царства Польскаго есть почти непочатая почва для научныхъ изслѣдованій; поэтому, какого вопроса ни касались бы вновь сообщаемыя статистическія данныя, изслѣдователь долженъ, по возможности, представлять соотвѣтственныя статистическія данныя и за прежніе періоды, хотя и собиравшіяся официальной статистикой, но помѣщенныя или въ малодоступныхъ для большинства читателей изданіяхъ, или даже въ совсѣмъ необнародованныхъ писанныхъ отчетахъ, хранящихся въ архивахъ. Понятно, что на разысканіе этихъ данныхъ потребовалось бы значительное время, что заставило бы автора отложить на неопредѣленный срокъ обнародованіе интересныхъ самихъ по себѣ свѣдѣній, за которыя нельзя не поблагодарить его, особенно въ виду крайней неразработанности подобныхъ же данныхъ для большинства остальныхъ губерній Имперіи, не смотря на „Труды особой коммиссіи при Министерствѣ Госуд. Имуществъ, Высочайше назначенной для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи“ послѣ реформы 1862 года. Этимъ желаніемъ подѣлиться съ читателями возможно скорѣе результатами своихъ интересныхъ изслѣдованій о крестьянскомъ бытѣ въ Царствѣ Польскомъ слѣдуетъ объяснять и другіе пробѣлы въ трудѣ ген. Анучина, касающіеся характеристики этого быта и въ настоящее время. Къ такимъ пробѣламъ относится прежде всего неуказаніе числа безземельныхъ крестьянъ. По даннымъ, обнародованнымъ г. Вольскимъ въ 1859 году, число ихъ достигало довольно внушительной цифры 1,168,000 лицъ обоего пола. На сколько уменьшилась эта цифра въ настоящее время, изъ „Очерковъ“ ген. Анучина не видно. Въ этихъ „Очеркахъ“ говорится только, что роздано 42,344 семействамъ безземельныхъ крестьянъ 148,984 морга изъ казенныхъ и подуховныхъ имѣній, что составитъ само по себѣ довольно небольшое уменьшеніе общаго числа безземельныхъ крестьянъ, тѣмъ болѣе что надѣлы эти столь незначительны, что въ среднемъ выводѣ на семью приходится не болѣе $3^1/_2$ морга. Но такъ какъ кромѣ того было открыто довольно значительное количество усадьбъ опустѣвшихъ послѣ 1846 года, число коихъ вмѣстѣ съ надѣленными изъ казенныхъ и подуховныхъ имѣній простирается до 266,994 усадьбъ съ 1,916,355 моргами, то можно заключить, что въ дѣйствительности уменьшеніе было гораздо болѣе значительнымъ. Было бы излишнимъ распространяться на счетъ всей важности знанія степени размѣровъ земледѣльческаго пролетаріата, унаслѣдованнаго теперешнимъ Царствомъ Польскимъ отъ временъ нераціональнаго законодательства бывшаго Варшавскаго Герцогства, допустившаго освобожденіе крестьянъ безъ земли и предоставившаго помѣщикамъ право присоединить крестьянскую землю къ своимъ фольварочнымъ землямъ.

Не менѣе важный пробѣлъ въ данныхъ, обнародованныхъ ген. Анучинымъ для характеристики современнаго крестьянскаго быта, составляетъ отсутствіе въ нихъ свѣдѣній о распредѣленіи всего крестьянскаго населенія по

занятіямъ и заработкамъ. Было бы интересно знать количество крестьянъ, живущихъ заработной платой въ качествѣ земледѣльческихъ рабочихъ какъ годовыхъ, такъ и поденьщиковъ. Различіе послѣднихъ двухъ категорій столь важно, что увеличеніемъ сельскихъ рабочихъ второй категоріи на счетъ уменьшенія первой въ Познани другихъ восточныхъ частяхъ Пруссіи въ послѣднее время объясняется главнымъ образомъ ухудшеніе благосостоянія сельскаго населенія, гонящее земледѣльцевъ изъ роднаго края въ Америку ежегодно цѣлыми тысячами. Вообще вопросъ о крестьянскомъ населеніи самомъ по себѣ въ различныхъ категоріяхъ его въ трудѣ ген. Анучина принадлежитъ къ наименѣе разработаннымъ. Онъ не указываетъ даже самой цифры крестьянскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ, а приводитъ цифру всего населенія гминъ, въ составъ котораго очевидно входятъ и лица некрестьянскаго сословія, какъ помѣщики, ихъ оффиціалисты и городскіе жители въ посадахъ, не имѣющіе права покупать крестьянскихъ земель. При неотдѣленіи въ „Очеркахъ“ числа крестьянскаго населенія отъ некрестьянскаго трудно понять какимъ образомъ была вычислена въ нихъ средняя сумма всѣхъ казенныхъ и гминныхъ платежей, приходящихся въ среднемъ выводѣ на душу въ крестьянскомъ населеніи въ различныхъ губерніяхъ Царства Польскаго отъ 82 коп. съ души какъ minimum'а въ Ломжинской губерніи, до 1 руб. 50 коп. въ Сувалковской, какъ maximum'а.

При пропускѣ вопроса о распредѣленіи крестьянскаго населенія по виду заработковъ, естественно, что въ „Очеркахъ“ совершенно опущенъ вопросъ и о высотѣ заработной платы въ губерніяхъ Царства Польскаго. Такъ какъ заработная плата остается главнымъ, а во многихъ случаяхъ даже единственнымъ источникомъ средствъ существованія для безземельнаго и малоземельнаго населенія, то понятно, на сколько важно опредѣлить уменьшился ли, и на сколько именно, этотъ источникъ въ сравненіи съ періодомъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, для котораго имѣются подробныя статистическія данныя въ мѣстной литературѣ. Если бы авторъ включилъ въ свои „Очерки“ вопросъ о заработной платѣ, то, конечно, онъ коснулся бы и вопроса объ измѣненіи цѣнъ на хлѣбъ и другіе предметы первой необходимости въ сравненіи съ періодомъ, предшествующимъ реформѣ 1864 года, ибо отъ этихъ измѣненій зависитъ и величина дохода крестьянъ-собственниковъ и величина издержекъ содержанія семействъ безземельныхъ крестьянъ, живущихъ заработной платой.

Говоря о крестьянскомъ землевладѣніи, авторъ совершенно не касается вопроса о чрезполосности, въ которой находится довольно значительное количество крестьянскихъ земель въ губерніяхъ Царства Польскаго. Между тѣмъ этотъ вопросъ имѣетъ столь большую важность, что въ Галиціи напр. чрезмѣрно большая чрезполосность является одной изъ главныхъ причинъ столь сильнаго застоя въ развитіи сельскаго хозяйства, что въ длинный періодъ, протекшій отъ 1848 года по 1870 годъ, сельско-хозяйственная производительность этой провинціи не сдѣлала ни малѣйшаго шага впередъ.

Самое пространство территоріи гминъ въ Царствѣ Польскомъ едва ли опредѣлено правильно въ „Очеркахъ“. Оно показывается въ нихъ въ 18,170,991 морговъ или въ 1,824 квадратныхъ мили. Между тѣмъ какъ по топографическимъ изслѣдованіямъ, на основаніи которыхъ исчислено пространство Россіи полковникомъ Стрѣльбицкимъ, пространство всей территоріи

Царства Польскаго простирается до 2,312 кв. миль. Ген. Анучинъ находитъ пространство гминъ въ 1824 квадр. мили „весьма подходящимъ къ дѣйствительности, если принять во вниманіе, что въ немъ не показаны города, воды, публичныя сообщенія“ (см. стр. 5 пр. 2-е очерковъ). Но трудно согласиться съ авторомъ, чтобы почти 500 квадратныхъ миль могло находиться подъ городами, водами и путями сообщенія, тѣмъ болѣе, что крестьянскія земли подъ водами, строеніями, выгонами и неудобными пространствами въ 1,313,000 морговъ, внесены уже ген. Анучинымъ въ общее пространство 18,170,991 морга или 1,824 квадр. миль (см. стр. 19 „Очерковъ“). Авторъ сознаетъ самъ неточность приводимаго имъ пространства и объясняетъ ее тѣмъ, что „крестьянскія земли не всѣ сняты на планы и пространство помѣщичьихъ и другихъ земель, за отсутствіемъ плановъ, показано по мѣстнымъ свѣдѣніямъ“ (см. стр. 5, пр. 2). Остается пожалѣть, что авторъ не воспользовался болѣе точными свѣдѣніями о пространствѣ земли, именно тѣми, на основаніи которыхъ производится раскладка казенными палатами поземельнаго налога, соотвѣтственно не только пространству, но и качеству земель. Хотя свѣдѣнія эти были собраны посредствомъ заявленій землевладѣльцевъ, но съ указаніемъ на основаніи какихъ именно документовъ показано ими пространство земли и подъ угрозою взысканія довольно значительнаго штрафа за все количество утаенной земли. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти, равно какъ и собранныя при подобныхъ же условіяхъ подымной переписью, въ которой указано между прочимъ и пространство всей удобной и неудобной земли, за новѣйшее время не обнародуются и естественно остаются безъ надлежащей научной разработки. По этимъ свѣдѣніямъ въ Варшавской губерніи, для которой одной только мы имѣемъ подъ рукою новѣйшія данныя, всей земли въ гминахъ находится 2,405,990 морговъ, не считая неудобной земли въ посадахъ. Въ „Очеркахъ“ всей земли въ гминахъ Варшавской губерніи показано только 2,257,159 морговъ, т. е. на 148,831 моргъ менѣе. Если такая же неточность допущена авторомъ относительно пространства земли и по другимъ губерніямъ на основаніи тѣхъ мѣстныхъ источниковъ, которыми онъ располагалъ, то въ такомъ случаѣ пространство всѣхъ гминъ въ Царствѣ Польскомъ у него вышло менѣе почти на 1½ милліона морговъ или около 700,000 десятинъ противъ опредѣляемаго болѣе вѣрными свѣдѣніями, на основаніи которыхъ распредѣляется поземельный окладный сборъ. Дѣйствительно, погрѣшность не можетъ быть менѣе этой цифры, если принять во вниманіе данныя о количествѣ дворскихъ и крестьянскихъ земель, обнародованныя въ 1866 и 1867 гг. бывшимъ финансовымъ управленіемъ края и коммиссіей для преобразованія окладныхъ податей въ Царствѣ Польскомъ, также количество казенныхъ лѣсовъ и пространство земель городовъ, вошедшихъ въ составъ гминъ при преобразованіи въ посады. Повидимому, мѣстными свѣдѣніями, на основаніи которыхъ было опредѣлено въ „Очеркахъ“ пространство гминъ, послужили тѣ данныя, которыя имѣются въ каждой гминѣ для раскладки гминныхъ сборовъ. Но эти свѣдѣнія относительно дворскихъ земель крайне неправильны, такъ какъ одно и тоже имѣніе входитъ нерѣдко въ составъ двухъ или трехъ гминъ, вслѣдствіе чего управленіе каждой отдѣльной гмины не имѣетъ возможности провѣрить правиль-

ность показаній владѣльцевъ такихъ имѣній. Свѣдѣнія, на основаніи которыхъ производится раскладка казеннаго поземельнаго налога на дворскія земли, гораздо болѣе вѣрны, такъ какъ онъ распредѣляется не по отдѣльнымъ сёламъ и гминамъ, но по отдѣльнымъ имѣніямъ, въ составъ какихъ бы гминъ послѣднія ни входили.

Вслѣдствіе того, что авторъ не воспользовался богатымъ статистическимъ матеріаломъ, представляемымъ данными для раскладки казеннаго поземельнаго налога, въ его „Очерки“ не вошли свѣдѣнія о пространствѣ въ различныхъ губерніяхъ и уѣздахъ крестьянскихъ земель каждой изъ тѣхъ 4-хъ категорій ихъ плодородія и доходности, по которымъ производится раскладка этого налога. Авторъ на стр. 15—16 „Очерковъ“ приводитъ по всѣмъ губерніямъ и уѣздамъ Царства Польскаго табель окладамъ основнаго поземельнаго налога съ одного морга удобной крестьянской земли по 4-мъ ея разрядамъ, т. е., a) земли огородной и лучшей пахатной подъ посѣвы пшеницы, b) пахатной хорошей и средней почвы подъ посѣвы ржи, c) сѣнокосные луга, d) подъ лѣсомъ, пастбищами и пахатными пашнями самаго низшаго качества. Не приводя самаго пространства земли каждаго изъ этихъ разрядовъ, авторъ, очевидно, лишаетъ этимъ читателя возможности судить, на сколько въ различныхъ мѣстностяхъ крестьяне пользуются сравнительно лучшаго или худшаго качества землями, приносящими различной величины доходъ.

Что касается до свѣдѣній по другимъ вопросамъ, указаннымъ нами, то они частію собираются ежегодно оффиціальною статистикою, какъ напр. о высотѣ заработной платы для ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ губернаторскихъ отчетовъ, о цѣнахъ на хлѣбъ для интендантскаго вѣдомства и то очень неполно, какъ первыя—или совсѣмъ не собираются, какъ напр. о количествѣ колоніально, безъ чрезполосицы устроенныхъ селеній, о числѣ крестьянскаго населенія по различнымъ видамъ ихъ заработковъ. Какъ неполноту свѣдѣній по однимъ, такъ и полный недостатокъ ихъ по другимъ существенно важнымъ вопросамъ для характеристики экономическаго быта крестьянъ, авторъ „Очерковъ“ имѣлъ, конечно, возможность пополнить, если, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду, „собраніе матеріаловъ для этихъ „Очерковъ“ было предпринято по распоряженію бывшаго Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ покойнаго графа Берга“ и затѣмъ продолжалось при „энергической поддержкѣ“ нынѣшняго главнаго начальника края, графа Коцебу. Но такое пополненіе потребовало бы, конечно, значительно большаго времени для составленія „Очерковъ“ и лишило бы возможности читателей 2-мя—3-мя годами раньше пользоваться и безъ того интереснымъ матеріаломъ, собраннымъ въ нихъ. Авторъ самъ сознаетъ неполноту своего труда и слабыя его стороны, объясняя ихъ новостью дѣла и обѣщая при второмъ изданіи избѣжать ихъ. Въ извиненіе автора кромѣ новости дѣла мы можемъ привести еще другое, существенно важное обстоятельство. Какъ автору „Очерковъ“, такъ и всякому, занимающемуся научной обработкой статистики Привислинскаго края, предстоитъ двойной трудъ въ сравненіи съ изслѣдователями какой-либо другой мѣстности Россійской Имперіи. Во всѣхъ губерніяхъ Имперіи есть особые статистическіе комитеты, которые спеціально посвящаютъ себя собранію и разработкѣ сыраго статистическаго матеріала. Таковыхъ комитетовъ въ губерніяхъ Царства Польскаго до сихъ поръ не

имѣется и изслѣдователю мѣстнаго быта если даже удастся отыскать нужный для него сырой статистическій матеріалъ, то приходится самому сводить итоги цифръ, хороше еще, если только по уѣздамъ, а то нерѣдко и по отдѣльнымъ гминамъ и селеніямъ.

Тѣмъ болѣе заслуги со стороны г. Анучина, если при всѣхъ этихъ трудностяхъ онъ съумѣлъ своимъ трудомъ положить солидное начало изслѣдованію экономическаго положенія крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ послѣ достопамятныхъ реформъ 19 февраля 1864 года. Трудъ этотъ важенъ не только для тѣхъ, кто интересуется Привислинскимъ краемъ и успѣхами народнаго благосостоянія, вызванными этими реформами, но и для желающихъ выяснить положеніе крестьянскаго населенія въ остальныхъ провинціяхъ Имперіи путемъ сравнительнаго сопоставленія съ положеніемъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Для многихъ можетъ казаться непонятнымъ, какимъ образомъ крестьянская реформа 1864 года въ этомъ краѣ могла привести къ гораздо болѣе благотворнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ подобная же реформа въ большинствѣ губерній остальной Имперіи, когда величину крестьянскихъ надѣловъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи можно встрѣтить болѣе значительную при равныхъ и даже лучшихъ качествахъ почвы и при отсутствіи или меньшемъ количествѣ безземельнаго крестьянскаго населенія. Но эти писатели не обращаютъ вниманія на то, что съ одной стороны условія выкупа надѣловъ для крестьянъ были несравненно болѣе льготными въ Привислинскомъ краѣ, чѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи; а съ другой стороны, что почти одновременно съ крестьянской реформой были произведены въ Царствѣ Польскомъ капитальной важности податныя реформы, возложившія податную тягость на недвижимую собственность, главнымъ образомъ на землю, соотвѣтственно ея естественному плодородію и доходности, какъ это мы видимъ въ основномъ и добавочномъ окладномъ поземельномъ сборѣ со всѣхъ видовъ землевладѣнія, какъ крестьянскаго, такъ помѣщичьяго и даже казеннаго, за исключеніемъ только казенныхъ лѣсовъ. Между тѣмъ въ Россіи податная тягость, въ видѣ подушной подати, лежитъ главнымъ образомъ на лицѣ, безъ отношенія къ его собственности и источникамъ дохода, что дѣлаетъ положеніе крестьянскаго населенія въ Имперіи невыносимо тяжелымъ. Какъ показали недавнія изслѣдованія профессора Янсона, во многихъ губерніяхъ Россіи послѣ 1862 года податные и выкупные платежи, тяготѣющіе на крестьянахъ, превышаютъ весь доходъ, извлекаемый ими изъ своихъ надѣловъ. Ничего подобнаго въ губерніяхъ Царства Польскаго не встрѣчается; здѣсь не только не существуетъ подушной подати, но самые налоги на недвижимую собственность распредѣляются довольно уравнительно между всѣми классами населенія, безъ различія между привиллегированными и непривиллегированными сословіями. Если сравнить податную тягость, приходящуюся въ среднемъ выводѣ на жителя въ Привислинскомъ краѣ и въ остальной Имперіи, то эта тягость будетъ почти одинакова; но важно то, что она распредѣлена далеко неодинаково въ нихъ. Трудъ г. Анучина не указываетъ, на сколько различія въ податныхъ системахъ въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ должны дѣлать положеніе крестьянскаго населенія въ послѣднемъ гораздо болѣе льготнымъ; тѣмъ не менѣе въ немъ читатель можетъ найти общую характеристику главныхъ основаній податной системы въ этомъ краѣ по отно-

шенію къ крестьянамъ съ ссылками на дѣйствующее законодательство, что даетъ каждому возможность самому выяснить эти различія и понять тѣ крайне невыгодныя условія, въ которыя поставлено крестьянское землевладѣніе въ Имперіи въ сравненіи съ губерніями Царства Польскаго.

Г. Симоненко.

(ПРОФЕССОРЪ ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА).

Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства (1850—1875). Составленъ секретаремъ Общества *Н. Ситовскимъ.* Тифлисъ. 1875 г.

Краткій очеркъ дѣятельности Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства за перво двадцатипятилѣтіе его существованія. 1850—1875. Составленъ *Н. Ситовскимъ.* Тифлисъ. 1875.

Сельскохозяйственныя Общества вездѣ признаются однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для распространенія въ сельскомъ населеніи лучшихъ пріемовъ хозяйства. Въ Россіи, въ настоящее время, считается до 70 подобныхъ обществъ, но большая часть изъ нихъ, около 50, возникли въ новѣйшее время, т. е. послѣ крестьянской реформы 1861 г. Лишь немногія считаютъ свое существованіе десятками лѣтъ. Къ числу послѣднихъ относится и Кавказское Общество Сельскаго Хозяйства, которое недавно праздновало свой 25-лѣтній юбилей и дѣятельность котораго несомнѣнно была плодотворна для кавказской окраины.

Кавказское Общество существованіемъ своимъ обязано иниціативѣ бывшаго Намѣстника Кавказскаго, князя М. С. Воронцова. Съ своимъ яснымъ и практическимъ государственнымъ умомъ, со страстною любовью къ сельскому хозяйству, князь Воронцовъ понималъ, что ввѣренный ему край, щедро надѣленный самыми разнообразными, но не початыми еще дарами природы, заключаетъ въ себѣ богатые источники народнаго благосостоянія и что нужно только пробудить частную предпріимчивость и указать ей пути для ея дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія. До пріѣзда въ закавказье князя Воронцова, въ краѣ не было ни одного улучшеннаго земледѣльческаго орудія, ни одной усовершенствованной машины, ни одного мало-мальски порядочнаго хозяйства. Послѣ первыхъ пятилѣтнихъ попытокъ князя Воронцова вывести сельское хозяйство края изъ его первобытнаго положенія и дать ему образцы для подражанія въ нѣсколькихъ созданныхъ имъ казенныхъ, опытныхъ агрономическихъ учрежденіяхъ, явились попытки улучшенія и въ частныхъ хозяйствахъ. Чтобы поощрить эти начинанія и доставить хозяевамъ возможность обмѣниваться своими мыслями и наблюденіями, князь Воронцовъ создалъ въ 1850 г. Кавказское Общество Сельскаго Хозяйства и былъ до конца своей службы на Кавказѣ президентомъ и главнымъ руководителемъ Общества. Двадцатипятилѣтняя дѣятельность этого Общества, описанная въ двухъ вышеуказанныхъ трудахъ секретаря Общества, г. Ситовскаго, распадается на три пе-

ріода, соотвѣтствующіе административнымъ перемѣнамъ въ высшемъ управленіи края. Первый періодъ Общества обнимаетъ время съ 1850—1856 г., второй періодъ, съ 1856—1862 г., совпадаетъ со временемъ управленія краемъ князя А. И. Барятинскаго и третій, съ 1863 по 1875 г., относится ко времени управленія краемъ нынѣшняго Намѣстника, Великаго Князя Михаила Николаевича.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе дѣятельности Общества, мы ограничиваемся только общей характеристикой ея въ трехъ указанныхъ періодахъ. Въ первомъ періодѣ, благодаря энергіи президента-основателя и его ближайшихъ сотрудниковъ, возбуждено было много вопросовъ и заявлено много предположеній объ улучшеніи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, но при маломъ знакомствѣ съ дѣйствительными потребностями края, при отсутствіи даже приблизительныхъ статистическихъ свѣдѣній о производительности края, при недостаткѣ въ средѣ Общества спеціалистовъ и вообще хорошихъ хозяевъ въ краѣ, при недовѣрчивости къ самому учрежденію со стороны туземнаго, мало развитаго населенія, и наконецъ при скудости матеріальныхъ средствъ Общества, въ дѣйствіяхъ его было мало послѣдовательности и систематичности и потому за этимъ періодомъ осталась честь однихъ начинаній.

Во второмъ періодѣ, по окончаніи кавказской войны и по умиротвореніи страны, когда большая часть мѣстныхъ землевладѣльцевъ возвратилась съ боеваго поприща въ свои помѣстья и предались мирнымъ занятіямъ сельскаго хозяйства, значеніе и кругъ его дѣятельности стали расширяться.

Съ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса и введеніемъ, вслѣдствіе генеральнаго межеванія, большей опредѣлительности поземельнаго владѣнія въ мусульманскихъ провинціяхъ, дѣятельность Общества въ третьемъ періодѣ перешла на болѣе практическую дорогу, къ поддержкѣ совѣтами, указаніями и поощреніями частной предпріимчивости и потому начала возбуждать еще большій интересъ въ сельскомъ населеніи; вслѣдствіе этого расширились какъ самый кругъ дѣятельности, такъ и матеріальныя его средства. Съ 1864 г., со времени упраздненія „Управленія сельскаго хозяйства и промышленности", Кавказское Общество Сельскаго Хозяйства стало въ болѣе близкія отношенія къ администраціи, сдѣлавшись для нея органомъ разсмотрѣнія всѣхъ поступающихъ въ Главное Управленіе намѣстника хозяйственно-административныхъ вопросовъ. Отъ этого сближенія несомнѣнно много выиграли какъ Общество, такъ и самая администрація. Для окончанія характеристики дѣятельности Общества необходимо сказать, что въ теченіе первыхъ 25 лѣтъ своего существованія оно располагало денежными средствами въ 134,105 руб., изъ коихъ 118,150 р. составилось изъ правительственныхъ субсидій, 9940 р. изъ членскихъ взносовъ и 6015 р. изъ разныхъ болѣе случайныхъ доходовъ. Почти вся эта сумма и израсходована Обществомъ, именно 132,256 р., въ томъ числѣ 44 т. на хозяйственные расходы по Обществу, 16 т. на вознагражденіе помощника секретаря, 5 т. на библіотеку, 28 т. на изданіе Общества и остальная сумма, около 38 т. р., на поощреніе разныхъ отраслей хозяйства, путемъ распространенія лучшихъ земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ, учрежденія выставокъ и раздачею наградъ лучшимъ хозяевамъ.

Сельскохозяйственное дѣло Европы и Америки на вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года и въ эпоху ея. *А. Ермолова.* **С.-Петербургъ. 1875 г. стр. IX, 667+23.**

Книга г. Ермолова составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ русскую экономическую литературу; это далеко не сухое, техническое описаніе разныхъ отраслей хозяйства, а рядъ талантливыхъ этюдовъ, преимущественно экономическаго свойства о состояніи, характерѣ и направленіи сельскохозяйственной промышленности въ различныхъ странахъ Европы и Америки въ эпоху вѣнской выставки. По своимъ пріемамъ изложенія, искусству группировки фактовъ и умѣнью дѣлать изъ нихъ выводъ, авторъ очевидно принадлежитъ къ той школѣ агрономовъ - экономистовъ, изъ которой вышли Леонсъ Лавернъ и Эмиль Лавелэ. Исходною точкою г. Ермолова служитъ то вѣрное положеніе, что сельскохозяйственная промышленность, добывая для человѣка продукты питанія и потребленія, должна считаться основною отраслью народнаго хозяйства, обусловливающею возможность существованія и развитія всѣхъ другихъ, что изученіе этой промышленности, въ различныхъ формахъ ея развитія, самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ изученіемъ исторіи жизни и развитія человѣчества, и что на европейскомъ земледѣліи зиждется въ настоящее время и вся европейская цивилизація, потому что, по счастливому выраженію Ламартина: ce n'est pas seulement du blé qui sort du sillon tracé par la charrue — c'est la civilisation toute entière (не одинъ хлѣбъ, а цѣлая цивилизація выростаетъ на бороздѣ, которая проведена сохой).

Воспользовавшись тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который доставила ему личное, внимательное изученіе вѣнской всемірной выставки и вызванной ею спеціальной литературы, авторъ разбираетъ послѣдовательно состоянія земледѣлія и скотоводства во всѣхъ европейскихъ странахъ, которыя были представлены болѣе или менѣе полно на вѣнской выставкѣ, а также и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. При этомъ онъ старается, по мѣрѣ возможности, опредѣлить для каждой страны положеніе въ ней землевладѣнія, количество и процентное отношеніе обрабатываемой земли, такъ называемой сельскохозяйственной территоріи, распредѣленіе ея по разнымъ угодьямъ, а также по разнымъ культурамъ и сортамъ воздѣлываемыхъ хлѣбовъ, средній размѣръ хозяйственной единицы съ расчетомъ количества людей и животныхъ, содержимыхъ на этомъ пространствѣ, и наконецъ общіе итоги производимыхъ въ каждой странѣ продуктовъ земледѣлія и скотоводства. При этомъ авторъ весьма тщательно старается вичислить, какое количество изъ этихъ продуктовъ потребляется въ самой странѣ и какое ввозится въ нее или вывозится изъ нея. Можно пожалѣть объ одномъ, что авторъ не сдѣлалъ въ своей книгѣ заключительной главы, чтобы представить общую сравнительную картину по всѣмъ странамъ европейскаго и отчасти американскаго материковъ производства и потребленія сельскохозяйственныхъ продуктовъ и торговли ими. Между тѣмъ всѣ данныя для подобнаго, общаго сравнительнаго очерка имѣются въ книгѣ г. Ермолова и было бы весьма интересно видѣть такую ихъ группировку. Хотя въ настоящее время и появились болѣе систематическія

по сельскохозяйственной статистикѣ работы (профессора Неймана-Споларта, Uebersichten über Produktion, Verkehrsmittel und Welthandel, во II томѣ Geographisches Jahrbuch Бэма; также изданная французскимъ министерствомъ земледѣлія Statistique internationale de l'Agriculture), тѣмъ не менѣе трудъ г. Ермолова и въ этомъ отношеніи не потерялъ своей цѣны. Уступая въ нѣкоторыхъ детальныхъ исчисленіяхъ цифрамъ г. Неймана и французскаго министерства земледѣлія, данныя, собранныя г. Ермоловымъ и выводы, имъ сдѣланныя изъ нихъ, по каждой странѣ, сохраняютъ свое значеніе и по своей обширности, и потому, что относясь къ одной опредѣленной эпохѣ могутъ служить исходной точкой для сравненія съ будущими эпохами и для оцѣнки дальнѣйшаго прогресса сельскохозяйственной промышленности. Притомъ въ дѣлѣ развитія этой промышленности успѣхи не могутъ быть на столько чувствительны, чтобы въ какіе нибудь 5 лѣтъ измѣнить весь строй хозяйственныхъ условій страны и ея производства.

По этому книга г. Ермолова надолго останется интереснымъ и назидательнымъ чтеніемъ для интересующихся успѣхами современнаго сельскаго хозяйства, подобно тому какъ и книга г. Лавернья: l'Economie rurale en Angleterre et en Irlande и l'economie rurale en France не утратили до сихъ поръ своего интереса и значенія.

В. Вешняковъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ.

Русскій промысловый налогъ. Сочиненіе *А. Субботина.* Москва. 1877.

Неудовлетворительность и неправильность системы нашихъ налоговъ, а потому—необходимость ея преобразованія стали уже общимъ, избитымъ мѣстомъ въ кругѣ понятій русскаго мыслящаго и читающаго человѣка. Потребность въ реформѣ давно уже, еще почти въ началѣ нынѣшняго царствованія, сознана самимъ правительствомъ. Исполнилось уже 17 лѣтъ существованія „Коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ“. Коммиссія напечатала массу своихъ Трудовъ по разнымъ вопросомъ, относящимся до системы нашихъ государственныхъ доходовъ. Многіе изъ этихъ Трудовъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Но, тѣмъ не менѣе, законодательные опыты Коммиссіи нельзя назвать удачными: извѣстна (или скажемъ лучше, неизвѣстна) судьба ея проекта реформы подушной подати, канувшаго куда-то, въ Лету, послѣ отзывовъ о немъ земствъ; извѣстны и результаты тѣхъ проектовъ Коммиссіи, которымъ удалось получить законодательную санкцію: за исключеніемъ маловажнаго все-таки налога на недвижимую собственность въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, замѣнившаго собою мѣщанскую подушную подать и, сколько извѣстно, невозбуждающаго пререканій и

неудовольствій, — остальныя нововведенія, созданныя Коммиссіей, — реформа промысловаго (торговаго) налога, реформа гербоваго сбора и проч. никакъ не могутъ назваться удачными.

Получилось, такимъ образомъ, довольно странное явленіе, не мало тормозящее, какъ намъ кажется, поступательное движеніе нашей податной реформы: вмѣсто критики системы, для передѣлки которой создана Коммиссія, — литературѣ и публицистикѣ, этимъ важнымъ помощницамъ всѣхъ правительственныхъ начинаній на пути реформъ, нерѣдко приходится заниматься критикою неудачнаго *новаго*, поставленнаго на мѣсто *стараго*. Вмѣсто выясненія общихъ началъ податной реформы, которое могло бы получиться изъ критическаго обслѣдованія нашей дореформенной системы государственныхъ доходовъ, — выясненія, которое можетъ быть было бы небезполезно и для самой Коммиссіи, еще неимѣвшей времени имъ заняться, — публицистика вынуждена обращаться къ частностямъ, создаваемымъ дѣятельностью Коммиссіи, и о неудобствахъ, о которыхъ не можетъ же она молчать. Планъ общей реформы остается, слѣдовательно, еще совершенно не выработаннымъ ни оффиціально, ни неоффиціально.

Говоря о необходимости общей критики нашей податной системы, для созданія затѣмъ, при помощи науки и данныхъ нашего законодательства и нашей исторіи, — общаго плана реформы, мы не думаемъ, конечно, что вся эта работа можетъ быть сдѣлана однимъ почеркомъ. Нѣтъ, для этого нужно дружное взаимодѣйствіе, какъ административныхъ, такъ и ученыхъ силъ, при надлежащемъ раздѣленіи труда между спеціалистами.

На всѣ эти соображенія навела книжка г. Субботина. По мысли своей она намъ представляется именно одною изъ такихъ работъ, которыя должны быть сдѣланы до приступа къ составленію общаго плана податной реформы. Такого рода предварительныя работы есть и въ составѣ Трудовъ Податной Коммиссіи, но ихъ немного. Правда, г. Субботину пришлось подвергнуть своему критическому анализу налогъ, уже преобразованный; но во 1-хъ преобразованіе это не составляетъ серьезнаго измѣненія прежнихъ началъ; а во 2-хъ что же дѣлать, если новая мѣра вызываетъ критику; нельзя же оставить укореняться начала ложныя, хотя бы они даже совсѣмъ были вновь созданы.

Г. Субботинъ задался мыслью разсмотрѣть нашъ промысловый налогъ, указать его недостатки и то мѣсто, которое, по настоящему, онъ бы долженъ занимать въ системѣ нашихъ государственныхъ доходовъ. Словомъ, г. Субботинъ желалъ бы перенести центръ тяжести нашей податной системы съ налога питейнаго на налогъ промысловый. Такое развитіе намъ кажется немножко смѣлымъ, тѣмъ болѣе, что самъ же авторъ отказывается дать „всестороннее построеніе системы промысловаго налога сообразно послѣднему слову науки“. Читатель вправѣ сказать автору: „указавъ высокое мѣсто промысловому налогу, научите, какъ его туда поставить“. Мы однако оставимъ всторонѣ нѣкоторое увлеченіе автора своей идеей и взглянемъ на содержаніе его книжки съ другой стороны, т. е. на сколько она въ дѣйствительности отвѣчаетъ своему назначенію подготовительной работы для нашей податной

реформы, — назначенію, которое, по искреннему нашему убѣжденію, должны имѣть, въ настоящее время, всѣ подобныя изслѣдованія нашихъ финансовыхъ вопросовъ.

Указавъ общія начала промысловаго налога, какъ они исторически выработались въ литературѣ, и приложивъ ихъ къ нашему обложенію промысловъ, авторъ справедливо находитъ, что источникъ налога у насъ не выдѣленъ ясно, что субъектами налога оказываются далеко не всѣ лица, которыя должны бы быть; что объектъ здѣсь не дѣйствительный промысловой доходъ, а вѣроятный (?) доходъ отъ промысловаго капитала; что доля (окладъ?) налога есть неподвижная цифра, платимая съ подвижнаго капитала и притомъ обратно-пропорціональная объему промысловъ и т. д.—Это неблагоустройство нашего промысловаго обложенія авторъ старается объяснить ходомъ его историческаго развитія. Исторія тутъ, конечно, не безъ грѣха; но—вѣдь наши старинныя, „пятыя и 10-я деньги" съ промысловъ — одна изъ формъ стариннаго промысловаго налога,—гораздо болѣе соотвѣтствовали требованіямъ современной науки, чѣмъ позднѣйшіе гильдейскіе сборы. Исторія давала—въ прошедшемъ благой примѣръ, а практика пришла къ иному порядку; и почему?—намъ кажется, просто потому, что *такъ* она находила удобнѣе для себя. Въ заключеніи историческаго обзора судебъ промысловаго налога въ Россіи, авторъ приходитъ къ выводу, что налогъ этотъ, въ его нынѣшнемъ видѣ, служитъ лишь преддверіемъ въ болѣе выработанной формѣ, которая дѣйствительно охватывала бы промышленный доходъ. Нельзя не пожелать, чтобы наше законодательство поскорѣе выбралось изъ этого плохо-выстроеннаго преддверія!

Разбирая дѣйствующее законодательство авторъ весьма удачно указываетъ самое больное его мѣсто: именно, что нашъ промысловый налогъ поражаетъ не доходъ, а только право на полученіе его, да и то чрезвычайно неравномѣрно. Это дѣйствительно коренной недостатокъ нашихъ промысловыхъ сборовъ. Но затѣмъ авторъ довольно странно объясняетъ финансовое значеніе промысловаго налога, усматривая его „въ доставленіи правительству средствъ на содѣйствіе промышленности" и далѣе — что „промысловый налогъ долженъ быть возвращенъ промышленности съ плюсомъ, что зависитъ отъ его употребленія по увеличенію общаго промысловаго дохода". Какъ будто налоги (и именно подати, каковъ промысловой налогъ) взыскиваются не вообще для надобностей государства, а для воспособленія тому или другому классу плательщиковъ. Можно желать, чтобы дѣятельность государственнаго управленія была полезна обществу — въ экономическомъ смыслѣ, но требовать, чтобы ею возвращалось плательщикамъ (или спеціально-промышленному классу?) что они уплатили, да еще съ плюсомъ и чтобы налоги употреблялись, каждый спеціально, на тѣхъ, съ кого они взяты, — требованіе слишкомъ странное! Посмотримъ, какую будущность предрекаетъ нашему промысловому налогу.

Авторъ полагаетъ, что правительству предстоитъ заботиться о возвышеніи нашего средняго класса, дабы сгладить неравенства, поддержать болѣе сравнительныя цѣны народнаго продовольствія и пр. и что „этому можно содѣйствовать отчасти и измѣненіемъ даже промысловаго

налога, который долженъ быть направленъ такъ, чтобы не допускать сосредоточенія богатства въ немногихъ рукахъ, а облегчать для безкапитальнаго люда путь къ пріобрѣтенію". Эти заявленія автора сводятся опять къ тому-же употребленію выручки отъ налога на улучшеніе положенія, но уже не промышленности вообще, а нисшаго класса народа. „Правительство должно вмѣшаться и уменьшать препятствія къ правильному примѣненію производительныхъ силъ, гарантировать членамъ общества производительность ихъ труда" — насчетъ выручки отъ увеличеннаго промысловаго налога. Все это какъ-то плохо вяжется между собою. Мы не отрицаемъ пользы возвышенія промысловаго налога, считаемъ даже необходимымъ это возвышеніе, но не придаемъ ему никакого спеціальнаго предназначенія для покровительства промышленности и т. п. Намъ кажется возвышеніе это желательнымъ просто ради болѣе правильнаго распредѣленія податнаго бремени между разными классами плательщиковъ. Нашему автору этого мало: онъ какъ будто старается оправдать возвышеніе налога, предназначая его на пользу плательщиковъ. Кромѣ этого предназначенія авторъ даетъ промысловому налогу еще и другое — для потребностей земскихъ.

Но въ тоже время авторъ находитъ, что у насъ промысловой доходъ еще малъ и потому рекомендуетъ правительству, въ видахъ собственныхъ финансовыхъ интересовъ, оказывать „содѣйствіе промышленнымъ соединеніямъ", между тѣмъ, какъ „наша финансовая система, стѣсняя мелкую промышленность, мѣшаетъ развитію промышленныхъ коопераціи". Наконецъ незначительность нашего промысловаго налога въ государственномъ бюджетѣ авторъ объясняетъ переходнымъ состояніемъ нашей торговли и промышленности и тѣмъ, что свободный трудъ и свободный капиталъ, подъ невыдохшимся еще вліяніемъ крѣпостныхъ отношеній, еще не вошли въ свою роль, какъ главные финансовые источники. Развитіе промысловаго налога, думаетъ авторъ, поведетъ къ облегченію поземельнаго (подушнаго?) налога и къ переустройству питейнаго. „Промысловый налогъ призванъ поддержать равновѣсіе въ русской податной системѣ". Авторъ даже полагаетъ, что обложеніе торгово-промышленнаго класса обѣщаетъ для финансовъ болѣе, чѣмъ какой либо изъ косвеннныхъ налоговъ. Эту мысль мы опять отнесемъ къ числу увлеченій: прямой налогъ на промышленность въ такихъ размѣрахъ, какіе представляетъ напр. нашъ питейный налогъ, есть вещь совершенно немыслимая. Вообще нельзя не замѣтить, что авторъ слишкомъ проникнулся своимъ предметомъ: промысловый налогъ для него все: онъ и богатый источникъ для государственной казны, и средство для поощренія промышленности, и средство для облегченія другихъ налоговъ, средство даже для покрытія недобора въ таможенномъ доходѣ, имѣющаго оказаться (?) при смягченіи охранительной системы; наконецъ „налогъ этотъ направляется на содѣйствіе постепенному, вѣрному и мирному разрѣшенію вопроса объ отношеніи труда и капитала" и — „даетъ нашему отечеству новыя средства для преуспѣнія въ новомъ цивилизованномъ направленіи". Если бы вся книжка г. Субботина не была проникнута самымъ честнымъ стремленіемъ оказать услугу своему отечеству, указаніемъ на источникъ вѣрнаго до-

хода и на вѣрный, по убѣжденію автора, исходный пунктъ для податной реформы и служила доказательствомъ добросовѣстной работы и изученія дѣла, то можно бы отнестись къ ней строже; но именно горячее убѣжденіе автора, что промысловой налогъ есть „открытый кладъ" (entdeckte Goldgrube), обезоруживаетъ строго-критическое отношеніе къ нѣкоторымъ странностямъ его книги, которыми если не умаляются, то значительно затемняются ея хорошія стороны. У автора не достало выдержки; онъ отнесся къ предмету слишкомъ субъективно, что, хотя и подкупаетъ въ его пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ его работу не совсѣмъ такою, какія нужны для способствованія нашимъ финансовымъ реформамъ. Тутъ нужны изслѣдованія, совершенно объективныя, постоянно строющіяся на фактахъ, и данныя неотразимаго свойства. Впрочемъ всѣ недостатки автора, недостатки обыкновенно свойственные молодости, и мы, во всякомъ случаѣ, должны привѣтствовать въ немъ новаго полезнаго служителя финансовой науки въ нашемъ отечествѣ.

Опыты по исторіи юрисдикціи налоговъ во Франціи съ XIV в. до смерти Людовика XIV. Томъ I. Юрисдикція налоговъ въ провинціяхъ, удержавшихъ сословное представительство. Выпускъ 1. Происхожденіе юрисдикціи налоговъ во Франціи. — Юрисдикція налоговъ въ Лангедокѣ. *Максима Ковалевскаго.* Москва. 1876.

Книга эта составляетъ часть задуманнаго авторомъ обширнаго труда по исторіи юрисдикціи налоговъ во Франціи. „Въ виду серьезнаго и, можно сказать, почти практическаго интереса, какой пріобрѣло въ настоящее время изученіе исторіи административныхъ судовъ, мнѣ казалось, говоритъ авторъ, небезполезнымъ посвятить ему нѣсколько лѣтъ жизни". „Не безъизвѣстно, говоритъ онъ далѣе, что занимающій насъ вопросъ до сихъ поръ не затронутъ, какъ слѣдуетъ, ни въ одной изъ западно-европейскихъ литературъ". И вотъ авторъ взялся оказать западно-европейской литературѣ услугу разработкой избраннаго имъ вопроса, почти сплошь по архивнымъ документамъ. Нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ истинно-нѣмецкому трудолюбію и добросовѣстности автора, съ какою онъ, „пыль отъ хартій отряхнувъ", знакомитъ читателя съ ихъ содержаніемъ и рисуетъ передъ нимъ картину судебъ изслѣдованнаго имъ института. Но, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, трудъ этотъ составляетъ вкладъ болѣе въ западно-европейскую науку, чѣмъ въ русскую. Мы думаемъ даже, что лучше было бы ему появиться прямо на одномъ изъ болѣе употребительныхъ иностранныхъ языковъ, а не на русскомъ. Для русской юридической литературы такая, до мелочей подробная историческая разработка вопроса о юрисдикціи чужихъ налоговъ имѣетъ лишь довольно отдаленный интересъ; любопытствующіе изъ русскихъ прочли бы книгу и на иностранномъ языкѣ; между тѣмъ — русскій языкъ дѣлаетъ ее почти недоступною для иностранныхъ читателей.

Въ послѣднее время въ нашей ученой литературѣ стало замѣчаться

довольно странное явленіе: нѣкоторые изъ нашихъ талантливыхъ молодыхъ ученыхъ роются въ заграничныхъ библіотекахъ и архивахъ—для разработки не какихъ либо общихъ научныхъ или близкихъ сердцу *русскаго* ученаго вопросовъ; нѣтъ, они трудятся надъ историческимъ возсозданіемъ какого нибудь иностраннаго учрежденія, положимъ вполнѣ заслуживающаго вниманія, — но разработываютъ при этомъ свою тему въ такихъ подробностяхъ, которыя придаютъ ихъ сочиненіямъ слишкомъ много мѣстнаго колорита, въ ущербъ ихъ общенаучному значенію. Такова и книга г. Ковалевскаго. Она даетъ весьма подробную исторію перемѣнъ, происходившихъ въ институтѣ юрисдикція налоговъ во Франціи (на первый разъ въ Лангедокѣ); но, вдавшись въ частности историческихъ фактовъ, мало даетъ такихъ выводовъ, которые могли бы служить точкой опоры для научнаго взгляда на устройство юрисдикціи налоговъ вообще. Не составляетъ новости, конечно, замѣчаніе автора (Предисловіе стр. IX), что агитація въ пользу установленія административной полиціи не можетъ ограничиться рабскимъ заимствованіемъ у др. народовъ, но необходимо является возсозданіемъ туземныхъ учрежденій, съ соотвѣтствующими настоящему времени измѣненіями. Объ этомъ уже давно твердятъ намъ на всѣ лады. Между тѣмъ это и составляетъ главный выводъ, къ которому приходитъ читатель книги г. Ковалевскаго. Прочіе выводы будутъ выводы; болѣе частные, ближе касающіеся Франціи, чѣмъ годные для другихъ странъ или для науки вообще.

Мы держимся того убѣжденія, что русскій юристъ долженъ работать въ интересахъ своего отечества, что при изслѣдованіяхъ своихъ, онъ долженъ постоянно имѣть въ виду примѣнимость ихъ выводовъ на пользу нашего государственнаго строя, нашего юридическаго быта, нашего права. Работать для иностранцевъ намъ нѣтъ никакой надобности; у нихъ довольно для этого своихъ талантовъ, своихъ ученыхъ силъ.

Единственнымъ извиненіемъ для такого, ненормальнаго направленія работъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, мы считаемъ малую доступность нашихъ архивовъ, сравнительно съ иностранными. Доступъ въ нѣкоторые изъ нашихъ архивовъ еще очень труденъ или даже невозможенъ, но надо надѣяться, что, при современномъ просвѣщенномъ взглядѣ нашей администраціи, препятствія будутъ устранены и тѣмъ скорѣе, чѣмъ чаще и упорнѣе наши изслѣдователи будутъ ходатайствовать о доступѣ къ нашимъ архивнымъ сокровищамъ. Сколько напримѣръ, по всей вѣроятности, интереснаго матеріала могутъ дать для нашего финансоваго права архивы Министерства Финансовъ, Государственнаго Совѣта, Государственнаго Контроля и др.—При доступности этого матеріала можетъ быть и вопросъ о юрисдикціи нашихъ налоговъ можно было бы рѣшить по подлиннымъ документамъ... Впрочемъ г. Ковалевскій рѣшительно отрицаетъ самую возможность существованія у насъ юрисдикціи налоговъ, основываясь на томъ, что наше законодательство относитъ собраніе налоговъ къ числу дѣлъ безспорныхъ. Это требуетъ нѣкотораго разъясненія: дѣйствительно, ст. 102, 2-й ч. X т. Св. Зак. гласитъ, что „государственныя подати, пошлины и разнаго рода сборы взыскиваются не пріемля никакихъ на оные споровъ", — но вторая по-

ловина той же статьи говоритъ, что „жалобы на притѣсненія и на незаконные поборы пріемлются и разбираются порядкомъ, въ уставахъ Казеннаго Управленія опредѣленнымъ“. Слѣдовательно извѣстный кругъ юрисдикціи въ области налоговъ у насъ есть. Что юрисдикція эта не простирается на самую раскладку прямыхъ налоговъ или, какъ не совсѣмъ точно выражается нашъ авторъ, — что законодательство наше вноситъ въ категорію дѣлъ безспорныхъ всѣ дѣйствія администраціи по разверсткѣ и взиманію налоговъ,—это объясняется тѣмъ, что нашъ главный прямой налогъ—подушная подать—въ принципѣ—раскладывается, собирается и уплачивается безъ всякаго прямаго участія администраціи и юрисдикція здѣсь находится въ рукахъ самаго общества—міра, при самомъ производствѣ раскладки принимающаго и разбирающаго возраженія окладывающихъ лицъ. Другой нашъ прямой налогъ—промысловой тоже, по устройству своему, не можетъ давать поводовъ къ судебному оспариванію его раскладки; ибо взимается онъ въ формѣ какъ бы покупки торговыхъ документовъ—свидѣтельствъ—билетовъ, которымъ соотвѣтствуютъ довольно точно опредѣленные объемы промысловыхъ занятій разнаго рода. Но налогъ на недвижимую собственность имѣетъ уже своего рода юрисдикцію: тутъ есть извѣстный путь для жалобъ на неправильность раскладки. Наконецъ въ уставахъ о косвенныхъ налогахъ указано не мало случаевъ къ административному и даже судебному разбирательству,—правда, главнымъ образомъ, въ интересахъ фиска, но развѣ это не юрисдикція же, — хотя и довольно односторонняя? [1]) Изслѣдованіе развитія этой нашей юрисдикціи налоговъ было бы, кажется намъ, полезнѣе для русскаго права и для реформъ, ожидаемыхъ нашимъ законодательствомъ, чѣмъ изслѣдованіе нашими учеными исторіи таковыхъ институтовъ у иностранцевъ.

Сама по себѣ—книга г. Ковалевскаго представляетъ много интереснаго не только по предмету юрисдикціи французскихъ налоговъ, но и по свѣдѣніямъ о нѣкоторыхъ старинныхъ налогахъ, ихъ раскладкѣ и пр.

В. Лебедевъ.

(ПРОФЕССОРЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА).

Vessélowsky, A. Annuaire des Finances Russes. Sixième année. St. Pétersbourg. 1877. 8°. p. 503. (А. Веселовскаго, Ежегодникъ русскихъ финансовъ. Шестой годъ).

Хотя главное назначеніе этого ежегодника, издаваемаго на французскомъ языкѣ, служить для ознакомленія иностранцевъ съ разными данными, какъ о нашихъ финансахъ, такъ и вообще о нашемъ экономическомъ положеніи, тѣмъ не менѣе этотъ сборникъ, и именно шестой томъ его, заключаетъ много интереснаго и для насъ русскихъ. Г. Веселовскій помѣщаетъ въ этомъ изданіи не только чисто оффиціальныя данныя, но и такъ сказать полуоффиціальныя; авторъ наприм. входитъ въ сношенія со всѣми правленіями нашихъ желѣзныхъ дорогъ,

для полученія отчетовъ ихъ, чтобы имѣть возможность составить подробныя и точныя таблицы о нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Вообще трудъ г. Веселовскаго отличается тщательностью составленія, благонадежностью данныхъ и ихъ полнотою. Объ одномъ только мы должны крайне сожалѣть, что этотъ сборникъ, какъ впрочемъ большинство подобныхъ изданій у насъ, заключаетъ довольно устарѣлыя данныя. Такъ въ изданномъ въ концѣ прошлаго года шестомъ томѣ авторъ помѣстилъ преимущественно данныя, относящіяся къ 1875 г. Томъ этотъ составленъ по тому же плану, какъ и предшествовавшій пятый томъ, и въ немъ помѣщены тѣ же таблицы о государственномъ бюджетѣ (исполненіе росписи, государственный долгъ и роспись на 1877 г.), о положеніи выкупной операціи, о дѣятельности государственныхъ и другихъ банковыхъ и кредитныхъ учрежденій, объ акціонерныхъ обществахъ, о внѣшней торговлѣ, о судоходствѣ, о промышленности обложенной акцизами, о поступленіи налоговъ, о телеграфахъ, о желѣзныхъ дорогахъ и разныя биржевыя свѣдѣнія. Особенное вниманіе заслуживаетъ въ настоящемъ томѣ статистика налоговъ и желѣзныхъ дорогъ, которая получила здѣсь болѣе широкое развитіе. Статистика налоговъ составляетъ предметъ особаго отдѣла, она разработана г. Шванебахомъ, бывшимъ секретаремъ Ученаго Комитета при Министерствѣ Финансовъ. Данныя о поступленіи прямыхъ и косвенныхъ налоговъ за 1875 г. изложены по губерніямъ и областямъ. Введеніемъ къ этимъ таблицамъ служитъ весьма интересная статья, краткій очеркъ развитія русскаго законодательства о налогахъ и обозрѣніе нынѣ дѣйствующихъ законовъ о налогахъ.[1] Таблицамъ о расходахъ и доходахъ желѣзныхъ дорогъ также предпослано введеніе, въ которомъ изложены данныя объ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ въ 1874 и 1875 гг. и выведены главнѣйшіе результаты, выдающіеся изъ сравненія этихъ данныхъ. За исключеніемъ упомянутаго труда г. Шванебаха и статей о дѣятельности частныхъ банковъ и поземельно-кредитныхъ учрежденій, принадлежащихъ г. Кауфману, редактору центральнаго статистическаго комитета при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, всѣ прочіе отдѣлы разработаны самимъ составителемъ ежегодника.

А. Шмидтъ.

ВОЕННЫЯ НАУКИ.

Записки стратегіи. Составилъ генералъ-майоръ *Лееръ*. Изданіе 3-ье. Вып. I. С.-Петерб. 1877 г.

Говорить о достоинствахъ этого труда нашего почтеннаго сотрудника дѣло совершенно излишнее; чтобы объяснить его значеніе не только въ отечественной, но и въ общеевропейской военной литературѣ,

---

[1]) Вся административная юстиція, къ которой принадлежитъ юрисдикція налоговъ, у насъ пока въ зародышѣ и требуетъ неотложнаго развитія; но въ принципѣ она существуетъ въ лицѣ 1-го Департамента Сената. *Ред.*

достаточно вспомнить, что стратегія Г. А. Леера вышла въ свѣтъ тремя изданіями на нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ существуетъ не мало первостепенныхъ сочиненій по военнымъ наукамъ (два изданія вышли въ Австріи въ 1868 и 1871 гг. и одно — въ Пруссіи въ 1869 г.) и что она выходитъ теперь третьимъ изданіемъ на русскомъ языкѣ. Сверхъ того, она была переведена и на шведскій языкъ. Нынѣшнее третье русское изданіе значительно пополнено (между прочимъ фактами изъ послѣднихъ войнъ, — С.-Американской и Франко-Германской) и обогащено новыми военными опытами, сравнительно съ предыдущими изданіями. Замѣчательное свойство трудовъ ген Леера заключается въ томъ, что при каждомъ новомъ изданіи они являются въ новомъ видѣ [1]). Этимъ свойствомъ отличаются всѣ лучшіе ученые и писатели: трудясь надъ наукой не для постороннихъ и внѣшнихъ цѣлей, а вслѣдствіе своей собственной внутренней умственной потребности и для пользы своего народа, они никогда не перестаютъ учиться, а потому и учить другихъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что русскіе военные люди, не смотря на всю героическую и многотрудную военную практику послѣдней кампаніи, не смотря на всѣ доблести нашихъ войскъ, будутъ и теперь съ такимъ же уваженіемъ изучать сочиненія Г. А. Леера и прислушиваться къ его свѣтлымъ мыслямъ о современныхъ условіяхъ войны, какъ они слушали его лекціи въ Академіи Генеральнаго Штаба 10 или 20 лѣтъ тому назадъ. Не призванный къ прямому участію въ военныхъ операціяхъ новѣйшаго времени, онъ пристально слѣдилъ за ними и изслѣдовалъ ихъ, стараясь въ каждой новой исторической фазѣ военнаго дѣла раскрывать *тѣ общіе, вѣчные законы военной науки*, знаніе которыхъ, — какъ во всякой наукѣ, — необходимо, чтобъ пользоваться всякими измѣнчивыми условіями времени, и незнаніе или непризнаніе которыхъ можетъ быть пагубно даже для величайшихъ военныхъ геніевъ.

Здѣсь мы хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей только на самое общее значеніе упомянутаго выше сочиненія ген. Леера, въ области государственныхъ знаній, не входя въ спеціальную оцѣнку отдѣльныхъ его частей въ военномъ отношеніи.

Главная характеристическая черта всѣхъ трудовъ автора заключается въ той вышеупомянутой цѣли, никогда не теряемой имъ изъ виду во всѣхъ его изслѣдованіяхъ — отыскать общія основныя начала теоріи военнаго искусства посреди всѣхъ измѣнчивыхъ обстоятельствъ времени и мѣста. Собирая и анализируя замѣчательнѣйшіе факты военной исторіи, отъ Александра Македонскаго и Аннибала до Наполеона и Молтке, онъ прежде всего старается найти въ этихъ фактахъ *общія причины однородныхъ* послѣдствій, — общія причины побѣдъ и пораженій, посреди всѣхъ безконечно разнообразныхъ условій историческихъ, географическихъ и личныхъ. Безъ этого единства причинъ, безъ этой *причинности наблюдаемыхъ явленій*, нѣтъ законовъ въ явленіяхъ человѣческой жизни и нѣтъ для нихъ науки; безъ единства *руководящихъ общихъ началъ*, извлекаемыхъ изъ законовъ явленій, — изъ неизбѣжности тѣхъ же самыхъ по-

---

[1]) См. въ V Т. Сб. Гос. Зн. рецензію *Э. А. Гребенщикова* на новое изданіе курса тактики Г. А. Леера.

слѣдствій отъ тѣхъ же самыхъ причинъ,—*нѣтъ теоріи искусства* (прикладной науки, какова вся военная наука) и нѣтъ никакой нужды въ наукѣ, въ знаніи, для практическихъ цѣлей человѣческой жизни. Горькіе опыты жизни, — часто роковые въ жизни народовъ, — убѣждаютъ однако въ невозможности для самыхъ простыхъ задачъ жизни, обойтись безъ науки, особенно въ борьбѣ противъ людей вооруженныхъ ея силами. Не только въ болѣе постоянныхъ условіяхъ *стратегической* стороны войны, но даже въ измѣнчивыхъ формахъ *тактики* (столь быстро измѣнчивыхъ въ наше время) авторъ находитъ тѣ общіе принципы, безъ сознательнаго пониманія которыхъ самый талантливый военный человѣкъ можетъ погрязнуть въ убійственной рутинѣ заведенныхъ однажды пріемовъ и потеряться въ случайностяхъ войны. Въ безчисленныхъ примѣрахъ военной исторіи, всегда приводимыхъ г. Лееромъ для освѣщенія его общихъ положеній, мы можемъ найти неопровержимыя доказательства той простой истины, что фантастическія предпріятія („фантастическая или авантюристская стратегія“, какъ онъ выражается) самыхъ геніальныхъ полководцевъ, отказывавшихся отъ признанія общихъ законовъ науки, разбивались во прахъ операціями менѣе талантливыхъ военачальниковъ, вѣрно расчитанными на основаніи общихъ правилъ военнаго искусства. Еще на дняхъ въ великой плевненской драмѣ, державшей въ трепетныхъ ожиданіяхъ всю Россію, всѣ мы были свидѣтелями торжеству науки въ лицѣ блистательнѣйшаго современнаго ея представителя, генерала Тотлебена...

Указанное направленіе прежде всего придаетъ всѣмъ работамъ Г. А. Леера тотъ научный характеръ, который вводитъ ихъ въ область самыхъ положительныхъ государственныхъ знаній и заставляетъ пожелать, чтобы и на почвѣ гражданскаго государственнаго искусства, ученые его служители могли сдѣлаться такими же полезными руководителями для практическихъ дѣятелей. Нашъ авторъ никогда не запутывается въ изложеніи фактическихъ подробностей и мелкихъ (въ особенности рутинныхъ) практическихъ правилъ, всегда ближе извѣстныхъ самимъ практикамъ. Всѣ факты нужны ему только для теоріи, для выведенія общихъ понятій, которыя только и могутъ принудить практика обращаться за совѣтомъ къ наукѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нашъ авторъ никогда не ограничивается *отвлеченными* отъ дѣла, отъ фактовъ понятіями, которыя, оставаясь въ сторонѣ отъ жизни, какъ окаменѣлыя „пошлыя истины“, не входя въ дѣйствительное жизненное сознаніе практическихъ дѣятелей, заставляютъ ихъ часто смотрѣть на науку, какъ на безплодный для нихъ источникъ знаній. Сверхъ всего этого, строго научныя воззрѣнія автора на военное искусство не могутъ не быть потому привлекательны и плодотворны для всѣхъ сколько нибудь разумныхъ практическихъ его представителей, что высокоставя его общіе теоретическіе законы, авторъ признаетъ все великое значеніе личнаго элемента,— личныхъ талантовъ творчества (составленія плана кампаніи), команды, распорядительности, доблестей самоотверженія и мужества, безъ которыхъ военное искусство, какъ всякое искусство, немыслимо. Ген. Леeръ, отводя подобающее мѣсто въ веденіи войны всему этому *личному элементу*, не впадаетъ въ односторонность нѣкоторыхъ теоретиковъ,

которые не умѣли достаточно признать всю силу этого личнаго элемента, столь полновѣснаго во всякомъ искусствѣ. Этотъ порокъ иныхъ теоретиковъ также отталкиваетъ отъ науки практиковъ, которые не могутъ не чувствовать этой односторонности и, взваливая на науку вину ея неумѣлыхъ служителей, возстаютъ противъ всякой теоріи вообще, — даже и тогда, когда, при своей личной посредственности, они не могутъ восполнить ни свое научное невѣжество дѣйствіемъ необычайнаго личнаго таланта, ни отсутствіе таланта—обширнымъ научнымъ образованіемъ и серьезною школою,—и потому (лишенные того и другого элемента искусства) находятся въ совсѣмъ безпомощномъ состояніи. Помимо этого зла упомянутая теоретическая односторонность вноситъ совершенную фальшь въ самую науку, такъ какъ въ искусствѣ оба элемента, — теорія и личное творчество, — имѣютъ одинаковое право гражданства, одинъ безъ другаго ничего не объясняютъ и одинъ безъ другаго немыслимы. Непониманіе этой простой истины порождаетъ не мало недоразумѣній и въ наукѣ и въ жизни: эти недоразумѣнія, въ которыхъ бываютъ столько-же виноваты посредственные теоретики, какъ и посредственные практики, приводили нерѣдко къ полному отрицанію всякой науки въ искусствѣ. Однимъ изъ замѣчательныхъ достоинствъ всѣхъ теоретическихъ воззрѣній г. Леера должно признать это уваженіе къ личному элементу, къ *произвольному* творчеству, которому онъ отводитъ такъ много мѣста *въ предѣлахъ* своей науки.

Затѣмъ, чтобы объяснить значеніе, которое имѣетъ разсматриваемое нами сочиненіе въ кругу государственныхъ знаній, мы должны имѣть въ виду задачу, которую авторъ ставитъ для стратегіи: она является въ его глазахъ „обобщеніемъ всего военнаго дѣла, философіею его“ (Введ. стр. 1). Иначе нельзя понимать стратегію, сравнительно съ прочими спеціальными и техническими отраслями военнаго дѣла (тактикой, инженерной наукой, артиллеріей и проч.). Въ этомъ смыслѣ она неотъемлемая часть государствовѣдѣнія, и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи; она безспорно входитъ въ кругъ знаній, необходимыхъ для общаго образованія государственнаго человѣка. Объ этомъ слѣдуетъ не забывать преимущественно въ нашу военную эпоху исторіи, когда война явственнѣе, чѣмъ въ мирные періоды образованнаго міра, является неизбѣжнымъ способомъ охраны права и свободы самостоятельной національной жизни, — безопасности государственныхъ единицъ въ ихъ международномъ общежитіи. Вся система изложенія авторомъ стратегической науки соотвѣтствуетъ роли, которая ей принадлежитъ въ области государственныхъ знаній: для рѣшенія каждой стратегической задачи, онъ принимаетъ въ соображеніе не только всѣ условія военной техники, возводя всѣ частности тактики, инженернаго и сапернаго дѣла, артиллеріи и фортификаціи и проч., къ общимъ вопросамъ войны, но также и всѣ условія *политической обстановки.* Нигдѣ въ своихъ сужденіяхъ авторъ, объясняя техническую сторону военныхъ операцій, не упускаетъ изъ виду ихъ политической стороны, которою, если *не должны овладѣвать*, то съ которою должны соображаться всѣ настоящіе полководцы,—главные начальники армій. Кромѣ этой ширины и высоты всѣхъ взглядовъ автора на свой

предметъ, стратегія получаетъ въ его рукахъ характеръ общеобразовательной отрасли государственныхъ знаній, также и потому, что онъ излагаетъ ее въ формахъ, необыкновенно доступныхъ для всякаго образованнаго человѣка. Безъ спеціальной военной подготовки, каждый, интересующійся движеніемъ государственныхъ событій нашего времени, можетъ прочесть книгу г. Леера, не только съ любопытствомъ, но и съ увлеченіемъ. Онъ умѣетъ обобщить всѣ самыя сложныя и самыя спеціальныя условія военной техники въ ясные и простые для всѣхъ мыслящихъ людей элементы главныхъ задачъ военнаго искусства; всѣ спеціальныя (техническія) военныя свѣдѣнія призываются имъ лишь въ своихъ *общихъ результатахъ* къ *подчиненному служенію* для разрѣшенія этихъ задачъ, — какъ задачъ государственнаго дѣла.

Наконецъ мы обязаны въ нашемъ изданіи рекомендовать книгу Г. А. Леера не только для ознакомленія съ военною наукою, но и какъ образцовый примѣръ строго *научныхъ пріемовъ и методъ изслѣдованія*, достойный подражанія по всѣмъ отраслямъ государственныхъ знаній. Какъ это ни странно, но приходится почерпать въ трудахъ военнаго писателя назиданіе для правильности пріемовъ и методъ научной работы. Выпишемъ изъ книги г. Леера нѣсколько прекрасныхъ строкъ, которыя могутъ быть приняты въ руководство во всей сферѣ ученыхъ изслѣдованій по всѣмъ государственнымъ вопросамъ, — по всѣмъ *прикладнымъ* государственнымъ знаніямъ (теоріи государственнаго искусства въ обширномъ смыслѣ этого слова). „Въ стратегіи, говоритъ между прочимъ нашъ авторъ, рѣшеніе каждаго вопроса слагается изъ двухъ рѣшающихъ данныхъ: 1) *данной постоянной*—неизмѣнныхъ *принциповъ*, независимыхъ отъ условій времени и мѣста, *основныхъ условій*, ложащихся въ основу рѣшенія того или другаго вопроса, и 2) *изъ данной въ высшей степени перемѣнной,—обстановки* окружающей это рѣшеніе (стр. 9) ..... Въ каждомъ частномъ случаѣ есть безспорно и свой лучшій способъ рѣшенія его; противъ лучшихъ способовъ въ рѣшеніе извѣстнаго вопроса въ такомъ смыслѣ, конечно, никто не будетъ возставать; но у большинства *теоретиковъ-доктринеровъ*, равно какъ и у большинства *одностороннихъ практиковъ-рутинеровъ*, всегда проявляется стремленіе къ изысканію общаго лучшаго способа дѣйствій *во всевозможныхъ частныхъ случаяхъ*, короче стремленіе къ системамъ, методамъ, универсальнымъ рецептамъ, панацеямъ для побѣдъ. Противъ этого въ высшей степени незаконнаго стремленія, основаннаго не на глубокомъ уваженіи къ обстановкѣ, а напротивъ на глубокомъ пренебреженіи ею, полнѣйшемъ ея игнорированіи, къ которому, какъ *показываетъ военная исторія*, такъ склонно большинство, и вооружается Наполеонъ, равно какъ и всѣ здраво относящіеся къ военному дѣлу“ (прим. на стр. 109).

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что и *вся государственная исторія* по всѣмъ частямъ и отправленіямъ государственнаго организма показываетъ тоже самое. Выписанныя нами строки заключаютъ въ себѣ классическія правила, которымъ слѣдуетъ авторъ не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ во всѣхъ пріемахъ своихъ изслѣдованій. Эти правила желательно поставить въ руководство не въ одномъ толь-

ко военномъ дѣлѣ, а во всей области государственной дѣятельности, какъ для представителей ея теоріи, такъ и для всѣхъ практическихъ ея исполнителей. Также точно желательно, чтобы государственные практики никогда не разлучались съ общими научными *принципами* (съ тѣмъ что принято на обыденномъ языкѣ называть „политическими убѣжденіями“), *ради выгодныхъ условій обстановки*, какъ желательно, чтобы государственные ученые не превращались въ *теоретиковъ-доктринеровъ* и не пренебрегали, ради общихъ принциповъ, условіями обстановки каждаго вопроса. Въ исполненіи этого желанія,—*въ гармоніи требованій науки съ требованіями жизни*,—состоитъ идеальная задача всѣхъ политическихъ движеній и успѣховъ нашего времени.

В. В.

ИСТОРІЯ.

Архивъ Правительствующаго Сената. Т. I. Опись именнымъ Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ царствованія импер. Петра В. 1704—1725. С.-Пет. 1872 г. XXXI+167. Т. II. Опись Выс. указамъ и повелѣніямъ за XVIII вѣкъ, С.-Пет. 1875 г. (за 1725—1740). XIV+705. Указатели къ I и II том. 706—1102; Т. III. 1740—1762 г. XXXI+513 и указатели къ III тому, 1—364 стр. С.-Пет. 1878 г. Составилъ *П. Барановъ*.

Выпуская въ 1866 году въ свѣтъ второе изданіе своего историческаго Сборника, извѣстный собиратель и издатель матеріаловъ по отечественной исторіи, П. А. Мухановъ, въ статьѣ, помѣщенной въ предисловіи къ нему, а потомъ вышедшей отдѣльною запискою („что желательно для русской исторіи“. СПБ. 1872, 150 стр.), старался намѣтить важнѣйшія требованія, предъявляемыя современною наукою „относительно сохраненія и изданія историческихъ памятниковъ; а также пособій для изученія отечественной исторіи“. Прежде всего авторъ касается въ своей запискѣ архивныхъ матеріаловъ.

„Храненіе и описаніе документовъ, относящихся къ отечественной исторіи, говоритъ онъ, обратила на себя вниманіе правительствъ... Но для пользы исторіи не слѣдуетъ ограничиваться только сохраненіемъ и описаніемъ архивовъ; необходимо приступить къ *напечатанію* описей. Это и дѣлается теперь во Франціи. Намъ кажется, что съ нашими архивами слѣдовало бы поступать также, т. е. начать обнародованіе *краткихъ* описей (inventaire *sommaire*), что не только содѣйствовало бы ознакомленію нашей публики съ тѣмъ, что находится въ нашихъ архивахъ, но и къ ихъ сохраненію. Если мы съ перваго раза будемъ гоняться за совершенствомъ и предпримемъ подробное описаніе каждаго акта, тогда врядъ ли и внуки наши увидятъ конецъ этихъ герку-

лесовскихъ трудовъ... Не надобно забывать, что мы не имѣемъ архивистовъ, приготовленныхъ спеціальнымъ образованіемъ къ этому званію. У насъ нѣтъ какъ во Франціи École des Chartes. Въ видахъ сохраненія историческихъ матеріаловъ, весьма было бы желательно, чтобы частные люди передавали ихъ въ казенные или общественные архивы и книгохранилищи или по крайней мѣрѣ завѣщали бы передачу ихъ послѣ смерти. Сколько русскихъ путешествуетъ по Европѣ — неужели не найдутся такіе, которые бы посвятили бы часть своего досуга для пользы русской исторіи; имъ мы предлагаемъ осмотрѣть внимательно важнѣйшіе архивы и библіотеки и составить каталоги находящихся въ нихъ рукописей, относящихся къ русской исторіи (стр. 1—8).“

Желанія покойнаго Муханова не показываютъ однако совершеннаго отсутствія у насъ подобныхъ предпріятій. Были у насъ весьма счастливыя исключенія. Еще въ XVIII вѣкѣ мы имѣли такого ревностнаго и добросовѣстнаго издателя памятниковъ отечественной старины, какъ Новиковъ; въ началѣ XIX в. такого просвѣщеннаго собирателя матеріаловъ по отечественной исторіи, не ограничивавшагося только предѣлами Россіи, „вмѣстѣ съ тѣмъ покровителя государственной дѣятельности“, какъ графъ Румянцевъ; затѣмъ такихъ цѣнителей рукописныхъ матеріаловъ и составителей описей“ библіотекъ, какъ Калайдовичъ, Григоровичъ, Востоковъ, Строевъ и нѣкоторые другіе. Не оставались забытыми и тогда и теперь иностранные архивы, изъ которыхъ извлекались матеріалы и для которыхъ составлялись иногда описи (А. И. Тургеневъ, Ю. Толстой, Чумиковъ, проф. Макушевъ и др.); не были забыты и наши мѣстные архивы и собранія рукописей (такъ, были изданы акты воронежскіе, шуйскіе, владимірскій сборникъ, акты рязанскіе, казанскаго края, симбирскій сборникъ, акты вологодскіе, печатавшіеся Суворовымъ, пермскій сборникъ, акты, собранные въ пермскихъ архивахъ Берхомъ и др.). Въ спеціальныхъ и ученыхъ изданіяхъ печатались описанія монастырскихъ библіотекъ и мѣстныхъ собраній (укажемъ для примѣра на опис. кунгурскихъ актовъ и несвижскаго архива въ Лѣтоп. Занятій Археогр. Коммиссіи). Еще въ концѣ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка архивное дѣло имѣло у насъ своихъ достойныхъ представителей, въ лицѣ завѣдывавшихъ московскимъ главнымъ архивомъ мин. иностранныхъ дѣлъ (Миллеръ, Стриттеръ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Малиновскій). Карамзинъ могъ уже воспользоваться для своего труда описями этого архива составленными отчасти самимъ Бантышемъ-Каменскимъ, отчасти подъ его руководствомъ; эти описи до сихъ поръ признаются „замѣчательными по своей тщательности и вѣрности“.

Но современная наука не ограничивается этими требованіями. Она желаетъ, чтобы самыя описи (какъ эти, такъ и другія, имѣющіяся для нѣкоторыхъ петербургскихъ архивовъ), были изданы во всеобщее пользованіе. Извѣстно что еще въ 1835 г. Мин. Юстиціи было издано положеніе объ утвержденіи комитета для описанія архивовъ, состоявшихъ при московскомъ сенатѣ (разряднаго, государственнаго старыхъ дѣлъ и вотчиннаго), составленное Т. С. Дегаемъ; описанія эти должны были

быть трехъ степеней и печататься (записка Муханова, 4); но это положеніе не было приведено въ исполненіе; трудами же Комитета, далеко не оконченными, воспользовался потомъ въ своихъ описаніяхъ архивовъ, не совсѣмъ впрочемъ удачно, бывшій директоръ архива Мин. Юстиціи, П. И. Ивановъ, такъ что въ настоящее время пришлось снова обратиться къ пересмотру и описанію дѣлъ моск. архива Мин. Юстиціи (статья Н. В. Калачева въ Сборн. Госуд. Зн. IV, 214). Почти одновременно съ образованіемъ означеннаго Комитета было приступлено къ разбору и приведеннаго въ извѣстность нѣкоторыхъ другихъ архивовъ, но при этомъ пришлось убѣдиться, что многія дѣла въ нихъ истлѣли, испортились отъ сырости или сгорѣли; другія валялись, безъ всякихъ описей, въ куляхъ, и расхищались сторожами, такъ что и теперь попадаются иногда весьма интересные матеріалы начала XVIII вѣка въ рукахъ петербургскихъ и московскихъ букинистовъ (опис. дѣлъ архива Морск. Мин. т. I, 1877. стр. II). Страннымъ представляется тотъ фактъ, что такой важный архивъ, какъ архивъ Мин. Внутр. Дѣлъ, до сихъ поръ не приведенъ въ надлежащій порядокъ и не имѣетъ даже описей годныхъ для пользованія его матеріалами (см. у Дитятина, Городское самоуправл. въ Россіи, т. II, стр. II). Послѣ этого нечего говорить даже о плохомъ состояніи нашихъ провинціальныхъ архивовъ. Такъ, въ томъ же почтенномъ трудѣ г. Дитятина мы встрѣчаемъ заявленіе, что авторъ могъ воспользоваться дѣлами Ярославскаго архива, благодаря только тому, что дѣла, *обреченныя спеціальной коммиссіей на истребленіе*, еще почему-то не истреблены; но и эти дѣла не идутъ далѣе сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія и не представляютъ особеннаго интереса; „все же, такъ или иначе касающееся административнаго строя, административной практики, вѣроятно, какъ ненужное ни для какихъ практическихъ справокъ, обречено на истребленіе, и истреблено“ (ibid). Нечего говорить также, что въ нѣкоторыхъ городахъ мѣстные архивы (какъ напр. въ Орлѣ) давно уже подверглись чуть не всецѣлому истребленію отъ пожаровъ, ежегодно жестоко опустошающихъ наши города (матеріалы для исторіи и статистики Орлов. губ., собр. секрет. статист. комит. А. Пупаревымъ, т. I, отд. II стр. 4). Точно также, на IV археолог. съѣздѣ въ Казани было заявлено, что еще въ 1815 г. пожаръ истребилъ центральный губернскій архивъ, заключающій въ себѣ очень важные историческіе акты XVI, XVII и XVIII вв. (Извѣстія о IV Арх. съѣздѣ, стр. 165). Все это заставляетъ желать, чтобъ вопросъ объ описаніи и сохраненіи мѣстныхъ архивовъ получилъ движеніе; можно указать на архивы ревельскій и рижскій, весьма обстоятельные отчеты о которыхъ были представлены недавно академіи наукъ г. Гильдебрандомъ и напечатаны въ приложеніяхъ къ XXIX т. Записокъ Академіи.

Съ преобразованіемъ судебныхъ учрежденій было приступлено и къ разбору архивовъ судебнаго вѣдомства, а вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены правила [1]), для классификаціи хранящихся въ нихъ матеріа-

---

[1]) Устройство архивовъ упраздненныхъ судебныхъ учрежденій по системѣ Н. Тихменева. С.-Пет. 1874.

ловъ: частью послѣдніе передаются въ новыя учрежденія, другіе подлежатъ уничтоженію, а имѣющіе научный интересъ отправляются въ моск. архивъ Мин. Юстиціи (какъ напр. дѣла и докум. XVIII вѣка) [1].

Такимъ образомъ и практическія соображенія, и болѣе широкая разработка отечественной исторіи за послѣднее двадцатилѣтіе сами собою возбуждали вопросъ о положеніи нашихъ архивовъ. Въ то время какъ Русское Историческое Общество оказало такой широкій пріемъ архивнымъ матеріаламъ, извлекаемымъ изъ иностранныхъ и русскихъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ, архивовъ (кн. Репнина гр. Шереметьева, гр. Панина и т. п.), а за нимъ и спеціальные историческіе журналы, на нашихъ археологическихъ съѣздахъ былъ поставленъ вопросъ объ образованіи въ Россіи центральныхъ ученыхъ архивовъ и приведеніи въ извѣстность и порядокъ мѣстныхъ матеріаловъ. Инціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ нашему ученому юристу Н. В. Калачову, благодаря настояніямъ котораго была образована въ 1873 г. при Мин. Народ. Просв. временная коммиссія по устройству архивовъ, которая пришла къ заключенію о необходимости учрежденія постоянной коммиссіи и археологическаго института (открытаго въ 1877 г.), для образованія ученыхъ архивистовъ, въ соотвѣтствіе французской école des chartes. Между тѣмъ, той же Коммиссіи удалось собрать полезныя свѣдѣнія о положеніи нашихъ архивовъ и библіотекъ, находящихся въ разныхъ городахъ, которыя должны послужить необходимымъ матеріаломъ для дальнѣйшей разработки самаго вопроса. Свѣдѣнія о дѣятельности сказанной Коммиссіи были сообщены тоже Н. В. Калачовымъ въ его статьѣ, помѣщенной въ IV т. Сборника Госуд. Знаній. [2]) Послѣ этого, на IV археол. съѣздѣ, г. Калачовымъ снова былъ поставленъ вопросъ, служившій уже предметомъ обсужденія въ Кіевѣ, а именно о необходимости учрежденія въ главныхъ провинціальныхъ городахъ мѣстныхъ архивовъ въ связи съ историческими и археологическими обществами, мѣсто которыхъ должна указать спеціальная коммиссія, но такъ какъ во всякомъ случаѣ это не можетъ быть скоро, то, въ виду немедленнаго сохраненія историческихъ актовъ и документовъ, желательно было бы, чтобы въ нѣкоторыхъ городахъ были устроены небольшія помѣщенія для храненія старыхъ дѣлъ. (Извѣстія IV Археол. съѣзда, стр. 164—165). Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ могли бы быть привлечены съ большею пользою мѣстные статистическіе комитеты, иногда и сами издававшіе цѣнные матеріалы (напр. владимірскій, воронежскій, орловскій, новгородскій, черниговскій, войска донскаго и др.), или занимались описями архивныхъ дѣлъ (Нижегород. Сборн. V, 222—227, перечень матеріаловъ въ журн. комитета, и VI, 280). На первомъ археологическомъ съѣздѣ было даже предложено сбереженіе мѣстныхъ

---

[1]) См. Памятн. книжку Архива Казанскаго окруж. суда, состав. *Н. Тихменевымъ*, съ двумя приложеніями: 1) свѣдѣнія о докум., подлежащихъ уничтоженію и 2) свѣд. о докум., предназначенныхъ къ отправкѣ въ моск. архивъ Мин. Юстиціи.

[2]) По поводу этой статьи было сдѣлано сообщеніе и въ Russische Revue, 1877 № 10 (Russische Archivwesen).

архивовъ статистическимъ комитетамъ, образовавъ при этихъ послѣднихъ особые отдѣлы, которые подчинить главнымъ отдѣламъ комитетовъ, находящихся въ университетскихъ городахъ (Ibid. VI, 328). Конечно такое подчиненіе, если бы оно состоялось (хотя бы и временное), не должно быть только номинальнымъ. Но какъ необходимо обратить теперь же вниманіе на положеніе нашихъ мѣстныхъ собраній матеріаловъ лучше всего показываетъ слѣдующій случай. Еще въ 1850 г., бывшая въ Нижнемъ Новгородѣ коммиссія для разбора древнихъ актовъ поручила своимъ членамъ разобрать и напечатать имѣвшіеся въ ея распоряженіи весьма важные матеріалы, относящіеся къ исторіи края, въ пяти томахъ; но отчасти, въ слѣдствіе типографическихъ и цензурныхъ порядковъ того времени, а отчасти въ слѣдствіе выхода изъ коммиссіи нѣкоторыхъ ея членовъ, дѣло это затянулось и о немъ вспомнили только въ 1867 г., въ засѣданіи нижегородскаго статистическаго комитета, причемъ многихъ изъ этихъ матеріаловъ, какъ видно, не оказалось, а новое распоряженіе о напечатаніи оставшихся на лицо матеріаловъ до сихъ поръ не было выполнено (Нижегород. Сборн. V, 236—238, и VI, 279—2?2, журн. комитета).

Впрочемъ, если толки объ устройствѣ архивовъ пока не коснулись на дѣлѣ этихъ послѣднихъ, то всетаки они принесли существенную пользу собраніемъ свѣдѣній о самыхъ матеріалахъ, хранящихся въ нихъ. Такъ на IV археол. съѣздѣ въ Казани было заявлено о значительномъ и весьма важномъ собраніи рукописныхъ матеріаловъ, принадлежащихъ симбирской карамзинской библіотекѣ, и актовъ фамильнаго архива кн. Багошева, относящихся къ исторіи Симбирскаго и Казанскаго края, а именно: колонизаціи, мѣстнаго управленія, вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ, исторіи родовъ Патрикѣевыхъ и Воронцовыхъ и т. п. (извѣстія о IV археол. съѣздѣ, 69—71); матеріалы эти предполагалось тогда же издать на счетъ казанскаго университета. На археологическихъ съѣздахъ дѣлались сообщенія и о русскихъ матеріалахъ, хранящихся въ иностранныхъ архивахъ, какъ напр. сообщеніе о славяно-русскихъ памятникахъ, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ, представленное г. Калужняцкимъ (см. Труды Кіев. Арх. Съѣзда, II., 214—321).

Вполнѣ желательно, чтобы предполагавшійся къ изданію г. Калачовымъ органъ архивнаго дѣла въ Россіи послужилъ какъ приведенію въ извѣстность архивныхъ матеріаловъ (не исключая и фамильныхъ), такъ и успѣшному сохраненію и изданію ихъ.

Между тѣмъ изъ года въ годъ стали появляться описи архивныхъ матеріаловъ и извлеченія послѣднихъ. Выходя независимо другъ отъ друга и не будучи подчинены какимъ либо общимъ правиламъ, эти труды весьма различны по своему характеру и цѣли. Не говоря уже объ извлеченіяхъ документовъ изъ нѣкоторыхъ архивовъ, систематически составляемыхъ по извѣстнымъ группамъ (напр. бумаги Екатерины II изъ госуд. архива, — въ сборн. рус. ист. общества, матеріалы военно-ученаго комитета архива главнаго штаба за время Петра В., изд. въ 1871 г., сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеч. изъ архива I отдѣл. собственной Е. И. В. канцеляріи, 1876, т. I, заключающій

въ себѣ бумаги за время Екатерины II и Александра I), изданныя описи представляютъ или подробное изложеніе содержанія матеріаловъ, распредѣленныхъ въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ, причемъ наиболѣе важные документы (мнѣнія, записки и пр.) приводятся въ полномъ видѣ (свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи, извлеченныя изъ архива II отдѣл. Е. В. канцеляріи Д. В. Полѣновымъ; Архивъ Госуд. совѣта, 4 книги, изд. подъ наблюденіемъ Н. В. Калачова) или подробные перечни документовъ, то по группамъ, то въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ болѣе важные матеріалы помѣщаются въ извлеченіи и въ приложеніяхъ (описаніе архива мин. юстиціи, 2 тома, 1869—1872 г. [1]); опис. докум., хран. въ архивѣ Синода, 1868), или наконецъ ограничиваются краткимъ указаніемъ содержанія документовъ (опис. архива Морск. Министерства I, 1877 г.), съ перечисленіемъ иногда подробностей о важнѣйшихъ событіяхъ и лицахъ, о составѣ учрежденій, цифровыхъ данныхъ и т. п. (опись сенатскаго архива, г. Баранова).

Если описанія первыхъ двухъ категорій могутъ служить матеріаломъ для изслѣдователя, то послѣднія знакомятъ насъ съ составомъ архивовъ и облегчаютъ пользованіе ими. Провинціальные центральные архивы (кіевскій, виленскій, витебскій) предпочитаютъ изданіе самыхъ матеріаловъ или печатаютъ реестры ихъ (напр. кіевскій).

Обращаемся къ описи сенатскаго архива, полное заглавіе которой мы выписали въ началѣ статьи.

Первый томъ этого изданія, представляющій опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ за время Петра Вел. (собственно съ 1704—1725 г.), вышелъ въ годъ празднованія юбилея послѣдняго; остальные томы появились въ 1875 и 1877 гг.

Цѣль своего изданія составитель описи опредѣляетъ такъ: „Пользоваться историческими матеріалами, разбросанными по разнымъ архивамъ, для ученаго, для историка, дѣло не легкое. Положимъ, что по иниціативѣ правительства собираются, разработываются и обнародываются нынѣ всякаго рода историческіе акты, но всетаки до сихъ поръ приведенъ въ извѣстность далеко не весь архивный матеріалъ. Вотъ почему, на нашъ взглядъ, было бы непростительнымъ равнодушіемъ, со стороны хранителей письменныхъ памятниковъ, оставаться въ бездѣйствіи и отказаться отъ попытки открыть путь къ пользованію архивными документами... Но для того, чтобы пользоваться архивными матеріалами, нужно, прежде всего, знать, *что* находится въ

[1]) Описаніе этого архива выходитъ также подъ наблюденіемъ Н. В. Калачова. Въ тоже время архивъ издаетъ спеціальныя изслѣдованія, имѣющія отношеніе къ составу его дѣлъ, какъ напр. соч. г. Петровскаго о сенатѣ въ царст. Петра В. и Мрочекъ-Дроздовскаго: «Областное управл. въ Рос. съ 1708—1719 г.» (въ III томѣ Описанія), и предприняты особыя изданія болѣе важныхъ матеріаловъ, какъ систематическое описаніе бумагъ, относящихся къ цар. Іоанна Антоновича и полныя изданія матеріаловъ—писцовыя книги XVI вѣка (1 книга издана уже геогр. общест.), собр. сенатскихъ рѣшеній съ 1711 г., матеріалы, относ. къ пугачевскому бунту.

архивѣ, а за тѣмъ *какъ* отыскать въ грудахъ фоліантовъ тотъ или другой документъ? Цѣли эти, *чисто справочныя*, будутъ конечно достигаться легко и удобно только послѣ приведенія въ полную извѣстность всего хранящагося въ архивахъ. Въ этихъ побужденіяхъ предпринято изданіе хронологическаго описанія повелѣній, которыя въ теченіе XVIII вѣка исходили отъ верховной власти въ Россіи и которыя имѣются въ подлинникахъ въ с.-петербургскомъ сенатскомъ архивѣ. Настоящая опись имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что старинныя описи архива отличаются неточностью, а указанное въ нихъ содержаніе документовъ часто вовсе не соотвѣтствуетъ этимъ послѣднимъ; отысканіе же матеріаловъ затруднялось уже тѣмъ, что они разсѣяны по сотнямъ фоліантовъ, хотя бы относились даже къ одному времени. Въ настоящей описи принятъ строго хронологическій порядокъ, причемъ вездѣ обозначаются книги и листы, заключающіе въ себѣ тотъ или другой документъ.

Еще Петръ В. повелѣлъ разобрать всѣ изданные указы, распредѣлить ихъ по регламентамъ и отпечатать; а въ концѣ цар. Елисаветы (1760) послѣдовало даже повелѣніе о составленіи и представленіи на высочайшее усмотрѣніе подробныхъ реестровъ всѣмъ именнымъ указамъ импер. Петра В. и послѣдующихъ царствованій (опись, т. III, № 11, 620). Въ послѣдствіи повелѣнія Петра послужили основаніемъ для составленія полнаго собранія законовъ; но уже составителямъ этого собранія приходилось сожалѣть, что въ петербургскомъ сенатскомъ архивѣ не было полныхъ реестровъ узаконеній; такимъ образ., къ реестрамъ коммиссіи составленія законовъ было присоединено изъ сенатскихъ реестровъ только до 20,472 указовъ. Отчасти по этой причинѣ, отчасти конечно по законодательнымъ соображеніямъ, число актовъ, вошедшихъ въ полн. собр. законовъ, значительно разнится отъ количества ихъ, обозначеннаго въ разсматриваемой описи (см. предисловіе къ I т. Полн. Собр. Зак.).

Въ с.-петербургскомъ сенатскомъ архивѣ хранятся оконченныя производствомъ дѣла 1, 2, 3, 4, 5, межеваго и уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ правительствующаго сената, деп. герольдіи, общихъ собраній петербургскихъ деп. сената, министерства юстиціи и бывшаго инспекторскаго деп. гражданскаго вѣдомства; а также дѣла, относящіяся къ хозяйственному управленію самаго сената. Общій итогъ хранящихся въ с.-петербургскомъ сенат. архивѣ дѣлъ и документовъ въ 1872 г. простирался до 3,613,808 нумеровъ; въ томъ числѣ: разныхъ дѣлъ, журналовъ и опредѣленій, документовъ, книгъ и связокъ — 3,375,962; именныхъ высоч. указовъ и повелѣній, съ 1704—1865 г., указовъ и протоколовъ верх. т. тов. съ 1726—30 годъ и копій именныхъ выс. указовъ и повелѣній — 237,846 №. Цифры эти дѣлаютъ с.-петерб. сенатскій архивъ однимъ изъ первыхъ хранилищъ оффиціальныхъ источниковъ, находящихся не только въ Петербугѣ, но и въ Москвѣ; такъ что единственнымъ соперникомъ ему можетъ считаться развѣ моск. архивъ мин. юстиціи.

Впрочемъ, с.-петербургскій сенатскій архивъ не представляется полнымъ обладателемъ матеріаловъ по исторіи сената. Такъ, еще въ

моск. архивѣ мин. юстиціи, хранятся около 9,000 томовъ дѣлъ сената, отъ начала его до цар. импер. Павла (см. предисл. къ соч. о сенатѣ, г. Петровскаго), которыя могли бы послужить матеріаломъ для нѣсколькихъ изслѣдованій по исторіи сената (Ibid. 223). Чтобы судить о возможности составляемой описи с.-петербургскаго архива, достаточно указать на то, что въ этомъ послѣднемъ хранится высоч. указовъ и повелѣній *втрое болѣе* противъ помѣщеннаго числа ихъ въ полн. соб. зак., за тотъ же періодъ времени. За XVIII вѣкъ однихъ подлинныхъ указовъ и повелѣній въ архивѣ числится до 30,000 нумеровъ, между тѣмъ, какъ въ полн. собр. зак. ихъ помѣщено всего 17,500 статей. Вообще за царствованіе Петра Великаго въ полн. собр. (съ 1707 г.) не вошло почти 2/3 документовъ этого рода (995 повел. изъ 1543). Во второмъ томѣ описи, болѣе объемистомъ (1725 — 1740 годъ), на общую цифру описанныхъ документовъ—6411, не вошедшихъ въ полн. собр., приходится 5,115; третій томъ, обнимающій время съ 17 окт. 1740 г. (отъ конч. импер. Анны) до 28 іюня 1762 г., заключаетъ въ себѣ описаніе 4280 документовъ, изъ которыхъ въ полн. собр. законовъ вошло только 538, а не вошло — 3,742. Изъ документовъ этого тома наиболѣе приходится на цар. Елисаветы Петровны (3,252), затѣмъ импер. Іоанна III (608) и наконецъ Петра III (330). Достоинство описи г. Баранова заключается и въ томъ, что при описаніи документовъ онъ вездѣ обозначаетъ тѣ изъ нихъ, которые находятся въ полн. собр. законовъ, чѣмъ значительно облегчается пользованіе самымъ матеріаломъ и дается возможность судить о важности не вошедшихъ въ собраніе статей. Впрочемъ въ этомъ послѣднемъ есть и такіе матеріалы, которые не значатся въ самой описи. Такихъ, напр., во II томѣ насчитывается 626. Эти документы состоятъ, главнѣйшимъ образомъ, изъ указовъ и высочайшихъ повелѣній, помимо сената объявленныхъ синоду, коллегіямъ, конторамъ и должностнымъ лицамъ, и потому они, оставаясь на храненіи въ архивахъ этихъ учрежденій, не попали въ архивъ сената.

Если многіе изъ помѣщенныхъ въ описи документовъ не могутъ относиться къ законодательнымъ памятникамъ, то за то большая часть ихъ имѣетъ весьма важное историческое значеніе, а другіе представляютъ и интересныя бытовыя черты. Само собою понятно, что, по тому положенію, какое занималъ сенатъ въ цар. Петра В., документы, относящіеся къ этому времени, получаютъ особенное значеніе. Такъ, въ архивѣ сената оказывается весьма много собственноручныхъ писемъ Петра В., его замѣтокъ, записокъ, резолюцій, разныхъ словесныхъ и письменныхъ повелѣній и распоряженій, возлагавшихся на разныхъ лицъ; писемъ другихъ лицъ императорской фамиліи, не вошедшихъ въ извѣстные сборники; приговоровъ сената, коллегій и коммиссій по уголовнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ.

Къ числу болѣе важныхъ дополнительныхъ матеріаловъ, внесенныхъ въ опись, слѣдуетъ отнести распоряженія, относящіяся къ генералъ-полиціймейстерской части въ Петербургѣ, которые, за уничтоженіемъ всѣхъ полицейскихъ архивовъ города, составляютъ единственный матеріалъ для исторіи послѣдняго; указы ингерманландскому ландрихтеру

Я. И. Римскому-Корсакову и московскому коменданту кн. М. П. Гагарину, относящіеся къ мѣстному управленію, заводамъ, шведскимъ плѣннымъ, военному дѣлу, печатанію, постройкамъ въ Петербургѣ и Москвѣ; указъ царевича Алексѣя Петровича и письмо къ нему Петра, свидѣтельствующіе о занятіяхъ царевича государственными дѣлами; указы о разведеніи огородовъ въ Петербургѣ, выпискѣ сѣмянъ и обученіи огородничеству „молодыхъ ребятъ"; указы о заселеніи Петербурга и мощеніи въ немъ улицъ; указы о кожевенныхъ заводахъ и наймѣ искусныхъ ремесленниковъ за границею; о переводѣ иностранныхъ законодательствъ на рус. языкъ; о предполагавшихся военныхъ дѣйствіяхъ съ туркамъ въ концѣ 1712 года (№ 245—248); рядъ повелѣній о сооруженіи флота и образованіи матросовъ изъ крестьянскихъ дѣтей (№ 262), о торговлѣ, устройствѣ „шлюзовъ" на Мстѣ и Тверцѣ; объ очисткѣ пороговъ на Днѣпрѣ въ интересахъ черноморской торговли, о проложеніи дороги по берегу Днѣпра и описаніи всѣхъ притоковъ этой рѣки (№ 1268); повелѣніе сенату разсмотрѣть вопросъ объ устройствѣ Ладожскаго канала и собственноручныя записки Петра объ устройствѣ дорогъ и шлюзовъ и содержаніи ихъ, согласно голландскимъ уставамъ (№ 1288). Весьма интересны письма Екатерины въ сенатъ, указывающія на участіе ея въ государственныхъ дѣлахъ при жизни Петра В. (въ мартѣ 1713 г. № 254 и 255); документы касающіеся учрежденія вольной торговли, о развитіи отпускной хлѣбной торговли съ Голландіей; о переводѣ за границу вмѣсто денегъ воску и юфти (№ 352, 354, 384, 456, 437); собственноручный указъ Петра (2 апр. 1718 г.) о постройкѣ по Невѣ рѣкѣ 2,000 избъ, для помѣщенія въ нихъ нижнихъ чиновъ и „переведенцевъ"; собственноручная записка Петра о снятіи рисунковъ съ предметовъ древности, опредѣляющая *высокую плату* за черепа, находимые при раскопкахъ (№ 561) [1]; рядъ документовъ о распредѣленіи школьниковъ и шляхетскихъ недорослей по мѣстамъ, съ собственными резолюціями Петра (№ 222 и 620), о высылкѣ 30 молодыхъ людей къ доктору Блюментросту, для приготовленія ихъ въ лекаря на флотъ (№ 658); о вызовѣ вольныхъ плотниковъ, желающихъ наняться на корабельное строеніе (№ 779); пункты объ *отвѣтственности* всѣхъ лицъ по должностямъ и чинамъ (№ 824); пункты объ опредѣленіи условій съ чумакомъ по вопросу о размноженіи въ Малороссіи овецъ и составленіи особаго положенія по сему предмету (№ 1043), и о посылкѣ за границу, для изученія порядка содержанія барановъ и овецъ, стрижки ихъ и приготовленія шерсти (№ 1398); составленіе положенія о продажѣ съѣстныхъ припасовъ и объ опредѣленіи камеръ-коллегіею правилъ, по которымъ продавать припасы въ Петербургѣ (№ 1093), собственноручная замѣтка Петра на образцѣ бумаги, изготовленной въ

---

[1]) Вполнѣ эта записка напечатана въ Рус. Старинѣ 1872, т. VI, стр. 474. Такъ какъ она не велика, то приводимъ ее здѣсь:

«За человѣческія кости за всѣ (ежели чрезвычайнаго величества) тысячю рублефъ, а за голову пятсотъ рублефъ. За денги и прочие вещи, кои спотписью, вдвое, чего онѣ стоятъ. За камни спотписью по разсужденію. Одинъ гробъ скостми привесть не трогая. Гдѣ найдутся также, всѣмъ дѣлать чертежи какъ что найдутъ».

Россіи, съ заключеніемъ при этомъ: „и тако не токмо во Франціи подряжать" (№ 1348); собственноручная записка Петра объ улучшеніи военнаго хозяйства по части медикаментовъ, провіанта, оружія (№ 1289) и повелѣніе его объ отправкѣ лекарствъ и жалованья лекарямъ и аптекарямъ въ полки, а также объ отправленіи въ Кіевъ *олонецкихъ* ружей (№ 120); черновой проектъ государя о мѣрахъ противъ притѣсненія русскихъ торговцевъ въ Ригѣ (№ 1335); о принятіи мѣръ для обученія русскихъ людей разнымъ наукамъ, иностраннымъ языкамъ и экономіи за границею, (№ 1400—1402); Высочайше утвержденный проектъ инструкціи на совершеніе контракта съ миссисипскою кампаніею въ Парижѣ, для размноженія россійскихъ рудокопныхъ заводовъ (№ 801) и пункты, писанные самимъ государемъ о посылкѣ съ товарами трехъ кораблей въ Испанію и одного во Францію, и о командированіи при нихъ нѣсколькихъ купцовъ для установленія торговыхъ сношеній съ означенными государствами (№ 1517). Укажемъ также на рядъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ противъ интересовъ казны, обнаруженнымъ при Петрѣ В., въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ дѣла Курбатова, кн. Гагарина, Соловьевыхъ и Меншикова (№ 263, 317, 641, 642, 604—607, 610, 616, 634, 650, 857).

Изъ этого перечня только немногихъ дѣлъ можно составить уже понятіе, какъ обстоятельно составлена самая опись сенатскаго архива.

Послѣ Петра В. значеніе сената существенно измѣняется. Настало время, когда самый титулъ сената: „правительствующій" былъ признанъ для него „непристойнымъ" (протоколъ верховнаго тайнаго совѣта 1726 г., приведенный въ описи, т. II, стр. III) и замѣненъ словомъ: „высокій". Верховный тайный совѣтъ, кабинетъ и конференція попеременно властвовали надъ сенатомъ. Эти перемѣны въ судьбѣ сената вполнѣ отражаются и на характерѣ описываемыхъ матеріаловъ. Такъ, въ описи встрѣчаются документы и акты, издававшіеся верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, съ 1726—1730 г., извлеченные изъ оказавшихся въ сенатскомъ архивѣ 45 книгъ подлинныхъ указовъ и протоколовъ совѣта. Каждая изъ этихъ статей сопровождается указаніемъ не только на книгу, въ которую занесенъ указъ, но и на протоколъ верховнаго совѣта, изъ котораго можно познакомиться съ мотивами, послужившими основаніемъ извѣстнаго постановленія; по тѣмъ же распоряженіямъ, по которымъ указы даны были не сенату, а синоду, коллегіямъ, конторамъ или отдѣльнымъ лицамъ и которыхъ поэтому въ сенатскомъ архивѣ нѣтъ, въ описи приведены краткія перечни содержанія самихъ протоколовъ совѣта. И кабинетъ постепенно пріобрѣлъ такую же власть, какою пользовался верховный совѣтъ; но разница между ними была та, что кабинетъ министра обыкновенно передавали на обсужденіе сената возникавшіе законодательные вопросы, оставляя за собою ихъ окончательное утвержденіе именемъ императрицы.

За время Іоанна Антоновича въ сенатскомъ архивѣ оказались весьма немного подлинныхъ указовъ и повелѣній; но въ дополненіе къ этимъ документамъ въ описи приведены (т. III), найденные при разборѣ бумагъ г. Барановымъ, подлинные исполнительные протоколы сената, состояв-

шіеся какъ по выс. указамъ, такъ и по рѣшеніямъ кабинета министровъ. Большая часть этихъ постановленій помѣщена уже въ полн. собр. законовъ, куда не вошли только указы о пожалованіяхъ, наградахъ, назначеніяхъ и частныхъ мѣрахъ, которые имѣютъ или біографическое значеніе, или даютъ болѣе или менѣе интересныя черты современныхъ нравовъ и понятій. Изданіе обѣщанныхъ матеріаловъ моск. арх. мин. юстиціи, относящихся къ этому времени, быть можетъ значительно пополнитъ существующій пробѣлъ въ его исторіи [1]).

Императрица Елисавета Петровна на первыхъ же порахъ произнесла приговоръ надъ верхов. тайнымъ совѣтомъ и кабинетомъ — и сенатъ снова получилъ прежнюю силу и власть „въ правленіи внутренняго всякаго званія государственныхъ дѣлъ“, между тѣмъ какъ вновь образованная конференція завѣдывала дѣлами внѣшними, и только съ 1756 г., когда стало все болѣе усиливаться болѣзненное состояніе императрицы, конференція начала оказывать весьма замѣтное вліяніе и на дѣла внутреннія; а за подписью ея членовъ издаются и самые указы. По этому, въ описи сенатскаго архива, съ означеннаго года встрѣчается значительное число экстрактовъ конференціи съ сообщеніями сенату высочайшихъ повелѣній и рескриптовъ разнымъ лицамъ отъ имени императрицы, но подписанныхъ конференцъ-министрами. Тѣмъ не менѣе, конференція постоянно обращалась къ сенату за содѣйствіемъ, предлагая на его обсужденіе всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла и сенату же предоставлялось избраніе должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ, въ царств. Елисаветы сенатъ издаетъ распоряженіе по военной

---

[1]) За недостаткомъ мѣста отмѣтимъ лишь нѣкоторые документы, характеризующіе нравы эпохи. Таковы напр.—сообщеніе генер.-полиц. Салтыковымъ высоч. повелѣнія объ объявленіи съ барабаннымъ боемъ жителямъ С.-Петербурга запрещенія посѣщать шута Балакирева и принимать его къ себѣ, подъ опасеніемъ наказанія и ссылки въ каторгу, и въ томъ же году (1735) высоч. разрѣшеніе на это, подъ условіемъ не пьянствовать съ нимъ (№ 5155, 5179); резолюція кабинетъ-министровъ (1739) объ освобожденіи разведенной съ мужемъ, дворцовымъ комедіантомъ, за прелюбодѣйство и принявшей православную вѣру, Марьи Лазаревой, отъ наложеннаго на нее судомъ взысканія пошлинъ, и о назначеніи ей денегъ на пропитаніе, чтобы она за бѣдностью не впала вновь въ распутство (II, № 7114) — оба дѣла относятся къ цар. Анны Ивановны. Въ царств. Іоанна Антоновича отмѣтимъ слѣдующіе факты: о выдачѣ секретарю академіи наукъ Вас. Третьяковскому, за понесенные имъ побои и увѣчья отъ Волынскаго, по окладу его вдвое (720 р.), изъ суммы, собранной отъ продажи пожитковъ послѣдняго; объ избавленіи отъ смертной казни бывшаго уфимскаго воеводы Шемякина, виновнаго въ притѣсненіи башкирцевъ (№ 8031, 8053); высоч. указъ о приводѣ къ присягѣ дѣтей всякаго званія, начиная отъ 12 лѣтъ (№ 8081); указъ кабинетъ-министровъ о сентенціи полицейскимъ чинамъ, по дѣлу о приводѣ на съѣзжую патера французскаго посла, и прощеніи ихъ отъ имени посла, съ тѣмъ чтобы они благодарили послѣдняго за избавленіе отъ наказанія (№ 8093); о назначеніи пенсіона въ 200 руб. принявшему православіе капит. Баптисту и его семейству (№ 8322). Но особенное вниманіе обращаетъ на себя обиліе за это кратковременное царствованіе повелѣній, освобождавшихъ отъ смертной казни приговоренныхъ къ ней за преступленія по должности, подлоги, воровства, грабежи и убійства, а также отъ каторжной работы и ссылки въ Сибирь, которыя замѣнялись обыкновенно болѣе легкими наказаніями: № 7993, 8004, 8781, 8234, 8322, 8473, 8580, 8595, 8628, 8630, 8651 (отъ смертной казни); 8250, 8253, 8276, 8644 (отъ ссылки и работъ).

части; завѣдываетъ финансами и промышленностью, рѣшаетъ окончательно тяжебныя и судебныя дѣла, разсматриваетъ политическія преступленія; касается вопросовъ народнаго образованія; вообще вѣдаетъ всѣ дѣла внутренняго управленія. Лучшимъ подтвержденіемъ такой дѣятельности сената служитъ то, что изъ общаго числа статей полн. собр. законовъ за 1740—1762 г. $^4/_5$ постановленій приходится на долю сената, тогда какъ именныхъ повелѣній въ немъ значится всего $^1/_5$ (см. табл. въ описи, XIII). Со вступленіемъ на престолъ импер. Петра III, сенату снова были отведены лишь „дѣла меньшей важности", а учрежденное тогда же при дворѣ *собраніе* изъ нѣсколькихъ сановниковъ, подписывавшее нерѣдко даже именные указы по вопросамъ первой важности, смѣло заявляетъ уже о своихъ правахъ...

Къ такимъ выводамъ приводитъ составитель описи данныя, заключающіяся въ разсмотрѣніи документовъ. Не смотря на краткость указаній ихъ содержанія, ясная, точная передача послѣдняго даетъ возможность повѣрить эти данныя и, до извѣстной степени, воспользоваться ими и для другихъ выводовъ. Этого мало. Авторъ снабжаетъ каждый томъ своей описи общими очерками дѣятельности сената въ разсматриваемую эпоху и указываетъ его отношеніе къ другимъ высшимъ учрежденіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи тѣхъ же матеріаловъ, онъ составилъ подробные списки членовъ сената по 1762 годъ, пополнивъ при этомъ тѣ пробѣлы, какіе существовали въ прежнихъ указаніяхъ. Наконецъ онъ принялъ на себя не менѣе важный трудъ, чѣмъ самыя описи матеріаловъ—это составленіе подр бныхъ указателей къ нимъ: предметнаго, географическаго и именнаго, изъ которыхъ особенною полнотою отличается послѣдній. Въ то время какъ перечень предметовъ и перечень географическихъ названій соединены вмѣстѣ, причемъ возлѣ каждаго названія означены цифры статей описи, въ указателѣ именъ — при каждомъ изъ нихъ помѣщенъ въ сокращенномъ видѣ и самый текстъ статей описи, эти весьма интересныя біографическія свѣдѣнія (для I и II томовъ—о 3077 лицахъ; для III—о 3586) составляютъ довольно полныя жизнеописанія главнѣйшихъ русскихъ дѣятелей за первую половину XVIII вѣка. Въ интересахъ же людей, занимающихся біографическимъ отдѣломъ исторіи, приведены о многихъ лицахъ, на основаніи существующихъ историческихъ данныхъ, свѣдѣнія о времени рожденія, смерти, супружествѣ и другихъ обстоятельствахъ жизни, относящихся къ нимъ; а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ внесены даже разныя изысканія, разслѣдованія и біографическія свѣдѣнія о болѣе замѣчательныхъ лицахъ по дѣятельности научной, или оставившихъ по себѣ память по какому либо предмету въ жизни народной. Означенныя при каждой фамиліи имена и отчества лицъ, вошедшихъ въ указатель, взяты изъ подлинныхъ документовъ сенатскаго архива; въ тѣхъ же случаяхъ, когда подобныхъ свѣдѣній тамъ не оказалось, въ скобкахъ обозначены имена и отчества по существующимъ родословнымъ и другимъ историческимъ изданіямъ, если притомъ относительно тожественности этихъ лицъ не было сомнѣнія. Само собою понятно, что при такихъ качествахъ труда, этотъ указатель получаетъ значеніе и помимо самой описи.

Вышедшіе до сихъ поръ три тома описи составляютъ едва третью часть всего, предпринятаго издателемъ труда. Къ изданію прочихъ томовъ, „которые будутъ заключать въ себѣ обильные по своему историческому и юридическому содержанію", подлинные высоч. указы и повелѣнія за цар. Екатерины II и Павла I, онъ намѣренъ приступить при первой возможности осуществить это намѣреніе. Вполнѣ желательно, чтобы послѣдняя не заставила себя долго ждать, а затѣмъ можно высказать желаніе, чтобы наконецъ появился въ нашей историко-юридической литературѣ и трудъ по исторіи сената, въ которомъ бы былъ разсмотрѣнъ не одинъ механизмъ его дѣятельности, но и живая исторія этого учрежденія.

В. Иконниковъ.

(профессоръ университета св. владиміра).

Уставныя грамоты XIV—XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Изслѣдованіе кандидата правъ *Николая Загоскина*. Выпускъ первый. Казань. 1875. Выпускъ второй. (Сведенный текстъ дошедшихъ и изданныхъ до нашего времени уставныхъ грамотъ XIV—XVI вв., опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія съ добавленіемъ соотвѣтствующихъ статей изъ западно-русскихъ уставныхъ грамотъ и другихъ памятниковъ литовско-русскаго законодательства). Казань. 1876.

Г. Загоскинъ задался мыслью изслѣдовать юридическое значеніе уставныхъ грамотъ, какъ одного изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія древне-русскаго областнаго государственнаго строя. Съ этою цѣлью авторъ сопоставляетъ ихъ съ другими сродными видами грамотъ, какъ-то: жалованными, судными, губными, таможенными, открываетъ между ними черты сходства и различія и затѣмъ находитъ, что уставныя грамоты, въ свою очередь, распадаются на четыре группы: 1) уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ областнаго правительственнаго управленія, 2) уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ областнаго самоуправленія, 3) уставныя грамоты церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ, и 4) уставныя грамоты монастырскаго общежитія (стр. 18). Послѣднія двѣ группы называетъ онъ (не совсѣмъ точно) *каноническими*, въ отличіе отъ первыхъ, *государственныхъ*. «Государственными уставными грамотами — говоритъ авторъ—слѣдуетъ считать издававшіяся государственною властью грамоты, содержащія въ себѣ болѣе или менѣе всестороннюю регламентацію различныхъ вѣтвей мѣстнаго управленія, правительственнаго или земскаго" (стр. 18 и 19). Вотъ сущность первой главы, занимающей стр. 1—24.

Вторая глава содержитъ „*обзоръ дошедшихъ и изданныхъ до настоящаго времени уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго управленія*". Всѣхъ разсматриваемыхъ грамотъ — пятнадцать; здѣсь сообщаются, по возможности, исторія происхожденія каждой грамоты, ея открытія, обнародованія и комментированія (стр. 25—47).

Въ третьей главѣ подвергаются критикѣ *„существующія въ наукѣ воззрѣнія на существо уставныхъ грамотъ и ихъ значеніе“* (стр. 47—59). Указавъ на неполноту и односторонность прежнихъ отрывочныхъ сужденій, авторъ опредѣляетъ, наконецъ, сущность того вида государственныхъ уставныхъ грамотъ, который составляетъ ближайшій предметъ его изученія. По его словамъ, это были „грамоты, дававшіяся мѣстному населенію для опредѣленія юридическихъ отношеній его къ правительству и его органамъ, и извѣстныхъ, соприкасающихся съ интересами государства сторонъ внутренней общественной жизни его, — въ видахъ парализированія произвола и злоупотребленій со стороны областныхъ управителей“ (стр. 59).

Четвертая и послѣдняя глава посвящена разсмотрѣнію вопроса объ обязательной силѣ грамотъ этого рода, т. е. о томъ, были ли онѣ законами въ настоящемъ смыслѣ слова, или только личными актами главы государства, при чемъ авторъ склоняется въ пользу втораго предположенія (стр. 59—66).

Остановимся на спеціальномъ опредѣленіи, даваемомъ г. Загоскинымъ грамотамъ, учреждающимъ областное государственное управленіе и устройство. Преимущество его предъ прежними безспорно: оно довольно удачно оттѣняетъ различіе уставной отъ жалованной въ собственномъ смыслѣ, т. е. частнаго изъятія или привилегіи, хотя и въ уставныхъ попадаются иногда отдѣльныя постановленія съ характеромъ привиллегіи для данной мѣстности. Не менѣе вѣрно схвачены черты, разграничивающія уставную грамоту, какъ учрежденіе объ областномъ управленіи, отъ инструкціи или наказа, который дается высшимъ правительствомъ мѣстному своему представителю, для соглашенія его распорядительной дѣятельности съ цѣлями общегосударственными. За всѣмъ тѣмъ, и это опредѣленіе, по нашему мнѣнію, не чуждо нѣкоторыхъ недостатковъ. Всякій законъ, опредѣляя мѣру свободы или власти частныхъ и правительственныхъ лицъ или учрежденій, eo ipso служитъ къ парализированію произвола и злоупотребленій; слѣдовательно, въ этомъ нельзя видѣть характеристической черты уставныхъ грамотъ. Если этимъ спеціальнымъ обозначеніемъ цѣли ихъ авторъ хотѣлъ указать на историческій фактъ, что въ XVI вѣкѣ грамоты издавались или возобновлялись по ходатайству мѣстнаго населенія, терпѣвшаго отъ гнета и притѣсненій правительственныхъ чиновниковъ, то такой пріемъ также не заслуживаетъ одобренія. Цѣль закона опредѣляется не санкціей, угрожающей нарушителю ею, а главнымъ предметомъ его содержанія. Согласно сему, надлежитъ признать, что уставными грамотами регулировались права и обязанности намѣстниковъ и волостелей съ подчиненными имъ тіунами, доводчиками и т. п. по отношенію къ городскому и сельскому населенію. Изъ числа правъ наиболѣе осязательными являются, конечно, права на временные или періодическіе поборы въ родѣ корма, въѣзжаго, на общественныя и личныя пени, какъ-то: дикую виру, вину и т. п., пошлины за право торговли и промышленности, отъ частныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, судебныя пошлины за вызовъ къ суду, „на правду“, за выдачу копій и приложеніе печати къ актамъ и т. д. Съ этими правами связаны были и обязанности, какъ-то: наблюденіе за охраненіемъ общественнаго спокойствія, предупрежденіе и пресѣченіе преступленій (полицейская часть), возстановленіе нарушенныхъ правъ (судебная) и соби-

раніе податей и налоговъ въ пользу центральной власти (финансовая). Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ понадобилось автору выдѣлить изъ общаго круга юридическихъ отношеній населенія къ правительству извѣстныя, соприкасающіяся съ интересами государства стороны внутренней общественной жизни?

Въ заключеніе, укажемъ еще на одну странность въ воззрѣніи г. Загоскина на значеніе уставныхъ грамотъ. На стр. 63, онѣ характеризуются какъ „*чисто земскіе, если можно такъ выразиться, конституціонные акты*“, но на стр. 65 онъ не признаетъ уже ихъ даже законами въ строгомъ смыслѣ, считая ихъ не болѣе, какъ частными (личными) актами главы государства. Основаніемъ послѣдняго вывода послужилъ тотъ фактъ, что большинство грамотъ, дошедшихъ до насъ отъ XVI вѣка, было возобновляемо при каждомъ царѣ. Но позволительно ли видѣть въ этомъ фактѣ юридическое начало, по которому каждая уставная грамота была ограничена въ своемъ дѣйствіи продолжительностью царствованія, это вопросъ, который заслуживаетъ болѣе внимательнаго обсужденія.

„Сведенный текстъ уставныхъ грамотъ“, не смотря на массу затраченнаго на него труда и желаніе самого автора придать ему первенствующее значеніе (см. вып. 1, стр. 13), въ нашихъ глазахъ не имѣетъ большой цѣны. Извѣстно, какъ туго безъискуственныя произведенія древности укладываются въ строгія формы современнаго отвлеченнаго мышленія. Попытки разбивать текстъ старинныхъ законодательствъ по рубрикамъ новѣйшей систематики почти никогда не достигаютъ цѣли, хотя бы онѣ были предприняты самыми опытными и свѣдущими людьми. Но судя по распредѣленію матеріала въ разсматриваемомъ „Сведенномъ текстѣ“, г. Загоскинъ не обладаетъ качествами искуснаго теоретика-систематизатора.

Мысль о шаткости теоретическихъ понятій автора по части государственнаго права внушаетъ оглавленіе втораго выпуска. Такъ, въ раздѣлѣ B, озаглавленномъ: „Постановленія, относящіяся къ организаціи мѣстнаго управленія“, подъ цифрою IV, читаемъ: „опредѣленія объ изъятіи нѣкоторыхъ жаловальниковъ изъ вѣдомства намѣстниковъ, за исключеніемъ подсудности по дѣламъ уголовнымъ и *вопчимъ*“. Обращаясь къ подлежащимъ мѣстамъ текста (стр. 9 и 10), не трудно удостовѣриться, что всѣ помѣщенные тамъ отрывки изъ грамотъ всецѣло должны отойти къ раздѣлу о судопроизводствѣ, гдѣ автору пришлось ограничиться включеніемъ одной небольшой цитаты изъ грамоты № 9, въ сущности повторяющей правило той же грамоты, изложенное подъ тѣмъ же № на стр. 10. Далѣе, запрещеніе правительственнымъ чиновникамъ травить стадами своими поля обывателей (C, XII) отнесено г. Загоскинымъ къ разряду мѣръ, обезпечивающихъ населеніе отъ *самовластія и злоупотребленій*. Постановленія о „*сводѣ*“ помѣщены между статьями, относящимися къ матеріальному уголовному праву (J, LXV).

Къ тексту приложены: таблица, служащая къ возстановленію грамотъ въ ихъ первоначальномъ видѣ и словарь предметовъ, именъ личныхъ и географическихъ. О точности и вѣрности таблицы мы не осмѣливаемся высказать сужденія, такъ какъ не сличали ея съ текстомъ подлинныхъ грамотъ, но планъ ея въ общемъ цѣлесообразенъ и удобенъ; словарь же

не совсѣмъ полонъ и точенъ. Такъ, мы не нашли въ немъ слова: „толко". Подобный пропускъ не заслуживалъ бы упоминанія, если бы это реченіе употреблялось исключительно въ новѣйшемъ современномъ значеніи, между тѣмъ въ XCIV, 1. Сведеннаго текста, смыслъ его иной, всего вѣроятнѣе: *если*, или *когда* (ср. Псков. Суд. Грам. ст. 39 по Христоматіи г. Владимірскаго-Буданова). Нарѣчіе *сильно* объяснено у него словами: *насильно, съ насиліемъ*, тогда какъ всего интереснѣе было бы, конечно, отмѣтить слѣдующія значенія: *свыше мѣры*, напр. „силно продати", т. е. *наложить пеню свыше опредѣленной закономъ нормы* (XIII, 1), или *противъ желанія, безъ согласія, разрѣшенія*, напр. „*силно ставиться*", „*силно играть*" (LIII, стр. 46 и 47). Есть, впрочемъ, и любопытныя разъясненія, какъ, напр., въ словѣ: *чеклой* (тать), которое авторъ, согласно Далю, переводитъ — бѣглый, скрывшійся. Заслуживаетъ также вниманія объясненіе пошлины „*на правду*", но и оно заимствовано у Даля: пошлина за призывъ свидѣтеля къ допросу.

Д. Мейчикъ.

Писцовыя книги, издаваемыя Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Часть первая, отдѣленіе второе. Спб. 1877.

По иниціативѣ сенатора Н. В. Калачева, И. Русское Географическое Общество предприняло нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданіе Писцовыхъ книгъ Московскаго Государства, и въ концѣ прошедшаго года второе отдѣленіе первой части, заключающее болѣе 100 печатныхъ листовъ, уже вышло въ свѣтъ, а изданіе перваго отдѣленія первой части обѣщано въ непродолжительномъ времени. Такимъ образомъ приводится наконецъ въ исполненіе давнишняя мысль Географическаго Общества объ изданіи Писцовыхъ книгъ, а для изслѣдователей русской старины дѣлается доступнымъ матеріалъ, за которымъ давно признано значеніе первостепенной важности, при изученіи внутренняго состоянія древней Руси.

Первая мысль о пользѣ и необходимости изданія писцовыхъ книгъ принадлежала покойному профессору С.-Петербургскаго Университета К. А. Неволину, который въ приготовленной имъ для публичнаго акта 1847 г. рѣчи „*объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II*" ознакомилъ обстоятельнѣе всѣхъ прежнихъ изслѣдователей съ характеромъ и съ содержаніемъ писцовыхъ книгъ и указалъ на важность заключающихся въ нихъ свѣдѣній.

Затѣмъ онъ предполагалъ написать для географическаго общества спеціальную статью: „О важности писцовыхъ книгъ для древней географіи Россіи" и при содѣйствіи того-же общества занялся разработкою доставленныхъ въ Общество изъ Главнаго Архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Москвѣ древнѣйшихъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Плодомъ этого труда было извѣстное сочиненіе покойнаго Неволина „*О пятинахъ и погостьяхъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ*, увѣнчанное въ 1852 г. Константиновскою медалью, напечатанное въ VIII томѣ Записокъ Географическаго Общества, въ 1853 г. Это сочиненіе представляло превосход-

ный опытъ научной разработки древнихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ и въ примѣчаніяхъ содержало массу выписокъ изъ самыхъ книгъ.

Зная, что Археографическая Коммиссія на основаніи преподанныхъ ей правилъ могла приступить къ изданію писцовыхъ книгъ, не прежде обнародованія лѣтописей, государственныхъ актовъ, степенныхъ книгъ и другихъ болѣе важныхъ памятниковъ нашей исторіи, и что писцовыя книги поименованы послѣдними въ числѣ матеріаловъ отечественной исторіи, объ изданіи которыхъ она должна заботиться, Неволинъ высказывалъ въ своемъ изслѣдованіи „О пятинахъ“ что неожидая того, когда Археографическая Коммиссія возьмется за изданіе писцовыхъ книгъ, ученыя общества, имѣющія своею цѣлію разработку исторіи, географіи и древности Россіи соединенными усиліями могли бы очень много содѣйствовать изданію писцовыхъ книгъ. Въ послѣдствіе мысль объ изданіи писцовыхъ книгъ, и притомъ не одиночно, а въ видѣ полнаго собранія ихъ, дабы дать возможность дѣлать выводы посредствомъ сличенія всѣхъ и большей части писцовыхъ книгъ, относящихся къ одному времени и разнымъ мѣстностямъ, или, на оборотъ, къ одной мѣстности и разнымъ временамъ, такая мысль, говоримъ, высказывалась покойнымъ секретаремъ Географическаго Общества В. А. Милютинымъ. Но все это не приводило къ другому результату, кромѣ вызова того или другаго члена Общества заняться тѣмъ или другимъ вопросомъ, болѣе или менѣе сроднымъ съ вопросомъ о писцовыхъ книгахъ, о сошномъ письмѣ и т. п.; но этимъ дѣло и кончилось, и даже не всѣ обѣщанія всегда исполнялись. Обстоятельное изложеніе всего хода вопроса по изданію писцовыхъ книгъ въ средѣ Географическаго Общества сдѣлано въ превосходномъ „Обозрѣніи трудовъ Имп. Р. Г. Общества по исторической географіи“, составленномъ покойнымъ А. И. Артемьевымъ для 25-лѣтняго юбилея Общества [1]).

Между тѣмъ Археографическая Коммиссія нашла возможнымъ приступить въ 1858 году къ изданію безъ сокращенія, въ полномъ видѣ, Новгородскихъ писцовыхъ книгъ и писцовыхъ книгъ Ижорской земли 1618—1623 г. Но Археографическая Коммиссія ограничилась изданіемъ 4-хъ томовъ и болѣе не продолжала своего изданія.

Тогда-то Н. В. Калачовъ явился къ Географическому Обществу съ предложеніемъ приступить къ изданію писцовыхъ книгъ и въ одномъ изъ общихъ собраній (4 декабря 1868 г.) прочиталъ свою статью „о значеніи писцовыхъ книгъ“ [2]). По мнѣнію г. Калачева, записи, подобныя писцовымъ книгамъ, суть чисто туземное учрежденіе, основа котораго является въ самую раннюю эпоху существованія Русскаго Государства. На основаніи данныхъ, представляемыхъ многими договорными и другими грамотами XII—XV вѣковъ, можно считать несомнѣннымъ, что уже въ удѣльный періодъ существовали списки тѣхъ мѣстностей, съ которыхъ княжескіе посадники собирали дань, съ обезпеченіемъ предметовъ и количества дани, и становъ или погостьевъ, гдѣ были учреждены стоянки даньщиковъ, при объѣздѣ порученныхъ имъ городовъ съ ихъ волостями

---

[1]) Двадцатипятилѣтіе И. Р. Географическаго Общества 13 января 1871 г. Спб. 1872. Приложеніе I.

[2]) Статья эта была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ 1869 г. № 4.

и съ указаніемъ уѣздныхъ границъ. Въ XVI же и XVII вѣкахъ писцовыя книги являются уже результатомъ отчетливо сознанной и приведенной правительствомъ системы описанія земель, для призыва, на основаніи этого описанія, людей на службу и взиманія разнаго рода казенныхъ сборовъ; такъ что въ это время распространеніе предѣловъ русскаго государства уже постоянно сопровождается посылкою во вновь пріобрѣтенныя области и города писцовъ для производства тамъ переписей. Такимъ образомъ составленныя и дополненныя въ разныя царствованія отъ Іоанна III до начала XVIII вѣка писцовыя, межевыя, переписныя, занчныя и другія по описанію земель книги сохранились въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи въ количествѣ слишкомъ 3000 текстовъ или редакцій, относящихся къ болѣе чѣмъ 100 городамъ и пригородамъ съ ихъ уѣздами, заключая въ себѣ массу названій различныхъ географическихъ мѣстностей, письменныя данныя о населеніи городскомъ и сельскомъ, означеніе ихъ промысловъ и взимаемыхъ съ нихъ сборовъ, писцовыя книги, по мнѣнію Н. В. Калачова, представляютъ множество новыхъ свѣдѣній, равно любопытныхъ для географа, статистика, этнографа, археолога, юриста, финансиста.

По обсужденіи предложенія г. Калачова, сперва въ соединенномъ засѣданіи отдѣленій статистики и этнографіи, послѣ довольно жаркихъ преній, а затѣмъ и въ совѣтѣ, и по одобреніи этого предпріятія Археографическою Коммиссіею, приступлено было къ первоначальнымъ работамъ по извлеченію свѣдѣній изъ подлинныхъ книгъ, а затѣмъ и къ печатанію ихъ. При этомъ принятъ былъ слѣдующій планъ. Писцовыя книги, для изданія, раздѣлить на три группы: къ первой отнести книги XVI вѣка, кромѣ напечатанныхъ уже Археографическою Коммиссіею новгородскихъ книгъ, ко второй книги XVII вѣка до 1663, къ третьей книги позднѣйшія 1683. Этотъ годъ принятъ рубежемъ на томъ основаніи, что къ нему относится инструкція для составленія писцовыхъ книгъ, которая произвела измѣненія въ редакціи послѣдующихъ книгъ. При этомъ при изданіи каждой хронологической группы принято держаться порядка географическаго и идти отъ центра къ окружности, избравъ этимъ центромъ Москву. Въ предисловіи къ изданію должно заключаться объясненіе пріема, принятаго редакціею, при составленіи извлеченія изъ писцовыхъ книгъ, а также разъясненіе всѣхъ общихъ вопросовъ, относящихся къ писцовымъ книгамъ. Составленіе этого объяснительнаго руководящаго текста, который долженъ освѣтить всю серію предположенныхъ къ изданію четырехъ томовъ писцовыхъ книгъ, замедлило, какъ мы слышали, выходъ въ свѣтъ 1-го отдѣленія 1-й части, уже готоваго впрочемъ въ печати и содержащаго около 60 печатныхъ листовъ. Такимъ образомъ очевидно уже первый томъ выйдетъ далеко за предѣлы предположенные первоначально Обществомъ, отчего конечно наука и ученые изслѣдователи русской старины только выиграютъ.

Первый томъ посвященъ исключительно писцовымъ книгамъ XVI вѣка. Въ неизданное еще нами первое отдѣленіе первой части должны войти писцовыя книги древнихъ уѣздовъ, нынѣшней Московской, Владимірской и Костромской губерній; преимущественно земель Троицко-Сергіева монастыря. Въ вышедшее же нынѣ 2-е отдѣленіе 1-й части вошли писцовыя

книги древнихъ уѣздовъ Ярославскаго, Ростовскаго, Угличскаго, Пошехонскаго, Старицкаго, Тверскаго, Бѣлозерскаго, Вяземскаго, Медынскаго и Орловскаго, а также Полоцка съ Полоцкимъ повѣтомъ и городовъ Тулы, Дѣдилава, Каширы, Венева и Епифани.

Всѣ эти книги относятся или къ половинѣ или къ концу XVI вѣка, и даютъ возможность составить довольно полное понятіе о распредѣленіи и значительности разныхъ видовъ землевладѣнія въ означенныхъ уѣздахъ. Такъ первыя пять книгъ представляютъ описаніе однѣхъ земель Троице-Сергіева монастыря. Перебирая эти книги, мы узнаемъ, что монастырю принадлежало въ этихъ уѣздахъ около 300 населенныхъ пунктовъ, селъ, деревень, починковъ, селищъ и займищъ и т. п., въ нихъ было 1384 двора крестьянскихъ и 66 бобыльскихъ, и сверхъ того 57 дворовъ пустыхъ, на земляхъ монастырскихъ жило въ то время 1594 крестьянъ и 67 бобылей, земли пахатной и лѣсной при тѣхъ селеніяхъ было до 38,000 четвертей, а луга приносили около 6000 копенъ.

Далѣе вычисляется какому количеству податныхъ силъ соотвѣтствовала вся монастырская земля и какими сборами въ пользу монастыря обязаны были крестьяне, живущіе на ней. Не менѣе интересна и книга Тверскаго уѣзда, въ нѣсколькихъ спискахъ, въ которой описаны дворцовыя великокняжескія села и деревни, розданныя въ помѣстье, а также черныя волости и села, и земли, принадлежащія въ уѣздѣ разнымъ монастырямъ. Къ сожалѣнію въ этихъ книгахъ нѣтъ итоговъ по волостямъ, и для составленія понятія о размѣрахъ разныхъ видовъ землевладѣлія необходимо сложить всѣ частные итоги по каждому отдѣльному владѣнію; трудъ кропотливый и утомительный, хотя и обѣщающій интересные выводы. Но не въ предѣлахъ библіографической статьи дѣлать сводъ числовыхъ выводовъ о землевладѣніи цѣльныхъ уѣздовъ. Достаточно указать на то значеніе, которое подобные своды могутъ дать для уясненія нашего поземельнаго владѣнія и податной системы въ XVI вѣкѣ.

Изъ книги Тульскаго уѣзда напримѣръ видно, что въ этомъ уѣздѣ было помѣстныхъ селъ, деревень, починковъ и т. п. населенныхъ пунктовъ 423, а въ нихъ 521 дворъ помѣщиковъ, 972 людскихъ (дворовыхъ людей), 1258 дворовъ крестьянскихъ, 919 дворовъ бобыльскихъ, 340 дворовъ пустыхъ людскихъ и крестьянскихъ; селеній монастырскихъ 7, дворовъ 309, а людей въ нихъ 248, вотчинниковыхъ селеній было только $2^1/_2$ или $7^1/_2$ деревень и въ нихъ дворовъ 2 вотчинниковыхъ, 18 людскихъ, 38 крестьянскихъ и 14 бобылинскихъ, и столько же крестьянъ и бобылей, земли же во всѣхъ этихъ владѣніяхъ было 60,137 четвертей въ одномъ полѣ, т. е. болѣе 180,000 четвертей или около 90,000 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, озимомъ, яровомъ и черномъ. Владѣніе это соотвѣтствовало болѣе чѣмъ 78 сажень. Въ концѣ книги сдѣланъ выводъ, что сравнительно съ переписными книгами за 3 и за 4 года тому назадъ писанными, увеличилась роспиская пустыхъ земель на 9,773 четверти, а податная сила увеличилась на 12 силъ. Интересна также книга Епифановскаго уѣзда, дающая понятіе о размѣрахъ сторожевыхъ линій, оборонявшихъ южную границу отъ татарскихъ набѣговъ. Но не будемъ удлинять нашу замѣтку голословными выписками, пожелаемъ скорѣйшаго окон-

чанія полезнаго предпріятія Географическаго Общества и скорѣйшей разработки нашими учеными этого драгоцѣннаго матеріала для изученія землевладѣнія въ Московскомъ Государствѣ, въ XVI вѣкѣ.

В. Вешняковъ.

Систематическій каталогъ дѣламъ Департамента Внѣшней Торговли, хранящимся въ Архивѣ Департамента Таможенныхъ Сборовъ. С.-Петербургъ. 1877 г. 4⁰. стр. 641.

Трудъ этотъ г. начальника Архива Департамента Таможенныхъ Сборовъ И. Кайданова долженъ быть признанъ весьма полезнымъ, давая возможность ознакомиться со всѣмъ документальнымъ матеріаломъ по внѣшней торговлѣ Россіи, какъ европейской, такъ и азіятской, съ начала прошлаго столѣтія. Едва ли можетъ находиться въ какомъ либо другомъ Архивѣ столько документовъ, касающихся нашей внѣшней торговли, какъ въ Архивѣ бывшаго Департамента Внѣшней Торговли. Для ученыхъ работъ весьма важно имѣть возможность пользоваться документами, а чтобы узнать, гдѣ именно таковые находятся и какого они содержанія, каталоги, подобные нынѣ разбираемому, могутъ принести наукѣ большую пользу; поэтому мы и разсчитываемъ, что трудъ г. Кайданова не останется безъ подражанія.

Изъ введенія къ каталогу мы заимствуемъ слѣдующія данныя. Въ 1776 г. Петръ Великій учредилъ Государственную Коммерцъ-Коллегію, кругъ дѣятельности которой былъ весьма обширный. Всѣ дѣла, касающіяся, какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли, разсматривались въ этомъ учрежденіи, сверхъ того ему надлежало слѣдить за строеніемъ купеческихъ кораблей, за состояніемъ фабрикъ и заводовъ, завѣдывать таможенными дѣлами, опредѣлять таможенныя пошлины и т. д. Въ 1763 г. была отдѣлена отъ Коммерцъ-Коллегіи особая Главная Канцелярія для таможенныхъ сборовъ, которая существовала до 1780 г., когда управленіе таможнями и поступающими въ нихъ доходами было поручено вѣдомству казенныхъ палатъ и генералъ-губернаторовъ; съ того же года дѣла купеческія и биржевыя подлежали разсмотрѣнію въ губернскихъ магистратахъ. Вслѣдствіе сего, дѣятельность Коммерцъ-Коллегіи сдѣлалась съ 1780 г. весьма незначительна, но въ 1796 г. она была возстановлена, на прежнихъ основаніяхъ, а въ 1800 г. президенту Коммерцъ-Коллегіи, князю Гагарину, присвоено было названіе Министра Коммерціи. Составъ Коммерцъ-Коллегіи въ 1800 г. долженъ былъ образоваться изъ десяти членовъ правительства и тринадцати членовъ выбранныхъ купечествомъ и фабрикантами на три года; но уже въ послѣдующемъ 1801 г. Высочайше повелѣно было отпустить домой этихъ выборныхъ членовъ и впредь не опредѣлять ихъ, такъ какъ отправленіе должности въ Коммерцъ-Коллегіи отвлекало купцовъ и фабрикантовъ отъ занятій торговлею и промышленностью. — Въ числѣ учрежденныхъ манифестомъ 8-го сентября 1802 г. ми-

нистерствъ находились и Министерства Коммерціи и Финансовъ. Въ первомъ сосредоточивалось правленіе всѣми торговыми и таможенными дѣлами, а во второмъ государственными доходами и расходами. Въ 1811 г. Министерство Коммерціи было упразднено и вмѣсто его учрежденъ при Министерствѣ Финансовъ особый Департаментъ Внѣшней Торговли, въ вѣдѣніе котораго перешли всѣ дѣла внѣшней торговли и таможенныя; дѣла-же о внутренней торговлѣ и судоходствѣ были переданы въ вѣдомство министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Департаментъ Внѣшней Торговли существовалъ подъ этимъ названіемъ въ теченіи пятидесяти трехъ лѣтъ съ 1811—1864 г. Въ 1864 г. по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта было признано необходимымъ соединить въ одномъ учрежденіи всѣ дѣла, касающіяся торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней, и посему былъ учрежденъ особый Департаментъ Торговли и Мануфактуръ (на мѣсто Департамента Мануфактуръ), въ который были переданы изъ Департамента Внѣшней Торговли всѣ дѣла о торговлѣ и вмѣстѣ съ симъ этотъ послѣдній Департаментъ, согласно оставшемуся ему кругу дѣятельности, переименованъ въ Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ.

Въ Архивѣ Департамента Таможенныхъ Сборовъ хранятся, кромѣ дѣлъ сего Департамента, поступающія въ Архивъ съ 1865 г. еще дѣла разныхъ другихъ упраздненныхъ учрежденій, а именно: 1) Дѣла Государственной Коммерцъ-Коллегіи (учреждена въ 1716 г., упразднена въ 1811 г.). 2) Дѣла Департамента Внѣшней Торговли (1811—1864 г.). 3) Дѣла Коммиссій о коммерціи (1720 — 1749 г.; 1763 — 1796 г.) и о пошлинахъ (1753 — 1760 г.); первая была учреждена для изысканія мѣръ для развитія торговли, фабрикъ и заводовъ, а вторая для установленія сборовъ съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ. 4) Дѣла Поташной конторы (1690—1764); контора эта учреждена была въ Москвѣ для развитія промысла поташемъ и смольчугомъ и для казенной продажи ихъ, но когда опытъ доказалъ, что невыгодно содержать такого рода заводы въ вѣдѣніи казны, она была упразднена. 5) Дѣла Сибирскаго приказа. По завоеваніи Сибири построенъ былъ въ Москвѣ гостиный дворъ и учрежденъ Сибирскій приказъ, для казенной торговли съ произведеніями Сибири и Китая. Въ 1730 г. этому приказу было поручено завѣдывать всѣми таможенными сборами въ сибирскихъ городахъ, а въ 1763 г. онъ былъ упраздненъ и всѣ дѣла его поступили въ вѣдѣніе Правительствующаго Сената.— 6) Дѣла Коммерцъ-Конторы (1722—1763) и Московскаго Коммиссарства (1744—1763), первая учреждена въ Москвѣ, но была переведена въ 1744 г. въ Архангельскъ, а въ Москвѣ вмѣсто ея учреждено Коммиссарство. 7) Дѣла Ликвидаціонныхъ Конторъ (1800—1802 г.); онѣ были учреждены въ Москвѣ, Архангельскѣ и Ригѣ для взаимныхъ долговыхъ разсчетовъ между русскими и англійскими купцами. 8) Дѣла Ликвидаціонныхъ и Неутральныхъ Коммиссій. Въ 1808 г. при началѣ войны съ Англіею, наложено было амбарго на корабли и товары англійскихъ купцовъ, находившіеся въ Россіи, и вмѣстѣ симъ учреждена упомянутая коммиссія въ Петербургѣ, Ригѣ и Архангельскѣ для разсмотрѣнія секвестрованныхъ товаровъ и документовъ кораблей, при-

ходившихъ въ Россію изъ портовъ нейтральныхъ державъ. Кромѣ поименованныхъ дѣлъ хранятся въ Архивѣ еще Высочайшіе Именные указы [1]), рескрипты и повелѣнія, Высочайше утвержденныя докладныя записки министровъ Коммерціи и Финансовъ, выписки изъ журналовъ Государственнаго Совѣта и Комитетовъ: Министровъ, Кавказскаго и Сибирскаго, указы Правительствующаго Сената, таможенные тарифы, уставы, правила, инструкціи и прочія узаконенія, отчеты начальниковъ округовъ о ходѣ торговли, Виды Государственной Внѣшней торговли Россіи и т. п.

Чтобы составить систематическій каталогъ дѣламъ, г. Кайдановъ распредѣлилъ дѣла по содержанію ихъ на группы, которыя содержатъ лишь дѣла вполнѣ однородныя, за тѣмъ группы соединены, смотря по большему или меньшему сходству ихъ между собою, въ части или отдѣлы, изъ которыхъ и образованы главные раздѣлы.

По наружной формѣ каталогъ имѣетъ шесть графъ, изъ которыхъ въ первой показанъ „общій № каталога“, во второй „содержаніе дѣлъ“, въ третьей „когда дѣло началось“, въ четвертой „когда кончилось“, въ пятой „число листовъ дѣла“, въ шестой „№ связки“ и въ седьмой „№ по отдѣлу каталога“. Къ каталогу приложенъ алфавитный указатель предметовъ и географическихъ названій. Въ заключеніе мы должны упомянуть, что трудъ этотъ весьма тщательно составленъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ правильной организаціи каталога архивнымъ дѣламъ.

А. Шмидтъ.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Обычное гражданское право въ Россіи. Юридическіе очерки *С. В. Пахмана*, заслуженнаго профессора С.-Петербургскаго Университета. Томъ I. Собственность, обязательства и средства судебнаго охраненія. С.-Петербургъ, 1877 г. XVI, 447 стр.

Истекаетъ второе десятилѣтіе послѣ изданія Положенія 19 февраля 1861 года, предоставившаго гражданскія права нѣсколькимъ милліонамъ крестьянъ, которые ими до того времени не пользовались, а юридиче-

---

[1]) Въ числѣ ихъ находятся четыре за собственноручнымъ подписаніемъ Императора Петра Великаго; а именно: 1. Указъ объ отпускѣ изъ Коммерцъ-Коллегіи денегъ на нѣкоторыя государственныя надобности отъ 30 августа 1722 г. 2. Указъ о выдачѣ денегъ за мраморныя штуки капителей, привезенныхъ изъ Италіи, отъ 9-го августа 1723 г. 3. Инструкція Коммерцъ-Коллегіи о томъ, какъ поступать оной Коллегіи, составленная Императоромъ Петромъ Первымъ и данная оной по Указу отъ 8-го сентября 1723 г. 4. Указъ Президенту Коммерцъ-Коллегіи, о выпускѣ съ корабля винъ, привезенныхъ изъ Франціи отъ 29-го мая 1724 г.

скій бытъ этихъ послѣднихъ продолжаетъ игнорировать нашъ Сводъ Законовъ, именно 1 ч. X тома. Въ области суда уголовнаго, народному бытовому началу *фактически* дано весьма широкое примѣненіе въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, большинство которыхъ, за исключеніемъ столицъ и отчасти губернскихъ городовъ, состоитъ изъ крестьянъ.

При составленіи Свода, крестьяне, какъ крѣпостные, никакими правами не пользовались, и потому составители Свода могли имѣть въ виду лишь бытъ привиллегированныхъ сословій, да такъ называемыхъ инородцевъ. Эти послѣдніе, по инипіативѣ гр. Сперанскаго, были приведены въ извѣстность и стали предметомъ заботливаго вниманія правительства, о чемъ свидѣтельствуютъ многія законоположенія, особенно же Уставъ объ управленіи инородцами 1822 года (Полное Собраніе Законовъ т. XXXVIII № 29,126).

Дѣятельность временныхъ комитетовъ, учрежденныхъ по мысли гр. Сперанскаго, сначала въ сибирскихъ губерніяхъ, а послѣ изданія, въ 1835 году, Устава для Мезенскихъ самоѣдовъ, и въ Архангельской губерніи, для собиранія обычаевъ инородцевъ, не осталась безслѣдной, хотя Сводъ степныхъ законовъ не прошелъ, какъ извѣстно, въ Государственномъ Совѣтѣ, будучи признанъ рановременнымъ. Тѣмъ не менѣе особенности юридическаго быта сибирскихъ разныхъ сословій обывателей и Мезенскихъ самоѣдовъ были приняты къ свѣдѣнію при составленіи нашего гражданскаго кодекса — X т. Св. Зак.

16-го декабря 1871 г., въ виду совершеннаго отсутствія свѣдѣній о положеніи суда, отправляющаго правосудіе въ средѣ огромнаго большинства населенія Россійской Имперіи, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой коммиссіи для изслѣдованія положенія волостныхъ судовъ, и притомъ не только какъ судебнаго учрежденія вообще, но и какъ суда по народному обычаю. Эта Коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, лѣтомъ 1872 года объѣхала 15 губерній различныхъ полосъ обширной территоріи нашего отечества, посѣтила счетомъ 480 волостей и издала семь большихъ томовъ подъ названіемъ: Труды Коммиссіи о волостныхъ судахъ.

Это изданіе, появленіе котораго вызвало разбираемый нами почтенный трудъ С. В. Пахмана, состоитъ изъ двоякаго рода и притомъ весьма различнаго достоинства матеріаловъ: изъ показаній крестьянъ о ихъ судѣ и обычаяхъ, записанныхъ членами Коммиссіи, и весьма обширнаго собранія рѣшеній волостныхъ судовъ.

Г. Пахманъ въ своей книгѣ хотя и пользуется обоими источниками далеко не въ равной мѣрѣ, весьма основательно давая предпочтеніе рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, однако не даетъ критической оцѣнки относительнаго значенія названныхъ источниковъ и не указываетъ, на сколько данные одного изъ нихъ соотвѣтствуютъ другому.

Отсутствіе такой критической работы надъ матеріалами, изданными Коммиссіей, можетъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ. Нашъ уважаемый авторъ, поставившій своей задачей анализъ юридическихъ началъ, заключающихся въ матеріалахъ, изданныхъ Коммиссіей, для опредѣленія достовѣрности этихъ матеріаловъ, употребляетъ, или, точнѣе говоря, желалъ бы употребить слѣдующій пріемъ: онъ считаетъ дѣйствительно су-

ществующими и вноситъ въ свою книгу только такіе обычаи, которые встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ, и притомъ какъ въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, такъ и въ показаніяхъ, записанныхъ членами Коммиссіи, стараясь кромѣ того провѣрить такіе обычаи данными, встрѣчающимися въ печатной литературѣ въ разныхъ описаніяхъ народнаго быта.

Это правило, высказанное авторомъ въ предисловіи, къ сожалѣнію весьма трудно исполнимо, и г. Пахманъ въ своемъ изложеніи неоднократно и весьма основательно отъ него отступаетъ, такъ какъ иначе ему пришлось бы выкинуть изъ своей книги многіе обычаи дѣйствительно существующіе, хотя объ нихъ не упоминается въ показаніяхъ крестьянъ, записанныхъ членами Коммиссіи. Укажу для примѣра обычай крестьянъ: класть знаки собственности на скотѣ и другомъ имуществѣ, какъ способъ укрѣпленія права на это имущество (стр. 49 и слѣд.), требовать отъ пастуха, въ случаѣ потери въ стадѣ, ушей павшей или съѣденной звѣремъ скотины (стр. 226) и т. д.

Эти обычаи занесены въ книгу г. Пахманомъ, хотя въ показаніяхъ крестьянъ, записанныхъ членами Коммиссіи, о нихъ не упоминается.

Первый томъ труда г. Пахмана посвященъ собственности, обязательствамъ и средствамъ судебнаго охраненія; семейное же право будетъ изложено въ слѣдующемъ второмъ томѣ.

Такое отступленіе отъ порядка, принятаго не только Сводомъ, но и собирателями обычаевъ, авторъ объясняетъ тѣмъ, что вещное право и обязательство менѣе выработаны въ нашей литературѣ, и что вообще принято въ курсахъ гражданскаго права сначала излагать право имущественное, а затѣмъ право семейное и наслѣдственное.

Но рамки системы, выработанныя въ нѣмецкихъ руководствахъ, не приложимы къ такому своеобразному предмету, какъ обычное право, изслѣдованіемъ котораго занимается почтенный авторъ. Соотвѣтствуетъ ли такой порядокъ изложенія свойствамъ и характеру обычнаго права? Дѣйствительно ли этотъ порядокъ вытекаетъ изъ природы обычнаго права, и есть естественный порядокъ его изложенія? Отвѣчать на эти вопросы приходится, кажется, отрицательно, лучшимъ подтвержденіемъ чего можетъ служить первая глава разсматриваемой нами книги, посвященная владѣнію и собственности. Во второмъ отдѣленіи этой главы, г. Пахманъ дѣлаетъ приступъ къ изслѣдованію общиннаго владѣнія, но благодаря принятой имъ системѣ, поневолѣ долженъ обходить многіе существенные вопросы, требующіе предварительнаго знакомства съ семейнымъ бытомъ, такъ какъ общинные порядки находятся въ самой тѣсной связи съ устройствомъ семьи, и можно сказать вытекаютъ изъ нея. Благодаря этому, мы не находимъ въ книгѣ г. Пахмана опредѣленнаго указанія на то, при какихъ условіяхъ и съ какого возраста членъ общины получаетъ право на надѣлъ землей или свой пай въ общемъ владѣніи ею. Это такъ называемый вопросъ о рабочемъ возрастѣ, которымъ авторъ, вѣроятно, займется въ слѣдующемъ томѣ, такъ какъ на этотъ разъ онъ ограничивается лишь общимъ мѣстомъ, говоря: „стоитъ взрослому общиннику обзавестись своимъ домомъ и хозяйствомъ и онъ безмездно получаетъ право пользованія общинной землей“ (стр. 14).

Для выполненія своей задачи, т. е. анализа юридическихъ началъ, встрѣчающихся въ народномъ быту, автору слѣдовало бы также остановиться на вопросѣ: какое вліяніе имѣютъ крестьянскіе дѣлежи на передѣлъ земли, и имѣютъ ли они такое вліяніе. Но и этотъ вопросъ пришлось обойти автору, потому что безъ предварительнаго изложенія юридическихъ отношеній, возникающихъ въ крестьянской семьѣ, его касаться неудобно.

До сихъ поръ общинное владѣніе изслѣдовалось съ исторической, экономической и финансовой точекъ зрѣнія. Прекрасная статья, посвященная сельской общинѣ нашимъ извѣстнымъ юристомъ К. П. Побѣдоносцевымъ въ его Курсѣ Гражд. Права (томъ I, стр. 464—488 по второму изданію), давая твердую, ясную и отчетливую постановку практическому вопросу объ общинѣ въ отношеніи къ законодательной политикѣ, также особенное вниманіе обращаетъ на историческое развитіе общины. Г. Пахманъ совершенно вѣрно указываетъ на необходимость выдвинуть остающуюся до сихъ поръ на заднемъ планѣ юридическую сторону изслѣдованій этой своеобразной формы владѣнія землей. „Ясное представленіе о юридическомъ строѣ этой хозяйственной формы“, говоритъ онъ, „необходимо не только для науки права, но и для иныхъ изслѣдованій всякаго рода, такъ какъ отъ путаницы юридическихъ понятій и происходятъ, большею частью, недоразумѣнія не только въ разрѣшеніи, но и въ постановкѣ вопросовъ о значеніи сельской общины, ея устройствѣ и т. п.

„Изслѣдованія о сельской общинѣ (говоритъ далѣе г. Пахманъ) опередили собой даже собраніе достаточнаго фактическаго матеріала по этому предмету: какъ будто правильныя теоретическія построенія и даже мѣропріятія возможны безъ близкаго знанія фактической подкладки предмета“.

Предѣлы настоящей рецензіи не позволяютъ намъ остановиться на разсмотрѣніи общей характеристики правъ на имущество, представленной авторомъ въ этой первой главѣ. Мнѣніе г. Пахмана объ различныхъ условіяхъ, мѣшавшихъ и мѣшающихъ у насъ развитію понятій о правѣ собственности и другихъ правахъ на имущество, заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора, чѣмъ тотъ, который мы могли бы удѣлить этому вопросу здѣсь.

Въ практикѣ волостныхъ судовъ весьма мало данныхъ по вопросамъ, о которыхъ трактуется въ первой главѣ „Юридическихъ Очерковъ Обычнаго Гражданскаго Права въ Россіи“ и потому за отсутствіемъ свѣдѣній объ общинномъ владѣніи въ Трудахъ Коммиссіи, г. Пахману пришлось обратиться къ другимъ источникамъ, и главнымъ образомъ къ журнальнымъ статьямъ. Глава V, посвященная союзамъ товарищества, какъ называетъ г. Пахманъ артели, обработана имъ также по другимъ источникамъ; но для этого послѣдняго вопроса у насъ сдѣлано довольно много. Для этого достаточно указать на книгу объ артеляхъ Н. В. Калачова и Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, изд. петербургскимъ комитетомъ о сельскихъ товариществахъ. Такимъ образомъ изслѣдованіе вопроса объ артеляхъ поставлено въ болѣе благо-

пріятныя условія и потому изложено въ разсматриваемой нами книгѣ полнѣе и обстоятельнѣе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что крѣпостное право, общинное владѣніе и наконецъ самый строй семейнаго быта мѣшали установленію понятій о правѣ собственности въ отличіе отъ владѣнія. Но принимая это положеніе, вообще слѣдуетъ установить въ этомъ отношеніи различіе между обладаніемъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, чего авторъ однако не сдѣлалъ.

Существенная заслуга разсматриваемой нами книги заключается въ разработкѣ Трудовъ коммиссіи, въ анализѣ и выдѣленіи тѣхъ юридическихъ началъ, которыя заключаются въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ.

Это большой и кропотливый трудъ, который потребовалъ много времени и опытной руки юриста, чтобы оформить и установить въ извѣстныя рамки ту массу сыраго матеріала, которая была скучена въ изданіи Коммиссіи. У насъ уже было нѣсколько опытовъ монографическихъ работъ этого рода надъ матеріалами Коммиссіи, каковы, напримѣръ, статьи А. Я. Ефименки и г. Чепурнаго, работавшихъ надъ первымъ томомъ Трудовъ (Тамбовск, губ.), блестящія статьи покойнаго Оршанскаго въ Журн. Гражд. и Уголовн. Права, статьи г. Шрага и г. Смирнова въ Юридич. Вѣстн.; но трудъ г. Пахмана значительно выдѣляется изъ нихъ какъ своей полнотой, такъ и системой, хотя по прочтеніи его книги невольно рождается вопросъ: прежде, чѣмъ предпринимать такую общую работу, не слѣдовало ли предварительно разработать по частямъ всѣ важнѣйшіе институты нашего обычнаго права?

Въ книгѣ г. Пахмана Труды Коммиссіи во всемъ ихъ объемѣ по отношенію къ гражданскому праву получили систематическую обработку, имѣющую тѣмъ болѣе значенія, что г. Пахманъ, какъ опытный юристъ, отмѣтилъ преимущественно тѣ стороны обычнаго права, которыя могутъ имѣть значеніе для нашей судебной практики и законодательства. Благодаря этой книгѣ, надо надѣяться, наши юристы, изъ которыхъ многіе въ изученіи обычнаго права видѣли праздную этнографическую затѣю, и которымъ оно представлялось чѣмъ-то въ родѣ лоскутнаго ряда разныхъ курьезовъ, отнесутся къ этому вопросу съ большимъ и лучшимъ пониманіемъ дѣла.

Въ предисловіи къ своей книгѣ, г. Пахманъ, говоря о томъ скромномъ мѣстѣ, которое у насъ отводится обыкновенно обычному праву, замѣчаетъ: „причина этого явленія заключается отчасти въ недовѣріи къ самому существованію въ нашемъ отечествѣ обычнаго права въ собственномъ смыслѣ слова. Указываютъ обыкновенно на неопредѣленность и шаткость тѣхъ началъ, которыя примѣняются въ нашихъ крестьянскихъ судахъ, и на отсутствіе такихъ постоянныхъ и устойчивыхъ правилъ, которыя заслуживали бы названія обычнаго права. Этотъ взглядъ подтверждается, повидимому, и отзывами самихъ крестьянъ о своихъ обычаяхъ... Здѣсь замѣтимъ только, что не смотря на неизбѣжное разнообразіе народныхъ юридическихъ обычаевъ, которое обусловливается многоразличіемъ самыхъ мѣстностей обширной страны, на пространствѣ которой дѣйствуетъ Обычное Право, нѣтъ возможности вполнѣ согласиться съ приведеннымъ взглядомъ уже по тому простому соображенію, что

нельзя себѣ представить такого общественнаго быта, которому была бы чужда какая либо опредѣленная система юридическихъ воззрѣній или правилъ, сложившихся при болѣе или менѣе постоянныхъ условіяхъ жизненной обстановки. Недовѣріе къ нашему обычному праву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пренебреженіе имъ въ самой наукѣ могутъ быть оправданы, кажется, только тѣмъ обстоятельствомъ, что свѣдѣнія наши по этому предмету по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени были весьма скудны и смутны".

Къ этому считаемъ не лишнимъ прибавить, что отрицать существованіе опредѣленной системы въ юридическихъ воззрѣніяхъ у нашихъ крестьянъ довольно трудно, послѣ того какъ мы признали ее у Мезенскихъ Самоѣдовъ и Сибирскихъ различныхъ сословій обывателей, не исключая бродячихъ и кочевыхъ.

Отрицательное отношеніе нашихъ юристовъ къ обычному праву объясняется конечно и тѣмъ, что переводить съ иностраннаго готовыя юридическіе формы творчества Западной Европы легче и удобнѣе, чѣмъ заниматься обработкой на собственный рискъ и страхъ своего юридическаго быта, тѣмъ болѣе, что такой трудъ, по различнымъ обстоятельствамъ, является дѣломъ весьма неблагодарнымъ.

Лучшая часть книги г. Пахмана та, въ которой онъ разбираетъ существующія въ народномъ быту сдѣлки и обязательства, на основаніи рѣшеній волостныхъ судовъ, напечатанныхъ въ Трудахъ Коммиссіи, комментируя ихъ различными описаніями народнаго быта изъ нашей литературы обычнаго права.

Въ главѣ III „Сдѣлки отчужденія и временнаго предоставленія имуществъ" особеннаго вниманія заслуживаетъ III отдѣлъ, посвященный куплѣ и продажѣ, гдѣ авторъ подвергаетъ анализу юридическія отношенія, возникающія изъ этого договора, обязанности покупателя и продавца, значеніе задатка и т. д.

Что касается слѣдующаго, IV отдѣла той же главы „наемъ имущества", то здѣсь стремленіе подогнать живой и своеобразный матеріалъ, представляемый нашимъ обычнымъ правомъ, подъ общій чертежъ системы гражданскаго права, принятой въ учебникахъ и усвоенной многими кодексами, выросшими на почвѣ римскаго права, приводитъ автора къ ложнымъ заключеніямъ и какъ намъ кажется неправильной группировкѣ. Такъ напр., извѣстный въ нашемъ быту историческомъ и современномъ договоръ отдачи земли исполу, такъ называемое *исполничество*, авторъ относитъ къ договору имущественнаго найма. Разсматривая обязанности нанимателя, г. Пахманъ говоритъ: „Прежде всего, конечно, наемщикъ обязанъ платить условленную цѣну, которая опредѣляется или деньгами или извѣстнымъ количествомъ получаемыхъ съ вещи плодовъ (стр. 167), и въ примѣчаніи къ этой страницѣ подъ наемъ имущества или аренду подводитъ случай отдачи въ наемъ земли изъ части урожая или *мѣшка*, какъ называютъ договоръ этого рода въ Саратовской и Самарской губерніяхъ, хотя это совершенно особый самостоятельный видъ договора,— имѣющій нѣсколько различныхъ формъ, которыя всѣ можно подвести подъ общее понятіе *исполничества*.

Этотъ договоръ во многихъ существенныхъ отношеніяхъ отличается

отъ обыкновенной аренды или найма земли, какъ въ отношенiи условiй, такъ и порядка исполненiя, причемъ, конечно, неисполненiе договора влечетъ совершенно иныя послѣдствiя.

Почтенный авторъ между отдачей земли въ аренду и исполу не видитъ другаго различiя, кромѣ того, что въ одномъ случаѣ условленная цѣна берется деньгами, а въ другомъ извѣстнымъ количествомъ получаемыхъ съ земли плодовъ. Но такая постановка вопроса неправильна. Существенное различiе заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ владѣлецъ земли уступаетъ право пользованiя землей за извѣстную, опредѣленную напередъ плату, не зависящую отъ урожая, а въ другомъ—нѣтъ. Владѣлецъ земли при заключенiи договора объ отдачѣ ея исполу не уступаетъ права пользованiя, а вступаетъ такъ сказать въ товарищество съ снимающимъ землю: одинъ даетъ землю, другой—трудъ, результатъ такой складчины земли и труда — выростающiй въ полѣ хлѣбъ представляетъ какъ бы общее имущество обоихъ, и буде съемщикъ вздумаетъ, вопреки условiю, свезти весь хлѣбъ съ поля, то у владѣльца является не право иска, а простое охраненiе своего имущества отъ чужаго захвата.

Увозъ исполщикомъ всего урожая съ поля такимъ образомъ разсматривается, по народнымъ обычаямъ, какъ захватъ чужаго имущества. Это весьма существенная черта договора *исполничества*, на которую г. Пахманъ не обратилъ должнаго вниманiя, хотя на такое значенiе договора отдачи земли исполу или изъ мѣшка, какъ называютъ его въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, указываютъ многiя рѣшенiя волостныхъ судовъ и даже нѣкоторыя статьи и замѣтки, встрѣчающiяся въ нашей литературѣ обычнаго права.

Личному найму, подряду, довѣренности и покражѣ посвящена 4 гл. книги. Мы не станемъ останавливаться на подробномъ разсмотрѣнiи всѣхъ этихъ договоровъ въ изложенiи г. Пахмана, и замѣтимъ только, что хотя онъ на договорѣ найма пастуховъ остановился съ большей подробностью, но за отсутствiемъ матерiаловъ не могъ выставить всѣхъ бытовыхъ особенностей этого исключительно развитаго въ народномъ быту вида личнаго найма, хотя въ наймѣ пастуховъ представляетъ интересъ не юридическiй анализъ этого договора, а именно бытовыя его детали.

Какъ выше было замѣчено центръ тяжести разсматриваемой нами книги заключается въ разработкѣ Трудовъ Коммиссiи о Волостныхъ Судахъ, которые не только обобщены и приведены въ систему г. Пахманомъ, что уже представляло бы немаловажную заслугу, но кромѣ того почтенный авторъ позаботился освятить эти матерiалы описанiемъ народнаго юридическаго быта по свѣдѣнiямъ, встрѣчающимся въ нашей печатной литературѣ, которою онъ весьма удачно пользуется для восполненiя недостатка личнаго знакомства съ народнымъ бытомъ.

Такъ напр. онъ подробно останавливается на знакахъ собственности въ народномъ юридическомъ быту, пользуясь прекрасными изслѣдованiями по этому предмету П. С. Ефименки, и разъясняетъ ихъ значенiе, какъ способовъ укрѣпленiя правъ на имущество въ народномъ быту, хотя, замѣтимъ здѣсь къ слову, знаки собственности имѣютъ еще другое и весьма серьезное значенiе—именно доказательствъ, практикуемыхъ на-

роднымъ судомъ. Исчисливъ въ IV и V отдѣлахъ седьмой и послѣдней главы своей книги доказательства, существующія въ народномъ судѣ, нашъ авторъ ничего не говоритъ о знакахъ собственности, которыми народъ часто и весьма удачно пользуется, какъ уликами для обнаруженія правоты той или другой изъ тяжущихся сторонъ. Такое значеніе знаки собственности имѣютъ въ народномъ судѣ не только относительно дѣлъ уголовныхъ, но и гражданскихъ тяжбъ. При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что въ народномъ сознаніи и въ практикѣ волостныхъ судовъ различія между разсмотрѣніемъ дѣлъ порядкомъ уголовнымъ и гражданскимъ вовсе не проводится.

Книга г. Пахмана конечно заслуживала бы болѣе подробнаго разсмотрѣнія, котораго мы къ сожалѣнію не можемъ представить въ настоящемъ случаѣ. Тѣсныя рамки нашей рецензіи лишаютъ насъ возможности остановиться на такихъ спорныхъ вопросахъ, разсматриваемой нами книги, какъ юридическое значеніе труда въ народномъ быту (четвертый отд. II гл. и второй отд. VI гл.). Вопросы этого рода требуютъ спеціальнаго и болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Мы считаемъ появленіе этой книги не лишенномъ значенія признакомъ времени, указывающимъ на настоятельную необходимость болѣе серьезнаго отношенія къ народному юридическому быту, конечно заслуживающему внимательнаго и разносторонняго изученія. До сихъ поръ разработкой нашего обычнаго права преимущественно занимались этнографы и всѣ труды въ этой области изслѣдованій благодаря дѣятельному участію въ этомъ дѣлѣ Географическаго Общества получали этнографическую окраску. Теперь разработка нашего Обычнаго права кажется вступаетъ въ тотъ періодъразвитія — это конечно признакъ его извѣстной зрѣлости — когда юридическая сторона предмета начинаетъ замѣтно выдѣляться изъ подъ той этнографической оболочки, подъ которой оно до сихъ поръ росло и крѣпло.

Признавая большую заслугу за книгой Г. Пахмана, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ окончанія его труда. Для слѣдующаго тома почва болѣе разработана: наше обычное семейное право представляетъ возможность болѣе рельефнаго, точнаго и исчерпывающаго предметъ изложенія.

П. Матвѣевъ.

ОБЩАЯ ПУБЛИЦИСТИКА.

М. П. Погодинъ. Статьи политическія и польскій вопросъ (1856—1867). М. 1876.

Передъ нами лежитъ сборникъ статей одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей нашего времени, имя котораго было извѣстно всѣмъ грамотнымъ людямъ, юбилей котораго торжественно праздновала Москва и

поздравленія которому неслись со всѣхъ концовъ славянщины; статьи эти говорятъ о вопросахъ, всѣхъ насъ занимающихъ: онѣ посвящены по большей части отношеніямъ Россіи и Европы къ Востоку; слѣдовательно не только интересъ имени автора, но и самый интересъ предмета долженъ былъ бы вызвать вниманіе къ книгѣ; но книга вышла болѣе года тому назадъ, а между тѣмъ о ней едва-ли говорилъ хотя одинъ журналъ. Существованіе ея едвали извѣстно людямъ, наиболѣе слѣдящимъ за отношеніями русской мысли къ такъ называемому восточному вопросу. Причина здѣсь не въ одномъ состояніи русской книжной торговли, но еще кой въ чемъ другомъ. Пояснимъ свою мысль примѣромъ, прямо относящимся къ лицу, о которомъ заговорили: въ одномъ изъ некрологовъ Погодина мы прочли увѣреніе, что Погодинъ былъ *средній* русскій человѣкъ; таже мысль развивалась въ одномъ толстомъ журналѣ, гдѣ Погодинъ объявлялся человѣкомъ, увлекаемымъ теченіемъ жизни, неимѣющимъ опоры и въ этомъ смыслѣ представителемъ массы. Что Погодинъ былъ типическимъ русскимъ человѣкомъ во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ, съ достоинствами и недостатками великорусса; что чуткая его природа по своему откликалась на всѣ явленія — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но изо всего этого слѣдуетъ именно то, что Погодинъ не былъ среднимъ, т. е. посредственнымъ, дюжиннымъ человѣкомъ. Счастливы были бы мы, если бы могли дюжинами считать людей, подобныхъ Погодину. Все это не требовало бы доказательства тамъ, гдѣ на лицо 52-лѣтняя служба русской наукѣ и русскому обществу, гдѣ на лицо торжественное выраженіе сочувствія разнообразныхъ русскихъ людей отъ министровъ до хоругвеносцевъ московскихъ соборовъ; но люди сочувствующіе и при жизни покойнаго выражали сочувствіе только въ немногихъ случаяхъ, въ особенности на юбилеѣ, а люди несочувствующіе говорили много, и теперь просто молчатъ. Несочувствующихъ было много, частію подъ вліяніемъ разныхъ недоразумѣній, навѣянныхъ печальнымъ состояніемъ нашей печати 40-хъ годовъ, а частію странною, оригинальною формою сочиненій Погодина. Къ числу осуждавшихъ Погодина принадлежали люди самые остроумные и вліятельные въ свое время; память объ ихъ нападкахъ мѣшаетъ многимъ и теперь правильно оцѣнить его и сызнова пересмотрѣть всю его дѣятельность. Впрочемъ свое мнѣніе о покойномъ я уже имѣлъ случай выразить въ некрологѣ (Др. и Нов. Россіи, 1876) и радъ буду когда нибудь подробнѣе и обстоятельнѣе возвратиться къ этому предмету; теперь же обращусь къ лежащему передъ мною сборнику статей, составляющему 5-й томъ Собранія сочиненій Погодина, въ первыхъ томахъ котораго помѣщены его Древняя Русская исторія (2 т.), рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ; политическія письма и записки, писанныя впродолженіи крымской войны.

Занимающій насъ томъ заключаетъ въ себѣ статьи, помѣщенныя въ журналахъ русскихъ и иностранныхъ съ 1856 по 1867 г. и касающіяся тогдашнихъ политическихъ событій. Въ 1856 г. только что былъ заключенъ Парижскій миръ и какъ мѣтко выразился тогда Н. Ф. Павловъ въ рѣчи за обѣдомъ тѣснаго кружка литераторовъ: „новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“. Наступленіе новой жизни сказалось болѣе всего въ томъ, что печать робко и нерѣшительно въ началѣ принялась обсуждать вопросы внѣшней и внутренней политики: политическія обозрѣнія „Русска-

го Вѣстника", далеко несвободныя отъ аллегоріи или скорѣе бывшія ничѣмъ инымъ какъ прозрачною аллегоріею, были, какъ многіе помнятъ, важнымъ событіемъ; за „Русскимъ Вѣстникомъ" заговорили и другіе журналы, а скоро и газеты; печать принялась обсуждать, а не только передавать событія иностранныя и высказывать болѣе или менѣе ясно различныя отношенія къ идеямъ европейской жизни (рядомъ со статьями „Русскаго Вѣстника" людямъ жившимъ въ ту эпоху нельзя не вспомнить блестящихъ, но къ сожалѣнію весьма немногочисленныхъ статей кн. Черкасскаго въ „Русской Бесѣдѣ"). Большинство писателей того времени или вообще только начинали свое поприще, или переходили къ вопросамъ политическимъ отъ литературныхъ и отвлеченныхъ вопросовъ, которыми дотолѣ занимались. Оттого самая постановка вопросовъ была чисто отвлеченною, чему еще много способствовали и условія тогдашней печати, de jure неизмѣнявшіяся и медленно измѣнявшіяся de facto и тогдашнее настроеніе общества, недовольнаго ближайшимъ прошлымъ и подъ гнетомъ впечатлѣній севастопольскаго погрома суроваго къ нему до несправедливости и, подобно писателямъ, привыкшаго болѣе къ роли сторонняго критика того, что дѣлается, чѣмъ къ роли участника въ совершающемся. Вслѣдствіе того, вопросы, занимавшіе общество, были общаго свойства; на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о бюрократіи и самоуправленіи, объ административной централизаціи, о принципѣ свободы торговли и т. п. Политическія обозрѣнія того времени направлены были главнымъ образомъ къ уясненію этихъ и подобныхъ вопросовъ въ ихъ общемъ видѣ. Событія настоящаго служили канвою, на которой каждый писатель вышивалъ свои узоры. Взоры всѣхъ обращены были на Англію и на Францію, не какъ на нашихъ недавнихъ враговъ, не со стороны изъ видовъ и предположеній, до которыхъ тогда какъ будто никому дѣла не было, а со стороны ихъ общественнаго строя и ихъ общественныхъ идеаловъ, служившихъ тогда знаменами разныхъ взглядовъ.

Отсюда понятна англоманія однихъ, прославленіе французской оппозиціи другихъ. Посреди разнообразныхъ голосовъ, раздавшихся въ то время, послышался и голосъ Погодина, къ которому прислушивались преимущественно только тогда, когда онъ обличалъ современные внутренніе недостатки (хоть бы въ извѣстной статьѣ въ „Русской газетѣ" *Поля*); на политическія статьи Погодина преимущественно обращали вниманіе тѣ, кто опасался ихъ „несвоевременности": въ нихъ онъ занимался внѣшнею политикою, а внѣшняя политика въ то время менѣе всего занимала русское общество, что и понятно послѣ Парижскаго мира. Кто безпристрастно сравнитъ общественное мнѣніе во время крымской и настоящей войны, тотъ почувствуетъ разницу: русское общество пассивно относилось къ войнѣ минувшей и активно къ настоящей. Погодинъ, издавна слѣдившій за славянскимъ вопросомъ, издавна сносившійся съ вождями славянской мысли за границей, подававшій не разъ записки по славянскому вопросу („Сочиненія", IV), еще въ 30-хъ годахъ говорившій о славянахъ въ актовой рѣчи (тамъ же, III) и еще болѣе говорившій о нихъ на лекціяхъ (см. рѣчь кн. В. А. Черкасскаго на „50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ"), первый обратился къ публицистикѣ съ точки зрѣнія народныхъ, постоянныхъ, а не временныхъ интересовъ. Такъ

продолжалось до тѣхъ поръ, пока не поднялся польскій вопросъ: во время оживленныхъ преній о немъ стали прислушиваться и къ горячему слову Погодина и едвали въ глуби Россіи слово Погодина не было самымъ дѣйствительнымъ. До тѣхъ же поръ онъ слишкомъ расходился съ господствующимъ настроеніемъ и многимъ статьи его казались продолженіемъ тенденціозныхъ статей временъ крымской войны (когда, какъ извѣстно, всякая статья политическаго свойства казалась тенденціозною; странное было время!). Посмотримъ теперь на содержаніе того сборника, о которомъ мы говоримъ, предупредивъ заранѣе, что цѣль наша только познакомить публику съ интересною книгою, а не представлять ея полной оцѣнки, которая потребовала бы много времени.

Первыя двѣ статьи назначались для газеты „le Nord“ (1856 и 1858), изъ нихъ одна представляетъ общее обозрѣніе политическаго горизонта въ 1856 г., гдѣ авторъ замѣчаетъ, что въ Италіи Европа дѣйствуетъ также, какъ Россія въ Турціи до Крымской войны; но что Россіи опасались, Россію надѣялись *осадить* (собственное слово автора) и потому съ нею начали войну. Европа, по мнѣнію Погодина — держится старой системы: „она основываетъ свое благосостояніе на чужомъ вредѣ, и думаетъ только о себѣ“. Систему эту пора перемѣнить на новую, болѣе согласную съ образованіемъ вѣка и болѣе достойную народовъ христіанскихъ: „живи всякій, кому какъ лучше, развивай свои способности, пользуйся всѣми благодѣяніями Божіими какъ умѣешь. Помогая другъ другу мы всѣ уйдемъ гораздо далѣе впередъ, чѣмъ вредя и мѣшая себѣ взаимно“. Слѣдующая статья назначалась для той же газеты (не знаю была ли она тамъ напечатана); въ ней авторъ доказываетъ, что Россія не вела интриги въ Индіи (тогда было возстаніе Сипаевъ); долго ли придется оправдываться намъ отъ такихъ ни на чемъ неоснованныхъ обвиненій? въ доказательство авторъ приводитъ то, что Россія не вела никакихъ интригъ у Славянъ и указывая на то, что мы не пользуемся даже законными средствами вліянія, даже на племена, подчиненныя Русской власти, цитуетъ слова одного кавказскаго татарина: „странные люди вы, Русскіе, драться никто съ вами не сладитъ, а пользоваться своими побѣдами не умѣете: ну что вы получили отъ всѣхъ здѣшнихъ богатыхъ странъ? Ровно ничего. Вы оставляете себѣ только труды и расходы, а выгоды отдаете однимъ туземцамъ надъ другими, и никто вамъ не благодаренъ, а недовольныхъ множество“. Какъ часто послѣ литература повторяла этотъ мотивъ, а многіе ли рѣшились бы говорить въ такомъ тонѣ тогда. *Средній* русскій человѣкъ оказался мужественнѣе, а можетъ быть и дальновиднѣе многихъ передовыхъ. Письмо оканчивается вѣстью объ ожидаемомъ освобожденіи крестьянъ. Слѣдующая статья: „Прошедшій годъ (1858) въ политикѣ русской и европейской“ была напечатана въ „Парусѣ“, газетѣ непросуществовавшей и года и теперь м. б. и забытой, хотя и напрасно. Въ этомъ обозрѣніи Погодина все сосредоточивается около восточнаго вопроса: онъ показываетъ, какъ Европа усиливаетъ свое вліяніе на Востокѣ (Румынская конституція), Черногорія входитъ въ сношеніе съ Парижемъ, а германская публицистика (онъ указываетъ тогдашнюю брошюру: „Das europäische Gleichgewicht der Zukunft“) совѣтуетъ Австріи оставить въ Германіи первенствующую роль Пруссіи, а

самой обратиться на востокъ, гдѣ ей предсказывается блестящее будущее. Но христіанамъ востока отъ того не легче: въ Босніи возстаніе, жертвы кроваваго усмиренія котораго бѣгутъ въ Австрію. Указывая все это, совѣтуя слѣдить за дѣлами Востока, авторъ однако одобряетъ то, что Россія на время заперлась въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и въ грядущихъ реформахъ видитъ залогъ ея будущаго величія. Съ этимъ согласны были и тогда всѣ; но всѣ ли понимали необходимость знать то, что дѣлалось въ Турціи; всѣ ли понимали необходимость быть на стражѣ; не приходило ли даже многимъ въ голову, что лучше бы разоружиться? но Погодинъ недаромъ указываетъ на вооруженіе всѣхъ европейскихъ государствъ. Нѣсколько статей посвятилъ Погодинъ итальянскому вопросу: оказывая большое сочувствіе итальянскому объединенію, онъ привѣтствовалъ въ дѣлѣ Италіи дѣло народностей и предвидѣлъ, что придетъ очередь и Славянамъ (немного не дожилъ онъ до настоящей войны). Представляя въ 1860 г. „Взглядъ на Европу à vol d'oiseau", авторъ опять останавливается преимущественно на томъ, что важно для Россіи; не перестаетъ указывать на угнѣтеніе христіанъ въ Турціи, на своекорыстіе западной политики; не можемъ не выписать слѣдующаго энергическаго сужденія: „Турція остается болѣзненнымъ наростомъ на европейскомъ тѣлѣ, получившимъ къ стыду какое-то смѣшное освященіе. Турція соединилась какими-то брачными узами съ Европою, сосватанная лордомъ-Пальмерстономъ. Перемѣны министерствъ слѣдуютъ въ Константинополѣ одна за другою, одинъ чортъ на дьяволѣ, а мы-то повторяемъ съ почтеніемъ: Риза-паша, Фуадъ-паша, Кипризли-паша, на одну всѣхъ осину". Слухи 1861 г. (потомъ оправдавшіеся) о намѣреніи Европы дипломатически вступиться за Польшу снова обратили Погодина къ тому же вопросу: „Да почему же вы — говоритъ онъ (статья: „по поводу новыхъ слуховъ")—не хотите освободить Черногорцевъ, Босняковъ, Герцоговинцевъ, Сербовъ, Болгаръ, которыхъ бѣдствія подъ игомъ варварскаго племени не идутъ и въ сравненіе съ нынѣшнимъ положеніемъ поляковъ,—что печатаете вы сами ежедневно во всѣхъ вашихъ газетахъ, по свидѣтельствамъ консуловъ и путешественниковъ! Если помогать страдальцамъ, то съ нихъ бы и начать всего лучше и цѣлесообразнѣе, при такомъ благодатномъ настроеніи духа! помогая имъ, вы уничтожаете господство дикаго, магометанскаго племени, пріобрѣтаете богатыя области себѣ въ распоряженіе, и употребляете гораздо менѣе усилій, а помогая полякамъ, безъ особой нужды, вы идете войною на сильный народъ, который не можетъ подставить вамъ шею. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ вы ставите болѣе или менѣе на карту собственное свое благосостояніе, и тѣмъ выигрываете навѣрное! тамъ справедливость, необходимость, польза, здѣсь беззаконіе, прихоть, вредъ! какое же сравненіе, и какой можетъ быть у васъ разсчетъ?" „Мы смѣло повторяемъ замѣчанія одного англійскаго мыслителя, говоритъ авторъ въ концѣ статьи, что душа убываетъ на западѣ. Душа убываетъ на западѣ, а прибываетъ ли она на Востокѣ? подай Господи!" Кажется, теперь мы можемъ сказать, что Богъ внялъ этой молитвѣ!

Отношенія автора къ польскому вопросу очень интересны: сначала онъ стоялъ за отдѣленіе Польши отъ Россіи (т. е. царства, статья въ

IV томѣ), потомъ за автономію („записка о Польшѣ") и наконецъ пришелъ къ такому убѣжденію подъ вліяніемъ послѣдняго шляхетскаго возстанія: „Habent sua fata nationes". „Шляхта нынѣшняя, или древніе евреи, изведенные изъ Египта, должна погибнуть въ сороколѣтнемъ странствіи по пустынѣ Европейской, а новая Польша съ освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую исторію, въ соединеніи съ Россіею. Такъ, кажется, угодно Богу! къ тому ведутъ событія".

Много важныхъ и любопытныхъ замѣчаній, много вѣрныхъ и мѣткихъ взглядовъ разсѣяно по всей книгѣ (укажемъ на статьи о минахъ, изобрѣтенныхъ г. Давыдовымъ, на разсужденія объ Австро-прусской и Франко-прусской войнахъ), но мы на нихъ останавливаться не будемъ, убѣжденныя въ томъ, что безпристрастный читатель, узнавъ отъ насъ о существованіи такой умной книги, самъ познакомится съ нею и не останется неудовлетвореннымъ. Будемъ надѣяться, что появится когда-нибудь полная біографія Погодина и откроетъ возможность полной оцѣнки продолжительной дѣятельности одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей русскихъ въ XIX в.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

(профессоръ С.-Петербургскаго университета).

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Die Lehre vom modernen Staat. Bearbeitet von F. Bluntschli. *Erster Theil.* Allgemeine Staatslehre; fünfte umgearbeitete Auflage des ersten Bandes des allgemeinen Staatsrechts. Stuttgart. 1875. *Zweiter Theil.* Allgemeines Staatsrecht; fünfte umgearbeitete Auflage des zweiten Bandes des allgemeinen Staatsrechts, Stuttgart. 1876. *Dritter Theil.* Politic als Wissenschaft. (*Блунчли*, Ученіе о современномъ государствѣ. 5-е передѣланное изданіе. Штутгартъ. 1875—1876).

Пользующееся громкою извѣстностью сочиненіе гейдельбергскаго профессора Блюнчли: „allgemeines Staatsrecht" (общее государственное право), переведенное почти на всѣ европейскіе языки, пережило съ большимъ успѣхомъ четыре изданія; въ 1875 году оказалась потребность пятаго; дополнивъ нѣкоторыя части четвертаго и сдѣлавши нѣкоторыя измѣненія въ распредѣленіи разсматриваемыхъ ученій, проф. Блюнчли прибавилъ къ первымъ двумъ томамъ, въ которыхъ его трудъ выходилъ въ первыхъ четырехъ изданіяхъ, еще третій, обнимающій изложеніе политики, какъ науки; нѣкоторые отдѣлы этого тома были авторомъ напечатаны уже при другихъ случаяхъ, именно въ „Staatswörterbuch", многія же главы разъясняютъ ученія, о которыхъ авторъ до сихъ поръ ничего еще не печаталъ.

Приступая къ составленію отчета по этимъ тремъ томамъ, мы не можемъ имѣть въ виду полнаго разбора этого громаднаго сочиненія, а должны ограничиться уясненіемъ метода и общаго значенія его, не вдаваясь въ разсмотрѣніе подробностей и оставляя въ сторонѣ возможныя противъ нихъ возраженія. Для большаго удобства мы остановимся на каждомъ томѣ отдѣльно.

I) Не смотря на названіе „allgemeines Staatsrecht" (общее государственное право), авторъ въ первыхъ четырехъ изданіяхъ своего труда (подъ этимъ заглавіемъ), какъ введеніе въ общее государственное право, предлагалъ очерки *общаго ученія* или такъ называемой *философіи государства;* хотя эти большею частью отрывочныя замѣчанія автора не составляли всесторонняго изслѣдованія законовъ государственно-общественной жизни, но онѣ все-таки подготовляли читателя къ лучшему пониманію юридическаго строя государства. И нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи

Блюнчли выполнилъ свою задачу лучше тѣхъ публицистовъ, которые, излагая нѣмецкое государственное право, предпосылали разбору главной части ихъ труда общее введеніе для объясненія общихъ законовъ государственной жизни. Настоящее изданіе общаго государственнаго права, выдѣляя общее ученіе о государствѣ въ видѣ отдѣльнаго тома, дало ему и соотвѣтственное названіе „allgemeine Staatslehre“. Въ этомъ первомъ томѣ помѣщены кромѣ изложенія общихъ законовъ о государствѣ также и историческое развитіе государственной власти (въ главѣ „die Staatsformen“) и правъ сословій, составляющихъ собственно часть государственнаго права, такъ какъ въ этой главѣ рядомъ съ нѣкоторыми политическими разсужденіями главное мѣсто принадлежитъ юридическо-историческому описанію. Равнымъ образомъ и послѣднія двѣ главы (государственная власть и государственная служба), въ виду преимущественно юридическаго изложенія разбирающихся въ нихъ предметовъ, принадлежатъ, какъ части, къ государственному праву. Судя по предисловію автора къ первому тому, мы вынуждены предполагать, что ученіе о государственной власти и государственной службѣ Блюнчли относитъ цѣликомъ во всѣхъ отношеніяхъ къ общему ученію о государствѣ.

Опредѣленія задачи общаго ученія о государствѣ и его отношенія къ другимъ государственнымъ и общественнымъ наукамъ авторъ, къ сожалѣнію, нигдѣ не предлагаетъ; онъ касается только разграниченія предѣловъ государственнаго права и политики, понимая его слѣдующимъ образомъ: „Государственное право и политика имѣютъ предметомъ своего изслѣдованія одинъ общій объектъ; оба они изучаютъ *государство* въ его общемъ составѣ (im Grossen und Ganzen), но каждая изъ этихъ научныхъ отраслей изучаетъ его съ своей точки зрѣнія и съ своею особою цѣлью“; за тѣмъ авторъ устанавляетъ слѣдующее различеніе: Der Staat *wie er ist*, in seinen geordneten Verhältnissen, das ist das Staatsrecht. — Das Staatsleben, die Staatspraxis, das ist die Politic [1]). Государственное право обсуждаетъ правомѣрность порядковъ, политика слѣдитъ за цѣлесообразностью дѣйствій. Опредѣленія задачъ *общаго* государственнаго права авторъ (хотя и только косвенно) касается въ другомъ мѣстѣ: общее государствовѣденіе, говоритъ авторъ, есть изложеніе общаго (политическаго?) сознанія настоящаго образованнаго человѣчества, основныхъ (политическихъ?) понятій и существенно одинаковыхъ общихъ (государственныхъ?) установленій. Хотя это опредѣленіе и не совсѣмъ вѣрно по отношенію къ общему ученію о государствѣ, а также къ политикѣ, но оно всетаки вѣрно относительно общаго государственнаго права. Объ этомъ мы послѣ еще скажемъ нѣсколько словъ. О значеніи общаго государственнаго права авторъ говоритъ, что оно не только идеальная, но и реальная, конкретная истина, равно какъ человѣчество и всемірная исторія не отвлеченныя лишь идеи (Gedankendinge), но несомнѣнно реальныя истины. Не имѣя возможности представить хоть краткій рефератъ лучшихъ замѣчаній почтеннаго автора, мы теперь постараемся оцѣнить научное значеніе „общаго

---

[1]) «Государство само по себѣ въ его правовомъ порядкѣ это госуд. право; государственная жизнь и практика — политика».

ученія о государствѣ“, составляющаго первый томъ труда „die Lehre vom modernen Staat“.

Основательное изученіе общаго ученія о государствѣ (теоріи, философіи, физіологіи государства), какъ непремѣнное введеніе для полнаго пониманія и потому успѣшнаго занятія по государственному праву — общепризнанная въ теоріи необходимость. Но научная разработка этого предмета далеко не соотвѣтствуетъ этому сознанію, и можно безъ преувеличенія сказать, что научная постановка и предѣлы этой отрасли государствовѣденія не опредѣлены еще и до сихъ поръ. Только очень немногіе понимали общее ученіе о государствѣ какъ часть обществовѣденія, а напротивъ очень многіе публицисты, именно старой школы, какъ бы боялись такой научной связи. Хотя почтенный авторъ прямо по этому поводу не высказался, мы его не причисляемъ къ этому послѣднему разряду, имѣя въ виду его правильныя разсужденія о взаимномъ отношеніи государства (государств. власти) и общества. Чтобы дать положительный отвѣтъ на вопросъ: какъ авторомъ исполнены задачи „общаго ученія о государствѣ“, мы сперва опредѣлимъ предметы этой науки, они слѣдующіе: кромѣ общаго введенія о самой этой наукѣ и опредѣленія ея отношенія къ общей соціологіи, первымъ ея долгомъ будетъ объясненіе государственно-общественнаго быта, какъ отвлеченнаго и историческаго понятія, и его отношенія къ другимъ видамъ человѣческаго общежитія; уяснивши эти основныя ученія и понятія, общее ученіе о государствѣ должно изучать существенныя стихіи государственно-общественной жизни и ихъ взаимное другъ на друга вліяніе, т. е. причинную связь явленій государств. жизни. Изучая всѣ существенныя стихіи государсгвенно-общественнаго быта, общее ученіе о государствѣ касается конечно и правоваго быта, но разборъ этого послѣдняго уже не юриспруденція, а философія, изученіе и опредѣленіе *сущности* права по отношенію къ государственно-общественному быту, *вліянія* даннаго правоваго порядка на этотъ бытъ, однимъ словомъ *законовъ* взаимодѣйствія государственнаго быта и правоваго порядка. И такъ общее ученіе о государствѣ слѣдуетъ понимать какъ теорію естественныхъ и духовныхъ законовъ государственно-общественнаго быта. Необходимое условіе опредѣленія этихъ законовъ есть основательное, всестороннее изученіе исторіи. Наука о народномъ хозяйствѣ давно доказала, что безъ изученія исторіи обществовѣдъ не имѣетъ никакого предмета для точнаго изслѣдованія. Общее ученіе о государствѣ находится въ этомъ отношеніи въ одинаковомъ положеніи. Но къ сожалѣнію этого какъ-то еще не поняли, во всякомъ случаѣ не примѣнили, хотя успѣхи изслѣдованія исторіи даютъ достаточную возможность для изученія законовъ государственно-общественнаго быта по меньшей мѣрѣ съ тою же основательностью и опредѣленностью, какъ законовъ народнаго хозяйства. Далѣе, если система общаго ученія о государствѣ должна служить курсомъ, то не только желательно, но и необходимо при разборѣ каждаго отдѣльнаго ученія указать на исторію догматовъ теоріи въ ея главныхъ по данному вопросу представителяхъ. Удовлетворительный въ этомъ отношеніи выборъ не можетъ быть сдѣланъ сразу и силою одного только лица; но не требуя вовсе такой невозможности, надо надѣяться, что со временемъ труды нѣсколькихъ ученыхъ возведутъ и эту сторону теорій о госу-

дарствѣ на надлежащую ей степень развитія. Не трудно понять, что разработанная въ такомъ видѣ физіологія государства (государственнаго быта) послужитъ отличнѣйшимъ двигателемъ для разработки государственнаго и вообще публичнаго права и чрезвычайно облегчитъ изученіе и пониманіе государственно-правоваго порядка по всѣмъ его частямъ.

Этихъ задачъ и цѣлей общаго ученія о государствѣ не достигло ни одно изъ посвященныхъ изложенію этой науки сочиненій. Правда, мы имѣемъ порядочное количество трудовъ съ заглавіемъ „общее ученіе о государствѣ", но содержаніе ихъ знакомитъ читателя съ самыми скудными только данными и общими явленіями, не представляющими ничего такого, что можно было бы называть теоріею причинной связи и взаимодѣйствія стихій государственно-общественнаго быта. Такъ напр. не совсѣмъ дурная въ своемъ родѣ книга Бишофа „allgemeine Staatslehre", вышедшая въ 1860 и 1870 году въ двухъ выпускахъ, не смотря на ея заглавіе, никакъ не можетъ считаться общимъ ученіемъ о государствѣ въ указанномъ выше смыслѣ. Изложенныя въ ней ученія могутъ и должны подлежать физіологическому разбору, но авторъ изучаетъ и излагаетъ ихъ болѣе съ юридической точки зрѣнія. Несравненно бо́льшаго вниманія заслуживаетъ трудъ Эшера; не составляя полнаго систематическаго курса, онъ тѣмъ не менѣе достоинъ самой справедливой похвалы, его очерки одинъ изъ лучшихъ и самыхъ драгоцѣнныхъ вкладовъ въ государствовѣдѣніе. Ученость автора хотя и не всегда равномѣрно систематична, но тѣмъ не менѣе его разсужденія замѣчательны и по тѣмъ частямъ труда, которыя менѣе учены. Авторъ справедливо требуетъ отдѣльную разработку физики и метафизики государства. На различіе это было указано уже и до Эшера, но тѣмъ не менѣе нельзя не похвалить его за опытъ приложенія этого различенія. Черезъ выдѣленіе телеологическаго изслѣдованія государственно-общественнаго быта отъ изслѣдованія и опредѣленія тѣхъ законовъ этого общежитія, которые найдены путемъ историческимъ, выяснится каждая изъ этихъ отраслей знанія. Извѣстный въ своемъ отечествѣ (Швейцаріи), какъ государственный мужъ, авторъ высоко цѣнилъ публицистическое образованіе и потому его трудъ „Handbuch der Politic (1863. I и II)" интересенъ не только своими политическими замѣчаніями, но также и по части теоріи. Равнаго же вниманія достойны очерки общаго ученія о государствѣ, помѣщенныя въ энциклопедіи государственныхъ наукъ Моля; въ нихъ замѣтно стараніе автора изучить государство съ физіологической точки, изучить проявляющіеся въ государственно-общественномъ быту законы; но это изученіе касается только самыхъ общихъ явленій, оставляя въ сторонѣ подробное объясненіе законовъ взаимодѣйствія существенныхъ стихій государственнаго быта. „*Основныя начала общаго ученія о государствѣ*", Зейделя, доказываютъ, что ихъ авторъ не только не имѣетъ понятія о томъ, что называется общимъ ученіемъ о государствѣ, а также, что онъ едва ли даже успѣлъ познакомиться съ тѣми ученіями, которыя входятъ въ составъ затронутыхъ имъ въ его книжкѣ вопросовъ съ юридической точки зрѣнія. Въ такихъ набросках ъ едва ли кто нибудь нуждается; удивительно потому то обстоятельство, что нѣкоторые нѣмецкіе профессора считали нужнымъ подвергнуть эту недобросовѣстную литературную шутку подробному научному разбору. Прекрас-

ныя сочиненія Аренса и Тренделенбурга о естественномъ правѣ каждый прочитаетъ съ большою пользою; но нельзя не признаться, что главы, касающіяся въ нихъ общаго ученія о государствѣ, не соотвѣтствуютъ вышеопредѣленнымъ требованіямъ по той причинѣ, что въ нихъ главнымъ образомъ заключается построеніе чисто философское; далѣе слѣдуетъ еще замѣтить, что тѣ главы, въ книгѣ Аренса, которыя разсматриваютъ государство, почти исключительно касаются только государственнаго права, но за то эта сторона разбора заслуживаетъ безусловнаго одобренія.

Блюнчли доставляетъ драгоцѣнные вклады въ науку о государствѣ, но не разрѣшаетъ задачъ общаго ученія о государствѣ въ указанныхъ нами предѣлахъ. Помѣщенные въ первомъ томѣ отрывки, какъ по части теологической спекуляціи, такъ и по части причинной связи стихій государственно-общественной жизни, весьма поучительны, но они остаются именно отрывками, и часто даже замѣчаніями, которыя сами по себѣ большею частью въ высшей степени интересны, но не сопровождаются научными доводами. Главною задачею перваго тома служитъ, кромѣ довольно скудныхъ по объему разсужденій и объясненій о происхожденіи и цѣли государства, разборъ развитія государственной власти и правъ сословій и наконецъ націй; правда, что въ этомъ соотношеніи отражается или, лучше сказать, даже состоитъ понятіе о государствѣ въ данную минуту; но авторъ рѣдко (и то только мимоходомъ) задается уясненіемъ причинной связи извѣстнаго государственно-общественнаго явленія этого рода. Что автору задачи общаго ученія о государствѣ не совсѣмъ выяснились, доказываетъ его мнѣніе, что ученіе о государственной власти относится имъ исключительно къ общему ученію о государствѣ, такой взглядъ авторомъ примѣненъ въ его *трудѣ*; также и ученіе о государственной должности излагается только въ общемъ ученіи о государствѣ; во второмъ томѣ авторъ потомъ уже вовсе не касается государственной службы. Мы уже замѣтили, что различіе между государственнымъ правомъ и теоріею государственнаго общежитія состоитъ не въ различіи предметовъ изученія, а въ методѣ изученія и въ исходной точкѣ зрѣнія; государственное право есть отрасль правовѣденія, общее ученіе о государствѣ же изучаетъ не правовые законы, а фактическіе (естественные и нравственные). Это различіе подмѣтилъ уже покойный Моль, хотя онъ еще не успѣлъ его примѣнить такъ, какъ предполагалъ. Блюнчли часто употребляетъ картинныя сравненія и параллели для объясненія и опредѣленія понятій. Если вникнуть въ точный смыслъ автора, нельзя будетъ насмѣхаться надъ этими аналогіями, что очень охотно дѣлаютъ его соотечественники, но надо однако при томъ замѣтить, что наука не можетъ довольствоваться аналогіями, не будучи въ состояніи уяснить себѣ то или другое. Мы хорошо понимаемъ, что не намъ напоминать объ этомъ автору. Указанія на литературныя пособія авторъ дѣлаетъ довольно рѣдко и случайно; какого нибудь плана въ этомъ отношеніи мы не могли замѣтить. Въ виду этихъ обстоятельствъ первый томъ труда Блюнчли едва ли исполняетъ свою задачу: быть учебникомъ и руководствомъ для образованныхъ читателей и студентовъ; лучше эта цѣль достигается въ случаѣ присоединенія къ нему третьяго тома, заключающаго въ себѣ по *заглавію* изложеніе политики, какъ науки; хотя авторъ опредѣлилъ политику, какъ изученіе цѣлесообразности дѣйствій государственной власти;

онъ изучаетъ тѣмъ не менѣе и въ третьемъ томѣ законы государственнаго общежитія, удовлетворяя при томъ требованіямъ общаго ученія о государствѣ въ несравненно большей степени, чѣмъ въ первомъ томѣ (озаглавленномъ какъ общее ученіе).

Если третій томъ (политика) [1]) не можетъ называться систематически цѣльнымъ, то этимъ недостаткомъ его общее значеніе ни чуть не умаляется; этотъ трудъ принадлежитъ къ лучшимъ литературнымъ произведеніямъ не только нѣмецкой публицистики, но государствовѣденія вообще. Въ немъ какъ нельзя лучше выступаетъ все громадное значеніе самого автора. Что авторъ опытный политикъ и основательно образованный государствовѣдъ, замѣчается на каждой страницѣ этого труда. „Политическая цѣлесообразность" въ третьемъ томѣ имѣетъ едва ли болѣе значительную роль, чѣмъ въ первомъ и второмъ. Но если это правда, то авторъ ошибся только въ распредѣленіи и оглавленіи отдѣльныхъ, разъясненныхъ имъ предметовъ; достоинства его труда черезъ это ничего не потеряли. Кромѣ упомянутыхъ качествъ, „политика" отличается общепонятнымъ изложеніемъ и превосходнымъ языкомъ, такъ что она доступна для каждаго образованнаго человѣка.

Второй томъ озаглавленъ какъ общее государственное право. О правильности и возможности этого названія было много спору, но удивительно, что самъ Блюнчли по этому поводу подробно никогда не объяснялся. Единственныя указанія автора относительно этого вопроса мы уже привели выше. Согласно имъ онъ понимаетъ общее государственное право какъ „Изложеніе культурныхъ понятій по отношенію къ государственно-правовому быту и порядку", т. е. общее государственное право есть теорія этого быта, слѣдовательно *сравнительное изученіе нормъ государственнаго права разныхъ* и *главнымъ образомъ цивилизованныхъ народовъ*, потому оно на первомъ планѣ культурное понятіе, а юридическое въ строгомъ смыслѣ только въ виду того, что сведенныя въ немъ къ общимъ культурнымъ понятіямъ нормы дѣйствуютъ, какъ юридически обязательные законы въ тѣхъ государствахъ, которыми онѣ установлены. Эти, общія въ принципѣ всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, культурныя понятія не имѣютъ, какъ видно, *юридически* обязательной силы, но тѣмъ не менѣе культурныя ихъ силы и могущество не подлежатъ никакому сомнѣнію, онѣ созданы не искусственно только, а дѣйствуютъ внутреннею силою, и потому онѣ несравненно прочнѣе и сильнѣе законовъ, изданныхъ волею государственной власти.

Въ такомъ смыслѣ (если не ошибаемся) и Блюнчли понимаетъ общее государственное право, т. е. какъ теорію положенія государственно-правоваго порядка у цивилизованныхъ народовъ; это явствуетъ изъ содержанія втораго тома. Въ немъ разсматриваются всѣ существенныя правовыя отношенія государственно-общественнаго быта, за исключеніемъ только государственной власти и службы; ученіе о нихъ, какъ мы замѣтили, авторъ помѣстилъ въ первомъ томѣ. Но несмотря на заглавіе втораго тома, авторъ и въ немъ не воздерживается отъ политическихъ разсужденій. Съ систематической точки зрѣнія это можетъ показаться не совсѣмъ правильнымъ,

---

[1]) См. въ V т. Сб. Г. Зн. рецензію на эту книгу гр. Комаровскаго. *Ред.*

хотя напр. Георгъ Мейеръ (проф. въ Іенѣ) заступается за правильность соединенія общаго государственнаго права съ политикою въ одну науку; между знаменитыми германскими профессорами-публицистами напр. Гольтцендорфъ (въ своихъ университетскихъ лекціяхъ) держится также такого соединенія.

Чисто *юридическая* сторона этого втораго тома не во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительна; опредѣленіе отдѣльныхъ государственно-правовыхъ отношеній иногда не совсѣмъ точно, авторъ рисуетъ въ общихъ только чертахъ, сопоставляя и сравнивая и наконецъ опредѣляя *общность* разсматриваемыхъ имъ правовыхъ нормъ; и правда, нельзя не согласиться, что онъ въ этомъ отношеніи успѣлъ не только собрать и сгруппировать довольно полный матеріалъ, но также и освѣтилъ его общими идеями. Именно соотечественники автора не рѣдко упрекали его въ недостаточной основательности. Дѣйствительно, по внѣшнему виду его литературныхъ трудовъ легко можетъ казаться, что это обвиненіе справедливо. Но если проникнешь въ связь разъясненныхъ идей и понятій нашего современнаго государственнаго быта, то нельзя не удивиться этому тонкому, талантливому пониманію дѣла и не согласиться, что выводы автора представляютъ зрѣлый плодъ добросовѣстнаго и тщательнаго изученія современнаго государственно-правоваго быта. То, что послѣ поверхностнаго чтенія легко можетъ казаться фразою или субъективнымъ взглядомъ, внимательнымъ читателемъ понимается какъ глубоко обдуманная реальная истина, и чѣмъ чаще читаешь этотъ трудъ, тѣмъ лучше понимаешь его значеніе и достоинство, и тѣмъ интереснѣе онъ становится.

О. Эйхельманъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ.

Traité de la science des finances, par *Paul Leroy-Beaulieu.* Paris. 1877. 2 vls. (Наука о государственныхъ финансахъ. П. Леруа-Больё, Парижъ, 1877 г.).

Авторъ этой книги принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ изъ современныхъ экономистовъ Франціи. Французская Академія уже пять разъ увѣнчивала своими наградами его труды по разнымъ экономическимъ вопросамъ. Онъ извѣстенъ также и какъ экономистъ-публицистъ статьями своими въ Journal des Débats и въ Economiste français, котораго онъ состоитъ редакторомъ.

Новое, объемистое сочиненіе Леруа-Больё Traité de la science des finances есть собственно курсъ финансовой науки и финансоваго права, читанный имъ въ École libre des sciences morales et politiques. Книга эта, какъ заявляетъ авторъ въ предисловіи, есть плодъ теоретической и практической разработки финансовыхъ вопросовъ, которою автору приходилось заниматься въ качествѣ преподавателя и публициста.

Нельзя не порадоваться появленію такой книги, далеко оставляющей за собою прежнія работы французовъ по финансовой наукѣ, работы притомъ не всегда соотвѣтствующія содержаніемъ своимъ заглавію. (Такъ напр. книга Desaubiez—Système des finances et d'Economie publique 1780 г.—трактуетъ не о финансахъ вообще, а объ особой системѣ государственнаго кредита; книга Ganilh'я De la science des finances, 1824,—содержитъ въ себѣ лишь критику финансоваго управленія Франціи въ министерство графа Виллеля). Сочиненій, въ которыхъ излагается финансовая наука, хотя и не вполнѣ, имѣется въ французской литературѣ всего два: это *Garnier*, Traité des finances (3-е изд. 187) и *R. Gandillot*, Principes de la science des finances (въ 3 томахъ, 1874 г.). Но первое изъ этихъ сочиненій есть лишь довольно элементарный трактатъ о финансахъ и преимущественно о налогахъ; а второе сочиненіе (составляющее собственно переработку сочиненія M. Gandillot, Essai sur la science des finances, 1840 г.) хотя и обильно содержаніемъ, но довольно безсистемно и обилуетъ отступленіями въ область общей политики и столь любимыхъ французами риторическихъ упражненій.

Французская литература обладаетъ множествомъ сочиненій о налогахъ и о государственномъ кредитѣ, которыми и исчерпывается въ ней, главнымъ образомъ, разработка финансовой науки. Нельзя, конечно, ставить этой литературѣ въ упрекъ, что она сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на этихъ двухъ предметахъ; это предметы самые существенные для всякаго финансиста и самые важные въ финансовомъ хозяйствѣ каждаго изъ современныхъ цивилизованныхъ государствъ. Все это однако еще больше уполномочиваетъ насъ сказать, что въ французской литературѣ доселѣ не существовало разработки финансовой науки въ тѣхъ формахъ и съ тѣмъ объемомъ содержанія, какъ она уже издавна разработывается въ Германіи. Мы указываемъ на это обстоятельство потому, что считаемъ пріемы, усвоенные нѣмецкими учеными для разработки финансовой науки, пріемами нормальными и потому полагаемъ, что сужденіе о томъ или другомъ сочиненіи по финансовой наукѣ должно исходить изъ того понятія о ея предметѣ, объемѣ и содержаніи, какое установлено для нея въ нѣмецкой литературѣ. Прикладывая эту мѣрку требованій къ сочиненію Леруа-Больё и принимая въ соображеніе особенности національнаго характера, отличающія изложенія французскаго ученаго отъ нѣмецкаго, должно признать, что и въ книгѣ Леруа-Больё французская литература не пріобрѣла сочиненія, обработаннаго по нѣмецкому идеалу. У многихъ изъ французскихъ ученыхъ разработку какой либо науки, такъ сказать, сплеча, своимъ умомъ, безъ позаимствованія хорошихъ сторонъ нѣмецкихъ ученыхъ пріемовъ, вполнѣ можно объяснить незнакомствомъ съ нѣмецкою литературою или даже, пожалуй, невѣжественнымъ игнорированіемъ ея. Но нельзя, разумѣется, примѣнить подобное объясненіе къ Леруа-Больё: это ученый серьезный, хорошо знакомый съ иностранною литературой. Если онъ продолжаетъ идти тѣмъ же путемъ, что и его предшественники, если онъ остается при тѣхъ же французскихъ пріемахъ разработки своей науки, то, значитъ, онъ считаетъ эти пріемы

правильными. Авторъ и самъ разъясняетъ это отчасти, заявляя, что планъ его сочиненія гораздо менѣе обширенъ, чѣмъ планы учебниковъ Рау, Вагнера и Штейна. Такъ, онъ признаетъ выходящими изъ предѣловъ финансовой науки разсужденія о существѣ государства, о его принадлежностяхъ и о вытекающихъ отсюда предметахъ расходовъ, — разсужденія, обыкновенно занимающія довольно много мѣста въ нѣмецкихъ руководствахъ финансовой науки. Государство имѣетъ потребность, говоритъ онъ, въ данную минуту намъ нѣтъ надобности знать, каковы онѣ суть и каковы быть должны, а нужно только знать, какъ удовлетворить ихъ наилучшимъ образомъ, съ наименьшею потерею для частныхъ лицъ"... „Настоящая задача писателя по финансовой наукѣ состоитъ въ томъ, чтобъ указать, какимъ образомъ государство можетъ добыть нужныя ему средства, щадя, по возможности, интересы частныхъ лицъ и сохраняя справедливость". [1]) Авторъ какъ будто не хочетъ знать, что нѣмецкіе ученые, внося въ свое изложеніе финансовой науки нѣкоторыя общія понятія о государствѣ, дѣлаютъ это для того, чтобъ выяснить отношеніе государственнаго (финансоваго) хозяйства къ народному и частному, а изслѣдованіемъ характера и значенія государственныхъ потребностей имѣютъ въ виду опредѣлить, какія средства покрытія—обыкновенные доходы или кредитъ, — и гдѣ должны быть примѣняемы. А этимъ выясняется для финансовой науки внутренній смыслъ различныхъ формъ государственныхъ средствъ. Леруа-Больё, не вдаваясь въ эти соображенія высшаго порядка, ставитъ содержаніе финансовой науки прямо на практическую почву. Финансовая наука для него есть только наука о государственныхъ доходахъ и приведеніи ихъ въ дѣйствіе (science des revenus publics et de la mise en oeuvre de ces revenus). Изъ этого не слѣдуетъ однако, будто въ понятіи автора финансовая наука есть лишь сборникъ отдѣльныхъ практическихъ совѣтовъ; нѣтъ, онъ опровергаетъ возраженіе, будто финансовая наука не имѣетъ общаго руководящаго начала и такое начало видитъ онъ въ „постоянномъ развитіи народнаго богатства въ цивилизованной странѣ, коль скоро развитію этому не препятствуетъ законодательство". Авторъ говоритъ даже, что большая часть его книги содержитъ въ себѣ доказательства этого явленія, что онъ, говоря о бюджетѣ, напр. постоянно имѣетъ въ виду доказанное наблюденіемъ начало, что народное богатство имѣетъ видимое стремленіе къ постоянному возрастанію, что вся оригинальность его книги заключается въ проникновеніи этою истиной и ея выясненія. Затѣмъ особенною заботою автора было, какъ онъ же заявляетъ, не приводить ничего бездоказательно, а постоянно подкрѣплять свои положенія не только теоретическими доводами, но и фактами.

Таковъ общій характеръ книги. Не будемъ же требовать отъ нея того, чего она не даетъ; но разсмотримъ въ общихъ чертахъ ея содержаніе, останавливаясь на наиболѣе выдающихся мѣстахъ.

Содержаніе книги столь богато, что подробное обсужденіе ея заняло

---

[1]) Опущено также изложеніе организаціи финансоваго управленія, какъ не поддающейся научному изложенію, по своей случайности и измѣнчивости и потому представляющей множество равно пригодныхъ типовъ.

бы слишкомъ много времени и мѣста. Интересующимся рекомендуемъ прочитать ее всю. Главный предметъ изученія въ ней—Франція, ея порядки и законодательство, но рядомъ идутъ постоянныя обобщенія и сравненія съ другими державами. Благодаря своему знакомству съ иностранною литературой, авторъ сообщаетъ массу интересныхъ фактовъ и статистическихъ данныхъ. Это постоянное примѣненіе сравнительнаго метода способствуетъ немало разъясненію самыхъ темныхъ и сложныхъ вопросовъ.

Бо̀льшая часть содержанія перваго тома занята изложеніемъ ученія о налогахъ, но не забыты и государственныя имущества, которымъ посвящено начало тома. Во введеніи авторъ устанавливаетъ, на основаніи фактовъ, понятіе о постоянномъ возрастаніи государственныхъ расходовъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Онъ впрочемъ не придаетъ этому факту безусловнаго значенія, какъ напр. А. Вагнеръ и другіе, признающіе, что явленіе это имѣетъ свойство закона въ жизни цивилизованныхъ народовъ. Леруа-Больё признаетъ, что можетъ наступить время, когда, вслѣдствіе постояннаго погашенія государственныхъ долговъ и прекращенія системы постоянно усиливающагося вооруженія державъ Европы, издержки ихъ уменьшатся. Едва ли можно, однако, полагать, чтобъ обстоятельства измѣнились; да еслибъ и измѣнились, то, съ сокращеніемъ однихъ категорій расходовъ, съ большей настоятельностью выступитъ потребность расширенія другихъ, тѣмъ болѣе, что эти, другія категоріи расходовъ имѣютъ важное общественное значеніе, и если на покрытіе ихъ теперь идетъ, сравнительно съ расходами на покрытіе государственныхъ долговъ и военныхъ потребностей,—мало, то лишь потому, что эти два послѣдніе рода расходовъ поглощаютъ значительнѣйшую часть бюджетовъ, не оставляя свободныхъ средствъ для улучшеннаго покрытія прочихъ потребностей.

Въ изслѣдованіи вопроса о государственныхъ имуществахъ заслуживаетъ вниманія мысль автора, что общепринятое убѣжденіе о значеніи налоговъ, какъ единственнаго нормальнаго источника государственныхъ доходовъ въ будущемъ—есть ошибка. Авторъ полагаетъ, что и государственнымъ имуществамъ принадлежитъ будущее, только не землямъ и др. видамъ государственной собственности, которыя болѣе и болѣе переходятъ изъ казеннаго владѣнія въ частное, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи, но тому виду, который подлежитъ обратному движенію, т. е. имѣетъ перейти изъ частнаго въ казенное. Авторъ разумѣетъ здѣсь желѣзныя дороги, которыя, по истеченіи сроковъ концессій, должны перейти въ казенную собственность и составить новый родъ доменъ современнаго государства взамѣнъ отжившихъ свой вѣкъ доменъ прежняго государства. Замѣчаніе вѣрное, только неизвѣстно, сохранитъ-ли государство въ своемъ владѣніи этотъ новый видъ доменъ, или передастъ его въ частныя руки, какъ отчуждаетъ свои теперешнія имущества. Стремленіе Пруссіи и Италіи соединить всѣ желѣзныя дороги подъ казеннымъ управленіемъ еще не составляетъ предрѣшенія желѣзно-дорожнаго вопроса въ будущемъ. Между тѣмъ авторъ видитъ, съ переходомъ желѣзно-дорожныхъ доходовъ въ казну, возможность отмѣны внутреннихъ налоговъ на потребленіе,—слѣдовательно облегченіе для

низшихъ классовъ (т. е. въ нѣкоторой степени — рѣшеніе соціальнаго вопроса) — и наконецъ облегченіе для всѣхъ вообще — въ удешевленіи желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, которое государство, не лишая себя прибыли, можетъ однако произвести въ широкихъ размѣрахъ, когда сдѣлается единственнымъ собственникомъ жел. дорогъ.

Разсматривая виды государственныхъ доменъ, авторъ высказывается рѣшительно за отчужденіе земель и за удержаніе въ казенномъ владѣніи лѣсовъ, обставляя эти положенія тѣми же доводами, которые обыкновенно приводятся по этому поводу въ наукѣ, и щедро подкрѣпляя указаніями на факты.

Подобно многимъ другимъ писателямъ, правильнымъ употребленіемъ выручки отъ проданныхъ земель авторъ признаетъ обращеніе ея на погашеніе государственнаго долга. Но тутъ же онъ напоминаетъ и подтверждаетъ нѣсколькими примѣрами, что на дѣлѣ продажа государственныхъ земель большею частію не способствуетъ улучшенію финансовъ государства, что выручка, отъ нея получаемая, подобна картежному выигрышу, скорѣе влечетъ къ расточительности, чѣмъ къ правильному употребленію.

Относительно другихъ видовъ государственныхъ имуществъ, авторъ ставитъ общимъ правиломъ, что государство должно предоставить частной дѣятельности не только всѣ тѣ промышленныя занятія, къ которымъ эта послѣдняя способнѣе его, но и всѣ тѣ, для производства которыхъ оно не имѣетъ исключительной компетентности или особаго призванія. Но, съ другой стороны, замѣчаетъ нашъ авторъ, обращеніе въ собственность казны, а также и городовъ нѣкоторыхъ крупныхъ предпріятій по истеченіи сроковъ ихъ концессій (—желѣзныя дороги, каналы; въ городахъ — газовые заводы, водопроводы) должно со временемъ значительно увеличить сумму казенныхъ и городскихъ доходовъ и дать возможность къ упрощенію финансовой системы и отмѣнѣ налоговъ на полезные и общеупотребительные предметы.

Предсказывая такое значеніе въ бюджетѣ будущаго времени новымъ, имѣющимъ образоваться, формамъ государственныхъ имуществъ, авторъ, разумѣется, не упускаетъ изъ вида, что налоги надолго еще, если не навсегда, останутся главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Признавая по этому изученіе явленій, связанныхъ съ налогами, важнѣйшею частію финансовой науки, онъ и посвящаетъ имъ всю остальную часть перваго тома (604 страницы изъ 726).

Опредѣленіе налога авторъ даетъ самое простое; по его мнѣнію налогъ не есть ни обмѣнъ, т. е. плата за правительственныя услуги, — ни страховая премія, ни составная часть издержекъ производства народнаго капитала. Для него *налогъ есть просто доля участія каждаго гражданина въ издержкахъ правительства*. За симъ онъ указываетъ на ошибочность или преувеличенный смыслъ нѣкоторыхъ ходячихъ фразъ о налогахъ, какъ напр. что деньги, уплаченныя въ видѣ налоговъ, будто бы возвращаются обратно къ плательщикамъ, въ видѣ государственныхъ расходовъ; что будто налоги побуждаютъ плательщиковъ къ успѣшной дѣятельности и бережливости, что будто они составляютъ лучшее изъ помѣщеній для доходовъ и пр. Въ результатѣ авторъ приходитъ къ заключенію, что

налогъ не есть зло, какъ нѣкоторые думаютъ, а скорѣе—добро, что мысль, будто лучшіе налоги суть налоги наименьшіе—есть преувеличеніе, но что, въ дѣйствительности, налогъ, чтобы не имѣть вредныхъ послѣдствій, долженъ поглощать сравнительно малую часть народнаго дохода. Тутъ авторъ, кажется, забылъ оговориться, что налоги могутъ поглощать сравнительно большую часть народнаго дохода, смотря по экономической полезности ихъ употребленія. Что же касается до нормальныхъ размѣровъ налоговъ, то авторъ полагаетъ, что въ странѣ, хорошо управляемой, неимѣющей значительныхъ долговъ, налоги не должны превышать 5% съ общей суммы доходовъ гражданъ. Пониженіе налоговъ ниже 4% не составило бы, думаетъ онъ, ни для кого особенной выгоды, между тѣмъ, какъ при болѣе значительномъ процентѣ налога правительство имѣетъ возможность предпринимать разныя улучшенія матеріальныя и моральныя для пользы общества. Отношеніе суммы налоговъ къ народному доходу, превышающее 10%—авторъ считаетъ уже слишкомъ тяжелымъ, а выше 15%—16% положительно вреднымъ.

Далѣе авторъ является рѣшительнымъ противникомъ прогрессивнаго налога, не смотря на то, что въ настоящее время многіе финансисты и экономисты признаютъ прогрессію въ налогѣ дѣломъ разумнымъ и справедливымъ. Теорія прогрессивнаго налога для него — теорія пустая и ложная, какъ созданная просто сентиментальностью, неимѣющая никакого раціональнаго основанія.

Исходная точка возраженій автора противъ прогрессивнаго налога та, что государство обязано брать съ каждаго лишь точную стоимость оказываемыхъ ему услугъ и возлагать на каждаго справедливую долю въ уплатѣ процентовъ и погашенія по государственнымъ долгамъ; — что за симъ вовсе не дѣло государства заботиться о томъ, чтобы бремя жертвъ, несомыхъ отдѣльными личностями, было уравновѣшиваемо пропорціонально ихъ богатству. Авторъ становится на сторону тѣхъ, кто полагаютъ, что налогъ есть лишь плата за услуги правительства или страховая премія, тогда какъ выше самъ же указываетъ на ошибочность подобныхъ понятій о налогѣ. Приводя цифрами примѣръ для доказательства нелѣпости прогрессивнаго налога, авторъ ставитъ наконецъ самое практическое возраженіе: прогрессивный налогъ не представляетъ финансовыхъ выгодъ; онъ не производителенъ, ибо крупныхъ доходовъ, прогрессивное обложеніе которыхъ могло бы дѣйствительно дать значительную прибыль казнѣ, вообще немного, да притомъ прогрессивное обложеніе заставило бы ихъ скрываться отъ фискальнаго преслѣдованія. Но и это возраженіе, взятое изъ области практики, слабо; очень крупныхъ доходовъ мало, но доходовъ значительныхъ всетаки много, да и число крупныхъ растратъ. Авторъ приводитъ свѣдѣнія относительно Пруссіи за 1853 г., когда напримѣръ было только 7 доходовъ свыше 120 т. талеровъ; но онъ забываетъ, что есть цифры свѣжѣе и что въ Пруссіи же въ недавнее время прежняя 30-ти классная скала доходовъ для подоходнаго налога передѣлана, и число налоговъ сдѣлано неопредѣленное, тогда какъ прежде все оканчивалось на 30-мъ классѣ, т. е. доходѣ въ 240 т. тал. и свыше; значитъ оказалось такое число болѣе крупныхъ доходовъ, что пришлось раздвинуть или

расширить прежнюю скалу. Указаніе на то, что крупные доходы будутъ утаиваться — тоже несостоятельно: оно устраняется просто введеніемъ улучшенныхъ способовъ собиранія свѣдѣній о доходахъ.

Въ слѣдующей главѣ (3-ей) подробно разсматривается вопросъ о замѣнѣ всѣхъ налоговъ однимъ, причемъ авторъ находитъ, что такой единый налогъ былъ бы возможенъ только при весьма значительномъ сокращеніи бюджета расходовъ. Это потому, что единый налогъ, какъ прямой, не можетъ идти до очень высокихъ размѣровъ.

Взглядъ автора на налоги прямые и косвенные можно назвать совершенно безпристрастнымъ. Такъ онъ находитъ, что прямые налоги болѣе раціональны, чѣмъ косвенные; но, что, при значительной высотѣ ихъ, собираніе ихъ дѣлается затруднительнымъ и является много несправедливости въ раскладкѣ. Что же касается ходячей мысли, будто прямые налоги, какъ сильнѣе ощущаемые народомъ, способны воздерживать правительство отъ неблагоразумныхъ политическихъ предпріятій, то эту мысль авторъ удачно опровергаетъ примѣрами изъ исторіи Франціи и Англіи конца прошедшаго и начала текущаго столѣтій. За косвенными налогами онъ признаетъ весьма важныя качества, каковы — бо̀льшая растяжимость въ сравненіи съ прямыми налогами, болѣе быстрое и широкое наростаніе доходности, что, при современныхъ потребностяхъ государствъ, весьма существенно, далѣе — что ими затрогиваются всѣ доходы, даже самые малые, чего прямыми налогами и особенно обложеніемъ личныхъ заработковъ — достигнуть почти невозможно. Авторъ не закрываетъ глазъ и на недостатки косвенныхъ налоговъ и разбираетъ ихъ весьма подробно, но, въ концѣ концовъ, приходитъ къ заключенію, что безъ косвенныхъ налоговъ можетъ обойтись только то государство, въ которомъ для покрытія его расходовъ требуется не свыше 4% народнаго дохода.

Относительно личныхъ налоговъ авторъ того мнѣнія, что умѣренный личный налогъ можетъ оказывать отличное дѣйствіе: онъ даетъ возможность устранить нѣкоторые изъ стѣснительныхъ косвенныхъ налоговъ, какъ напр. налогъ на соль; онъ влагаетъ въ народъ сознаніе, что налогъ есть непремѣнное условіе пользованія гражданскими и политическими правами. Но при этомъ авторъ рѣшительный противникъ обложенія по классамъ (capitation graduée); обзываетъ его произвольнымъ, грубымъ (brutal); говоритъ, что оно отдаетъ податныхъ лицъ на произволъ фискальному чиновнику; что оно можетъ существовать безъ неудобствъ только въ странахъ, подобныхъ Пруссіи, съ весьма деспотическимъ правительствомъ, имѣющимъ огромный авторитетъ надъ гражданами. Такъ какъ у насъ классный налогъ все настойчивѣе проповѣдуетъ въ нашей прессѣ и, какъ говорятъ, составляетъ уже рѣшеное дѣло въ нашихъ административныхъ сферахъ, то не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію мнѣніе Леруа-Больё и разсмотрѣть, правъ или неправъ въ своихъ заключеніяхъ почтенный экономистъ. Въ рецензіи это изслѣдованіе неудобно, уже по самой обширности своей.

Относительно налога поземельнаго, авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, уже потерявшей свой кредитъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣмецкой литературѣ, — что налогъ этотъ можетъ лежать цѣликомъ на собственникѣ земли

и не можетъ быть переложенъ на потребителя. Въ тоже время авторъ держится совершенно противоположнаго мнѣнія о налогѣ на дома: этотъ налогъ, думаетъ онъ, большею частію, упадаетъ на жильцовъ. И мы такъ думаемъ, но замѣтимъ кстати, что нѣкоторые изъ весьма уважаемыхъ нѣмецкихъ экономистовъ смотрятъ на это дѣло иными глазами и доказываютъ непереложимость подомовнаго налога, — тѣми же самыми доводами, какими принято доказывать непереложимость налога поземельнаго. Затрудняемся мы однако раздѣлить съ авторомъ его одобреніе налогу поквартирному. Онъ полагаетъ даже, что при соотвѣтственномъ пониженіи налоговъ на потребленіе, налогъ этотъ можно смѣло поднять до 10% съ квартирной платы. Предоставляемъ судить всѣмъ, живущимъ въ наемныхъ квартирахъ, насколько былъ бы для нихъ удобенъ подобный налогъ, съ прибавкою еще и налога, взимаемаго съ домовладѣльца. Авторъ, со многими другими экономистами, полагаетъ, что расходъ на наемъ квартиры служитъ весьма близкимъ указаніемъ на размѣры доходовъ нанимателей. Но такъ ли это? Сомнѣваемся.

Налогъ промысловой, въ томъ видѣ, какъ онъ большею частію практикуется, авторъ находитъ крайне несправедливымъ, какъ обложеніе нѣкоторыхъ только видовъ промысловыхъ доходовъ, а не всѣхъ. Аномалія дѣйствительно есть въ томъ, что капиталъ дѣятельный, подвергающійся риску, облагается налогами, а капиталъ пассивный, какъ напр. процентныя бумаги, по большей части не подвергается налогу. Кромѣ того, точная оцѣнка промысловыхъ доходовъ чрезвычайно затруднительна, а потому обложеніе неравномѣрно. Эта неравномѣрность дѣйствительно составляетъ огромный недостатокъ общепринятой системы обложенія промысловыхъ доходовъ, недостатокъ, неустранимый ни французскимъ, добавочнымъ къ патентному, сборомъ по наемной платѣ за промысловыя помѣщенія, ни, еще менѣе, нашимъ билетнымъ сборомъ. Истинная правильная форма промысловаго обложенія—налогъ подоходный. Только кажется намъ, что авторъ напрасно требуетъ въ этомъ случаѣ болѣе легкаго обложенія промысловыхъ доходовъ, потому де, что эти доходы лишь пожизненные и подверженные случайностямъ. Такимъ образомъ и нашъ авторъ не избѣгъ увлеченія ошибочнымъ, но весьма распространеннымъ воззрѣніемъ о необходимости снисхожденія къ промысловымъ доходамъ. Воззрѣніе это, указывая на рискованность, шаткость и пр. промысловыхъ прибылей, не замѣчаетъ почему-то, что изстари самыя крупныя состоянія составлялись именно промышленнымъ трудомъ, что и нынѣ слова: купецъ, фабрикантъ — синонимы, если не всегда богатаго, то навѣрно зажиточнаго человѣка. Намъ кажется, поэтому, что относиться снисходительнѣе къ промышленному классу, чѣмъ къ другимъ, совершенно неумѣстно. Подъ вліяніемъ подобныхъ воззрѣній нарождаются, напримѣръ, „сборы при увеличеніи содержанія", отнимающіе нерѣдко необходимое у скудно-вознаграждаемаго служащаго люда,—вмѣсто того, чтобы просто обратиться къ болѣе систематическому обложенію промысловыхъ доходовъ.

10-я глава сочиненія посвящена налогу подоходному. Налогу этому авторъ не придаетъ значенія свыше того, какое онъ имѣетъ въ финансовой практикѣ современныхъ государствъ. Это „по существу свое-

му налогъ дополнительный, служащій, такъ сказать, для водворенія справедливости въ финансовой системѣ, посредствомъ дополнительнаго обложенія классовъ зажиточныхъ и богатыхъ". Въ этомъ значеніи поправки, своего рода затычки въ прорѣхахъ системы налоговъ, авторъ и признаетъ подоходный налогъ необходимымъ, притомъ при весьма умѣренномъ процентѣ обложенія. За симъ и вся критика налога построена у него на этой, невысокой точкѣ зрѣнія; доводы его, вообще довольно безпристрастные, здѣсь какъ будто проникнуты тайнымъ недоброжелательствомъ къ подоходному налогу и клонятся всѣ къ тому, чтобы доказать неумѣстность его для Франціи. Оставаясь на почвѣ чисто практическихъ соображеній, авторъ не возбуждаетъ и не разбираетъ никакихъ вопросовъ высшаго порядка, такъ и напрашивающихся обыкновенно, коль скоро заходитъ рѣчь объ этомъ налогѣ. Не взирая на нѣкоторую, можетъ быть, умышленную узкость взгляда, эта глава книги Леруа-Больё также интересна и поучительна, какъ и всѣ прочія. Замѣтимъ однако одну частную неточность: авторъ говоритъ, что изъятіе мелкихъ доходовъ отъ подоходнаго налога дѣлается вслѣдствіе трудности ихъ исчисленія; тогда какъ самъ же онъ выше говоритъ, что налогъ этотъ есть именно налогъ на высшіе, зажиточные классы, что и совершенно вѣрно; это налогъ, такъ сказать, аристократическій. Не трудность исчисленія доходовъ [1]) играетъ роль въ изъятіи мелкихъ доходовъ, а самый принципъ подоходнаго налога, по которому объектъ его — избытки, чистый доходъ хозяйства; гдѣ нѣтъ такихъ чистыхъ избытковъ, тамъ не можетъ и примѣняться подоходный налогъ, — кромѣ того развѣ случая, когда онъ сдѣлался бы единственнымъ налогомъ.

Въ главѣ 11-й авторъ разсматриваетъ сборы актовые, штемпельные и т. п., которые онъ относитъ, какъ это и мн. др. дѣлаютъ, тоже къ налогамъ, не создавая для нихъ особаго термина.

Доходы почтовые и телеграфные авторъ относитъ тоже къ налогамъ, притянувъ сюда же и сборы съ транспортировки пассажировъ и товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ, подъ общимъ названіемъ droits sur les correspondences et sur les transports. Тутъ мы не будемъ спорить съ авторомъ, не потому, чтобы считали его правымъ, а потому, что предметъ этотъ, самъ по себѣ, не имѣетъ существенной важности. Можно еще замѣтить, что не видно, къ какой категоріи налоговъ — къ прямымъ или косвеннымъ относитъ авторъ эти сборы, ибо въ общей группировкѣ налоговъ они у него не поименованы, ни въ той, ни въ другой категоріи.

Таможенный вопросъ авторъ разсматриваетъ болѣе съ экономической, чѣмъ съ финансовой точки зрѣнія; даетъ свой отзывъ о покровительственной системѣ (не въ пользу ея), осуждаетъ пошлины съ вывоза и транзитныя; единственно - правильнымъ признаетъ только обложеніе колоніальныхъ продуктовъ, въ заключеніе является сторонникомъ

---

[1]) Нейманъ напр. (Die progressive Einkommensteuer, 1874) выражаетъ совершенно обратное мнѣніе объ этой трудности, въ чемъ и мы съ нимъ согласны.

образованія таможеннаго союза между Франціей, Бельгіей, Голландіей, Швейцаріей и Испаніей. Вообще авторъ не сочувствуетъ таможеннымъ сборамъ и выражаетъ даже надежду, что современемъ они будутъ упразднены и, разумѣется, вмѣстѣ съ внутренними косвенными налогами, такъ какъ существованіе послѣднихъ при свободѣ ввоза облагаемыхъ ими продуктовъ немыслимо.

Къ прочимъ косвеннымъ налогамъ авторъ тоже не благоволитъ и полагаетъ, что одни, сами по себѣ, безъ регулятора въ прямыхъ налогахъ, они представили бы систему обложенія ненавистную и въ высшей степени несправедливую, но что при современномъ положеніи финансовъ европейскихъ государствъ, — они необходимы. Признавая косвенные налоги за неизбѣжное зло, авторъ находитъ въ нихъ однако неоцѣнимое преимущество, выкупающее ихъ недостатки, именно то, что они даютъ доходъ, постоянно возрастающій съ общимъ прогрессомъ народнаго богатства.

Въ 15-ой главѣ 1-го тома разсматриваются мѣстные налоги. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что знакомство съ одними государственными налогами не можетъ дать полнаго понятія о финансовой системѣ страны, въ виду того, что мѣстный бюджетъ составляетъ иногда $^1/_3$, иногда $^1/_2$ всего государственнаго расхода. Вопросъ о мѣстныхъ налогахъ былъ уже раньше затронутъ авторомъ въ особомъ сочиненіи (L'administration locale en France et en Angleterre. 1872).

Но, такъ какъ онъ все еще мало разработанъ, то всякій новый шагъ на этомъ пути заслуживаетъ полнаго вниманія [1]. Французской системѣ авторъ отдаетъ преимущество, такъ какъ она болѣе доступна контролю. Спеціализацію мѣстныхъ налоговъ, т. е. созданіе отдѣльнаго налога для каждой потребности, безъ связи съ другими, не одобряетъ; осуждаетъ также и факты быстраго возрастанія мѣстныхъ расходовъ, не всегда разумнаго.

Послѣдняя глава 1-го тома содержитъ въ себѣ нѣкоторыя общія соображенія о сокращеніяхъ въ налогахъ, о значеніи переложенія налоговъ и сравнительной тяжести ихъ для разныхъ классовъ населенія. Въ заключеніе авторъ выставляетъ, по крайней мѣрѣ, для Франціи, требованія мира на четверть столѣтія, общаго возрастанія доходовъ и реформы прямыхъ налоговъ — для того, чтобы сдѣлать возможнымъ отмѣнить налоги, стѣсняющіе промышленность и большую часть налоговъ съ потребленія. Усматриваетъ наконецъ важное подспорье для полной отмѣны налоговъ на припасы (denrées) въ развитіи промышленныхъ доменъ во владѣніи государства и городовъ.

Второй томъ сочиненія содержитъ въ себѣ изложеніе ученія о бюджетѣ и о государственномъ кредитѣ.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ бюджету, авторъ касается вообще вопросовъ финансовъ и хозяйства, т. е. какъ собственно правилъ составленія бюджета, такъ и финансоваго контроля. Отдѣлъ заключается интереснымъ

---

[1]) См. ниже рецензію на недавно вышедшую книгу по этой части: Die Gemeindebesteuerung und deren Reform, von Bilin'sky. Leipzig 1878.

историко- и сравнительно-статистическимъ очеркомъ возрастанія бюджетовъ. Тутъ авторъ изслѣдуетъ и различныя причины, вліяющія на постоянное возрастаніе расходовъ и доходовъ. Изъ вопросовъ, касающихся бюджетнаго дѣла, авторъ, основывается преимущественно на тѣхъ, которые имѣютъ отношеніе къ французскому бюджету, Здѣсь такое отношеніе къ предмету какъ-то замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ книги. Хотя и въ этихъ отдѣлахъ авторъ постоянно имѣетъ въ виду Францію, но здѣсь онъ съ особенною настойчивостью указываетъ на недостатки въ устройствѣ французскаго и контроля и предлагаетъ мѣры къ ихъ исправленію. Главную часть содержанія 2-го тома, какъ по объему, такъ и по интересу, составляетъ изслѣдованіе о государственномъ кредитѣ. Подробный обзоръ этого отдѣла, составляющаго какъ бы отдѣльное обширное сочиненіе, выходитъ изъ предѣловъ нашей рецензіи. Укажемъ только на главныя мысли автора. Признавая кредитъ явленіемъ всеобщимъ и необходимымъ, авторъ уже тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія. Установивъ идею необходимости кредита для государства, авторъ разбираетъ разность условій существованія кредита государственнаго и частнаго и при этомъ весьма удачно уподобляетъ долги государства долгамъ картежнымъ,— уплата которыхъ почитается священною обязанностью, но не можетъ быть обставлена никакими принудительными мѣрами.

Смотря на займы совершенно безпристрастнымъ глазомъ, авторъ чуждъ, какъ восхваленія ихъ, такъ и порицанія. Если правда, говоритъ онъ, что бумаги государственныхъ займовъ послужили въ свое время къ распространенію въ обществѣ привычки и вкуса къ движимымъ цѣнностямъ, и могутъ служить побужденіемъ для частныхъ лицъ дѣлать сбереженія, то, съ другой стороны, излишнее обращеніе къ займамъ до того централизуетъ кредитъ, что дѣлаетъ затруднительнымъ образованіе промышленныхъ предпріятій и товариществъ. Мелкіе капиталисты вѣруютъ только въ бумаги правительства, да нѣкоторыхъ большихъ компаній, имъ гарантированныхъ. Духъ ассоціаціи для какихъ либо мелкихъ, мѣстныхъ полезныхъ предпріятій почти исчезаетъ. Наконецъ — „чрезмѣрное размноженіе государственныхъ бумагъ уничтожаетъ въ капиталистѣ всякій духъ предпріимчивости и дѣлаетъ его малодушнымъ“. И правда, чего искать и зачѣмъ рисковать, когда можно сократить весь трудъ утилизированія своихъ капиталовъ до простой стрижки купоновъ! Авторъ указываетъ на такое положеніе дѣлъ во Франціи, но не съ большимъ ли еще основаніемъ можно примѣнить его соображенія къ намъ? Благодаря чрезвычайному размноженію, въ новѣйшее время, какъ государственныхъ, такъ и разныхъ другихъ бумагъ, гарантированныхъ и негарантированныхъ правительствомъ, у насъ болѣе и болѣе вырабатывается типъ *рантье* (человѣка, беззаботно получающаго доходъ съ своего капитала), и притомъ, въ худшемъ смыслѣ этого слова. Сравнивая займы съ налогами, какъ средства для удовлетворенія чрезвычайныхъ потребностей, авторъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, приходитъ къ заключенію, что одними налогами въ такомъ случаѣ обойтись невозможно и подкрѣпляетъ это заключеніе примѣрами изъ финансовой исторіи

Франціи и Англіи,— особенно изъ эпохи крымской войны. Авторъ высказывается собственно за комбинированіе повышенія налоговъ съ займами для чрезвычайныхъ случаевъ.

Раздѣля займы на три главныя категоріи — займы принудительные, патріотическіе и добровольные — обыкновенные, авторъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе займамъ добровольнымъ, гдѣ обращаются не къ патріотизму кредиторовъ, а къ ихъ интересу. А изъ всѣхъ формъ займовъ, онъ отдаетъ предпочтеніе займамъ, погашаемымъ періодическими тиражами, такъ какъ этимъ способомъ наиболѣе обезпечивается удобство погашенія. Совершеніе займовъ по низшему курсу противъ нарицательнаго авторъ не одобряетъ: въ этой методѣ, хотя и имѣющей свои выгоды, онъ справедливо усматриваетъ главную причину высоты и продолжительности европейскихъ публичныхъ долговъ; ибо, чтобы получить потребную сумму, государство, при этой методѣ, обязывается къ уплатѣ бо̀льшаго капитала, погашеніе котораго, по невыгодности, естественно затягивается. Авторъ полагаетъ, что лучше было бы подражать частнымъ заемщикамъ и занимать al pari по болѣе высокому проценту, согласно условіямъ рынка. Распространеніе въ Европѣ обыкновенія занимать по пониженному курсу авторъ приписываетъ главнымъ образомъ вліянію банкировъ. „Банкиры, говоритъ онъ, суть именно люди, совѣты которыхъ въ отношеніи государственныхъ финансовъ всего менѣе заслуживаютъ довѣрія. Это люди, исполненные профессіональныхъ предразсудковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣющіе въ виду только свои личные интересы. Банкиры видятъ свою выгоду въ томъ, чтобы какъ можно больше запутывать государственные финансы, рекомендуя самыя сложныя комбинаціи, ради полученія своихъ коммиссій, — премій и чтобы имѣть удобство для арбитражныхъ сдѣлокъ.“ Нельзя не признать всей справедливости этого строгаго отзыва о банкирахъ. Мы скажемъ даже, что вообще — люди комерческіе — самые худшіе совѣтники въ финансовыхъ дѣлахъ, наиболѣе способные увлекать правительство, считающее ихъ спеціалистами по этой части,— къ вреднымъ и опаснымъ финансовымъ и экономическимъ мѣропріятіямъ. Что касается до займовъ al pari, то въ принципѣ ихъ нельзя не признать совершенно раціональными; нельзя однако сомнѣваться, что помѣщеніе al pari, даже при высокомъ процентѣ, все-таки будетъ труднѣе, чѣмъ помѣщеніе по пониженному курсу.

Что касается до способовъ совершенія вообще государствомъ займовъ, то авторъ отдаетъ предпочтеніе сдѣлкамъ съ банкирскими домами при надлежащей гласности и конкурренціи,— передъ „мнимыми“ выгодами публичныхъ подписокъ.

Обширную главу отвелъ авторъ изслѣдованію вопроса о погашеніи гос. долговъ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, такъ сказать, съ утилитарной стороны: государство, заботящееся о погашеніи своихъ долговъ, имѣетъ больше политическаго вѣса, чѣмъ государство, обремениое безконечнымъ долгомъ. Въ случаѣ войны такое государство легче найдетъ капиталы для новыхъ займовъ, чѣмъ государство, не гасившее своихъ долговъ въ мирное время. Еслибъ не эта политическая причина, говоритъ авторъ,— государству не было бы особеннаго интересса уплачивать свои долги. Въ иныхъ случаяхъ погашеніе представляется даже

положительно вреднымъ: напр., когда, чтобъ подерживать эту операцію, сохраняютъ тяжкіе или неудобные налоги. Наконецъ—истинное погашеніе возможно только при избыткахъ доходовъ; но и тутъ лучше сперва позаботиться объ отмѣнѣ неудобныхъ или тяжкихъ налоговъ.

Весьма настойчиво обращаетъ авторъ вниманіе читателя на операцію пониженія процентовъ, которую онъ не безъ основанія признаетъ въ иныхъ случаяхъ болѣе полезною, чѣмъ непосредственное погашеніе, что и подтверждаетъ фактами, взятыми изъ исторіи этихъ операцій въ Англіи и Франціи. Конверсію займовъ, коль скоро возможна, авторъ признаетъ не только правомъ, но и обязанностью правительства.

Тутъ собственно оканчивается изслѣдованіе о государственномъ кредитѣ. Въ XI-й главѣ разсматривается уже вопросъ, только соприкасающійся съ гос. кредитомъ, но не существенный для него—именно о налогѣ на государственныя бумаги. Л.-Больё полагаетъ, что фонды, принадлежащіе подданнымъ государства, должны подлежать налогу, а находящіеся въ рукахъ иностранцевъ—не должны, ибо иностранцы не подданные, а только кредиторы, и потому нѣтъ законнаго основанія привлекать ихъ къ участію въ расходахъ чуждой имъ страны. Это различіе между своими и чужими намъ не кажется умѣстнымъ; при современныхъ способахъ передвиженія капиталовъ, оно давало бы только поводъ къ пересылкѣ бумагъ за границу для полученія процентовъ полностью; хотя и есть противъ этого злоупотребленія мѣры, не безуспѣшныя по заявленію автора, но не лучше ли, когда можно будетъ, обойтись безъ нихъ? А это и будетъ при безразличномъ обложеніи всякихъ фондовъ. Нарушеніе обязательствъ тутъ только кажущееся: пріобрѣтатель % бумаги, оплачиваемой налогомъ—соотвѣтственно тому ее и цѣнитъ. При учрежденіи налога понесутъ конечно ущербъ владѣльцы бумагъ, пріобрѣвшіе ихъ раньше того; но это общее послѣдствіе всякаго, вновь учреждаемаго налога.

Въ 12-й главѣ изложена исторія англійскаго, въ 13-й—французскаго государственнаго долга; въ 14-й—авторъ разсматриваетъ различные способы опредѣленія тяжести государственныхъ долговъ; 15-я глава посвящена вопросу о принудительномъ курсѣ бумажныхъ денегъ и его исторіи. Эта весьма замѣчательная глава составляетъ довольно обширное изслѣдованіе, богатое разными поучительными выводами. Принудительный курсъ авторъ уподобляетъ принудительному займу у неопредѣленнаго кредитора; кредиторы здѣсь всѣ тѣ, кто обязаны принимать билеты съ принудительнымъ обращеніемъ въ уплату за свои услуги правительству, поставки и пр. Необходимыми мѣрами къ прекращенію этого ненормальнаго положенія Л.-Больё признаетъ—возстановленіе равновѣсія въ бюджетѣ или даже присутствіе избытка доходовъ надъ расходами и возстановленіе благопріятнаго вексельнаго курса. При хорошемъ государственномъ управленіи, говоритъ авторъ, оба эти условія создаются легко; стоитъ только не отступать передъ учрежденіемъ необходимыхъ налоговъ и сокращеніемъ расходовъ. Введеніе же уплаты таможенныхъ сборовъ золотомъ—въ качествѣ мѣры для поправленія заграничнаго курса и для возстановленія металлическаго обращенія,—онъ, какъ слѣдовало ожидать, признаетъ мѣрою ошибочною. Требованіе уплаты

этихъ сборовъ золотомъ, говоритъ онъ, нисколько не прибавитъ его въ государствѣ; ибо за привозные товары, налогъ и пр., расходы оплачиваетъ туземный потребитель или купецъ, а не иностранецъ. Думать, будто тюкъ хлопчатой бумаги, посылаемый изъ Манчестера въ Петербургъ, пріѣдетъ сюда съ приложеніемъ извѣстнаго числа рублей или полуимперіаловъ,—значитъ судить по-дѣтски. Ничье другое, какъ русское же золото и серебро поступитъ въ таможенную кассу, а презрѣніе, выказанное правительствомъ къ своимъ собственнымъ бумажнымъ деньгамъ,—будетъ лишь новымъ поводомъ къ ихъ дальнѣйшему обезцѣненію."

Для устраненія принудительнаго курса нѣтъ другихъ средствъ, повторяетъ авторъ, какъ равновѣсіе бюджета и сокращеніе чрезвычайныхъ расходовъ; бюджетъ можетъ находиться въ равновѣсіи, какъ въ Россіи напримѣръ, а въ тоже время чрезвычайные расходы могутъ быть громадны, благодаря постояннымъ займамъ.

Все это мысли неоспоримыя, мысли человѣка, знающаго дѣло, говорящаго не съ вѣтру, а на основаніи добросовѣстнаго изученія фактовъ.

Послѣдняя глава сочиненія содержитъ въ себѣ заключеніе, касающееся преимущественно финансовой будущности Франціи. Общій смыслъ своей книги авторъ характеризуетъ тѣмъ, что ее можно бы озаглавить вмѣсто Traité de la science des finances,—иначе—Traité de l'abus des finances publiques (трактатъ о финансовыхъ злоупотребленіяхъ). И точно, говоритъ онъ, современные народы поразительно злоупотребляютъ какъ налогами, такъ и займами; въ нашемъ вѣкѣ преобладаютъ одновременно двѣ страсти, одинаково раззорительныя—страсть къ чрезвычайному развитію общественныхъ работъ, построекъ и т. п. и страсть къ безконечному вооруженію. Эти двѣ страсти страшно раздули бюджеты, создали громадные долги и распространили на половину всего цивилизованнаго міра денежное обращеніе съ принудительнымъ курсомъ.

Не можемъ не привести, наконецъ, заключительныхъ строкъ автора, еще можетъ быть болѣе пригодныхъ для нашего отечества, чѣмъ для Франціи. „Было бы утопіей, говоритъ онъ, думать, будто можно преобразовать систему налоговъ, безъ обращенія на помощь реформѣ значительной доли бюджетныхъ избытковъ; несовмѣстимое дѣло—думать облегчить бремя налоговъ, увеличивая въ тоже время расходы... Финансовая наука указываетъ, правда, способы для лучшаго распредѣленія тяжелыхъ налоговъ, для удешевленія займовъ, для облегченія ихъ погашеній; она можетъ указать въ потребномъ случаѣ, которое изъ двухъ какихъ либо золъ меньше; она можетъ помѣшать (?!) государственнымъ людямъ усугублять дурными мѣрами положеніе, и безъ того тяжкое; но экономическая наука не обладаетъ и никогда не будетъ обладать секретомъ — построить хорошую систему финансовъ на иномъ основаніи, кромѣ бережливости, точно также, какъ медицина никогда не откроетъ средства обезпечить человѣку пользованіе хорошимъ здоровьемъ, не взирая на дурную жизненную обстановку."

Невольно нашъ отчетъ о книгѣ вышелъ длиннѣе, чѣмъ бы мы хотѣли. Это объясняется обиліемъ и поучительностью ея содержанія, не-

прерывно приковывающаго вниманіе читателя, сколько нибудь интересующагося предметомъ. Это не сухой нѣмецкій учебникъ, какими, не взирая на всѣ свои достоинства, являются труды нѣмецкихъ ученыхъ;— это даже и не учебникъ, это именно *трактатъ* о финансовой наукѣ, методически обдуманно и ясно изложенный. Кое въ чемъ можно и не соглашаться съ авторомъ; но финансовая наука, не менѣе другихъ политическихъ наукъ, имѣетъ не мало вопросовъ спорныхъ. И то уже заслуга, если такіе вопросы поставлены и, по крайнему разумѣнію, разрѣшены, чѣмъ дается толчокъ къ дальнѣйшему углубленію въ нихъ. Нельзя не указать, какъ на важное достоинство этой книги,—на обиліе того практическаго смысла, съ какимъ авторъ пользуется историческими фактами и статистикой для своихъ выводовъ. Уже одно умѣнье такъ обращаться съ матеріаломъ показываетъ знатока дѣла, въ чемъ впрочемъ нельзя было сомнѣваться и по прежнимъ работамъ талантливаго автора.

Нельзя не пожелать, чтобы эта новая книга г. Леруа-Больё нашла себѣ возможно бóльшій кругъ читателей въ нашемъ обществѣ, не исключая административныхъ сферъ, гдѣ доселѣ еще финансовыя и вообще экономическія знанія слабо распространены.

Die Gemeindebesteuerung und deren Reform von Dr. Leon Ritter von *Biliński*. Leipzig, 1878. (Общинные налоги и ихъ преобразованіе, соч. Билиньскаго, Лейпцигъ 1878).

Вопросъ о мѣстныхъ, особенно, общинныхъ налогахъ все болѣе и болѣе возбуждаетъ къ себѣ вниманіе въ западной литературѣ. Въ Германіи эпохою для него можно считать экономическій конгрессъ 1863 г., на которомъ вопросъ этотъ впервые (въ Германіи) былъ подвергнутъ обстоятельному обсужденію. Съ той поры нѣмецкіе ученые все чаще стали обращаться къ этому предмету и, за послѣдніе годы, можно насчитать не малое число журнальныхъ статей и брошюръ, ему посвященныхъ. Не появлялось однако ни одного обширнаго обстоятельнаго изслѣдованія; авторы затрогивали предметъ какъ бы вскользь, спѣша высказать свои мнѣнія. Книга профессора львовскаго университета Билиньскаго представляетъ первый опытъ подробнаго изслѣдованія вопроса, которому она посвящена. Труды Гнейста объ англійскомъ самоуправленіи имѣли и имѣютъ, конечно, большое значеніе для разработки вопросовъ, касающихся системы мѣстныхъ налоговъ; но они не даютъ общей теоретической обработки вопроса, имѣя своимъ предметомъ спеціально англійскіе порядки, не очень-то подходящіе къ условіямъ и національнымъ особенностямъ другихъ странъ. Билиньскій въ своей книгѣ поставилъ себѣ задачею восполнить отсутствіе въ литературѣ подробныхъ теоретическихъ изслѣдованій вопроса о мѣстныхъ налогахъ и дать окончательный отвѣтъ на вопросъ, какъ должно быть устроено мѣстное обложеніе, въ соотвѣтствіи съ требованіями раціональной политики. Для цѣли своей авторъ сначала разсматриваетъ всѣ разнообразныя формы общинныхъ податей,

въ какихъ онѣ могутъ проявляться; потомъ дѣлаетъ обзоръ общинныхъ податей въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. На этой предварительной работѣ онъ строитъ теорію общиннаго обложенія и заключаетъ изслѣдованіемъ вопроса о его реформѣ. Наиболѣе интересную часть сочиненія представляетъ попытка установленія теоріи общинныхъ налоговъ. Здѣсь авторъ прежде всего устанавливаетъ понятіе о финансовой власти общины. Обстоятельное изслѣдованіе значенія общины и ея хозяйства въ государствѣ приводитъ автора къ заключенію, что разница между общиной и государствомъ въ предметахъ ихъ дѣятельности не есть принципіальная, а фактическая и обусловливаемая ихъ естественнымъ положеніемъ; т. е. что община есть учрежденіе, равноправное (?) съ государствомъ, что она имѣетъ свой кругъ административной дѣятельности и что, слѣдовательно, она естественнымъ образомъ должна имѣть право учрежденія налоговъ для выполненія своихъ задачъ.

Но вѣдь и разные другіе союзы имѣютъ нѣкоторое право облагать своихъ членовъ сборами; поэтому одно признаніе за общиною подобнаго права еще не доказываетъ однородности ея финансовой власти съ таковою же государственною. Поэтому авторъ развиваетъ дальнѣйшія доказательства этой равноправности и однородности. Для этого ему надо было разсмотрѣть существующія воззрѣнія на задачи, къ выполненію которыхъ призвана община, что и приводитъ его къ заключенію, что принципіальной разницы между государствомъ и общиной дѣйствительно нѣтъ, что эта послѣдняя, въ своихъ предѣлахъ, есть также носительница хозяйственныхъ и культурныхъ интересовъ, а потому и ея право обложенія налогами однородно съ государственнымъ и вовсе не обусловливается спеціальностью сборовъ по цѣлямъ (Zwecksteuern); что единственнымъ и притомъ единственнымъ, практически выполнимымъ, началомъ въ общинномъ обложеніи должно быть тоже самое, что и въ государственномъ, — податная способность (Leistungsfähigkeit). Что касается до объектовъ и субъектовъ общиннаго обложенія, то авторъ приходитъ къ заключенію, что общинному обложенію должны подлежать: всякая недвижимая собственность, находящаяся въ общинѣ, и всѣ лица, живущія въ общинѣ, а въ видѣ исключенія, — и юридическія лица. Изъ этихъ основныхъ положеній авторъ развиваетъ свои сужденія объ объемѣ общинной финансовой власти, о высотѣ общинныхъ податей и ставитъ выводъ, что „матеріально финансовая власть общины должна быть расширена по возможности, а формально ей должны быть, по возможности, поставлены строгіе предѣлы въ законѣ“. А это приводитъ автора къ разсмотрѣнію вопроса объ обязательныхъ формахъ общинныхъ податей. Уже изъ признанія имъ относительной равноправности между общиной и государствомъ, надо было ожидать, что онъ стоитъ за систему самостоятельныхъ общинныхъ податей. И дѣйствительно: систему общинныхъ налоговъ въ видѣ накладнаго процента при государственныхъ налогахъ авторъ признаетъ вовсе негодною и требуетъ системы самостоятельной. Останавливаясь за симъ на косвенныхъ общинныхъ налогахъ, онъ приходитъ къ безусловному осужденію ихъ; общинную подоходную подать признаетъ неудобною; промысловой налогъ, по его мнѣнію, для общинъ ненуженъ и нецѣле-

сообразенъ, а исключительно общинное обложеніе недвижимой собственности кажется ему невозможнымъ допустить, ни по теоретическимъ, ни по практическимъ соображеніямъ, равно, какъ и уступку государствомъ общинѣ казенныхъ налоговъ на эту собственность; ненужными и даже вредными находитъ онъ также специальныя подати по цѣлямъ (Zwecksteuern). — Что же ставитъ авторъ на мѣсто всего этого? Комбинацію изъ самостоятельныхъ имущественныхъ (Realsteuern) и личныхъ податей, — съ надлежащимъ различеніемъ между большими и малыми городами и селеніями.

Основаніемъ, послужившимъ для созданія такой системы общинныхъ налоговъ, было соображеніе, что недвижимая собственность имѣетъ въ общинѣ особенно важное значеніе и особенно сильную податную способность, что и должно сдѣлать ее главнымъ объектомъ общиннаго обложенія. Личные налоги являются въ видѣ дополненія системы, болѣе или менѣе значительнаго, смотря по податной способности и значенію недвижимой собственности. Но подъ личными податями авторъ разумѣетъ не собственное обложеніе лицъ классным или т. п. налогами, а обложеніе по наемной квартирной платѣ и налоги на роскошь. Квартирная плата указываетъ, по мнѣнію автора, непосредственно степень податной способности городскихъ жителей. Поэтому и оклады этого налога онъ желаетъ устроить по прогрессирующему масштабу. Налоги на предметы роскоши авторъ мотивируетъ тѣмъ, что у богатыхъ людей даже и прогрессивный, поквартирный налогъ не будетъ правильнымъ обложеніемъ, ибо чѣмъ лицо богаче, тѣмъ, сравнительно, стоимость его квартиры ниже, т. е. тѣмъ меньшій беретъ процентъ изъ его дохода. Поэтому онъ и предлагаетъ еще „трехчленный“ налогъ на роскошь, именно на экипажи, прислугу и собакъ, которые въ сложности должны простираться до 10% суммы личнаго налога.

Такова система общинныхъ налоговъ, являющаяся, какъ окончательный результатъ изслѣдованія г. Билиньскаго. Можно, пожалуй, найти ее и неудовлетворительною; но, во всякомъ случаѣ, авторъ приведенъ къ ней путемъ добросовѣстнаго изслѣдованія своего предмета.

Если не все въ его книгѣ можно принять за непреложныя истины, то все-таки она поднимаетъ и большею частію удовлетворительно разрѣшаетъ множество вопросовъ, относящихся до мѣстнаго обложенія, впервые облекши все, сюда относящееся, въ цѣльную, систематическую форму. Если за что можно упрекнуть автора,—такъ за то, что онъ не поставилъ своего вопроса шире, т. е. что онъ ограничивается изслѣдованіемъ общиннаго только обложенія, не касаясь системы обложенія земскаго.

Но такой упрекъ можетъ сдѣлать только русскій читатель, такъ какъ у насъ идея земскаго хозяйства имѣетъ несомнѣнно больше значенія, чѣмъ идея хозяйства общиннаго. Западъ не имѣетъ земства въ нашемъ смыслѣ; такъ приходъ и община, какъ мѣстные хозяйственные союзы, играютъ главную роль; департаментъ, провинція если и имѣютъ свое хозяйство, то значеніе его все-таки стушевывается передъ значеніемъ хозяйствъ общины. Впрочемъ между общинными и земскими предметами вѣдѣнія и въ организаціи земскаго и общиннаго хо-

зяйства такъ много сходнаго, что mutatis mutandis, сказанное объ общинѣ, можно примѣнить и къ земству. Потому книга г. Билиньскаго можетъ служить полезнымъ пособіемъ и при изслѣдованіи вопросовъ изъ области земскаго финансоваго хозяйства. Во всякомъ случаѣ она составляетъ весьма пріятное явленіе въ литературѣ предмета, еще такъ мало обслѣдованнаго.

В. Лебедевъ.

(профессоръ С.-Петербургскаго университета).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ и НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Новые законы и сочиненія въ Германіи о привиллегіяхъ на изобрѣтенія.

Die Patentgesetzgebung aller Länder nebst den Gesetzen über Musterschutz und Markenschutz, systematisch und vergleichend dargestellt von Dr. *R. Klöstermann*. 2 umgearbeitete Ausgabe. Berlin 1876. Новыя и нѣмецкія сочиненія о привиллегіяхъ на изобрѣтенія.

Das Patentgesetz für das Deutsche Reich vom 25 Mai 1877 nebst Einleitung und Commentar und mit vergleichender Uebersicht der ausländischen Patentgesetze von Dr. *R. Klostermann*. Berlin. 1877.

Das Patentgesetz für das Deutsche Reich von Dr. *Hermann Grothe*. Berlin 1877. Schutz der Erfindungen mit besonderer Beziehung auf die Schweiz von *Franz Wirth*. Zürich. 1877.

Послѣ того какъ въ 1874 г. въ I-мъ томѣ Сборника Государственныхъ Знаній была напечатана наша статья „*Привиллегіи на изобрѣтенія*“, въ которой мы представили тогдашнее положеніе этого вопроса и изложили заключенія бывшаго въ 1873 г. по этому поводу особаго международнаго конгресса въ Вѣнѣ, движеніе по вопросу о привиллегіяхъ на изобрѣтенія въ ученыхъ, общественныхъ и законодательныхъ сферахъ не только не остановилось, но напротивъ даже продолжалось и вступило въ новый и притомъ весьма рѣшительный фазисъ развитія, въ смыслѣ благопріятномъ для сохраненія системы патентовъ. Ближайшимъ результатомъ вѣнскаго конгресса было образованіе въ 1874 году въ Германіи особаго *общества покровительства патентной системы* (Patentschutz-Verein), которое принялось дѣятельно хлопотать объ изданіи новаго, общаго закона для всей Германской Имперіи по привиллегіямъ на изобрѣтенія, и, выработавъ проектъ такого закона, представило его въ 1876 г. Союзному Совѣту. Въ числѣ мотивовъ, которыми общество подкрѣпило свое ходатайство, заключалось, между прочимъ, откровенное сознаніе, что германская промышленность далеко отстала отъ промышленности другихъ странъ и что патенты на изобрѣтенія составляютъ одно изъ главныхъ средствъ для

возвышенія ея производительности и отпускной способности (Exportfähigkeit). Хотя князь Бисмаркъ еще въ 1868 г. вносилъ въ тогдашній сѣверо-германскій Союзный Совѣтъ предложеніе о пересмотрѣ законодательства по привиллегіямъ, и подъ вліяніемъ своего главнаго сотрудника г. Дельбрюка, враждебнаго патентной системѣ, явно склонялся всего болѣе къ совершенной отмѣнѣ патентовъ, тѣмъ не менѣе ходатайству общества въ 1874 г. былъ данъ, безъ всякихъ затрудненій, свободный законный ходъ. Союзный Совѣтъ рѣшилъ подвергнуть вопросъ новому спеціальному изслѣдованію (enquête) въ средѣ особой коммиссіи изъ 22 компетентныхъ лицъ, по назначенію разныхъ германскихъ правительствъ. Результатомъ этого изслѣдованія было почти единогласное (безъ одного голоса) признаніе этой коммиссіи необходимости сохранить патентную систему и принять въ главныхъ основаніяхъ представленный законопроектъ. Выработанный окончательно проектъ новаго закона былъ напечатанъ въ февралѣ 1877 г. во всеобщее свѣдѣніе и затѣмъ, по рѣшенію Союзнаго Совѣта, подвергнутъ предварительному разсмотрѣнію торговыхъ комитетовъ. При первомъ чтеніи исправленнаго такимъ образомъ законопроекта, въ Союзномъ Парламентѣ раздался только одинъ голосъ противъ патентной системы вообще, затѣмъ проектъ былъ переданъ въ особую парламентскую коммиссію изъ 21 члена и съ заключеніемъ коммиссіи принятъ окончательно при второмъ и третьемъ чтеніяхъ. По одобреніи Союзнымъ Совѣтомъ, новый законъ о патентахъ обнародованъ уже 25 мая прошлаго года и съ 1-го іюля того же года вступилъ въ силу. Сущность этого закона состоитъ въ томъ, что предметомъ привиллегіи можетъ быть вообще всякое промышленное изобрѣтеніе, кромѣ нѣкоторыхъ, ясно указанныхъ въ законѣ исключеній. Имперскому канцлеру предоставляется впрочемъ ограничивать права изобрѣтателей на такія изобрѣтенія, которыя имѣютъ особенную важность для арміи, флота или вообще общественнаго благосостоянія, съ вознагражденіемъ изобрѣтателей отъ казны, по соглашенію съ ними, или по рѣшенію законнымъ порядкомъ. По истеченіи 3-хъ лѣтъ отъ выдачи привиллегіи, она можетъ быть уничтожена, если изобрѣтатель не приводитъ ея въ исполненіе, или отказываетъ другимъ въ правѣ пользованія его изобрѣтеніемъ, за извѣстное вознагражденіе и при условіи извѣстной гарантіи. Высшій срокъ для привиллегій назначенъ 15-лѣтній. Пошлины установлены по 50 марокъ въ два первые года и съ прибавкою по 50 мар. ежегодно, въ каждомъ изъ послѣдующихъ годовъ. Общая сумма пошлинъ за 15-лѣтнюю привиллегію составляетъ такимъ образомъ 5,300 мар. Выдача привиллегій возлагается на особое, спеціальное учрежденіе *Патентамтъ*. Привиллегіи выдаются, по предварительномъ ихъ разсмотрѣніи, съ принятіемъ въ соображеніе замѣчаній и возраженій, которыя могутъ быть сдѣланы каждымъ въ теченіи 8-недѣльнаго срока, по опубликованію заявленія о поданномъ прошеніи, для чего описаніе привиллегіи доступно для каждаго.

Названныя выше сочиненія Клостермана и Гроте знакомятъ подробно съ исторіей той борьбы, чрезъ которую долженъ былъ пройти вопросъ о привиллегіяхъ въ Германіи, пока онъ не достигнулъ указаннаго выше результата, т. е. объединенія по этому вопросу всѣхъ германскихъ законодательствъ, посредствомъ изданія одного общаго для всей Имперіи закона.

Труды Клостермана сверхъ того представляютъ превосходныя руководства для сравнительнаго изученія законодательства всѣхъ странъ по привиллегіямъ на изобрѣтенія. Изъ сочиненій Клостермана мы узнаемъ, между прочимъ, что и въ Англіи выработанъ былъ, согласно съ заключеніями бывшихъ тамъ парламентскихъ коммисій, проектъ новаго закона о патентахъ, и хотя билль по этому предмету былъ вносимъ дважды въ Верхнюю Палату, въ 1875 и въ 1876 г., а въ 1877 г. и въ Нижнюю Палату, однако утвержденія его еще не послѣдовало. Русское законодательство автору также знакомо, но очевидно, по извлеченіямъ изъ старыхъ изданій Свода Законовъ. Авторомъ упущено также совершенно изъ виду и законодательство Финляндіи, гдѣ привиллегіи на изобрѣтенія давно существуютъ и гдѣ въ 1876 году изданъ также полный законъ по этому предмету.

Однимъ изъ важныхъ результатовъ поворота въ общественномъ мнѣніи въ пользу сохраненія патентовъ слѣдуетъ считать то, что даже въ Швейцаріи, на которую противники патентовъ указывали всегда какъ на сторону свободную отъ этого вида монополій, и не смотря на то процвѣтающую, въ промышленномъ отношеніи пробудилось нынѣ усиленное стремленіе къ введенію патентной системы, доказательствомъ чего можетъ служить брошюра Фр. Вирта, въ которой авторъ изложилъ исторію и критику агитаціи pro и contra патентовъ въ Швейцаріи. По новѣйшимъ же свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ Economiste français (2 февраля 1878 № 5), проектъ подобнаго закона уже выработанъ швейцарскимъ правительствомъ, по предварительномъ изслѣдованіи этого вопроса министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Дрозомъ (M. Droz).

Большая часть противниковъ патентной системы, повидимому, уступила новому теченію общественнаго мнѣнія, и лишь изрѣдка раздаются ихъ одиночные протесты. Однимъ изъ самыхъ послѣднихъ по времени и самыхъ краснорѣчивыхъ по формѣ изложенія былъ недавній протестъ Мишеля Шевалье на лекціяхъ его въ Collège de France. Интересующіеся имъ, найдутъ его въ L'Economiste français 29 ноября 1877 и 5 января 1878 г.

В. Вешняковъ.

ИСТОРІЯ ПРАВА.

Forschungen über das Recht der Salischen Franken vor und in der Königszeit. Lex Salica und Malbergische Glossen.

(Erläuterungen, nebst erstem Versuch einer vollständigen hochdeutschen Uebersetzung.) Nachgelassenes Werk von Dr. Knut Jungbohn Clement. Herausgegeben und mit einem Vorworte und Register versehen v. Dr. *Heinrich Zöpfl*. Bibliothek für Wissenschaft und Literatur. 3 B. Staats- und rechtswissenschaftliche Abtheilung. I B. Berlin. 1875. S. 468. (Изслѣдованія салическаго права Франковъ, Клемента).

Изученіе древнихъ памятниковъ права извѣстнаго народа является всегда и повсюду наиболѣе вѣрнымъ методомъ для точнаго и яс-

наго пониманія государственнаго строя, быта и жизни отдаленныхъ эпохъ. Исторія, въ новѣйшее время получившая характеръ бытовой, такъ называемая исторія культуры, должна необходимо извлекать свои данныя изъ древнихъ памятниковъ, какъ произведеній, вышедшихъ изъ среды того народа, исторія котораго изслѣдуется, какъ изъ наиболѣе вѣрнаго отраженія народной жизни тѣхъ эпохъ, которыхъ не могло коснуться перо историка-очевидца.

Нѣкоторые памятники тѣмъ болѣе важны для историка, что являются твореніями эпохъ, которыя не знали письменности; при изученіи подобныхъ памятниковъ, записанныхъ въ позднѣйшее сравнительно съ своимъ возникновеніемъ время, для изслѣдователя возникнетъ еще одна наиболѣе трудная послѣ ихъ истолкованія задача выдѣлить изъ ихъ текста всѣ позднѣйшія наслоенія, раздѣлить, такъ сказать, памятникъ по эпохамъ его постепеннаго возникновенія и указать относящееся къ каждой изъ этихъ эпохъ. Къ сожалѣнію, почти нигдѣ мы не находимъ доведеннаго до такой степени отчетливости изученія памятниковъ, что можетъ быть объяснено исключительно значительными трудностями ихъ пониманія для современнаго ихъ изслѣдователя. Для болѣе или менѣе удачнаго толкованія подобныхъ памятниковъ необходимо множество условій: отъ изслѣдователя требуется не только значительный запасъ довольно разнородныхъ свѣдѣній, но и большая энергія, сила воли и любовь къ своему дѣлу, которыя только и могутъ поддержать его въ полномъ трудностей изученіи.

Подобныхъ памятниковъ довольно много, но нѣкоторые изъ нихъ издавна уже обратили на себя особенное вниманіе въ виду ихъ важности для наиболѣе тёмныхъ временъ исторіи нѣкоторыхъ игравшихъ первенствующую роль въ Европѣ народовъ. Таковы всѣ вообще leges Barbarorum на Западѣ: lex Salica, получившая впрочемъ довольно случайно всемірную извѣстность, благодаря одному невѣрно понятому параграфу de terra Salica, знаменитыя leges Ripuariorum, Burgundionum, Frisionum, Angliorum et Werinorum и другихъ, принадлежащія къ одному циклу народныхъ законодательствъ различныхъ племенъ, имѣвшихъ важное значеніе при великомъ переселеніи народовъ; такова наша Русская Правда, игравшая въ нашей исторіи почти ту же самую роль, какъ и Салическіе и Рипуарскіе законы въ исторіи Франковъ.

Законы Салическіе, особенно выдающіеся между всѣми варварскими законодательствами, составляли по преимуществу предметъ изученія на Западѣ, хотя, не смотря на значительное количество ихъ изданій и различныхъ комментарій, ихъ объясненіе не доведено еще до совершенства и въ самомъ текстѣ до сихъ поръ встрѣчаются тёмныя мѣста, никѣмъ не объясненныя. Отчасти это зависитъ отъ языка дошедшихъ до насъ списковъ Салическаго закона, наиболѣе полное изданіе которыхъ по извѣстнымъ ихъ фамиліямъ сдѣлано въ 1843 году академикомъ Пардессю; латинскій текстъ всѣхъ древнѣйшихъ списковъ Салическаго закона до такъ называемой „lex Salica a Carolo Magno emendata Anno DCCLXVIII“ (768) испещренъ варварскими словами, получившими въ наукѣ названіе мальбергскихъ глоссъ, за то, что передъ каждымъ подобнымъ словомъ поставленъ слогъ *mall*; эти выраженія,

относящіяся къ древнему языку Франковъ, весьма трудны для объясненія, такъ что Пардессю, представившій самое замѣчательное по точности текста и обилію матеріала изданіе закона Салическаго, совершенно отказывается отъ ихъ объясненія. Нѣмецкіе лингвисты обратили особенное вниманіе на эти остатки первобытнаго исчезнувшаго нарѣчія; одинъ изъ наиболѣе выдающихся германскихъ ученыхъ филологовъ, знаменитый Яковъ Гриммъ, затронулъ вопросъ о мальбергскихъ глоссахъ, не касаясь впрочемъ болѣе подробно самаго текста Салическаго закона, въ своемъ большомъ нѣмецкомъ словарѣ; при нѣкоторыхъ другихъ своихъ трудахъ онъ пользовался этими глоссами, какъ остатками вымершаго языка, для филологическихъ сравненій и объясненій. Въ своемъ предисловіи къ изданію Салическаго закона Меркеля (Lex Salica, herausgegeben v. T. Merkel mit einer Vorrede v. Jakob Grimm, Berlin, 1850) Гриммъ коснулся подробнѣе этого вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ свои воззрѣнія на время возникновенія этого закона.

Но, помимо этихъ непонятныхъ мальбергскихъ глоссъ, въ законѣ Салическомъ встрѣчается много и другихъ выраженій, возбуждающихъ филологическія затрудненія къ ихъ пониманію. Какъ мы упомянули, разработка Салическаго закона въ этомъ направленіи исходила почти исключительно отъ германскихъ филологовъ, представившихъ многіе и цѣнные вклады для разъясненія непонятныхъ мѣстъ этого закона.

Въ послѣднее время изданъ въ Германіи новый самый обширный по плану трудъ извѣстнаго лингвиста и историка, нынѣ умершаго Клемента. Авторъ этого сочиненія задумалъ представить полный и точный переводъ латинскаго текста Салическаго закона изданія Меркеля съ подробными объясненіями всѣхъ непонятныхъ мѣстъ его. Оригинальность труда и его выполненіе возбуждаютъ особенный интересъ къ его автору, тѣмъ болѣе, что все изложеніе является вѣрнымъ отпечаткомъ замѣчательной личности автора. Вотъ почему, прежде чѣмъ коснуться этой новѣйшей попытки объясненія Салическаго закона, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ ея авторѣ на основаніи приложенной къ этому труду его біографіи, написанной извѣстнымъ профессоромъ Гейдельбергскаго университета Цѣпфлемъ, близко знавшимъ покойнаго.

Кнутъ Юнгбонъ Клементъ родился 4 декабря 1803 года на маленькомъ островѣ Амерумѣ, принадлежавшемъ въ то время Даніи. Сынъ простаго моряка, онъ рано потерялъ отца, погибшаго на морѣ, и провелъ первые годы своей жизни на родномъ островѣ съ матерью и братьями. Жажда знаній заставила его искать вдали отъ непривѣтливой, суровой отчизны образованія, котораго не могъ получить на родинѣ: съ скудными средствами отправился онъ въ Альтону, гдѣ въ четыре года блистательно прошелъ гимназическій курсъ. Высшее образованіе получилъ Клементъ въ университетахъ Кильскомъ и Гейдельбергскомъ; въ 1835 году онъ получилъ ученую степень доктора философіи. Въ 1839 году онъ былъ командированъ на счетъ датскаго правительства въ путешествіе съ ученою цѣлью въ Великобританію, Шотландію и Ирландію, гдѣ провелъ три года, въ теченіи которыхъ ревностно занимался историческими и филологическими изслѣдованіями. Къ этому времени относится и первое его сочиненіе о законѣ Салическомъ и о

мальбергскихъ его глоссахъ, изданное въ 1813 году по поводу сочиненія Лео „о мальбергской глоссѣ, какъ остаткѣ кельтическаго языка и права“. Въ 1843 году Клементъ женился на дочери гейдельбергскаго банкира Фриса и поступилъ въ качествѣ приватъ-доцента въ Кильскій университетъ; его политическія убѣжденія, выразившіяся особенно рѣзко во время столкновеній Шлезвигъ-Гольштиніи съ Датскимъ правительствомъ, навлекли на него гоненія, принудившія его въ 1848 г. покинуть этотъ университетъ. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ до 1871 года то въ Гамбургѣ, то на родномъ островѣ Амерумѣ. Событія 1866 и 1870 годовъ, отдавшія Германію въ руки Пруссіи, охватившей желѣзнымъ кольцомъ и любимую родину Клемента, самостоятельности которой онъ всегда желалъ всею душею, сильно подѣйствовали на впечатлительную, честную натуру Клемента и въ 1871 году онъ оставилъ свою родину, съ новыми порядками которой не могъ примириться, и, не желая подчиняться прусскому игу, удалился въ Америку, гдѣ жили два старшіе сына его. Въ 1873 году, октября 9-го, онъ умеръ въ небольшомъ городкѣ Бергенѣ штата Нью-Джерсей. Изданіемъ упомянутаго обширнаго труда Клемента Цепфль исполняетъ предсмертную волю покойнаго, не разъ высказанную имъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Дѣйствительно трудъ этотъ является ученою исповѣдью покойнаго, неутомимаго борца за свободу своей родины и глубокаго знатока и любителя нарѣчія фризовъ, являющагося первобытнымъ языкомъ его родины. Всѣ политическія и религіозныя воззрѣнія автора вылились въ исторической части его труда, ученыя его симпатіи выразились столь же рельефно въ оживленной полемикѣ его противъ Я. Гримма, противъ котораго и направлена, главнымъ образомъ, его книга. Фризъ родомъ, авторъ объясняетъ наиболѣе темныя выраженія Салическаго закона филологическими сравненіями съ сохранившимися до его времени въ народѣ выраженіями фрисландскими; протестантъ по вѣроисповѣданію, онъ подвергаетъ рѣзкому порицанію, основанному на историческихъ данныхъ, дѣятельность папскихъ проповѣдниковъ у германскихъ народовъ; защитникъ свободы во всѣхъ ея видахъ, онъ представляетъ ѣдкую насмѣшливую критику возникновенія королевской власти у германскихъ племенъ.

Исторія происхожденія законовъ Салическихъ, какъ ее передаетъ Клементъ въ этомъ трудѣ своемъ, весьма интересна тѣмъ болѣе, что она основана на глубокомъ изученіи всѣхъ историческихъ памятниковъ той эпохи.

Въ началѣ 4-го вѣка берега нынѣшней Зеландіи и острова, къ нимъ прилегающіе, были населены племенемъ Фризовъ, къ которымъ принадлежатъ и Франки. Нѣкоторые обычаи, подтверждающіе эту родственную связь между Франками, завоевавшими впослѣдствіи всю сѣверную часть современной Франціи, и обывателями Нѣмецкаго прибрежья сохранились до настоящаго времени въ Сѣверной Голландіи, Западной Фрисландіи и Грёнингенѣ, гдѣ напр. женщины и дѣвушки до сихъ поръ носятъ на головѣ старинное фризское украшеніе, въ видѣ золотаго обруча, перехватывающаго волосы (reippus салическаго закона также напоминаетъ

это украшеніе). Національнымъ символомъ Франковъ, жившихъ въ этой мѣстности, была лилія.

Во второй половинѣ 4-го столѣтія Фризскіе Франки овладѣли такъ называемымъ островомъ Батавовъ (insula Batavorum), т. е. южною частью нынѣшней Голландіи, гдѣ до того нѣсколько столѣтій жили Хатты.

Съ завоеваніемъ этой мѣстности начались набѣги Франковъ на сѣверную часть римской Галліи. Набѣги эти производились иногда на сушѣ, иногда и моремъ и уже въ 5-мъ вѣкѣ весь сѣверо-западный край Галліи былъ въ рукахъ Франковъ, предводители которыхъ носили фрисландскія имена. Въ половинѣ 5-го столѣтія, въ то время какъ послѣдній римскій правитель Галліи Сіагрій принялъ въ Суассонѣ правленіе по смерти отца своего Егидія, предводитель Франковъ Гильдерикъ (Childericus) проникъ уже къ Орлеану (Aurelianum). Жестокій и властолюбивый Гильдерикъ былъ изгнанъ своими Франками и бѣжалъ въ Тюрингію. Призванный вторично къ своему племени, онъ вернулся на княженіе съ княгинею Тюрингскою, покинувшею для него своего мужа и вышедшею замужъ за предводителя франковъ. Отъ нея у Гильдерика родился въ 465 году сынъ, будущій основатель франкской монархіи Лотвигъ (или Хлодвигъ). Въ 481 году Лотвигъ сдѣлался княземъ Франковъ послѣ отца своего и въ 486 году сломилъ послѣдніе остатки римскаго могущества въ Галліи, разбивъ римскаго правителя Сіагрія.

Между тѣмъ еще въ 3-мъ столѣтіи предводитель Салическихъ Франковъ Фарамундъ одобрилъ и подтвердилъ обычное право своихъ предковъ, что и является первою для насъ неизвѣстною редакціею Салическаго закона. Сынъ Фарамунда Клодіонъ побѣдоносно проникъ до Соммы. Изъ этого рода и происходилъ по преданію отецъ Лотвига, Гильдерикъ. Лотвигъ, уничтоживъ римскую область, завоевалъ плодородную землю Аллемановъ, область восточныхъ Франковъ и захватилъ три маленькія фрисландскія республики на сѣверо-западной сторонѣ Галліи. Послѣ славной побѣды надъ Аллеманами, о которой такъ много разсказываютъ хроники, жена Лотвига, христіанка Лотильда (Клотильда), признававшая папское ученіе, пригласила въ Суассонъ епископа Ремигія съ цѣлью обратить своего супруга и народъ въ католичество, что было около 500 года. Лотвигъ относился благосклонно къ новому ученію, но, боясь народа, желалъ, чтобы сперва епископъ обратилъ свою проповѣдь къ народу. И вотъ въ началѣ 6-го вѣка насталъ день торжества католицизма, когда войско Лотвига согласилось принять новую вѣру; въ этотъ день, по сказанію Григорія Турскаго, при крещеніи Лотвига съ дружиною епископъ сказалъ гордому вождю Франковъ унизительныя слова: „преклонись, сикамбръ, и почитай то, что ты сожигалъ; сожигай же то, чему поклонялся“. Вскорѣ послѣ крещенія Лотвигъ короновался въ 507 году въ готскомъ городѣ Турѣ. Къ этому же времени, хотя вѣроятно уже послѣ смерти Лотвига, послѣдовавшей въ 511 году, только и можетъ относиться первая латинская редакція Салическаго закона. Происхожденіе франкскихъ законовъ и обычаевъ, положенныхъ въ основаніе латинской письменной редакціи этого закона, безъ сомнѣнія относится къ временамъ, весьма отдаленнымъ, не только ра-

нѣе 4-го вѣка, но быть можетъ и начала нашего христіанскаго лѣтосчисленія.

Латинская передѣлка этихъ первоначальныхъ законовъ была сдѣлана почти исключительно подъ вліяніемъ римскаго духовенства, которое во всѣхъ германскихъ племенахъ получило съ принятіемъ ими христіанства одинаковое значеніе. Повсюду мы замѣчаемъ въ исторіи германскихъ народностей одинъ результатъ обращенія въ христіанство: съ принятіемъ христіанскаго ученія древняя германская свобода связывалась, по мѣткому французскому выраженію, тремя понятіями „roi“, „loi“, „foi“, т. е. развитіемъ абсолютной королевской власти, изданіемъ письменныхъ законовъ, измѣнявшихъ обыкновенно подъ вліяніемъ римскихъ воззрѣній первоначальное обычное народное право, и нравственнымъ давленіемъ извѣстнаго религіознаго направленія, основаннаго на слѣпой вѣрѣ.

Тѣ же послѣдствія имѣло и принятіе христіанства Франками: коронованіе Лотвига и давленіе духовенства на короля, ясно выразившееся уже въ словахъ Ремигія при крещеніи и подтверждаемое дальнѣйшими событіями, почти непосредственно слѣдовали за подчиненіемъ Лотвига папскому владычеству; изданіе законовъ Салическихъ, хотя и основанныхъ на древнемъ обычномъ правѣ, но мѣстами измѣненныхъ подъ давленіемъ римскимъ, явилось вторымъ слѣдствіемъ крещенія Франковъ.

Впрочемъ крещеніе приняли, согласно хроникамъ, только болѣе 3000 лицъ изъ дружины короля; народъ по прежнему оставался въ язычествѣ. Обращеніе народа шло медленнѣе и прежніе языческіе обычаи и древнее право сохраняли весьма долгое время полную силу.

Первоначально католическіе монахи только записывали на единственно въ то время употребительномъ писменномъ латинскомъ языкѣ древніе законы Франковъ, примѣнявшіеся на ихъ глазахъ, при чемъ нерѣдко вставляли въ текстъ старинныя юридическія выраженія запад. Франковъ; таким являются первые списки Салическаго закона; они никогда не могли служить въ этомъ видѣ руководствомъ для суда, производившагося по прежнему въ народномъ собраніи на искаженномъ нарѣчіи запад. Франковъ. Эти списки, часто невѣрно передававшіе вслѣдствіи неумѣлости ихъ авторовъ мысль обычнаго права, носятъ на себѣ характеръ независимаго, самостоятельнаго, національнаго законодательства, хотя нерѣдко искаженнаго переписчиками; уцѣлѣвшія въ нихъ выраженія нарѣчія запад. Франковъ служатъ яснымъ доказательствомъ продолжающагося значенія народнаго.

Но, съ теченіемъ времени, когда національный языкъ Франковъ, какъ нѣкогда Галловъ, сталъ исчезать изъ употребленія даже въ судебныхъ народныхъ собраніяхъ, когда римская испорченность растлѣвающе подѣйствовала на потомковъ побѣдителей римлянъ, когда измѣна народнымъ преданіямъ упрочила королевскую власть меровинговъ, — національныя выраженія исчезаютъ изъ закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ вскорѣ измѣнился отчасти и характеръ законодательства.

Потомокъ маіордомовъ, предательски похитившихъ престолъ у законныхъ его обладателей, сынъ Пипина, Карлъ Великій, сдѣлалъ новыя значительныя добавленія къ закону Салическому, окончательно исказив-

нія его первоначальный смыслъ. На третій годъ своего царствованія Карлъ В. созвалъ собраніе въ Парижѣ, состоявшее изъ знатнаго духовенства и свиты короля, далеко не походящее впрочемъ на древнія свободныя народныя сходки въ открытомъ полѣ (malbergium), и сдѣлалъ съ согласія всѣхъ присутствовавшихъ различныя добавленія къ Салическому закону, преимущественно заключающіяся въ льготахъ духовенству. Этими прибавками увеличивалось значеніе лицъ духовныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ставилась недосягаемо высоко личность монарха, который уже не былъ какъ прежде только военнымъ предводителемъ, всецѣло зависящимъ отъ воли избравшаго его народа. Король получаетъ часть „widrigildum", въ его рукахъ сосредоточивается уже и власть народнаго суда.

Такимъ образомъ въ „lex a Carolo Magno emendata", которую подписали всѣ бывшіе на указанномъ собраніи въ Парижѣ, мы имѣемъ наиболѣе полную передѣлку этого національнаго закона сообразно съ новыми условіями государственными и религіозными, получившими перевѣсъ въ 8 вѣкѣ.

Но и первоначальные древнѣйшіе списки Салическаго закона безъ сомнѣнія позднѣе эпохи основанія монархіи Франковъ; на это указываетъ между прочимъ весьма развитое въ нихъ понятіе рабства, носящее замѣтный римскій отпечатокъ, указанія на пытку, неизвѣстную Франкамъ, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, какъ она описывается въ латинскихъ варіантахъ, упоминаніе о лицахъ королевской свиты и особенно о неизвѣстной въ простомъ быту древнихъ Франковъ должности королевскаго пажа (puer regis) и нѣкоторыя другія чуждыя суровымъ обычаямъ Франковъ постановленія. Для большаго освѣщенія времени происхожденія позднѣйшихъ латинскихъ редакцій Салическаго закона авторъ разбираемой книги представляетъ живую картину положенія монархіи Франковъ въ періодъ отъ Лотвига до послѣднихъ Меровинговъ и Карла В., на основаніи хроники Григорія Турскаго и нѣкоторыхъ другихъ сказаній очевидцевъ. Ограниченный монахъ, разсматривающій всѣ событія съ своей особенной точки зрѣнія, Григорій Т. весьма наглядно описываетъ нравственное состояніе современнаго общества.

Лотвигъ, принявъ христіанство, остался тѣмъ же грубымъ варваромъ, какимъ и былъ до крещенія; убивъ всѣхъ своихъ родственниковъ для того, чтобы обезпечить свою верховную власть, онъ ведетъ постоянныя войны съ сосѣдними племенами и побѣждаетъ ихъ потому, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ-монахъ, что былъ чистъ сердцемъ передъ Богомъ и дѣлалъ угодное Ему (т. е. истреблялъ еретиковъ и мечемъ распространялъ католическое ученіе).

Поклоненіе святымъ было доведено уже въ VI вѣкѣ до смѣшныхъ крайностей; явились мѣстные отшельники, творившіе чудеса. Одинъ Лонгобардъ Вульфилацій, уподобляясь Симеону столпнику, сдѣлалъ себѣ столбъ, на которомъ и стоялъ до тѣхъ поръ, пока столбъ этотъ не разбили. На ряду съ подобными эксцентричностями въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поклонялись бывшимъ языческимъ идоламъ: въ Трирскомъ округѣ стояла на холмѣ статуя греческой Діаны, которую народъ почиталъ; въ Брегенцѣ близь Боденскаго озера находился еще въ 612 году христіан-

скій храмъ, украшенный внутри языческими идолами; въ другихъ мѣстахъ сохранились вполнѣ всѣ языческія вѣрованія прежняго времени. Между тѣмъ духовная власть надъ христіанскими правителями быстро возрастала. Вліяніе папы на свѣтскія дѣла усиливалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвышалось и значеніе мѣстныхъ епископовъ. Отлученіе отъ церкви сдѣлалось могущественнымъ орудіемъ высшаго духовенства, которое уже осмѣливалось расторгать браки царственныхъ особъ. На ряду съ этимъ подвигалось нравственное растлѣніе германскихъ племенъ, нѣкогда сильныхъ своею неиспорченностью; жестокія постановленія законовъ погибшаго Рима начинаютъ находить сочувствіе и примѣненіе у королей Франковъ. Карлъ В., распространившій свою власть и на предѣлы дотолѣ дѣвственной Германіи, не знавшей до него римской культуры, столь гибельно повліявшей на всѣ вообще германскія племена, является уже вполнѣ монархомъ въ смыслѣ римскихъ императоровъ. Прибавки, сдѣланныя Карломъ къ Салическому закону, носятъ на себѣ вслѣдствіе этого отпечатокъ властолюбія и жестокости, неизвѣстныхъ прежнимъ редакціямъ и противорѣчащихъ самому гордому племенному имени Франковъ.

Выраженіе *Francus* не соотвѣтствуетъ вполнѣ нѣмецкому слову *frei* — свободный, къ которому его обыкновенно приравниваютъ: въ древне-германскомъ нарѣчіи существовало различіе между понятіями *fri* и *franc*, сохранившееся до сихъ поръ въ нарѣчіи Фризовъ; *fri* выражаетъ понятіе свободы объективной, пассивной, въ переводѣ оно имѣетъ значеніе — свободнаго, независимаго въ своихъ дѣйствіяхъ, напротивъ *franc* подразумѣваетъ свободу субъективную, когда лицо не скрываетъ своихъ поступковъ, но смѣло выказываетъ свою свободу предъ лицомъ всѣхъ. Понятіе этой высшей степени свободы являлось характеристическою чертою всѣхъ западно-германскихъ народностей, отчего терминъ, её выражающій и сдѣлался названіемъ одного изъ наиболѣе значительныхъ племенъ ихъ.

Это понятіе свободы, уничтоженной впослѣдствіи давленіемъ церковнымъ и государственнымъ, проявляется какъ во многихъ древнѣйшихъ выраженіяхъ закона Салическаго, такъ и въ общемъ направленіи этого законодательства.

Наиболѣе характеристичнымъ въ этомъ отношеніи является знаменитое, прославившее самый законъ выраженіе *Terra salica*, на основаніи котораго нѣкоторыя новѣйшія законодательства исключаютъ отъ престолонаслѣдія женскую линію. По закону Салическому „terra salica“ переходила по наслѣдству исключительно въ мужскомъ колѣнѣ, что сохранилось еще сравнительно недавно у Фризовъ, гдѣ существовалъ миноратъ. Безъ сомнѣнія это выраженіе обозначаетъ домъ со дворомъ и земельнымъ участкомъ свободнаго Франка. Въ сѣверной Германіи до послѣдняго времени употреблялось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для обозначенія свободныхъ, ни чѣмъ не обремененныхъ имѣній выраженіе *Sahlgüter*. На островѣ Амерумѣ, родинѣ Клемента, угловые камни фундамента дома носятъ названіе *Salstianar* (Salsteine), средина дома въ видѣ свободнаго прохода, соединяющаго входную дверь съ выходомъ въ садъ называется *Madsalam* (Salmitte); обыкновенный черный домашній хлѣбъ въ отличіе отъ бѣлаго называется *Salbroad;* во всѣхъ

этихъ словахъ *a* — долгое въ слогѣ *Sal*. Такимъ образомъ корень *Sal* почти вездѣ имѣетъ значенiе свободнаго, самостоятельнаго, независимаго. Это объясненiе отбрасываетъ всякаго рода гипотезы о мѣстности или рѣкѣ, носящей это названiе, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ смыслу племеннаго названiя Франковъ.

Переводъ Салическаго закона сдѣланъ Клементомъ по тексту, изданному Меркелемъ, такъ что въ этомъ отношенiи всѣ его погрѣшности должны быть отнесены къ изданiю Меркеля. Странно только, что авторъ, повидимому чуждый племенныхъ предразсудковъ, предпочелъ изданiе Меркеля стоящему несравненно выше по точности и отчетливости изданiю Пардессю, имѣющему при томъ и то преимущество, что даетъ возможность сравненiя и провѣрки редакцiй различныхъ фамилiй списковъ; намъ кажется, что отъ этого пренебреженiя къ извѣстному труду французскаго ученаго страдаетъ отчасти и полнота варiацiй латинскаго текста, тѣмъ болѣе что Меркель не обратилъ вниманiя на нѣкоторые списки фамилiй, изданныхъ Пардессю.

Предлагаемый переводъ сдѣланъ хорошимъ нѣмецкимъ языкомъ и имѣетъ вполнѣ научный характеръ: каждое слово поставлено обдуманно для того, чтобы лучше выяснить извѣстное выраженiе закона. Но, несмотря на все значенiе перевода, онъ особенно важенъ для начинающихъ изученiе, не-успѣвшихъ освоиться съ латынью того времени, наиболѣе же драгоцѣнны примѣчанiя, дѣлаемыя авторомъ къ каждой главѣ закона. Трудныя для объясненiя мальбергскiя глоссы разбираются при этомъ болѣе или менѣе подробно главнымъ образомъ по сравненiю ихъ съ древнимъ и новымъ нарѣчiемъ фрисландскимъ, дающимъ автору обильный матерiалъ для филологическихъ сравненiй. Этимъ же способомъ онъ объясняетъ значенiе и происхожденiе нѣкоторыхъ словъ латинскихъ, корень которыхъ заимствованъ изъ древне-германскаго нарѣчiя. Весьма интересенъ подробный дѣлаемый Клементомъ разборъ нѣкоторыхъ словъ Салическаго закона, получившихъ значенiе техническихъ терминовъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ выраженiй, наиболѣе возбуждающихъ затрудненiе при изученiи законовъ Салическихъ Франковъ.

Въ этихъ законахъ принята система композицiи, т. е. денежныхъ взысканiй за преступленiя разнаго рода. При этомъ постоянно встрѣчаются выраженiя *fredus*, *faida*, *capitale et delatura*. Изъ этихъ терминовъ особенно трудно объясненiе послѣдняго выраженiя; *capitale*, означающее стоимость вещи, утраченной законнымъ владѣльцемъ вслѣдствiе преступленiя, вполнѣ ясно; не такъ *delatura* (или *dilatura*), стоящее обыкновенно рядомъ, которое возбуждаетъ особенное затрудненiе для своего истолкованiя въ виду его различнаго правописанiя: въ нѣкоторыхъ спискахъ она пишется какъ *dilatura*, отчего многiе изслѣдователи и производили ее отъ латинскаго *dilatio* отъ глагола *differre* — отлагать, тянуть время; Клементъ, рѣзко опровергая это толкованiе, котораго держится и Яковъ Гриммъ, переводитъ *delatura* — судебныя издержки, при чемъ производитъ ее отъ латинскаго *delatio* — обвиненiе, доносъ, и признаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *delatura* совпадала съ *fredus*. Впрочемъ мысль Клемента о производствѣ *delatura* отъ

delatio — мысль не новая и была уже высказана раньше нѣкоторыми изслѣдователями Салическаго закона.

Значительный интересъ возбуждаетъ толкованіе стариннаго обычая Франковъ бросанія *chrene-cruda* или *theune-truda* по другимъ редакціямъ. Самъ издатель труда Клемента, Цепфль въ дѣлаемомъ къ этому сочиненію предисловіи становится по этому вопросу на сторону его противниковъ.

Обычай этотъ описанъ настолько подробно, что не можетъ оставлять сомнѣнія въ его обрядности, но важное разнорѣчіе возбуждаетъ правописаніе и филологическое объясненіе самаго слова chrene-cruda. По древнимъ обычаямъ Франковъ несостоятельный преступникъ, не могущій уплатить слѣдующей съ него композиціи, подлежалъ во многихъ случаяхъ (при убійствѣ) смертной казни — de vita componat, но могъ избавиться отъ угрожающаго наказанія, перенеся свой долгъ по композиціи на одного изъ ближайшихъ своихъ болѣе состоятельныхъ родственниковъ; самый обрядъ перенесенія долга на родственника состоялъ въ томъ, что преступникъ, распоясанный, босоногій, въ рубашкѣ, съ палкою въ рукахъ бралъ лѣвой рукой изъ четырехъ угловъ своей хижины горсть земли и перебрасывалъ черезъ голову ближайшаго своего родственника, на котораго и переходилъ тогда его долгъ, и самъ перескакивалъ черезъ заборъ своего дома.

Обрядъ этотъ называется, какъ показано въ заглавіи главы, его разбирающей, — *chrenecruda*. Клементъ принимаетъ правописаніе этого слова, какъ heune-cruda и, объясняя первое слово heune — мертвый, — truda (англ. to throw—бросать), переводитъ все выраженіе, какъ *Todtenwurf*. При этомъ онъ указываетъ на сродство слова *heune* съ древнефрисландскимъ *Hen*, *Henne* — мертвый, отчего происходитъ Henne-klead (саванъ), въ Вестфаліи *Heune-Kleid;* въ Шварцвальдѣ до сихъ поръ знаютъ *Hennenweg* (дорога мертвыхъ) и Hünengrab (языческій погребальный холмъ).

Клементъ прибавляетъ къ этому весьма любопытное указаніе на сохранившійся до послѣдняго времени въ Сѣв. Англіи древній обычай бросанія чулка лѣвой рукой (throwing the stocking). Клементъ весьма сильно ратуетъ противъ объясненія, дѣлаемаго Гриммомъ и приводимаго у Пардессю, chrene-grünes, cruda-kraut—зеленая трава, но не обращаетъ вниманія, что ему ставитъ въ упрекъ и издатель труда его Цёпфль на видоизмѣненное впослѣдствіи самимъ Гриммомъ толкованіе этого слова, отчасти сходное съ объясненіемъ самого Клемента, при которомъ выраженіе *chreo* переводится — „трупъ“, а *cruda*, какъ латинское *pulvis*,—пыль, прахъ. Это толкованіе можетъ быть даже ближе подходитъ къ истинѣ, чѣмъ предлагаемое Клементомъ: въ германскихъ актахъ еще въ XIII вѣкѣ выраженіе „мертвое тѣло“ (Todleib или Todleibe) употреблялось въ смыслѣ наслѣдства; при такомъ значеніи этого выраженія самый актъ бросанія праха своихъ предковъ получаетъ особое символическое значеніе передачи наслѣдства, вполнѣ согласное и съ внутреннимъ смысломъ всей статьи.

Мы привели эти немногія выдержки изъ сочиненія покойнаго профессора Клемента съ цѣлью указать на общее направленіе всего труда.

Трудъ этотъ является драгоцѣннымъ вкладомъ не только по отношенію къ объясненію Салическаго закона, изученіе котораго немыслимо безъ основательнаго знакомства какъ съ этимъ трудомъ, такъ и съ почтеннымъ изданіемъ Пардессю. Сравнивая оба эти труда, мы находимъ, что они взаимно дополняютъ другъ друга.

Замѣчательный трудъ Пардессю навсегда установилъ, какъ то признаютъ и нѣмецкіе изслѣдователи (Lex Salica, herausgegeben v. Merkel. Einleitung, S. XCVIII), опредѣленный взглядъ на извѣстныя редакціи закона Салическаго; переводъ же и объясненія Клемента, пѣшкомъ исходившаго многія мѣстности Франціи, имѣющія отношеніе къ Салическому закону, значительно способствуютъ правильному пониманію многихъ тёмныхъ мѣстъ этого закона, а его историческія замѣчанія проливаютъ значительный свѣтъ на исторію возникновенія Салическаго закона.

Изданіе упомянутаго изслѣдованія Клемента является лучшимъ ученымъ памятникомъ, который могла воздвигнуть памяти покойнаго германскаго лингвиста - историка дружеская рука знаменитаго Цёпфля.

С. Ведровъ.

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

и

ГОСУДАРСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1877 Г.

Международное право. — Военная организація. — Государственная служба вообще.—Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Народное образованіе. — Мѣстное управленіе.

Нижеслѣдующее обозрѣніе не можетъ не быть чрезвычайно краткимъ: обнимаемая имъ вторая половина 1877 г. вся принадлежитъ войнѣ нашей съ Турціей, остановившей всякое движеніе законодательныхъ работъ. Не могло быть издано въ эту эпоху и постановленій, прежде выработанныхъ, такъ какъ и въ предшествовавшее время правительство было исключительно озабочено приготовленіями къ войнѣ. О результатахъ войны, хотя и окончившейся, мы считаемъ излишнимъ говорить, пока Санъ-Стефанскій трактатъ нашъ съ Турціей не признанъ окончательнымъ мирнымъ договоромъ и о приведеніи его въ исполненіе возникла дипломатическая переписка, могущая привести къ новой войнѣ...

По *международному праву* ратификована 8 іюня 1877 г. конвенція между Россіей и Испаніей о взаимной выдачѣ преступниковъ.

Въ числѣ распоряженій *по военной части*, имѣющихъ общее значеніе, должно упомянуть объ изданномъ временномъ положеніи о военно-плѣнныхъ (Выс. утв. 2 іюля 1877 г.). Въ основаніе этого положенія приняты всѣ общепризнанныя начала международнаго права и въ немъ соблюдены до послѣдней возможности правила человѣколюбія, столь трудно исполнимыя въ отношеніи къ такимъ военно-плѣннымъ, какъ азіятцы. Опытъ нынѣшней войны долженъ показать, въ какой степени упомянутое положеніе можетъ быть сохранено на будущее время, въ примѣненіи къ военно-плѣннымъ изъ азіятскихъ племенъ.

Изданы временныя правила о пособіяхъ отъ земства и городскихъ и сельскихъ обществъ въ пользу нуждающихся въ призрѣніи семействъ чиновъ запаса и ратниковъ государственнаго ополченія, призываемыхъ на службу (Выс. утв. 25 іюня 1877 г. М.

Г. С.). При этомъ должно упомянуть и о попечительствѣ для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ, Высочайше учрежденномъ, подъ покровительствомъ Государыни Императрицы (Выс. утв. 9 іюля 1877 г.- М. Г. С.).

Относительно правъ по *государственной гражданской службѣ* сдѣлано распоряженіе, чтобы чины запаса и ратники государственнаго ополченія, призванные на дѣйствительную военную службу съ гражданской, сохранили за собою, во время состоянія, въ войскахъ и ополченіи, свои должности и всѣ безъ изъятія связанныя съ ними права (въ томъ числѣ и содержаніе) и преимущества (Выс. утв. 19 ноября 1877 г. М. Г. С.).

По *государственному хозяйству* приняты слѣдующія мѣры. Для скорѣйшаго окончанія генеральнаго межеванья въ Пермской губерніи учреждена въ г. Перми Временная Межевая Коммиссія (Выс. утв. 19 іюня 1877 г. М. Г. С.). Дѣйствія общихъ началъ поземельнаго устройства крестьянскаго народонаселенія (и именно положеніе 14 мая 1870 г. о государственныхъ поселянахъ закавказскихъ губерній) распространены на государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ, не принадлежащихъ къ высшему мусульманскому сословію въ Эриванской губерніи и въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи (Выс. утв. Пол. соедин. присут. Главн. Ком. и Кавказск. Ком.).

По поземельному устройству крестьянскаго народонаселенія, вышедшаго изъ крѣпостной зависимости, сдѣлано распоряженіе о примѣненіи къ крестьянамъ - собственникамъ, выкупающимъ свои участки подворно (ст. 130 Пол. о вык.) и несостоятельныхъ, по какимъ либо несчастнымъ случаямъ, ко взносу выкупныхъ платежей, тѣхъ же облегченій и льготъ, какими пользуются въ этихъ случаяхъ цѣлыя сельскія общества (Выс. утв. Пол. Главн. Ком.).

Къ *полиціи* относятся слѣдующія распоряженія. Для «пресѣченія усилившихся въ послѣднее время въ трактирныхъ заведеніяхъ безпорядковъ и разгула», Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ предсѣдателемъ комитета министровъ, постановлено прекращеніе торговли въ этихъ заведеніяхъ, въ столицахъ и губернскихъ городахъ въ полночь, въ прочихъ мѣстностяхъ—въ 11 часовъ пополудни, и воспрещены въ нихъ музыка, пѣніе, танцы и

представленія (за исключеніемъ особыхъ изъятій, разрѣшаемыхъ высшимъ полицейскимъ начальствомъ).

Изданы новыя правила о порядкѣ призыва войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ въ охраненіи общественнаго порядка и внутренней безопасности (Выс. утв. 3 октября 1877 г. М. Г. С.).

Важнѣйшею законодательною мѣрою по *судебной части* было распоряженіе о введеніи въ девяти западныхъ губерніяхъ (въ сроки, которые будутъ опредѣлены въ особомъ постановленіи) судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., въ полномъ ихъ объемѣ (Выс. утв. 19 іюня 1877 г. М. Г. С.). Затѣмъ заслуживаютъ наибольшаго вниманія *усиленіе штата кассаціонныхъ департаментовъ* Правительствующаго Сената и нѣкоторыя перемѣны въ порядкѣ ихъ дѣлопроизводства (Выс. утв. 10 іюня 1877 г. М. Г. С.). Эта мѣра была принята вслѣдствіе чрезвычайнаго накопленія нерѣшенныхъ дѣлъ въ высшей судебной инстанціи; это накопленіе, постоянно возраставшее, не только замедляло дѣйствія судебной власти по всѣмъ инстанціямъ, въ противность духу нашихъ новыхъ судебныхъ уставовъ, но и ослабляло значеніе кассаціонной власти, какъ руководящей и регулирующей силы во всей судебной организаціи государства. Для устраненія этого существеннаго зла въ дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій было предлагаемо много различныхъ способовъ, долженствовавшихъ внести болѣе или менѣе коренныя перемѣны въ дѣйствующее судоустройство и судопроизводство; правительство остановилось пока на упомянутой мѣрѣ, которая нѣсколько ускоряетъ и облегчаетъ дѣлопроизводство въ Кассаціонныхъ Департаментахъ Сената и увеличиваетъ его личный составъ, не измѣняя общихъ началъ кассаціонной инстанціи и ея отношеній къ прочимъ судебнымъ учрежденіямъ. Этой мѣрѣ приданъ характеръ временной (новый штатъ Сената названъ *временнымъ*) и опытъ долженъ показать, въ какой степени она способна уменьшить зло. На сколько извѣстно, накопленіе нерѣшенныхъ дѣлъ въ Кассаціонныхъ Департаментахъ такъ велико и личныя его силы такъ мало облегчены даже и новыми правилами дѣлопроизводства, что вопросъ объ устройствѣ и отправленіяхъ нашей высшей кассаціонной власти потребуетъ, вѣроятно, не въ далекомъ будущемъ, новыхъ мѣропріятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена въ Сенатѣ новая инстанція: *соединенное присутствіе* четырехъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ и двухъ сенаторовъ перваго Департамента, подъ предсѣдательствомъ перво-

присутствующаго общаго собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ. Этому Соединенному Присутствію подлежатъ: 1) дѣла по надзору за судебными установленіями и должностными лицами; 2) преданіе суду должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, которые предаются суду гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ; 3) дѣла по просьбамъ о вознагражденіи за убытки, вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій судебныхъ чиновъ; 4) представленія и просьбы о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ; 5) просьбы объ устраненіи судей; 6) перенесеніе дѣлъ изъ одного судебнаго округа въ другой.

Усилены штаты Казанскаго и Екатеринбургскаго окружныхъ судовъ (Выс. утв 5 ноября 1877 г. М. Г. С.); усилены также штаты судебныхъ установленій Варшавскаго округа (Выс. утв. 19 ноября 1877 г. М. Г. С.).

Въ кругу нашего *народнаго образованія* и казенныхъ учебныхъ заведеній послѣдовали слѣдующія перемѣны. Закрытъ сельско-хозяйственный отдѣлъ С.-Петербургскаго земледѣльческаго института (вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ), съ тѣмъ, что онъ «временно переименовывается въ С.-Петербургскій лѣсной институтъ, впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ новаго устава и штата сего заведенія» (Выс. утв. 5 ноября 1877 г. Пол. Ком. Мин.). Нужно припомнить, что это учебное заведеніе неоднократно преобразовывалось въ послѣдніе годы и теперь, какъ видно, оно снова возвращается къ своей первоначальной задачѣ—образованію техниковъ по лѣсной части. Рижское екатерининское уѣздное училище преобразовано въ 4-хъ классное городское (Выс. утв. 5 ноября 1877 г. М. Г. С.).

По мѣстному управленію, на губерніи Астраханскую, Оренбургскую и Уфимскую распространено, съ нѣкоторыми отступленіями, Положеніе 27 іюня 1874 г. о новомъ устройствѣ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и съ тѣмъ вмѣстѣ упразднены въ этихъ губерніяхъ должности мировыхъ посредниковъ (Выс. утв. 6 іюня 1877 г. М. Г. С.).

Извѣстная иностранная колонія въ Саратовской губерніи, офиціально именующаяся «евангелической братской общиной селенія Сарепты», введена въ общій строй государственнаго управленія. Члены этого братства введены въ составъ сельскихъ обывателей (какъ крестьяне-собственники) и подчинены (какъ отдѣльная волость) вѣдѣнію общихъ губернскихъ, уѣздныхъ и крестьянскихъ учрежденій (Выс. утв. 6 іюня 1877 г. М. Г. С.).

Согласно общему плану сокращенія штатовъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, завѣдываніе государственными имуществами Калужской и Тульской губерній соединено въ одно управленіе (въ Тулѣ) подъ наименованіемъ «Тульско-Калужскаго Управленія Г. И.» (Выс. пов. 21 сентября 1877 г.). Попечителямъ и почетнымъ блюстителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ, избираемыхъ изъ крестьянъ, предоставлены преимущества, которыми пользуются должностныя лица волостнаго и сельскаго управленія, на основаніи 1 и 2 п. 124 ст. Общ. Пол. о крест. вышед. изъ крѣп. зав. (Выс. утв. 22 окт. 1877 г. М. Г. С.).

СОДЕРЖАНІЕ
ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ
СБОРНИКА
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей **В. П. Безобразова**,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВІИ

ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: И. Е. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законовѣдѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ѳ. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

ТОМЪ I. — СОДЕРЖАНІЕ: Законъ и административное распоряженіе по русскому праву, *А. Д. Градовскаго.* — Эмиграція, *кн. А. И. Васильчикова.* — Банковые законы и банковая политика, *Н. Х. Бунге.* — Русская карательная система, *И. Я. Фойницкаго.* — Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, статья первая, *Ю. Э. Янсона.* — Замѣтка о сокращенныхъ срокахъ воинской повинности и обязательномъ обученіи, *Г. С. Сидоренки.* — Брюссельская международная конференція 1874 г., *Ѳ. Ѳ. Мартенса.* — Русская политика въ отношеніи къ Средней-Азіи. Историческій очеркъ *В. В. Григорьева.* — Новѣйшія попытки къ лучшему устроенію призрѣнія бѣдныхъ, *И. Е. Андреевскаго.* — Привилегіи на изобрѣтенія, *В. И. Вешнякова.* **Критика и библіографія.** Русская литература. **Церковь.** Православная церковь въ Буковинѣ, соч. Влад. Мордвинова. — *М. Н. Горчакова.* **Государственное право (теорія).** Исторія политическихъ ученій, соч. Б. Чичерина. — *Г.* — **Государственное управленіе.** Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка, соч. М. Владимірскаго-Буданова. Ч. I-я. — *И. Андреевскій.* — **Международное право.** Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, соч. Ф. Мартенса, т. I-й. — *М.* — **Военныя науки.** Всеобщая военная исторія, князя Н. С. Голицына. — *Г. Леера.* Франко-нѣмецкая война 1870 — 1871 г.; перев. съ нѣмецк. А. Риттера и И. Маслова. — *Г. Леера.* **Исторія.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Сергѣя Соловьева, т. XXIII. — *К. Бестужевъ-Рюминъ.* — **Статистика.** Памятныя книжки. — *ъ.* — Историко-статистическое описаніе Черниговской эпархіи, книги 5 и 6. — *ъ.* Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи, составленъ полковникомъ Ильинымъ. — *ъ.* Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ по 1-е января 1874 г., изд. 3-е, гр. А. В. Соллогуба. — *ъ.* — Западный районъ экспедиціи по изученію хлѣбной торговли и производительности Россіи, соч. М. Раевскаго, ч. 1-я. — *ъ.* — Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Вып. III. — *ъ* — **Гражданское право.** Объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ предпринимателей и ихъ агентовъ за причиненіе эксплуатаціею вреда лицамъ и имуществу, соч. П. Деларова. — *И. Кауфмана.* — **Государственное и народное хозяйство.** Реформа нашей кредитной системы, соч. А. Шипова. — *И. Кауфмана.* **Иностран-**

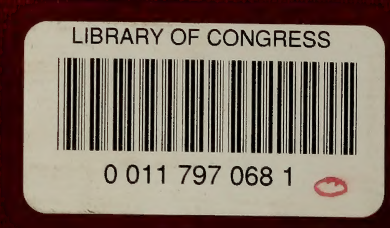
ная литература. **Церковь**. Матеріалы для исторіи и статистики церкви и школы въ евангелическо-лютеранскихъ общинахъ Финляндіи, К. Г. фонъ-Буша. — *М. И. Горчакова.* — Избраніе Папы и Имперія, соч. Лоренца. — *М. И. Горчакова.* — **Международное право**. Примѣчанія о трактатахъ Соединенныхъ Штатовъ съ другими державами. — Бумаги, относящіяся къ Вашингтонскому трактату. Женевскій арбитражъ. — Женевская конвенція во время франко-германской войны, соч. Муанье. — Отчеты интернаціональнаго комитета о раненыхъ. — Первыя десять лѣтъ краснаго креста, соч. Муанье. — **Государственное управленіе**. Исторія городскаго устройства въ Германіи, Маурера. — Происхожденіе германскаго городскаго устройства А. Гейслера. — Лекціи административнаго права Кабанту, изданіе пересмотрѣнное и пополненное, Ж. Ліежоа. — Учебникъ нѣмецкаго административнаго права, соч. Рösслера. I томъ, 2 отдѣлъ. — Право экспропріаціи, Грюнгута. — Колонизація у современныхъ народовъ, г. Леруа-Больё. — **Государственное и народное хозяйство**. Современная германская пресса рабочихъ, профессора А. Гельда. — **Гражданское право**. Прусскіе гипотечные законы 5 мая 1872 г. со введеніемъ и примѣчаніями Вернера. — Артельное законодательство въ Германіи, Д. Германа Зихерера. — Политика гражданскихъ законовъ или наука сравнительнаго законодательства, бар. Ф. де-Порталя. **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за первую половину 1874 г.). Уставъ о воинской повинности. Прочія постановленія по военной части. — Международныя конвенціи. — Высшія государственныя учрежденія. — Государственная служба. — Сословныя права. — Управленіе: общая организація. — Финансы, бюджетъ на 1874 г., гербовый уставъ. — Государственныя имущества. — Государственное хозяйство; желѣзныя дороги. — Акціонерныя компаніи. — Благотворительность и призрѣніе. — Полиція. — Судебная часть; новыя правила о повѣренныхъ. — Народное образованіе, начальныя училища. **Цѣна 3 руб.**

ТОМЪ II. — СОДЕРЖАНІЕ: Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ, *В. И. Сергѣевича.* — Акціонерныя общества, *Ѳ. Г. Тернера.* — Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, *Ю. Э. Янсона.* — Земскія повинности и мѣстные налоги, *В. А. Лебедева.* — Земледѣльческіе отхожіе промыслы, въ связи съ переселеніемъ крестьянъ (съ картою), *В. И. Чаславскаго.* — Международное вмѣшательство, *М. Н. Капустина.* — Научная постановка церковно-суднаго права, *М. И. Горчакова.* — Значеніе подготовки къ войнѣ вообще и подготовительныхъ стратегическихъ операцій въ особенности, *Г. А. Леера.* — Моменты исторіи законодательства печати, *И. Я. Фойницкаго.* — Замѣтка по поводу акціонернаго законодательства, *Д. П. Скуратова.* **Критика и библіографія. Русская литература. Церковь.** Мнѣнія духовныхъ консисторій относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — *М. И. Горчакова.* — Мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — *М. И. Горчакова.* — Исторія русской церкви, соч. архіепископа Макарія. — *М. И. Горчакова.* — Общіе способы призрѣнія священно-церковно-служителей и ихъ семействъ, протоіерея Чижевскаго. — *М. И. Горчакова.* — О церковномъ хозяйствѣ, протоіерея Чижевскаго. — *М. И. Горчакова.* — Судьбы уніи въ русской Холмской епархіи, соч. Нила Попова. — *М. И. Горчакова.* **Государственное право (исторія)**. Древніе города Россіи, соч. Д. Я. Самоквасова. — *Ѳ. И. Леонтовича.* **Государственное управленіе**. Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву, соч. И. Тарасова. — *И. Е. Андреевскаго.* — Очеркъ основъ санитарной дѣятельности, соч. А. Доброславина. — *Г. И. Архангельскаго.* **Международное право**. Начало невмѣшательства. — *Гр. Л. Комаровскаго.* — Начало невмѣшательства, соч. гр. Л. Камаровскаго. — *Ф. Ф. Мартенса.* — Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи, соч. Иванова. — *Ф. Мартенса.* — Международное право, соч. М. Н. Капустина. — *Ф. Мартенса.* **Исторія**. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, соч. Д. П. Голохвастова и архимандрита Леонидова. — *Е. Е. Замысловскаго.* — Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи: Записки фельдмаршала графа Миниха, С. Н. Шубинскаго. — *А. Брикнера.* —

Древности права балтійскихъ славянъ, соч. А. Котляревскаго, ч. I. — *В. С. Иконникова.* — Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, вып. 1. — *Я. К. Грота.* — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева, т. XXIV. — *К. Н. Бестужева-Рюмина.* **Статистика.** Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, изд. Мин. Юст. — *z.* — Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи, сост. Д. Ливрономъ. — *z.* — Холерныя эпидеміи въ Европейской Россіи въ 50-лѣтній періодъ 1823 — 1872 г., соч. Архангельскаго. — *z.* Курсъ статистики, соч. Н. Карасевича. — *z.* **Финансы.** Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ: Акцизъ. Соч. И. Янжуля. — *Л.* **Иностранная литература. Церковь.** Письмо къ проф. Трейтшке по поводу нѣкоторыхъ его сужденій о русской православной церкви, соч. Н. Н. *М. И. Горчакова.* — **Государственное управленіе.** Ученіе о военномъ дѣлѣ, какъ часть государствовѣдѣнія. Лоренца Штейна. — *Г. С.* **Исторія.** Орденъ іезуитовъ, его организація, ученія, дѣятельность и исторія, соч. Губера. Іезуиты, соч. Губера, переводъ А. Маршанда. — *В. Бауера.* **Статистика.** Столица Берлинъ; результаты исчисленія и описанія его народонаселенія; соч. д-ра Швабе. — *z.* **Государственное и народное хозяйство.** Исторія политической экономіи въ Германіи, Вильгельма Рошера. — *К.* **Финансы.** Руководство къ финансовой наукѣ, Лоренца Штейна. — *К.* **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за вторую половину 1874 г.). Брюссельская международная конференція для установленія правилъ и обычаевъ войны. — Текущее международное право. — Войско и военная организація. — Государственная служба вообще. — Финансы. — Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Народное образованіе. — Мѣстное управленіе; преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. — Гражданское право; раскольничьи браки.

ТОМЪ III. — СОДЕРЖАНІЕ: Свобода совѣсти и отношенія Государства къ Церкви, *Ѳ. Г. Тернера.* — Поступательное движеніе Россіи въ средней Азіи, *М. И. Венюкова.* — Республика или монархія установится во Франціи? *В. И. Герье.* — Ансильонъ и Кругъ, *В. Н. Чечерина.* — Національный вопросъ, *А. Д. Градовскаго.* — **Критика и библіографія. Русская Литература. Государственное право (теорія).** Русское государственное право, Т. I. — И. Андреевскаго. — Пособіе къ изученію русскаго государственнаго права. — А. Романовича-Славатинскаго. — Начала русскаго государственнаго права. Т. I. — А. Градовскаго. — *Н. М. Коркунова.* — **Государственное право (исторія).** Древніе города Россіи. — *Д. Я. Самоквасова.* — Возраженіе г. Самоквасову. *Ѳ. И. Леонтовича.* — **Исторія права.** Исторія Кодификаціи гражданскаго права. — С. В. Пахмана. — *Н. В. Калачова.* — Сочиненіе Н. Д. Иванишева. — *И. Е. Андреевскаго.* — Обычное право, выпускъ первый. — Е. Якушкина. — *П. А. Матвѣева.* — Значеніе общенароднаго гражданскаго права. — Боголѣпова. — *П. Л. Карасевича.* — **Исторія.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXV. — С. Соловьева. — *К. Н. Бестужева-Рюмина.* — **Гражданское право.** Законы о ипотекахъ, дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ. — К. Юзефовича. — *Ф. И. Шмигельскаго.* — **Государственное и народное хозяйство.** Обзоръ развитія главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли въ Россіи. — Д. А. Тимирязева. — *А. Я. Шмидта.* **Иностранная Литература. Международное право.** Институты практическаго международнаго права въ мирное время. — А. Гартмана. — *Ѳ. Эйхельмана.* Практика, теорія и кодефикація международнаго права. — Бульмеринга. — *Ѳ. Эйхельмана.* Ежегодникъ Института Международнаго Права. — *Гр. Л. Комаровскаго.* **Исторія.** Территоріальное расширеніе Россіи. — Д. Макензи-Уолласа. — *М. Капустина.* Исторія Россіи и европейской политики 1814 до 1831 г. — Бернгарди. — *А. Г. Брикнера.* Изслѣдованія политическихъ явленій древней и новой исторіи и вліяніе состоянія войны и мира. — Дево. — *П. Л. Карасевича.* Исторія государственныхъ учрежденій древней Франціи, часть первая. — Фюстель-де-Куланжа. — *П. Л. Карасевича.* **Статистика.** 1) Свѣдѣнія о числѣ родившихся и умершихъ въ Лифляндской губерніи 1863 — 1872 г.; 2) Матеріалы для статистики Лифляндской губерніи. — В. Андерса. — *А. Я. Шмидта.* **Народное хозяйство.** Матеріализмъ и Славянство. — Д-ра Осипа Сернеца. — *И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.* **Фи-**

Цѣна 3 руб.

LIBRARY OF CONGRESS
0 011 797 068 1